

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
КРЫМСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО
УНИВЕРСИТЕТА им. В. И. ВЕРНАДСКОГО.
ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научный журнал

Том 6 (72). №3

Журнал «Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки» является историческим правопреемником журнала «Ученые записки Таврического университета», который издается с 1918 г.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского
Симферополь, 2020

Свидетельство о регистрации – серия ПИ №ФС77-61832 от 18 мая 2015 года.
Выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций

**Печатается по решению Научно-технического совета Крымского федерального университета
им. В. И. Вернадского, протокол №4 от 30 ноября 2020 г.**

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание научной степени доктор наук, специальности: 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве, 12.00.02 – Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право, 12.00.03 – Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право, 12.00.05 – Трудовое право; право социального обеспечения, 12.00.06 – Земельное право; природоресурсное право; экологическое право; аграрное право, 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право, 12.00.09 – Уголовный процесс, 12.00.10 – Международное право; Европейское право, 12.00.11 – Судебная деятельность, прокурорская деятельность, правозащитная и правоохранительная деятельность, 12.00.14 – Административное право; административный процесс, 12.00.15 – Гражданский процесс; арбитражный процесс, а также в систему «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ)

**Редакционный совет журнала
«Ученые записки Крымского федерального университета
имени В. И. Вернадского. Юридические науки»:**

Ротань Владимир Гаврилович, д. ю. н., проф. (главный редактор)
Змерзлый Борис Владимирович, д. ю. н., д. и. н., проф. (выпускающий редактор)
Басов Андрей Витальевич, д. ю. н., проф.
Биляев Владимир Александрович, д. ю. н., доц.
Вишневецкий Кирилл Валерьевич, д. ю. н., проф.
Гармаев Юрий Петрович, д. ю. н., проф.
Игнатов Александр Николаевич, д. ю. н., проф.
Камышанский Владимир Павлович, д. ю. н., проф.
Кашкаров Алексей Александрович, к. ю. н., доц.
Коваль Владимир Николаевич, д. и. н., проф.
Кодан Сергей Владимирович, д. ю. н., проф.
Коноплев Вячеслав Вячеславович, д. ю. н., проф.
Корнев Аркадий Владимирович, д. ю. н., проф.
Ольков Сергей Геннадьевич, д. ю. н., проф.
Рассказов Леонид Павлович, д. ю. н., д. и. н., проф.
Тонков Евгений Евгеньевич, д. ю. н., проф.
Трофимов Сергей Анатольевич, д. ю. н., проф.
Холопова Елена Николаевна, д. ю. н., проф.
Чеботарева Галина Валентиновна, д. ю. н., проф.
Бугаев Валерий Александрович, к. ю. н., доц.
Донская Людмила Дмитриевна, к. ю. н., доц.
Елькин Сергей Владимирович, к. ю. н., доц.
Михайлов Михаил Анатольевич, к. ю. н., доц.
Таран Павел Евгеньевич, к. ю. н., к. ф. н., доц.
Шармоянц Артур Норайрович, к. ю. н., доц.

Подписано в печать . Формат 70x100 1/16
33,96 усл. п. л. Тираж экз. Заказ №
Дата выхода в свет
Отпечатано в Издательском доме
ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»
295051, Симферополь, бул. Ленина, 5/7
<http://sn-law.cfuv.ru>

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА; ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ

УДК 342

DOI: 10.37279/2413-1733-2020-6-3-3-8

РАЗМЫШЛЕНИЯ ОБ ИСТОЧНИКЕ ВЛАСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ¹

Васильев С. А.

Севастопольский государственный университет

Согласно ст. 3 Конституции Российской Федерации единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ. Однако, если разобраться со смыслом слова «источник», то выходит, что на практике ситуация несколько иная. Власть как таковая, а тем более властные решения гораздо чаще исходят от совершенно других субъектов. Народ представляет собой некую довлеющую силу, невербально воздействующую на лиц, принимающих ключевые решения в обществе. Вместе с тем последним сложно выйти на прямой диалог с многонациональным народом, поэтому конституционный источник нередко уступает свой статус «quo». Данная работа посвящена осмыслению данного тезиса с использованием теории соотношения субъектов права для получения объективных выводов, построенных на нормативном правовом регулировании и литературных источниках.

Ключевые слова: народовластие; народ; многонациональный (словосочетаний до 3-х слов) отдельно на русском и английском языках. народ; выборы; референдум; система власти; источник власти; государство; теория соотношений; конституционно-правовые отношения; граждане; власть народа.

В современной научной литературе конституционного права не утихают споры относительно того, что представляет собой такой субъект как народ или многонациональный народ Российской Федерации [2].

Л.А. Нудненко считает, что народ как субъект конституционно-правовых отношений проявляет себя в случае проведения референдума или выборов на федеральном уровне [12, с. 25].

С.А. Авакьян, рассматривая данного субъекта с позитивистской точки зрения, настаивает на том, что именовать его необходимо именно «народ (или многонациональный народ) Российской Федерации», дабы избежать путаницы в использовании терминологии. Народ, по мнению ученого, постоянно выступает в качестве субъекта конституционно-правовых отношений, т.к. фактически

¹ Настоящая работа подготовлена в рамках реализации гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых – кандидатов наук – на тему: «Парадигма непосредственного народовластия в российском конституционализме» (номер гранта – МК-3872.2019.6).

обеспечивает правовое состояние властвования; также имеет место и другое правовое состояние, в рамках которого народ является основой государства, последнее же служит народу; участвует в правоотношениях в случае принятия конституции государства [1, с. 41]. Относительно выражения конституционно-правовых отношений народа и государства в форме конституционно-правового состояния одним из первых высказывался В.С. Основин [13, с. 22].

Существуют и другие позиции относительно характеристики данного субъекта конституционно-правовых отношений. Так, Ю.Л. Ткаченко считает понятие «народ» безстатусным и неюридическим термином, т.к. правами и обязанностями обладают только граждане [15, с. 589]. Т.А. Дураев и Н.В. Тюменева, выделяя национально-территориальный критерий, разграничивают понимание «народа» в широком и узком смыслах. При этом в широком – это все граждане соответствующего государства, а в узком – только те жители территории, которые объединены по национальному признаку и обладают общими традициями [4, с. 571]. Таким образом, отдельно взятый гражданин может рассматриваться как неотъемлемая часть народа. Если он не голосовал за конкретную кандидатуру на выборах – это не означает того, что выбор большинства народа должен быть признан недействительным.

Один гражданин, фактически являясь частью народа, принимает участие в любой из форм непосредственной демократии, но вместе с тем и испытывает на себе все последствия общей воли. Отсюда следует, что его воля, условно говоря, тождественна воле всего народа [8, с. 104]. В данном случае можно констатировать постоянное опосредованное воздействие одним субъектом на другого в большей степени непреднамеренно. Вряд ли каждый избиратель, приходя на избирательный участок, в полном объеме чувствует себя элементом многонационального народа Российской Федерации.

Согласно Преамбуле Конституции Российской Федерации многонациональный народ государства принял акт высшей юридической силы, которым определил поведение ключевых органов государственной власти и местного самоуправления, установил также порядок вступления в конституционно-правовые отношения между самыми различными субъектами. Так, с чисто формальной точки зрения, именно многонациональный народ Российской Федерации установил, срок президентских полномочий, хотя последняя редакция была принята и действует без учета мнения многонационального народа Российской Федерации.

Необходимо отметить, что функция Преамбулы Конституции в большей степени учредительная. Исходя из того, что не существует ни единого документа, которым бы акт высшей юридической силы вводился бы в действие, сам факт провозглашения от имени многонационального народа России является учредительным актом [7, с. 8]. На этом этапе функции и полномочия данного субъекта правоотношений закончились и остальную профессиональную трансформацию текста Конституции правомочны проводить государственные органы, в формировании которых народ также принимает непосредственное участие.

Таким образом, народ формирует органы государственной власти, которые координируют деятельность граждан посредством нормативного правового регулирования и правоприменительной практики. Граждане в свою очередь имеют

возможность принимать участие в управлении делами государства, но в строго определенных законом рамках и на определенных условиях. И если для всех очевидно, кто фактически осуществляет власть в России, то вот истинный носитель суверенитета потерялся в поисках формально закрепленного источника власти.

Конституционный Суд Российской Федерации, раскрывает сущность термина «суверенитет» через такие категории как верховенство, независимость и самостоятельность государственной власти; полнота законодательной, исполнительной и судебной власти государства на его территории и независимость в международном общении [17]. Понятно, что народ может относиться к суверенитету только через такое неясное понятие как его носитель.

Как отмечает А.И. Хорошильцев, государство в некоторой части обладает самостоятельностью, властью по отношению к народу, не смотря на то, что он источник власти и для самого государства. Кроме того, автор подчеркивает, что государство воздействует на народ, ограничивает его власть и тем самым утверждает свой суверенитет в той части, которая, по мнению самого государства, не может быть отдана народу. Значит государство, как и народ, только в значительно меньшем объеме полномочий, так же является непосредственным источником своей власти [16, с. 113]. Следовательно, народ не единственный в этом смысле. Признавая государство как самостоятельный субъект права необходимо признавать его и как субъект, являющийся источником власти. А это нарушает основы конституционного строя, установленные российским нормативным правовым актом, имеющим высшую юридическую силу.

Однако ч. 2 ст. 3 Конституции Российской Федерации представляет органы государственной власти в качестве посредников осуществления государственной власти. Следовательно, и в отношении суверенитета органы публичной власти будут осуществлять посреднические функции. То есть власть осуществляет народ, но все 145 млн. человек не могут этим заниматься, как и что-либо делать с суверенитетом, поэтому они формируют органы публичной власти, действующие, в том числе от имени государства – доверенных лиц для осуществления народной власти. Органы государственной власти становятся самостоятельными субъектами и устанавливают правила, по которым живет народ: облагает налогом, ограничивает свободу в ряде случаев, устанавливает тарифы за пользование теми или иными благами и т.д. О.Е. Кутафин считал, что народ таким образом активно участвует в правоотношениях, укрепляя свое государство, выплачивая налоги, охраняя тем самым суверенитет и территориальную целостность [9, с. 214]. Хотя в этом ярче всего выражается суверенитет – истинная независимость государства фактически от всех, включая многонациональный народ и отдельных граждан или их объединения.

При этом если один гражданин захочет стать частью тех, кому доверяет весь народ – влиться в ряды органов государственной власти, он должен будет соответствовать ряду критериев (владеть государственным языком, соответствовать квалификационным требованиям, пройти конкурс и т.д. [18]), а в высшие эшелоны власти попасть еще сложнее. Следовательно, далеко не каждый гражданин может стать государственным служащим. Таким образом, возможность участвовать в управлении делами государства «единственного источника власти в России»

ограничена только выборами Президента Российской Федерации и депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации раз в 6 и 5 лет соответственно. А в промежуток между выборами народ не может ни осуществлять власть, ни участвовать в управлении делами государства в полном составе на федеральном уровне.

В целом такой специфический субъект конституционно-правовых отношений как народ, по словам Е.И. Козловой, проявляет себя только в вышеперечисленных случаях выборов высших органов государственной власти и при проведении референдума [6, с. 30]. В обычной повседневной жизни общества народ как субъект конституционно-правовых отношений отсутствует или, если сказать точнее, не проявляет себя активным образом, т.к. его наличие фактически констатирует Конституция Российской Федерации.

Также необходимо подчеркнуть, что граждане, осуществляя свою власть посредством государства, не доверяют его органам [3, с. 171].

На этом основании следует сделать вывод о том, что существующая власть государства самостоятельна и независима от народа. По сути, публичная власть суверенна по отношению к народу. И хотя Н.Б. Пастухова верно отмечает, что российское государство, обладая полнотой власти, горячо поддерживается народом [14, с. 84], необходим поиск новых форм и механизмов осуществления народной власти, совершенствования государственного управления, системы реализации государственной власти, установление отчетности и ответственности государства перед населением, прямых обязанностей государства по осуществлению доверенной ему народной власти, либо конкретизировать отдельные нормы права в будущем, дабы не допускать формального противоречия права и жизни.

Список литературы

1. Авакян, С. А. Конституционное право России. Учебный курс : учеб. пособие: в 2 т. Т. 1 / С. А. Авакян. – М.: Норма, 2010. – 863 с. – Текст : непосредственный.
2. Алексеев, Н. Н. Русский народ и государство / Н. Н. Алексеев. – М.: Аграф, 2003. – 640 с. – Текст : непосредственный.
3. Гаврилова, И. Н. Роль института общественных слушаний в системе общественного контроля / И. Н. Гаврилова // Общественный контроль: новая форма государственно-правового участия. – М.: Юрист, 2012. – С. 171–179. – Текст : непосредственный.
4. Дураев, Т. А. К вопросу о конституционно-правовом статусе народа. Т. 14. / Т. А. Дураев, Н. В. Тюменева. – Текст : непосредственный // Известия Саратовского университета. Серия Экономика. Управление. Право. – 2014. – С. 570–578.
5. Зенин, С. С. Воля народа в конституционно-правовой парадигме народовластия / С. С. Зенин – Текст : непосредственный // Lex russica (Русский закон). – 2017. – № 1 (122). – С. 24–34.
6. Фадеев, В. И. Конституционное право: учебник для бакалавров / Отв. ред. В. И. Фадеев. – М.: Проспект, 2013. – 584 с. – Текст : непосредственный.
7. Авдеенкова, М. П. Конституция Российской Федерации. Доктринальный комментарий (постатейный) / М. П. Авдеенкова, А. Н. Головистикова, Л. Ю. Грудцына и др.; рук. авт. кол. Ю. А. Дмитриев, науч. ред. Ю. И. Скуратов. – 2-е изд., изм. и доп. – М.: Статут, 2013. – 688 с. – Текст : непосредственный.
8. Котляревский, С. А. Конституционное государство / С. А. Котляревский, К. А. Соловьев. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2010. – 704 с. – Текст : непосредственный.
9. Кутафин, О. Е. Избранные труды: в 7 томах. Том 7. Российский конституционализм : монография / О. Е. Кутафин. — М.: Проспект, 2016. – 544 с. – Текст : непосредственный.

10. Лешков, В. Н. Русский народ и государство: История русского общественного права до XVIII века / В. Н. Лешков ; Сост. И. И. Мушкет, Е. Б. Хохлова. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. – 562 с. – Текст : непосредственный.
11. Магазинер, Я. М. Общее учение о государстве: Курс лекций, читанных в Петроградском университете в 1918–1922 гг. / Я. М. Магазинер. – Пб., 1922. – С. 366–419. – Текст : непосредственный.
12. Нудненко, Л. А. Конституционное право России : учебник для бакалавриата / Л. А. Нудненко. – М.: Юрайт, 2011. – 581 с. – Текст : непосредственный.
13. Основин, В. С. Советские государственно-правовые нормы и отношения: автореф. дис. / В. С. Основин. – 1965. – 40 с. – Текст : непосредственный.
14. Комарова, В. В. Современный российский конституционализм: проблемы становления и перспективы развития : монография / В. В. Комарова, Г. Д. Садовникова. – М.: Норма: Инфра-М, 2017. – 448 с. – Текст : непосредственный.
15. Ткаченко, Ю. Л. Конституционное совершенствование отношений в российском обществе и его государстве / Ю. Л. Ткаченко – Текст : непосредственный // Проблема суверенности современной России. – М.: Наука и политика, 2014. – С. 588–595.
16. Хорошильцев, А. И. Государственная власть и принципы ее организации в демократическом обществе : теоретико-правовое исследование / А. И. Хорошильцев. – М., 2002. – 198 с. – Текст : непосредственный.
17. По делу о проверке конституционности отдельных положений Конституции Республики Алтай и Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации»: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 7 июня 2000 года № 10-П // СЗ РФ. – 2000. – № 25. – Ст. 2728. – Текст : непосредственный.
18. О государственной гражданской службе Российской Федерации : Федеральный закон от 27 июля 2004 года № 79-ФЗ (ред. от 3 июля 2016 г.) // СЗ РФ. – 2004. – № 31. – Ст. 3215. – Текст : непосредственный.

Vasiliev S. A. Reflections about the source of power in the russian federation / S.A. Vasiliev // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean federal university. Juridical science. – 2020. – Т. 6 (72). № 3. – P. 3-8.

According to Art. 3 of the Constitution of the Russian Federation, the only source of power in the Russian Federation is its multinational people. However, if you look at the meaning of the word "source", it turns out that in practice the situation is somewhat different. Power as such, and even more so, imperious decisions come much more often from completely different entities. The people are a kind of dominant force, non-verbally affecting those who make key decisions in society. At the same time, it is difficult for the latter to enter into a direct dialogue with the multinational people, therefore, the constitutional source often yields its quo status. This work is devoted to the interpretation of this thesis using the theory of correlation of subjects of law to obtain objective conclusions based on normative legal regulation and literary sources.

Keywords: democracy; people; multinational people; elections; referendum; power system; source of power; state; correlation theory; constitutional and legal relations; citizens People power.

Spisok literatury

1. Avakyan, SA Constitutional law of Russia. Training course: textbook. allowance: in 2 volumes. T. 1 / S. A. Avakyan. – М.: Norma, 2010. – 863 p. – Text: direct.
2. Alekseev, N. N. Russian people and state / N. N. Alekseev. – М.: Agraf, 2003. – 640 p. – Text: direct.
3. Gavrilova, IN The role of the institution of public hearings in the system of public control / IN Gavrilova // Public control: a new form of state-legal participation. – М.: Jurist, 2012. – С. 171–179. – Text: direct.
4. Duraev, TA To the question of the constitutional and legal status of the people. T. 14. / T. A. Duraev, N. V. Tyumeneva. – Text: direct // Bulletin of the Saratov University. Series Economics. Control. Right. – 2014. – С. 570–578.
5. Zenin, S. S. The will of the people in the constitutional and legal paradigm of democracy / S. S. Zenin – Text: direct // Lex russica (Russian law). – 2017. – No. 1 (122). – С. 24–34.
6. Fadeev, VI Constitutional law: a textbook for bachelors / Otv. ed. V.I. Fadeev. – М.: Prospect, 2013. – 584 p. – Text: direct.

7. Avdeenkova, M. P. Constitution of the Russian Federation. Doctrinal commentary (article by article) / M. P. Avdeenkova, A. N. Golovistikova, L. Yu. Grudtsyna, etc. ; hands. ed. count Yu. A. Dmitriev, scient. ed. Yu. I. Skuratov. – 2nd ed., Rev. and add. – M.: Statut, 2013. -- 688 p. – Text: direct.
8. Kotlyarevsky, S. A. Constitutional state / S. A. Kotlyarevsky, K. A. Soloviev. – M.: Russian political encyclopedia, 2010. -- 704 p. – Text: direct.
9. Kutafin, OE Selected works: in 7 volumes. Volume 7. Russian constitutionalism: monograph / OE Kutafin. – M.: Prospect, 2016. – 544 p. – Text: direct.
10. Leshkov, V. N. Russian people and the state: History of Russian public law before the 18th century / V. N. Leshkov; Comp. I. I. Mushket, E. B. Khokhlova. – SPb.: Legal Center Press, 2004. – 562 p. – Text: direct.
11. Magaziner, Ya. M. General doctrine of the state: A course of lectures given at Petrograd University in 1918–1922. / Ya.M. Magaziner. – Pb., 1922. – S. 366–419. – Text: direct.
12. Nudnenko, L. A. Constitutional law of Russia: textbook for bachelor's degree / L. A. Nudnenko. – M.: Yurayt, 2011. -- 581 p. – Text: direct.
13. Osnovin, VS Soviet state-legal norms and relations: author. dis. / V.S. Osnovin. – 1965. -- 40 p. – Text: direct.
14. Komarova, V. V. Modern Russian constitutionalism: problems of formation and development prospects: monograph / V. V. Komarova, G. D. Sadovnikova. – M.: Norma: Infra-M, 2017. -- 448 p. – Text: direct.
15. Tkachenko, Yu. L. Constitutional improvement of relations in Russian society and its state / Yu. L. Tkachenko – Text: direct // The problem of the sovereignty of modern Russia. – M.: Science and Politics, 2014. – P. 588–595.
16. Khoroshiltsev, AI State power and the principles of its organization in a democratic society: theoretical and legal research / AI Khoroshiltsev. – M., 2002. -- 198 p. – Text: direct.

УДК 94(=411.16):477.75"19"

DOI: 10.37279/2413-1733-2020-6-3-9-29

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ И ПРАВОВОЙ СТАТУС ЕВРЕЙСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В КРЫМУ В XIX в.

Пашнева В. А., Паршичева И. Е.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

Правовое положение еврейского населения в Крыму в XIX в. имеет свои особенности и специфику, отличающуюся от других регионов Российской Империи.

В 1-й пол. XIX в. политика царской власти относительно еврейского населения выражается в ограничении экономического и религиозного влияния на христиан, а также внедрении идей просветительства и образования. С целью реализации данной политики Александром I в 1802-1823 гг. был утвержден при Сенате Еврейский комитет. Правовые акты Николая I (Указы, Положения) реализовывали вышеуказанную политику. Реформы Александра II оказали положительное влияние на экономическое положение евреев Крыма, были предоставлены избирательные права, право участия в деятельности органов местного самоуправления и др.

Реформы 60-70-х годов XIX в. оказали огромное влияние на социально-экономическое положение евреев, привели к разрушению патриархальной еврейской общины, способствовали реальной интеграции части еврейского населения с русским обществом и формированию класса еврейской интеллигенции.

Эпоха контрреформ Александра III ухудшила права евреев Крыма: запрет на проживание в некоторых городах, ограничение избирательного права в органы местного самоуправления. Двойственная политика относительно еврейского населения: явное преследование евреев-ашкеназов на фоне сравнительно мягкого отношения к крымчакам, и полное снятия правовых ограничений с караимов.

Ключевые слова: еврейское население, национальное меньшинство, черта оседлости, караимы, ашкеназы, талмудисты, субботники, крымчаки, синагога, купцы, городская дума.

Исследованию жизнедеятельности еврейского населения в Крыму посвящено немалое количество трудов ученых, внимание которых, в основном, было направлено в сферу краеведения, гносеологии, истории и иные направления. В частности, это работы М. Кизилова, В. Шполянского, Э. Соломоник, А. Герцена и мн.др. исследователей, но белых пятен в изучении вопросов социально-экономического и правового положения еврейского населения в Крыму еще достаточно много, чем собственно, и обусловлена актуальность данной статьи.

Анализируя проблему правового положения евреев в Крыму, совершим краткий экскурс в историю. Заселение Крыма евреями, финикийцами, греками началось в древние времена. В научно-справочной литературе их называют торговые народы, проникавшие в Крым со стороны Южного берега [1, с. 285]. Количественный состав еврейского населения того периода нам неизвестен в виду отсутствия источников, но ни в одной другой части бывшего Советского Союза – и нынешней России – не было столь древней и разноплановой еврейской общины. В различные исторические эпохи еврейская община включала: тюркоязычных раввинистов – крымчаков и караимов, кочевников Хазарского каганата, говоривших на идише,

евреев – ашкеназов (центрально- и восточноевропейские евреи), грекоговорящих евреев-романиотов и даже субботников – русских, перешедших в иудаизм.

Появление первых еврейских общин фиксируют в городах Боспорского царства восточного Крыма и в Херсонесе. Существуют и более ранние свидетельства о пребывании евреев на территории Боспора (Пантикапей, современная Керчь) в I веке н.э., например, стеллы-манумиссии – декреты об освобождении рабов, согласно Библейским канонам раба отпускали на волю на седьмой год, такая практика освобождения рабов была характерна именно для еврейских общин. Также при раскопках Херсонеса Таврического обнаруживают еще один центр еврейской жизни на полуострове. В Херсонесе община возникает, скорее всего, в III–IV вв. н.э.

В дальнейшем, с появлением хазар в Причерноморье в VI–VII вв. н.э. начинается новая эпоха в жизни евреев. В конце VIII – начале IX в. правящая верхушка хазар в некоторой степени принимает упрощенный раввинистический (т.е. талмудический) иудаизм. Каким образом это происходит, достоверно не известно, вследствие крайней узости источниковой базы. К последней четверти IX в. хазарское влияние в Крыму исчезает.

По некоторым данным, в 1096/97 гг. н.э. византийская администрация изгоняет евреев из Херсонеса. Отсутствие источников говорит скорее в пользу гипотезы о приостановлении еврейской жизни в Крыму на полтора столетия – до появления на территории Крыма в XIII в. татаро-монголов и генуэзцев, с которыми на полуостров переселяются новые еврейские поселенцы. «Ими были не признававшие Талмуд тюркоязычные караимы (наиболее многочисленная община), а также европейские-ашкеназы и восточные евреи-талмудисты, позднее составившие костяк этнической общности, известной со второй половины XIX в. под именем «крымчаки», а точнее крымские тюркоязычные раввинисты» [2].

В Крыму самые ранние караимские анклавы появились на территории таких городов, как Старый Крым (Солхат/Эски-Къырым) и Феодосия (Кафа/Кефе), видимо, еще в XIII в. (вероятнее всего, вскоре после татарского вторжения в Крым в 1239 г.). В XIV–XVII вв. караимские общины появляются в таких населенных пунктах, как Кырк-Йер (Чуфут-Кале), Мангуп, Гезлѐв (Евпатория) и Карасубазар (Белогорск). В отличие от европейских евреев, караимы никогда не говорили на идише. В XIII–XV вв. евреи-раввинисты, выходцы из различных стран Европы и Востока, появляются в трех крымских городах – татарском Солхате-Къырыме (Старом Крыму), генуэзской Каффе (Феодосии) и венецианском Судак. По некоторым статистическим оценкам «к концу XVIII в. раввинисты составляли около 25 % от общего числа евреев полуострова (ок. 600–800 человек), а караимы – около 75 % (ок. 2 600 человек). Евреи в Крымском ханстве, проживавшие в имениях беев платили единый налог – подушную подать» [3].

В 1783 г. Крым был окончательно присоединен к Российской империи. Первым вице-губернатором Таврической области был назначен ученый-естественник Карл-Людвиг Габлиц, происходивший из семьи еврейских выкрестов из Пруссии. Отправной точкой еврейской колонизации Крыма является Указ Екатерины II 1791 г., согласно которому евреям было разрешено пользоваться правами гражданства в Екатеринославском наместничестве и Таврической области (с 1802 г. переименованной в Таврическую губернию). Этот же Указ фактически положил начало формированию т.н. «еврейской черты оседлости» [40, с. 246]. «Черта

постоянной еврейской оседлости» (полное название) – была определена Екатериной II, как территория, где евреям дозволялось селиться и торговать, а за ее пределами запрещалось постоянное место жительства евреев. Просуществовала черта оседлости, в целом до 1917 г. и была отменена Временным правительством. Но даже внутри черты оседлости проживать евреям было можно далеко не везде. Так, в Крыму им было запрещено селиться в Севастополе (с 1829 по 1859 гг.; позднее запрет был частично снят) и Ялте (с 1893 г.). На полуострове складывается уникальная ситуация, едва ли возможная в других регионах Российской империи, фактически в каждом крымском городе одновременно проживали: ашкеназы, крымчаки, караимы, а кое-где еще и субботники с Герами.

Анализ архивных источников показывает, что местная караимская община была более многочисленна относительно остальной массы иудейского населения, также ее потенциал формировали караимские купцы, богатейшие промышленники юга России, что подтверждается данными за 1837 г. по уездам Таврической губернии – Симферопольскому, Евпаторийскому, Феодосийскому, Перекопскому караимов проживало 1383 чел., евреев – раввинистов – 325 чел.

Формируя единое полиэтническое государство правительство России принимает законы дискриминационного характера относительно еврейского населения, что проявилось в двойном подушном налогообложении. Под действие данного закона соответственно подпадала и караимская община. В результате действий лидеров местной караимской общины в 1795 г. на государственном уровне впервые закреплено различие между караимами и евреями, а также определено правовое положение караимов. В дальнейшем, с конца XVIII в. российское правительство освобождает караимов от ряда антиеврейских законов, в частности, в 1775 г. караимы освобождаются от наложенной на евреев подати в двойном размере (по сравнению с христианами), в 1827 году – от несения натуральной рекрутской повинности, установленной для евреев, а с 1863 г. караимы окончательно уравниваются в правах с остальными подданными Российской империи, пользуясь «всеми правами, предоставленными русским подданным»[4]. Но в данном случае стоит отметить, что определив грань между караимами и евреями, власть не исключила караимов из недр еврейского народа, и караимы по-прежнему в законодательных актах правительства именовались евреями, и при установлении ограничений для евреев делалась оговорка, о невозможности применения этих мер к караимам.

В конце XVIII в. на полуостров начали прибывать евреи – ашкеназы (субэтническая группа иудеев, сформировавшаяся в Европе в эпоху Средневековья), которые обосновались в Керчи, Симферополе, Севастополе, Евпатории, Феодосии. Они отчасти вливались в местные крымчакские общины («крымчаки») – так называли себя евреи Крыма, начиная со средневекового периода).

В начале XIX в. согласно окладных книг 1805 г. «в Таврической губернии еврейское население, проживающее в городах было представлено следующим образом: купцов – христиан 828 человек, из которых – 29 чел. еврей; мещан (горожан) – христиан 2346 чел., из которых 451 чел. – еврей» [5].

В 40-х гг. XIX в. евреями снова занялись в Государственном Совете. Планировалось разделить евреев на две категории: полезных и «не имеющих постоянного рода занятий». К первым было отнесено большинство ремесленников и мелких торговцев, а относительно последних, предписывалось значительно

увеличить число рекрутов. Евреям колонистам разрешалось заниматься ремеслом и торговлей без торговых свидетельств (свидетельство необходимо было покупать) на землях своей колонии. Им было дозволено заводить при своих домах лавки, лабазы, мастерские, малые фабрики, содержать перевозки и почтовые станции и т.д. Колонисты, имевшие устроенное хозяйство и достаточное число рук для занятия хлебопашеством, имели право записываться, на общем основании, в гильдии и торговать по установленным свидетельствам. У колонистов появились новые возможности деятельности и заработка [6].

Важным событием в жизни еврейской общины стала Крымская война (1853–1856 гг.) и оборона Севастополя. Заселение города евреями началось в первой половине XIX в., и не вызывало особых возражений у властей. В деревне Ахтиар поселились несколько еврейских семей. В Севастополе евреи стали открывать ремесленные мастерские мануфактурные и другие магазины. Часть евреев специализировалась на поставке продовольствия в военные гарнизоны города. В 1829 г. российские власти запретили не военным служащим евреям проживание в Севастополе. «В 1842 г. император издал распоряжение, которым разрешил евреям посещать Севастополь на срок не более месяца» [7].

В героической обороне Севастополя участвовало несколько тысяч евреев, точное количество неизвестно. Впервые евреи воевали в составе российской регулярной армии и проявили себя с наилучшей стороны. Особой храбростью отличался, по воспоминаниям поручика Наума Александровича Горбунова, рядовой мушкетерской роты Белинский, еврейского закона. Из рассказа потомка известно имя еще одного защитника – Исаака Наумовича Слуцкого: «Евреи-солдаты обязаны были носить на себе особые, установленные религиозным обрядом значки, чтобы в случае их смерти на войне можно было отличить от прочих убитых воинов и хоронить их по еврейскому обряду» [42]. При обороне Севастополя погибли около пятисот евреев. Но мало кто знает, что в Крымской кампании принимали участие шесть вольных частных врачей еврейского закона: Розен, Маргулис, Шорштейн, Бертензон, Дрей и Пинскер.

Военный министр докладывал Александру I: «...Они явили собой блистательный пример бескорыстия и самоотвержения, в особенности лекарь Шорштейн, служивший казне безвозмездно долее других и, кроме того, лечивший бесплатно многих офицеров в своем гидропатическом заведении». За эти качества Александр I наградил шестерых врачей-евреев орденами Святого Станислава III степени. В Указе о награждении сообщалось: «Для лиц нехристианских вероисповеданий установленного, повелеваем снабдить сих кавалеров орденскими знаками, при надлежащих грамотах». Для лиц нехристианских вероисповеданий это означало, что им вручались ордена, на которых крест и другие христианские символы заменялись изображением Императорского Российского орла. Это был прецедент, неведомый доселе российской истории. В Указе Капитулу Российских императорских и царских орденов подписанным Александром I 27 ноября 1857 г. сообщалось: «По засвидетельствованию Новороссийского и Бессарабского губернаторов о примерном бескорыстии и самоотвержении, с коими вольнопрактикующие медики еврейского закона: отставной титулярный советник Розен и не имеющие чинов лекаря: Маргулис, Шорштейн, Бертензон, Дрей и Пинскер, оставив в минувшую войну частную практику, явились на призыв в военные госпитали – для исполнения должности ординаторов, в самое трудное время,

при господствовавших в высшей степени тифозных и других заразительных болезнях всемиловейшее жалует их кавалерами императорского ордена нашего Святого Станислава третьей степени» [8].

В 1864 г. на кладбище в Северной стороне Севастополя согласно плану, одобренному морским министерством был сооружен памятник, на котором была надпись: «Памяти еврейских солдат павших за отечество при обороне Севастополя во время войны 1854-1855 гг.» [9].

После Крымской войны, оставшимся в живых евреям, защитникам Севастополя, была дарована особая милость – право проживания на вечные времена им, их детям и внукам в этом городе. Ранее таким правом обладали только еврей-купцы 1-й и 2-й гильдии.

Отношение российских властей к евреям несколько смягчается и, как следствие, все большее число евреев – ашкеназов начинает эмигрировать в Крым. Многие из прибывающих сюда евреев были отставными солдатами, переехавших в Крым со своими семьями. «По некоторым данным, к 1863 г. численность евреев – раввинистов в Крыму достигала около 5000 человек, половину из которых составляли крымчаки» [10].

В 60-е гг. XIX в. среди иудейских жителей Крыма появляются субботники. «Субботниками назывались русские православные (преимущественно из самых простых слоев общества – крестьяне и казаки), по тем или иным причинам перешедшие в иудейскую веру. Субботников обычно традиционно делят на геров (т. е. принявших иудаизм в его талмудической интерпретации) и субботников-караимов (иначе «караимитов, бесшапочников»), по какой-то причине решивших ассоциировать себя с караимским иудаизмом» [11].

В дальнейшем, евреям разрешили проживать в Севастополе (с 1859 г.) и Ялте (с 1893 г.), но с некоторыми ограничениями. Их правовой статус не был одинаков. Права евреев в Севастополе по действующему законодательству 1-й пол. XIX в. предусматривали постоянное проживание с семьями и прислугой (единоверцев) потомственных и личных почетных граждан, купцов 1-й и 2-й гильдии. Купцам обеих гильдий предоставлено было право иметь при себе без ограничения из единоверцев обслуживающий персонал их предпринимательской деятельности, а именно: приказчиков, конторщиков, сидельцев, служителей и др. Экономические права включали производство промыслов, торговлю, подряды и приобретение недвижимой собственности. Купцы – евреи с других регионов Крыма могли свободно торговать в Севастополе на ярмарках, привозить обслуживающий персонал. «Кроме того, законодательство разрешало молодым евреям приезжать в город для обучения ремеслам. Пожилым женщинам еврейкам родственницам нижних чинов, находящихся на службе морского ведомства и проживающих в городе разрешалось навещать своих близких» [12].

В 1860 г. по ходатайству Новороссийского генерал-губернатора был отменен Указ Николая I 1837 г. о невозможности евреям поселяться в Ялте и евреям разрешили жить в городе. Законом 1893 г. право проживания в Ялте было предоставлено лишь евреям, приписанным к обществам этого города, а также пользующимся правом повсеместного пребывания в империи. Все жители Ялты не подпадающие под эти условия подлежали выселению. В тот период русские подданные принадлежали к определенным «податным сословиям» (крестьяне, мещане, ремесленники, купцы), каждый был «приписан к местному обществу» и мог

заниматься своим делом только в данном месте; и был лишен права повсеместного поселения и свободного передвижения. Поэтому еврейское население Ялты составляли купцы, торговцы, аптекари, врачи, мещане и т.д., записанные в «общество». Евреи, приписанные к обществам в Ялте, не имели права жительства вне черты оседлости. Политика имперского правительства по отношению к евреям велась в сторону утверждения равных прав с остальным населением и прекращения самоизоляции евреев, как крупной этнической группы, чуждой основной массе населения не только по религии, но и по языку, быту и даже одежде.

Проводилось принудительное прикрепление евреев Ялтинского уезда без смены права места жительства, пока был приписан к «обществу». По ревизии 1847 г. «Ялтинское еврейское общество состояло из 87 человек. В 1890 г. по специализации преобладали ремесленники. Согласно переписи 1897 г. в Ялтинском уезде проживал 73 тыс. жителей, в том числе 1178 евреев. В Ялте проживало 13 тыс. чел., из которых евреев было 1025. В 1904 г. в Ялте проживало 22630 чел., а еврейское население по численности составило 7% и занимали третье место после русских (79%) и татар (9%). Таким образом, абсолютное большинство еврейского населения проживало в черте города и составляло значительную часть ялтинского общества. В 1881 г. евреям принадлежали 33 дома (15,49% числа всех домов Ялты). Еврейские ученики составляли 24,39% от общего числа учеников в мужских гимназиях и 28,81% учениц в женских гимназиях [13].

С начала 1865 г. в России были приняты изменения в «Положение о пошлинах на право торговли и других промыслов», согласно которого, права купцов предоставлялись гражданам, уплатившим патентные и билетные торгово-промышленные сборы. Открывать и содержать торговые и промышленные заведения разрешалось только после получения гильдейского свидетельства. Число купеческих гильдий ограничивалось двумя. Свидетельство 1 гильдии давало право производить оптовую торговлю российскими и иностранными товарами на территории всей империи, содержать фабрично-заводские заведения и принимать повсеместно подряды без ограничения суммы. В 1868 г. в Ялте насчитывалось немногим более 30 купцов, среди них было лишь два, причисленных к первой гильдии. Это севастопольские купцы Илья Тарасов, еврей Сима Прик, последний вскоре получил звание почетного гражданина. Остальные имели право именоваться купцами 2 гильдии и могли производить розничную торговлю в пределах города и уезда, создавать и содержать неограниченное количество торговых и промышленных заведений с приобретением на каждое отдельного билета, и принимать подряды на сумму не более 15 тысяч рублей. В список купцов Ялты за 1868 г. вошли 32 чел., из которых четверо были евреи – Абрам Бугаевский, Абрам Бухштаб, Сруль Герш, Кельман Мизуч, т.е. более 10% купцов от общего количества. В 1876 г. было зарегистрировано 6 еврейских купеческих свидетельств: Ревека Бухштаб, Исаак Лейбович, Самоил Аптекарев, Борис Абрамович Бухштаб, Абрам Борисович Бугаевский. Через два десятилетия в 1887 г. список купцов еврейской национальности значительно увеличился до 8 евреев и 8 караимов. В 1885 г. согласно именного списка купцов – евреев в Ялте числились следующие фамилии: Майтоп Эфет Осипович с женой (караимы), Рофе Авдотья Исааковна (караимка), Рофе Абрам Исаакович с женой и дочерью (караимы), Лейбович Исаак Леонтьевич с женой (еврей), Бухштаб Борис Абрамович с женой, четырьмя сыновьями и дочерью), Гофшнейдер Исай Павлович с женой, двумя сыновьями и двумя дочерьми, Бухштаб

Маркус Абрамович с женой, и сыном), Прик Минагем Моисеевич, Прик Сима Моисеевич (почетный гражданин г.Ялта). Отметим, что впервые с 1876 г. в списках купцов Ялты появляются женщины еврейки, в 1889 г. их было уже несколько, поскольку их мужья купцы евреи записывали своих жен и детей в купеческое сословие [14].

Купеческое сословие было малочисленным в составе горожан, но играло важную роль в жизни города. Купцы более всех были заинтересованы в улучшении торговли и промышленности, в улучшении жизненных условий для населения Ялты. Они принимали активное участие в работе органов самоуправления города – городской думе и уездном земстве. Так, в 1872 г. в Ялтинском уездном земстве состоял гласным купец 2 гильдии Мирон Абрамович Шварцштейн, а в 1873 г. он возглавлял финансовый отдел Ялтинской городской управы, контролировал доходную и расходную часть бюджета города. 22 января 1873 г. для организованного ведения строительства при Ялтинской управе было образовано строительное отделение в составе городского головы, члена управы – купца Абрама Бугаевского и архитектора Н. Грейма. Ялтинское городское управление регулярно формировало списки лиц, имеющих право быть присяжными заседателями. В них входили домовладельцы и купцы Ялты. В 1874 г. в такой список были внесены ялтинские купцы евреи и караимы Ефет Майтоп, Исаак Рофе и Давид Пембек [15]. Гласные евреи купеческого сословия с 70-х гг. XIX в. принимали активное участие в создании города-курорта, в органах самоуправления голосовали за строительство гостиниц, аптек, торговых заведений, школ, больниц, благоустройство города.

Вопреки существованию черты еврейской оседлости, некоторым евреям удавалось получить разрешение на свободное проживание по всей Российской империи, таковым был купец Михаил Бухштаб. Согласно законам Российской империи, право выезда за черту оседлости получали те евреи, которые не менее 5 лет состояли в купеческой 1 гильдии. Потерять это право можно было, не выкупив гильдейское свидетельство, то есть, не уплатив торговую пошлину государству. Законодательством было установлено, что 10 лет пребывания в гильдии давали право свободно проживать в любом месте России.

Во второй половине XIX – начале XX века в Ялте сформировалось несколько еврейских купеческих династий. Одна из старейших – династия купцов Бухштаб. Другой выдающейся купеческой династией в Ялте была еврейская караимская семья Рофе. Исаак Рофе имел пятерых сыновей и дочь, начатое им дело в 1870-е годы продолжила его супруга Незле, ялтинская купчиха 2 гильдии с сыновьями. В дальнейшем, семейным делом руководил старший брат Абрам и средний Азарий, избиравшиеся гласными городской думы в 70-х гг. XIX в.- нач. XX в. В настоящее время, в Ялте и за её пределами живут потомки этих семей, бывших прежде купеческими династиями [16].

Симферополь (Ак-Мечеть) начал экономически осваиваться еврейским населением в начале XIX в., жившим в старой части города со времен ханства. По окладным книгам 1803 г. в городе насчитывалось 23 купца еврея, из 551 чел. христианской веры. Христиан – мещан насчитывалось 1101 чел., евреев-мещан – 448 чел. По ревизии 1847 г. в «Симферопольском еврейском обществе» числился 441 чел. Таким образом, согласно законодательства империи евреи – купцы, мещане, члены городских еврейских обществ имели право легального проживания в городах, т.е. местах «постоянной оседлости».

Перепись 1897 г. фиксирует, в Симферопольском уезде из 141 тыс. человек, евреи составляли 12338 чел. (9%), непосредственно в Симферополе проживало 8951 евреев от 49078 чел. общего населения города, т.е. (10%). В 1904 г. численность еврейского населения города увеличилась до 15% и занимало 2-е место после великороссов. В справочной литературе того времени евреев подразделяли на русских православных и крымчаков. В 1882 г. евреям принадлежало в городе 9% недвижимости, 12% были избраны гласными в городские и земские самоуправления. Работали евреи в юридической профессии -1 нотариус, 3 – присяжных поверенных, 4 – частных поверенных. Были аптекари, музыканты, учителя, т.е. постепенно формируется еврейская интеллигенция.

Согласно статистических данных того периода, еврейская община оказывает существенное влияние на экономическое развитие Симферополя. Значительная часть еврейского населения специализировалась на коммерческой деятельности, была занята в торговле (в т.ч. базарной) (23%) и ремесле – мануфактурном, галантерейном (21,7%). В Симферополе и уезде евреям принадлежало несколько табачных фабрик (т-ва Эйнем), типография и пивоваренный завод Вайсборда (располагался на месте дворца Калга-Султана), на которых работали и еврейские рабочие. В середине XIX в. сложились еврейские купеческие династии. В мануфактурном предпринимательстве – Розенштейны, Фронштейны; в галантерейном- Нейманы; в скобяном и железном ремесле – Бернштейны, Биринбаумы. В обрабатывающей промышленности к 1897 г. из общего количества работников, евреи составляли 30% и были на втором месте после русских (48%) [17]. В Карасубазаре (ныне Белогорск) городе Симферопольского уезда еврейское население составляло ок. 25%. Из общего количества жителей 12968 чел., евреев проживало 3191.

Наиболее уважаемым евреем был купец 1 гильдии Адольф Абрамович Йоффе (1883–1927). Родился в семье богатейшего еврейского купца Симферополя. Абрам Яковлевич Йоффе был владельцем всех почтовых и транспортных средств на полуострове, был потомственным почетным гражданином и его даже называли «любимым евреем министра Сергея Витте. Естественно, дети купца ни в чем не нуждались и могли получить любое образование. Второй его сын, Адольф Йоффе выбрал медицину, но его в свою очередь выбрала революция [18].

Симферопольские евреи уделяли большое внимание образованию и благотворительности. При этом и государственные институты заботились об образовании и воспитании детей, в т.ч. и из еврейских семей. До 1910 г. в Симферополе на ул. Александровской за счет богатых евреев действовало два училища для бедных и осиротевших мальчиков (талмуд-торы). Одно для евреев – христиан, другое – для крымчаков. В 1910 г. они были объединены в одно училище. В талмуд – торе обучали еврейскому языку, изучали Библию (особенно Пятикнижие) и Талмуд. Функционировало еврейское мужское начальное училище с ремесленным отделением. Были открыты еврейские частные школы. В 1880-х гг. работало бесплатное еврейское женское профессиональное училище на 200 чел. С 1889 г. беднейшие ученицы получали одежду и обувь через правительственные учреждения и местные самоуправления. В Симферополе была открыта женская воскресная школа, в которой обучалось 70 учениц, из которых 45-русские, 15 еврейки и 10 караимок [19].

Евпатория (Гезлев) была переименована и получила статус уездного города в 1784 г. Архивные данные подтверждают постоянный количественный рост евреев –

караимов в городе в конце XVIII-XIX веков. Самая многочисленная община караимов проживала в Евпатории. С 1837 г. город законодательно обретает статус духовного центра караимов России. Сюда приглашаются лучшие караимские вероучители и религиозные деятели, в городе увеличивается число школ, реконструируется Малая и строится Большая кенасы, из Кале в Евпаторию переносится резиденция главы духовного правления – гахама. По свидетельству академика П. Палласа, в Евпатории в 1793-1794 гг. насчитывалось 900 домов, причем в 240 из них проживали караимы. В 20-х годах XIX в. в городе находился квартал караимов, составляющий 800 домов. Как видно из вышеприведенного, за 25-30 лет количество караимских домов в городе увеличилось в 2,5 раза.

По статистическим данным на 1897 г. в городе проживало 17913 чел., в том числе 1592 еврея, из которых 1507 составляли караимы. В Евпаторийском уезде проживало, исключая городское население 1660 евреев, из которых абсолютное большинство были караимы. В конце XIX в. почти все еврейское население указало своим родным языком еврейский. Лишь 8 мужчин и 26 женщин евреев – крымчаков указали своим родным языком татарский. В 1904 г. в городе проживало более 20 тыс. чел., из которых евреи составляли 24% всего населения города, т.е. занимали второе место после русских (49%). В сфере индивидуальной предпринимательской деятельности еврейское население распределялось следующим образом: пошив одежды – 162 самостоятельных предпринимателя: торговля тканями и одеждой – 47; торговля зерновыми и другими продуктами сельского хозяйства – 71. Большинство еврейского населения было грамотными, о чем свидетельствуют статданные конца XIX в.: грамотных 502 муж. и 281 женщ., из которых караимов – 384 муж. и 323 женщ. Данные приведены о знании еврейского языка. Грамотных со знанием русского языка было 417 муж. и 198 женщ. [20]. Таким образом, общее количество грамотных евреев в Евпатории составляло более 60%.

В конце XIX в. в Евпатории открываются караимская типография, ремесленные училища, приюты для престарелых, создаются общественные фонды, строится бесплатный детский санаторий. В 1895 г. было основано Александровское караимское духовное училище по подготовке священнослужителей для караимских общин России и зарубежья [21].

Как было указано ранее, в 60-х гг. XIX в. царское правительство уравнивает караимов в правах остальными подданными Российской империи. Таким образом, караимы пользуются теми же правами, что и православные христиане, получают университетское образование, занимают государственные посты и др. Русские цари, кроме Павла I, посещали родовое гнездо караимов крепость Чуфут-Кале. Многие монархи посещали Евпаторию, караимские гахамы пользовались их расположением. 15 мая 1889 года Таврический и Одесский караимский гахам Пампулов в качестве представителя от караимского народа присутствовал на коронации императора Александра III и императрицы Марии Фёдоровны. 14 мая 1896 года присутствовал на коронации императора Николая II и Александры Фёдоровны. 9 февраля 1899 г. был представлен Государю Императору Николаю II в Петербурге. Одновременно был удостоен подарка Его Императорского Величества – золотой табакерки с Государственным Орлом, украшенным бриллиантами. Заслуги Пампулова были отмечены более чем 20 орденами и медалями [22].

Численность еврейского населения Феодосии (переименована в 1783 г.) быстро росла за счет переселения в Крым ашкеназских евреев, которые в XIX в.

составили большинство среди евреев города. В Феодосии проживала также значительная община караимов, которых в 1837 г. русский путешественник Анатолий Демидов называл еврей-караимы, занимавшиеся вместе с армянами мелкой торговлей. В 1897 г. еврейское население Феодосии (включая крымчаков) насчитывало 3109 человек. В начале 20 в. в городе функционировали талмуд-тора (с вечерними курсами), частные еврейские школы (три мужских и две женские), воскресная школа [23].

С распадом Речи Посполитой и вхождением в состав Российской империи новых земель, начался процесс интеграции евреев в составе империи. Указом Екатерины II в 1791 г. была введена «черта постоянной еврейской оседлости», в рамках которой, разрешалось селиться евреям. Подавляющее большинство евреев Крыма поселилось в семи городах: Симферополе (8951), Керчи (4774), Севастополе (3910), Карасубазаре (Белогорск) (3144, из них около двух третей – крымчаки), Феодосии (3109), Евпатории (1592) и Ялте (1025) [24]. В 1811 г. правительствующим Сенатом принимается «Устав о правах евреев», регулирующий социальное положение еврейского народа. Ст. 3 Устава «О гражданских правах российских подданных евреев», говорит: «Они навсегда свободны и ни под каким предлогом никому во владения отдаваемы быть не могут, даже если и перешли в другую веру» [27]. Но понятие свободы подразумевает также и право жить там, где хочет человек, иметь право выбора. Такого права у еврейского народа не было. Согласно ст. 1 евреям разрешалось проживать только в ряде губерний, в т.ч. и Таврической, Это и была «черта оседлости» еврейского народа. 30 ноября 1829 г. был издан новый Указ. По нему в перечень тех губерний, в которые было разрешено селиться евреям, была также включена Таврическая губерния, но с оговоркой — «кроме Севастополя». К 1832 г. все евреи, кроме семей, служивших солдат и матросов были выселены из города. Дальнейшее продолжение такой позиции по отношению к еврейскому народу нашло свое отражение в Законе от 3 мая 1882 г. По уездам определялись категории поселений Крыма, в которых евреям разрешалось жить: «в Симферопольском – Чуфут-Кале или Жидовский городок и Ново-Багут; в Евпаторийском – Шейхляр; Ялтинском – Алушта; Феодосийском – Судак» [25].

В ст.4 Устава о правах евреев от 1811 г., было записано: «Они могут усердием к службе государственной, приобретать право на отличия по чести и чины на равных с прочими согражданами». Казалось бы, впервые за всю историю изгнания евреи, становились равноправными гражданами. Но это равноправие так и осталось на бумаге. В 1844 г. по предложению новороссийского генерал-губернатора, в ведение которого входила Таврическая губерния, в Положении «О подчинении евреев общему управлению в городах и уездах» было записано следующее: «Исполнение в уездах всех распоряжений правительства, относящихся к евреям, производится земскими судами через сельских старост, сотских и десятских, избираемых из местных жителей христиан, в ведомстве коих должны состоять и проживающие в тех местах евреи». Кроме того, в документе указывалось: «Число членов Думы или Ратуши, заведующей евреями, остается то же, какое положено по штату, и из них не должно быть более двух евреев» [27].

Далее в документе говорилось, что «если по болезни гласных из христиан, присутствие составлялось бы из Головы и двух гласных из евреев, то прикомандировать в Думу ратманов (советников) или других гласных из христиан, кои хотя и были избраны, но остались под баллами (т. е. кому не хватило голосов),

дабы никогда не было не только перевеса, но и равенства еврейских голосов против христианских. Гласные из евреев не могут исправлять должности городского Главы или старшего бургомистра ратуши» [26]. Другими словами, в документе четко указано, что голоса христиан должны превышать по количеству голоса депутатов евреев.

Согласно Уставу 1811 г. социально-экономическое положение еврейского населения в Российской Империи было разделено на пять сословий. К первому сословию принадлежало духовенство: т. е. раввины, подраввины и др. Ко второму – купечество: т. е. первостатейные купцы, и купцы, записанные в гильдиях. Третье сословие – поселяне: т. е. люди, занятые в земледелии, садоводстве, скотоводстве и в других сельских отраслях. К четвертому сословию относились мещане или городские жители, которые были заняты в конкретных ремеслах или в более мелких мещанских промыслах. К последнему, пятому, были отнесены шинкари: т. е. те, кто занимался мелочной продажей спиртных напитков, где бы то ни было. Представленное сословное деление предполагало наличие льгот и обязанностей, характерных для каждого сословия. К примеру, в статье 15 того же Устава говорилось: «Еврейское духовенство освобождается от подушного и рекрутского налога», а согласно ст. 16 запрещалось «... всем членам семьи и самому представителю духовенства участвовать в торговых оборотах, откупах или в каких-либо мещанских промыслах» [27].

Особыми привилегиями были наделены еврейские фабриканты и заводчики (купцы 1 и 2 гильдии). В Российской Империи создание фабрик и мануфактур или заводов почиталось за особую государственную заслугу. Подобные деяния поощрялись государством, в связи с чем, фабриканты и заводчики по представлению министра внутренних дел награждались особыми знаками отличия и специальными льготами. Так, в статье 38 Устава 1811 г. следовало, что «при выборах к каким-либо общественным должностям они имели не один, а два голоса», в отличие от шинкарей – представителей иного сословия, которые вообще не имели права быть выбранными на какие-либо общественные должности. Так же, как и другие российские подданные, евреи должны были платить казенные общественные подати и сборы. Эти «оклады» (сборы) должны были быть одинаковыми и равными для всех российских подданных. Каким образом удавалось соблюсти это равенство, можно проследить на примере одного сбора. В историю он вошел под названием «коробочный» или «кружечный», который изымался не путем прямого обложения (подушного – с личности, оценочного – с имущества), а брался косвенно. Был введен в России в 1839 г. на основании положения «О коробочном сборе евреев», в дальнейшем с ликвидацией кагалов было заменено в 1844 г. на одноименное положение, и действовало оно без существенных изменений до 1917 г. Сбор носил финансовый характер и предназначался на общественные нужды евреев. Например, на уплату общественных долгов, учреждение и содержание губернских раввинов, народных училищ, устройство и ремонт синагог, молитвенных школ, на пособие евреям, поступавшим в сословие земледельцев, на благотворительность. Этот сбор не касался ни мусульманского, ни христианского населения [28]. В отличие от иных государственных средств, «коробочный сбор представлял собой реальные денежные средства, накопленные обществами, что зачастую вызывало интерес у администрации, с целью воспользоваться еврейскими деньгами для своих нужд» [41].

После прихода к власти императора Александра II отношение к евреям изменилось. В 1864 и 1870 гг. в Российской империи были учреждены органы

местного самоуправления – Городские думы и Земские собрания, и их исполнительные органы – управы. Согласно Положению о губернских и уездных земских учреждениях от 1 января 1864 г. и Городового положения от 16 июня 1879 г. евреям было разрешено избираться в органы самоуправления при условии оседлости, наличия купеческих свидетельств, недвижимого имущества, владеющих промышленными и торговыми предприятиями, занимающиеся кустарными промыслами или мелкой торговлей. Ограничения для евреев заключались в том, что они не могли быть избраны городскими головами, председателями уездных земских собраний и управ. Исключение составляли караимы в Евпатории, где городским головой 4 срока был избран еврей – караим С.М. Пампулов [29].

В пореформенные десятилетия (1860-е – 1870-е гг.) правительство ослабляло ограничения черты оседлости для различных категорий еврейского населения: 27 ноября 1861 г. повсеместное проживание на территории Российской империи получили лица иудейского вероисповедания с высшим образованием, с учёными степенями кандидата, магистра, доктора; к 1867 г. действие этого закона было распространено на всех врачей-евреев; 28 июня 1865 г. – на ремесленников-евреев; 25 июня 1867 г. – на отставных николаевских солдат; в 1872 г. – на выпускников Санкт-Петербургского технологического института; в 1879 г. – на выпускников всех высших учебных заведений, а также на аптекарских помощников, дантистов, повивальных бабок и их учеников, как и учеников фармацевтов и фельдшеров. Евреи получили право поступать на государственную службу, участвовать в городском и земском самоуправлении и судах. Но и по новым законам (Городовому положению 1870 г.) доля евреев-гласных не могла быть более 30 % от числа гласных в данном городе, пусть хоть с преобладающим еврейским населением, а также не могли избираться городскими головами [30].

Земская реформа 1890 г. лишила евреев права участвовать в органах земского самоуправления. Новое Городовое положение от 11 июня 1892 г. устранило евреев от участия в выборах в органы городского самоуправления (в городах черты оседлости местные власти могли назначать из списка предложенных им еврейских кандидатов в гласные городской думы не более 10 % от общего числа гласных). Созданная в 1864 г. адвокатура первоначально была доступной для евреев, но в 1889 г. министр юстиции Н. Манасеин провел в качестве временной меры постановление, приостанавливавшее принятие в число присяжных поверенных «лиц нехристианских вероисповеданий до издания особого закона». Хотя в этом документе говорилось обо всех «нехристианах», ограничения были направлены исключительно против евреев [31].

Перепись 1879 г. зафиксировала в Крыму 3 481 еврея-крымчака – «иудея с родным турецко-татарским языком». В 1881 г. численность евреев – раввинистов в Крыму превышала 10000 человек; численность караимской общины составляла около 6000 человек. Волна погромов, прокатившаяся по Российской империи в 1881 г. обошла Крым стороной. В следствие чего, после 1881 г. усиливается еврейская эмиграция в Крым. По переписи 1897 г. в Крыму проживало 28 703 еврея – раввиниста (из них около 4500 крымчаков), составлявших 5,2% общего населения Крыма, и около 6000 караимов. В каждом крупном городе Крыма основываются еврейские общины, строятся синагоги, открываются учебные заведения-хедеры. В 1914 г. в Крыму проживало уже около 40–45000 раввинистов (из них около 7000 крымчаков) и около 8000 караимов [32].

Убийство императора Александра II, революционное движение, вызвали беспокойство и привлекли внимание правительства нового императора Александра III (1881—1894 гг.) к еврейскому вопросу. Русский историк П. Зайончковский отметил «ненависть к евреям» нового императора. Он подчеркивал: «Император не был противником какого-либо улучшения положения евреев, глубокомысленно полагая, что если судьба их печальна, то она предначертана Евангелием». Личный антисемитизм императора поддерживался его ближайшим окружением. В частности, председатель Священного Синода К. Победоносцев стремился направить социальные протесты крестьян и рабочих в сторону евреев как «главных эксплуататоров народных масс». Результатом описанного выше восприятия «еврейского вопроса» стало резкое ужесточение политики государственной власти по отношению к евреям [33].

После убийства Александра II, в 1881-1882 гг., волна еврейских погромов прошла по центральным городам Российской империи. Царское правительство создает Особую Комиссию для решения обострившегося еврейского вопроса. 22 августа 1881 г. было опубликовано «Высочайшее повеление», в котором говорилось о «ненормальном отношении между коренным населением некоторых губерний и евреями» и предписывалось «создать в губерниях черты оседлости особые комиссии из представителей местных сословий и обществ под председательством губернаторов для изучения экономической деятельности евреев и определения тех ее аспектов, которые имеют вредное влияние на быт коренного населения», а также для разработки мер по ослаблению этого влияния [34].

2 октября 1881 г. такая комиссия была создана и в Таврической губернии, а 2 ноября датированы все циркуляры, направленные каждому из городских голов губернии, содержащие одинаковый текст и подписанные вице-губернатором А. Булюбашем. Текст этих циркуляров начинался следующим объявлением: «По высочайшему повелению учреждена в Таврической губернии Особая по еврейскому вопросу комиссия, из представителей от разных сословий и обществ...». Целью деятельности комиссии была проверка лояльности крымских евреев к власти, но в циркуляре это было изложено таким образом: «На эту комиссию, между прочим, возложена обязанность собрать на месте сведения, касательно нравственной и экономической деятельности евреев, вредно влияющей на быт коренного населения данных местностей». К 15 ноября 1881 г. городские головы Крыма подали подробные сведения о количественном составе, роде занятий, сведения о недвижимости, количестве учащихся и т.д. Все головы однозначно утверждали, об отсутствии в еврейской среде каких бы то ни было антигосударственных настроений и конфликтов с другим населением. Прокурор Таврической губернии направил в Комиссию информацию о самом низком количестве обвиняемых евреев по уголовным преступлениям (1%), в сравнении с другими национальностями [35].

Таким образом, из всех отчетов городских голов Крыма следовало, что еврейское население не только не приносило вреда своей деятельностью и нравственностью коренному населению, но наоборот, ряд сторон их жизни, а именно: стремление к образованию, родственные и семейные связи, законопослушность, нравственность, благотворительность, предприимчивость могли служить примером для подражания других жителей. Что же касалось занятия ростовщичеством и «монополии» евреев в питейной торговле, то в первом случае этим занимались в губернии не только евреи, но и русские торговцы, о чем писали в своем донесении в

Комиссию городские головы Феодосии, Севастополя, Евпатории [36]. В тоже время, в отчетах городских голов нет сведений о евреях Крыма, избранных гласными (депутатами) органов самоуправления и об их деятельности. Нет сведений о евреях юридической профессии (адвокатах, прокурорах, судей, нотариусов, присяжных заседателей) по всем крымским городам. При наличии этих объективных данных лишний раз подтвердились положительные отзывы городских голов о евреях, проживающих в Крыму.

Из приведенных материалов Особой Комиссии по еврейскому вопросу в Таврической Губернии очевидна, в подавляющем большинстве, положительная оценка деятельности и нравственности евреев. На главный вопрос: «...собрать на месте сведения касательно нравственной и экономической деятельности евреев, вредно влияющей на быт коренного населения данных местностей» [37]. Все должностные лица Крыма, обязанные представить материалы, ответили отрицательно на попытку скомпрометировать крымских евреев. Даже царские чиновники не смогли поддержать инициативу правительства в этом вопросе.

Несмотря на сведения, направленные в Комиссию о полной лояльности евреев к власти, в 1893 г. был издан закон, согласно которому в Ялте разрешалось жить лишь тем евреям, которые были приписаны к городским обществам или получили право повсеместного жительства. Все прочие евреи были высланы. В законе это объяснялось тем, что в Ялте «в летние месяцы проживает царская семья» и что «... усилившийся за последнее время наплыв и прогрессивное умножение числа евреев в городе в связи с заметным среди них стремлением к приобретению недвижимой собственности грозит этому лечебному центру превратиться в чисто еврейский город». Евреям, не имевшим права жительства по всей империи, было запрещено не только вновь селиться в Ялте, но даже приезжать на лечение. Закон соблюдался неукоснительно: из города высылали даже жен евреев с высшим образованием, приехавших отдыхать без мужей [38].

Николай II (1894-1917 годы царствования), ученик К. Победоносцева, продолжал политику своего отца, направленную на борьбу со всеми проявлениями либеральных и революционных настроений, а евреев, он считал главными их носителями. Гнет антиеврейских законов не ослабел с начала нового царствования.

Таким образом, на основании изложенного фактического материала, можно сделать следующие выводы и обобщения:

- заселение Крыма евреями относится к I в. до н.э., на основании данного факта и вполне обоснованно можно считать евреев одним из его самых древних этносов;

- характерной особенностью социума Таврической губернии в XIX в. было еврейское население, которое составляло национальное меньшинство, будучи достаточно многочисленным, занимает обособленное положение относительно всего общества (особенно христиан). Раввины полагали, что ассимиляция евреев неизбежно приведет их к отходу от Талмуда, регулирующего и направляющего все стороны жизни евреев, и требующего обособления евреев от народов, среди которых они живут;

- наблюдается положительный экономический рост городов Крыма в следствие активной торговой деятельности еврейского народа, о чем свидетельствует количество купцов – евреев 2-й гильдии (2, 3 место), количество гласных – евреев в городских думах (2-е место);

–после присоединения Крыма к Российской Империи еврейское население переживает несколько этапов в своем экономическом развитии и правовом положении.

К первому можно отнести периоды царствования Екатерины II и Александра I. Политика власти в этот период показывает заинтересованность в освоении, присоединенных территорий Новороссии, в том числе и Крыма. Евреям впервые была определена «черта оседлости», в которую с 1804 г. вошла и Таврическая губерния. А «Уставом о правах евреев» 1811 г. гарантированы права и свободы в местах «черты оседлости», а также право нахождения на государственной службе.

По социально-экономическому положению в обществе евреи были разделены на пять групп, из которых две – духовенство и купцы, пользовались большими льготами; первые – освобождались от налогов; вторые- имели преимущественное право создавать предприятия и обладали двумя голосами при участии в выборах в общественные учреждения.

В дальнейшем политика царской власти по отношению к евреям была сформулирована в 1802-1823 гг. учрежденным при Сенате «Еврейским комитетом» и успешно реализовывалась в XIX в. Результатом деятельности комитета появилось ограничение экономического и религиозного влияния евреев на христиан; содействие отрыву евреев от свойственного евреям культурно-бытового стиля жизни посредством внедрения идей просветительства и образования; ассимиляция с использованием методов экономического и политического давления с целью поощрения прозелитизма среди евреев.

Второй период связан с царствованием императора Николая I и ужесточением законодательства о пребывании евреев в Крыму, а именно; Указ 1829 г. о разрешении евреям селиться в Крыму, за исключением Севастополя, из которого в 1832 г. выселили всех, кроме служивших солдат и матросов. Ущемлялись общественно-политические права евреев в следствие принятия в 1844 г. Положения «О подчинении евреев общему управлению в городах и уездах», согласно которого «Исполнение в уездах всех распоряжений правительства, относящихся к евреям, производится земскими судами через сельских старост, сотских и десятских, избираемых из местных жителей христиан, в ведомстве коих должны состоять и проживающие в тех местах евреи». Кроме того, указанным документом устанавливалась количественная норма евреев в органах самоуправления (Думах и Ратушах), которая не должна превышать количество христиан. Ущемлялись и гражданские права евреев, которым не разрешалось лечить своих детей в клиниках Москвы и Санкт-Петербурга, что подтверждается письмом Министра внутренних дел от 9 декабря 1843 г. Таврическому губернатору [39].

В целом, политику николаевского периода в отношении евреев можно охарактеризовать как ассимиляторскую, с активностью властей в области военной и образовательной реформ; тенденций, направленных на стимулирование полезной с точки зрения власти деятельности. То есть либо вы ассимилируетесь, либо должны заслужить свое проживание в империи самым тяжелым трудом на благо родины.

В первой пол. XIX в. образовалось особое правовое пространство, в котором евреи – караимы просуществовали с 1835 по 1863 г., постепенно получая привилегии и все более в правовом отношении отделялись от евреев. Следует отметить, что

введение особых привилегий для караимов объяснялось царской властью не иначе, как разницей вероисповедания. При этом язык у караимов был еврейский. В 1830-е годы караимы добились изменения их официального статуса: вместо «еврей-караимы» их стали называть «русские караимы ветхозаветного вероисповедания».

Третий период можно охарактеризовать попыткой правительства императора Александра II законодательно обеспечить экономические и социально-политические права еврейского населения. Крымским евреям было разрешено свободно проживать в городах, без ограничения заниматься предпринимательской деятельностью, участвовать в выборах и быть избранными в городские и земские самоуправления. Поощрялась благотворительность в среде евреев, строительство школ, детских приютов, синагог. Евреи были допущены в сферу юридической профессии (нотариусы, адвокаты, присяжные заседатели и т.д.). В наибольшей степени реформы отразились на улучшении экономического положения евреев.

Развитие капиталистических отношений в России требовало уравнивания всех капиталистов в правах, независимо от их вероисповедания. Это было веление времени. При всём этом большая скученность еврейского населения в черте оседлости содействовала росту нищеты и безработицы. Возникла объективная необходимость выведения трудоспособного еврейского населения за пределы черты оседлости, где существовало больше возможностей для трудоустройства и начала собственного дела. В целом, политика Александра II трактуется учеными, как ограниченная эмансипация евреев.

Фактически правительство Александра II выполнило необходимые условия для обеспечения капиталистических реформ в России применительно к еврейскому населению: были сняты практически все ограничения на купцов 1 гильдии, предоставлены возможности для получения евреями престижного образования и престижных профессий, что открывало им путь к реальной мягкой интеграции в российское капиталистическое общество. Благодаря евреям экономика Крыма стала стремительно развиваться в 60-70-х годы XIX в. В то же время антиеврейские правовые ограничения не давали евреям расширить свой бизнес.

Четвертый период связан с императором Александром III, проявившим открытое враждебное отношение к евреям, заблуждаясь, ошибочно считая их врагами власти. Причина гонений, проявившаяся в ужесточении законодательства, заключалась в глубоком убеждении, что евреи являются носителями революционных идей по свержению власти в империи. Материалы Комиссии о евреях Крыма опровергли взгляды некоторых правительственных чиновников и императора.

В то же время выводы Комиссии 1881-1882 гг. о деятельности евреев в Крыму резко отличались от докладов комиссий других губерний. Городские головы Крыма и прокурор Таврической губернии подтвердили законопослушность и полную лояльность евреев к власти. Конфликтов по национальному, экономическому и политическому признакам не было выявлено.

В 1880-1890-х гг. антисемитский психоз набирал обороты. В Крыму евреям было запрещено селиться в ряде городов, отменены были избирательные права в органы местного самоуправления. Полное устранение евреев из органов самоуправления отрицательно повлияло на городское хозяйство и благоустройство; ухудшилось материальное положение еврейского населения, так как городские думы в черте оседлости переложили на него большую часть муниципальных налогов.

Евреям в империи резко ограничили право в получении высшего образования, обосновывая тем, что «ученики-евреи развращено влияют на их христианских товарищей». Император такие формулировки воспринимал всерьез. Только по особому распоряжению Министра юстиции было разрешено зачислять евреев в присяжные заседатели. На евреев был введен запрет в утверждении присяжными поверенными (адвокатами).

Те же ограничения были распространены и на присяжных стряпчих при коммерческих судах и частных поверенных при уездных съездах. Указанная система распространяла свое действие и на Крым. Новые запретительные законы власти бедственно отразились на положении евреев. Скученное в рамках черты оседлости и теснимое вне ее, ограниченное в гражданской правоспособности, почти лишенное доступа в общую школу, устраненное из многих отраслей труда, преследуемое и унижаемое еврейское население понесло колоссальные потери – материальные и духовные. При этом власть не желала понимать, что ограничивает права русских евреев, проживающих на территории империи, т.е. права своих граждан.

Список литературы

1. Крым. Путеводитель / Под ред. К.Ю.Бумбера, Л.С.Вагина. Симферополь, 1914. – С.285. – Текст: непосредственный.
2. Кизилев М. Евреи в Крыму: история и современность. – Текст: электронный // Горские.ру : [сайт]. – URL: <https://gorskie.ru/jewish/item/4976-evrei-v-krymu-istoriya-i-sovremennost> (дата обращения- 15.12.2020).
3. Энгель В. Курс лекций по истории евреев в России. – Текст: электронный // Хистори.ком : [сайт]. – URL: <http://www.jhistory.nfurman.com/russ/russ001-1.htm> (дата обращения- 15.12.2020).
4. Путеводитель по Крыму / М.А. Сосногорова, Г.Э. Караулов, К.А. Вернер, Н.А. Головкинский; Е. Бондаренко, Н. Риндюк, О. Широков, Е. Бондаренко. – Переизд. с 5-е изд. (1889 г.). – К.: Стилюс, 2010. – 416 с.: ил, карты. – Текст: непосредственный.
5. Еврейская энциклопедия. Свод знаний о еврействе и его культуре в прошлом и настоящем. / Под ред. Каценельсона: В 16-ти тт. Т.14. Спб.,1912. -с.670. – Текст: непосредственный.
6. Пасик Я. Еврейские земледельческие колонии Юга Украины и Крыма: [сайт]. – Текст: электронный // Новости : [сайт]. – URL: <http://evkol.ucoz.com/dobraya.htm> (дата обращения- 16.12.2020).
7. Еврейская энциклопедия. Свод знаний о еврействе и его культуре в прошлом и настоящем. / Под ред. Каценельсона: В 16-ти тт. Т.14. Спб.,1912. С.96. – Текст: непосредственный.
8. Еврейская энциклопедия. Свод знаний о еврействе и его культуре в прошлом и настоящем. / Под ред. Каценельсона: В 16-ти тт. Т.14. Спб.,1912. С.97. – Текст: непосредственный.
9. Карасик Ф. Они сражались за Севастополь. – Текст: электронный // Новости : [сайт]. – URL: http://shorashim.narod.ru/case_karasik.htm (дата обращения- 19.12.2018).
10. Кизилев М. В период Гаскалы и еврейской эмансипации (80-е годы XVIII — 80-е годы XIX века). – Текст: электронный // Либ.ру : [сайт]. – URL: <http://www.hagahan-lib.ru/library/krimskaya-iudeya-ocherki-istorii-evreev-hazar-karaimov-i-krimchakov-v-krimu-s-antichnih-vremen-do-nashih-dney26.html> (дата обращения- 14.12.2020).
11. Кизилев М. Новые жители Крымской Иудеи: «русские караимы» — субботники. – Текст: электронный // Либ.ру : [сайт]. – URL: <http://www.hagahan-lib.ru/library/krimskaya-iudeya-ocherki-istorii-evreev-hazar-karaimov-i-krimchakov-v-krimu-s-antichnih-vremen-do-nashih-dney28.html> (дата обращения- 14.12.2020).
12. Еврейская энциклопедия. Свод знаний о еврействе и его культуре в прошлом и настоящем. / Под ред. Каценельсона: В 16-ти тт. . Том 14. Спб.,1912. – С.98. – Текст: непосредственный.
13. Еврейская энциклопедия. Свод знаний о еврействе и его культуре в прошлом и настоящем. / Под ред. Каценельсона: В 16-ти тт. Т.16. Спб.,1913. С.399-400.; – Текст: непосредственный. Новороссия и Крым Россия. Полное географическое описание нашего отечества / Под ред. Семенова-Тян- Шанского: В 17-ти тт. Т.14. Спб.,1910. С.741; – Текст: непосредственный.

14. Государственный архив Республики Крым (далее – ГАРК). Ф.522. Оп.1. Д.230.; Д.583; Л.1; Д.462. Л.92; Д.1193. Л.3. – Текст: электронный // ВизитЯлта.ком : [сайт]. – URL: <http://vizit.yalta.com.ua/photo/25581> (дата обращения- 10.12.2020).
15. ГАРК. Ф.522.Оп.1. Д.197. Л. 1; Д.205. Л.95; Д.208. Л.2. – Текст: электронный // ВизитЯлта.ком : [сайт]. – URL: <http://vizit.yalta.com.ua/photo/25581> (дата обращения- 10.12.2020).
16. Еврейская энциклопедия. Свод знаний о еврействе и его культуре в прошлом и настоящем. / Под общей ред. Л.Каценельсона. Т.14 // Изд.для научных еврейских изданий и издательства Брокгауз-Ефрон.- Спб.,1913. С.250; – Текст: непосредственный; ГАРК. Ф.522. Оп..1. Д. 1193. Л.29-33.
17. Третья учебная экскурсия Симферопольской мужской гимназии. Симферополь. Отчет, составленный по поручению педагогического совета В.Лашковым. Симферополь: Типография П.Т.Городецкого,1890. С.153, 155-161; – Текст: непосредственный. Справочная книга по г.Симферополю 1911 года. Симферополь, 1911. С.15-16, 34, 35. – Текст: непосредственный.
18. Россия. Полное географическое описание нашего отечества / Под ред. В.П.Семенова- Тянь-Шанского. Т.14.- Новороссия и Крым. Спб.,1910. С.677-679; – Текст: непосредственный. Еврейская энциклопедия. Свод знаний о еврействе и его культуре в прошлом и настоящем./ Под общей ред. Л.Каценельсона. Т.4. // Изд.для научных еврейских изданий и издательства Брокгауз- Ефрон.- Спб.,1913. С.250. – Текст: непосредственный.
19. Третья учебная экскурсия Симферопольской мужской гимназии. Симферополь. Отчет, составленный по поручению педагогического совета В.Лашковым. Симферополь: Типография П.Т.Городецкого,1890. С.143-144; – Текст: непосредственный. Еврейская энциклопедия. Свод знаний о еврействе и его культуре в прошлом и настоящем./ Под общей ред. Л.Каценельсона. Т.4 // Изд. для научных еврейских изданий и издательства Брокгауз-Ефрон.- Спб.,1913. С.250-251. – Текст: непосредственный.
20. Еврейская энциклопедия. Свод знаний о еврействе и его культуре в прошлом и настоящем./ Под общей ред. Л.Каценельсона. Т.7. // Изд.для научных еврейских изданий и издательств Брокгауз- Ефрон.- Спб.,1913. С.433; Путешествие в южную Россию и Крым, совершенное Анатолием Демидовым в 1837 г. М.,1853. С.428. – Текст: непосредственный.
21. Караимские кенасы // Полуостров сокровищ. – Текст: электронный // Крым.ком : [сайт]. – URL: <http://www.poluostrov-krym.com/dostoprimechatelnosti/root/karaimskie-kenasy/2.html> (последнее посещение- 16.02.2020 г.).
22. Самуил Моисевич Пампулов // История Евпатории: от Керкиниты до наших дней. – Текст: электронный // Новости : [сайт]. – URL: <http://evpatoriya-history.info/izvestnie-ludi-v-evpatorii/pampulov-samuil.php> (последнее посещение- 15.02.2020 г.).
23. Путешествие в южную Россию и Крым, совершенное Анатолием Демидовым в 1837 году. М.,1853. С.457. – Текст: непосредственный.
24. Электронная еврейская энциклопедия : [сайт] . – Текст: электронный // Елебен.ко : [сайт]. – URL: <https://eleven.co.il/jews-of-russia/history-status-1772-1917/14679/> (последнее посещение- 15.11.2020 г.).
25. ГАРК. Ф.26. Оп.1. Д.13880. Л.13-14.
26. ГАРК.Ф.26. Оп.1. Д.13880. Л.14.
27. Шполянский В. Правовое положение евреев в Таврической губернии в XIX в. . – Текст: электронный // Либрари.ру : [сайт]. – URL: <http://www.krimoved-library.ru/books/evrei-kryma5.html> (последнее посещение- 15.11.2020 г.).
28. ГАРК. Ф.26. Оп.1. Д.13880. Л.3,46.
29. Хрестоматія з історії держави і права України: В 2-х тт. Т.1./ За ред.В.Д.Гончаренка. Київ,2000. С.264-261; Исаев И.А. История государства и прав России. Курс лекцій. Изд. БЕК: М.,1993. С. 174- 177. – Текст: электронный // ЛайфИнтернет.ру : [сайт]. – URL: <http://www.liveinternet.ru/users/4768613/post370584014/> (последнее посещение – 09.12.2020 г.).
30. Евреи Российской Империи//Еврейский музей и центр толерантности. – Текст: электронный // Арзамас : [сайт]. – URL: <https://arzamas.academy/materials/2203> (последнее посещение- 15.12.2020 г.).
31. Россия. Евреи России в конце 19 – нач. 20 в. (1881-1917)//Электронная еврейская энциклопедия. – Текст: электронный // Евелен.кл : [сайт]. – URL: <https://eleven.co.il/jews-of-russia/general/15442/> (последнее посещение- 10.10.2020 г.).
32. Кизилов М. От погромов до террора // Крымская иудея: очерки истории евреев, хазар, караимов и крымчаков в Крыму с античных времен и до наших дней. – Текст: электронный // Новости : [сайт]. –

- URL: <http://www.hagahan-lib.ru/library/krimskaya-iudeya-ocherki-istorii-evreev-hazar-karaimov-i-krimchakov-v-krimu-s-antichnih-vremen-do-nashih-dney29.html> (последнее посещение- 10.12.2020 г.).
33. Корнилов А.А. Курс истории России XIX века. – М.: «Высшая школа», -1993. С. 410. – Текст: непосредственный.
34. Еврейская энциклопедия. Свод знаний о еврействе и его культуре в прошлом и настоящем./ Под общей ред. Л.Каценельсона.; В 17 тт. Том .7 // Изд. для научных еврейских изданий и издательства Брокгауз-Ефрон.- Спб.,1913. С.380. – Текст: непосредственный.
35. ГАРК. Ф.26. Оп.1. Д.1333. Л.2; Оп.2. Д. 1334. Л.6,7
36. ГАРК. Ф.26. Оп.2. Д.1334. Л. 15, 42, 60-61, 104.
37. ГАРК. Ф. 26. Оп.2. Д.1334. Л.6
38. Евреи в Ялте //Федерация еврейских общин Украины: Ялта. – Текст: электронный // Новости : [сайт]. – URL: <https://www.havanagilla.ru/евреи-в-ялте/> (последнее посещение- 02.03.2016 г.).
39. ГАРК. Ф.26. Оп.1. Д.13485. Л.1.
40. Кизилов М. Крымская иудея: очерки истории евреев, хазар, караимов и крымчаков в Крыму с античных времен и до наших дней. – Симферополь: изд. «Доля», 2011. -366 с. – Текст: непосредственный.
41. Хаеш А. Коробочное делопроизводство как источник сведений о жизни еврейских обществ и их персональном составе. – Текст: электронный // Заметки.ком : [сайт]. – URL: <http://berkovich-zametki.com/Nomer16/Chaesh1.htm> (последнее посещение- 1.12.2020 г.).
42. Гельман Б. Шма Израэль на бастионах// Еврейское слово, 2004, № 8 – Текст: непосредственный.

Pashneva V.A., Parshicheva I.E. Socio-economic situation and legal status of the Jewish population in the Crimea in the 19th century / V.A. Pashneva, I.E. Parshicheva // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean federal university. Juridical science. – 2020. – Т. 6 (72). № 3. – P.9-29.

Legal status of the Jewish population in Crimea in the 19th century has its own characteristics and specifics that differ from other regions of the Russian Empire.

In the first half of the 19th century, the policy of the tsarist government regarding the transformation of the life of the Jews consisted in limiting the economic and religious influence on Christians, as well as introducing the ideas of enlightenment and education. In order to implement this policy, Alexander I in 1802-1823. was approved by the Senate Jewish Committee. The legal acts of Nicholas I (Decrees, Regulations) directly implemented the above policy. The reforms of Alexander II had a positive impact on the economic situation of the Jews of Crimea, Jews received electoral rights, the right to participate in local self-government bodies, etc.

Reforms of the 60s-70s of the XIX century. had a huge impact on the socio-economic position of the Jews, led to the destruction of the patriarchal Jewish community, contributed to the real integration of a part of the Jewish population with Russian society and the formation of a class of Jewish intelligentsia.

The era of counter-reforms of Alexander III worsened the rights of the Jews of Crimea: a ban on living in some cities, restriction of the right to vote in local self-government bodies. Dual policy regarding the Jewish population: the clear persecution of Ashkenazi Jews against the background of a relatively soft attitude towards the Krymchaks, and the complete removal of legal restrictions from the Karaites

Key words: Jewish population, national minority, Pale of Settlement, Karaites, Ashkenazim, Talmudists, Subbotniks, Krymchaks, synagogue, merchants, city council.

Spisok literature

1. Krym. Putevoditel' / Pod red. K.YU.Bumbera, L.S.Vagina. Simferopol', 1914. – S.285. – Текст: непосредственный.
2. Kizilov M. Evrei v Krymu: istoriya i sovremennost' : [sajt].- . – URL : <https://gorskie.ru/jewish/item/4976-evrei-v-krymu-istoriya-i-sovremennost> (data obrashcheniya- 15.12.2020). – Текст: электронный.
3. Engel' V. Kurs lekcij po istorii evreev v Rossii: [sajt].- . – URL : <http://www.jhistory.nfurman.com/russ/russ001-1.htm> (data obrashcheniya- 15.12.2020). – Текст: электронный.
4. Putevoditel' po Krymu / M.A. Sosnogorova, G.E. Karaulov, K.A. Verner, N.A. Golovkinskij; E. Bondarenko, N. Rindyuk, O. SHirokov, E. Bondarenko. – Pereizd. s 5-e izd. (1889 g.). – K.: Stilos, 2010. – 416 s.: il, karty. – Текст: непосредственный.
5. Evrejskaya enciklopediya. Svod znaniy o evrejstve i ego kul'ture v proshlom i nastoyashchem. /Pod red.Kacene'l'sona: V 16-ti tt. T.14. Spb.,1912. -s.670. – Текст: непосредственный.

6. Pasik YA. Evrejskie zemledel'cheskie kolonii YUga Ukrainy i Kryma: [sajt]. – . – URL : <http://evkol.ucoz.com/dobraya.htm> (data obrashcheniya- 16.12.2020). – Tekst: elektronnyj.
7. Evrejskaya enciklopediya. Svod znaniy o evrejstve i ego kul'ture v proshlom i nastoyashchem. / Pod red.Kacnel'sona: V 16-ti tt. T.14. Spb.,1912. S.96. – Tekst: neposredstvennyj.
8. Evrejskaya enciklopediya. Svod znaniy o evrejstve i ego kul'ture v proshlom i nastoyashchem. / Pod red.Kacnel'sona: V 16-ti tt. T.14. Spb.,1912. S.97. – Tekst: neposredstvennyj.
9. Karasik F. Oni srazhalis' za Sevastopol': [sajt]. – . – URL : http://shorashim.narod.ru/case_karasik.htm (data obrashcheniya- 19.12.2018). – Tekst: elektronnyj.
10. Kizilov M. V period Gaskaly i evrejskoj emansipacii (80-e gody XVIII — 80-e gody XIX veka) : [sajt]. – . – URL : <http://www.hagahan-lib.ru/library/krimskaya-iudeya-ocherki-istorii-evreev-hazar-karaimov-i-krimchakov-v-krimu-s-antichnih-vremen-do-nashih-dney26.html> (data obrashcheniya- 14.12.2020). – Tekst: elektronnyj.
11. Kizilov M. Novye zhiteli Krymskoj Iudei: «russkie karaimy» — subbotniki : [sajt]. – . – URL : <http://www.hagahan-lib.ru/library/krimskaya-iudeya-ocherki-istorii-evreev-hazar-karaimov-i-krimchakov-v-krimu-s-antichnih-vremen-do-nashih-dney28.html> (data obrashcheniya- 14.12.2020). – Tekst: elektronnyj.
12. Evrejskaya enciklopediya. Svod znaniy o evrejstve i ego kul'ture v proshlom i nastoyashchem. /Pod red.Kacnel'sona: V 16-ti tt. . Tom 14. Spb.,1912. – S.98. – Tekst: neposredstvennyj.
13. Evrejskaya enciklopediya. Svod znaniy o evrejstve i ego kul'ture v proshlom i nastoyashchem. /Pod red.Kacnel'sona: V 16-ti tt. T.16. Spb.,1913. S.399-400.; – Tekst: neposredstvennyj. Novorossiya i Krym Rossiya. Polnoe geograficheskoe opisanie nashego otechestva / Pod red. Semenova-Tyan- SHanskogo: V 17-ti tt. T.14. Spb.,1910. S.741; – Tekst: neposredstvennyj.
14. Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Krym (dalee – GARK). F.522. Op.1. D.230.; D.583; L.1; D.462. L.92; D.1193. L.3; : [sajt]. – . – URL : <http://vizit.yalta.com.ua/photo/25581> (data obrashcheniya- 10.12.2020). – Tekst: elektronnyj.
15. GARK. F.522.Op.1. D.197. L. 1; D.205. L.95; D.208. L.2; : [sajt]. – . – URL : <http://vizit.yalta.com.ua/photo/25581> (data obrashcheniya- 10.12.2020). – Tekst: elektronnyj.
16. Evrejskaya enciklopediya. Svod znaniy o evrejstve i ego kul'ture v proshlom i nastoyashchem. / Pod obshchej red. L.Kacnel'sona. T.14 // Izd.dlya nauchnyh evrejskih izdanij i izdatel'stva Brokgauz- Efron.- Spb.,1913. S.250; – Tekst: neposredstvennyj; GARK. F.522. Op.1. D. 1193. L.29-33.
17. Tret'ya uchebnaya ekskursiya Simferopol'skoj muzhskoj gimnazii. Simferopol'. Otchet, sostavlennyy po porucheniyu pedagogicheskogo soveta V.Lashkovym. Simferopol': Tipografiya P.T.Gorodeckogo,1890. S.153, 155-161; – Tekst: neposredstvennyj. Spravochnaya kniga po g.Simferopolyu 1911 goda. Simferopol', 1911. S.15-16, 34, 35. – Tekst: neposredstvennyj.
18. Rossiya. Polnoe geograficheskoe opisanie nashego otechestva / Pod red. V.P.Semenova- Tyan-SHanskogo. T.14.- Novorossiya i Krym. Spb.,1910. S.677-679; – Tekst: neposredstvennyj. Evrejskaya enciklopediya. Svod znaniy o evrejstve i ego kul'ture v proshlom i nastoyashchem./ Pod obshchej red. L.Kacnel'sona. T.4. // Izd.dlya nauchnyh evrejskih izdanij i izdatel'stva Brokgauz- Efron.- Spb.,1913. S.250. – Tekst: neposredstvennyj.
19. Tret'ya uchebnaya ekskursiya Simferopol'skoj muzhskoj gimnazii. Simferopol'. Otchet, sostavlennyy po porucheniyu pedagogicheskogo soveta V.Lashkovym. Simferopol': Tipografiya P.T.Gorodeckogo,1890. S.143-144; – Tekst: neposredstvennyj. Evrejskaya enciklopediya. Svod znaniy o evrejstve i ego kul'ture v proshlom i nastoyashchem./ Pod obshchej red. L.Kacnel'sona. T.4 // Izd. dlya nauchnyh evrejskih izdanij i izdatel'stva Brokgauz-Efron.- Spb.,1913. S.250-251. – Tekst: neposredstvennyj.
20. Evrejskaya enciklopediya. Svod znaniy o evrejstve i ego kul'ture v proshlom i nastoyashchem./ Pod obshchej red. L.Kacnel'sona. T.7. // Izd.dlya nauchnyh evrejskih izdanij i izdatel'stv Brokgauz- Efron.- Spb.,1913. S.433; Puteshestvie v yuzhnuyu Rossiyu i Krym, sovershennoe Anatoliem Demidovym v 1837 g. M.,1853. S.428. – Tekst: neposredstvennyj. Rossiya. Polnoe geograficheskoe opisanie nashego otechestva / Pod red. V.P.Semenova-Tyan- SHanskogo. T.14. Novorossiya i Krym. Spb.,1910. S.683 : [sajt]. – . – URL : <http://dspace.nbuv.gov.ua/xmlui/bitstream/handle/> (data obrashcheniya- 10.02.2018). – Tekst: elektronnyj.
21. Karaimskie kenasy // Poluostrov sokrovishch : [sajt]. – . – URL : <http://www.poluostrov-krym.com/dostoprimechatelnosti/root/karaimskie-kenasy/2.html> (poslednee poseshchenie- 16.02.2020 g.). – Tekst: elektronnyj.
22. Samuil Moisevich Pampulov // Istoriya Evpatorii: ot Kerkinity do nashih dnei : [sajt]. – . – URL : <http://evpatoriya-history.info/izvestnie-ludi-v-evpatorii/pampulov-samuil.php> (poslednee poseshchenie- 15.02.2020 g.). – Tekst: elektronnyj.
23. Puteshestvie v yuzhnuyu Rossiyu i Krym, sovershennoe Anatoliem Demidovym v 1837 godu. M.,1853. S.457. – Tekst: neposredstvennyj.

24. Elektronnaya evrejskaya enciklopediya : [sajt]. – . – URL : <https://eleven.co.il/jews-of-russia/history-status-1772-1917/14679/> (poslednee poseshchenie- 15.11.2020 g.). – Tekst: elektronnyj.
25. GARK. F.26. Op.1. D.13880. L.13-14.
26. GARK.F.26. Op.1. D.13880. L.14.
27. SHpolyanskij V. Pravovoe polozhenie evreev v Tavricheskoj gubernii v XIX v. : [sajt]. – . – URL : <http://www.krimoved-library.ru/books/evrei-kryma5.html> (poslednee poseshchenie- 15.11.2020 g.). – Tekst: elektronnyj.
28. GARK. F.26. Op.1. D.13880. L.3,46.
29. Hrestomatiya z istorii derzhavi i prava Ukraïni: V 2-h tt. T.1./ Za red.V.D.Goncharenka. Kiïv,2000. S.264-261; Isaev I.A. Istoriya gosudarstva i prav Rossii. Kurs lekcij. Izd. BEK: M.,1993. S. 174- 177. : [sajt]. – . – URL : <http://www.liveinternet.ru/users/4768613/post370584014/> (poslednee poseshchenie – 09.12.2020 g.). – Tekst: elektronnyj.
30. Evrei Rossijskoj Imperii//Evrejskij muzej i centr tolerantnosti : [sajt]. – . – URL : <https://arzamas.academy/materials/2203> (poslednee poseshchenie- 15.12.2020 g.). – Tekst: elektronnyj.
31. Rossiya. Evrei Rossii v konce 19 – nach. 20 v. (1881-1917)//Elektronnaya evrejskaya enciklopediya. : [sajt]. – . – URL : <https://eleven.co.il/jews-of-russia/general/15442/> (poslednee poseshchenie- 10.10.2020 g.). – Tekst: elektronnyj.
32. Kizilov M. Ot pogromov do terrora // Krymskaya iudeya: ocherki istorii evreev, hazar, karaimov i krymchakov v Krymu s antichnyh vremen i do nashih dnei : [sajt]. – . – URL : <http://www.hagahan-lib.ru/library/krimskaya-iudeya-ocherki-istorii-evreev-hazar-karaimov-i-krimchakov-v-krymu-s-antichnih-vremen-do-nashih-dnei29.html> (poslednee poseshchenie- 10.12.2020 g.). – Tekst: elektronnyj.
33. Kornilov A.A. Kurs istorii Rossii HIH veka. – M.: «Vysshaya shkola», -1993. S. 410. – Tekst: neposredstvennyj.
34. Evrejskaya enciklopediya. Svod znaniy o evrejstve i ego kul'ture v proshlom i natoyashchem./ Pod obshchej red. L.Kaceneľ'sona.; V 17 tt. Tom .7 // Izd.dlya nauchnyh evrejskikh izdaniy i izdatel'stva Brokgauz-Efron.- Spb.,1913. S.380. – Tekst: neposredstvennyj.
35. GARK. F.26. Op.1. D.1333. L.2; Op.2. D. 1334. L.6,7
36. GARK. F.26. Op.2. D.1334. L. 15, 42, 60-61, 104.
37. GARK. F. 26. Op.2. D.1334. L.6
38. Evrei v YAlte //Federaciya evrejskikh obshchin Ukrainy: YAlta : [sajt]. – . – URL : <https://www.havanagilla.ru/evrei-v-yalte/> (poslednee poseshchenie- 02.03.2016 g.). – Tekst: elektronnyj.
39. GARK. F.26. Op.1. D.13485. L.1.
40. Kizilov M. Krymskaya iudeya: ocherki istorii evreev, hazar, karaimov i krymchakov v Krymu s antichnyh vremen i do nashih dnei. – Simferopol': izd. «Dolya», 2011. -366 s. – Tekst: neposredstvennyj.
41. Haesh A. Korobochnoe deloproizvodstvo kak istochnik svedeniy o zhizni evrejskikh obshchestv i ih personal'nom sostave : [sajt]. – . – URL : <http://berkovich-zametki.com/Nomer16/Chaesh1.htm> (poslednee poseshchenie- 1.12.2020 g.). – Tekst: elektronnyj.
42. Gel'man B. «SHma Israel' na bastionah», Evrejskoe slovo, 2004, № 8 – Tekst: neposredstvennyj.

УДК 342

DOI: 10.37279/2413-1733-2020-6-3-30-41

КОНСТИТУЦИЯ КАК ОБЪЕКТ ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ: ИСТОРИКО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Трифонов С. Г.

Крымский филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»

Идеи и представления о необходимости существования особых средств защиты конституции возникают и развиваются одновременно с появлением первых писанных конституций. Исследование защиты конституции позволяет выявить правовой инструментарий, который может быть задействован для предупреждения посягательства на конституционные принципы и ценности.

В статье проанализировано значение термина конституция в исторической ретроспективе, освещается органическая связь терминов конституция и конституционализм, уделено внимание мыслям ученых-просветителей о конституции и ее правовой охране. А также охарактеризованы приемы, применявшиеся для охраны первых конституций.

Идеи по определенной охране или защите конституции возникли сразу же с появлением первых конституций. Воплощались они постепенно или находя свое выражение в самом конституционном тексте или следуя по развитию судебной практики. Такими средствами постепенно становились институт отмены актов, образование конституционно-правового института гаранта и хранителя конституции, институт конституционного контроля, процедура изменения конституции и иные.

Ключевые слова: конституция, закон, конституционализм, правовая защита, правовая охрана, правопорядок, юридическая сила.

Выясняя специфику конституции как особого объекта правовой защиты невозможно обойти вопрос относительно самой природы конституции как таковой. Сам термин «конституция» относится к группе древнейших юридических терминов, известных сегодня правоведению, ему более двух тысяч лет.

Термин «конституция» использовался в течение длительного времени, однако его содержание за этот период существенно менялось [1, С. 35-36]. Вообще, как отмечает Е.Е. Понтович, «представление о том, что не все законы имеют одинаковое значение, что среди множества законов, действующих в государстве, некоторые играют роль основных, с которыми все другие должны быть согласованы, не было чуждо народам самых отдаленных от нас исторических эпох» [2, С. 6]. В то же время термин «конституция», который встречался еще в законодательстве Древнего Рима и обозначал в то время различные акты, которые устанавливались императором и закрепляли устройство государства, однако отнюдь не основной закон государства, возглавляющий пирамиду законодательства [3, С. 50-58]. Существует предположение, что толчком для использования латинского слова «constitute» как юридического понятия первично послужило употребление в заголовке официальных документов Древнего Рима времен Принципата и Домината. Это понятие употреблялось в словосочетании «Rem Publicum Constituera...» – «Римский народ устанавливает...». Позже глагол «устанавливает» трансформируется в существительное «установление, устройство», что и дало начало многочисленным

древним «конституциям» [4, С. 88-89]. Аналоги конституции также имели греческие города-полисы [5, С. 68].

Позднее конституциями начали называть некоторые акты императоров, посвященные различным вопросам, включая организации властвования. Термин «конституция» употреблялся и после разделения и фактического распада единой империи: например, соответствующее название имели акты императора Юстиниана, изданные с целью кодификации римского права [6]. Кодексы Юстиниана как источник гражданского права были утверждены «конституциями» императора [7, С. 183]. Далее этот термин потерял значение и связь с государственным правом: в Средневековой Европе он применялся лишь в каноническом праве для обозначения некоторых актов Папы Римского [6].

Кроме употребления в нормативно-правовой практике средневекового государства термина «конституция», в те времена начинают использовать еще и другой, который и сегодня распространен в конституционном праве. Речь идет о словосочетании «основной закон» – *lex fundamentalis*. Значительно позже этот термин начал употребляться, собственно, как синоним Конституции [8].

Поскольку латынь была широко распространена в среде образованных людей (особенно юристов), постольку применялся термин «*lex fundamentalis*», но использовались также и переводы этого термина на другие европейские языки – «*fundamental law*» (английский), «*loi fondamentale*» (французский), «*Grundgesetz*» (немецкий). Обычно считалось, что в каждой стране существовало несколько основных законов, которые регулировали отдельные фундаментальные вопросы функционирования государства и правящей династии (например, порядок престолонаследия). И все же основные законы, хотя и именовались «основными», в этот период не отличались от других законов юридической силой или порядком принятия [9, С. 52].

В XVI в. Во Франции *lex fundamentalis* впервые был введен в научный оборот французских публицистов-тираноборцев (монархомахов) Ф.Дюплесси-Монре, Ф. Отмана, Дж. Бьюкенена. Идея Конституции как основного закона в представлении монархомахов предусматривала существование в государстве такого высшего нормативного акта, который бы ограничивал власть монарха-самодержца [10, с. 89].

Многие исследователи склонны считать порой зарождения конституционализма в его современном понимании начало XVII в. Именно тогда в западных общественно-политических учениях началась кристаллизация двух идей, которые составляют основу конституционализма. Во-первых, это ограничения власти государства по отношению к обществу и уважение прав индивида. Во-вторых, это применение принципа разделения властей между различными институтами внутри самой государственной машины [11, С. 192].

Своеобразный ренессанс термина «Конституция» состоялся в XVII-XVIII веках. Одним из первых для целей характеристики государственного строя термин «конституция» употребил Ш. Монтескье: название «О конституции Англии» (фр. *de la constitution d'angleterre*) имела глава его сочинения «О духе законов» (1748 год), в котором изложена его концепция разделения властей [12].

Итак, о конституции в современном понимании этого слова можно говорить лишь с XVIII века. Именно в XVIII веке окончательно доктринально оформляется концепция конституционализма. Согласно этой концепции, непосредственно

предшествовала полному вызреванию идей правового государства, конституция представляет собой фундамент правовой системы страны, содержит основополагающие принципы и основные моменты правового регулирования государственной и общественной жизни и прав человека [9, С. 53].

Современное толкование термина «Конституция» связано с Англией, в которой утвердилось слово *constitution*. До основных правовых памятников, которые донныне образуют наряду с современными парламентскими актами уставную часть британской конституции, относят Великую хартию вольностей 1215 г., Петицию о праве 1628 г., Хабеас корпус акт 1679 г., Билль о правах 1689 г., Акт об устройстве 1709 г. и др. [13, с. 36]. Причем Биллю о правах и Act of Settlement придается высшее значение, а английская литература всегда говорит об английской конституции и ее истории [13, С. 37]. Стоит только вспомнить классическую работу А. Дайси – «Introduction to the study of law of the constitution» [14].

Конституция Великобритании как совокупность правовых актов (законов и судебных решений прецедентного значения) и различных источников обычного характера является уникальной прежде всего по форме. Поэтому Конституцию Великобритании принято определять как неписанную, хотя британские авторы акцентируют внимание на ее несистематизированном характере. Британский опыт по форме конституционного регулирования сегодня практически не имеет последователей, но его содержание оказало огромное влияние на развитие мировой теории и практики конституционализма [15, с. 23].

Представление о писаном основном законе приобретает практическое значение впервые в американских колониях Англии [16, С. 495]. Поэтому принятие писаной конституции – феномен, возникший относительно недавно, и получил распространение с обретением независимости американскими колониями в XVIII веке. [17, С. 102].

Предложение создать писаную конституцию, которая определит контуры «ограниченного правления» и будет объединять не только позитивные нормы, но и неписанные нормы и принципы естественно-правового (трансцендентного) происхождения, что было воплощено в ходе американской революции XVIII в., является важным вкладом США в доктрину конституционализма. Эта идея была совершенно новой на фоне европейского развития того времени [13, С. 147].

В конституционно-правовой доктрине появление писаных конституций нового типа нередко связывают с именем Монтескье и его обоснованием доктрины разделения властей. Его тезис о том, что свобода и права индивида могут быть обеспечены лишь при строгом разделении властей, на определенном этапе общественного развития получила широкое признание и стала своеобразным политическим догматом. В частности, в Декларации прав 1789 г. говорилось о том, что там, где нет разделения властей и обеспечения прав человека и гражданина, не имеет конституции. Именно с этой самой поры слово «конституция» стало политическим термином с вполне определенным содержанием. Если раньше это слово обозначало государственное устройство вообще, то теперь оно стало синонимом лишь четко определенного государственного устройства [13, С. 22-23].

По мнению К. Хессе, конституция является основным правовым порядком жизни общества. Она определяет руководящие принципы, согласно которым формируется политическое единство и должны быть правильно поняты задачи, стоящие перед

государством. Она регулирует преодоление конфликтов в обществе, упорядочивает организацию и процесс формирования политического единства и деятельность государства. Она создает основу и нормирует основы общеправового режима. В целом она является основополагающим, базирующимся на определенных продуманных принципах, структурным планом правового оформления жизни общества [18, С. 108].

Однако соответствующее сочетание конституции в формальном смысле, выраженной в исторически обусловленной правовой форме основного закона государства, и конституции в материальном смысле иногда игнорируется, и за последнюю выдают выраженный в любой правовой форме (формах) порядок государственного властвования [19, С. 22].

Говоря о конституции, мы должны подчеркнуть ее неразрывную связь с конституционализмом. Этимологически понятие «конституционализм» является производным от слова «конституция», причем взятого не только в его формально-юридическом значении (основной закон государства), но и в собственно лингвистическом [20, С. 48]. Термин Конституция в обществе, где существует конституционное государство (деятельность государства направляется только на обеспечение определенных, нормативно определенных общественных целей согласно общепризнанным и определенным правовым принципам и нормам), понимается в широком смысле как Конституция, основанная на идеологии конституционализма. Реализовать идеологию конституционализма на практике призваны судебные органы конституционной юрисдикции, которые для достижения цели должны непосредственно применять конституционные нормы не только в узко нормативном положительном значении [21, С. 149]. Первые идеологи конституционализма рассматривали конституцию как особый закон, который должен ограничивать персонифицированную (воплощенную в людях, а не в законе) государственную власть, стимулировать производство и торговлю, гарантировать демократический строй, защищать органические (неотчуждаемые) права и свободы человека [22, С. 26].

Любая конституция – это главный нормативный фактор установления и поддержания горизонтальных рыночных взаимоотношений, гарант свободы и неприкосновенности индивида и гражданского общества в целом, правовое средство ускорения всех социальных взаимодействий [23]. Главное в конституционализме – принципиально новый тип отношений между юридическими и физическими лицами-субъектами. Конституционализм обеспечивает правовой порядок, при котором каждый имеет возможность выйти на горизонты рынка (в широком смысле слова) с тем, что он имеет, не обращаясь при этом в иерархические структуры политической или административной власти [24, С. 377]. На концепции конституционализма основывается механизм внешнего ограничения государственной власти «высшим» правом, поскольку она практически ничего не имеет общего с внутренним самоограничением согласно концепции правового государства в положительном смысле – государство ограничено правом, которое она принимает [25, С. 146].

По мнению А.Шайо, согласно классическим понятиям конституционализма, конституционное регулирование предполагает подчинение государственных органов праву с тем, чтобы эти органы не могли вмешиваться в сферу свободы [26, С. 140]. В то же время конституции буквально напигованы полномочиями по охране

общественного порядка и спокойствия; люди склонны согласиться принять ограничения своих прав, отказаться от демократического участия в жизни общества, только чтобы не было хаоса, неразберихи. Этот общественный покой, безопасность – те факторы, ради которых они, как правило, терпят и государственную власть, осуществляемую незаконно, чтобы только устранить беспорядки [26, С. 143].

Если обобщить, конституции ориентированы и на безопасность (стабильность, защищенность), и на свободу. Безопасность является такой же конституционной ценностью, как и свобода, хотя, безусловно, безопасность должна в конце концов подчиняться свободе. При этом в современном мире существует лишь два типологических подхода в определении органического конституционного устройства: американский (с приоритетом свободы) и европейский (с приоритетом стабильности, не отрицающей свободы).

Говоря об историческом процессе возникновения и современного понимания конституции, мы должны выяснить содержание правовых институтов, которые возникли одновременно с появлением конституций или уже впоследствии специально для того чтобы сохранить такую конституцию как таковую, прежде всего как определенный набор материальных принципов и ценностей, а также как формально-определенный документ, в котором такие принципы и ценности фиксируются. Очевидно, что правового инструментария, который существовал перед этим, было недостаточно. В литературе такой особый набор правового инструментария сейчас именуется защитой, охраной, гарантированием конституции. Терминологическая дискуссия по данному вопросу еще ведется, но представляется, что именно термин «защита конституции» полностью отражает суть явления.

Идеи охраны и защиты конституции возникали сразу же с появлением первых конституций. Первые конституции рассматривались как высший закон страны. Поскольку все власти рассматривались как делегированные народом, то все они ограничены основным законом, который признается непосредственным выражением народной воли. На практике считалось прочно установленным и общепризнанным положение, – хотя оно нигде не было прямо выражено, что все законодательные акты подлежат проверке судом с точки зрения соответствия их конституции. По мнению Г. Еллинека, это положение следовало из предыдущего государственного порядка американских колоний, в соответствии с которого колониальные законы всегда подлежали проверке английского судьи с точки зрения согласованности их с более высокой нормой английского права [16, С. 49].

Само по себе приведение конституции в нормативное состояние, придание ей обязательного юридического статуса мало что значит. Для того, чтобы определять правовую систему, Конституции нужно быть альфой и омегой права, основным законом, стоящим над всеми другими юридическими нормами. В Великобритании, например, законы, обеспечивающие принципы конституционализма, если эти принципы вообще сформулированы в виде законов, в любое время могут быть заменены другими законами. В любых других культурах это сделало бы конституционализм теоретически невозможным. Поэтому верховенство конституции как правового регулятора следует обеспечить правовыми техническими способами [26, С. 247].

Идея правовой защиты конституции как таковая известна еще со времен появления и утверждения первых конституций (конец XVIII – начало XIX века). Ведь

вместе с появлением конституции встали непростые задачи, связанные с обеспечением ее верховенства, стабильности, эффективности действия ее норм. Одновременно обеспечения стабильности конституционных положений фактически означало и сохранение основных завоеваний революций (национально-освободительных войн, народных восстаний) при переходе государств от тоталитарных к демократическим формам правления – институту прав и свобод человека, народному суверенитету, разделению властей, парламентаризму, местному самоуправлению [27, С. 195]. Зарождение идеи правовой охраны конституции происходило в течение XII-XVII веков и наиболее четко сформировалось в институте отмены актов, которые противоречили Основному Закону, который по сути являлся прототипом конституционного контроля [28]. Как писал К. Шмитт, планы и предложения основания гаранта и хранителя конституции в новейшей конституционной истории впервые возникли в Англии после смерти Кромвеля (1658), причем после первых современных попыток создания писаных конституций во время внутривластного распада республиканского правительства ввиду неспособности парламента принимать предметные решения и непосредственно перед реставрацией монархии. Тогда предлагалось, например, создать особую корпорацию, которая наподобие спартанского эфорта должна была охранять существующий порядок Commonwealth и не допускать реставрации монархии [29, С. 130].

Одним из практических шагов по созданию органа конституционного контроля в Европе рассматривают Охранительный Сенат (Senat Conservateur), созданный согласно Конституции Франции 1799 г. [30]. Senat Conservateur сыграл роль хранителя конституции только после военного поражения Наполеона, когда декретом от 3 апреля 1814 объявил Наполеона и его семью лишенным власти за нарушение конституции и прав народа. Характерны в отношении охраны конституции также определение Баварской (1818) и Саксонской (1831) конституций. В разделе «Об охране конституции» рассматривается: 1) присяга короля, государственных служащих и граждан государства на верность конституции; 2) право сословий состояний подавать жалобы в случае нарушения конституции; 3) право сословий предъявлять обвинения в случае нарушения конституции; 4) условия изменения конституции. Саксонская конституция, кроме того, рассматривает в этом разделе еще и полномочия государственного суда толковать конституцию в спорных случаях, когда нет согласия между правительством и сословиями [30, Стр. 30].

В Северной Америке органом конституционного контроля стал Верховный Суд США, который положил начало зарождению первого этапа осуществления конституционного контроля [31, С. 15]. Основывая американскую модель конституционного контроля в деле Мэбэри против Мэдисона, председатель Верховного суда Дж. Маршал высказался так: «Конституция либо является высшим законом, который невозможно изменить обычными законами, либо стоит на их уровне... Тогда конституция не что иное как абсурдная попытка ограничить власть».

В конце XIX – начале XX в. под правовой охраной Конституции в основном понимали конституционные гарантии, назначение которых – оберегать неприкосновенность государственного устройства, ликвидируя возможность неконтролируемых или преждевременных изменений текста основных законов, а также их нарушения [31, С. 26].

Важно заметить, что особая природа Конституции обуславливает и сегодня положения многих конституций, об их верховенстве и тому подобное. Рассматривая соответствующее положение, содержащееся в Основном Законе ФРГ 1949 г., К. Собота вполне справедливо обращает внимание на соотношение верховенства конституции с другими конституционными ценностями, в частности, народным суверенитетом. Ученый отмечает, что связанность законодателя конституцией, как это определяет ч. 3 ст. 20 («Законодательная власть связана конституционным строем, исполнительная и судебная власть – законом и правом») вместе с ч. 3 ст. 79 («Изменения Основного закона, затрагивающие разделение Федерации на земли, принципы участия земель в законодательстве или принципы, закрепленные статьями 1 и 20, не допускаются»), не должна обязательно означать приверженность к одной из определенных догматикой систем естественного права и отрицание принципа республики. С другой стороны, это открывает воображаемое пространство, в котором силу некоторых фундаментальных юридических норм является независимой от активности граждан и их законодательных органов [183, С. 59].

М. Ориу понимает конституционный закон в смысле некоторого высшего закона в сравнении с обычными законами, которые основываются и на его суверенитете, его существование влечет за собой ограничение суверенитета правительства и особенно законодательной власти [32, С. 629].

Представляется, с формально-юридической точки зрения учредительная власть выражается в разграничении юридической силы положений конституции и законов, в соответствии с чем конституция является основным законом. Нормы конституции в качестве основной нормы определяют основные направления законодательной политики, поскольку они нуждаются в конкретизации и детализации парламентом в текущем законодательстве. Поэтому правовая политика парламента должна осуществляться в русле ценностей, основных прав и свобод, которые заложены и вытекающих из «буквы» и «духа» основного закона. Сегодня конституция признается в качестве основного закона, который принимается по специальной процедуре отличной от законодательной. Поэтому Конституция и обеспечивается специальным порядком защиты.

Создание системы правовой охраны конституции является закономерным следствием правовой природы Основного Закона, согласно которой обусловлены ее юридические свойства. Правовая защита конституции как необходимое условие надлежащего функционирования конституционной государственности является неотъемлемой составляющей механизма ее действия. Правовая защита конституции зависит от типа конституционализма, который царит в конкретно исторически сложившемся типе общества, а значит и от социальной ценности конституции.

Система правовой защиты конституции является современным институтом конституционного права Российской Федерации. Как правило, в литературе проблему обеспечения стабильности и верховенства Основного закона рассматривают в контексте правовой охраны конституции.

Необходимым условием обеспечения верховенства и стабильности Конституции, высокой эффективности действия ее положений во всех сферах жизнедеятельности общества является правовая охрана Конституции. В тоже время на сегодняшний день целесообразно выделить по крайней мере две основные составляющие практического обеспечения принципа верховенства конституции. С

одной стороны, это гарантии обеспечения высшей юридической силы конституции, которые предусматривают эффективность процессов и процедур охраны конституции. С другой стороны, это гарантии обеспечения прямого действия конституционных норм [33].

Однако не все конституции имеют реальное юридическое верховенство. «Фиктивные» (символические, витринные) Конституции, существовавшие и существующие в мире, его не имеют, хотя формально оно и может быть там задекларировано.

Именно стабильность Конституции и конституционного строя в решающей степени зависит от соблюдения Конституции и прямо пропорциональна законопослушности граждан. Но в любом обществе есть организации и люди, цель и деятельность которых представляют угрозу для Конституции. Угроза также может исходить от превышения полномочий со стороны должностных лиц и государственных органов. Нарушение Конституции приводит к порождению хаоса, опасности государственных переворотов, нарушениям прав человека. Поэтому демократические государства обязаны обеспечивать соблюдение Конституции и охранять ее от любых посягательств [34, С. 30]. Эффективная правовая охрана Конституции зависит от применения средств, направленных на восстановление законного состояния, исключения и предотвращения возможных нарушений конституционных положений.

Потребность в охране конституции, в обеспечении конституционной законности возникает не только в связи умышленными посягательствами. Охраны требует сама возможность воспользоваться закрепленными в конституции нормами, которая может оказаться неосуществимой или весьма затрудненной в силу сложившейся практики правоприменительной деятельности, несовершенства текущего законодательства, в частности его противоречия конституционным положениям [34, С. 41].

Кроме того, чем в большей степени нормы Конституции, закрепляющие основы государственного и общественного устройства, соответствуют конкретной исторической ситуации в стране, чем тверже решимость сохранить существующий государственный и общественный строй, тем эффективнее предупреждаются нарушения конституционных положений, или же восстанавливаются нарушенные конституционные нормы. Если же в обществе отсутствует принципиальный консенсус относительно общих принципов организации государства и общества, конституция теряет основу своей жизненной силы и действенности, реализация ее норм не может быть обеспечена только лишь организационно-правовыми гарантиями [35, с.14].

Еще Г. Еллинек писал: «если обратимся назад к истории, то мы с удивлением увидим как глубинные основы государства, на которых она, казалось, незыблемо существовало на протяжении многих веков, могут сломаться, расшататься и упасть без малейшего участия законодателя... Конституции могут умирать вследствие того, что ценность их учреждений падет так низко, что они уже никому не будут нужны, что в конце концов, не найдется больше людей которые пожелали бы отдать свою волю на служение этим учреждениям. Могут существовать гордые суверенные народные собрания, в которых в конце концов, никто не захочет участвовать. Таким примером является *populus Romanus*. Римские комиции никогда не были отменены» [16, С. 54].

К. Хессе в этом же ключе писал о том, что созданные институциональные гарантии не представляют собой абсолютной защиты. Прочность конституций является, в первую очередь, вопросом ее нормативной силы. Чем больше конституционный порядок отвечает условиям исторической ситуации, чем больше готовность признавать содержание конституции как обязательное и чем крепче решимость этот смысл актуализировать, даже вопреки сопротивлению, тем быстрее и надежнее можно избежать или предотвратить нарушения. Где принципиальное согласие, на котором основывается в конечном счете нормативная сила конституции, отсутствует или теряется, конституция теряет основу своей жизненной силы или действенности, и одни только институциональные гарантии не способны помочь [18, с. 32].

Из вышеприведенного можно сделать следующие выводы:

Термин «конституция» имеет древнее происхождение, история которого начинается с законодательства Древнего Рима, а в XVI ст. появляются упоминания об «основном законе» – *lex fundamentalis*. Однако термин «конституция» в современном понимании, прежде всего как инструмент разделения и ограничения власти, а также гарантирования прав человека, начинает употребляться в XVIII веке, когда появляется концепция конституционализма. В противовес конституции гибкой (Великобритания), представление о формальной конституции как писаном акте с соответствующим названием «конституция» появляется в ее американских колониях, где сначала в отдельных штатах а впоследствии в рамках нового государства – Соединенных Штатов Америки принимается Конституция (1787 г.)

Учитывая выделение в конституциях ценностных аспектов, можно выделить два подхода к их пониманию конституции: широкий и узкий. Согласно первому подходу, Конституция определяет устройство страны. Каким бы он ни был (авторитарный, тоталитарный, без разделения властей, провозглашения прав человека), акт, который его определяет имеет право называться конституцией и его содержательное наполнение не имеет значения (Г. Еллинек, Ф. Лассаль). Согласно же второму подходу, более узкому, Конституцией является такой формальный акт, который воплощает в себе определенные принципы, в частности свободу, равенство и т. п. (Е. Понтович).

Вполне справедливо выделять понятие конституции в формальном и материальном смысле, последнее же имеет своим наполнением определенные ценности. Материальное значение конституции является обязательным для органического конституционализма, а наличие конституции в формальном значении – желанным. Говоря о конституции, необходимо подчеркнуть ее неразрывную связь с конституционализмом.

Идеи по определенной охране или защите конституции возникли сразу же с появлением первых конституций. Воплощались они постепенно или находя свое выражение в самом конституционном тексте или следуя по развитию судебной практики. Такими средствами постепенно становились институт отмены актов, образование конституционно-правового института гаранта и хранителя конституции, институт конституционного контроля, процедура изменения конституции и другие. Такие правовые институты возникли специально для того, чтобы сохранить такую конституцию таковой как она есть, прежде всего, как определенный набор материальных принципов и ценностей, а также как формально – определенный документ, в котором такие принципы и ценности фиксируются. В литературе такой

особый набор правового инструментария сейчас именуется защитой, охраной, гарантированием конституции.

Предпосылкой защиты конституции в правовом смысле является определенный общественный консенсус по поводу ключевых ценностей, наличие определенной гражданской культуры, развитого гражданского общества, автономного индивида-собственника, то есть всех тех предпосылок конституционализма, без которых реализация конституции будет всегда сталкиваться с большим количеством проблем.

Список литературы

1. Овсепян, Ж. И. Развитие научных представлений о понятии и сущности конституции. Известия вузов. Правоведение / Ж. И. Овсепян – Текст : непосредственный. – 2006. – № 5. – С. 35–36.
2. Понтович, Э. Э. Развитие конституции и учредительная власть / Э. Э. Понтович. – Петроград: Огни, 1918. – 91 с. – Текст : непосредственный.
3. Автономов, А. Конституция как ценность. / А. Автономов – Текст : непосредственный // Сравнительное конституционное обозрение. – 2008. – № 3. – С. 50–58.
4. Шустров, Д. Г. Сущность конституции: основные теории : монография / Д. Г. Шустров. – Юрлитинформ. – Москва, 2017. – Текст : непосредственный.
5. Авакян, С. А. Конституция России: природа, эволюция, современность / С. А. Авакян. – М.: РЮИД, «Сашко», 2000. – Текст : непосредственный.
6. Зелинский, Ф. Ф. Римская Республика / Ф. Ф. Зелинский. – СПб.: Алетея, 2002 г. – Текст : непосредственный.
7. Арановский, К. В. Конституционная традиция в российской среде / К. В. Арановский. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. – 658 с. – Текст : непосредственный.
8. Чиркин, В. Е. Глава государства. Сравнительно-правовое исследование : монография. 2-е изд., испр. и доп. / В. Е. Чиркин. – Москва: Норма: НИЦ ИНФРА-М, 2014. – Текст : непосредственный.
9. Автономов, А. Конституция как ценность / А. Автономов // Сравнительное конституционное обозрение. – 2008. – № 3. – С. 50–58. – Текст : непосредственный.
10. Нерсисянц, В. С. История политических и правовых учений : учебник: в 2 томах. Том 1 / Нерсисянц В. С. – Москва: Юр. Норма, НИЦ ИНФРА-М, 2018. – Текст : непосредственный.
11. Ваславский, Я. И. Конституционные условия для демократии: сравнительный анализ / Я. И. Ваславский. – М.: МГИМО, 2008. – 192 с. – Текст : непосредственный.
12. Монтескье, Шарль-Луи. О духе законов / Шарль-Луи Монтескье. – М.: Мысль, 1999. – 672 с. – Текст : непосредственный.
13. Гоптарева, И. Б. Конституционное право зарубежных стран / И. Б. Гоптарева. – М.: Бибком, 2018. – 381 с. – Текст : непосредственный.
14. Дайси, А. Основы государственного права Англии. Введение в изучение английской конституции / А. Дайси. – СПб.: Тип. тов-ва И. Д. Сытина, 1905. – 681 с. – Текст : непосредственный.
15. Хабриева, Т. Я. Избранные труды: в 10 т. Т. 2: Конституционный контроль. Правовая охрана Конституции. Теория современной конституции / Т. Я. Хабриева. – М., 2018. – 448 с. – Текст : непосредственный.
16. Еллинек, Г. Общее учение о государстве / Г. Еллинек, И. Ю. Козлихин. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004. – 752 с. – Текст : непосредственный.
17. Маклаков, В. В. Конституции зарубежных государств. Учебное пособие / В. В. Маклаков. – 2-е изд., исправ. и доп. – М.: Издательство БЕК. – 586 с. – Текст : непосредственный.
18. Хессе, К. Основы конституционного права ФРГ; пер. с нем. / К. Хессе. – М.: Юрид. лит., 1981. – 368 с. – Текст : непосредственный.
19. Беше-Головко, К. Конституционная логика многопартийной системы Франции / К. Беше-Головко – Текст : непосредственный // Сравнительное конституционное обозрение. – 2010. – № 4 (77). – С. 5–15.
20. Варламова, Н. Конституционализм: вариативность понятия / Н. Варламова – Текст : непосредственный // Сравнительное конституционное обозрение. – 2011. – № 5. – С. 48–57.
21. Боброва, В. Конституционализм и современный конституционный строй / В. Боброва. – М.: ЮНИТИДАНА, 2003. – Текст : непосредственный.
22. Алебастрова, И. А. Конституционализм как правовое основание социальной солидарности / И. А. Алебастрова. – М.: Проспект, 2015. – Текст : непосредственный.

23. Хабриева, Т. Я. Теория современной конституции / Т. Я. Хабриева, В. Я. Чиркин. – М.: Норма, 2007. – Текст : непосредственный.
24. Клишас, А. А. Социальное государство : монография / А. А. Клишас. – Текст : непосредственный – М.: Международные отношения, 2017.
25. Чиркин, В. Е. Контрольная власть / В. Е. Чиркин. – М.: Юрист, 2008. – Текст : непосредственный.
26. Шайо, А. Самоограничение власти, краткий курс конституционализма / А. Шайо. – М., 2001. – 292 с. – Текст : непосредственный.
27. Черепанов, В. А. Проблемы российской государственности. Опыт системного исследования / В. А. Черепанов. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2018. – Текст : непосредственный.
28. Богданди, А. Доктринальный конструктивизм в прошлом и будущем: стратегия ответа на насущные вопросы, стоящие перед конституционно-правовой наукой в Европе / А. Богданди // Сравнительное конституционное обозрение. – 2010. – № 1. – Текст : непосредственный.
29. Шмитт, К. Политическая теология / К. Шмитт. – М.: КАНОНпрессЦ; Кучково поле, 2000. – 336 с. – Текст : непосредственный.
30. Шмитт, К. Государство: право и политика / К. Шмитт. – Пер. с нем. – М., 2010. – Текст : непосредственный.
31. Миряшева, Е. В. Становление конституционализма в штатах в процессе формирования федеративного государства в США (XVII–XIX вв.): монография / Е. В. Миряшева. – М., 2012. – 131 с. – Текст : непосредственный.
32. Ориу, М. Основы публичного права; пер. с франц. / М. Ориу. – М.: Изд-во Ком. Акад., 1929. – 783 с. – Текст : непосредственный.
33. Кутафин, О. Е. Предмет конституционного права / О. Е. Кутафин. – М.: Юрист, 2001. – Текст : непосредственный.
34. Умнова, И. А. Современные подходы, концепции и доктрины конституционализма / И. А. Умнова, Е. В. Алферова – Текст : непосредственный // Современный конституционализм: Теория, доктрина, практика : сб. науч. тр. РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. правоведения; РАП. Отдел конституционно-правовых исследований. – М., 2013. – С. 30–41.
35. Коровинских, Д. С. Правовая охрана Конституции Российской Федерации : автореф. дисс. на соиск. наук. степ. канд. юрид. наук: спец. / Д. С. Коровинских. – М.: РАГС, 2005. – 24 с. – Текст : непосредственный.

Trifonov S. G. The constitution as an object of legal protection: the historical and theoretical aspect / S.G. Trifonov// Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean federal university. Juridical science. – 2020. – Т. 6 (72). № 3. – P. 30-41.

Ideas about the need for special means of protecting the Constitution arise and develop simultaneously with the appearance of the first written constitutions. The study of the protection of the Constitution reveals the legal tools that can be used to prevent attacks on constitutional principles and values.

The article analyzes the meaning of the term Constitution in historical retrospect, highlights the organic connection between the terms Constitution and constitutionalism, and pays attention to the thoughts of scientists and educators about the Constitution and its legal protection. It also describes the techniques used to protect the first constitutions.

Ideas for a certain protection or defense of the Constitution arose immediately with the appearance of the first constitutions. They were implemented gradually, either finding their expression in the constitutional text itself or following the development of judicial practice. Such means gradually became the institution of repeal of acts, the formation of the constitutional-legal Institute of the guarantor and guardian of the Constitution, the Institute of constitutional control, the procedure for changing the Constitution, and others.

Keywords: Constitution, law, constitutionalism, legal protection, law and order, legal force.

Spisok literaturey

1. Hovsepyan Zh. I. Development of scientific ideas about the concept and essence of the constitution. Izvestiya VUZov. Jurisprudence / Zh. I. Hovsepyan. – 2006. – No. 5. – Pp. 35–36.
2. Pontovich E. E. Development of the constitution and constituent power / E. E. Pontovich. – Petrograd: Lights, 1918. – 91 p.
3. Avtonomov A. Constitution as a value. / A. Avtonomov // Comparative constitutional review. – 2008. – No. 3. – Pp. 50–58.
4. Shustrov D. G. The essence of the constitution: basic theories : monograph / D. G. Shustrov. – Jurlitinform. – Moscow, 2017.

5. Avakyan S. A. Constitution of Russia: nature, evolution, modernity / S. A. Avakyan. – M.: RYUID, 1997; 2nd edition. – M.: RYUID, "Sashko", 2000.
6. Zelinsky F. F. Roman Republic / F. F. Zelinsky. St. Petersburg: Aletheia, 2002.
7. Aranovsky K. V. Constitutional tradition in the Russian environment / K. V. Aranovsky. – SPb.: Legal Center Press, 2003. – 658 p.
8. Chirkin V. E. Head of State. Comparative legal research : monograph / V. E. Chirkin. – 2nd ed., Rev. and add. – Moscow: Norma: SIC INFRA-M, 2014.
9. Avtonomov A. Constitution as a value / A. Avtonomov // Comparative constitutional review. – 2008. – No. 3. – Pp. 50–58.
10. Nersesyants V. S. History of political and legal doctrines : textbook: in 2 volumes Volume 1 / Nersesyants V. S. – Moscow: Yur.Norma, Research Center INFRA-M, 2018.
11. Vaslavsky Ya. I. Constitutional Conditions for Democracy: Comparative Analysis / Ya. I. Vaslavsky. – M.: MGIMO, 2008. – 192 p.
12. Montesquieu Charles-Louis. About the spirit of laws. – M.: Mysl, 1999. – 672 p.
13. Goptareva I. B. Constitutional law of foreign countries / I. B. Goptareva. – M.: Bibkom, 2018. – 381 p.
14. Dicey A. Fundamentals of State Law of England. Introduction to the study of the English constitution / A. Dicey. – SPb.: A type. comrade I. D. Sytin, 1905. – 681 p.
15. Khabrieva T. Ya. Selected works: in 10 volumes. Vol. 2: Constitutional control. Legal protection of the Constitution. The theory of modern constitution / T. Ya. Khabrieva. – M., 2018. – 448 p.
16. Jellinek G. General doctrine of the state / G. Jellinek, I. Yu. Kozlikhin. – SPb.: Jurid. Center Press, 2004. – 752 p.
17. Constitutions of foreign states. Tutorial. 2nd ed., Revised. and add. – M.: Publishing house BEK. – 586 p.
18. Hesse K. Fundamentals of the Constitutional Law of the Federal Republic of Germany; per. with him. / K. Hesse. – M.: Jurid. lit., 1981. – 368 p.
19. Beche-Golovko K. Constitutional logic of the multi-party system of France / K. Beche-Golovko // Comparative constitutional review. – 2010. – No. 4 (77). – Pp. 5–15.
20. Varlamova N. Constitutionalism: variability of the concept / N. Varlamova // Comparative constitutional review. – 2011. – No. 5. – Pp. 48–57.
21. Bobrova V. Constitutionalism and the modern constitutional system / V. Bobrova. – M.: UNITIDANA, 2003.
22. Alabastrova I. A. Constitutionalism as a legal basis for social solidarity / I. A. Alabastrova. Moscow: Prospect, 2015.
23. Khabrieva T. Ya. The theory of modern constitution / T. Ya. Khabrieva, V. Ya. Chirkin. – M.: Norma, 2007.
24. Klishas A. A. Welfare state: monograph / A. A. Klishas. – M.: International relations, 2017.
25. Chirkin V. E. Controlling power / V. E. Chirkin. – M.: Jurist, 2008.
26. Chaillot A. Self-restraint of power, a short course of constitutionalism / A. Chaillot. – M., 2001. – 292 p.
27. Cherepanov V. A. Problems of Russian statehood. System research experience / V. A. Cherepanov. – M.: Norma: INFRA-M, 2018.
28. Bogdandi, A. von. Doctrinal constructivism in the past and the future: a strategy for answering the pressing questions facing constitutional and legal science in Europe / A. Bogdandi // Comparative constitutional review. 2010. No. 1.
29. Schmitt K. Political theology / K. Schmitt. – M.: KANONpressC; Kuchkovo field, 2000. – 336 p.
30. Schmitt K. State: law and politics / K. Schmitt. – Per. with him. – M., 2010.
31. Miryasheva E. V. Formation of constitutionalism in the states in the process of forming a federal state in the USA (XVII–XIX centuries) : monograph / E. V. Miryasheva. – M., 2012. – 131 p.
32. Oriou M. Fundamentals of Public Law; per. with fran. / M. Oriu. – M.: Publishing house Kom. Acad., 1929. – 783 p.
33. Kutafin O. E. The subject of constitutional law / O. E. Kutafin. – M.: Jurist, 2001.
34. Umnova I. A. Modern approaches, concepts and doctrines of constitutionalism / I. A. Umnova, E. V. Alferova // Modern constitutionalism: Theory, doctrine, practice: Sat. scientific. tr. / RAS. INION. Center for social. scientific-inform. issled. Dept. jurisprudence; RAP. Department of Constitutional and Legal Research. – M., 2013. – Pp. 30–41.
35. Korovinskikh D. S. Legal protection of the Constitution of the Russian Federation: author. dis. for a job. sciences. step. Cand. jurid. Sciences: spec. / D. S. Korovinsky. – M.: RAGS, 2005. – 24 p.

УДК 347.79

DOI: 10.37279/2413-1733-2020-6-3-42-48

ОСОБЕННОСТИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ТОРГОВОГО МОРЕПЛАВАНИЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА В СССР

Шармоянц А. Н.

Крымский Федеральный Университет им. В. И. Вернадского

В работе исследуются правовые основы функционирования служб, обеспечивающих безопасность мореплавания в первой половине XX века в СССР. Важное место среди таких служб занимала лоцманская служба. Рассматриваются особенности правового регулирования ее деятельности на основе ключевых правовых актов изучаемого периода. Среди которых «Лоцманский устав морских лоцманов РСФСР» от 3 июня 1922 года, постановление СНК СССР «О государственных морских лоцманах» от 25 июля 1926 года, постановление СНК СССР «О портовых лоцманах» выпущенное 15 января 1927 года и первый в СССР Кодекс Торгового Мореплавания от 14 июня 1929 года. Не менее важную роль в обеспечении безопасности судоходства в первой половине XX века в СССР, согласно международным конвенциям и законодательству СССР, играла и служба связи, обеспечивающая деятельность радиостанций, обслуживающих торговые суда. В работе рассматриваются основные правовые акты, регламентирующие функционирование радиосвязи в СССР в первой половине XX века. Возникшие сложности и недостатки в использовании радиостанций и пути их решения отмечаются в используемых в работе архивных документах.

Ключевые слова: правовое регулирование, торговое судоходство, безопасность торгового мореплавания, морское судно, лоцман, нормативно-правовой акт, международное право, радиосвязь.

Основы безопасности мореплавания в современной России и на всем постсоветском пространстве закладывались в первой половине XX века в СССР. Таким образом, исследование комплекса вопросов, связанных с правовым регулированием функционирования и взаимодействия служб, обеспечивающих безопасность судоходства в СССР, актуально и по сей день и нуждается в анализе и осмыслении. Среди ключевых служб, призванных обеспечивать безопасность мореплавания в СССР необходимо отметить такие службы как лоцмейстерская, лоцманская, маячная, а также службы связи, которые, согласно международным конвенциям и законодательству СССР, должны были обеспечивать безопасности мореплавания и спасать жизни людей. Правовое регулирование деятельности данных служб обеспечивалось нормативно правовыми актами не только профильных министерств и ведомств, но и актами более высокого уровня, а также важную роль играли принятые на международном уровне конвенций и соглашения.

Целью работы является изучение правового регулирования безопасности мореплавания в первой половине XX века в СССР. При этом автор учитывает исследования ученых, которые прямо или косвенно касались поставленной темы: А. Ю. Егоров, В. Д. Смоленцов, А. Д. Кейлин, В. Н. Гуцуляк, С. А. Гурьев, Б. В. Змерзлый, А. Л. Колодкин и др. В работах данных авторов исследование данного вопроса в обозначенных нами аспекте и временных рамках не проводилось.

Среди принятых на международном уровне конвенций и соглашения, призванных обеспечивать безопасности мореплавания и спасать жизни людей, необходимо отметить Конвенцию для объединения некоторых правил относительно оказания помощи и спасания на море 1910 года [1], Международную конвенцию по охране человеческой жизни на море СОЛАС 1929 года [2], Международную конвенцию о грузовой марке 1930 года [3], конвенции международных радиотелеграфных конференций, ключевые из которых проводились начиная с 1903 года и др. СССР, как активный и ответственный участник международного сообщества, активно имплементировал принятые на международном уровне конвенций и соглашения в национальное законодательство, для обеспечения безопасности мореплавания и регулирования служб, призванных ее обеспечивать.

В задачи лоцманской службы входила проводка судов, ограждение фарватеров, слежение за исполнением предписаний правил судоходства в вверенных районах, оказание по возможности посильной помощи терпящим бедствие судам, а в некоторых случаях по поручению соответствующих ведомств и учреждений лоцмейстерские и гидрографические работы. Основным правовым актом, регулирующим деятельность лоцманской службы в СССР в двадцатые годы XX века, был «Лоцманский устав морских лоцманов РСФСР» от 3 июня 1922 года [4]. Известно, что СССР был образован позже, 30 декабря 1922 года, однако данный устав, после вхождения РСФСР в состав СССР, своей силы не утратил.

«Лоцманский устав морских лоцманов РСФСР» содержал в основном общие положения и правила, регулирующие деятельность лоцманской службы. В развитие и дополнение к данному уставу для регулирования лоцманской службы, в зависимости от местных особенностей и нужд, предусматривалось принятие отдельными лоц-дистанциями дополнительных положений. В силу они вступали после утверждения Высшим Морским Командованием. Фактически, устав не столько вводил что-то новое в правовое регулирование деятельности лоцманской службы в РСФСР и в вопросы обеспечения безопасности торгового мореплавания, сколько закреплял во многом правила, уже существовавшие со времен Царской России, с соответствующими изменениями, которые были обусловлены революцией и приходом советской власти. О преемственности в вопросах правового регулирования деятельности лоцманов свидетельствует принятое с учетом отечественного и зарубежного опыта в 1890 году общеимперское «Положение о морских лоцманах». Однако данное положение не являлось единым нормативно-правовым актом в этой сфере, так как само предполагало выработку дополнительных правил на местах с учетом местной специфики [5, с. 264]. К одному из таких дополнительных правовых актов относится «Устав Общества С.-Петербургских лоцманов» от 1896 года [6].

Необходимо отметить, что по своему содержанию устав во многом сохранял преемственность в правовом регулировании положений относительно деятельности лоцманов в дореволюционной Царской России, что было во многом обусловлено спецификой деятельности лоцманов. Не зависимо от государственного строя и правового режима, задачи и специфика лоцманской деятельности остались по большей части теми же и изменения в правовом регулировании с течением времени были обусловлены в большей мере развитием технического прогресса, изменением норм международного морского права и интенсификацией торгового мореплавания.

Интенсификация во многом была связана с экономическим ростом, произошедшим уже позже в Советском Союзе вследствие успешного внедрения НЭПа [7].

Важным правовым актом, регламентирующим деятельность лоцманов в СССР, было постановление СНК СССР «О государственных морских лоцманах» от 25 июля 1926 г. Постановление состояло из трех частей и тридцати статей [8].

К новшествам данного правового акта можно отнести то, что им устанавливалась монополия государственных лоцманов на проводку судов; районы лоцманской службы устанавливались комиссариатом по военным и морским делам по Гидрографическому Управлению, а сами лоцманы были переведены в разряд его «вольнонаемных служащих»; штатное число лоцманов а также лоцманских учеников по отдельным управлениям по обеспечению без-опасности кораблевождения (УБЕКО) устанавливалось комиссариатом по военным и морским делам по Гидрографическому Управлению и с согласованно с НКПС по Центральному Управлению Морского Транспорта; в лоцманы зачислялись лишь лица, обладающие судоводительским званием не ниже капитана малого плавания и выдержавшие специальное испытание; подчинение лоцманов каждого района начальникам соответствующей лоц-дистанции или отдельного лоц-мейстерства, а также выполнение ими административных распоряжений начальников соответствующих портов; лоцманская служба содержалось по смете специальных средств комиссариата по военным и морским делам; морским лоцманам каждого района предоставлялось право самостоятельно устанавливать внутренний распорядок службы и распределять между собой работу по проводке судов и иные служебные обязанности. Остальные положения данного правового акта не вносили что-либо новое в правовое регулирование лоцманской службы, а лишь повторяли ранее существовавшие положения и правила.

15 января 1927 г. вышло постановление СНК СССР «О портовых лоцманах» [9]. Необходимость принятия этого постановления была вызвана подготовкой к принятию новой системы управления портов (9 февраля 1927 г. СТО СССР приняло положение об управлении морскими торговыми портами) в связи с чем потребовалось ввести правовое регулирование, ранее не затрагиваемой в правовых актах, деятельности портовых лоцманов. Постановление во многом заимствовало положения из постановления «О государственных морских лоцманах» с несущественными изменениями. К главному нововведению данного документа можно отнести то, что он закреплял лоцманов в штатах торговых портов. Не урегулированным остался вопрос о взаимоотношении лоцманов с руководством порта, конкретизации их служебных прав и вопрос подчиненности. Вероятно, законодатель рассчитывал, что данный вопрос всецело мог быть решен второстепенными нормативными актами.

14 июня 1929 г. был принят первый в СССР Кодекс Торгового Мореплавания (КТМ) [10]. Пятое приложение к нему «О государственных морских лоцманах» во многом отличалось от принятого ранее положения «О государственных морских лоцманах» 1926 года. Приложение состояло из трех частей: «I. Общие положения», «II. Обязанности государственных морских лоцманов», «III. Взаимоотношения государственных морских лоцманов с капитанами судов». Необходимо отметить, в КТМ государство четко ограничило круг юридической ответственности за действия лоцманов, а также жестко предписало подобные случаи разбирать лишь в судебных

органах СССР. В соответствии с такими ограничениями, ответственность за аварии, которые произошли по вине государственных морских лоцманов, также несло государство, но эта ответственность ограничивалась размерами аварийных фондов по отдельным морям (ст. 13 Положения о портовых сборах и плате за услуги, оказываемые в портах Союза ССР) (ст. 8) [11, с. 787]. В то же время, обязанности государственных морских лоцманов, по сути, остались без изменений. Приложение «О портовых лоцманах» по своему содержанию никак не отличалось от соответствующего положения 1927 г., и даже полностью сохранило свою структуру и номера статей.

В 1936 году ряд важные изменения в вопросы функционирования лоцманской службы локально характера в районе Черного моря были внесены Конвенцией Монтре. Конвенция подтверждала принцип права свободного прохода и плавания в проливах, объявила свободным проход через проливы торговых судов всех стран. В соответствии со ст. 2 Конвенции в мирное время торговые суда пользовались полной свободой судоходства и транзита в проливах днем и ночью независимо от флага и груза без каких-либо формальностей с соблюдением постановлений ст. 3. Проводка судов лоцманами, в соответствии с Конвенцией, была необязательной, а факультативной, то есть по желанию капитанов судов, направляющихся в Черное море, лоцманы могли быть вызваны из соответствующих лоцманских пунктов на подходах к проливам (ст. 2). Участниками конвенции были СССР, Великобританией, Болгарией, Румынией, Турцией, Грецией, Францией, Югославией и Японией. Вступила в силу она 9 ноября 1936 г., а в 1938 г. к Конвенции присоединилась Италия [12, ст.71].

Таким образом, в послевоенные годы вместе с оживлением экономики и торгового мореплавания резко возросла роль и лоцманской службы, как важного элемента по обеспечению безопасности. В сложившихся обстоятельствах, в сфере правового регулирования деятельности лоцманской службы, законодатель активно совершенствовал правовые нормы. Основное направление его деятельности было направлено на решение массы текущих вопросов и более четкой регламентации и детализации деятельности данной важной службы.

В середине 1920-х гг. все более важную роль стало играть применение радиосвязи. Своевременное оповещение о возможных изменениях погоды по радиосвязи, в первую очередь портов, становилось все более обычным делом.

Значимым шагом в развитии системы обеспечения безопасности судоходства стало принятие постановления СТО СССР от 21 августа 1924 г. «Правила обслуживания безопасности мореплавания и нужд торгового судоходства береговыми радиостанциями». Данный документ обязывал береговые радиостанции (указанные в специальном списке), через каждые 15 минут производить в течение 3 минут слуховое наблюдение за морем, настраивая приемные аппараты на волну в 600 метров.

Как уже отмечалось ранее, важным законодательным актом в СССР, которым регулировались вопросы деятельности радиостанций, обслуживающих торговые суда, был Кодекс Торгового Мореплавания СССР [10]. В нем, рассматриваемому вопросу было посвящено «Приложение I. О радиоустановках на судах морского торгового флота, плавающих под флагом Союза ССР». Кодексом осуществлялось

общее регулирование деятельности радиосвязи в целях обеспечения безопасности торгового судоходства.

На примере Черноморско-Азовском региона видно, что радио служб в своей деятельности сталкивались с серьезными трудностями, связанными как материальным обеспечением сотрудников, так и сложностями технического характера, которые, как обычно бывает со всем новым и сложным оборудованием, не обошло стороной и радиосвязь.

Так в 1932 году состоялась Первая конференция заврадио береговых станций Черноморского бассейна на которой среди прочего было отмечено, что собственная проволочная связь и сигнализация в большинстве портов отсутствовала, а где и была, то находилась в неудовлетворительном состоянии [13, л. 32-32 об.].

Подтверждением многим вскрывшимся на конференции фактам служит приказ по управлению СТФ Черного моря от 9 мая 1932 г. В нем, в частности, указывалось, что в бассейне много и не по делу используют радиостанции в ущерб их эксплуатации [13, л. 40].

В целях упорядочения и ускорения работы радиостанций в 1934 г. был принят целый пакет специальных мер. Так, 15 мая 1934 г. вышел приказ №188 «О введении в действие» свода условных наименований должностей водного транспорта для телеграфных внутриведомственных сношения и для сношений по сети связи НКПС». Им данный свод вводился в действие с 16 мая 1934 г., а приказ Наркомвода №139 от 1933 г. отменялся [14, л. 122-125, л. 145].

Важным шагом в деле централизации различных вопросов, связанных с радиосвязью в СССР, стало принятие 27 ноября 1933 г. СНК СССР положения о всесоюзном комитете по радиофикации и радиовещанию при СНК СССР, на который возлагались широкие полномочия по руководству всем радиовещанием в СССР.

Безусловно, что Всесоюзный радиокомитет не получил в свое непосредственное управление береговые и судовые радиостанции СТФ, так как его основной целью все же было развитие и управление вопросами массового радиовещания. Однако, в тоже время, такие вопросы как распределение частот, установление типов радиоприемников и передатчиков, подготовка кадров радистов во многом находились именно в его руках.

Также можно отметить и тот факт, что радиокомитет, помимо НКС и управления бассейнов стал еще одним руководящим органом в радиоделе страны, что само по себе могло вызывать межведомственную путаницу и отсутствие должного контроля на местах за работой радиостанций.

Необходимо отметить, что, правовому регулированию обеспечения безопасности на море и развитию важной его составляющей – радиосвязи отводилось важное значение. Несмотря на сопутствующие трудности с организацией процесса, техническими проблемами, недостатком финансирования и несовершенством управления, правовое регулирование радиосвязи осуществлялось с соблюдением международных соглашений СССР и стало важной составляющей системы по обеспечению безопасности мореплавания.

Таким образом, вопросы правового регулирования, устройства, и функционирования служб по обеспечению безопасности мореплавания в первой половине XX века в СССР были устроены в рамках международных норм и вытекающих из них обязательств, а принимаемые меры носили комплексный

характер. Законодатель активно совершенствовал правовые нормы, направленные на обеспечение безопасности мореплавания. Значимое место в такой деятельности было направлено на решении массы текущих вопросов и более четкой регламентации деятельности рассматриваемых служб.

Список литературы

1. Конвенция для объединения некоторых правил относительно оказания помощи и спасания на море (Брюссель, 23 сентября 1910 г.) . – Текст: электронный // СПС «КонсультантПлюс» : [сайт]. – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=15058#07954026519813375> (дата обращения: 16.05.2020).
2. Международная Конвенция по охране человеческой жизни на море «SOLAS» (Лондоне 31 мая 1929 г.) . – Текст: электронный // СПС «КонсультантПлюс» : [сайт]. – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=15860#03410550979132436> (дата обращения: 16.05.2020).
3. Международная конвенция о грузовой марке (Лондон, 5 июля 1930 г.) . – Текст: электронный // СПС «КонсультантПлюс» : [сайт]. – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=3752#03425578074511719> (дата обращения: 17.05.2020).
4. Лоцманский устав морских лоцманов РСФСР от 3 июня 1922 года : Сборник законов и распоряжений по морскому транспорту. – М.: Транспечать, 1924. – С. 315–335. – Текст : непосредственный.
5. Змерзлый, Б. В. Правовое регулирование торгового судоходства в Черноморско-Азовском регионе в конце XVII – начале XX вв. / Б. В. Змерзлый. – Симферополь, 2014. – 660 с. – Текст : непосредственный.
6. Устав Общества С.-Петербургских лоцманов. – Санкт-Петербург, 1896. – 45 с. – Текст : непосредственный.
7. Шармоянц, А. Н. Особенности правового регулирования лоцманской службы в двадцатые годы XX века в СССР. Т. 3 (69). / А.Н. Шармоянц – Текст : непосредственный // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. – 2017. – № 4. – С. 52–56.
8. О государственных морских лоцманах : Постановление СНК СССР от 25.07.1926 года / Сборник законов СССР, – 1926. – № 52. – ст. 386. – Текст: электронный // СПС «КонсультантПлюс» : [сайт]. – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=16485#09361125970209745> (дата обращения: 23.05.2020).
9. О портовых лоцманах : Постановление СНК СССР от 15.01.1927 года // Сборник законов СССР, 1927. – № 5. – ст. 50. – Текст: электронный // СПС «КонсультантПлюс» : [сайт]. – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=16486#009214917959235636> (дата обращения: 23.05.2020).
10. Кодекс торгового мореплавания Союза ССР : Постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 14.06.1929 г. // Сборник законов СССР, 1929. – № 41. – ст. 366. – Текст: электронный // СПС «КонсультантПлюс» : [сайт]. – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=16489#009214917959235636> (дата обращения: 23.05.2020).
11. Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства Союза Советских Социалистических Республик за 1934 г. – М.: «Советское законодательство», 1948 г. – 983 с. – Текст : непосредственный.
12. Конвенция о режиме проливов (Конвенция о режиме Черноморских проливов Монтре) от 9 ноября 1936 г. // Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР за 1937 г. № 13. – М., 1948. – 990 с. – Текст : непосредственный.
13. ЦГА ВМФ, ф. р-1599, оп. 1, д. 135. 05.01.1932 г. – 25.10.1932 г. – 184 с. – Текст : непосредственный.
14. ЦГА ВМФ, ф. р-1599, оп. 1, д. 158. Приказы НКВТ, Управления Черноморского пароходства. Списки, подписи, рапорта сотрудников о проработке устава о дисциплине служащих водного транспорта СССР. 08.01.1934 г. – 15.10.1934 г. – 254 с. – Текст : непосредственный.

Sharmoyants A. N. Use of radiocommunication at the beginning of the XX century in the USSR for security of merchant shipping / A.N. Sharmoyants // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean federal university. Juridical science. – 2020. – T. 6 (72). № 3. – P. 42-48.

In the work one researches the legal basis for the functioning of services that ensure the safety of navigation in the first half of the 20th century in the USSR. An important place among such services was occupied by the pilotage service. The features of the legal regulation of its activities based on the key legal acts of the studied period are considered. Among them are the "Pilot charter of sea pilots of the RSFSR" dated June 3, 1922, the USSR Council of People's Commissars decree "On state sea pilots" dated July 25, 1926, the USSR Council of People's Commissars decree "On harbor pilots" issued on January 15, 1927, and the USSR's first Merchant Shipping Code dated June 14, 1929. An equally important role in ensuring the safety of navigation in the first half of the twentieth century in the USSR, according to international conventions and legislation of the USSR, was played by the communications service, which ensures the operation of radio stations serving merchant ships. The work examines the main legal acts, regulating the functioning of radio communications in the USSR in the first half of the twentieth century. The difficulties and shortcomings that have arisen in the use of radio stations and the ways out of the solution are noted in the archival documents used in the work.

Keywords: legal regulation, merchant shipping, safety of merchant shipping, sea craft, legal act, sea pilot, normative legal act, international law, radio communication.

Spisok literatury

1. Konvenciya dlya ob"edineniya nekotorykh pravil otnositel'no okazaniya pomoshchi i spasaniya na more (Bryussel', 23 sentyabrya 1910 g.), <http://base.garant.ru/2540263/>
2. Mezhdunarodnaya Konvenciya po ohrane chelovecheskoj zhizni na more (Londone 31 maya 1929 g.) [https://ru.wikisource.org/wiki/Международная_Конвенция_по_охране_человеческой_жизни_на_море_\(1929\)](https://ru.wikisource.org/wiki/Международная_Конвенция_по_охране_человеческой_жизни_на_море_(1929))
3. Mezhdunarodnaya konvenciya o gruzovoj marke (London, 5 iyulya 1930 g.) <http://base.garant.ru/2540459/>
4. Locmanskij ustav morskikh locmanov RSFSR ot 3 iyunya 1922 goda, Sbornik zakonov i rasporya-zhenij po morskomu transportu, M.: Transpechat', 1924. Pp. 315–335.
5. Zmerzlyi B. V. Pravovoe regulirovanie torgovogo sudokhodstva v Chernomorsko-Azovskom regione v kontse XVIII – nachale XX vv. / B. V. Zmerzlyi. – Simferopol', 2014. – 660 p.
6. Ustav Obshchestva S.-Peterburgskikh locmanov., Sankt-Peterburg, 1896, 45 p.
7. Sharmoyanc A. N. Osobennosti pravovogo regulirovaniya locmanskoj sluzhby v dvadcatye gody HKH veka v SSSR / Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo Yuridicheskie nauki. – 2017. – T. 3 (69). No. 4. – Pp. 52–56.
8. O gosudarstvennykh morskikh locmanah, Postanovlenie SNK SSSR ot 25 iyulya 1926 goda / Sbornik zakonov SSSR, 1926, No. 52, st. 386. Rezhim dostupa: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=16485#09361125970209745>
9. O portovykh locmanah, Postanovlenie SNK SSSR ot 15 yanvarya 1927 goda / Sbornik zakonov SSSR, 1927, No. 5, st. 50. Rezhim dostupa: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=16486#009214917959235636>
10. Kodeks torgovogo moreplavaniya Soyuzo SSR, Postanovlenie CIK SSSR, SNK SSSR ot 14.06.1929 g. / Sbornik zakonov SSSR, 1929, No. 41, st. 366. Rezhim dostupa: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=16486#009214917959235636>
11. TsGA VMF, f. r-180, op. 1, d. 684. Doklady, spravki i perepiska o navigacionnom oborudovanii morskikh i rechnykh teatrov, locmanskoj provodke i avariyaх sudov i peredache locmanskoj sluzhby v vedenie Upravleniya torgovymi portami Narkomvoda; spiski locmanov UbekoBalta, UbekoSevera i UbekoDal'vostoka. 01.01.1934 g. – 31.12.1934 g. 297 l.
12. Konvenciya o rezhime prolivov (Konvenciya o rezhime Chernomorskih prolivov Montre) ot 9 noyabrya 1936 g. / Sobranie zakonov i rasporyazhenij Raboche-Krest'yanskogo Pravitel'stva SSSR za 1937 g. No. 13. – M., 1948. – 990 p.
13. TsGA VMF, f. r-1599, op. 1, d. 135. 05.01.1932 g. – 25.10.1932 g. 184 l.
14. TsGA VMF, f. r-1599, op. 1, d. 158. Prikazy NKVT, Upravleniya Chernomorskogo parohodstva. Spiski, podpiski, raporta sotrudnikov o prrobotke ustava o discipline sluzhashchih vodnogo transporta SSSR. 08.01.1934 g. – 15.10.1934 g. 254 l.

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО; КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС; МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

УДК 342.15

DOI: 10.37279/2413-1733-2020-6-3-49-56

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ СТАТУСЕ ФЕДЕРАЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ

Сибилева А. Ю.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

В статье анализируются положения проведенной в 2020 году конституционной реформы в Российской Федерации. Наиболее пристальное внимание уделяется положениям статьи 67 Конституции Российской Федерации, а именно вопросам создания нового правового публично-правового образования с особым статусом – федеральной территории. Рассмотрены различные точки зрения касательно понятия и сущности рассматриваемого образования.

Ключевые слова: федеральная территория, конституционные поправки, права и свободы человека и гражданина, субъекты федерации, правовой статус, зарубежный опыт, функционирование публичной власти, свободные территории, Сириус, переходный период.

Российская Федерация является правовым и демократическим государством, высшей ценностью которого признаются права и свободы человека и гражданина. Данные базовые положения, а также многие другие, формирующие сущность и создающие «лицо» государства, закреплены в его Основном Законе, а именно Конституции РФ, принятой 12 декабря 1993 года. Данный Закон, ввиду своей особой значимости, относится к жестким конституциям, что объясняет наличие сложной и весьма длительной процедуры внесения в нее поправок. Однако, несмотря на это, за весь достаточно непродолжительный период своего существования в Конституцию неоднократно вносились поправки, в том числе касающиеся укрупнения и переименования субъектов РФ (в 1996 году), продления срока президентских полномочий (в 2008 году). Изменения, которые вносятся в Конституцию Российской Федерации Законом Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. N 1-ФКЗ "О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти" можно разделить на три группы. Первая группа включает поправки, посвященные конституционному закреплению важнейших принципов, лежащих в основе общества и государства, основных ценностных ориентиров. Вторая – вопросам социальной защиты граждан, регулирования трудовых отношений, установлению дополнительных социальных гарантий, а также закреплению основных направлений государственной социальной, экономической, культурной политики. Третья группа,

наиболее объёмная, включает поправки, посвящённые вопросам организации и функционирования публичной власти в собственном смысле слова.

«Согласно результатам социологического опроса, проведенного Фондом общественного мнения в 2019 году, большинство россиян не считают Конституцию документом, определяющим жизнь страны, и считают, что изложенные в ней правила перестали быть законом действия прямой направленности на интересы граждан России» [1]. Это наводит на мысль об отсутствии действенного механизма правового регулирования вопросов обеспечения прав и свобод граждан, сохранения государственного единства, суверенитета и т.д., и, соответственно, обуславливает Поправки, предложенные к Конституции в 2020 году, вызвали большой общественный резонанс, что неудивительно. Изменяемые нормы коснулись каждого гражданина РФ, затронули важные социальные, политические и экономические аспекты. Однако, как видится, такая обширность вносимых поправок и, при этом, их распыление на совершенно разные сферы общественной жизни, привело к тому, что пристальное внимание населения было уделено лишь отдельным составляющим комплексной реформы, таким как вопросы государственного единства, вероисповедания, индексации пенсий и минимального размера оплаты труда, укрепления международных отношений и согласия в стране. За чертой общественного поля зрения остались некоторые поправки, возможно, на первый взгляд, оказывающие не столь яркое и сиюминутное влияние на качество жизни, но, в ближайшей перспективе, способные изменить весь устоявшийся государственный уклад в принципе. Речь идет, в первую очередь, о поправках, предусмотренных статьёй 67 Конституции РФ в ее новой редакции.

Так, часть 1 ст. 67 Конституции РФ была дополнена нормативным положением следующего содержания: «На территории Российской Федерации в соответствии с федеральным законом могут быть созданы федеральные территории. Организация публичной власти на федеральных территориях устанавливается указанным федеральным законом» [2]. Возникает череда закономерных вопросов: что из себя представляют федеральные территории? Какую цель преследовал законодатель при внедрении такого нового публично-правового образования? Чем характеризуется правовой статус федеральных территорий? Есть ли федеральные территории в РФ уже сегодня и может ли быть полезен и чем опыт зарубежных государств? Вопросов возникает, действительно, очень много, а ответов на них, на данный момент, к сожалению, значительно меньше. Лишь после вступления поправок в силу и выхода в свет обновленной Конституции в юридических кругах начались обсуждения и дискуссии, при том, не особо активные, относительно необходимости наличия федеральных территорий в РФ. Отсутствие конкретики, как со стороны законодателя, так и со стороны ведущих представителей правовой доктрины, при этом, как видится, комплексность и, в то же время, неограниченность возможностей по оказанию федеральными территориями, а, точнее, установленными на них правовыми режимами, влияния на общественную и политическую жизнь, обуславливают актуальность рассматриваемой проблемы.

Прежде всего следует определиться, что же подразумевает под собой новое правовое явление – «федеральная территория». Как ни странно, на фоне уже вступивших в силу поправок даже этот вопрос не имеет единого мнения, как и единого определения. Поэтому будет предпринята попытка рассмотреть это понятие

с различных сторон. Начать следует, как видится, с мнения инициатора проведения данной реформы – председателя Комитета Совета Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству – Клишаса Андрея Александровича. Именно он выступил с инициативной закреплению в Конституции понятия «федеральные территории», предложенного председателем Тульской областной думы Сергеем Харитоновым, который федеральные территории представлял в качестве территорий, где находятся военные и стратегические объекты, заповедники и другие особые зоны. Как отмечал сам Андрей Александрович, существование федеральных территорий обусловлено «повышенными требованиями к обеспечению безопасности, защиты и охраны окружающей среды (например, озера Байкал, Кавказских Минеральных Вод) или же к созданию условий по повышению инвестиционной привлекательности» [3]. Уже на этом этапе возникают вопросы, в частности, какую же функцию выполняет федеральная территория? Защита окружающей среды, расположение военных и стратегических объектов, инвестирование перспективных проектов, требующих больших финансовых вложений или же все вышеизложенное вместе? Не противоречат ли цели друг другу? Не покидает мысль о том, какова все же необходимость именно сейчас создавать территории с теми функциями, которые на протяжении длительного времени и так свободно реализуются на территории страны. Например, в рамках планов и проектов по охране окружающей среды существует большое количество заказников, заповедных зон и т.д. В отношении военных и стратегических объектов уже действует целый ряд специализированных нормативных актов, в частности Федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации» от 28.06.2014 N 172, устанавливающих особенности их правового статуса и охраны. Не совсем ясно, по какой причине на территории Российской Федерации будут образовываться такие «необитаемые острова», как их обозначили некоторые юристы, по причине повышенной отстраненности от общеустановленных государственных режимов.

Также Клишас А.А. упомянул, что в отношении федеральных территорий будут приняты отдельные законы и «мы, конечно же, введем специальную процедуру о том, как согласовать все это с субъектами Федерации» [3]. Не урегулированным остается вопрос, кто именно будет принимать решения по наделению территории статусом федеральной и, что самое важное, смогут ли граждане, проживающие на этой территории, выразить свое мнение и как-то повлиять на итоги принимаемых решений.

Положения части первой ст. 67 Конституции РФ, в первую очередь, перечисляют все составляющие территории Российской Федерации, а именно субъекты, внутренние воды и территориальное море, воздушное пространство над ними. Субъекты РФ, в соответствии с ч. 1 ст. 5 Конституции РФ, могут существовать в различном статусе, будь то республика, край, область, округ и т.д., и, соответственно, обладать различными формами организации власти в пределах своих территорий. Федеральные территории, на первый взгляд, можно расценить как форму организации власти, осуществляемую на федеральном уровне, в связи с чем формируются различные мнения. Допустим, границы федеральной территории распространилась на территорию одного или нескольких субъектов и, в результате, можно предположить, что затронутый субъект(ы) потеряет свой первоначальный

статус, т.к. слияние в себе двух форм организации власти многими расценивается как невозможное сочетание, с чем, отчасти, можно согласиться. Мнение, опять-таки, порождено, отсутствием определения понятия федеральной территории, отсутствием на территории Российской Федерации свободных территорий, которые можно было бы наделить статусом федеральных. Т.е., либо необходимо упразднить статус субъекта РФ, либо, предположим, понятие федеральных территорий вводится на случай расширения Российской Федерации за счет присоединения новых территорий, которым можно будет присвоить статус федеральных. Это делает возможным варианты касательно укрупнения регионов страны и т.д. Однако, с данной позицией, хоть она и видится весьма логичной на первый взгляд, сложно согласиться.

Внимание привлекают следующие аспекты. Во-первых, если исходить из возможности изменения статуса субъекта РФ и наделения его статусом федерального, – необходимо обратиться к положениям Конституции РФ, а именно ч. 5 ст. 66: «Статус субъекта Российской Федерации может быть изменен по взаимному согласию Российской Федерации и субъекта Российской Федерации в соответствии с федеральным конституционным законом» [2]. Положение следует понимать так, что статус субъекта изменяется в рамках перехода от одной его формы к другой, например, от области к округу и наоборот. Возможность не предполагает переход к иному уровню организации власти, в нашем случае, к федеральному уровню. Во-вторых, немаловажен еще один нюанс: статус субъекта, как было отмечено, изменяется Федеральным конституционным законом. Анализ положений статьи 67 Конституции РФ позволяет сделать вывод, что федеральные территории будут создаваться путем принятия Федерального закона, т.е. нормативно-правового акта иного уровня. Из чего можно сделать вывод об отсутствии правовой взаимосвязи между изменением статуса субъекта РФ и введением в его границах федеральной территории. Федеральная территория, как становится понятно из самого закона и разъяснений членов Совета Федерации, в принципе никоим образом не будет относиться к субъектам РФ. Границы федеральной территории не будут совпадать с границами того или иного субъекта федерации, напротив, она сможет затронуть несколько из них. Также, в соответствии с заключением Конституционного суда РФ: «Создание в РФ федеральных территорий, которые предлагается внести в Конституцию законом о поправке к ней, не предполагает наделения их статусом субъектов России» [3]. Но что же тогда такое федеральная территория?

При условии действительного отсутствия территорий без определения статуса на всей площади РФ и, как мы уже выяснили, невозможностью расчленения федеральной территории в качестве территории субъекта РФ, подытожим, что федеральная территория действительно будет занимать часть площади одного либо нескольких субъектов, но противоречить их правовому статусу не будет. Из всего вышеизложенного можно сделать вывод, что федеральную территорию, с учетом имеющихся у нас на сегодняшний день данных, необходимо рассматривать как территорию, не входящую в состав субъекта федерации, а находящуюся в непосредственном управлении федеральных органов власти.

После определения содержания понятия, хоть и в его наиболее общем виде, появляется необходимость анализа его сути, особенностей и проблем, вызванных внедрением нового правового института. В связи с этим, вернемся к созданной

законодателем формулировке поправок ч. 1 ст. 67 Конституции РФ. Прежде всего обращает на себя внимание отсутствие критериев и условий создания данных территорий. Весь перечень аргументов сводится к отсылкам на предполагаемый Федеральный закон о создании федеральных территорий. Также вызывает настороженность предполагаемое создание Федерального закона, в соответствии с которым будут создаваться все федеральные территории. Такой ход можно расценить как явное процессуальное упрощение с учетом особой важности принимаемых решений. Уже формирующаяся практика применения данной статьи (как ни странно, за столь короткий промежуток времени она уже успела сформироваться) предполагает, что в отношении каждой вводимой федеральной территории будет приниматься отдельный Федеральный закон. С учетом изложенного видится целесообразным предложенная ранее следующая формулировка ч. 1 ст. 67 Конституции РФ : «На территории Российской Федерации в соответствии с федеральными законами могут быть созданы федеральные территории. Понятие, основные признаки, принципы, основания для создания федеральных территорий, организация публичной власти на федеральных территориях устанавливается указанными федеральными законами обособленно для каждой образованной федеральной территории» .

Следует подробнее описать начавшую формироваться законодательную практику. Так, 9 ноября 2020 года в Государственную Думу был внесен законопроект №105 1718-7 «О федеральной территории «Сириус». Данный законопроект, как предполагается, станет первым, образцовым законом, регулирующим создание федеральных территорий в РФ. «Сириус» будет создан на территории Краснодарского края. «Законопроект предлагает закрепить на законодательном уровне понятие федеральной территории «Сириус» как нового вида публично-правового образования, устанавливающей особенности организации публичной власти и осуществления хозяйственной и иной деятельности. В целях создания благоприятных условий для научно-технического развития законопроектом предусмотрена возможность особого регулирования отношений в сфере технического регулирования, регулирования рекламы, градостроительства, медицины, образования и другой деятельности на федеральной территории «Сириус» [4]. Для реализации такой первой в истории РФ предусмотрен переходный пятилетний период, который, как предполагается, поможет выявить все сложности и возможные недостатки реформы.

Анализ законопроекта позволяет выделить его следующие особенности. На федеральной территории «Сириус» создаются независимые органы публичной власти, наделенные отдельными полномочиями, возложенными на них федеральными органами государственной власти и органами государственной власти субъектов Российской Федерации, а также полномочиями органов местного самоуправления. Система органов государственной власти будет состоять из Совета (представительного органа), главы федеральной территории «Сириус» (высшее должностное лицо) и администрации (исполнительного и административного органа). При этом Законопроект запрещает совмещение должностей главы федеральной территории «Сириус» и председателя Совета. Федеральная территория «Сириус» будет иметь свой бюджет, а также собственное имущество и имущественные права (в том числе переданные ей Российской Федерацией,

Краснодарским краем, городом Сочи). Собственником указанного имущества являются органы государственной власти федерального значения территории «Сириус». Документ нацелен на обеспечение «комплексного социально-экономического и инновационного развития данной территории, повышения ее инвестиционной привлекательности, сохранения олимпийского спортивного, культурного и природного наследия, создания благоприятных условий для выявления и развития талантов, реализации приоритетов научно-технологического развития РФ» [5].

На данный момент он находится на стадии рассмотрения во втором чтении в Государственной Думе РФ и представляет ценность с научно-правовой точки зрения, как первый нормативный акт, который способен внести некоторую ясность в порядок реализации положений конституционной реформы.

Возвращаясь к исследованию особенностей и сущности федеральной территории, обращаем внимание на то, что для Российской Федерации опыт создания таких правовых элементов является новым. Соответственно, и опыт по созданию Законопроекта «Сириус» можно назвать практикой с большой долей условности. В связи с чем считаем необходимым обратить внимание на опыт зарубежных государств, с целью анализа схожих форм организации власти на специально отведенных территориях. Заимствование такого опыта на данном этапе вряд ли будет признано нужным и логичным ввиду особенностей, присущих каждой отдельно взятой правовой системе, что, в отсутствие должного опыта, может вызвать плачевные последствия. Однако, опыт зарубежных государств может внести ясность касательно нюансов и сформировать взгляд на само явление федеральных территорий под иным углом.

Так как федеральные территории как явления присущи государствам с федеративным устройством, в качестве примера видится целесообразным привести Соединенные Штаты Америки. «Идеальная федерация – симметричное государство, где в основу устройства положено объединение субъектов федерации, однородных по природе и равных по статусу» [6, с. 19]. Однако, на сегодняшний день встретить идеальную федерацию практически невозможно. Как известно, основная административно – территориальная единица США – это штат. Однако, кроме ныне существующих 50 штатов, есть и ее отдельные территории с совершенно особым правовым положением – это не являющиеся субъектами федерации (штатами) федеральный округ Колумбия, а также федеральные территории: Виргинские острова и острова Восточного Самоа. Помимо того, что федеральный округ Колумбия не является штатом, он также не занимает территории ни одного штата. Цель создания такого обособленного образования заключалась в том, чтобы федеральные органы государственной власти не могли находиться в пределах какого-либо штата и зависеть от властей данного штата. Видится, что такое территориальное решение в плане отсутствия «посягательств» на другую административно-территориальную единицу, позволило избежать массы проблем, связанных с урегулированием вопросов соотношения деятельности органов власти штатов и органов власти федерального округа.

Что касается Виргинских островов и островов Восточного Самоа, то название «федеральные территории» в литературе часто подменяется понятиями «зависимые территории» или же «территории, принадлежащие Соединенным Штатам Америки».

Их правовой статус в общем виде регулируется положениями статьи 4 Конституции США, где отмечается, что на рассматриваемые территории распространяется суверенитет Соединенных Штатов. И этот суверенитет, а, если быть точнее, зависимость, выражена в том, что «Конгресс вправе распоряжаться территорией... и издавать в связи с этим все необходимые правила и постановления» [7, с. 157]. Таким образом, все эти обособленные территории в США обладают специфическим правовым статусом и, при этом, меньшим объемом прав, чем предоставлен штатам. Есть ли возможность говорить о схожести статуса федеральных территорий в РФ и, например, федеральным округом Колумбия? Видится, что нет. Несмотря на действительно особый правовой статус всех рассматриваемых территорий, перечень полномочий, а также цели создания не позволяют с большой долей вероятности говорить о каком-либо заимствовании законодателем РФ зарубежного опыта США.

Изложенное делает возможным вывод о том, что на текущий момент федеральная территория – это территория, не входящая в состав субъекта федерации, которая находится в непосредственном управлении федеральных органов власти. Вопросы по поводу целей, существенных особенностей и принципов данных территорий видится возможным сформировать с опорой на законодательные акты лишь после вступления в силу соответствующих Федеральных законов, в частности, уже разрабатываемого законопроекта «Сириус». Что касается целесообразности существования такого правового явления, как федеральная территория, можно сказать, что норма ст. 67 Конституции РФ вполне жизнеспособна, однако нуждается в совершенствовании с целью предотвращения ее излишней двусмысленности, т.к. необходимо помнить, что Конституция РФ – это основной закон, закрепляющий основные права и свободы человека и гражданина, сохранение государственного единства, суверенитета и т.д. В связи с возложенной на нее столь значимой ролью положения Конституции должны быть не могут быть двусмысленны.

Список литературы

1. Виноградова, Е. В. Поправки 2020 года в Конституцию Российской Федерации. К вопросу о роли Конституционного Суда Российской Федерации в защите прав и свобод человека и гражданина / Виноградова Е. В., Патюлин Г. С. – Образование и право. 2020. № 2. – Текст: электронный // КиберЛенинка.ру : [сайт]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/popravki-2020-goda-v-konstitutsiyu-rossiyskoy-federatsii-k-voprosu-o-rol-i-konstitutsionnogo-suda-rossiyskoy-federatsii-v-zaschite-prav-i> (дата обращения: 11.11.2020 г.). – Режим доступа: Научная электронная библиотека «КиберЛенинка».
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.). – Текст: электронный // СПС «КонсультантПлюс» : [сайт]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/8c6502533e28841baf74c1068f88b162a5e9b4ea/ (дата обращения: 12.06.2020 г.).
3. Заключение Конституционного Суда: создание федеральных территорий в РФ не предполагает придания им статуса субъектов. – Текст: электронный // ТВЗвезда.ру : [сайт]. – URL: https://tvzvezda.ru/news/vstrane_i_mire/content/20203161759LseZ0.html?utm_source=tvzvezda&utm_medium=longpage&utm_campaign=longpage&utm_term=v1 (дата обращения: 12.11.2020 г.).
4. Система обеспечения законодательной деятельности. Законопроект № 885214-7 О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти. – Текст: электронный // СоздДума.ру : [сайт]. – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/885214-7> (дата обращения: 21.11.2020 г.).
5. Система обеспечения законодательной деятельности. Законопроект № 1051718-7 О федеральной территории «Сириус» . – Текст: электронный СоздДума.ру : [сайт]. – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1051718-7> (дата обращения: 13.11.2020 г.).

6. Горбунова, И. Ю. Китайская миграция как угроза национальной безопасности Российской Федерации / И. Ю. Горбунова // Миграционное право – 2009. – № 5. – Текст : непосредственный.
7. Страшун, Б. А. Конституционное (государственное) право зарубежных стран : учебник. Т. 4. / Отв. ред. Б. А. Страшун. – М., 2000. – 430 с. – Текст : непосредственный.

Sibileva A. Yu. To the question of the legal status of federal territories / A. Yu. Sibileva // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean federal university. Juridical science. – 2020. – Т. 6 (72). № 3. – P. 49-56.

The article analyzes the provisions of the 2020 constitutional reform in the Russian Federation. The most close attention is paid to the provisions of Article 67 of the Constitution of the Russian Federation, namely, the creation of a new legal public-law entity with a special status – a federal territory. Various points of view regarding the concept and essence of the education in question are considered.

Keywords: federal territory, constitutional amendments, human and civil rights and freedoms, subjects of the federation, legal status, foreign experience, functioning of public authorities, free territories, Sirius, transition period.

Spisok literature

1. Vinogradova E. V. 2020 Amendments to the Constitution of the Russian Federation. On the question of the role of the Constitutional Court of the Russian Federation in the protection of human and civil rights and freedoms / E. V. Vinogradova, Patyulin G. S. – Education and Law. 2020. No. 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/popravki-2020-goda-v-konstitutsiyu-rossiyskoy-federatsii-k-voprosu-o-rol-i-konstitutsionnogo-suda-rossiyskoy-federatsii-v-zaschite-prav-i> (date of access: 11.11.2020). – Text: electronic.
2. "The Constitution of the Russian Federation" (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020). – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/8c6502533e28841baf74c1068f88b162a5e9b4ea/ (date of access: 12.11.2020). – Text: electronic.
3. Conclusion of the Constitutional Court: the creation of federal territories in the Russian Federation does not imply giving them the status of subjects. – URL: https://tvzvezda.ru/news/vstrane_i_mire/content/20203161759LseZ0.html?utm_source=tvzvezda&utm_medium=longpage&utm_campaign=longpage&utm_term=v1 (date accessed: 12.11.2020). – Text: electronic.
4. Legislative support system. Bill No. 885214-7 On improving the regulation of certain issues of the organization and functioning of public authorities: website. – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/885214-7> (date accessed: 11/21/2020). – Text: electronic.
5. The system of ensuring legislative activity. Bill No. 1051718-7 On the federal territory "Sirius": website. – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1051718-7> (date accessed: 11/13/2020). – Text: electronic.
6. Gorbunova I. Yu. Chinese migration as a threat to the national security of the Russian Federation // Migration law / I. Yu. Gorbunov. – 2009. – No. 5.
7. Strashun B. A. Constitutional (state) law of foreign countries : textbook. T. 4. / Resp. ed. B. A. Scarecrow. – М., 2000. – 430 p.

**ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО; ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ
ПРАВО; СЕМЕЙНОЕ ПРАВО; МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ
ПРАВО ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС;
АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС; ТРУДОВОЕ ПРАВО;
ПРАВО СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ**

УДК 347.21/347.451.03

DOI: 10.37279/2413-1733-2020-6-3-57-66

**ПРОБЛЕМА ТОЛКОВАНИЯ КРИТЕРИЯ ДОБРОСОВЕСТНОСТИ,
ОГРАНИЧИВАЮЩЕГО СФЕРУ ДЕЙСТВИЯ МЕХАНИЗМА
ПРИБРЕТАТЕЛЬНОЙ ДАВНОСТИ**

Аблятинова Н. А., Рогожин Н. В.

Крымский филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»

В данной статье на основе анализа действующего гражданского законодательства, судебной практики и научной литературы исследуются некоторые проблемы толкования добросовестности, как реквизита необходимого для приобретения права собственности по давности владения. Авторы обращают внимание на ограниченность ситуаций, к которым может применяться правило о приобретательной давности, вследствие существующего официального нормативного разъяснения критерия добросовестности. В работе рассматривается последняя практика судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ, которой была сформирована позиция по толкованию добросовестности, как представляется, противоречащая законному пониманию данного условия. В этой связи, разбираются некоторые жизненные ситуации, а именно завладение имуществом, путем вселения в пустующий брошенный дом, а также ситуация, когда сожитель (фактический супруг) становится самостоятельным владельцем имущества собственника. На этих примерах авторы показывают, как исследуемые в статье проблемы толкования критерия «доброй совести» в составе приобретательной давности влияют на формирования неоднозначной, и в ряде случаев, незаконной судебной практики.

Ключевые слова: приобретательная давность, критерий добросовестности, толкование добросовестности, фактический отказ от права собственности.

Вопросы категории добросовестности сегодня занимают одно из центральных мест в перечне актуальных проблем современного гражданского права. Проникнув в различные сферы гражданско-правовых отношений феномен «доброй совести» отразился и в конструкции приобретательной давности, известной еще со времен римского частного права. С этапа зарождения представлений о приобретательной давности и до сегодняшнего дня, правило о приобретении собственности по давности владения прошло определенную эволюцию в своем развитии, и, кроме того, дополнительное осмысление применительно к российскому правопорядку. К сожалению, назревшая в настоящее время проблема отсутствия единого и точного понимания критерия добросовестности на законодательном и правоприменительном уровне, оказывает самое негативное воздействие на развитие приобретательной

давности в нашей стране. Цель настоящей статьи состоит в исследовании проблемы толкования добросовестности, которое ограничивает сферу действия механизма приобретательной давности.

Согласно п. 1. ст. 234 ГК РФ смысл приобретательной давности заключается в том, что лицо – гражданин или юридическое лицо, – не являющееся собственником имущества, но добросовестно, открыто и непрерывно владеющее как своим собственным недвижимым имуществом, если иные срок и условия приобретения не предусмотрены данной статьей, в течение пятнадцати лет либо иным имуществом в течение пяти лет, приобретает право собственности на это имущество [1].

Официальное толкование критерия добросовестности было дано Пленумом ВС РФ и Пленумом ВАС РФ в пункте 15 Постановления от 29 апреля 2010 г. N 10/22 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав», где разъясняется, что давностное владение является добросовестным, если лицо, получая владение, не знало и не должно было знать об отсутствии основания возникновения у него права собственности [2].

Отсюда следует, что статью 234 ГК РФ (приобретательная давность) необходимо рассматривать в единстве со статьей 302 ГК РФ (истребование имущества от добросовестного приобретателя). Согласно последней статье имущество не может быть истребовано у добросовестного приобретателя (тот, кто приобрел у лица, которое не имело права его отчуждать, о чем приобретатель не знал и не мог знать) только в том случае, если оно было передано по возмездной сделке и при этом выбыло из владения собственника по его воли. Тогда для недвижимости применяется, так называемая «моментальная» приобретательная давность, – имущество признается принадлежащим добросовестному приобретателю на праве собственности с момента государственной регистрации (п. 2 ст. 223 ГК РФ).

В остальных же случаях, когда имущество выбыло против воли собственника (например, похищено) или приобретено безвозмездно, оно может быть виндицировано. Именно в таких ситуациях, если собственник не истребовал вещь, для защиты добросовестного приобретателя может применяться правило о приобретательной давности. Исходя из этого, норма о приобретении собственности по давности владения действует только в случае добросовестного приобретения по сделке.

Представляется, что такое понимание критерия добросовестности значительно сужает круг жизненных ситуаций, к которым может быть применена норма о приобретательной давности. По мнению Скловского К.И., приходится все же признать, что перечисленные выше ситуации носят, скорее, умозрительный характер, а в целом практическое значение давностного приобретения оказывается небольшим. Ученый также считает, что есть основания обсудить расширение условия добросовестности для приобретения по давности. Так, наряду с тем пониманием добросовестности, которое изложено в п. 15 Постановления 10/22, оправданно и иное толкование доброй совести – добросовестным можно было бы считать такое поведение владельца, которое объективно не направлено против собственника, не содержит «неправды» [3].

С данной проблемой не раз сталкивалась Судебная коллегия по гражданским делам ВС РФ, когда необходимо было определить добросовестность лица,

требующего признания право собственности на долю в недвижимости в силу приобретательной давности, при этом являющегося собственником одной из долей (сособственником). Например, вследствие наследования, приватизации и пр. Нижестоящие суды, ссылаясь на п. 15 Постановления 10/22, признавали такое владение недобросовестным, поскольку сособственнику всегда заведомо известно об отсутствии основания возникновения у него права собственности. Однако Верховный суд справедливо посчитал данное владение добросовестным, и тем самым, в результате принятия ряда определений по схожим ситуациям [4, 5, 6], коллегией была сформулирована правовая позиция по толкованию добросовестности, однако, как видется, противоречащая разъяснению этого критерия, данному в Постановлении 10/22.

Так, в Определении СК по гражданским делам ВС РФ от 20 марта 2018 г. № 5-КГ18-3 детально интерпретируется критерий добросовестности, исходя из основного назначения нормы о приобретательной давности (возвращение фактически брошенного имущества в гражданский оборот, включая его надлежащее содержание, безопасное состояние, уплату налогов и т.п.). По мнению суда, добросовестность предполагает, что вступление во владение не было противоправным, совершено внешне правомерными действиями. Добросовестное заблуждение давностного владельца о наличии у него права собственности на данное имущество положениями статьи 234 ГК РФ не предусмотрено в качестве обязательного условия для возникновения права собственности в силу приобретательной давности. Напротив, столь длительное владение вещью, право на которую отсутствует, предполагает, что давностный владелец способен знать об отсутствии у него такого права, особенно в отношении недвижимого имущества, возникновение права на которое, по общему правилу, требует формального основания и регистрации в публичном реестре. Более того, само обращение в суд с иском о признании права в силу приобретательной давности является следствием осведомленности давностного владельца об отсутствии у него права собственности [4].

Стоит также обратить внимание на Определение СКГД ВС РФ по делу № 84-КГ20-1 от 10.03.2020 [7], суть которого заключается в том, что в 1999 году Шустов М.Г. и Габараева О.В. договорились о приобретении имущества последней, однако не успели заключить сделку ввиду смерти собственника. По утверждению истца, она с 1999 года добросовестно, открыто и непрерывно владеет этим домовладением как своим собственным, поскольку считает его родовым и желает сохранить, использует для проживания, произвела ремонт, обрабатывает приусадебный участок. Нижестоящие суды не признали данное владение добросовестным, с чем не согласилась коллегия ВС и отменила акты судов, направив дело на новое рассмотрение.

Итак, в части отраженных в приведенном определении ВС доводов, оно продолжило развитие позиции о том, что добросовестность в составе приобретательной давности (ст. 234 ГК) отличается от добросовестности для целей статьи 302 ГК, что, соответственно, идет в разрез с толкованием, закрепленным в п. 15 Постановления 10/22. Примечательно также то, что фабула данного дела, в части оснований завладения имуществом, не связана с общей долевой собственностью, истец не успела заключить сделку, что дает основание для предположения о

нормативном толковании критерия добросовестности, содержащегося в определениях ВС (т.е. его распространение на все иные жизненные ситуации).

Как мы видим, смысл понятия добросовестности для конкретных ситуаций расширяется, и даже видоизменяется Верховным судом РФ. Здесь, надо отметить, что суды используют позицию коллегии ВС РФ для обоснования наличия реквизита добросовестности и при рассмотрении кардинально других случаев (некоторые будут рассмотрены далее). Вместе с тем, такое положение вещей не приводит к единообразию судебной практики, порождает явную противоречивость и непредсказуемость судебных решений.

Рассмотрим некоторые иные случаи, когда также остро встает вопрос о наличии или отсутствии критерия добросовестности. Достаточно распространенной в российских реалиях, и, как следствие, в судебной практике, является ситуация, когда лицо вселяется в пустующий дом (как дядя Федор из мультфильма «Простоквашино»). Нередко ситуацию данного героя моделируют как классический пример, когда возможно применение приобретательной давности. Вместе с тем, является ли владение такого лица добросовестным, в контексте п. 15 Постановления 10/22? Ведь понятно, что такой сквоттер знает об отсутствии основания возникновения у него права собственности, так как занимаемое им жилое помещение ему не принадлежит.

К сожалению, судебная практика дает противоречивые ответы на данный вопрос. Одни суды не считают такое владение добросовестным, ссылаясь в обоснование, прежде всего, на ст. 234 и 225 ГК РФ (приобретательная давность на бесхозные вещи) и п. 15 Постановления 10/22, в результате, отказывая в признании права собственности [8]. Другие, напротив, поддерживают давностного владельца фактически брошенного жилого помещения, часто цитируя ранее обозначенную позицию судебной коллегии ВС РФ. Например, в Решении Черноморского районного суда от 6 марта 2019 г. по делу № 2-206/2019 правомерность завладения суд обосновывает тем, в спорное жилое помещение истец вселилась не самоуправно, а с согласия органа местного самоуправления, компетентного принимать данные решения, в связи с тем, что спорное домовладение пустовало, при этом письменного разрешения на вселение в спорное домовладение истец не получала [9].

Еще более неоднозначной в практике судов, а потому заслуживающей отдельного внимания, является ситуация, когда лицо, проживающее вместе с собственником жилого помещения одной семьей без регистрации брака (сожителем), или его правопреемник, становится самостоятельным владельцем этого имущества (например, после смерти собственника). Подобные случаи определенным образом коррелируют с обстоятельствами «Дяди Федора», поскольку также возникает вопрос о возможности применения приобретательной давности для регулирования данных отношений, в связи с необходимостью присутствия критерия добросовестности.

Так, в Решении Нижнеингашского районного суда Красноярского края от 16 января 2019 г. по делу № 2-17/2019, суд определил владение сожителя добросовестным и удовлетворил исковые требования [10]. В то же время, Черноморский районный суд в Решении от 20.01.2020 по гражданскому делу N 2-55/2020 указал, что давностное владение истцом спорной квартирой нельзя признать добросовестным, поскольку истцу было известно о правообладателе

спорного имущества. Пользование истцом имуществом, несмотря на наличие длительности, непрерывности и открытости, не может служить основанием для признания права собственности в силу приобретательной давности [11].

Анализ судебной практики показывает, что если суды первой инстанции, по рассматриваемым случаям, еще вступают на защиту таких «давностных владельцев», то уже суды высших инстанций достаточно редко признают право собственности в силу приобретательной давности.

В качестве исключения интересным представляется Апелляционное определение Приморского краевого суда от 28 ноября 2018 г. по делу N 33-11450 [12]. Обстоятельства дела состояли в том, что после смерти брата истца осталось имущество в виде 1/2 доли домовладения. Истец проживал совместно с умершим братом в спорном жилом доме. Собственником дома являлся законный супруг А., с которой брат истца состоял в фактических брачных отношениях. Суды нижестоящих инстанций не нашли оснований для удовлетворения заявленных требований, сочли, что истцу было известно о том, что брат собственником спорного домовладения не являлся, следовательно, его владение не может расцениваться как добросовестное по смыслу ст. 234 ГК РФ. Не соглашаясь с выводами суда первой инстанции, коллегия прямо цитирует позицию ВС РФ, согласно которой осведомленность давностного владельца о наличии титульного собственника сама по себе не означает недобросовестности владения.

Кроме того, для правового обоснования наличия добросовестности владения (внешней правомерности завладения) у брата истца, а затем у самого истца (его правопреемника) суд применяет нормы жилищного законодательства РСФСР, действовавшие на момент вселения и регистрации истца в спорном жилом доме (ст. 127, ст. 53 ЖК РСФСР), а также п. 11 подп. «б» ПП ВС РФ N 14 от 02.07.2009 года «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении Жилищного кодекса РФ» и приходит к выводу, что брат истца был вселен как член семьи А., состоял с ней в фактических брачных отношениях, проживал совместно без регистрации брака, в связи с чем, в настоящей ситуации добросовестность предполагает, что вступление во владение имуществом не было противоправным и совершено внешне правомерными действиями.

Итак, исследование судебной практики демонстрирует, что необходимость наличия критерия добросовестности в составе приобретательной давности, в том понимании, которое представлено в Постановлении 10/22, зачастую не позволяет разрешать дела в интересах владельца, даже при наличии всех других условий, препятствуя возвращению имущества в гражданский оборот, образуя неопределенность в правоотношениях.

Сегодня в судебной практике параллельно существует еще одна вариация понимания реквизита «доброй совести», вытекающая из понятия «фактический отказ от права собственности». В соответствии со ст. 236 ГК РФ лицо может отказаться от права собственности на принадлежащее ему имущество, объявив об этом либо совершив другие действия, определенно свидетельствующие о его устранении от владения, пользования и распоряжения имуществом без намерения сохранить какие-либо права на это имущество.

Из чего следует, что действующее законодательство, предусматривая возможность прекращения права собственности на то или иное имущество путем

совершения собственником действий, свидетельствующих о его отказе от принадлежащего ему права собственности, допускает возможность приобретения права собственности на это же имущество иным лицом в силу приобретательной давности [13].

Так, в уже обозначенном Определении СКГД ВС РФ от 10.03.2020 N 84-КГ20-1, суд отмечает, что для приобретения права собственности в силу приобретательной давности не является обязательным, чтобы собственник, в отличие от положений статьи 236 ГК РФ, совершил активные действия, свидетельствующие об отказе от собственности или объявил об этом. Достаточным является то, что титульный собственник в течение длительного времени устранился от владения вещью, не проявляет к ней интереса, не исполняет обязанностей по ее содержанию, вследствие чего вещь является фактически брошенной собственником [7].

В данном деле органы местного самоуправления с момента смерти собственника более 19 лет, в том числе и при рассмотрении судами настоящего дела, интереса к испрашиваемому истцом имуществу не проявляли, правопритязаний в отношении его не заявляли, обязанностей собственника этого имущества не исполняли.

Следовательно, фактический отказ публичного образования от собственности, в случае, если имущество является выморочным, или, соответственно, устранение частного собственника от владения, может обуславливать добросовестность давностного владельца. Полагаем, что при допущении возможности такого отказа от права собственности, с одной стороны, необходимо обеспечить возвращение имущества в гражданский оборот, а с другой, не нарушить основы субъективного права собственности. Нужно также понимать, что определения ВС не имеют обязательной юридической силы для нижестоящих судов, вследствие чего, состояние неопределенности судебной практики только усугубляется.

Вопросы толкования категории добросовестности, как условия, необходимого для приобретения права собственности по давности владения, всегда были в центре внимания научного юридического сообщества. Постоянно обсуждаются такие проблемы, как наличие различных подходов к пониманию добросовестности, соотношение её нравственной и правовой природы, субъективное и объективное значение, установление момента времени, когда должен наличествовать факт добросовестности [14] и др.

Интересно отметить, что по поводу вышерассмотренной последней практики ВС по приобретательной давности разразилась научная дискуссия. Так, Бевзенко Р.С. стоит на том, что такая практика вопиюще незаконна. В ГК РФ и Постановлении 10/22 заложена классическая приобретательная давность (приравнивание добросовестности по ст. 302 и ст. 234 ГК РФ). А практика ВС отражает по его образному утверждению «славянскую правовую традицию приобретательной давности» [15].

Точка зрения, например, Рыбалова А.О. по этому вопросу противоположна и заключается в том, что практика коллегии правомерна и ее необходимо распространить на другие случаи [16], т.е. признать толкование нормативным.

Вместе с тем, обе стороны соглашались с тем, что позиция коллегии ВС противоречит разъяснению, данному в п. 15 Постановления 10/22.

В последнее время, в связи с разработкой проекта реформы вещного права, появлением некоторых новелл в российском Гражданском кодексе, активно обсуждаемым и на законодательном уровне стал тезис о необходимости изъятия критерия добросовестности из состава приобретательной давности. Так, согласно Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации от 7 октября 2009 г. следует отказаться от такого реквизита давностного владения, как добросовестность [17]. Небезынтересно, что данное предложение не было реализовано в ФЗ от 16.12.2019 N 430-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации», хотя подобная инициатива имела место в законопроекте.

Все же, каким образом обеспечить единообразие судебной практики по применению нормы о приобретательной давности? На наш взгляд, позиция по толкованию добросовестности владения, сформулированная коллегией ВС, позволила справедливо разрешить соответствующие конкретные дела. Вместе с тем, фрагментарное решение проблемы всегда неизбежно приводит к образованию противоречивых, неоднозначных результатов.

В иностранных правовых порядках, зачастую, приобретательная давность имеет двухступенчатый характер: укороченная приобретательная давность – для добросовестных владельцев, продолжительная – для недобросовестных. Согласимся с Скловским К.И., который пишет, что именно таким должно быть изменение института приобретательной давности: сокращение сроков для добросовестно приобретенных вещей и увеличение сроков приобретения для вещей, полученных недобросовестно, за исключением противозаконных владельцев (например, воров) [18]. К сожалению, у отечественного законодателя нет желания идти по этому пути.

Таким образом, одним из способов изменения толкования критерия добросовестности, которое сужает сферу применения приобретательной давности, может стать придание официального нормативного значения разъяснениям добросовестности, данным коллегией Верховного Суда РФ, путем комплексного преобразования юридических норм, регулирующих приобретение права собственности в силу давностного владения, а также правил понимания условия добросовестности, закрепленных в Постановлении 10/22. Это позволит применять, в том числе, к рассмотренным в статье ситуациям (завладение брошенным имуществом; в результате сожительства и др.) норму о приобретательной давности, обеспечив, тем самым, формирование столь необходимой на сегодняшний день единообразной, предсказуемой судебной практики.

Список литературы

1. Российская Федерация. Законы. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ : текст на 16.12.2019 г. // «Собрание законодательства РФ». – [Офиц. изд.]. – 05.12.1994 г. – № 32. – Ст. 3301. – Текст : непосредственный.
2. О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав : Постановление Пленума Верховного Суда РФ

- № 10, Пленума ВАС РФ № 22 от 29.04.2010 г. : текст на 23.06.2015 г. // Бюллетень ВС РФ, 2010. – № 7. – Текст : непосредственный.
3. Скловский, К. И. Комментарий к Постановлению Пленума Верховного Суда РФ и Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 29 апреля 2010 г. № 10/22 О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав (постатейный) / К.И. Скловский. – М.: Статут, 2011. – 144 с. – Текст : непосредственный.
4. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 20 марта 2018 г. – № 5-КГ18-3. – Текст: электронный // ЛегалАктс.ру : [сайт]. – URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-20032018-n-5-kg18-3/> (дата обращения: 25.02.2020 г.).
5. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 17.09.2019 г. – № 78-КГ19-29. – Текст: электронный // СПС «КонсультантПлюс» : [сайт]. – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=604083&dst=4294967295&date=22.05.2020> (дата обращения: 22.03.2020 г.).
6. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 22.10.2019 г. – № 4-КГ19-55, 2-598/2018. – Текст: электронный // СПС «КонсультантПлюс» : [сайт]. – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=604689&dst=4294967295&date=22.05.2020> (дата обращения: 17.03.2020 г.).
7. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 10.03.2020 г. – № 84-КГ20-1. – Текст: электронный // СПС «КонсультантПлюс» : [сайт]. – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=621093&dst=4294967295&date=21.05.2020> (дата обращения: 21.05.2020 г.).
8. Апелляционное определение № 33-1706/2014 от 13 мая 2014 г. Тверского областного суда по делу № 33-1706/2014. – Текст: электронный // СудАкт.ру : [сайт]. – URL: <http://sudact.ru/regular/doc/btkqReqLi8Un/> (дата обращения: 17.03.2020 г.).
9. Решение Черноморского районного суда № 2-206/2019 2-206/2019~М-92/2019 М-92/2019 от 6 марта 2019 г. по делу № 2-206/2019. – Текст: электронный // СудАкт.ру : [сайт]. – URL: <http://sudact.ru/regular/doc/I3wiCcz19dgl/> (дата обращения: 17.03.2020 г.).
10. Решение Нижнеингашского районного суда Красноярского края от 16 января 2019 г. по делу № 2-17/2019. – Текст: электронный // СудАкт.ру : [сайт]. – URL: <http://sudact.ru/regular/doc/SqxarGyWxoxp/> (дата обращения: 18.03.2020 г.).
11. Решение Черноморского районного суда от 20.01.2020 г. по гражданскому делу № 2-55/2020. – Текст: электронный // СудРФ.ру : [сайт]. – URL: <http://chernomorskiy.krm.sudrf.ru/> (дата обращения: 15.02.2020 г.).
12. Апелляционное определение Приморского краевого суда от 28 ноября 2018 г. по делу № 33-11450. – Текст: электронный // СПС «КонсультантПлюс» : [сайт]. – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SODV&n=121834#07291635486501507> (дата обращения: 15.02.2020 г.).
13. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 11.04.2017 г. № 87-КГ17-1. – Текст: электронный // СПС «КонсультантПлюс» : [сайт]. – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=499527&dst=4294967295&date=22.05.2020> (дата обращения: 15.03.2020 г.).
14. Аблятипова, Н. А. Проблемы применения механизма приобретательной давности к бесхозным недвижимым вещам. Том 8. / Н.А. Аблятипова, А.А. Кравцова – Текст : непосредственный // Вопросы российского и международного права. – 2018. – № 4А. – С. 65–72.
15. Бевзенко, Р. С. Почему судьи гражданской коллегии верховного суда не знают законов своей страны? / Р.С. Бевзенко // Дело о приобретательной давности. – Текст: электронный // Закон.ру : [сайт]. – URL: https://zakon.ru/blog/2020/03/25/pochemu_sudi_grazhdanskoj_kollegii_verhovnogo_suda_ne_znayut_zakonov_svoej_strany__delo_o_priobretat (дата обращения: 15.02.2020 г.).
16. Рыбалов, А. О. О внешней правомерности завладения / А.О. Рыбалов. – Текст: электронный // Закон.ру : [сайт]. – URL: https://zakon.ru/blog/2020/03/24/o_vneshnej_pravomernosti_zavladieniya (дата обращения: 15.02.2020 г.).

17. Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации от 7 октября 2009 г. // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. – 2009. – № 11. – Текст : непосредственный.
18. Скловский, К. И. Собственность в гражданском праве : учебное пособие для вузов / К. И. Скловский. – 5-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2020. – 1016 с. – Текст: электронный // Юрайт.ру : [сайт]. – URL: <https://urait.ru/bcode/449151/p.598> (дата обращения: 21.04.2020 г.).

Ablyatipova N. A., Rogozhin N. V. Interpretation problem criterion of conference, limiting the scope of the mechanism acquisition// Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2020. – Т. 6 (72). № 3. – P. 57-66.

Based on the analysis of the current civil law, judicial practice and scientific literature, this article explores some of the problems of interpreting good faith as the requisite for acquiring ownership by prescription. The authors draw attention to the limited situations to which the rule on acquisitive prescription may apply, due to the existing official regulatory clarification of the good faith criterion. The work examines the latest practice of the judicial board for civil cases of the Supreme Court of the Russian Federation, which formed a position on the interpretation of good faith, which seems to contradict the legitimate understanding of this condition. In this regard, some situations of life are examined, namely, the seizure of property by moving into an empty abandoned house, as well as the situation when the cohabitant (actual spouse) becomes an independent owner of the property of the owner. Using these examples, the authors show how the problems of interpreting the criterion of “good conscience” as part of acquisitive prescription investigated in the article affect the formation of ambiguous, and in some cases, illegal judicial practice.

Keywords: acquisitive prescription, good faith criterion, interpretation of good faith, actual waiver of ownership.

Spisok literatury:

1. The Civil Code of the Russian Federation (part one) dated 30.11.1994 No. 51-FZ (as amended on 16.12.2019) // "Collected Legislation of the Russian Federation", 05.12.1994, No. 32, art. 3301.
2. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 10, Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 22 dated 04.29.2010 (as amended on 06.23.2015) "On some issues arising in judicial practice when resolving disputes related to the protection of property rights and other property rights" // Bulletin of the RF Armed Forces. 2010. No. 7.
3. Sklovsky K. I. Commentary on the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation and the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of April 29, 2010. No. 10/22 "On some issues arising in judicial practice when resolving disputes related to the protection of property rights and other property rights" (article by article). – М.: Statut, 2011. – 144 p.
4. Determination of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation of March 20, 2018. No. 5-KG18-3. – URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-20032018-n-5-kg18-3/> (date of access: 25.02.2020). – Text: electronic.
5. Determination of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation of 17.09.2019 No. 78-KG19-29. – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=604083&dst=4294967295&date=22.05.2020> (date of access: 22.03.2020). – Text: electronic.
6. Determination of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated 10.22.2019 No. 4-KG19-55, 2-598 / 2018. – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=604689&dst=4294967295&date=22.05.2020> (date of access: 17.03.2020). – Text: electronic.
7. Determination of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated 03.10.2020 No. 84-KG20-1. – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=621093&dst=4294967295&date=21.05.2020> (date of access: 21.05.2020). – Text: electronic.
8. Appellate ruling No. 33-1706 / 2014 of May 13, 2014 of the Tver Regional Court in case No. 33-1706 / 2014. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/btkqReqli8Un/> (date of access: 17.03.2020). – Text: electronic.

9. Decision of the Chernomorsky District Court No. 2-206 / 2019 2-206 / 2019~M-92/2019 M-92/2019 dated March 6, 2019 in case No. 2-206 / 2019. – URL: [//sudact.ru/regular/doc/I3wiCcz19dgJ/](https://sudact.ru/regular/doc/I3wiCcz19dgJ/) (date of access: 17.03.2020). – Text: electronic.
10. Decision of the Nizhneingashsky District Court of the Krasnoyarsk Territory dated January 16, 2019 in case No. 2-17 / 2019. – URL: [//sudact.ru/regular/doc/SqxapGyWxoxp/](https://sudact.ru/regular/doc/SqxapGyWxoxp/) (date of access: 18.03.2020). – Text: electronic.
11. The decision of the Chernomorsky District Court of 20.01.2020 in the civil case No. 2-55 / 2020. – URL: <http://chernomorskiy.krm.sudrf.ru/> (date of access: 15.02.2020). – Text: electronic.
12. Appeal ruling of the Primorsky Regional Court of November 28, 2018 in case No. 33-11450. – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SODV&n=121834#07291635486501507> (date of access: 15.02.2020). – Text: electronic.
13. Determination of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation of 11.04.2017 No. 87-KG17-1. – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=499527&dst=4294967295&date=22.05.2020> (date of access: 15.03.2020). – Text: electronic.
14. Ablyatipova N. A., Kravtsova A. A. Problems of applying the mechanism of acquisitive prescription to ownerless real estate // Issues of Russian and international law. 2018. Vol. 8. No. 4A. S. 65–72.
15. Bevzenko R. S. Why don't the judges of the civil collegium of the Supreme Court know the laws of their country? // The case of acquisitive prescription. – URL: https://zakon.ru/blog/2020/03/25/pochemu_sudi_grazhdanskoj_kollegii_verhovnogo_suda_ne_znayut_zakono_v_svoej_strany__delo_o_priobretat (date of access: 15.02.2020). – Text: electronic.
16. Rybalov A. O. On the external legitimacy of the acquisition. – URL: https://zakon.ru/blog/2020/03/24/o_vneshnej_pravomernosti_zavladeniya (date of access: 15.02.2020). – Text: electronic.
17. The concept of development of civil legislation of the Russian Federation dated October 7, 2009 // Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. – 2009. – No. 11.
18. Sklovsky K. I. Property in civil law : a textbook for universities / K. I. Sklovsky. – 5th ed., Rev. and add. – Moscow: Yurait Publishing House, 2020. – 1016 pp. – URL: <https://urait.ru/bcode/449151/p.598> (date of access: 21.04.2020). – Text: electronic.

УДК 347.61/.64

DOI: 10.37279/2413-1733-2020-6-3-67-77

ВЗЫСКАНИЕ АЛИМЕНТОВ В СООТВЕТСТВИИ С ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОБ ИСПОЛНИТЕЛЬНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Авдеева Н. И.

ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет»

Обязанность по содержанию нетрудоспособных членов семьи в Российской Федерации устанавливается на конституционном уровне. Соответствующие нормы установлены и в международных нормативных правовых актах, ратифицированных современной Россией. Однако далеко не все субъекты, обязанные предоставлять алиментное содержание добросовестно выполняют свои обязательства. В этом случае российским законодательством предусматривается механизм принудительного взыскания алиментов. Чаще всего приходится прибегать к процедуре, предусмотренной законодательством об исполнительном производстве, реализуемой судебными приставами-исполнителями Федеральной службы судебных приставов Российской Федерации. Нормами законодательства об исполнительном производстве предусматривается довольно широкий круг полномочий пристава-исполнителя в рамках взыскания задолженности по алиментному содержанию, а также мер принудительного исполнения и ответственности к должникам по алиментам, вплоть до административной и уголовной. Однако, несмотря на это, значительная часть задолженности по алиментам в Российской Федерации остается не взысканной. Это влечет серьезное нарушение и ущемление законных прав и интересов наиболее незащищенных слоев российского общества (несовершеннолетних детей, нетрудоспособных членов семьи и др.), которые лишаются возможности достойного материального обеспечения. Одной из причин сложившейся ситуации является недостаточная эффективность действующего законодательства об исполнительном производстве, организации принудительного исполнения в Российской Федерации.

Ключевые слова: алименты, задолженность, взыскание, принудительное исполнение, исполнительное производство, судебные приставы, меры принуждения.

Согласно ст. 38 Основного закона Российской Федерации, родители обязаны заботиться о своих несовершеннолетних детях, а совершеннолетние трудоспособные дети обязаны заботиться о своих нетрудоспособных родителях [1]. Обязанность по обеспечению нетрудоспособных членов семьи содержится и в международных нормативных правовых актах, которые, соответствии с ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации также являются источниками российского права [2, 3, 4, 5]. Однако нормами Основного закона Российской Федерации круг алиментобязанных лиц и получателей алиментного содержания не ограничивается. Семейный кодекс Российской Федерации (далее – СК РФ) устанавливает алиментные обязательства: родителей и детей (гл. 13); супругов и бывших супругов (гл. 14); других членов семьи (братьев и сестер по содержанию своих несовершеннолетних и нетрудоспособных совершеннолетних братьев и сестер; дедушек и бабушек по содержанию внуков; внуков содержать дедушку и бабушку; воспитанников содержать своих фактических воспитателей; пасынков и падчериц по содержанию отчима и мачехи) (гл. 15) [6].

Надо отметить, что большинство алиментобязанных граждан выполняют свои обязательства добровольно, однако не редкими являются случаи неисполнения алиментных обязательств. В 2019 г. в суды общей юрисдикции поступило 306 488 заявлений о взыскании алиментов на несовершеннолетних детей на общую сумму 1 719 181 727 руб. и 5 806 – на иных членов семьи на сумму 46 997 721 руб. (в 2018 г. – 314 692 на 1 295 872 691 руб. и 4 778 на 42 853 601 руб.; в 2017 г. – 324 143 и 4 586 заявления соответственно, в 2016 г. 333 843 и 5 441 заявления) [7, 8, 9, 10]. По статистическим данным Федеральной службы судебных приставов Российской Федерации (далее – ФССП РФ), в 2019 г. в производстве у судебных приставов-исполнителей находился 1 572 703 исполнительных производств о взыскании алиментов на сумму 213 206 723 000 руб. (в 2018 г. – 1 560 153 на сумму 191 981 425 000 руб.; в 2017 г. – 1 579 258 на 179 978 821 000 руб.; в 2016 г. – 1 608 133 на 176 315 139 000 руб.; в 2015 г. – 1 638 907 на 167 735 843 000 руб.) [11, 12, 13, 14, 15]. Как показывает статистика, из года в год сумма алиментной задолженности по всем видам алиментов неуклонно растет, причем такое возрастание, например, по сравнению с 2015 г., уже исчисляется десятками миллиардов рублей. На результативность исполнительного производства в России влияет целый комплекс проблем правового, организационного, социально-экономического, политического, культурного характера и даже географический фактор. В данной статье мы остановимся в основном на проблемах правового и организационного характера, связанных с исполнительным производством.

Надо отметить, что исполнительное производство на протяжении практически всего существования современной России является одной из самых проблемных сфер правоприменения. И речь идет не только о взыскании алиментов, ФССП РФ исполняется не более 30% исполнительных документов, связанных с имущественными взысканиями, к которым, также относится и алиментная задолженность. В 2007 г. был принят новый Федеральный закон «Об исполнительном производстве» (далее – ФЗИП), установивший значительные полномочия судебных приставов-исполнителей по взысканию, в том числе и алиментной задолженности [16]. С тех пор, в закон было внесено более 80 поправок, предусматривающих также и меры воздействия на должников по алиментам. В отношении взыскания алиментов нормы ФЗИП можно поделить на общие и специальные.

Статья 102 ФЗИП полностью посвящена порядку взыскания алиментов и задолженности по алиментным обязательствам. В частности, нормами данной статьи пристав-исполнитель наделяется правом индексации алиментов, взыскиваемых в твердой денежной сумме, пропорционально росту величины прожиточного минимума для соответствующей социально-демографической группы населения, установленной в соответствующем субъекте Российской Федерации по месту жительства лица, получающего алименты, а при отсутствии в соответствующем субъекте Российской Федерации указанной величины пропорционально росту величины прожиточного минимума для соответствующей социально-демографической группы населения, установленной в целом по Российской Федерации. Размер задолженности по алиментам определяется в постановлении судебного пристава-исполнителя о расчете и взыскании задолженности по алиментам исходя из размера алиментов, установленного судебным актом или соглашением об уплате алиментов. Размер задолженности по алиментам, уплачиваемым на

несовершеннолетних детей в долях к заработку должника, определяется исходя из заработка и иного дохода должника за период, в течение которого взыскание алиментов не производилось. Если должник в этот период не работал либо не были представлены документы о его доходах за этот период, то задолженность по алиментам определяется исходя из размера средней заработной платы в Российской Федерации на момент взыскания задолженности. В случае, когда определенный судебным приставом-исполнителем размер задолженности по алиментам нарушает интересы одной из сторон исполнительного производства, сторона, интересы которой нарушены, вправе обратиться в суд с иском об определении размера задолженности. «Исполнительский сбор за неуплату алиментов исчисляется и взыскивается с суммы каждой задолженности в отдельности. В случае злостного уклонения от уплаты алиментов должник может быть привлечен к уголовной ответственности в соответствии с законодательством Российской Федерации» [16].

Как видно из норм ст. 102 ФЗИП, судебный пристав-исполнитель помимо расчета задолженности, наделяется полномочиями по привлечению алиментного должника к ответственности. Во-первых, речь идет об исполнительском сборе. Последний представляет собой денежное взыскание с должника, не исполняющего в добровольном порядке свои обязательства. Он устанавливается в размере 7% от суммы взыскания, но не менее 1 000 руб. с должника-гражданина. «Поскольку алименты представляют собой периодические платежи, взыскиваемые с должника, то за весь период взыскания алиментов возможно неоднократное образование задолженности» [17]. Согласно ч. 5 ст. 102 ФЗИП, исполнительский сбор взыскивается с суммы каждой задолженности в отдельности. Соответственно общая задолженность неплательщика по алиментному обязательству автоматически вырастает на размер исполнительского сбора.

Далее ч. 6 ст. 102 ФЗИП указывает на возможность уголовной ответственности за злостное уклонение от уплаты алиментов. В Уголовном кодексе Российской Федерации (далее – УК РФ) установлен отдельный состав за неуплату средств на содержание несовершеннолетних детей и нетрудоспособных родителей (ст. 157) [18]. При этом условием привлечения к уголовной ответственности за такого рода деяние является неуплата обязанными лицами данного содержания по решению суда или на основании соглашения об уплате алиментов, без уважительных причин. Неисполнением по неуважительным причинам считается, если это деяние совершено неоднократно, а виновное лицо предварительно подвергнуто административному наказанию по ст. 5.35.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) [19].

Всего в 2019 г. за такого рода преступления было осуждено более 46 706 человек [20]. Довольно часто даже сама угроза привлечения к уголовной ответственности побуждает алиментного должника к исполнению своих обязательств [21], не редко это происходит на стадии применения ст. 5.35.1 КоАП РФ [22, 23]. Многие должники, подвергнутые наказанию по ст. 157 УК РФ, в последствии устраиваются на работу, чтобы предоставлять содержание своим несовершеннолетним детям. Добавим, что по этой статье лицо может быть привлечено к уголовной ответственности неоднократно [24]. Но довольно часто фигурантами таких уголовных дел становятся лица, ведущие асоциальный образ жизни, не имеющие постоянного места работы, не редко злоупотребляющие

спиртными напитками, наркотическими средствами [25, 26]. Их привлечение к уголовной ответственности не приводит к восстановлению нарушенного права, так как долги по алиментам все равно не погашаются, а общая задолженность по алиментам, как видно из показанной выше статистики, только растет, и, таким образом, данный вид ответственности в большинстве случаев носит не правовосстановительный, а карающий характер. При этом у ребенка появляется отец или мать с судимостью. Учитывая современные российские реалии, в будущем такой ребенок не сможет претендовать на отдельные государственные должности, прежде всего, в «правоохранительной сфере». Однако нормы уголовного и уголовно-процессуального законодательства не дают потерпевшей стороне выбора в вопросе привлечения должника по алиментам к уголовной ответственности. В Уголовно-процессуальном кодексе РФ (далее – УПК РФ), ст. 20, предусматриваются, так называемые, дела частного, частно-публичного и публичного обвинения [27]. Дела частного обвинения возбуждаются потерпевшим или его представителем и подлежат прекращению в связи с примирением потерпевшего с обвиняемым, дела частно-публичного обвинения возбуждаются в том же порядке, но прекращению в связи с примирением не подлежат. Думается, что по уголовным делам, связанным с неуплатой алиментов на несовершеннолетних детей, в виду указанных выше обстоятельств, а также потому, что это деяние относится к преступлениям небольшой тяжести, должна быть возможность выбора в вопросе привлечения виновных к уголовной ответственности. Поэтому ст. 157 УК РФ должна быть отнесена как раз к делам частного обвинения, предусматривающего, помимо прочего, еще и примирение сторон, в связи с чем, необходимо внести изменения в ст. 20 и некоторые другие статьи УПК РФ.

СК РФ, как уже указывалось, устанавливает алиментные выплаты не только для несовершеннолетних детей и нетрудоспособных родителей, но и для иных нетрудоспособных членов семьи, в том числе, бывших супругов, дедушек, бабушек и т.д. Но, несмотря на то, что за неуплату алиментов на содержание иных нетрудоспособных членов семьи не предусматривается прямой уголовной или административной ответственности, она может возникнуть на стадии принудительного исполнения алиментных обязательств в рамках исполнительного производства. В данном случае виновные могут быть привлечены, например, к административной ответственности согласно ст. 17.14 КоАП РФ за нарушение законодательства об исполнительном производстве и по ст. 315 УК РФ за неисполнение приговора суда, решения суда или иного судебного акта. Однако, применение норм ст. 315 УК РФ ограничено исполнением исполнительных документов, выданных только судом (исполнительные листы, судебные приказы), в случае, если исполнительное производство осуществляется на основе алиментного соглашения, данная статья применяться не сможет. Таким образом, алиментные должники, если в их отношении исполнительное производство возбуждено на основе такого исполнительного документа, как нотариально удостоверенное соглашение об уплате алиментов (при этом субъектом такого алиментного соглашения не является несовершеннолетний ребенок или нетрудоспособный родитель), вообще не могут быть подвергнуты уголовной ответственности.

Помимо специальных норм ст. 102,ФЗИП предусматривает целый ряд общих норм, регламентирующих принудительное исполнение алиментных обязательств.

Согласно ст. 64 ФЗИП, «судебный пристав-исполнитель вправе совершать следующие исполнительные действия: 1) вызывать стороны исполнительного производства (их представителей), иных лиц в случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации; 2) запрашивать необходимые сведения, в том числе персональные данные, у физических лиц, организаций и органов, находящихся на территории Российской Федерации, а также на территориях иностранных государств, в порядке, установленном международным договором Российской Федерации, получать от них объяснения, информацию, справки; 3) проводить проверку, в том числе проверку финансовых документов, по исполнению исполнительных документов; 4) давать физическим и юридическим лицам поручения по исполнению требований, содержащихся в исполнительных документах; 5) входить в нежилые помещения, занимаемые должником или другими лицами либо принадлежащие должнику или другим лицам, в целях исполнения исполнительных документов; 6) с разрешения в письменной форме старшего судебного пристава (а в случае исполнения исполнительного документа о вселении взыскателя или выселении должника – без указанного разрешения) входить без согласия должника в жилое помещение, занимаемое должником; 7) в целях обеспечения исполнения исполнительного документа накладывать арест на имущество, в том числе денежные средства и ценные бумаги, изымать указанное имущество, передавать арестованное и изъятое имущество на хранение; 8) в порядке и пределах, которые установлены настоящим Федеральным законом, производить оценку имущества; привлекать для оценки имущества специалистов, соответствующих требованиям законодательства Российской Федерации об оценочной деятельности; 9) производить розыск должника, его имущества, розыск ребенка самостоятельно или с привлечением органов внутренних дел; 10) запрашивать у сторон исполнительного производства необходимую информацию» и др. В ст. 68 ФЗИП устанавливается целый ряд мер принудительного исполнения к должникам, среди которых: обращение взыскание на имущество, включая его арест; обращение в регистрирующий орган для регистрации перехода права на имущество, в том числе на ценные бумаги, с должника на взыскателя; совершение от имени и за счет должника действия, указанного в исполнительном документе и др. В случае отсутствия информации о месте нахождения алиментного должника или его имущества судебный пристав-исполнитель может осуществлять исполнительный розыск (ст. 65), под которым «понимаются проводимые судебным приставом-исполнителем, на которого возложены функции по розыску, предусмотренные нормами ФЗИП исполнительно-розыскные действия, направленные на установление местонахождения должника, имущества должника или местонахождения ребенка».

Обладая таким солидным арсеналом полномочий, судебные приставы-исполнители, тем не менее, не достигают высокой эффективности в исполнении исполнительных документов по взысканию алиментной задолженности. И, как нами уже отмечалось, такому положению дел есть объективные причины. Они прежде всего связаны с тяжелой социально-экономической обстановкой в стране. В большинстве субъектов Российской Федерации заработная плата граждан составляет от 10 000 до 15 000 рублей, постоянно растут коммунальные платежи, которые порой достигают половины доходов гражданина, при этом осуществлять какие-либо иные

выплаты (алименты, штрафы, пени, взносы по кредитам и др.) оказывается просто невозможно, к этому можно добавить постоянную угрозу потери работы, так как в основных секторах экономики наметился спад, сокращаются работники бюджетных организаций.

В Российской Федерации бывает очень сложно доказать принадлежность имущества или денежных средств должнику. Большинство сделок осуществляется за наличный расчет, при этом трудно отследить, откуда у лица взялись денежные средства. Зарплату либо большую ее часть значительное число российских граждан получает «в конвертах», и она нигде не учитывается. Довольно часто лица, обязанные уплачивать алименты, всеми способами стремятся занижить свои доходы, к примеру, просят работодателя официально снизить размер заработной платы, и суды присуждают алиментные выплаты, исходя из этого заработка. Однако в этом случае СК РФ (ст. 16) предусматривает возможность в судебном порядке устанавливать размеры алиментов в твердой денежной сумме. И все же остается проблема с доказыванием принадлежности имущества должнику, который часто переводит его на своих родственников и друзей. В последнем случае взыскателю либо судебному приставу-исполнителю остается только попытаться признать такую сделку через суд мнимой или недействительной, согласно статье 170 Гражданского кодекса Российской Федерации [28, 29]. Согласно п. 3 и 4 ч. 1 ст. 46 ФЗИП, «судебный пристав-исполнитель возвращает исполнительный документ взыскателю если невозможно установить местонахождение должника, его имущества либо получить сведения о наличии принадлежащих ему денежных средств и иных ценностей, находящихся на счетах, во вкладах или на хранении в банках или иных кредитных организациях, за исключением случаев, когда настоящим Федеральным законом предусмотрен розыск должника или его имущества; если у должника отсутствует имущество, на которое может быть обращено взыскание, и все принятые судебным приставом-исполнителем допустимые законом меры по отысканию его имущества оказались безрезультатными».

ФССП РФ сильно перегружена. В 2019 г. на исполнении одного судебного пристава-исполнителя находилось 4,3 тыс. исполнительных производств, в 2018 г. – 3,7 тыс., в 2017 г. – 3,6 тыс. [30, 31]. С таким объемом пристав-исполнитель не может справиться физически. При этом, как и все структуры органов исполнительной власти в Российской Федерации ФССП РФ в последние годы претерпела оптимизацию, то есть количество судебных приставов-исполнителей сократилось, и это произошло на фоне значительной текучести кадров. Не редкими являются случаи, когда исполнительное производство возбуждал один пристав, продолжал другой, а оканчивал третий. Судебному приставу-исполнителю приходится одновременно взыскивать неуплаченный штраф за нарушение правил дорожного движения в 500 рублей и миллионные задолженности с должника-организации. Неоднократные предложения ограничить возможность использования ресурсов судебных приставов для взыскания незначительных сумм пока не находят отклика у законодателя.

Все это не способствует улучшению качества принудительного исполнения, в том числе и алиментных обязательств. В сложившейся ситуации наиболее действенными мерами принуждения к должнику являются либо меры косвенного воздействия, когда должник погашает долг по алиментам под угрозой ареста имущества, запрета регистрационных действий и т.д., либо те, которые

осуществляются без непосредственного участия судебного пристава-исполнителя. Речь идет о временном ограничении на выезд должника за пределы Российской Федерации [16], в котором основную роль играют пограничные органы, а также временные ограничения на пользование должником специальным правом, под которым понимается «приостановление действия предоставленного должнику в соответствии с законодательством специального права в виде права управления транспортными средствами (автомобильными транспортными средствами, воздушными судами, судами морского, внутреннего водного транспорта, мотоциклами, мопедами и легкими квадрициклами, трициклами и квадрициклами, самоходными машинами) до исполнения требований исполнительного документа в полном объеме либо до возникновения оснований для отмены такого ограничения» [16]. В рамках временного ограничения на выезд должника в 2019 г. было взыскано долгов по алиментам на сумму 9,7 млрд. руб. (в 2018 г. 7,1 млрд. руб.) [30, 31]. В результате применения временного ограничения на пользование специальным правом в 2019 г. было взыскано 3,6 млрд. руб. алиментных платежей (в 2018 г. – 3,7 млрд. руб.) [30, 31].

Подобные меры применяются и в зарубежном законодательстве об исполнительном производстве. В США и Германии должник, за сокрытие своего имущества или нежелании раскрыть информацию о нем, на основании решения суда, может быть заключен под стражу [32, 33]. Системами права зарубежных стран предусматриваются довольно жесткие меры принуждения к должникам, в том числе и по алиментным выплатам. Должникам, например, ограничивают право передвижения [34]. Дореволюционное российское законодательство также предусматривало для должника такую меру, как отобрание у него подписки о невыезде [35]. Переезд в другой субъект Российской Федерации или выезд за границу являются одними из самых распространенных способов уклонения от алиментных выплат в нашей стране, а учитывая ее размеры, это в дальнейшем затрудняет поиск алиментного должника.

Статья 67 ФЗИП дает возможность ограничить право должника по алиментам выехать за рубеж, но по территории России он может передвигаться совершенно свободно. Отследить же такие передвижения ФССП РФ часто удается только с помощью органов внутренних дел. В дальнейшем следует передача исполнительных документов в подразделение ФССП РФ по месту нахождения должника, с последующим возбуждением исполнительного производства и т.д. За это время должник снова может сменить место пребывания. По нашему мнению, необходимо ввести ограничение передвижения должника внутри страны. Введение такой меры может также стать эффективным способом косвенного воздействия на должника. Особенно если его работа либо предпринимательская деятельность связаны с разъездами или ему необходимо выехать в другой регион на отдых, и т.д. Применение этой меры, также как ограничение выезда за рубеж или ограничение специального права, должно осуществляться только на основании решения суда, при подаче соответствующего заявления судебного пристава-исполнителя или взыскателя. Также необходимо установить, по аналогии со ст. 67 ФЗИП, размер задолженности для применения такого ограничения, думается, что в связи с его довольно значительной жесткостью, размер такой задолженности должен превышать 100 000 руб. После вынесения соответствующего постановления суда, должнику

устанавливается запрет на выезд из определенного субъекта или муниципального образования. Контроль за выполнением такого запрета необходимо возложить на территориальные подразделения ФССП РФ. За нарушение данного ограничения следует установить административную ответственность в виде административного ареста до 15 суток, а при повторном нарушении, привлекать к уголовной ответственности по ст. 315 УК РФ.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.). – Текст: электронный // СПС «КонсультантПлюс» : [сайт]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/8c6502533e28841baf74c1068f88b162a5e9b4ea/ (дата обращения: 12.11.2020 г.).
2. Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989 г.). // Сборник международных договоров СССР. Выпуск XLVI. – 1993. – Ст. 27. – Текст : непосредственный.
3. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948 г.). // Российская газета. – 1995. – № 67. – Ст. 25. – Текст : непосредственный.
4. Международный пакт о гражданских и политических правах (принят 16.12.1966 г. Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН). // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 1994. – № 12. – Ст. 23, 24. – Текст : непосредственный.
5. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (заключена в г. Риме 04.11.1950 г.). Протокол № 7 (подписан в г. Страсбурге 22.11.1984 г.). // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 2. – Ст. 163. – Текст : непосредственный.
6. Семейный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 29.12.1995 г. № 223-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 1. – Текст: электронный // СПС «КонсультантПлюс» : [сайт]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/ (дата обращения: 05.05.2020).
7. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2019 год. – Текст: электронный // Сдеп.ру : [сайт]. – URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5258> (дата обращения: 08.04.2020 г.).
8. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2018 год. – Текст: электронный // Сдеп.ру : [сайт]. – URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4891> (дата обращения: 04.03.2020 г.).
9. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2017 год. – Текст: электронный // Сдеп.ру : [сайт]. – URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4476> (дата обращения: 04.03.2020 г.).
10. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2016 год. – Текст: электронный // Сдеп.ру : [сайт]. – URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=3832> (дата обращения: 04.03.2020 г.).
11. Ведомственная статистическая отчетность за 2019 год. – Текст: электронный // Статистика : [сайт]. – URL: <http://fssprus.ru/statistics/> (дата обращения: 05.04.2020 г.).
12. Ведомственная статистическая отчетность за 2018 год. – Текст: электронный // Статистика : [сайт]. – URL: <http://fssprus.ru/statistics/> (дата обращения: 20.02.2020 г.).
13. Ведомственная статистическая отчетность за 2017 год. – Текст: электронный // Статистика : [сайт]. – URL: <http://fssprus.ru/statistics/> (дата обращения: 08.02.2020 г.).
14. Ведомственная статистическая отчетность за 2016 год. – Текст: электронный // Статистика : [сайт]. – URL: <http://fssprus.ru/statistics/> (дата обращения: 08.10.2018 г.).
15. Ведомственная статистическая отчетность за 2015 год. – Текст: электронный // Статистика : [сайт]. – URL: <http://fssprus.ru/statistics/> (дата обращения: 08.02.2020 г.).
16. Российская Федерация. Законы. Об исполнительном производстве : Федеральный закон от 02.10.2007 г. № 229-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2007. № 41. Ст. 4849 (Собрание законодательства РФ. 2019. (Часть V). – № 49. – Ст. 6965. – Текст : непосредственный.
17. Закарлюка, А.В. Комментарий к Федеральному закону «Об исполнительном производстве» / А. В. Закарлюка, М. А. Куликова, И. В. Решетникова и др.; отв. ред. И. В. Решетникова. – М.: Статут, 2018. – 656 с. – Текст : непосредственный.

18. Уголовный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 13.06.1996 N 63-ФЗ. – Текст: электронный // СПС «КонсультантПлюс» : [сайт]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 15.05.2020).
19. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : Федеральный закон от 30.12.2001 г. № 195-ФЗ. – Текст: электронный // СПС «КонсультантПлюс» : [сайт]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 15.05.2020).
20. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2019 год // URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5259> (дата обращения: 08.04.2020 г.). – Текст: электронный.
21. Уголовное наказание – весомый аргумент, чтобы пойти трудиться. – Текст: электронный // Новости : [сайт]. – URL: <http://fssprus.ru/news/document27672748/> (дата обращения: 10.04.2020 г.).
22. Должник обеспечил детей жильем и оплатил задолженность по алиментам. – Текст: электронный // Новости : [сайт]. – URL: <http://fssprus.ru/news/document27690068/> (дата обращения: 10.04.2020 г.).
23. Должник, испытавший чувство стыда на обязательных работах, приступил к выплатам алиментов в пользу дочери. – Текст: электронный // Новости : [сайт]. – URL: <http://fssprus.ru/news/document27656159/> (дата обращения: 10.04.2020 г.).
24. Воронов, Е. Н. Особенности применения уголовной ответственности за нарушение законодательства об исполнительном производстве / Е.Н. Воронов – Текст : непосредственный // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия история и право. – 2012. – № 1. – Ч. 2. – С. 91–94.
25. Судебные и нормативные акты РФ : Постановление мирового судьи Судебного участка № 72 судебного района г. Отрадного (Самарская область) от 7 июля 2017 г. по делу № 5-264/2017. – Текст: электронный // СудАкт.ру : [сайт]. – URL: <https://sudact.ru/magistrate/court/reshenya-sudebnyi-uchastok-no-72-sudebnogo-raiona-g-otradnogo-samarskaia-oblast/> (дата обращения: 15.05.2020).
26. Приговор мирового судьи Судебного участка мирового судьи Кочкуровского района (Республика Мордовия) от 6 июля 2017 г. по делу № 1-18/2017. – Текст: электронный // СудАкт.ру : [сайт]. – URL: <https://sudact.ru/magistrate/doc/cgvqoruxkxmr/> (дата обращения: 15.05.2020).
27. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ. – Текст: электронный // СПС «КонсультантПлюс» : [сайт]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 15.05.2020).
28. Апелляционное определение Верховного суда Республики Башкортостан от 28.08.2012 г. по делу № 33-9171/2012. – Текст: электронный // СудАкт.ру : [сайт]. – URL: <https://sudact.ru/regular/court/reshenya-verkhovnyi-sud-respubliki-bashkortostan-respublika-bashkortostan/> (дата обращения: 04.04.2020 г.).
29. Апелляционное определение Краснодарского краевого суда от 17.04.2012 г. по делу № 33-7202/12. – Текст: электронный // СудАкт.ру : [сайт]. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/Hwpj9lIixm5/> (дата обращения: 04.04.2020 г.).
30. Итоговый доклад о результатах деятельности ФССП России в 2019 году –URL: <http://fssprus.ru/2680712/> (дата обращения: 06.04.2020 г.). – Текст: электронный.
31. Итоговый доклад о результатах деятельности ФССП России в 2018 году –URL: <http://fssprus.ru/2598521/> (дата обращения: 06.04.2020 г.). – Текст: электронный.
32. Решетникова, И. В. Исполнительное производство за рубежом / И.В. Решетникова // Право и экономика. – 2001. – № 3. – С. 22–31. – Текст : непосредственный.
33. Цедель, А. Система исполнения судебных решений в Германии / А. Цедель; отв. за выпуск С. П. Гришин – Текст : непосредственный // Проблемы исполнительного производства : сборник статей. – Н. Новгород. – 2000. – С. 102–108.
34. Воронов, Е. Н. Современные модели организации принудительного исполнения в правовых системах зарубежных стран Е.Н. Воронов – Текст : непосредственный // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия история и право. – 2013. – № 1. – С. 58–61.
35. Устав гражданского судопроизводства // Свод законов Российской империи. Т. XVI. Ч. I. СПб.: Русское Книжное Товарищество «Деятель». – 1912. – Текст : непосредственный.

Avdeeva N. I. Recovery of alimony in accordance with the law on enforcement proceedings in the Russian Federation / N. I. Avdeeva // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean federal university. Juridical science. – 2020. – Т. 6 (72). № 3. – P. 67-77.

The obligation to support disabled family members in the Russian Federation is established at the constitutional level. The corresponding norms are also established in international normative legal acts ratified

by modern Russia. However, not all entities that are required to provide alimony content faithfully fulfill their obligations. In this case, Russian law provides for a mechanism for compulsory recovery of alimony. Most often it is necessary to resort to the procedure provided for by the legislation on enforcement proceedings, implemented by bailiffs-executors of the Federal bailiff service of the Russian Federation. The norms of the law on enforcement proceedings provide for a fairly wide range of powers of the bailiff in the framework of collecting debts for alimony, as well as measures of enforcement and liability to debtors for alimony, up to administrative and criminal. However, despite this, a significant part of the alimony debt in the Russian Federation remains uncollected. This entails a serious violation and infringement of the legal rights and interests of the most vulnerable segments of Russian society (minors, disabled family members, etc.), who are deprived of the possibility of decent material security. One of the reasons for this situation is the insufficient effectiveness of the current legislation on enforcement proceedings and the organization of enforcement in the Russian Federation.

Keywords: alimony, debt, recovery, enforcement, enforcement proceedings, bailiffs, enforcement measures.

Spisok literary

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993) (taking into account the amendments introduced by the Laws of the Russian Federation on amendments to the Constitution of the Russian Federation dated 30.12.2008 No. 6-FKZ, dated 30.12.2008 No. 7-FKZ, dated 05.02.2014 No. 2-FKZ, dated 07.21.2014 No. 11-FKZ). // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2014. – No. 31. – Art. 4398.
2. Convention on the Rights of the Child (approved by the UN General Assembly on 20.11.1989). // Collection of international treaties of the USSR. XLVI edition. – 1993. – Art. 27.
3. Universal Declaration of Human Rights (adopted by the UN General Assembly on December 10, 1948). // Russian newspaper. – 1995. – No. 67. – Art. 25.
4. International Covenant on Civil and Political Rights (Adopted on 16.12.1966 by Resolution 2200 (XXI) at the 1496th plenary meeting of the UN General Assembly) // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. – 1994. – № 12. – Art. 23, 24.
5. Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms (Concluded in Rome on 04.11.1950). Protocol No. 7 (Signed in Strasbourg on November 22, 1984). Art. 5 // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2001. – No. 2. – Art. 163.
6. Family Code of the Russian Federation dated December 29, 1995 No. 223-FZ (as amended on February 6, 2020) // Collected Legislation of the Russian Federation. – 1996. – № 1. – Text: electronic.
7. Summary statistical information on the activities of federal courts of general jurisdiction and justices of the peace for 2019. – URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5258> (date of access: 08.04.2020). – Text: electronic.
8. Summary statistical information on the activities of federal courts of general jurisdiction and justices of the peace for 2018. – URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4891> (date of access: 04.03.2020). – Text: electronic.
9. Summary statistical information on the activities of federal courts of general jurisdiction and justices of the peace for 2017. – URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4476> (date of access: 03/04/2020). – Text: electronic.
10. Summary statistical information on the activities of federal courts of general jurisdiction and justices of the peace for 2016. – URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=3832> (date of access: 04.03.2020). – Text: electronic.
11. Departmental statistical reporting for 2019. – URL: <http://fssprus.ru/statistics/> (date of access: 05.04.2020). – Text: electronic.
12. Departmental statistical reporting for 2018. – URL: <http://fssprus.ru/statistics/> (date accessed: 20.02.2020). – Text: electronic.
13. Departmental statistical reporting for 2017. – URL: <http://fssprus.ru/statistics/> (date accessed: 02/08/2020). – Text: electronic.
14. Departmental statistical reporting for 2016. – URL: <http://fssprus.ru/statistics/> (date of access: 08.10.2018). – Text: electronic.
15. Departmental statistical reporting for 2015. – URL: <http://fssprus.ru/statistics/> (date accessed: 02/08/2020). – Text: electronic.

16. Federal Law of 02.10.2007 No. 229-FZ (as amended on 02.12.2019) "On Enforcement Proceedings" // Collected Legislation of the Russian Federation. 2007. No. 41. Art. 4849 (Collected Legislation of the Russian Federation. 2019. (Part V). – No. 49. – Art. 6965.
17. Commentary on the Federal Law "On Enforcement Proceedings" / A. V. Zakarlyuk, M. A. Kulikova, I. V. Reshetnikov and others; otv. ed. I. V. Reshetnikov. M.: Statut, 2018. – 656 p.
18. Criminal Code of the Russian Federation. Official text: the text of the Code is as of April 1, 2020. – Moscow: Omega-L, 2020. – 193 p.
19. Code of the Russian Federation on Administrative Offenses dated 30.12.2001 No. 195-FZ (as amended on 01.04.2020). Ch. 21 // Collected Legislation of the Russian Federation. 2002. No. 1 (part 1). – Art. 1.
20. Summary statistical information on the state of convictions in Russia for 2019 // URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5259> (date of access: 08.04.2020). – Text: electronic.
21. Criminal punishment is a weighty argument to go to work // URL: <http://fssprus.ru/news/document27672748/> (date of access: 10.04.2020). – Text: electronic.
22. The debtor provided the children with housing and paid the alimony debt // URL: <http://fssprus.ru/news/document27690068/> (date of access: 10.04.2020). – Text: electronic.
23. The debtor, who experienced a sense of shame in the obligatory work, proceeded to pay alimony in favor of his daughter // URL: <http://fssprus.ru/news/document27656159/> (date of access: 10.04.2020). – Text: electronic.
24. Voronov E. N. Features of the application of criminal liability for violation of the legislation on enforcement proceedings // Izvestia of the South-West State University. Series history and law. – 2012. – No. 1. – Part 2. – S. 91–94.
25. Resolution of the Justice of the Peace of the Judicial District No. 72 of the Judicial District of the city of Otradny (Samara Region) dated July 7, 2017 in case No. 5-264/2017. – Access from the reference legal system ConsultantPlus. – Text: electronic.
26. Sentence of the magistrate of the Judicial section of the magistrate of the Kochkurovsky region (Republic of Mordovia) dated July 6, 2017 in case No. 1-18/2017. – Access from the reference legal system ConsultantPlus. – Text: electronic.
27. The Criminal Procedure Code of the Russian Federation of December 18, 2001 No. 174-FZ (as amended on April 1, 2020) // Collected Legislation of the Russian Federation. 2001. No. 52. (Part I). – Art. 4921.
28. The appeal ruling of the Supreme Court of the Republic of Bashkortostan from 28.08.2012 in case No. 33-9171/2012 // URL: <http://forum.fort-ust.ru/topic/239-o-zhadnosti-i-gluposti-sudebnaja-praktika-po-priz/> (date of access: 04.04.2020). – Text: electronic.
29. The appellate ruling of the Krasnodar Regional Court of 17.04.2012 in case No. 33-7202/12 // URL: <http://forum.fort-ust.ru/topic/239-o-zhadnosti-i-gluposti-sudebnaja-praktika-po-priz/> (date of access: 04.04.2020). – Text: electronic.
30. Final report on the results of the activities of the FSSP of Russia in 2019 // URL: <http://fssprus.ru/2680712/> (date of access: 06.04.2020). – Text: electronic.
31. Final report on the results of the activities of the FSSP of Russia in 2018 // URL: <http://fssprus.ru/2598521/> (date of access: 04.06.2020). – Text: electronic.
32. Reshetnikova I. The Enforcement proceedings abroad // Law and Economics. – 2001. – No. 3. – Pp. 22–31.
33. Zedel A. The system of enforcement of court decisions in Germany // Problems of enforcement proceedings: collection of articles. Issue 2 / Resp. for the release of S. P. Grishin. N. Novgorod. – 2000. – Pp. 102–108.
34. Voronov E. N. Modern models of the organization of compulsory execution in the legal systems of foreign countries // News of the South-West State University. Series history and law. – 2013. – No. 1. – Pp. 58–61.
35. Charter of civil proceedings // Code of laws of the Russian Empire. T. XVI. Part I. SPb.: Russian Book Association "Deyatel". – 1912.

УДК 343.98.067

DOI: 10.37279/2413-1733-2020-6-3-78-83

ПРИЧИНЫ И УСЛОВИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ АСОЦИАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ В СЕМЕЙНО-БЫТОВОЙ СФЕРЕ

Зырянов И. В.

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

В данной статье рассматриваются основные аспекты различных форм насильственных действий в семейно-бытовой сфере, исследуются вопросы самого понятия данной категории, причины и условия, порождающие данные антиобщественные деяния. Изучен характер семейно-бытового насилия, обусловленный его различными проявлениями, особенности самой сферы семейных отношений, ограничивающих внешнее вмешательство, потребность учета обстановки совершения правонарушений, специфика действий субъектов профилактики в типовых ситуациях пресечения насилия в семье. Дана характеристика данных субъектов, исследована их деятельность, характерная правомерным вмешательством в особую сферу частной жизни – семью и быт; высоким уровнем агрессии домашних конфликтов, ориентированных как на членов семьи, так и сотрудников правоохранительных органов; потребностью использования дополнительных профессиональных навыков: общения с жертвами (в том числе и детьми, пожилыми лицами и т.д.) и агрессорами, вхождения (проникновения) в жилище, оказания первой медицинской помощи, взаимостраховки и т.д. В статье предпринята попытка рассмотрения теоретических основ самого понятия семейно-бытовое насилие, исследование его признаков и тактики предотвращения. Основой для проведения данного исследования явились современные методы познания, позволяющие выявить закономерности развития определенных социальных групп (микро коллективов).

Ключевые слова: насилие, правонарушение, семейно-бытовые отношения, профилактика, конфликт, сотрудники полиции.

Предотвращение домашнего насилия в семье в настоящий момент времени в России является одной из приоритетных задач всех правоохранительных органов, поскольку данные антиобщественные действия негативно влияют на качество жизни россиян, разрушают социальный микроклимат в семье и порождают более тяжкие противоправные деликты.

К сожалению, в современном демократическом государстве трансформировалось понятие семьи, как ячейки общества, изменились подходы к самому понятию «зарегистрированный брак», больше половины совместно проживающих граждан свои отношения не спешат оформить официально, распространились такие асоциальные проявления, как злоупотребление алкогольными напитками, употребление наркотических средств, существенно уменьшились рычаги воздействия на семью общественных институтов [1, с. 198].

В нашем демократическом, многонациональном обществе, к сожалению, сложилась определенная тенденция насильственного способа решения семейно-бытовых (домашних) конфликтов, что на фоне большой латентности домашнего

насилия ведет в последствии к более тяжким последствиям для граждан и общества в целом, последствия этого приводят от распада ячейки общества (семьи) до получения различной тяжести телесных повреждений и смерти одного из членов.

Согласно данным Совета при Президенте по развитию гражданского общества и правам человека, в России в 93 % случаев жертвами 199 домашнего насилия становятся женщины, лишь в 7 % – мужчины. Ежедневно 36 тыс. женщин терпят побои мужей. Ежегодно более 14 тыс. женщин и 2 тыс. детей погибают от рук мужей или других близких. Еще 2 тысячи детей и подростков, спасаясь от жестокого обращения со стороны родителей, кончают жизнь самоубийством. Более 50 % женщин, страдающих от домашнего насилия, терпят его годами, в половине случаев домашнее насилие происходит под воздействием алкоголя [2].

При рассмотрении самого понятия семейно-бытовое насилие необходимо обратиться к мнению научного сообщества. Исследуя данную проблему с позиции различных отраслей знаний, ученые, используя современные методы познания, выявляют закономерности развития соответствующих групп социальных отношений, выявляют пробелы в нормативном регулировании деятельности субъектов противодействия домашнему насилию, разрабатывают предложения по совершенствованию законодательства и практики его реализации, а также повышению иных предупредительных средств: психологических, педагогических, экономических, медицинских и др. [3].

В многочисленных научных публикациях рассмотрены ключевые подходы к пониманию природы семейно-бытового насилия, его проявлений, очерчен круг субъектов профилактики этого негативного явления, изучены пути оптимизации их предупредительной деятельности, конкретизированы задачи органов внутренних дел в этой сфере.

Исследователями под **правонарушениями в сфере семейно-бытовых отношений** понимаются «...общественно-опасные деяния, совершенные на почве длительных отношений между членами одной семьи, родственниками, друзьями, соседями и хорошими знакомыми, характеризующиеся стремлением удовлетворить свои личностные потребности в ущерб другой стороны и зачастую сопровождающиеся провоцирующим поведением потерпевшего» [4].

Другой автор А.А. Гайдуков, под ним предлагает понимать «...противоправное, виновное, общественно опасное, наказуемое деяние правонарушителя, находящегося в брачных, родственных, семейных или дружеских отношениях к потерпевшему, совершенное в результате семейно-бытового конфликта, которое посягает на общественный порядок, жизнь и здоровье, личную свободу, права, честь и достоинство гражданина» [5, с. 48].

Самостоятельное место в определении понятия и видов насилия в сфере семейно-бытовых отношений занимают проекты законодательных актов. Так, законопроект о противодействии (профилактики) насилия в семье обсуждается в России с 1996 г. [6]. Их общественное и научное обсуждение вызывает споры, обусловленные оценкой возможности и пределов публичного вмешательства в семейные отношения. В тоже время изложенные в них положения отражают

современное понимание субъектами законодательной инициативы потребности в правовой защите семейных отношений, способы имплементации международного законодательства в области предупреждения гендерного насилия, правовые исследования в этой сфере.

Исходя из структурной логики данных законопроектов, можно выделить определенные категории (виды) семейно-бытового насилия.

К первой категории следует отнести физическое насилие, то есть любые умышленные насильственные действия субъекта насилия против объекта насилия, причиняющие последнему физические страдания или наносящие вред здоровью.

Вторая категория включает в себя психологическое насилие, в этом случае субъект насилия оказывает психологическое воздействие на объект насилия, причем последним может быть не только индивид, но и животные, предметы материального мира и т.д.

Третья категория – это сексуальное насилие, то есть действия субъекта насилия посягающие на половую неприкосновенность объекта насилия, или другие действия данного характера.

Четвертая категория включает в себя экономическое насилие, в данном случае объект насилия лишается необходимых для нормальной жизнедеятельности предметов материального мира (одежды, материальных средств, медицинских препаратов и т.д.)

Также отмечается: высокая виктимологичность таких правонарушений, что связано с провоцирующим поведением потерпевшего (проявляющегося, например, в совместном употреблении алкоголя или наркотиков, пребыванием в состоянии опьянения, агрессивном инициировании семейно-бытового конфликта); многомотивность правонарушений; наличием обоюдной вины; вовлечением в правонарушение других граждан, а также детей; причинение вреда лицам, физически менее сильным или находящимися в зависимости от насильника.

Необходимо отметить и тот факт, что насилие в семье зачастую ведет к распаду этой важнейшей ячейки общества, травмирует психику детей, разрыву родственных и других социально значимых отношений.

Такое насилие зачастую выражается в определенном воздействии субъекта на объект насилия, с использованием экономических, физических или психологических факторов, применения сексуального насилия, как правило, в конфликте участвуют две стороны (члены одной семьи), но бывают и исключения, когда конфликт перерастает на дальних родственников, соседей по квартире и т.д.

Причины домашнего насилия кроются, с одной стороны, в психике насильников – склонность к садизму порождается комплексом неполноценности, собственными психическими травмами (в том числе – пережитым насилием в детстве), а также разного рода психопатологиями. Общественные моральные нормы – это сдерживающий фактор для всех бессознательных, инстинктивных импульсов человека. Это особенно важно для агрессивных импульсов. Наши общественные нормы сейчас сложилось таким образом, что ударить незнакомую женщину или чужого ребенка – это возмутительное уголовное преступление. Но ударить свою

жену, дочь или младшего брата – это возможно неприятный, но понятный и простительный проступок. Общественные моральные нормы – это сдерживающий фактор для всех бессознательных, инстинктивных импульсов человека. Это особенно важно для агрессивных импульсов. Наши общественные нормы сейчас сложилось таким образом, что ударить незнакомую женщину или чужого ребенка – это возмутительное уголовное преступление. Но ударить свою жену, дочь или младшего брата – это возможно неприятный, но понятный и простительный проступок [4].

В настоящий момент времени насильственные действия (побои) физического характера в быту декриминализованы, посредством переквалификации преступлений небольшой тяжести в административное правонарушение. Вместе с тем, если посредством данного физического воздействия были причинены легкие телесные повреждения, то у субъекта преступления уже наступает уголовная ответственность по статье 115 УК РФ «Умышленное причинение легкого вреда здоровью».

Если последствия избиения проявились в виде небольших царапин, гематом, но не привели к потере трудоспособности (или же она составила менее 5 %), преступление будет квалифицировано как «нанесение побоев» по статье 116 УК РФ «Побои». Сюда же можно отнести ситуации, когда удары не оставили следов на теле пострадавшего, например они наносились каким либо мягким предметом. Однако в этом случае факт совершения неправомерных действий должен быть подтвержден свидетельскими показаниями, записями с камер видеонаблюдения и другими материалами [4].

Это и ряд других факторов способствует латентности данных правонарушений и преступлений, так как только единицы пострадавших в быту граждан обращаются в правоохранительные органы, мотивируя это семейными узами, собственным позором, низкой юридической грамотностью, экономической зависимостью от тирана и т.д. Иногда жертва семейно-бытового насилия неправильно квалифицирует произошедшее деяние, поскольку если побои были совершены в результате психического (эмоционального) стресса, повлекшего импульсные, подсознательные действия, возникшие спонтанно, и обе стороны не имели умысла причинить вред друг другу, отсутствуют легкие телесные повреждения, то тогда наступает административная ответственность по статье 6.1.1. КоАП РФ «Побои».

Вышеприведенные аргументы предопределяют вывод о том, что первостепенная задача сегодня – это ликвидация причин и условий семейно-бытового насилия, что существенно снизит социальную напряжённость в обществе. Государство должно создать на федеральном уровне систему ресоциализации граждан пострадавших от противоправных действий на бытовом уровне. Необходимыми мерами по предупреждению семейно-бытового насилия, должны быть такие как: тесное взаимодействие граждан с правоохранительными органами, моральное и материальное стимулирование представителей общественности, правоохранительных органов, органов местного самоуправления, предоставление гражданам статистических сведений по эффективности работы всей правоохранительной системы в данном направлении, содействие деятельности различных общественных объединений, регулярное опубликование официальной статистики насилия в семье, разработка определенных памяток, касающихся типовых

действий жертв домашнего насилия в определенных ситуациях, проведение агитационной кампании посредством средств массовой информации, интернет ресурсов.

Список литературы

1. Заброда, Д. Г. Международные стандарты деятельности полиции по предупреждению насилия в семье / Д. Г. Заброда – Текст : непосредственный // В сб. материалов по результатам V Всероссийской научно-практической конференции «Административно-правовое регулирование правоохранительной деятельности: теория и практика», посвященной 60-летию доктора юридических наук, профессора Виктора Васильевича Денисенко. – 2016. – С. 198–202.
2. МВД России: официальный сайт. Домашнее насилие в России. Доклад о результатах и основных направлениях деятельности Министерства внутренних дел Российской Федерации. – М., МВД России, 2015. – 135 с. – Текст : непосредственный.
3. Кириллов, М. А. Криминологическая характеристика и предупреждение преступлений, совершаемых в состоянии наркотического опьянения в семейно-бытовых и досуговых отношениях / М. А. Кириллов, А. В. Мешкова, П. Н. Панченко. – Н. Новгород – Чебоксары: НА МВД России, НФ ГУ – ВШЭ, ЧКИ РУК. – 2010. – 250 с. – Текст : непосредственный.
4. Электронный ресурс: <https://helpiks.org/8-89367.html>; <https://opsihike.ru/otnosheniua/domashnee-nasilie-v-rossii.html>; <https://lexconsult.online/6117-vidy-otvetstvennosti-za-umyshlennoe-prichinenie-legkogo-vreda-zdorovyu> (дата обращения: 23.04.2020). – Текст: электронный.
5. Гайдуков, А. А. О понятии «правонарушение в сфере семейно-бытовых отношений» / А. А. Гайдуков – Текст : непосредственный // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. – № 2 (29). – 2015. – С. 98–102.
6. Репьев, А. Г. Правовое регулирование деятельности по предупреждению правонарушений в сфере семейно-бытовых отношений: федеральный и региональный аспекты (на примере Алтайского края) / А. Г. Репьев – Текст : непосредственный // Вестник Казанского юридического института МВД России. – № 4 (26). – 2016. – С. 47–51.
7. Законопроект № 96700121-2 от 16.07.1996 г. «О предотвращении насилия в семье» . – Текст: электронный // СоздДума.ру : [сайт]. – URL: <http://sozd.duma.gov.ru/bill/96700121-2>. (дата обращения: 24.04.2020 г.).
8. Законопроект № 97700685-2 от 11.03.1997 г. Об основах социально-правовой защиты от насилия в семье. – Текст: электронный // СоздДума.ру : [сайт]. – URL: <http://sozd.duma.gov.ru/bill/97700685-2>. (дата обращения: 25.04.2020 г.).

Zyryanov I. V. Violence in the field of family and domestic relations: concept and general characteristics / I.V. Zyryanov // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean federal university. Juridical science. – 2020. – Т. 6 (72). № 3. – P. 78-83.

Annotation: This article considers the main aspects of various forms of violent acts in the family and domestic sphere. The issues of the concept of this category, the causes and conditions that give rise to these antisocial acts are studied. The nature of domestic violence resulting from its various manifestations, the peculiarities of the sphere of family relations itself that limit external intervention, the need of taking into account the circumstances of committing these offenses, the specifics of the actions of prophylactic subjects in a typical situation of suppressing domestic violence are focused upon. The characteristics of these subjects are given. The work provides the research of their activity characterized by legitimate interference in a special sphere of private life – family and life; a high level of aggression in domestic conflicts aimed at both family members and law enforcement officials; the need to use additional professional skills: communication with victims (including children, elderly people, etc.) and aggressors, entry (penetration) into the home, first aid, mutual insurance, etc. The attempts to consider the theoretical foundations of the concept of domestic violence, the study of its signs and tactics of prevention are made. The basis for this study was the modern methods of cognition, allowing the author to identify patterns of development of certain social groups (micro collectives).

Keywords: violence, offense, family and domestic relations, prevention, conflict, police officers.

Spisok literature

1. Zabroda D. G. International standards of police activity to prevent domestic violence / D. G. Zabroda // In Sat. materials based on the results of the V All-Russian scientific and practical conference "Administrative and legal regulation of law enforcement: theory and practice", dedicated to the 60th anniversary of Doctor of Law, Professor Viktor Vasilyevich Denisenko. – 2016. – Pp. 198–202.
2. Domestic violence in Russia. Report on the results and main directions of activities of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. – M., Ministry of Internal Affairs of Russia, 2015, 135 p.
3. Kirillov M. A., Meshkova A. V., Panchenko P. N. Criminological characteristics and prevention of crimes committed in a state of drug intoxication in family and household and leisure relationships. M. A. Kirillov, A. V. Meshkova, P. N. Panchenko. – N. Novgorod – Cheboksary: AT the Ministry of Internal Affairs of Russia, NF GU – HSE, CHKI RUK. – 2010, 250 p.
4. Electronic resource: <https://helpiks.org/8-89367.html>; <https://opsihike.ru/otnosheniua/domashnee-nasilie-v-rossii.html>; <https://lexconsult.online/6117-vidy-otvetstvennosti-za-umyshlennoe-prichinenie-legkogo-vreda-zdorovyu> (date accessed: 04/23/2020). – Text: electronic.
5. Gaidukov A. A. On the concept of "offense in the sphere of family and household relations" / A. A. Gaidukov // Bulletin of the Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – No. 2 (29). – 2015. – Pp. 98–102.
6. Repyev A. G. Legal regulation of activities to prevent offenses in the field of family and domestic relations: federal and regional aspects (on the example of the Altai Territory) / A. G. Repyev // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – № 4 (26). – 2016. – Pp. 47–51.
7. Bill No. 96700121-2 of 16.07.1996 "On the prevention of domestic violence". – URL: <http://sozd.duma.gov.ru/bill/96700121-2>. (date of access: 24.04.2020). – Text: electronic.
8. Bill No. 97700685-2 of 03/11/1997 "On the basis of social and legal protection against domestic violence". – URL: <http://sozd.duma.gov.ru/bill/97700685-2>. (date of access: 25.04.2020). – Text: electronic.

УДК 347.9

DOI: 10.37279/2413-1733-2020-6-3-84-89

ТЕНДЕНЦИЯ К УТВЕРЖДЕНИЮ ИДЕИ СУДЕБНОГО ПРАВОТВОРЧЕСТВА В ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ И СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ

Лукашева Н. Н.

ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»

В статье указывается на отсутствие единообразия в правовом регулировании исследуемых вопросов, а именно вопросов отмены судебных актов, а также на неоправданную дифференциацию правового регулирования в различных процессуальных кодексах, в которых, в той или иной мере, определяется роль судебного правотолкования, как источника права. Указывается на необходимость преодоления негативной практики, заключающейся в придании нормативного значения судебной практике, которая, как следствие, приобретает законодательное закрепление, разъясняется практикой высших судебных инстанций, в силу чего становится выше закона. Обосновывается необходимость определения пределов правотворческой роли судов, а также необходимость внесения изменений в законодательные акты, исходящие из правовой системы, с целью придания законодательным положениям большей определенности, унификации правового регулирования по содержанию и форме. Законодательно необходимо внести определенность в соответствующие правоотношения, которая не должна заключаться в признании юридической обязанности правовых позиций, вырабатываемых высшими судебными инстанциями. Авторитет этих правовых позиций не должен выходить за пределы признания их авторитетным мнением участников соответствующих коллегияльных судебных органов – профессионалов высшей квалификации.

Ключевые слова: Конституционный суд; судебная практика; процессуальные кодексы; акты, исходящие из правовой системы; судебное правотворчество; унификация правового регулирования; правоотношения.

Законодательные положения, касающиеся признания регулятивного значения судебной практики, как можно предположить, приступая к продолжению исследования этой проблемы, могут быть несовершенными. Но даже и это несовершенство, если оно действительно имеет место, не должно быть поводом для развития судебного правотворчества в отрыве от законодательных основ или вопреки им. Все правовые проблемы должны разрешаться с помощью адекватных мер. В противном случае правовая система и вообще может утратить признак системности. В связи с этим есть основания утверждать, что проблема судебного правотворчества приобретает все большую остроту. Возможно, есть даже основания утверждать, что судебная практика должна вернуться к правовым основаниям.

Проблема судебного правотворчества имеет богатейшую историю в практике, по крайней мере, начиная с Древнего Рима. Она получила надлежащее освещение и в юридической научной литературе. Если попытаться назвать персоналии, то среди них мы увидим имена и философов и выдающихся ученых-юристов – Т. Гоббс, Ш. Монтескье, Ч. Беккариа, Ф. Жени, О. Холмс. Из российских ученых к этой проблеме обращались А.В. Завадский, Е.В. Васьковский, И.А. Покровский. Из современных ученых проблему усовершенствования судебного правотворчества

наиболее последовательно проводит А.Г. Карапетов. Близкими к нему по взглядам на рассматриваемую проблему являются Р.С. Бевзенко, В.В. Байбак и другие ученые.

Целью данной статьи является попытка сдержать порыв идей судебного правотворчества путем формулирования теоретических положений и практических рекомендаций, направленных на препятствование стремлениям выхода судебного правотворчества за допускаемые законом пределы, а также на совершенствование соответствующих законодательных положений.

Начать анализ, очевидно, следует с того, что Конституция закрепляет принцип разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную, и при этом не устанавливает каких-либо положений, которые давали бы повод для признания судебного правотворчества даже тогда, когда в ней закрепляется полномочие Верховного Суда давать разъяснения по применению законодательства (ст. 126). Да и категоричные предписания судьям подчиняться «только» Конституции и федеральному закону (ст. 20 Конституции) свидетельствует в пользу вывода ..., что Конституция судебное правотворчество не признает.

Обращаясь к Федеральному конституционному закону «О Конституционном Суде Российской Федерации», мы обнаруживаем положения об обязательности решений Конституционного Суда (ст. 6).

Очевидно, нет никаких оснований для толкования этого законодательного положения иначе, чем толкуются положения об обязательности иных судебных актов (ст. 16 КАС; ст. 16 АПК), судебных постановлений (ст. 13 ГПК): эти акты (постановления) обязательны в их резолютивной части. Таким образом, и в ст. 6 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» не может толковаться как законодательно закреплённая обязательность правовых позиций, формулируемых Конституционным Судом в обеспечение принимаемых ими решений. Не дает оснований для вывода об обязательности правовых позиций Конституционного Суда и ст. 79 названного Федерального конституционного закона, которая определяет юридическую силу решений Конституционного Суда.

Конституционный Суд стремится утвердить обязательность формулируемых им правовых позиций. В своих постановлениях Конституционный Суд ссылается на сформулированные им ранее правовые позиции, изложенные в резолютивных частях его постановлений, утверждая тем самым их обязательность. Целью Конституционного Суда было признание в современной России судебного правотворчества. И достижение этой цели подтверждается тем, что в некоторых законодательных актах сформулированы некоторые правовые позиции из постановлений Конституционного суда.

Давая анализ соответствующих положений процессуальных кодексов, с целью поиска законодательных оснований судебного правотворчества, видим отсутствие единого законодательного решения рассматриваемой проблемы не только во всех кодексах, но даже и в пределах одного и того же кодифицированного акта.

Проблемы, связанные с судебным правотворчеством, признанием обязательного юридического значения правовых позиций, вырабатываемых высшими судебными инстанциями, приобрела определенную остроту. Которую законодатель мог бы снять, внося некоторую определенность в соответствующие правоотношения.

Можно убедиться, что даже в пределах одного законодательного акта – Кодекса административного судопроизводства законодатель не удалось последовательно развернуть мысль о юридическом значении исходящих от судебной системы источников, а именно неправильное применение норм материального права, являющееся основанием для отмены или изменения решения суда в апелляционном порядке признано «неправильное истолкование закона, в том числе без учета правовой позиции, содержащейся в постановлениях Конституционного Суда Российской Федерации, Пленума Верховного Суда Российской Федерации и президиума Верховного Суда Российской Федерации». Из этого следует, что истолкование закона без учета правовых позиций, указанных в постановлениях и решениях Европейского Суда по правам человека, в обзорах судебной практики не признается основанием для отмены или изменения решения суда. Это свидетельствует об отсутствии у законодателя четкого понимания проблемы.

Существенным является, то что законодатель раскрывает только понятие неправильного применения норм материального права и полагает, что понятие нарушение норм материального и процессуального права не нуждается в конкретизации, должно быть понято само собой, что недопустимо.

На наш взгляд, существует проблема, в том, что правовые позиции, излагаемые в постановлениях Конституционного Суда, в постановлениях Пленума Верховного Суда и Президиума Верховного Суда, их юридическое значение, заключается в том, как они соотносятся с законом. Перед разрешением этой проблемы сегодня стоят суды и скорее всего разрешать они ее будут в пользу судебных инстанций. По нашему мнению, законодатель имеет все возможности противостоять указанной опасности, и в этом активную роль должна сыграть наука, путем подготовки почвы для законодателя.

Обращаясь к основаниям для отмены или изменения судебных актов в кассационном порядке, мы видим, что о неправильном применении норм здесь речь не идет, соответственно нельзя каким-либо образом сделать вывод о том, что из ст. 328 КАС вытекает обязанность правовых позиций, сформулированных в недрах судебной системы и справить эту ситуацию. Как мы уже предлагали, несложно, унифицировав формулировки оснований для отмены и изменения судебных актов в апелляционном и кассационном порядке, а именно, используя понятие неправильного применения норм материального права, определенного в п. 7 ч. 3 ст. 310 КАС, придать тексту логическую последовательность.

Основания для отмены или изменения судебных актов в порядке надзора, дополнены еще одним основанием – нарушение ими «однообразия в толковании и применении норм права» Обзор названных статей Кодекса указывает на необходимость унифицированной терминологии рассматриваемых законодательных положений.

Обратимся к Арбитражному процессуальному кодексу и процитируем абзац седьмой ч. 4 ст. 170: «В мотивировочной части решения могут содержаться ссылки на постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации и сохранившие силу постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации по вопросам судебной практики, а также на постановления Президиума Верховного Суда Российской Федерации и сохранившие силу постановления Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации». Стремление законодателя к унификации законодательных формулировок заметно уже по словам «в мотивировочной части решения могут содержаться ссылки», тождественным словосочетанию, которое

законодатель использовал в п. 4 ч. 4 ст. 180 КАС. И это – не просто использование «штампа», это – единство подхода, притом – своеобразного. Но в содержательной части единство подходов обнаруживается только частично. И если появление в ч. 4 ст. 170 АПК указаний на постановления Пленума и Президиума Высшего Арбитражного Суда оправдывается ранее существовавшей общей системы арбитражных судов, то исчезновение указаний на постановления и решения Европейского Суда по правам человека и на постановления Конституционного Суда объяснить невозможно.

Так же, как и Кодекс административного судопроизводства, Арбитражный процессуальный кодекс основанием для отмены или изменения решения суда в апелляционном порядке называет «нарушение или неправильное применение норм материального права или норм процессуального права». Устанавливающий такое п. 4 ч. 1 ст. 270 АПК дословно соответствует п. 4 ч. 2 ст. 310 КАС. Очевидно составители последнего Кодекса, который принимался позднее, позаимствовали формулировку п. 4 ч. 1 ст. 270 АПК. Неправильным применением норм материального права в соответствии с п. 3 ч. 2 ст. 270 АПК является неправильное истолкование закона. Однако, при этом Арбитражный процессуальный кодекс понятия неправильного истолкования закона не определяет, что ставит перед правоприменителем труднейший вопрос о возможности применения к отношениям, регулируемым ст. 270 АПК, по аналогии п. 3 ч. 3 ст. 310 КАС, определяющей содержание понятия неправильного истолкования закона. Полагаем, что ч. 5 ст. 3 АПК, определяющая условия применения аналогии закона к процессуальным отношениям, не препятствует применению аналогии закона в рассматриваемом случае.

Неправильное истолкование закона признается п. 3 ч. 2 ст. 288 АПК одним из проявлений неправильного применения норм материального права – основания отмены судебного приказа, изменения или отмены решения, постановления арбитражного суда первой и апелляционной инстанций в кассационном порядке. В этом случае неправильное истолкование закона также должно интерпретироваться с учетом применения по аналогии п. 3 ч. 3 ст. 310 КАС.

Однако при установлении оснований отмены или изменения судебных актов в кассационном порядке Судебной коллегией Верховного Суда в ст. 291.11 АПК законодатель отошел от формулировок «неправильное применение норм права» и «неправильное истолкование закона» и использовал по существу ту же формулировку, которую он позднее будет использовать в ст. 328 КАС – «существенные нарушения норм материального права и (или) норм процессуального права, которые повлияли на исход дела и без устранения которых невозможны восстановление и защита нарушенных прав, свобод и законных интересов... а также защита охраняемых законом публичных интересов». О неправильном толковании в ст. 291.11 АПК речь вовсе не идет. Конечно, то, неправильное толкование может вести к нарушениям норм права. Но все-таки единство терминологии в содержании законодательных положений, регулирующих сходные отношения, желательно было бы соблюдать.

Наконец, об этом речь выше уже шла, в ст. 308.8 АПК законодатель переходит к нарушению единообразия «в применении и (или) толковании судами норм права» как основанию отмены или изменения судебных актов в порядке надзора.

Гражданский процессуальный кодекс не содержит каких-либо отличий от других процессуальных кодексов положений, которые бы прояснили вопрос о юридическом значении судебной практики и правотворческой доли судов. Устанавливая требования к содержанию решения суда, ст. 198 ГПК, в отличие от

ст. 180 КАС и ст. 170 АПК, не предусматривает возможности обоснования судебных решений ссылками на источники, исходящие из судебной системы. Ст. 330 ГПК, как и ст. 310 КАС и ст. 270 АПК, основанием для отмены или изменения решения суда в апелляционном порядке признает нарушение или неправильное применение норм материального права или норм процессуального права. В свою очередь неправильное применение норм материального права заключается, в частности, в «неправильном истолковании закона» (п. 3 ч. 2 ст. 330 ГПК), но при этом приведенная здесь формулировка не раскрывается.

Содержание ст. 387 ГПК, устанавливающей основания для отмены или изменения судебных постановлений в кассационном порядке, по существу не отличается от содержания ст. 328 КАС и ст. 291.11 АПК, решающих те же вопросы применительно к сфере своего регулирования. Но отличается юридическим содержанием от ст. 341 КАС и ст. 308.8 АПК также и ст. 391.1 ГПК, устанавливающая основания отмены или изменения судебных постановлений в порядке надзора.

Проанализировав положения процессуальных кодексов, отметим совершенно неоправданную дифференциацию правового регулирования в разных кодексах, отсутствие единства терминологии, но при установлении оснований для отмены судебных актов в порядке надзора, установлены, практически полностью, одинаковыми (ст. 341 КАС; ст. 308.8 АПК; ст. 391.9 ГПК).

Три процессуальных кодекса основанием для отмены судебных актов признают нарушение прав и свобод, гарантированных Конституцией РФ, международными договорами, в том числе общепризнанными нормами и принципами международного права. Основанием для отмены или изменения являются нарушения интересов неопределенного круга лиц и публичных интересов. Если же судебный акт не нарушает Конституцию РФ, не нарушает международные договоры, не нарушает интересы неопределенного круга лиц или иные публичные интересы, то его отменить нельзя, как бы грубо он не нарушал закон.

Не можем не согласиться с мнением В.Г. Ротаня: «...идет процесс законодательного признания судебного правотворчества и признания высшей юридической силы судебной практики по сравнению с законом. Делается это не прямо, не категорично, как бы исподволь». Судебная практика, таким образом, стала выше закона. Вместо тенденции к постепенному, все более полному подчинению судебной практики закону, мы получили подчинение закона судебной практике. И сегодня мы с этим встречаемся повседневно. Примером этого утверждения может служить постановление Президиума Арбитражного Суда РФ №14316/11 от 20 марта 2012 года. Рассмотрев в порядке надзора заявление ООО «Юникс» по делу № А50-216008/2010, Президиум отменил частично, обжалуемые, судебные акты не со ссылкой на закон, а указав на то, что оспариваемые судебные акты нарушают единообразие в толковании и применении арбитражными судами норм права, поэтому согласно пунктам 1,2 части 1 статьи 304 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации подлежат отмене. И таких судебных постановлений можно привести большое количество.

Изложенное дает основание для вывода о том, что ни один из действующих в России процессуальных кодексов не содержит достаточно определенных и последовательно раскрывающихся положений, которые определяли бы возможность влияния судебной практики и исходящих из судебной системы актов на содержание правового регулирования общественных отношений, а также пределы

правотворческой роли судов. Соответствующие законодательные положения не согласованы даже в пределах каждого отдельно взятого кодекса. Тем более нет единообразия в решении соответствующих вопросов в разных процессуальных кодексах. Поэтому настоятельно необходима унификация содержания и формы положений процессуальных кодексов по вопросам, о которых речь шла в настоящей публикации.

Список литературы

1. Карапетов, А. Г. Борьба за признание судебного правотворчества в европейском и американском праве / А. Г. Карапетов. – М.: Статут, 2011. – 308 с. – Текст : непосредственный.
2. Ротань В. Г. Новейшее учение о толковании права (по материалам гражданского и других отраслей права) : монография / В. Г. Ротань, О. Е. Сонин, Ю. В. Черткова ; руководитель авторского коллектива и ответственный редактор В. Г. Ротань. – Симферополь: ИП Дымникова Н. В., 2019. – 792 с. – Текст : непосредственный.
3. Покровский, И. А. Основные проблемы гражданского права / И. А. Покровский. – М.: Статут, 2006. – 351 с. – Текст : непосредственный.
4. Ротань, В. Г. Две тенденции в развитии правовой системы России. – Текст : непосредственный / В. Г. Ротань – Текст : непосредственный // Сборник научных статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции «Правотолкование и проблема судебного правотворчества». – Симферополь, 2020. – С. 3–11.
5. Правотолкование и проблема судебного правотворчества: Материалы III Всероссийской научно-практической конференции. – Симферополь, 2020. – 190 с. – Текст : непосредственный.

Lukasheva N. N. Trend to approval of the idea of judicial law making in procedural legislation and judicial practice / N.N. Lukasheva // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean federal university. Juridical science. – 2020. – Т. 6 (72). № 3. – P. 84-89.

The article points out the lack of uniformity in the legal regulation of the issues under study, namely, problems of the abolition of judicial acts, as well as the unjustified differentiation of legal regulation in various procedural codes, in which, to one degree or another, the role of judicial legal interpretation as a source of law is determined. It points out the need to overcome the negative practice of giving normative value to judicial practice, which, as a result, acquires legislative consolidation, and by explanation of the highest judicial instances practice becomes higher than the law. The necessity of determining the limits of the law-making role of the courts is substantiated, as well as the need to amend legislative acts, proceeding from the legal system, in order to give more certainty to legislative provisions, unification of legal regulation in content and form. The legislator needs to introduce certainty into the relevant legal relations, which should not consist in recognizing the juridical obligation of legal positions developed by the highest judicial instances. The credibility of these legal positions should not go beyond recognition by their authoritative opinion of the participants of the relevant collegial judicial bodies – highly qualified professionals.

Key words: Constitutional Court; judicial practice; procedure codes; acts, proceeding from the legal system; judicial law-making; unification of legal regulation; legal relations.

Spisok literatury

1. Karapetov A. G. Struggle for the recognition of judicial lawmaking in European and American law / A. G. Karapetov. – М.: Statut, 2011. – 308 p.
2. Rotan V. G. The latest teaching on the interpretation of law (based on materials of civil and other branches of law) : monograph / V. G. Rotan, O. E. Sonin, Yu. V. Chertkova: head of the writing team and executive editor V. G. Rotan. – Simferopol: IP Dymnikova N. V., 2019. – 792 p.
3. Pokrovsky I. A. The main problems of civil law / I. A. Pokrovsky. – М.: Statut, 2006. – 351 p.
4. Rotan V. G. Two trends in the development of the legal system of Russia / V. G. Rotan // Collection of scientific articles based on the materials of the All-Russian scientific-practical conference "Legal interpretation and the problem of judicial law-making". – Simferopol, 2020. – Pp. 3–11.
5. Legal interpretation and the problem of judicial lawmaking: Materials of the III All-Russian scientific and practical conference. – Simferopol, 2020. – 190 p.

УДК 347.15

DOI: 10.37279/2413-1733-2020-6-3-90-97

ЛИЧНОЕ НЕИМУЩЕСТВЕННОЕ ПРАВО НА БЛАГОПРИЯТНУЮ ОКРУЖАЮЩУЮ СРЕДУ

Мухамедова Э. Э.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

В статье проведен анализ понятия личного неимущественного права граждан на благоприятную окружающую среду. Рассмотрены основные юридические признаки и содержание личного неимущественного права на благоприятную окружающую среду. Уделено внимание вопросам частно-правовой защиты права физического лица на благоприятную для жизни и здоровья окружающую среду. Обосновывается необходимость гражданско-правового регулирования права на благоприятную окружающую среду, посредством расширения каталога нематериальных благ. Сделан вывод о том, что закрепление в гражданском законодательстве права на благоприятную окружающую среду, предоставит возможность использования гражданско-правовых средств защиты субъективных прав граждан в экологической сфере, что способствует обеспечению их реализации.

Ключевые слова: личные неимущественные права, окружающая среда, личное неимущественное право на благоприятную окружающую среду.

Вопрос закрепления и осуществления права на благоприятную окружающую среду является актуальным на современном этапе развития общества как на национальном, так и на международном уровне. В современных условиях непростой экологической ситуации, низкой эффективности природоохранной деятельности особое значение приобретает гражданско-правовая охрана права человека на благоприятную для жизни и здоровья окружающую среду.

В соответствии со ст. 42 Конституции Российской Федерации (далее – Конституции РФ) [1] каждый имеет право на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию о ее состоянии и на возмещение ущерба, причиненного его здоровью или имуществу экологическим правонарушением. Государство гарантирует признание, соблюдение и охрану личного неимущественного права на благоприятную окружающую среду как основного и неотчуждаемого права каждого человека.

Стремительный рост техносферы, интенсивное развитие промышленности делают все более острой и актуальной проблему практической реализации права на благоприятную окружающую среду для жизни и здоровья каждого физического лица. Большое значение в механизме обеспечения этого права имеют положения Конституции РФ. В рамках конституционного законодательства личные неимущественные права человека понимаются как признаваемые и охраняемые обществом, государством равные возможности индивидов и их объединений удовлетворять свои естественные и социальные потребности. Конституция РФ гарантирует субъективные права человеку, а государство обязуется обеспечить достойное, свободное и справедливое развитие личности в обществе [2, с. 3].

Первоочередность и важность обеспечения надлежащих эколого-правовых условий каждому человеку подтверждается позицией законодателя, проявляющейся в детальном урегулировании экологических прав человека. Так, конституционные положения получили дальнейшее развитие и уточнение в отечественном отраслевом законодательстве, например, в ФЗ «Об охране окружающей среды» [3], ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» [4], ФЗ «О защите прав потребителей» [5], ФЗ «Об охране атмосферного воздуха» [6], ФЗ «О качестве и безопасности пищевых продуктов» [7] и другие.

Важное значение в механизме обеспечения исследуемого права имеют положения ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [8]. Предусмотренное ст. 18 ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» право на охрану здоровья, обеспечивается охраной окружающей среды, созданием безопасных условий труда, благоприятных условий труда, быта, отдыха, воспитания и обучения граждан, производством и реализацией продуктов питания соответствующего качества, качественных, безопасных и доступных лекарственных препаратов, а также оказанием доступной и качественной медицинской помощи. При обращении к Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года, утвержденной распоряжением Правительства РФ от 17.11.2008 № 1662-р [9], можно так же заметить, что во втором подразделе третьего раздела, посвященном развитию здравоохранения, среди приоритетных задач реализации целей развития системы здравоохранения названа седьмая задача – совершенствование системы охраны здоровья населения, в том числе: обеспечение безопасной для жизнедеятельности человека окружающей среды; обеспечение санитарно-эпидемиологического благополучия населения. Таким образом, личное неимущественное право на охрану здоровья обеспечивается в том числе и охраной окружающей среды гражданина, что свидетельствует о личной неимущественной сущности права на охрану окружающей среды. Представляется, что подход в понимании частно-правовой сущности охраны окружающей среды гражданина в контексте личного неимущественного права на охрану здоровья является ограничительным, ведь согласно Конституции РФ и ФЗ «Об охране окружающей среды» охрана окружающей среды гражданина предполагает право каждого на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию о ее состоянии и на возмещение ущерба, причиненного его здоровью или имуществу экологическим правонарушением.

Право человека на благоприятную окружающую среду определяет границы человека извне: не допускаются вообще никакие действия, если они нарушают среду обитания хотя бы одного человека, и независимо от того, какие параметры существования человека нарушаются. Право на благоприятную окружающую среду включает в себя возможность дышать тем воздухом, который окружает место его проживания или пребывания, пить неиспорченную воду, питаться и наслаждаться видом естественных растений, слушать пение птиц, а не шум моторов и т.д. Если он лишен возможности пользоваться здоровой средой, то даже при отсутствии явно выраженного вреда человек вправе требовать прекращения таких нарушений. Право на благоприятную окружающую среду, представляет собой возможность человека пользоваться окружающими его естественными и антропогенными объектами, которые обеспечивают возможность жить, поддерживать сложившееся состояние

здоровья и улучшать его, а также всесторонне развиваться [10, с. 68]. Что соответствует основным признакам личных неимущественных прав, свидетельствует о самостоятельности исследуемого права в частно-правовом контексте и обуславливает его неразрывную связь с личностью человека, неотчуждаемость и непередаваемость иным способом.

Анализируя гражданское законодательство, необходимо отметить, что право на благоприятную окружающую среду не предусмотрено Гражданским Кодексом Российской Федерации (далее – ГК РФ) [11]. В п. 1 ст. 2 ГК РФ закрепляется, что гражданское законодательство регулирует имущественные и личные неимущественные отношения, основанные на равенстве, автономии воли и имущественной самостоятельности участников. В п. 2 ст. 2 ГК РФ предусматривается, что неотчуждаемые права и свободы человека, и другие нематериальные блага защищаются гражданским законодательством, если иное не вытекает из сущности этих нематериальных благ. Об этом свидетельствует ст. 150 ГК РФ, содержащая неисчерпывающий перечень нематериальных благ, которые принадлежат гражданину от рождения или в силу закона, которые являются неотчуждаемыми и непередаваемыми иным способом (жизнь и здоровье, достоинство личности, личная неприкосновенность, честь и доброе имя, деловая репутация, неприкосновенность частной жизни, неприкосновенность жилища, личная и семейная тайна, свобода передвижения, свобода выбора места пребывания и жительства, имя гражданина, авторство и иные нематериальные блага).

Таким образом, краткий обзор норм гражданского законодательства показывает, что частно-правовой характер исследуемого права прослеживается в способах обеспечения экологических прав граждан посредством возмещения ущерба, причиненного их здоровью или имуществу экологическим правонарушением, осуществления права каждого на предъявление в суд исков о возмещении вреда окружающей среде, а так же возмещения вреда, причиненного жизни и (или) здоровью граждан. Однако, как справедливо отмечается в научной литературе, право на благоприятную среду по содержанию шире, чем возможность получить возмещение вреда. По этим причинам надо признать вполне оправданным рассмотрение права на благоприятную окружающую среду с позиций гражданского законодательства [12, 13, 14].

Представляется целесообразным включение нематериального блага – благоприятную окружающую среду в ГК РФ, что предоставит возможность использования гражданско-правовых средств защиты субъективных прав лица в экологической сфере и будет способствовать обеспечению их реализации. Гражданское право с присущим ему координационно-компенсационным методом, который основывается на юридическом равенстве, автономии воли и имущественной самостоятельности сторон, способно максимально полно и эффективно обеспечить человеку его право на благоприятную окружающую среду. Заметим, что в специальных правовых актах, регламентирующих право на благоприятную окружающую среду, не конкретизируется возможность возмещения морального вреда, предусмотренная нормами ГК РФ. В свою очередь, ст. 151 ГК РФ «Компенсация морального вреда» предусматривает: если гражданину причинен моральный вред (физические или нравственные страдания) действиями, нарушающими его личные неимущественные права либо посягающими на

принадлежащие гражданину нематериальные блага, а также в других случаях, предусмотренных законом, суд может возложить на нарушителя обязанность денежной компенсации морального вреда. Гражданско-правовое закрепление исследуемого права предоставит возможность гражданину, личное неимущественное право (либо нематериальное благо) на благоприятную окружающую среду которого нарушено, возмещения имущественного и (или) морального вреда в соответствии с гражданским законодательством. Правоотношения, возникающие в результате осуществления и защиты права физического лица на благоприятную окружающую среду, смогут рассматриваться в рамках института личных неимущественных прав гражданина.

Определяя природу права на благоприятную окружающую среду, отметим, что оно является личным неимущественным правом, то есть неразрывно связано с личностью носителя, не имеет имущественного эквивалента, направленно на удовлетворение духовных потребностей. Данное личное неимущественное право направлено на обеспечение физического существования человека. Личное неимущественное право на благоприятную окружающую среду носит широкий характер и может расцениваться не как определенное обособленное личное право, а как необходимое условие осуществления всех прав и свобод, поскольку обеспечивает экологическую безопасность человека и тем самым создает условия для использования всех других прав.

Объектом права на благоприятную окружающую среду является нематериальное благо – благоприятная окружающая среда. Нематериальное благо благоприятная окружающая среда, характеризуется такими признаками как 1) высшая ценность (в соответствии со ст. 2 Конституции РФ человек, его права и свободы являются высшей ценностью); 2) индивидуальная направленность на конкретного человека, на защиту его личного (частного) интереса. Защита от любых факторов, оказывающих внешнее или внутреннее влияние на гражданина на состояние его защищенности (право на безопасные пищевые продукты, право на надлежащие, безопасные и здоровые условия труда, проживания, обучения и т.д.).

Определяя содержание личного неимущественного права на благоприятную окружающую среду, необходимо обратиться к понятию содержания личного неимущественного права в научной литературе. Рассматривая этот вопрос, Л.А. Красавчикова приходит к выводу, что поскольку не существует понятия абстрактного имущественного права, так и не существует понятия личного неимущественного права. И поэтому автор определяет, что содержание личного неимущественного права составляет право на свободу определения своего поведения в индивидуальной жизнедеятельности по своему усмотрению, исключаящую какое-либо вмешательство со стороны других лиц, кроме случаев, прямо предусмотренных федеральным законом [15, с. 43]. Т.В. Дробышевская считает, что субъективное личное неимущественное гражданское право – это юридически обеспеченная мера возможного поведения управомоченного лица в сфере обеспечения физического благополучия, индивидуализации, развития и автономии личности и право требования от других лиц поведения, исключающего неправомерное вмешательство в эту сферу [16, с. 25].

Определяя содержание личного неимущественного права, М.Н. Малеева указывает, что оно включает в себя правомочия владения, пользования и

распоряжения [13, с. 31-32]. Позднее М.Н. Малеина пришла к выводу, что на неотделенные части тела человек не имеет права собственности [17, с. 16]. В.С. Толстой полагает, что в данном случае вряд ли есть смысл говорить о праве собственности. Но термины «владение», «пользование» и «распоряжение» применительно к неимущественным правоотношениям можно использовать, но с серьезными оговорками: ведь когда речь идет о вещах, названные слова имеют существенно иной смысл [10, с. 18].

Р.А. Стефанчук под содержанием личного неимущественного права понимает совокупность правомочий лица – носителя, которые включают в себя как положительный аспект (возможность юридически признаваться владельцем соответствующего личного неимущественного блага (благовладение) и использовать его (благопользование), в пределах, предусмотренных законом, не противоречат назначению этого блага, а также направлены на удовлетворение интересов личности – носителя), так и ряд негативных правомочий (требовать от всех участников правоотношений не нарушать данное право), и в том числе правомочие защиты [18, с. 142-143].

Таким образом, содержание личного неимущественного права (в положительном аспекте) заключается в возможности физического лица по своему усмотрению, без вмешательства других лиц, определять собственное поведение в сфере частноправовых отношений, которые устанавливаются по поводу неимущественных благ, не имеющих стоимостной оценки в гражданском товарообороте.

Представляется, что право физического лица на благоприятную окружающую среду имеет чрезвычайно широкое содержание. К полномочиям данного права, как и любого другого субъективного гражданского права, следует относить: полномочия на собственные действия, полномочия на действия других лиц и полномочия защиты.

Гражданин наделяется правом определять собственный уровень благоприятной окружающей среды, самостоятельно осуществлять ту или иную деятельность, связанную с соответствующим уровнем благоприятной окружающей среды. Иными словами, физическое лицо само вправе определять необходимый для него уровень благоприятной окружающей среды. Например, в профессиональной деятельности гражданин самостоятельно определяет допустимые, надлежащие, безопасные и здоровые для себя условия труда, обучения и т.д. Уровень благоприятной окружающей среды может определяться и в других сферах жизнедеятельности, таких, как образ жизни (с минимальным риском для уровня благоприятной окружающей среды от своего поведения, либо наоборот – с максимальным риском для уровня благоприятной окружающей среды), место жительства (либо в экологически безопасных зонах, либо в зонах с потенциальной экологической опасностью). Гражданин имеет право на благоприятную для жизни и здоровья окружающую среду, право на достоверную информацию о состоянии окружающей среды, о качестве пищевых продуктов и предметов быта, а также право на ее сбор и распространение.

Возможности гражданина совершать положительные действия в пределах своей автономии, корреспондирует обязанность других лиц не нарушать его автономию (деятельность лица, загрязняющая окружающую среду, является неправомерной, и каждый гражданин имеет право требовать прекращения такой

деятельности). Праву лица, которому принадлежит неимущественное благо, противостоит обязанность неопределенного круга всех остальных субъектов воздерживаться от его нарушения. Воздерживаться от нарушения правомочия других субъектов иные лица могут не только в форме бездействия, но нередко и путем активных действий. Например, лицо, проживающее на своем земельном участке и осуществляющее производственную деятельность, чтобы не нарушать право соседа на благоприятную окружающую среду (в связи с шумом, вибрацией, загазованностью), может такие свои действия прекратить (т.е. ограничиться бездействием), но может и перепрофилировать производство, либо установить экологически безопасное оборудование, либо оснастить производство защитными устройствами, а это уже активный процесс деятельности [10, с. 19].

Таким образом, размещение нематериального блага как благоприятная окружающая среда в ст. 150 ГК РФ предоставит возможность использования гражданско-правовых средств защиты субъективных прав гражданина в экологической сфере, что может способствовать обеспечению их реализации. Правоотношения, возникающие в результате нарушения права лица на благоприятную окружающую среду могут рассматриваться в рамках института личных неимущественных прав физического лица и как разновидность деликтных обязательств (например, если здоровью человека был причинен вред единовременным событием – авария с определенными экологическими последствиями). Тем самым, гражданское законодательство предусматривает конкретные средства защиты права каждого человека на благоприятную окружающую среду.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.). – Текст: электронный // СПС «КонсультантПлюс» : [сайт]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/8c6502533e28841baf74c1068f88b162a5e9b4ea/ (дата обращения: 15.05.2020 г.).
2. Рубанова, Н. А. Право человека на жизнь в законодательстве Российской Федерации: понятие, содержание, правовое регулирование : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук: спец. 12.00.01 / Н. А. Рубанова. – М., 2006. – 27 с. – Текст : непосредственный.
3. Российская Федерация. Законы. Об охране окружающей среды от 10.01.2002 г. № 7-ФЗ. – Текст: электронный // СПС «КонсультантПлюс» : [сайт]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34823/ (дата обращения: 24.04.2020).
4. Российская Федерация. Законы. О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения от 30.03.1999 г. № 52-ФЗ. – Текст: электронный // СПС «КонсультантПлюс» : [сайт]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_22481/ (дата обращения: 12.05.2020).
5. Российская Федерация. Законы. О защите прав потребителей от 07.02.1992 г. № 2300-1. – Текст: электронный // СПС «КонсультантПлюс» : [сайт]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_305/ (дата обращения: 15.04.2020).
6. Российская Федерация. Законы. Об охране атмосферного воздуха от 04.05.1999 г. № 96-ФЗ. – Текст: электронный // СПС «КонсультантПлюс» : [сайт]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_22971/ (дата обращения: 15.04.2020).
7. Российская Федерация. Законы. О качестве и безопасности пищевых продуктов от 02.01.2000 г. № 29-ФЗ. – Текст: электронный // СПС «КонсультантПлюс» : [сайт]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_25584/ (дата обращения: 05.05.2020).

8. Российская Федерация. Законы. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации от 21.11.2011 г. № 323-ФЗ. – Текст: электронный // СПС «КонсультантПлюс» : [сайт]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/ (дата обращения: 05.05.2020).
9. Российская Федерация. Распоряжение Правительства. О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года от 17.11.2008 г. № 1662-р. – Текст: электронный // СПС «КонсультантПлюс» : [сайт]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82134/ (дата обращения: 17.05.2020).
10. Толстой, В. С. Личные неимущественные правоотношения / В. С. Толстой. – М.: Издательство Академии повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования, 2009. – 250 с. – Текст : непосредственный.
11. Российская Федерация. Законы. Гражданский кодекс Российской Федерации (Часть I) от 30 ноября 1994 г. – Текст: электронный // СПС «КонсультантПлюс» : [сайт]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 19.05.2020).
12. Красавчикова, Л. О. Право на благоприятную окружающую среду (гражданско-правовой аспект) / Л. О. Красавчикова – Текст : непосредственный // Российский юридический журнал. – 1993. – № 3. – С. 40–42.
13. Малеина, М. Н. Личные неимущественные права граждан: понятие, осуществление, защита / М. Н. Малеина. – М., 2000. – 244 с. – Текст : непосредственный.
14. Николаев А. В. К вопросу о содержании права на благоприятную окружающую среду / А. В. Николаев – Текст : непосредственный // Социальные проблемы права : сб. статей. Вып. IV – М., 2004. – С. 75–86.
15. Красавчикова, Л. О. Понятие и система личных, не связанных с имущественными, прав граждан (физических лиц) в гражданском праве Российской Федерации : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: спец. 12.00.03 / Л. О. Красавчикова. – Екатеринбург, 1994. – 43 с. – Текст : непосредственный.
16. Дробышевская, Т. В. Личные неимущественные права граждан и их гражданско-правовая защита. / Т. В. Дробышевская // Красноярск, 2001. – 131 с. – Текст : непосредственный.
17. Малеина, М. Н. Статус органов, тканей, тела человека как объектов права собственности и права на физическую неприкосновенность / М. Н. Малеина – Текст : непосредственный // Законодательство. – 2003. – № 11. – С. 14–49.
18. Стефанчук, Р. А. Личные неимущественные права физических лиц в гражданском праве: понятие, содержание, система, особенности осуществления и защиты / Р. А. Стефанчук // Хмельницкий: Хмельницкий университет управления и права, 2007. – 626 с. – Текст : непосредственный.

Muhamedova E.E. The right on safe for life and health environment / E.E. Muhamedova // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean federal university. Juridical science. – 2020. – Т. 6 (72). № 3. – P. 90-97.

The article deals with theoretical legal analysis of the personal non-property right of natural persons on safe for life and health environment. The main legal features and content of the personal non-property right of natural persons on safe for life and health environment are considered. Attention to the questions of privately-legal defence of right for a natural person on safe for life and health environment. The necessity of civil law regulation of the personal non-property right of natural persons on safe for life and health environment is substantiated by expanding the catalog of intangible boon. It is concluded that the consolidation of the personal non-property right of natural persons on safe for life and health environment in civil law will provide an opportunity to use civil legal means of protecting the subjective rights of a citizen in the environmental sphere, which helps ensure their implementation.

Key words: personal non-property rights, environment, the personal non-property right of natural persons on safe for life and health environment.

Spisok literature

1. The Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote 12.12.1993 // Rossiyskaya Gazeta. – 1993. – No. 237.
2. Rubanova N. A. The human right to life in the legislation of the Russian Federation: concept, content, legal regulation : author. dis. ... Cand. jurid. Sciences: spec. 12.00.01 / N. A. Rubanov. – М., 2006. – 27 p.
3. Federal Law "On Environmental Protection" dated 10.01.2002 No. 7-FZ // Rossiyskaya Gazeta. – 2002. – No. 6.

4. Federal Law "On the Sanitary and Epidemiological Welfare of the Population" dated 03.30.1999 No. 52-FZ // Rossiyskaya Gazeta. – 1999. – No. 64–65.
5. Law of the Russian Federation "On Protection of Consumer Rights" dated 07.02.1992 No. 2300-1 // Russian newspaper. – 1996. – No. 8.
6. Federal Law "On the Protection of Atmospheric Air" dated 04.05.1999 No. 96-FZ // Rossiyskaya Gazeta. – 1999. – No. 91.
7. Federal Law "On the quality and safety of food products" dated 02.01.2000 № 29-FZ // Russian newspaper. – 2000. – No. 5.
8. Federal Law "On the Basics of Health Protection of Citizens in the Russian Federation" dated November 21, 2011 No. 323-FZ // Russian newspaper. – 2011. – No. 263.
9. Order of the Government of the Russian Federation "On the Concept of long-term socio-economic development of the Russian Federation for the period up to 2020" dated 17.11.2008 No. 1662-r // Collected legislation of the Russian Federation. – 2008. – No. 47. – Art. 5489.
10. Tolstoy V. S. Personal non-property legal relations / V. S. Tolstoy // M.: Publishing house of the Academy of advanced training and professional retraining of educators, 2009. – 250 p.
11. Civil Code of the Russian Federation (Part I) of November 30, 1994 No. 51-FZ // SZ RF. – 1994. – No. 32. – Art. 3301.
12. Krasavchikova L. O. The right to a favorable environment (civil law aspect) / L. O. Krasavchikova // Russian legal journal. – 1993. – No. 3. – Pp. 40–42.
13. Maleina M. N. Personal non-property rights of citizens: concept, implementation, protection / M. N. Maleina // M., 2000. – 244 p.
14. Nikolaev A. V. On the question of the content of the right to a favorable environment // Social problems of law : Coll. articles. Issue IV / A. V. Nikolaev // M., 2004. – Pp. 75–86.
15. Krasavchikova L. O. The concept and system of personal, not related to property, rights of citizens (individuals) in the civil law of the Russian Federation : Author. dis. ... Dr. jurid. Sciences: spec. 12.00.03 / L. O. Krasavchikova // Yekaterinburg, 1994. – 43 p.
16. Drobyshevskaya T. V. Personal non-property rights of citizens and their civil protection / T. V. Drobyshevskaya // Krasnoyarsk, 2001. – 131 p.
17. Maleina M. N. The status of organs, tissues, human body as objects of property rights and the right to physical integrity / M. N. Maleina // Legislation. – 2003. – No. 11. – Pp. 14–49.
18. Stefanchuk R. A. Personal non-property rights of individuals in civil law: concept, content, system, features of implementation and protection / R. A. Stefanchuk // Khmelnytsky: Khmelnytsky University of Management and Law, 2007. – 626 p.

УДК 341.953

DOI: 10.37279/2413-1733-2020-6-3-98-104

КОЛЛИЗИОННО-ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ЛИШЕНИЯ ДЕЕСПОСОБНОСТИ ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ И ЗНАЧЕНИЕ ДАННОГО СТАТУСА ДЛЯ ИНЫХ ОТРАСЛЕЙ ПРАВА

Руденко А. В., Чайка А. В.

Крымский Федеральный Университет им. В. И. Вернадского

В статье рассмотрены особенности положений о дееспособности физических лиц в международных частноправовых отношениях и коллизионно-правовые вопросы регулирования условий лишения дееспособности на территории разных стран. Обозначены основополагающие формулы прикрепления, позволяющие определить необходимое к применению право и коллизии, связанные с толкованием и применением соответствующих норм. Проанализированы основные проблемы, возникающие в данной сфере, которые могут служить основанием для осуществления обхода закона или неприменения положенных норм. Проведён сравнительно-правовой анализ международных нормативно-правовых и национальных актов, регулирующих отношения, связанные с признанием дееспособности гражданина на территории различных государств (в качестве примера приведены Эстония, Германия, Венгрия и другие), а также рассмотрен порядок лишения граждан дееспособности в Российской Федерации и зарубежных странах, выявлены пробелы и предложены пути решения обозначенных проблем, которые базируются на основополагающих принципах международных частных правоотношений, такие как предоставление иностранцам определенных специальных режимов, связанных с наделением их правами и обязанностями, схожими с правами и обязанностями граждан Российской Федерации. Действия, направленные на сближения законодательства, видятся как наиболее разумный и доступный способ решения проблемы.

Ключевые слова: дееспособность, коллизионно-правовое регулирование, личный закон, статут, коллизионная привязка, физическое лицо, личный закон физических лиц, закон места жительства, закон места регистрации, формула прикрепления

Дееспособность физического лица представляет собой способность своими действиями приобретать и осуществлять права и обязанности, а также нести ответственность за данные действия. Институт дееспособности в Российской Федерации и большинстве стран мира имеет большое значение, так как характеризует правовой статус физического лица, объём его прав и обязанностей, его возможность привлечения лица к ответственности, возможность лица вступать в различного рода правоотношения. Дееспособность как правовая категория, тесно связана с умственным и психологическим состоянием человека.

Каждой из стран установлены индивидуальные критерии, характеристики и виды дееспособности. В национальном законодательстве Российской Федерации созданы нормы, устанавливающие возраст, по достижению которого лицо признаётся полностью дееспособным, а также предусматриваются иные виды дееспособности, такие как: частичная (малолетних), неполная (несовершеннолетних), детально регламентируются вопросы ограничения и лишения дееспособности.

Вопросы лишения дееспособности на практике и так вызывают ряд трудностей, даже в национальном законодательстве, а с развитием трансграничных отношений,

возможностью изменения места регистрации или проживания граждан на территории различных государств, с вступлением в правоотношения с иностранными лицами – всё чаще возникают проблемы определения уровня дееспособности, выбора компетентного правопорядка и норм, определяющих саму процедуру ограничения или лишения дееспособности, выбора суда государства, осуществляющего эту процедуру.

В Гражданском кодексе Российской Федерации данные вопросы регламентированы статьями 1195 и 1197, в которых содержатся правила об определении гражданской дееспособности по личному закону физического лица, а также представлена разветвленная система норм, позволяющих в различных отношениях установить, право какой страны будет выступать в качестве личного закона иностранного гражданина или лица без гражданства [1]. В большинстве государств данные коллизионные вопросы также получили детальное урегулирование либо в отдельных законах, либо непосредственно в гражданских кодексах.

Лишение дееспособности одна из крайних мер, применяемых при наличии обусловленных законом обстоятельств. Данная процедура в законодательстве каждого государства (при наличии в нем подобных положений) чётко регламентирована, так как лишение физического лица дееспособности в значительной степени влияет на изменение его правомочий в сфере гражданских, брачно-семейных, трудовых отношений. Лицо, лишённое дееспособности, утрачивает право самостоятельно вступать в правоотношения, заключать сделки, не имеет возможности устроиться на работу, вступить в брак, завещать имущество, то есть лицо ограничивается в значительном объёме своих прав. Лишение дееспособности, таким образом, влияет не только на деятельность лица в гражданско-правовой сфере, но и распространяет последствия на иные области отношений. Следовательно, определение оснований, по которым физическое лицо может быть лишено дееспособности приобретает важное значение, в особенности в международном частном праве.

На практике ряд трудностей возникает в связи с тем, что лишение дееспособности может осуществляться иностранным судом, но применяться будет национальная правовая система субъекта. При этом могут устанавливаться отличные друг от друга основания, при наличии которых физическое лицо может быть лишено дееспособности. Поэтому для определения компетентного права, в международном частном праве, традиционно, все вопросы, касающиеся категории дееспособности определяются по личному закону (*lex personalis*) в двух его разновидностях:

- закона гражданства (*lex nationalis*, или *lex patriae*);
- закона местожительства (*lex domicilii*).

Однако, несмотря на наличие данных коллизионных привязок, в этой сфере международного частного права существует ряд расхождений непосредственно в самом материальном праве государств. Такими расхождениями являются, к примеру, положения, регламентирующие, что по праву Германии лицо может быть признано недееспособным по следующим обстоятельствам: расточительство, болезненные наклонности (алкоголизм, наркомания и т.д.) и иные, – которые в Российской Федерации признаются в качестве оснований для ограничения дееспособности, а никак не полного её лишения [3, с. 11]. По вопросам дееспособности в странах

общего права вообще не применяются законы, которыми устанавливается лишение дееспособности по неизвестным общему праву основаниям. Например, в США или Великобритании лицо, признанное по закону какого-либо иностранного государства ограниченным или лишённым дееспособности по основанию расточительство, будет считаться полностью дееспособным, поскольку общее право в принципе не знает подобного института.

В законодательстве таких стран как Испания, Италия учитывается степень не только психического, но и физического расстройства, а также определяется объём прав, которых лицо может быть лишено. Более того, в разных государствах различен порядок объявления лица недееспособным, а также отличается сама процедура лишения дееспособности. Если в Российской Федерации обязательным условием является установление психического состояния лица путём проведения экспертизы и получения заключения эксперта, то, к примеру, в Эстонии подобное действие не является обязательным. Устанавливая данную норму, законодатель подразумевает, что если гражданин самостоятельно заявляет о том, что ему необходимо назначение опеки и в подтверждение предоставляет соответствующие документы, которые свидетельствуют о наличии таких оснований (медицинские справки), то проводить экспертизу нет необходимости.

Также, особенностью является то, что в европейских странах гражданин не может обратиться в суд с заявлением о признании его вновь дееспособным до определенного срока, тогда как в России таких ограничений нет. Из этого следует, что выбор компетентного правопорядка, который определит, подлежит или не подлежит физическое лицо ограничению, лишению дееспособности либо оставит ее без изменений имеет определяющее значение именно потому, что различные правовые системы по разному устанавливают критерии для подобного признания [10].

Для устранения возможных разногласий и в целях достижения единообразного решения вопросов относительно дееспособности, рядом государств было принято решение подписать Конвенцию об ограничении дееспособности совершеннолетних. Данная Конвенция была подписана 17 июля 1905 года в Гааге. Страны сначала подписали участие, но потом отказались из-за сложности.

Помимо трудностей в определении материального права при решении вопроса о лишении лица дееспособности, немаловажное значение приобретает и иной вопрос, относительно того, какое государство имеет право лишить лицо дееспособности, какой суд или иной компетентный орган будет выносить решение и будет ли оно иметь юридическую силу на территории иных государств.

В данном вопросе, наиболее распространённым является правило о том, что компетентными являются учреждения страны гражданства или основного места жительства (*domicilii*), где применимым правом будет выступать закон суда (*lex fori*) [9]. Например, по немецкому законодательству, возникновение, изменение и прекращение опеки и попечительства при лишении физического лица дееспособности подчиняется праву гражданства данного лица. "Для гражданина иностранного государства, который свое обычное местопребывание или в отсутствие такового свое местопребывание имеет внутри страны (Германии), попечитель может быть назначен согласно германскому праву" (ч. 1 ст. 24 Вводного закона к Германскому Гражданскому Уложению). В данном случае компетенция немецкого

суда будет базироваться на принципе места жительства лица. При этом только суд ФРГ может быть компетентным в отношении признания недееспособным или ограниченно дееспособным гражданина Германии [3, с. 12].

В российском законодательстве также существует односторонняя коллизионная норма, в которой указывается, что признание в Российской Федерации физического лица недееспособным или ограниченно дееспособным подчиняется российскому праву" (п. 3 ст. 1197 ГК РФ) [1].

Что касается юридических последствий признания лица недееспособным, то они, по общему правилу, определяются по праву того государства, в котором имело место такое признание. На практике это проявляется рядом проблем относительно того, может ли лицо вступать в правоотношения и заключать различного рода сделки за пределами территории государства, признавшего его таковым [8, с. 193-199].

Применительно к анализируемым проблемам, в Венгерском законе о международном частном праве установлено следующее правило: "Иностранец, который по своему личному закону был объявлен недееспособным, будет считаться дееспособным в отношении хозяйственных сделок, которые совершаются им в целях удовлетворения личных бытовых потребностей, если данное лицо обладает дееспособностью по венгерскому праву". Кроме того, в данном законе закреплено правило, в соответствии с которым, если иностранец лишён дееспособности по личному закону, но при этом обладает дееспособностью по праву Венгрии, такое лицо признаётся дееспособным и в отношении других сделок, совершаемых им, если последствия данных сделок имеют действие на территории Венгрии (ст. 15) [3, с. 9, 51].

В современном российском законодательстве данный вопрос также имеет схожее регулирование. В гражданском кодексе содержится положение, в соответствии с которым, физическое лицо не вправе ссылаться на отсутствие у него дееспособности по его личному закону, если такое лицо является дееспособным по праву государства места совершения сделки (п. 2 ст. 1197 ГК РФ). Однако из данного правила имеется исключение, в соответствии с которым, ссылка иностранца на отсутствие у него дееспособности по его личному закону принимается во внимание только в том случае, если доказано, что другая сторона знала или заведомо должна была знать об отсутствии дееспособности [1].

Указанная норма корреспондирует с одним из общих принципов в международном частном праве, в котором закреплено, что лицо, которое является дееспособным по своему личному закону, всегда будет признаваться дееспособным и за границей, а лицо, которое по личному закону было признано недееспособным, за границей может быть признано дееспособным. Подобные установления закреплены в праве практически всех государств [4, с. 18].

Целью признания недееспособного по его личному закону иностранца дееспособным в другом государстве является в первую очередь защита интересов местных граждан. Такая оговорка имеет большое значение для современных международных гражданских правоотношений. Зачастую на практике возникают такие ситуации, когда иностранец за границей заключает различного рода сделки, а впоследствии отказывается от выполнения своих обязательств, указывая на то, что он лишён дееспособности. Данная ситуация является серьезным препятствием внешнеэкономических связей [5, с. 30]. В этой связи существующая общепризнанная

необходимость соблюдения общего принципа торгового права «договоры должны соблюдаться» и стала причиной возникновения правила о возможности признания недееспособного иностранца дееспособным на территории государства места заключения сделки.

В связи с распространением вышеуказанных случаев отказа от выполнения обязательств со ссылкой на отсутствие дееспособности, в законах, а также в судебной практике различных государств стал формироваться подход, в соответствии с которым дееспособность лица, безусловно, подчиняется положениям его отечественного законодательства. При этом, в то же время, если лицо, которое является недееспособным по своему национальному законодательству, совершает юридически значимые действия на территории иностранного государства и является дееспособным по праву данного государства, оно будет рассматриваться как полностью дееспособное лицо и будет обязано исполнять возложенные на него обязательства и нести соответствующую ответственность в случае нарушения или отказа от выполнения данных обязательств [6, с. 198].

Следующей проблемой в данной сфере является вопрос признания иностранного судебного решения об ограничении или лишении лица дееспособности на родине соответствующего иностранца, особенно, когда основания ограничения дееспособности по законам этих государств не совпадают [7, с. 120]. В основном данные проблемы разрешаются в двусторонних или региональных международных договорах об оказании правовой помощи, однако, большим пробелом этих актов является то, что таких договоров не так много и предусмотреть все необходимые положения в них не всегда является возможным. Однако такие договоры имеют большое значение.

Так, одним из немаловажных соглашений является Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 22 января 1993 года, подписанная в Минске членами стран СНГ (последующая Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам, подписанная в Кишиневе 7 октября 2002 года, для России так и не вступила в силу). Данная Конвенция устанавливает условия сотрудничества в области оказания органами юстиции и их учреждениями правовой помощи по гражданским, семейным и уголовным делам и в ст. 24 регламентирует вопросы лишения дееспособности [2]. Такая договорённость между государствами снижает риск возникновения разногласий и способствует мирному разрешению возможных конфликтов.

Таким образом, можно заметить, что ограничение либо лишение дееспособности физических лиц в международном частном праве имеет ряд пробелов и затруднений, которые требуют детального регламентирования. Среди основных проблем можно выделить: базовый конфликт квалификаций, отсутствие единообразного регулирования и толкования, наличие различающихся оснований ограничения либо лишения дееспособности, специфика в порядке проведения данной процедуры, юридических последствиях и проблема взаимодействия стран и применения решений иностранных судов. Зачастую для урегулирования возникающих правоотношений, сторонам приходится обращаться к большому количеству нормативно-правовых актов, которые могут противоречить друг другу. Как следствие, следующим шагом становится обращение сторон к

основополагающим международным частно-правовым принципам, построенным на предоставлении гражданам и физическим лицам определенных режимов, определяющих их статус.

Поэтому можно сделать вывод, что основным недостатком является низкий уровень сотрудничества между государствами, что проявляется в небольшом количестве заключённых договоров о правовой помощи, регулирующих на должном уровне вопрос правового статуса гражданина и согласия с уровнем его дееспособности. Процесс гармонизации рассматриваемой области отношений мог бы быть благоприятным вариантом решения, при условии возможности единообразия этих норм, что выглядит немного утопично. Как следствие пока что наилучшим вариантом разрешения выявленных проблем можно назвать разработку на международном уровне унифицированных норм, приведенных в соответствие с наиболее распространенными принципами, а также достижение взаимного сотрудничества между государствами.

Список литературы

1. Российская Федерация. Законы. Гражданский кодекс Российской Федерации (Часть I) от 30 ноября 1994 г. – Текст: электронный // СПС «КонсультантПлюс» : [сайт]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 19.05.2020).
2. Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам / Минск. 22 января 1993 г. – Текст: электронный // СПС «КонсультантПлюс» : [сайт]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5942/ (дата обращения: 23.05.2020).
3. Дмитриева, Г.К. Международное частное право. Сборник нормативных актов / Сост.: Г.К. Дмитриева, М.В. Филимонова – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, ТК Велби, 2006. – 584 с. – Текст : непосредственный.
4. Ануфриева, Л.П. Международное частное право. В 3-х т. Т. 2. Особенная часть / Л.П. Ануфриева // Учебник. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство БЕК, 2002. – 656 с. – Текст : непосредственный.
5. Дмитриева, Г.К. Международное частное право : учебное пособие / Г.К. Дмитриева, А.С. Довгерт, И.С. Мартынов, Н.В. Морозова и др. ; под ред.: Дмитриева Г. К. – М.: Юрист, 1993. – 168 с. – Текст : непосредственный.
6. Ануфриева, Л.П. Международное частное право : учебник / Л.П. Ануфриева, К.А. Бякишев, Г.К. Дмитриева, И.М. Кутузов и др. ; отв. ред.: Дмитриева Г. К. – М.: Проспект, 2000. – 656 с. – Текст : непосредственный.
7. Богуславский, М.М. Международное частное право : учебник / М.М. Богуславский // 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Междунар. отношения, 1994. – 416 с. – Текст : непосредственный.
8. Гетьман-Павлова, И.В. Международное частное право : учебник / Под ред. И. В. Гетьман-Павловой // 3-е изд., перераб. и доп. – М.: 2011. – 640 с. – Текст : непосредственный.
9. Ерпылеева Н.Ю. , Физические и юридические лица как субъекты международного частного права / Н.Ю. Ерпылеева // Адвокат. 2004. № 12. – Текст: электронный // СПС Гарант : [сайт]. – URL: <https://base.garant.ru/5126978/> (дата обращения: 23.05.2020).
10. Чантурия, К. М. Особое производство в гражданском процессе. Ограничение и лишение дееспособности: российский и зарубежный опыт/ К.М. Чантурия. – Текст: электронный // СПС Молодой ученый : [сайт]. – URL: <https://moluch.ru/archive/103/23979/> (дата обращения: 06.12.2019).

Rudenko A.V., Chaika A.V. Conflict-legal issues of regulation of deprivation of legal capacity of individuals and the importance of this status for other branches of law / A.V. Rudenko, A.V. Chaika // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean federal university. Juridical science. – 2020. – Т. 6 (72). № 3. – P. 98-104.

The article reviews the peculiarities of legal capacity of natural persons in international private law relations and the conflict of laws issues concerning the conditions of deprivation of legal capacity on the territory of different countries. The basic collision bindings that enable to determine the law to be applied and the

collisions related to the interpretation and application of the relevant rules. The main problems arising in this area, which may serve as grounds for bypassing the law or not applying the rules, are analysed. In the article there is a comparative legal analysis of international normative legal acts and national legal acts that regulate the relations connected with the recognition of legal capacity of a citizen on the territory of different states (Estonia, Germany, Hungary and others are given as an example), and also considered the order of deprivation of legal capacity of citizens in the Russian Federation and foreign countries, identified gaps and proposed ways to solve the identified problems, which are based on the fundamental principles of international private legal relations, such as providing foreigners with certain special regimes related to the empowerment of them with rights and obligations similar to the rights and obligations of citizens of the Russian Federation. Actions directed at convergence of legislation are seen as the most reasonable and affordable way to solve the problem.

Keywords: legal capacity, conflict of law regulation, personal law, statute, conflict of reference, domicile law, law of registration, attachment formula

Spisok literaturey

1. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast' pervaya) ot 26.01.1996 No. 14-FZ [Elektronnyj resurs] // SPS «Konsul'tant Plyus». – Rezhim dostupa. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/;
2. Konvenciya o pravovoj pomoshchi i pravovyh otnosheniyah po grazhdanskim, semejnym i ugovnym delam / Minsk. 22 yanvarya 1993 g. // SPS «Konsul'tant Plyus». – Rezhim dostupa. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5942/;
3. Mezhdunarodnoe chastnoe pravo. Uchebnik / Boguslavskij M. M. – 2-e izd., pererab. i dop. – M.: Mezhdunar. otnosheniya, 1994. – 416 p.
4. Mezhdunarodnoe chastnoe pravo. V 3-h t. T. 2. Osobennaya chast' Anufrieva. Uchebnik. – 2-e izd., pererab. i dop. – M.: Izdatel'stvo BEK, 2002. – 656 p.
5. Mezhdunarodnoe chastnoe pravo : uchebnoe posobie / Dmitrieva G. K., Dovgert A. S., Martynov I. S., Morozova N. V. i dr. Pod red.: Dmitrieva G. K. – M.: Yurist, 1993. – 168 p.
6. Mezhdunarodnoe chastnoe pravo : uchebnik / Anufrieva L. P., Byakishev K. A., Dmitrieva G. K., Kutuzov I. M. i dr. Otv. red.: Dmitrieva G. K. – M.: Prospekt, 2000. – 656 p.
7. Mezhdunarodnoe chastnoe pravo : sbornik normativnyh aktov / Sost.: Dmitrieva G. K., Filimonova M. V. – 3-e izd., pererab. i dop. – M.: Prospekt, TK Velbi, 2006. – 584 p.
8. Mezhdunarodnoe chastnoe pravo : uchebnik // Pod red. I. V. Get'man-Pavlovoj, 3-e izd., pererab. i dop. – M.: 2011. – 640 p.
9. Fizicheskie i yuridicheskie lica kak sub'ekty mezhdunarodnogo chastnogo prava // Erpyleeva N. Yu., Advokat. 2004. No. 12 [Elektronnyj resurs] // Sistema Garant. – Rezhim dostupa: URL: <https://base.garant.ru/5126978/> (data obrashcheniya 05.12.2009 g.);
10. Chanturiya K. M. Osoboe proizvodstvo v grazhdanskom processe. Ogranichenie i lishenie deesposobnosti: rossijskij i zarubezhnyj opyt // Molodoj uchenyj. – 2015. – № 23. – Pp. 794–797. – URL: <https://moluch.ru/archive/103/23979/>.

УДК 349.222.2

DOI: 10.37279/2413-1733-2020-6-3-105-111

ВЛИЯНИЕ СИСТЕМЫ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ ДОГОВОРОВ НА ПРИЗНАНИЕ ТРУДОВЫМИ ОТНОШЕНИЙ, ОСНОВАННЫХ НА ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ ДОГОВОРАХ

Сонин О. Е., Елькина А. С.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

Статья посвящена исследованию проблемы влияния системы гражданско-правовых договоров, вытекающей из положений действующего Гражданского кодекса Российской Федерации, на решение вопроса о возможности признания трудовыми отношений, основанных на гражданско-правовых договорах.

Имеется в виду, что ст. 19.1 Трудового кодекса Российской Федерации возможность признания отношений трудовыми обуславливает установленными в ней обстоятельствами, в том числе, – перечислением сторон гражданско-правового договора и его предмета. В таких условиях необходимым представляется разрешение вопроса о том, отдавать для целей признания отношений трудовыми предпочтение требованиям содержательного характера (признакам трудовых отношений, закрепленным ст. 15 ТК РФ) либо формальным требованиям, установленным положениями ч. 1 ст. 19.1 ТК РФ.

Обосновывается вывод о том, что влияние системы гражданско-правовых договоров и связанной с ней терминологии Гражданского кодекса, определяющей стороны и предмет таких договоров, на решение вопроса о возможности признания отношений трудовыми не должно учитываться при применении действующей редакции ст. 19.1 ТК РФ, а сама эта статья нуждается в изменении.

Ключевые слова: трудовой договор, трудовые отношения, гражданско-правовой договор, система договоров.

Принятие и вступление в силу Трудового кодекса Российской Федерации (далее – ТК) [1] в целом, а также включение в него в 2013 г. [2] статьи 19.1, устанавливающей правовую возможность признания трудовыми отношений, основанных на гражданско-правовом договоре, существенным образом повысило уровень правовых охраны отношений с участием физических лиц, распространило действие норм трудового права на отношения, которые ранее такими нормами не были урегулированы.

В частности, в ст. 19.1 ТК РФ впервые в истории отечественного трудового права прямо закреплена возможность признания трудовыми отношений, основанных на таких гражданско-правовых договорах, в которых участие принимают «лицо, использующее личный труд и являющееся заказчиком по договору» и лицо, «являющееся исполнителем по договору» (абзац второй ч. 1 ст. 19.1 ТК).

Как справедливо отмечалось в литературе, возможность признания трудовыми отношений, основанных на гражданско-правовом договоре, является по своей сути «межотраслевой переквалификацией договоров» [3, с. 254]. Такая переквалификация требует специфического подхода к толкованию положений такого договора: необходимо отдавать предпочтение «не формальной стороне договора, буквальному значению слов и выражений (теория волеизъявления), а действительной воле сторон, которая реализована в фактически сложившихся между сторонами отношениях» [3, с. 255].

Есть основания утверждать, что эта задача была успешно решена как в науке, так и правоприменительными органами, тем более что законодателем для этого были предусмотрены все необходимые инструменты (ст. 15 ТК устанавливает признаки, которые свидетельствуют о трудо-правовой природе договора; ч. 3 ст. 19.1 ТК устанавливает правило, которое отдельные авторы рассматривают как принцип презумпции трудовых отношений [4, с. 290]).

Следовательно, вопрос о том, *при каких условиях* гражданско-правовой договор может быть признан породившим трудовые отношения, нашел свое удовлетворительное законодательное решение, в полном объеме воспринятое в доктрине и правоприменительной практике.

Вместе с тем, следует, на наш взгляд, признать, что ни законодатель при формулировании положений ст. 19.1 ТК, ни наука трудового права при их анализе не смогли дать участникам общественных отношений и судам достаточную определенность, необходимую для решения вопроса о том, *какие же именно* гражданско-правовые договоры могут признаваться основанием возникновения трудовых отношений: использованная в названной статье терминология не вполне учитывает установленную в Гражданском кодексе Российской Федерации (далее – ГК) [5] систему гражданско-правовых договоров и те формальные признаки (критерии), по которым происходит выделение в рамках такой системы тех или иных видов гражданско-правовых договоров.

Изложенное, на наш взгляд, бесспорно свидетельствует об актуальности исследования проблемы влияния системы гражданско-правовых договоров на применение ст. 19.1 ТК и способов преодоления такого влияния, попытка которого предпринята в настоящей статье.

Для целей настоящей статьи ее авторы исходят из необходимости использования того представления о системе (видов) гражданско-правовых договоров, вытекающей из положений раздела IV ГК. Для выделения отдельных видов гражданско-правовых договоров (отдельных видов обязательств) законодатель в пределах раздела IV ГК использует критерий предмета договора и его участников (см., напр., 454, 583, 632, 702, 769, 779 и др. ГК).

Поскольку ст. 19.1 ТК РФ возможность признания трудовыми отношений, возникших из гражданско-правового договора допускает в том в случае, когда такой договор предполагает использование личного труда (предмет договора) и участие в нем заказчика и исполнителя (стороны договора), реализация положений ст. 19.1 ТК предполагает, что суд вправе принять решение о признании отношений трудовыми не во всех случаях, а лишь при условии что возникли вследствие заключения гражданско-правового договора, соответствующего названным признакам в этой статье признакам.

В свою очередь анализ положений раздела IV ГК дает основания для парадоксального вывода: гражданское законодательство России не знает таких договоров, для определения которых закон использовал бы одновременно термины «заказчик», «исполнитель», «использование личного труда».

Термин «личный труд» вообще не используется в Гражданском кодексе, а определение предмета отдельных видов гражданско-правовых договоров дается через другие категории. В частности, предметом договора подряда признается выполнение подрядчиком работ по заданию заказчика (ст. 702 ГК); по договору на

выполнение научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ исполнитель обязуется по заданию заказчика провести научные исследования либо разработать образец изделия или документацию (технологии) (ст. 769 ГК).

Ближе всего к терминологии ст. 19.1 ТК оказывается ст. 779 ГК, предусматривающая, что по договору возмездного оказания услуг исполнитель по заданию заказчика обязуется совершить определенные действия или осуществить определенную деятельность, однако и в данном случае Гражданский кодекс прямо не указывает на «использование личного труда» исполнителя.

Что касается такого набор участников гражданско-правового договора как «заказчик» и «исполнитель», то он встречается в определении упоминавшихся выше договоров подряда на выполнение научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ и о возмездном оказании услуг.

Такое положение вещей, при котором ни один из прямо закрепленных в ГК видов гражданско-правового договора текстуально в полном объеме не соответствует установленным в ст. 19.1 ТК условиям признания основанных на таких договорах отношений трудовыми, при необходимом уважении к букве закона должно было бы стать основанием для вывода либо об отсутствии у положений ст. 19.1 ТК предмета правового регулирования (отсутствуют гражданско-правовые договоры, основанные на которых отношения могли бы быть признаны трудовыми), либо как минимум для аргументации необходимости отступить от этих положений с учетом их противоречия основным принципам регулирования трудовых отношений (ст. 2 ТК), возможного их несоответствия ст. 2 Конституции и т.д.

Вместе с тем, известные авторам настоящей статьи трудо-правовые исследования проблем признания трудовыми основанных на гражданско-правовых договоров отношений, однако, предпочитают сложившуюся ситуацию не замечать и предложений по ее изменению не формулируют.

Правоприменительная же практика решение проблемы нашла в последовательном применении для аргументации решения о признании трудовыми основанных на гражданско-правовом договоре отношений положений Рекомендации Международной организации труда «О трудовом правоотношении» [6].

Приобрела «серийный характер» и воспроизводится как в постановлениях судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ [см., напр. : 7], так и в судебных решениях нижестоящих судов [см., напр. : 8] следующая аргументация: «В целях обеспечения эффективной защиты работников посредством национальных законодательств и практики, разрешения проблем, которые могут возникнуть в силу неравного положения сторон трудового правоотношения, Генеральной конференцией Международной организации труда 15 июня 2006 г. принята Рекомендация N 198 "О трудовом правоотношении"... В пункте 2 Рекомендации МОТ о трудовом правоотношении указано, что характер и масштабы защиты, обеспечиваемой работникам в рамках индивидуального трудового правоотношения, должны определяться национальным законодательством или практикой либо и тем, и другим, принимая во внимание соответствующие международные трудовые нормы... В пункте 9 этого документа предусмотрено, что для целей национальной политики защиты работников в условиях индивидуального трудового правоотношения существование такого правоотношения должно в первую очередь определяться на основе фактов, подтверждающих выполнение работы и выплату

вознаграждения работнику, невзирая на то, каким образом это трудовое правоотношение характеризуется в любом другом соглашении об обратном, носящем договорной или иной характер, которое могло быть заключено между сторонами... Пункт 13 Рекомендации называет признаки существования трудового правоотношения... В целях содействия определению существования индивидуального Трудового правоотношения государства-участники должны в рамках своей национальной политики рассмотреть возможность установления правовой презумпции существования индивидуального трудового правоотношения в том случае, когда определено наличие одного или нескольких соответствующих признаков (пункт 11 Рекомендации МОТ о трудовом правоотношении)».

Такой сложившийся в практике деятельности судов подход вызывает целый ряд возражений.

Во-первых, как справедливо отметила О. В. Вострецова, «рекомендации МОТ не являются непосредственным источником российского трудового права, в случае юридического спора их положения можно использовать только после необходимой имплементации в российскую законодательную систему. Действительно, нет достаточной правовой основы для ссылки на рекомендации МОТ при рассмотрении судами конкретных трудовых споров, равно как и для использования рекомендаций напрямую иными правоприменителями (работодателями, законодателями)» [9, с. 9].

Таким образом, названная Рекомендация может лишь подтвердить выявленные нами недостатки ст. 19.1 ТК, но не способна конкурировать с положениями этой статьи при правоприменении.

Во-вторых, между положениями Рекомендации МОТ № 198 и ст. 19.1 ТК нет противоречия, исключающего их совместное применение: Рекомендация устанавливает признаки, соответствие которым позволило бы признать трудовыми отношения, основанные на гражданско-правовом договоре, а ст. 19.1 ТК устанавливает, какие из гражданско-правовых договоров (при обнаружении в них необходимых признаков) являются юридическим основанием отношений, которые могут быть признаны трудовыми.

Вместе с тем, в таком случае в применении для этих целей названной Рекомендации отсутствует какая-либо необходимость, поскольку такие же по юридическому содержанию правила закреплены в ч. 1 ст. 15 ТК и положения Рекомендации могут быть использованы лишь для раскрытия полного содержания ст. 15 ТК, которая сформулирована достаточно лаконично.

Таким образом, ст. 19.1 ТК в действующей редакции при ее буквальном применении делает явно невозможным достижение целей этой статьи и трудового законодательства в целом, а анализируемая аргументация судебных решений о признании трудовыми основанных на гражданско-правовых договорах отношений могла бы стать достаточным основанием для вынесения таких решений, при условии, что ей предшествовал бы вывод о необходимости отступления от положений ст. 19.1 ТК с учетом ст. 2 Конституции и ст. 2 ТК, делать который суды избегают.

Таким образом, сложилась правоприменительная практика, которая направлена на обеспечение соответствия норм трудового права потребностям общественных отношений, на которые они распространяются, с одной стороны, и конституционным положениям и задачам трудового права, – с другой, вынуждена

отступать от буквы ст. 19.1 ТК и при этом скрывать сам факт отступления от этой буквы.

Основной причиной описанной ситуации является то обстоятельство, что законодатель при формулировании положений ст. 19.1 ТК не учел установленную в ГК систему гражданско-правовых договоров и без достаточной осторожности использовал гражданско-правовую терминологию для регулирования трудовых отношений, а влияние системы гражданско-правовых договоров на трудовые отношения состоит в невозможности применения ст. 19.1 ТК без использования дополнительных технико-юридических приемов и без учета принципов правового регулирования трудовых отношений и конституционных норм, что существенным образом и негативно влияет на трудовые отношения.

Единственно возможной способом изменения сложившейся ситуации, на наш взгляд, могло бы быть внесение в ст. 19.1 ТК изменений, который обеспечили бы соответствие ст. 2 Конституции, ст. 2 и 19.1 ТК, а также устранили бы противоречия между системой гражданско-правовых договоров и ст. 19.1 ТК.

В этих целях возможно было бы включение в ст. 19.1 ТК полного перечня гражданско-правовых договоров, в которых физическое лицо может выступать как подрядчик (исполнитель и проч.), и в которых оно принимает на себя обязанность совершить в интересах противостоящей ему стороны договора фактические действия, связанные с реализацией его навыков (способностей, умений).

Существенным недостатком такого варианта решения рассматриваемой проблемы стал бы, однако, значительный объем законодательного текста, необходимый для описания видов как гражданско-правовых договоров, так и видов деятельности по таким договорам, при условии соответствия которым отношения, возникшие из этих договоров, могли бы признаваться трудовыми.

Необходимо также отметить и то, что при всей объемности законодательного текста, который в таком случае должна включить в себя ст. 19.1 ТК, он все равно окажется неполным с учетом закрепленной в п. 2 и 3 ст. 441 ГК возможности заключения договоров, не предусмотренных законом или иными правовыми актами, а также смешанных договоров.

С учетом изложенного, представляется более целесообразным внесение в ст. 19.1 ТК таких изменений, которые бы содержали более абстрактное, чем в действующей редакции указание на правовое положение физического лица, к отношениям с участием которого, возникшим из гражданско-правового договора применима правовая конструкция признания их трудовыми. Текстуально такая задача могла бы быть решена следующим образом:

«1. Отношения, возникшие на основании гражданско-правового договора, трудовыми отношениями, могут быть признаны трудовыми в случае, если в них принимает участие физическое лицо, выполняющее по договору работы, оказывающее услуги, осуществляющее подобные названным фактические действия, и такие отношения обладают признаками, установленными частью первой статьи 15 настоящего Кодекса.

2. Отношения, возникшие на основании гражданско-правового договора, указанные в части первой настоящей статьи, могут быть признаны трудовыми:

- путем признания таких отношений трудовыми стороной противостоящей физическому лицу стороной гражданско-правового договора, на основании письменного заявления физического лица;
- по соглашению между сторонами гражданско-правового договора;
- не обжалованным в установленном порядке предписанием государственного инспектора труда об устранении нарушения части второй статьи 15 настоящего Кодекса;
- судом, в случае если физическое лицо – сторона гражданско-правового договора обратилось непосредственно в суд, или по материалам (документам), направленным государственной инспекцией труда, иными органами и лицами, обладающими необходимыми для этого полномочиями в соответствии с федеральными законами.». При этом части третья-пятая ст. 19.1 соответственно станут частями четвертой-шестой.

Список литературы

1. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 г. № 197-ФЗ. – Текст: электронный // СПС «КонсультантПлюс» : [сайт]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/ (дата обращения: 15.08.2020 г.).
2. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О специальной оценке условий труда»: Федеральный закон от 28.12.2013 г. № 421-ФЗ. – Текст: электронный // СПС «КонсультантПлюс» : [сайт]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156563/ (дата обращения: 15.08.2020 г.).
3. Тарусина, Н. Н. Социальные договоры в праве / Н. Н. Тарусина, А. М. Лушников, М. В. Лушникова. – М.: Проспект, 2017. – 480 с. – Текст: непосредственный.
4. Двучичанская, А. В. Проблема признания существования трудовых отношений в отсутствие трудового договора / А. В. Двучичанская. – Текст: непосредственный // Эволюция российского права: Материалы XVII Международной научной конференции молодых ученых и студентов (Екатеринбург, 26 апреля 2019 г.). – Екатеринбург: Уральский государственный юридический университет, 2019. – С. 289–292.
5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая): Федеральный закон от 26.01.1996 г. № 14-ФЗ. – Текст: электронный // СПС «КонсультантПлюс» : [сайт]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9027/#dst0 (дата обращения: 15.08.2020 г.).
6. О трудовом правоотношении: Рекомендация Международной организации труда от 15.06.2006 г. № 198 // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. – Текст: электронный // СПС «КонсультантПлюс» : [сайт]. – URL: <http://docs.cntd.ru/document/499076405> (дата обращения: 15.08.2020 г.).
7. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 24.06.2019 г. № 77-КГ19-4. – Текст: электронный // СПС «КонсультантПлюс» : [сайт]. – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=588807#08446520432396707> (дата обращения: 15.08.2020 г.).
8. Решение Октябрьского районного суда г. Липецка от 19.03.2019 г. по делу № 2-879/2019 // Судебные и нормативные акты РФ. – Текст: электронный // СудАкт.ру : [сайт]. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/OSSwiYOcXdm1/> (дата обращения: 15.08.2020 г.).
9. Вострецова, О. В. Конвенции и рекомендации Международной организации труда как источники трудового права : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук // Вострецова Олеся Александровна; МГУ им. М. В. Ломоносова. – М., 2006. – 23 с. – Текст: непосредственный.

Sonin O. E., Elkina A. S. Impact of the system of civil law contracts on the recognition of labor relations based on civil law contracts / O. E. Sonin, A. S. Elkina // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean federal university. Juridical science. – 2020. – Т. 6 (72). № 3. – P. 105–111.

The article is devoted to the study of the problem of the influence of the system of civil contracts arising from the provisions of the current Civil Code of the Russian Federation on the solution of the issue of the possibility of recognizing labor relations based on civil contracts.

It means that Art. 19.1 of the Labor Code of the Russian Federation, the possibility of recognizing a relationship as labor is determined by the circumstances established in it, including the listing of the parties to the civil contract and its subject. In such conditions, it seems necessary to resolve the issue of giving preference to substantive requirements (signs of labor relations enshrined in Article 15 of the Labor Code of the Russian Federation) or formal requirements established by the provisions of Part 1 of Art. 19.1 of the Labor Code of the Russian Federation.

The conclusion is substantiated that the influence of the system of civil law contracts and the related terminology of the Civil Code, which determines the parties and the subject of such contracts, on the decision of the possibility of recognizing relations as labor should not be taken into account when applying the current edition of Art. 19.1 of the Labor Code of the Russian Federation, and this article itself needs to be changed.

Keywords: labor contract, labor relations, civil contract, system of contracts.

Spisok literatury

1. Trudovoj kodeks Rossijskoj Federacii ot 30.12.2001 N 197-FZ // SPS «Konsul'tantPlyus». – Rezhim dostupa: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/ (data obrashheniya: 15.08.2020). – Tekst: e'lektronny'j.
2. O vnesenii izmenenij v otdel'ny'e zakonodatel'ny'e akty` Rossijskoj Federacii v svyazi s prinyatiem Federal'nogo zakona «O special'noj ocenke uslovij truda»: Federal'ny'j zakon ot 28.12.2013 № 421-FZ // SPS «Konsul'tantPlyus». – Rezhim dostupa: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156563/ (data obrashheniya: 15.08.2020). – Tekst: e'lektronny'j.
3. Social'ny'e dogovory` v prave / Tarusina N. N., Lushnikov A. M., Lushnikova M. V. – M.: Prospekt, 2017. – 480 p. – Tekst: neposredstvenny'j.
4. Dvulichanskaya A. V. Problema priznaniya sushhestvovaniya trudovy`x otnoshenij v otsutstvie trudovogo dogovora / A. V. Dvulichanskaya. – Tekst : neposredstvenny'j // E'voluciya rossijskogo prava: Materialy` XVII Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii molody`x ucheny`x i studentov (Ekaterinburg, 26 aprelya 2019 g.). – Ekaterinburg: Ural'skij gosudarstvenny'j yuridicheskij universitet, 2019. – Pp. 289–292.
5. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast` vtoraya) : Federal'ny'j zakon ot 26.01.1996 № 14-FZ // SPS «Konsul'tantPlyus». – Rezhim dostupa: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9027/#dst0 (data obrashheniya: 15.08.2020). – Tekst: e'lektronny'j.
6. O trudovom pravootnoshenii: Rekomendaciya Mezhdunarodnoj organizacii truda ot 15.06.2006 № 198 // E'lektronny'j fond pravovoj i normativno-texnicheskoj dokumentacii. – Rezhim dostupa: URL: <http://docs.cntd.ru/document/499076405> (data obrashheniya: 15.08.2020). – Tekst: e'lektronny'j.
7. Opredelenie Sudebnoj kollegii po grazhdanskim delam Verxovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 24.06.2019 № 77-KG19-4 // SPS «Konsul'tantPlyus». – Rezhim dostupa: URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=588807#08446520432396707> (data obrashheniya: 15.08.2020). – Tekst: e'lektronny'j.
8. Reshenie Oktyabr'skogo rajonnogo suda g. Lipeczka ot 19.03.2019 po delu № 2-879/2019 // Su-debny'e i normativny'e akty` RF. – Rezhim dostupa: URL: <https://sudact.ru/regular/doc/OSSwiYOcXhtml/> (data obrashheniya: 15.08.2020). – Tekst: e'lektronny'j.
9. Vostreczova O. V. Konvencii i rekomendacii Mezhdunarodnoj organizacii truda kak istochni-ki trudovogo prava : avtoref. dis. ... kand. yurid. Nauk // Vostreczova Olesya Aleksandrovna; MGU im. M. V. Lomonosova. – M., 2006. – 23 p. – Tekst: neposredstvenny'j.

УДК 340.1

DOI: 10.37279/2413-1733-2020-6-3-112-120

ПРЕДЕЛЫ ФОРМИРОВАНИЯ ФАКТИЧЕСКОГО СОСТАВА КАК ОСНОВАНИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ПРАВОВЫХ ПОСЛЕДСТВИЙ

Цуканова Е. Ю.

ФГАОУ ВО «Белгородский национальный исследовательский университет»

В данной статье анализируется проблема определения границ фактического состава как системы юридических фактов, которые в совокупности являются основанием для возникновения, изменения или прекращения правоотношений. Обозначена актуальность данной проблематики для современного уровня теории права. На основе исследования подходов различных ученых к решению данного вопроса выявляются критерии разграничения юридических фактов, образующих состав, и юридических условий, способствующих возникновению правовых последствий, но не являющихся их основанием. Также высказывается и аргументируется авторское видение перспектив решения данной проблемы.

Ключевые слова: юридический факт, юридические условия, юридические предпосылки, фактический состав, основание возникновения правоотношений.

Рассматривая фактический состав как систему юридических фактов, необходимо иметь четкое представление о его границах, что, несомненно, актуализирует проблему пределов «собираания фактов в состав». Данный вопрос, применительно к фактическим составам, является одним из наиболее дискуссионных. Трудность его решения состоит в том, что все обстоятельства реальной действительности в той или иной мере взаимосвязаны между собой. В философском измерении для обозначения данного явления используют понятие о всеобщей связи. С диалектической точки зрения жизненная материя представляет собой нечто единое целое во множестве взаимосвязанных и взаимообусловленных составляющих. Таким образом, каждое наличное явление или процесс являются результатом множества предшествующий событий.

Консолидированное существо проблемы отражает постановка Р.С. Бевзенко следующего вопроса: «где лежит предел «собираания» фактов в состав?». При этом дан следующий комментарий. Существенное расширение круга фактов, входящих в фактический состав, вплоть до рождения человека или приобретение дееспособности (для формирования состава, необходимого для перехода права собственности по договору купли-продажи) может «умалить значение фактического состава и превратить его в нечто аморфное, трудноопределяемое и потому совершенно бесполезное с точки зрения потребностей учения о юридических фактах?» [2, с. 363].

Необоснованное расширение границ, действительно, может привести к существенным потерям практической значимости фактического состава. Однако полагаем, это только одна сторона проблемы. Другая состоит в том, что недооценка роли определенного факта и невключение его в состав может привести к существенным практическим ошибкам и теоретическим затруднениям.

В научной литературе высказано мнение о том, что существуют такие фактические обстоятельства, которые могут явиться основанием для возникновения правоотношения, но при этом они не являются юридическими фактами. Речь, в частности, идет о таких обстоятельствах, которые называют юридические условия. Как правило они сопутствуют возникновению правовых последствий, но сами по себе не являются их основанием. С.А. Чаркин в качестве примера такого юридического условия называет факт наличия права собственности на недвижимость. Это обстоятельство, безусловно, необходимо учитывать при осуществлении с недвижимостью распорядительных действий, но факт наличия права собственности не включается в состав фактических предпосылок совершения данной сделки [15, с. 48].

Как правило, в отношении таких обстоятельств говорят, что создают определенную правовую возможность достижения правового результата, но не его основание. В качестве таких обстоятельств обычно рассматривают длящиеся факты, которые можно охарактеризовать как состояния, например: пол, возраст, состояние здоровья и другие [10, с. 150-154].

Учитывая сказанное, фактический состав должен представлять собой такой набор элементов (фактов), который будет оптимален для описания реальной жизненной ситуации, к которой нормами права будут «приложены» соответствующие желаемые правовые последствия.

Определение этой самой «оптимальности» и является «краеугольным камнем» в решении вопроса о формировании фактического состава. Если данный вопрос останется без своего решения, то в фактический состав можно будет включать и правоспособность субъектов правоотношения, которая обязательно должна сопутствовать возникновению правоотношения, но далеко не всегда имеет определяющее значение для возникновения соответствующих правовых последствий. Если же правоспособность всегда рассматривать как одно из фактических обстоятельств, на основе которого возникают соответствующие права и обязанности, то тогда будет необходимо признать, что любые правоотношения возникают на основе фактического состава.

В научной литературе данная проблематика затрагивалась в трудах различных ученых. Так, выражая свое отношение к этой проблематике, О.А. Красавчиков говорил о необходимости обособления ближайших юридических фактов (которые должны входить в фактический состав) и факты, которые отдаленно связаны с конкретным правовым последствием (вследствие этого, в фактический состав не включаемые) [2, с. 364]. Такой подход намечает некоторые ориентиры в формировании содержания состава. Однако понятия о «ближайших» и «отдаленных» юридических фактах имеют настолько оценочный и умозрительный характер, что не могут внести должной определенности в вопрос о границах фактического состава.

По мнению В.Б. Исакова, фактический состав является частью более широкой системы фактов, которая включает не только юридические факты, но и некоторые неюридические обстоятельства. На этом основании делается вывод о том, что комплекс реальных жизненных обстоятельств существенно шире фактического состава. Такая система включает в себя три группы фактов.

Первую группу составляют обстоятельства неюридического характера, но, тем не менее, оказывающие влияние на возникновение и движение правоотношения. Так, комплекс социальных обстоятельств, связанных с возникновением брачного

правоотношения, намного шире тех фактов, которые предусматривают нормы семейного права в качестве соответствующего фактического состава. Учет этих обстоятельств имеет значение не только для правильного правоприменения, но и «для научно обоснованного правотворчества».

Вторая группа состоит из таких фактических обстоятельств, которые, безусловно, необходимы для возникновения определенных правовых последствий. Однако они не включаются в фактический состав, поскольку в месторасположении всех фактических обстоятельств, способствующих правовому результату, занимают слишком отдаленное место. Вследствие этого они называются лишь условиями, но не основаниями возникновения правоотношения.

Третья же группа включает в себя такие фактические обстоятельства, которые непосредственно образуют фактический состав, являющийся основанием наступления предусмотренных законом правовых последствий [8, с. 9-12].

С точки зрения определения границ фактического состава первую из названных групп фактов можно не рассматривать, поскольку данные обстоятельства никоим образом не могут квалифицироваться как элементы состава, в силу того, что являются обстоятельствами «неюридического характера». Следовательно, только факты второй группы потенциально могут быть смешаны с элементами фактического состава. В.Б. Исаков для отграничения фактического состава от сопутствующих юридических условий предлагает использовать два критерия. Во-первых, месторасположение элементов фактического состава в одном или нескольких нормативных актах. И, во-вторых, многократность использования такого комплекса фактов. Многократному использованию подвержены условия, но не основания. В этом отношении В.Б. Исаков называет факты, входящие в юридический состав, фактами «разового действия», а факты-состояния, которые могут выступать в качестве необходимого условия для иных юридических составов, фактами «универсального действия». По этой причине автор данные факты не относит к элементам фактического состава [8, с. 13]. Длительность характера действия юридического условия рассматривается в качестве квалифицирующего признака и Р.Х. Ханнановым [14, с. 123-127].

Также В.Б. Исаков в другой своей работе указывает на критерии разграничения оснований и условий возникновения, изменения и прекращения правоотношений. Первые и являются собственно юридическими фактами, вторые всего лишь способствуют появлению правового последствия. Так, к числу критериев отнесены:

- юридические факты обуславливают правовые последствия прямо, а юридические условия – косвенно, через одно или несколько промежуточных звеньев (чаще всего через факт-правоотношение);

- юридический факт связан с данным конкретным правоотношением, а юридическими условиями обычно детерминируется несколько различных правовых связей;

- юридические факты, как правило, обстоятельства разового, ситуационного значения; юридические условия, напротив, в большинстве своем факты длительного действия [9, с. 22].

Полагаем, критерии, обозначенные В.Б. Исаковым, имеют уже более определенный формат, нежели предложенные О.А. Красавчиковым. Тем не менее, и они не дают однозначного решения в отношении обозначенной проблемы. Кроме

того, можно отметить, что многие факты-состояния, расцениваемые вышеуказанными авторами в качестве юридических условий (и, соответственно, не входящих в фактический состав), все же должны рассматриваться в качестве элемента состава. Например, возможность приобретения полной дееспособности несовершеннолетним в результате эмансипации ст. 27 ГК РФ связывается:

во-первых, с достижением возраста в 16 лет;

во-вторых, с альтернативой в виде работы по трудовому договору *или* осуществление предпринимательской деятельности;

в-третьих, 1) согласие родителей и решение органа опеки и попечительства; *или* 2) отсутствие согласия хотя бы одного из родителей и решение суда.

Как видно, существенная часть элементов данного состава состоит из фактов-состояний. К их числу можно отнести следующие факты: достижение определенного возраста, работа по трудовому договору и осуществление несовершеннолетним предпринимательской деятельности. Тем не менее, несмотря на длительный характер данных обстоятельств, вряд ли их можно рассматривать всего лишь как предварительные условия и не включать в данный фактический состав.

Существенное внимание проблемам квалификации жизненных обстоятельств в качестве предпосылок, условий и оснований возникновения, изменения и прекращения правоотношения уделил В.А. Белов применительно к юридическим фактам гражданского права. Деление фактов на данные виды проводится по критерию логической значимости. Это, по мнению ученого, одна из двух функциональных классификаций юридических фактов, выработанных к настоящему времени гражданско-правовой наукой. Второй классификацией данной направленности является деление, проводимое по признаку результативности юридических фактов. По сути, речь идет о традиционной классификации по характеру правовых последствий. В зависимости от этого выделены правообразующие, правоизменяющие и правопрекращающие юридические факты.

В отношении первой классификации В.А. Беловым отмечается, что ни факты-условия, ни факты-предпосылки в фактические составы включать не следует. Объясняется это тем, что в противном случае утрачивается смысл единичного юридического факта, поскольку вне связи с предварительными условиями и предпосылками ни одно фактическое обстоятельство не способно произвести никаких юридических последствий [3, с. 17].

Факты-основания с позиции логики выступают в качестве «причины обстоятельства, являющегося той «последней каплей», которая «переполняет чашу» фактических обстоятельств, а вместе с нею и «чашу индифферентного отношения» субъекта правотворчества» [3, с. 18].

Отсутствие четкого определения фактов-условий и фактов-предпосылок не позволяет разграничить данные виды фактов между собой. Вплоть до настоящего времени в правовой науке такое разграничение отсутствует. Полагаем, что это не случайно. Если между данными понятиями, применительно к видам юридических фактов, и существует какие-либо индивидуализирующие признаки, то они оценочны и субъективны. Более того, в толковом словаре русского языка предпосылка рассматривается как «предварительное условие чего-либо» [12]. Как видно, данные понятия имеют синонимичное толкование. Вследствие этого, считаем, что попытки

провести четкое разграничение между фактами-условиями и фактами-предпосылками бесперспективны и заранее обречены на неудачу.

Рассматриваемый вопрос напрямую затрагивался в исследовании М.А. Рожковой, осуществившей классификацию предпосылок наступления юридических последствий на общие и частные. К числу общих предпосылок были отнесены такие правовые явления, которые «признаются нормами права общими (и обязательными) компонентами для наступления всяких юридических последствий». В их качестве рассматриваются: норма права (определяющая правовую модель), правосубъектность, а также иногда правоотношение, являющееся базой для дальнейшего развития правовой материи [13, с. 12, 20-21].

Действительно, наличие правосубъектности в большинстве случаев относить к фактическому составу абсолютно нецелесообразно. Однако в случаях, когда правовые последствия в нормах права напрямую связываются с наличием или отсутствием дееспособности, этот факт трудно не признать элементом состава. Тем более возможны трудности с решением данного вопроса применительно к правоотношению (или иному состоянию), на базе которого при появлении иных обстоятельств возникают будущие правовые последствия. Это актуально для любых составов, и, в особенности для тех, которые формируются по принципу последовательного накопления элементов. Вследствие этого в правовой науке возникла идея о необходимости определения критериев, с помощью которых можно будет обособить границы фактического состава.

Несмотря на широко представленное и доминирующее в юридической литературе мнение о том, что юридические условия и предпосылки не могут быть включены в фактический состав и являются внешними по отношению к нему обстоятельствами, высказывались и иные суждения.

Например, О.С. Иоффе, рассматривая проблему соотношения юридических условий, создающих возможность возникновения правовых последствий, и фактического состава, рассматриваемых как основания для таких последствий, еще в 1949 году отмечал следующее. Реализованная часть фактического состава может порождать определенные права и обязанности. Возникшее правоотношение, рассматриваемое как самостоятельный юридический факт, выступает в качестве условия для дальнейшего развития правовых связей и последствий. В этой связи приводится пример с правом собственности конкретного лица. Это право, приобретенные в силу определенных жизненных обстоятельств, становится обязательным условием для возникновения залогового правоотношения. Тем самым, наличное правоотношение, рассматриваемое им в качестве условия, становится элементом самостоятельного фактического состава [7, с. 124-125].

На современном этапе развития правовой науки о необходимости включения в фактический состав юридических условий говорит В.В. Груздев. Однако его подход к определению системы и структуры фактов, включаемых в состав несколько отличается от традиционного. По его мнению, юридическим фактом, признается только такой элемент состава, который оказывается последним в цепи жизненных обстоятельств, порождающих правовые последствия. Поэтому само наличие фактического состава зависит от типа структурных связей между фактическими обстоятельствами, предусмотренной нормативной моделью. При независимом накоплении фактических элементов, порождающих правовые последствия только

при одновременном их существовании, состав как таковой вообще отсутствует. По мнению В.В. Груздева можно говорить только о едином сложном юридическом факте. Фактический состав может быть при последовательном накоплении фактов состава. Последнее в цепи жизненное обстоятельство будет квалифицироваться как юридический факт, а все предыдущие – как юридические условия [6, с. 82-89].

Отмечая оригинальность такого подхода, и отмечая наличие в нем как теоретической, так и практической значимости, нужно признать, что его реализация потребует кардинальной ломки устоявшихся доктринальных положений относительно фактического состава.

Высказывая собственные соображения по поводу решения данного вопроса, можно заметить, что поиск конкретных критериев, с помощью которых станет возможным однозначное определение границ фактического состава, вряд ли приведет к положительному результату. Каждый состав обладает индивидуальными особенностями, которые не позволяют их подвести к определенному единому «знаменателю». Это, возможно, было бы реально в случае, если между юридическим фактом (в том числе, фактическим составом) и соответствующими правовыми последствиями существовала бы объективная причинно-следственная связь.

Такая связь находится под существенным влиянием субъектов, осуществляющих правотворческие функции. Вопрос о характере взаимосвязи между юридическим фактом и соответствующими ему правовыми последствиями обсуждался в правовой науке довольно долгое время. Еще дореволюционные правоведы обращали внимание на данный аспект юридической теории и в большинстве своем приходили к выводу о том, что данная связь не является объективной причинно-следственной [4, с. 630-631]. Наиболее обстоятельно данный вопрос исследовал Д.Д. Гримм, который в рамках отдельного параграфа проанализировал мнения как немецких, так и российских правоведов. По результатам такого исследования им был сделан вывод о том, что «из наличности известных фактов выводим заключение о существовании того или другого правоотношения. Но делаем мы это вовсе не в силу логической необходимости, а в силу предписания объективного права» [5, с. 37].

Уже в советский период развития теории права Н.Г. Александров в этом отношении весьма верно заметил, что «связь между юридическим фактом, с одной стороны, и возникновением (изменением или прекращением) правоотношения, с другой стороны, не является, разумеется, причинной связью в философском смысле (в смысле объективной закономерности). <...> Придание фактам известного вида значения юридических фактов и соединением с ними тех или иных правовых последствий есть проявление роли государства, издающего соответствующие юридические законы» [1, с. 171]. Такая связь была названа «властно-правовой зависимостью между фактом и правовым последствием» [1, с. 163].

Соглашаясь с автором в главном, можно добавить следующее. Возникновение правоотношения не выступает неизбежным объективным следствием определенных фактов, поскольку данный вопрос находится в ведении законодателя. Именно он связывает данные явления и выстраивает их в логическую цепочку по принципу: причина – следствие. Это осуществляется в зависимости от практической целесообразности, которая требуется в определенный момент времени. Вследствие этого можно говорить о том, что содержание (состав элементов) фактического

состава зависит от усмотрения законодателя. Если в правовой норме правовой результат поставлен в зависимость от определенных фактов (вне зависимости от конкретного его вида), то, вероятно, они и должны составлять содержание фактического состава. Это, полагаем, верным даже в случае, когда в качестве таких обстоятельств предусмотрены факты достижения определенного возраста, обладание полной дееспособностью или др., которые при обычном построении нормативного материала предполагаются (и не требуют специального упоминания в правовой норме).

Решение вопроса о разграничении условий и непосредственно юридических фактов помимо теоретического значения, заключающегося в чистоте научно-правовых конструкций, имеет и чисто практическое значение. Одним из обязательных элементов правоприменения является квалификация фактических обстоятельств, явившихся основанием для возникновения правовых последствий. Вследствие этого правоприменитель должен устанавливать все обстоятельства, с учетом которых спор будет разрешаться по существу. Обстоятельства, с которыми непосредственно связано возникновение, изменение или прекращение спорных прав и обязанностей, составляют предмет доказывания по данному конкретному делу. Как правило, совокупность таких обстоятельств представляет собой элементы фактического состава, которые и подлежат доказыванию по конкретному делу. Именно этим в литературе обосновывается практическое значение разграничения фактов-условий и фактов-оснований [8, с. 13-14; 11, с. 186].

Таким образом, полагаем, что решение данного вопроса (насколько это, вообще, возможно) должно лежать в плоскости удобства для правоприменения, которое, в свою очередь, зависит от законодательных формулировок. Правоприменитель в континентальной системе зависит от воли законодателя, выступающего в роли правотворца. Именно законодатель определяет перечень фактических обстоятельств, с наличием которых он желает связать определенные правовые последствия. При выстраивании законодательных формулировок о некоторых фактических обстоятельствах не упоминается не в силу того, что они не нужны для достижения правового результата, а потому, что они предполагаются с точки зрения логики развития объективных явлений и процессов или построения нормативного материала.

В связи с этим можно предложить использование критерия в виде формы включения обстоятельства в юридико-фактическую систему. Если факт напрямую предусмотрен в определенной правовой норме (или тесно связанной с ней), то он с большой долей вероятности должен рассматриваться как элемент фактического состава. В случае, когда определенное обстоятельство всего лишь предполагается (например, наличие правосубъектности, или наличие права собственности при заключении договора купли-продажи и др.), то его можно рассматривать как юридическое условие, не охватываемое составом.

Мы вполне осознаем, что указанный нами критерий далек от абсолютной определенности, однако он, по нашему мнению, учитывает самое главное – а именно, волю законодателя (правотворца), которая, полагаем, в этом вопросе имеет определяющее значение.

Список литературы

1. Александров, Н. Г. Законность и правоотношения в советском обществе / Н. Г. Александров. – М.: Госюриздат, 1955. – 176 с. – Текст : непосредственный.
2. Бевзенко, Р. С. Очерк 9. Теория юридических фактов // Р.С. Бевзенко, В. А. Белов. // Гражданское право. Актуальные проблемы теории и практики в 2 т. – М.: Издательство Юрайт, 2015. – С. 350–377. – Текст : непосредственный.
3. Белов, В. А. Гражданское право. В 4 т. Т. II. Общая часть. В 2 кн. Книга 2. Факты : учебник для академического бакалавриата и магистратуры / В. А. Белов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2016. – 497 с. – Текст : непосредственный.
4. Гамбаров, Ю. С. Курс гражданского права. Т. 1. Часть общая / Ю. С. Гамбаров. – СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1911. – 780 с. – Текст : непосредственный.
5. Гримм, Д. Д. Основы учения о юридической сделке в современной немецкой доктрине пандектного права: Прологомены к общей теории гражданского права. Т. 1 / Д. Д. Гримм. – СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1900. – 320 с. – Текст : непосредственный.
6. Груздев, В. В. Юридические факты, юридические условия и правовые состояния в механизме правового регулирования / В. В. Груздев – Текст : непосредственный // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. – 2011. – № 5. – С. 82–89.
7. Иоффе, О. С. Правоотношение по советскому гражданскому праву / О. С. Иоффе. – Л.: Из-во Ленинградского ун-та, 1949. – 144 с. – Текст : непосредственный.
8. Исаков, В. Б. Фактический состав в механизме правового регулирования / В. Б. Исаков. – Саратов: Издательство Саратовского государственного университета, 1980. – 128 с. – Текст : непосредственный.
9. Исаков, В. Б. Юридические факты в советском праве / В. Б. Исаков. – М.: Юридическая литература, 1984. – 144 с. – Текст : непосредственный.
10. Мицкевич, А. В. Избранные / А. В. Мицкевич; сост. и авт. предисловия Е. А. Юртаева. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2010. – 304 с. – Текст : непосредственный.
11. Нахова, Е. А. Понятие обстоятельств гражданского дела как основание требований и возражений сторон в процессе доказывания / Е. А. Нахова – Текст : непосредственный // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2012. – № 3 (86). – С. 183–187.
12. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка: ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов ; под ред. проф. Л. И. Скворцова. 28-е изд., перераб. – М.: ООО «Издательство Оникс», 2012. – 1376 с. – Текст : непосредственный.
13. Рожкова, М. А. Теории юридических фактов гражданского и процессуального права: понятия, классификации, основы взаимодействия : автореф. дис. ... д-ра юрид. Наук / М. А. Рожкова. – М., 2010. – 55 с. – Текст : непосредственный.
14. Ханнанов, Р. А. Нормативные условия в динамике гражданского правоотношения / Р. А. Ханнанов. – Текст : непосредственный // Советское государство и право. – 1973. – № 8. – С. 123–127.
15. Чаркин, С. А. Юридические факты как основания возникновения, изменения и прекращения земельных правоотношений / С. А. Чаркин. – Текст : непосредственный // Пробелы в российском законодательстве. – 2011. – № 6. – С. 45–49.

Tsukanova E. Yu. Limits of formation of the actual composition as the basis for the emergence of legal consequences / E. Yu. Tsukanova // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean federal university. Juridical science. – 2020. – Т. 6 (72). № 3. – P. 112-120.

This article analyzes the problem of determining the boundaries of the actual composition as a system of legal facts, which together are the basis for the emergence, amendment or termination of legal relations. The relevance of this issue for the current level of legal theory is indicated. Further, based on a study of the approaches of various scholars to solving this issue, the criteria for distinguishing between legal facts and legal conditions are identified. The author's opinion on the prospects for solving this problem is also expressed and argued.

Keywords: legal fact, legal conditions, legal prerequisites, actual composition, the basis for legal relations.

Spisok literaturey

1. Alexandrov N. G. Legality and legal relations in the Soviet society / N. G. Aleksandrov. – М.: Gosyurizdat, 1955. – 176 p.

2. Bevzenko R. S. Essay 9. The theory of legal facts // R. Bevzenko, V. A. Belov. Civil law. Actual problems of theory and practice in 2 volumes / V. A. Belov; under total. ed. V. A. Belova. – M.: Yurayt Publishing House, 2015. – Pp. 350–377.
3. Belov V. A. Civil law. In 4 volumes. Vol. II. A common part. In 2 books. Book 2. Facts : textbook for academic undergraduate and graduate programs / V. A. Belov. – 2nd ed., Rev. and add. – M.: Yurayt Publishing House, 2016. – 497 p.
4. Gambarov Yu. S. Course of civil law. T. 1. General part / Yu. S. Gambarov. – SPb.: Type. M. M. Stasyulevich, 1911. – 780 p.
5. Grimm D. D. Fundamentals of the doctrine of a legal transaction in the modern German doctrine of pandect law: Prolegomena to the general theory of civil law. T. 1 / D. D. Grimm. – SPb.: Type. M. M. Stasya-levich, 1900. – 320 p.
6. Gruzdev V. V. Legal facts, legal conditions and legal conditions in the mechanism of legal regulation / V. V. Gruzdev // Bulletin of the Academy of Economic Security of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2011. – No. 5. – Pp. 82–89.
7. Ioffe O. S. Legal relationship in the Soviet civil law / O. S. Ioffe. – L.: Iz-in Leningrad University, 1949. – 144 p.
8. Isakov V. B. The actual composition in the mechanism of legal regulation / V. B. Isakov. – Saratov: Publishing house of the Saratov State University, 1980. – 128 p.
9. Isakov V. B. Legal facts in Soviet law / V. B. Isakov. – M.: Legal literature, 1984. – 144 p.
10. Mitskevich A. V. Selected / Compiled. and ed. foreword by E. A. Yurtaeva. – M.: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, 2010. – 304 p.
11. Nakhova E. A. The concept of the circumstances of a civil case as the basis for the requirements and objections of the parties in the process of proving / E. A. Nakhova // Bulletin of the Saratov State Legal Academy. – 2012. – No. 3 (86). – Pp. 183–187.
12. Ozhegov S. I. Explanatory Dictionary of the Russian Language: Ok. 100 000 words, terms and phraseological expressions / Ed. prof. L. I. Skvortsova. 28th ed., Rev. – M.: Onyx Publishing House, 2012. – 1376 p.
13. Rozhkova M. A. Theories of legal facts of civil and procedural law: concepts, classifications, bases of interaction : author. dis. ... Dr. jurid. Sciences / M. A. Rozhkova. – M., 2010. – 55 p.
14. Hannanov R. A. Regulatory conditions in the dynamics of civil legal relations / R. A. Hannanov // Soviet state and law. – 1973. – No. 8. – Pp. 123–127.
15. Charkin S. A. Legal facts as grounds for the emergence, change and termination of land legal relations / S. A. Charkin // Gaps in Russian legislation. – 2011. – No. 6. – Pp. 45–49.

УДК 347.9

DOI: 10.37279/2413-1733-2020-6-3-121-125

ПРЕДМЕТ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Юдин И. В.

ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»

Предмет судебной экспертизы — одно из базовых понятий в экспертной деятельности, имеющее как научное, так и практическое значение. В настоящее время существует несколько различных точек зрения относительно понятия «предмет судебной экспертизы», что свидетельствует о необходимости более глубокого изучения данного вопроса.

Ключевые слова: предмет судебной экспертизы, экспертное исследование, цель и задачи экспертизы, факты и обстоятельства дела.

С общенаучной точки зрения, судебную экспертизу можно рассматривать как научную отрасль познания, поскольку проведение экспертного исследования предполагает изучение закономерностей формирования и изменений свойств объектов экспертного исследования в связи с исследуемыми обстоятельствами. Очевидно, что при рассмотрении судебной экспертизы с этой точки зрения, определение понятия «предмет судебной экспертизы» имеет ключевое значение, поскольку оно фактически совпадает с определением понятия предмета научной отрасли познания. Практический аспект заключается в правильном определении предмета конкретной экспертизы, назначаемой по определенному делу. Несмотря на активное использование в современной правоприменительной практике такого средства доказывания, как заключение о результатах судебной экспертизы, многие аспекты судебной экспертизы на сегодняшний день не исследованы или исследованы недостаточно полно. К числу таких неполно изученных аспектов относится и определение понятия «предмет судебной экспертизы».

Длительное время в правоприменительной практике такое доказательство как заключение судебного эксперта преимущественно использовалось при рассмотрении уголовных дел. Так, в Словаре основных терминов судебных экспертиз под редакцией Ю.Г. Корухова предмет судебной экспертизы определяется как «фактические данные (факты и обстоятельства), устанавливаемые на основе специальных научных познаний и исследования материалов уголовного дела» [1].

На сегодняшний день заключение судебного эксперта активно используется как доказательство и в гражданском судопроизводстве, поэтому рассмотрим понятие «предмет судебной экспертизы» в более широком смысле.

Важно отметить, что в данном вопросе мы сталкиваемся с двумя подходами. С одной стороны, существует общенаучный подход, который определяет предмет судебной экспертизы как научной отрасли познания, где предмет судебной

экспертизы – это общие закономерности формирования свойств объектов экспертного исследования и их изменения в связи с исследуемыми обстоятельствами. В ситуации с рассмотрением предмета судебной экспертизы в гражданском судопроизводстве – с исследуемыми обстоятельствами в рамках гражданского дела. Предполагается, что конкретное экспертное исследование не имеет четко определенного предмета в научном понимании этого термина, поскольку конкретное экспертное исследование является единичным, а научный процесс требует системного изучения закономерностей каких-либо процессов или явлений. Вместе с тем, уже давно и активно ведется работа по упорядочиванию и систематизации самого процесса экспертного исследования, что требует обязательного наличия системного научного подхода. Поэтому элементами общенаучного подхода к определению предмета судебной экспертизы можно считать методические наработки, связанные с проведением экспертных исследований, так называемые методики проведения экспертиз. Рассматривая общенаучный подход к исследованию понятия «предмет судебной экспертизы», необходимо учитывать точку зрения В.Д. Арсеньева, который отмечает, что «предметом судебной экспертизы являются стороны, свойства и отношения объекта (основного и вспомогательного), которые исследуются и познаются средствами (методами и методиками) данной отрасли экспертизы в целях решения вопросов, имеющих значение для дела и входящих в сферу соответствующих отраслей знания» [2]. Эту позицию разделяет О.В. Чельшева, акцентируя внимание на связанности, но не равнозначности таких понятий, как предмет и задачи судебной экспертизы [3]. К общенаучному подходу возможно отнести позицию А.Р. Шляхова, утверждающего, что предметом судебной экспертизы являются факты и обстоятельства дела, исследуемые экспертом [4].

Второй подход к исследованию понятия предмета судебной экспертизы является практическим. С этой точки зрения понятие предмета судебной экспертизы совпадает с целью экспертного исследования и включает в себя установление фактических данных, необходимых для рассмотрения дела путем исследования объектов конкретной судебной экспертизы. Такой подход очень часто приводит к отождествлению понятия «предмет судебной экспертизы» с целью или задачами судебной экспертизы. В частности, выделяя определение предмета судебной экспертизы, данное В.Д. Арсеньевым, как общепринятое философское, Т.В. Аверьянова рассматривает три варианта понятия «предмет судебной экспертизы»: родовое понятие для всех экспертиз, как определение предмета непосредственно экспертной деятельности; видовое понятие для конкретного вида экспертизы; определение предмета конкретной судебной экспертизы. При этом все три варианта являются принципиально одинаковыми, различаясь только по степени конкретизации. В целом, предметом судебной экспертизы Т.В. Аверьянова считает «... установление фактов (фактических данных), суждений о факте, имеющих значение для уголовного, гражданского, арбитражного дела либо дел об административных правонарушениях, путем исследования объектов экспертизы, являющихся материальными носителями информации о происшедшем событии» [5]. Свое мнение Т.В. Аверьянова аргументирует тем, что предметом судебной экспертизы выступает не конкретный факт или явление, а установление этого факта

или явления. В результате Т.В. Аверьянова приходит к выводу, что предмет судебной экспертизы совпадает с целью судебной экспертизы.

К практическому подходу в исследовании понятия «предмет судебной экспертизы» можно отнести точку зрения по этому вопросу Ю.К. Орлова, который отмечает, что под предметом судебной экспертизы следует понимать факты или обстоятельства, которые устанавливаются посредством экспертизы. При этом под обстоятельствами подразумеваются и фактические данные. Свою позицию автор аргументирует ее соответствием смыслу закона и хорошим согласованием понятия «предмет судебной экспертизы» с понятием «предмет доказывания», соотносящимся между собой как часть с целым. При этом, Ю.К. Орлов разделяет такие понятия, как предмет конкретной экспертизы и родовой или видовой предмет. Под предметом конкретной экспертизы он понимает вопросы, разрешаемые в конкретном исследовании, а родовой или видовой предмет судебной экспертизы заключается, по его мнению, в определении компетенции судебного эксперта по данной экспертной специальности и возможностей судебной экспертизы определенного вида [6].

Более детально понятие «предмет судебной экспертизы» рассматривает Ю.Г. Корухов, который отмечает: «Обозначая понятие «предмет судебной экспертизы», законодатель имел в виду то, что в науке о судебной экспертизе именуется «предметом рода экспертизы». Все судебные экспертизы делятся на классы, классы – на роды экспертиз. Предмет рода экспертизы призван дать о ней полное, исчерпывающее представление и способствовать ее отличию от любого другого рода судебной экспертизы. Предмет рода экспертизы – это тот объем сведений, который определяет компетенцию судебного эксперта в области производства экспертизы данного рода» [7]. Развивая мысль об определении предмета судебной экспертизы, Ю.Г. Корухов отсылает нас к общефилософскому термину «предмет познания», включающему в себя «... зафиксированные в опыте и включенные в процесс практической деятельности человека стороны, свойства и отношения объекта, исследуемые с определенной целью в данных условиях и обстоятельствах» [8]. В этом смысле предмет судебной экспертизы включает в себя предмет познания трех составляющих: объектов, целей исследования и условий исследования. Суммируя изложенное, Ю.Г. Корухов указывает: «Таким образом, понятие «предмет рода экспертизы» («предмет экспертизы») включает сведения об объектах (их свойствах), об экспертных задачах (конкретизируемых в вопросах эксперту) и об экспертных методиках (методах), применяемых для исследования свойств объектов. Особо следует подчеркнуть, что только такое триединое основание способно дать правильное представление о предмете экспертизы» [9].

Анализируя различные точки зрения относительно понятия «предмет судебной экспертизы», не сложно выделить основные моменты, присутствующие во всех позициях. Практически все исследователи едины во мнении, что предмет судебной экспертизы может дифференцироваться по степени конкретизации: родовой, видовой и предмет конкретной экспертизы. При этом разная степень конкретизации принципиально на суть понятия «предмет судебной экспертизы» не влияет. Основные противоречия в позициях заключаются в вопросах отождествления предмета судебной экспертизы с целью или задачами судебной экспертизы, а также

в разделении таких понятий, как факты и обстоятельства и установление фактов и обстоятельств. отождествление предмета судебной экспертизы с целью или задачами судебной экспертизы представляется неверным. Предмет судебной экспертизы – более широкое понятие, включающее в себя не только цели и задачи, но и определенный процесс познания, а именно, деятельность по разрешению этих задач для достижения цели – использование специальных познаний для установления фактов и обстоятельств. Исследовательская деятельность эксперта, направленная на установление фактов или обстоятельств, должна проходить в соответствии с методиками проведения соответствующих экспертиз. Вместе с тем, при разрешении однотипных экспертных задач могут применяться разные экспертные методики, поэтому нет необходимости связывать экспертные методики или методы с определением понятия «предмет судебной экспертизы».

Следует отметить, что для правильного рассмотрения и разрешения гражданского дела при проведении судебной экспертизы важно не осмотреть и описать конкретный объект, а исследовать изменения, которые с ним произошли под влиянием определенных обстоятельств. Именно для установления фактов или обстоятельств, связанных с изменениями свойств объекта, и назначается судебная экспертиза. Поэтому понятие «предмет судебной экспертизы» в гражданском судопроизводстве можно определить как исследование формирования или изменения свойств объектов судебной экспертизы для разрешения поставленных перед экспертом задач по установлению фактов или обстоятельств, имеющих значение для правильного рассмотрения и разрешения гражданского дела.

Список литературы

1. Корухов, Ю. Г. Словарь основных терминов судебных экспертиз / Ред.-сост. Ю. Г. Корухов. – Москва: СУДЭК, 2009. – С. 60. – Текст : непосредственный.
2. Арсеньев, В. Д. Соотношение понятий предмета и объекта судебной экспертизы / В. Д. Арсеньев. – М., 1970. – С. 9. – Текст : непосредственный.
3. Чельшева, О. В. Назначение и производство судебных экспертиз : учебное пособие / О. В. Чельшева. – СПб.: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2010. – С. 10. – Текст : непосредственный.
4. Шляхов, А. Р. Судебная экспертиза. Организация и проведение / А. Р. Шляхов. – М., 1979. – С. 8. – Текст : непосредственный.
5. Аверьянова Т. В. Судебная экспертиза. Курс общей теории / Т. В. Аверьянова. – М.: Норма, 2009. – С. 77. – Текст : непосредственный.
6. Орлов, Ю. К. Заключение эксперта и его оценка (по уголовным делам) : учеб. пособие / Ю. К. Орлов. – М.: Юрист, 1995. – С. 9. – Текст : непосредственный.
7. Корухов, Ю. Г. Понятие «предмет экспертизы» и его практическое значение / Ю. Г. Корухов. – Текст : непосредственный. // Эксперт-криминалист. – 2013. – № 1. – С. 16–17.
8. Корухов, Ю. Г. Понятие «предмет экспертизы» и его практическое значение / Ю. Г. Корухов. – Текст : непосредственный. // Эксперт-криминалист. – 2013. – № 1. – С. 16–17.
9. Корухов, Ю. Г. Понятие «предмет экспертизы» и его практическое значение / Ю. Г. Корухов. – Текст : непосредственный. // Эксперт-криминалист. – 2013. – № 1. – С. 16–17.

Yudin I. V. Subject of judicial expertise in civil proceedings / I. V. Yudin // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean federal university. Juridical science. – 2020. – Т. 6 (72). № 3. – P. 121-126.

The subject of judicial expertise is one of the basic concepts in expert activity, which has both scientific and practical significance. Currently, there are several different points of view regarding the concept of “subject of judicial expertise”, which indicates the need for a more in-depth study of this issue.

Key words: subject of judicial expertise, expert study, purpose and objectives of the expertise, facts and circumstances of the case.

Spisok literature

1. Korukhov, Yu. G. Dictionary of the main terms of forensic examinations / Ed.-comp. Yu. G. Korukhov. – Moscow: SUDEKS, 2009. – P. 60. – Text: direct.
2. Arseniev, VD Correlation of the concepts of the subject and the object of forensic examination / VD Arseniev. – M., 1970. – S. 9. – Text: direct.
3. Chelysheva, OV Appointment and production of forensic examinations: a tutorial / OV Chelysheva. – St. Petersburg: St. Petersburg Law Institute (branch) of the Academy of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation. – 2010. – S. 10. – Text: direct.
4. Shlyakhov, AR Forensic examination. Organization and carrying out / A. R. Shlyakhov. – M., 1979. – S. 8. – Text: direct.
5. Averyanova T. V. Forensic examination. General theory course / T.V. Averyanova. – M.: Norma, 2009. – P. 77. – Text: direct.
6. Orlov, Yu. K. Conclusion of an expert and his assessment (in criminal cases): textbook. allowance / Yu. K. Orlov. – M.: Jurist, 1995. – S. 9. – Text: direct.
7. Korukhov, Yu. G. The concept of "subject of examination" and its practical significance / Yu. G. Korukhov. – Text: direct. // Expert criminalist. – 2013. – No. 1. – P. 16-17.
8. Korukhov, Yu. G. The concept of "subject of examination" and its practical significance / Yu. G. Korukhov. – Text: direct. // Expert criminalist. – 2013. – No. 1. – P. 16-17.
9. Korukhov, Yu. G. The concept of "subject of examination" and its practical significance / Yu. G. Korukhov. – Text: direct. // Expert criminalist. – 2013. – No. 1. – P. 16-17.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ; УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

УДК 343.2

DOI: 10.37279/2413-1733-2020-6-3-126-131

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА УКРЫВАТЕЛЬСТВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Кашкаров А. А., Поштарук Д. А.

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

В статье рассмотрены вопросы, связанные с применением уголовно-правовых норм, устанавливающих уголовную ответственность за преступную деятельность, связанную с укрывательством преступлений, проанализирована специфика стечения нескольких лиц в совершении уголовно наказуемого укрывательства преступления. В публикации раскрыты аспекты, которые дают возможность отграничивать укрывательство преступления от соучастия в преступлении и иных форм прикосновенности к преступлению, а именно попустительства в преступлении и недонесения о преступлении. Исследование укрывательства преступления осуществлено на основе анализа объективных и субъективных признаков, которые присущи данной уголовно-правовой форме. На основании изучения действующей редакции Уголовного кодекса Российской Федерации в публикации авторы приходят к выводу о том, что к укрывательству преступлений следует относить следующие составы преступлений, предусмотренные ст. 174 УК РФ; ст. 174.1 УК РФ; ст. 175 УК РФ; ст. 316 УК РФ; ст. 299 УК РФ; ст. 300 УК РФ; ч. 2-4 ст. 303 УК РФ; ст. 305 УК РФ; ст. 307 УК РФ; ст. 308 УК РФ. Выводы, сделанные в публикации подкреплены доктринальными положениями.

Ключевые слова: преступление, прикосновенность к преступлению, укрывательство преступления, стечение нескольких лиц в совершении преступления, недонесение о преступлении, попустительство в преступлении.

Укрывательство преступления как форма прикосновенности к преступлению является наиболее часто встречающейся в ныне действующем Уголовном кодексе Российской Федерации (далее – УК РФ). К укрывательству преступления законодателем отнесены составы преступлений, предусмотренные ст. 174 УК РФ (Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретённых другими лицами преступным путём); ст. 175 УК РФ (Приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путём); ст. 316 УК РФ (Укрывательство преступлений), а также как нам представляется, что и ещё один состав преступления, который условно можно назвать как самоукрывательство, а именно преступление, предусмотренное ст. 174.1 УК РФ (Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретённых лицом в результате совершения им преступления). Кроме того, специальной разновидностью укрывательства преступлений следует признавать ряд преступлений против правосудия, а именно преступления, предусмотренные ст. 299 УК РФ (Привлечение заведомо невиновного к уголовной

ответственности или незаконное возбуждение уголовного дела); ст. 300 УК РФ (Незаконное освобождение от уголовной ответственности); ч. 2-4 ст. 303 УК РФ (Фальсификация доказательств и результатов оперативно-разыскной деятельности); ст. 305 УК РФ (Вынесение заведомо неправосудных приговора, решения или иного судебного акта); ст. 307 УК РФ (Заведомо ложные показания, заключение эксперта, специалиста или неправильный перевод); ст. 308 УК РФ (Отказ свидетеля или потерпевшего от дачи показаний). Каждый из перечисленных составов преступлений имеет как общие, так свои характерные признаки, вместе с тем отметим, что преступное укрывательство преступлений, совершаемое в сфере правосудия, может быть как заранее обещанным – то есть разновидностью специального соучастного преступного поведения, так и не быть таковым.

Все ныне действующие в УК РФ составы укрывательства преступления являются формальными составами преступления, то есть считаются оконченными с момента совершения общественно опасных деяний.

Раскрывая объективную сторону укрывательства преступления, следует исходить из того, что в отличие от попустительства в преступлении и недонесении о преступлении, укрывательство преступления характеризуется исключительно активными действиями (активным поведением укрывателя), а именно скрыванием преступника, средств или орудий совершения основного преступления, следов основного (предшествующего) преступления либо предметов, добытых преступным путём, а равно заранее не обещанное приобретение или сбыт предметов основного преступления. Исключением является укрывательство особо тяжкого преступления (ст. 316 УК РФ), которое может характеризоваться заранее не обещанным недонесением укрываемого преступления, в данном случае укрывательство особо тяжкого преступления поглощает недонесительство о преступлении. По этой причине представляется правильной позиция, согласно которой несообщение о совершении преступления, предусмотренного ст. 205 УК РФ, предусматривает самостоятельную уголовную ответственность по ст. 205.6 УК РФ, однако виновное лицо было задержано в процессе укрывательства основного преступления о дополнительной ответственности по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 205.6 и 316 УК РФ, оно не несёт, и уголовная ответственность такого лица наступает лишь за укрывательство преступления по ст. 316 УК РФ [1, с. 431].

Изучение каждого из существующих в ныне действующем УК РФ укрывательств даёт возможность в общих чертах определить с каким из основных преступлений коррелирует уголовно наказуемое укрывательство. Преступное укрывательство, предусмотренное ст. 175 УК РФ, находится во взаимосвязи с имущественными преступлениями, реже с хищениями или вымогательством ядерных материалов или радиоактивных веществ, огнестрельного оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств, наркотических средств или психотропных веществ, а также растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества. Преступное укрывательство, предусмотренное ст. 174 УК РФ и ст. 174.1 УК РФ коррелирует с преступной деятельностью, которая сопряжена с извлечением выгоды (наркобизнес, проституция, торговля людьми, органами,

оружием, хищение бюджетных средств и взяточничество, уклонение от уплаты налогов). Преступное укрывательство, предусмотренное ст. 316 УК РФ определяет, что оно взаимосвязано исключительно с особо тяжкими преступлениями, понятие которых, как известно раскрыты в ч. 5 ст. 15 УК РФ. Исключение составляют укрывательства преступлений против правосудия, поскольку такого рода преступные укрывательства могут быть связаны с любым преступлением.

Бесспорным является то обстоятельство, что укрывательство преступления, как форма прикосновенности к преступлению исключает пособничество в преступлении и наоборот, однако в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 7 июля 2015 года № 32 «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретённых преступным путём, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путём» (далее – Постановление), а именно в п. 17 отмечается, что «приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путём, могут быть признаны соучастием в преступлении (например, в краже), если эти действия были обещаны исполнителю такого преступления до или во время его совершения либо по другим причинам (например, в силу систематического их совершения) давали основание исполнителю преступления рассчитывать на подобное содействие» [2]. Изложенный пункт 17 Постановления является, по меньшей мере, безосновательным в части того, что приобретение или сбыт имущества может быть признано соучастием в преступлении в силу систематического их совершения, что как указано в Постановлении давало основание исполнителю преступления рассчитывать на подобное содействие. Представляется, что позиция, раскрытая в Постановлении, противоречит логике закона об уголовной ответственности, а именно ч. 5 ст. 33 УК РФ, так как пособник в преступлении должен дать заранее обещание приобрести или сбыть предметы, полученные преступным путём, до начала выполнения или непосредственно в момент выполнения объективной стороны основного преступления. Кроме того, противоречия также кроются и в части того, что приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путём, не обещанное до начала выполнения либо в процессе выполнения объективной стороны, например, кражи, не образует ту необходимую причинно-следственную и соответственно виновную связь между действиями исполнителя и укрывателя. Предположения исполнителя, как указано в Постановлении «давали основание исполнителю преступления рассчитывать на подобное содействие» не образуют единства умысла всех сопричастных лиц, не усиливают решимость исполнителя совершить преступление, действия исполнителя преступления находятся вне пределов осознания и желания укрывателя, то есть отсутствуют объективные и субъективные признаки соучастия в преступлении.

Вместе с тем, следует согласиться с высказанным Ю.Е. Пудовочкиным мнением о том, что лицо может быть осуждено за укрывательство и за пособничество одновременно только в случае реальной совокупности преступлений, когда это лицо оказывает помощь в совершении одного преступления и укрывает иное преступление [3, с. 119]. Также отметим, что заранее не обещанное укрывательство преступления, если оно было совершено должностным лицом с использованием своего служебного

положения, следует квалифицировать по совокупности с преступлениями, предусмотренными ст. 202 УК РФ, ст. 285 УК РФ или ст. 286 УК РФ.

Хрестоматийным является правило, согласно которому лицо, совершившее преступление, не подлежит уголовной ответственности за недонесение о нем или его укрывательстве, так как недонесение о преступлении и укрывательство преступления является частью предкриминального и посткриминального поведения лица, совершившего преступление, уголовное законодательство не возлагает на лицо, совершившее преступление, обязанность сообщать о его совершении в органы государственной власти, также сокрытие следов, орудий и предметов не является уголовно наказуемым деянием для исполнителя преступления и его соучастников. Указанное правило было разъяснено в п. 5 Постановления Пленума Верховного Суда СССР от 31 июля 1962 г. № 11 «О судебной практике по делам о заранее не обещанном укрывательстве преступлений, приобретении и сбыте заведомо похищенного имущества» [4]. Однако, в нем существует исключение, им является преступление, предусмотренное ст. 174.1 УК РФ. При совершении действий, указанных в диспозиции ст. 174.1 УК РФ, лицо, их совершающее, скрывает предметы, добытые преступным путём в результате основной преступной деятельности. Действия, предусмотренные диспозицией ст. 174.1 УК РФ, не находятся в причинно-следственной связи с основным преступлением, эти действия совершаются с целью придания правомерного вида владению, пользованию и распоряжению предметам, полученным в результате основной преступной деятельности.

Исходя из того, что укрывательство преступления относится теорией уголовного права к так называемым предикатным преступлениям [5, с. 80-83] можно сделать вывод о том, что укрывательство возможно только лишь после совершения основного (главного) преступления, однако, как указывается в литературе, укрывательство преступлений может иметь место до момента окончания совершения основного преступления, например, на стадии оконченного покушения, когда основной виновник выполнил весь объем действий, необходимых для наступления общественно опасных последствий, но последнее по независящим от него обстоятельствам не наступило [1, 424], кроме этого в некоторых случаях укрывательство преступления может сопутствовать по времени совершению основного преступления, протекая параллельно с ним, либо даже предшествовать ему, но без содействия виновнику основного преступления в причинении общественно опасного последствия, например, укрывательство основного преступления на стадии его приготовления или покушения, когда укрыватель не ставит об этом в известность субъекта основного преступления, действуя при этом инкогнито [7, с. 37].

Субъективная сторона преступного укрывательства характеризуется рядом моментов, первый из них, это заранее не обещанное укрывательство, о чем мы ранее указывали. Второй – осведомлённость укрывателя (интеллектуальный момент преступного укрывательства) о факте совершения преступления иным лицом, об источнике происхождения получаемых, приобретаемых или сбываемых предметов, именно он наиболее полно иллюстрирует уголовно-правовой принцип, известный со

времен римского права «незнание факта является оправданием». И третий, волевой момент преступного умысла укрывателя, характеризуется желанием совершить действия, связанные с укрывательством преступления.

Устанавливая субъекта преступного укрывательства, следует исходить из того, что в некоторых составах укрывательства преступлений имеются примечания, согласно которым лицо может не подлежать уголовной ответственности, если оно укрывает преступление, совершенное своим супругом или своим близким родственником (ст. 308 УК РФ, ст. 316 УК РФ).

Делая вывод о вышесказанном, отметим, что укрывательство преступления является достаточно сложным уголовно-правовым субинститутом, который нуждается в более детальном изучении и разработке, так как он является смежным не только для института соучастия, но и некоторые из положений укрывательства преступления затрагивают субинституты прикосновенности к преступлению, а именно недонесения о преступлении и попустительства в преступлении.

Список литературы

1. Пудовочкин, Ю. Е. Соучастие в преступлении: проблемы квалификации и назначения наказания / Под ред. Ю. Е. Пудовочкина : монография. – М.: РГУП, 2019. – 508 с. – Текст : непосредственный.
2. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 7 июля 2015 года № 32 «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретённых преступным путём, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путём». – Текст: электронный // СПС Гарант : [сайт]. – URL: <http://www.supcourt.ru/documents/own/8442/> (дата обращения: 25.04.2020).
3. Пудовочкин Ю. Е. Квалификация соучастия в преступлении. Судебная практика : научно-практическое пособие / Ю. Е. Пудовочкин. – М.: Российский государственный университет правосудия, 2017. – 119 с. – Текст : непосредственный.
4. Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 31 июля 1962 г. № 11 «О судебной практике по делам о заранее не обещанном укрывательстве преступлений, приобретении и сбыте заведомо похищенного имущества. – Текст: электронный // СПС Гарант : [сайт]. – URL: <https://internet.garant.ru/#%2Fdocument%2F1305977%2Fparagraph%2F18%2Fhighlight%2FПленума%20Верховного%20Суда%20СССР%20от%2031%20июля%201962%20года%20N%2011%3A2> (дата обращения: 20.04.2020 г.).
5. Кашкаров, А. А. Отграничение предикатных составов преступлений от иных уголовно-правовых институтов / А. А. Кашкаров. – Текст : непосредственный. // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2019. – № 6. – С. 80–83.
6. Шарапов, Р. Д. Совместная преступная деятельность без признаков соучастия: прикосновенность к преступлению, участие в преступлении при отсутствии совместного умысла / Р. Д. Шарапов. – Текст : непосредственный. // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2015. – № 4 (34). – С. 36–41.

Kashkarov A. A., Poshtaruk D. A. Criminally-legal characteristic concealment of crimes / A.A. Kashkarov, D.A. Poshtaruk // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean federal university. Juridical science. – 2020. – Т. 6 (72). № 3. – P. 126-131.

The article examines the issues related to the application of criminal law, establishing criminal liability for criminal activity related to the concealment of crimes, analyzes the specificity of the confluence of several persons in the commission of a criminal concealment of a crime. The publication reveals aspects that make it possible to distinguish concealment of a crime from complicity in a crime and other forms related to a crime, namely, connivance in a crime and failure to report a crime. The study of concealment of a crime was carried out on the basis of the analysis of objective and subjective signs that are inherent in this criminal-legal form. Based on the study of the current edition of the Criminal Code of the Russian Federation in the publication, the authors come to the conclusion that the following elements of crimes, provided for in Art. 174 of the Criminal

Code of the Russian Federation; Art. 174.1 of the Criminal Code of the Russian Federation; Art. 175 of the Criminal Code of the Russian Federation; Art. 316 of the Criminal Code of the Russian Federation; Art. 299 of the Criminal Code of the Russian Federation; Art. 300 of the Criminal Code of the Russian Federation; h. 2-4 art. 303 of the Criminal Code of the Russian Federation; Art. 305 of the Criminal Code of the Russian Federation; Art. 307 of the Criminal Code of the Russian Federation; Art. 308 of the Criminal Code of the Russian Federation. The conclusions drawn in the publication are supported by doctrinal provisions.

Key words: crime, involvement in a crime, concealment of a crime, a confluence of several persons in the commission of a crime, failure to report a crime, connivance in a crime.

Spisok literaturey

1. Pudovochkin Yu. E. Complicity in a crime: problems of qualification and sentencing / Ed. Yu. E. Pudovochkin : monograph. – M.: RGUP, 2019. – 508 p.
2. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of July 7, 2015 No. 32 "On judicial practice in cases of legalization (laundering) of funds or other property acquired by criminal means, and on the acquisition or sale of property knowingly obtained by criminal means". – URL: <http://www.supcourt.ru/documents/own/8442/> (date of access: 25.04.2020). – Text: electronic.
3. Pudovochkin Yu. E. Qualification of complicity in a crime. Judicial practice : scientific and practical manual / Yu. E. Pudovochkin. – M.: Russian State University of Justice, 2017. – 119 p.
4. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the USSR of July 31, 1962 No. 11 "On judicial practice in cases of concealment of crimes not promised in advance, acquisition and sale of knowingly stolen property". – URL: <https://internet.garant.ru/#%2Fdocument%2F1305977%2Fparagraph%2F18%2Fhighlight%2F> of the Plenum%20 of the Supreme Court%20USSR%20from July access: 04/20/2020). – Text: electronic.
5. Kashkarov A. A. Delimitation of predicate offenses from other criminal legal institutions / A. A. Kashkarov // Humanities, socio-economic and social sciences. – 2019. – No. 6. – Pp. 80–83.
6. Sharapov R. D. Joint criminal activity without signs of complicity: involvement in a crime, participation in a crime in the absence of joint intent / R. D. Sharapov // Legal Science and Law Enforcement Practice. – 2015. – No. 4 (34). – Pp. 36–41.

УДК:340.113

DOI: 10.37279/2413-1733-2020-6-3-132-141

ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВОЙ ПОДХОД К УСТАНОВЛЕНИЮ РОДОВОГО ПРИЗНАКА СОБИРАТЕЛЬНОГО ПОНЯТИЯ КОРРУПЦИИ

Лакиза А. А.

Юрисконсульт ИП

Статья посвящена теме формулировки понятия коррупции, необходимого для разработки нормативно правового противодействия ей, как отдельному, самостоятельно существующему социальному явлению. Проблема статьи заключается в отсутствии представления о родовом признаке собирательного понятия коррупции и неопределенностью толкования необходимого для его установления философско-правового подхода. Цель статьи – выделение, уточнение и прояснение содержания философского понятия, конкретизация которого позволит установить родовой признак собирательного понятия коррупции. Результатом проведенного изучения стал вывод о том, что родовым признаком собирательного понятия коррупции является стимул активности субъекта, который при правовой квалификации правонарушений указывает как их мотив. Значение проведенного исследования состоит в том, что оно: демонстрирует эвристическую значимость философско-правового подхода для решения проблем права; побуждает к пересмотру содержания основных вопросов о коррупции; изменяет представление о главном направлении нормативно правового противодействия коррупции.

Ключевые слова: коррупция, родовой признак понятия, деяние, отношение, свойство, стимул активности, корысть, философско-правовой подход, системный подход, деятельностный подход, толкование, собирательные понятия, разделительные понятия.

Предпосылкой постановки проблемы философско-правового подхода к установлению родового признака собирательного понятия коррупции служит следующая ситуация.

Коррупция относится к числу самых опасных явлений современного общества – она несёт угрозу всем защищаемым законом общественным отношениям, интересам, ценностям и благам, указанным в 2-й статье УК РФ [2]: человеку, его правам и свободам, собственности, общественному порядку и общественной безопасности, окружающей среде, конституционному строю Российской Федерации миру и безопасности человечества. Одним из наиболее действенных средств противодействия таким явлениям служит нормативно правовое противодействие. Его теоретической основой служит понятие того общественно опасного явления, на которое оно направлено. В логике понятия делятся на множество видов. Для понимания возможных направлений противодействия коррупции особое значение имеет деление понятий на собирательные и разделительные.

Собирательным называют понятие, объем которого образуют элементы, имеющие общие родовые признаки, характеризующие, как эти элементы в отдельности, так и образуемую ими совокупность в целом.

Разделительным называют понятие, объем которого образуют элементы, имеющие, зачастую, различные родовые и, всегда, различные видовые признаки, а

признаки содержания понятия, характеризуют только образуемую этими элементами совокупность.

Деление понятий на собирательные и разделительные относительно – многие из них, в различных контекстах, могут употребляться в обоих значениях. Так, например, понятие коррупции используется для характеристики и совокупности, с изменяющимся объемом, деяний, подлежащих ответственности в соответствии с большинством отраслей права, и отдельного общественно опасного социального явления.

В соответствии с двойственностью значения, в котором используется понятие коррупции, возможно два основных направления правового противодействия ей. Одно из них состоит в выявлении, правовой квалификации и правовом реагировании на деяния, признаваемые коррупционными. Другое – в противодействии коррупции, как целостному, неделимому, самостоятельно существующему социальному явлению.

До настоящего времени, как в теории, так и в практике противодействия коррупции, основное внимание уделялось реализации первого направления. Об этом свидетельствуют международные правовые акты и Закон РФ.

Из международных актов в качестве примера можно привести Конвенцию Совета Европы № 173 «Об уголовной ответственности за коррупцию» (Страсбург, 27 января 1999 г.). В ней утверждена согласованная квалификация правонарушений в форме коррупции как уголовно наказуемых деяний. Таких деяний, в Конвенции перечислено 14 [1]. (Возникает вопрос, почему не больше или не меньше...).

Закон РФ «О противодействии коррупции» от 25.12.2008 N 273-ФЗ таких деяний указал 5, причем их список оставил открытым и дал более развернутое определение видовых признаков коррупции, предложив следующее её определение:

«1) коррупция:

а) злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами;

б) совершение деяний, указанных в подпункте "а" настоящего пункта, от имени или в интересах юридического лица;» [3. с. 1].

Найти примеры правовых актов, в которых коррупция трактовалась как целостное, неделимое социальное явление, не удалось.

Причина отсутствия правовых актов, в которых было бы легализовано собирательное понятие коррупции, состоит, как нам думается, в отсутствии представления о её родовом признаке, включающем в объём этого понятия все проявления коррупции.

Поскольку правовые частно-научные методы не позволяют решить эту проблему, то возникает необходимость обращения к философско-правовому подходу.

Соответствие философско-правового подхода задаче установления родового признака собирательного понятия коррупции состоит в следующем.

Предметом философии, как особого направления постижения мира, являются всеобщие характеристики мира, признаки которых образуют содержание философских понятий – категорий. Родовые признаки всех частно-научных понятий

служат конкретизацией всеобщих характеристик мира. Поэтому один из способов установления родового признака частно-научного понятия состоит в конкретизации определенной философской категории. Поскольку коррупция является понятием права, то конкретизация философской категории для установления её родового признака является применением философско-правового подхода.

Применение философско-правового подхода само по себе имеет проблемный характер, вследствие часто встречающейся многозначности и неопределённости содержания философских категорий принципов. Поэтому оно имеет два аспекта. Один из них состоит в уточнении либо прояснении содержания философских категорий, второй – в их конкретизации. В связи с этим философско-правовой подход можно определить, как такой способ решения проблем права, который состоит в использовании, прояснении, уточнении, конкретизации содержания философских понятий.

Таким образом, анализ предпосылок постановки проблемы философско-правового подхода к установлению родового признака собирательного понятия коррупции позволяет следующим образом раскрыть её содержание. Она состоит в неопределённости родового признака собирательного понятия коррупции, порождаемой многообразием её проявлений, что делает необходимым обращение к философско-правовому подходу, применение которого затрудняется неопределённостью и противоречивостью истолкования его принципов и категорий, а также трудностью их конкретизации в решении проблем права.

В связи с таким пониманием поставленной проблемы, цель, достижение которой станет её разрешением, видится в уточнении и прояснении содержания философского понятия, конкретизация которого позволит установить родовой признак собирательного понятия коррупции.

Прежде чем перейти к достижению поставленной цели, необходимо указать научную дисциплину, в рамках которой должно проводиться такое исследование. От этого зависит выбор методов исследования и значение полученных результатов.

Как нам представляется, такой дисциплиной является специальность 12.00.01. Основание такому утверждению даёт соответствие содержания основных компонентов паспорта ВАК РФ этой научной специальности поставленной проблеме [4].

Применение философско-правового подхода к решению конкретной проблемы права определения собирательного понятия коррупции соответствует содержанию этой специальности, в той её части, которую образуют *«методологические исследования теоретического и исторического познания права»* [4].

Предмет изучения, при решении поставленной проблемы, соответствует предмету научных исследований ТГП, который «составляют проблемы, категории, понятия, гипотезы, идеи, модели, конструкции, отражающие современный уровень знаний об общих закономерностях возникновения, развития и функционирования права и государства...» [4].

Методы, использование которых необходимо для решения поставленной проблемы, входят в содержащуюся в Паспорте «систему философских, общенаучных и специально-юридических средств и способов познания» [4], к которым относятся системный и деятельностный подходы, а также метод толкования.

В перечне областей исследований, указанных в Паспорте, имеются те, к которым относится излагаемое исследование. Это – «1.5. Право в системе

социального нормативного регулирования современных обществ. Соотношение и взаимодействие права с иными социальными нормами», «1.10. Право и правовое регулирование. Механизм правового регулирования. Правовое воздействие», «1.14. Толкование права. Способы толкования права. Виды толкования права. Акты толкования права» [4].

Начать установления родового признака собирательного понятия коррупции, посредством применения философско-правового подхода, следует с выделения той системы категорий, которая позволит систематизировать все возможные трактовки этого признака.

Такой системой категорий, на наш взгляд, является взаимосвязь категорий вещь, свойство, отношение.

Эти категории относятся к виду соотносительных понятий. Соотносительные понятия – это понятия, которые содержат в качестве собственного признака, соотносимые с ними понятия. Философы различным образом определяли понятия вещь, свойство и отношение. Для установления родового признака собирательного понятия коррупции представляется уместным использовать трактовку этих понятий, предложенную В.Н. Сагатовским. Он определял их следующим образом: «Вещь является субстанциональным носителем свойств, приобретенных ею в других коррелятах и позволяющих вступать в новые отношения в новом корреляте. Свойства, в свою очередь, являются результатами предшествующих и предпосылками последующих отношений. Отношение обуславливает свойства и обуславливается ими. Вещь обладает свойствами, свойства принадлежат вещи. Отношение порождает вещь из определенных элементов, обладающих свойствами» [12].

Поскольку все то, что существует, существует в разных коррелятах взаимодействия либо как вещь, либо свойство или отношение, то и коррупция обнаруживает себя во всех этих универсальных аспектах существования.

Отсюда следует, что родовым признаком понятия коррупции может быть вещь, свойство или отношение, либо тот или иной вариант их проявления.

Принятие категорий вещи, свойства и отношения основанием классификации всех возможных трактовок родового признака понятия коррупции даёт направление поиска такого признака, который состоит в проверке возможности использования в этом качестве каждой из перечисленных категорий либо их конкретизации.

Проведенный нами анализ показал, что отношение и свойство не могут быть таким признаком, вследствие свойственных им особенностей. Отношение не может им быть, так как в этом случае большое число коррупционных явлений окажутся за пределами правового воздействия. Ибо коррупция существует не только как взаимодействие субъектов, статический аспект которого характеризует понятие отношение, но и действие одного субъекта, безотносительно к реакциям других субъектов.

Свойство не может быть таким признаком, так как в этом случае коррупция теряет свою целостность и самостоятельность существования, а противодействие ей обретает опосредованный и порой неосуществимый характер, так как не все проявления коррупции признаются противоправными.

Поскольку родовым признаком собирательного понятия коррупции, служащего основой разработки нормативно правового противодействия ей, как целостному явлению, не может быть ни отношение, ни свойство, а иных вариантов

для него, кроме вещи, нет, то, по методу исключения, им должно быть какая-то её разновидность.

В научных и публицистических текстах существует множество вариантов трактовки родового признака коррупции, являющихся конкретизацией философского понятия вещи. Основных три. Это — его трактовки как субъекта, деяния, морально оцениваемого психического качества.

Примером трактовки коррупции как субъекта социальных процессов в научных текстах служит следующее утверждение: «Поражая, прежде всего, бюрократический властный аппарат, коррупция имеет высочайшую приспособляемость, непрерывно мимикрирует, видоизменяется и совершенствуется, профессионально использует недостатки и проблемы социально-правового контроля и юридической ответственности» [9].

Очевидно, что признание коррупции субъектом общественных отношений — это метафора, неприемлемая к использованию в правовых актах.

Два других варианта истолкования родового признака коррупции, являющихся конкретизацией философской категории вещи, возникают посредством признания таковым какого-то одного из двух видовых сущностных признаков коррупции — либо использования полномочий, либо его цели, состоящей в корысти. Первый можно назвать деятельностью, второй — мотивационно-аморальным.

Проведенный нами анализ, деятельностного варианта, в котором деяние используется в качестве родового признака собирательного понятия коррупции, показал, что оно не может быть таким её признаком. Объясняется это слишком высоким уровнем абстракции (отвлечения от частных свойств) сущностных видовых признаков коррупции (исполнение должностных полномочий и корысть) для того, чтобы характеризовать отдельное противоправное деяние, за совершение которого может быть установлена уголовная ответственность.

Выявленная особенность видовых признаков коррупции, уровень их абстракции, имеет два следствия.

Одно из них состоит в невозможности использования элементов состава преступления для правовой квалификации коррупции, а значит и установления уголовной ответственности за неё. Объектом совершения коррупции являются все защищаемые законом общественные отношения; объективная сторона коррупции может быть не только противоправной, но и соответствовать требованию законности; признаки субъекта коррупции не могут быть ничем ограничены, кроме тех, которые достаточны для участия в правовых отношениях (возраст, вменяемость, гражданство); совершению коррупции свойственны все формы вины и даже невиновное причинение вреда, а мотив, в форме корысти, присущ практически всем противоправным деяниям, которые связаны с исполнением должностных полномочий, квалифицируемых нормами всех отраслей права.

Второе следствие высокого уровня абстракции видовых признаков коррупции состоит в том, что они свойственны всем видам правонарушений.

Так, например, А.В. Кудашкин и Т.Л. Козлов следующим образом характеризуют это ситуацию: «Как социальное явление коррупция достаточно многолика и многогранна, и, разумеется, не все формы коррупционного поведения подпадают под понятие преступления. Коррупция проявляется в совершении: — преступлений коррупционной направленности (хищение материальных и денежных

средств с использованием служебного положения, дача взятки, получение взятки, коммерческий подкуп и т. д.); – административных правонарушений (мелкое хищение материальных и денежных средств с использованием служебного положения, нецелевое использование бюджетных средств и средств внебюджетных фондов и другие составы, предусмотренные КоАП РФ); – дисциплинарных правонарушений, т. е. использовании своего статуса для получения некоторых преимуществ, за которое предусмотрено дисциплинарное взыскание; – запрещенных гражданско-правовых сделок (например, принятие в дар или дарение подарков, оказание услуг госслужащему третьими лицами)» [7].

Вариант истолкования родового признака собирательного понятия коррупции, как цели деяния в форме корысти, вытекает из применения к решению поставленной проблемы деятельностного подхода. Согласно этому подходу все социальные явления делятся на два вида: они существуют либо как деятельность, либо как компонент деятельности. Поскольку родовым признаком собирательного понятия коррупции не может быть деяние, то необходимо изучить возможность использования в этом качестве какого-то её компонента.

Начать решение этой задачи следует с раскрытия универсальной структуры деятельности, конкретизацией одного из компонентов которой является цель в форме корысти.

В научной литературе можно встретить достаточно большое число вариантов построения структуры деятельности. Так, например, Ананьев Б.Г. полагал, что общую структуру деятельности образуют труд, учение, игра [5]. Каган М.С. основными видами деятельности считал преобразовательную, познавательную, ценностно-ориентационную, художественную и общение [6]. Трубников Н.И. полагал, что любую деятельность образуют цель, средства и результат [10]. По мнению Леонтьева А.Н. любая деятельность состоит из действий и операций [8].

В.Н. Сагатовский разработал структуру деятельности, названную им общей эзотерической структурой деятельности [11], содержащую компонент, конкретизация которого позволит установить родовый признак собирательного понятия коррупции. Она соответствует одному из главных требований философских концепций – универсальности, поскольку её структура служит основанием для соотнесения иных структур деятельности, в том числе и разработанных перечисленными выше исследователями, и содержит компоненты, в той или иной степени их выраженности, присутствующие во всех видах деятельности.

В самом общем плане, по мнению В.Н. Сагатовского, ее образуют блоки: предпосылки и условия, деятельность, результаты; типы: субъектно-субъектная и субъектно-объектная деятельности; этапы: освоение и усвоение [11].

Соотнося анализируемый признак коррупции и структуру деятельности, разработанную В.Н. Сагатовским, можно заметить, что его можно отнести к блоку предпосылок и условий.

Предпосылки и условия любой деятельности, по мнению В.Н. Сагатовского, делятся на два вида: объектные и субъектные. Каждый из этих видов исполняет, как он считал, две функции: побуждения и обеспечения деятельности. Объектные предпосылки и условия исполняют функцию побуждения посредством объективных требований и запретов со стороны социальной и природной среды, а функцию обеспечения – посредством предоставления объективных возможностей (ресурсов) и

ограничений. Субъектные предпосылки и условия исполняют функцию побуждения посредством субъективных потребностей, ценностей и запретов, а функцию обеспечения – посредством субъективных возможностей (способностей, знаний, умениями) и запретов.

Поскольку одна из функций цели состоит в побуждении к её достижению, а корысть для отдельных субъектов выступает ценностью, то, как нам думается, цель в форме корысти является конкретизацией одного из компонентов блока субъектных предпосылок универсальной структуры деятельности.

В рамках данных рассуждений отсутствует необходимость уточнения компонента, конкретизацией которого является цель в форме корысти, поскольку, как истолкование каждого из них, так и образуемой ими системы имеет дискуссионный характер. Достаточно констатации того, что цель в форме корысти является конкретизацией, применительно к коррупции, блока универсальной структуры деятельности – её субъектных предпосылок, в который входят компоненты, исполняющие функцию побуждения субъекта к активности.

Таким образом, изложенное выше позволяет сделать вывод о том, что родовым признаком собирательного понятия коррупции является определенный стимул активности субъекта.

Трактовка родового признака собирательного понятия коррупции, как стимула активности субъекта, позволяет устранить недостатки, препятствующие нормативно правовому противодействию коррупции, как самостоятельно существующему явлению социальной реальности, тех понятий коррупции, родовым признаком которых служат отношение, свойство и деяние.

Предлагаемая трактовка устраняет свойственное понятию коррупции, родовым признаком которого является отношение, сужение объёма понятия, так как побуждение к использованию должностных полномочий для удовлетворения корысти характерно и для активности отдельного субъекта, безотносительно к активности других субъектов, и для его участия во взаимодействии с другими субъектами с целью корысти.

Трактовка родового признака собирательного понятия коррупции, как стимула активности субъекта, приводит в соответствие уровень абстракции родового признака с уровнем абстракции сущностных видовых признаков коррупции, чего нет при употреблении, в качестве такого признака, деяния. Использование должностных полномочий и корысть, как видовые признаки коррупции, характерны для всех форм существования коррупции; их применение, в качестве признаков отдельного конкретного деяния, признаваемого коррупцией, сужает объём её понятия, хотя и характеризует коррупцию, как самостоятельно существующее социальное явление.

Напротив, употребление свойства, в качестве родового признака собирательного понятия коррупции, лишает коррупцию такого способа существования, поскольку, в этом случае, оно зависит от наличия тех явлений, свойством которых её признают.

Необходимо подчеркнуть, в различных коррелятах существования, коррупция, оставаясь стимулом активности субъекта, обнаруживает себя как: деяние, являясь психическим процессом; свойство, представая признаком определенной группы должностных лиц; и отношение, будучи направленностью субъекта на определенный

способ исполнения должностных полномочий и реакцией на ситуации, позволяющие реализовать коррупцию.

Таким образом решение проблемы философско-правового подхода к установлению родового признака собирательного понятия коррупции состоит в следующем.

Универсальной характеристикой мира, конкретизация которой позволяет установить родовой признак собирательного понятия коррупции, является вещь. Философское понятие вещи относится к соотносительным понятиям, которые содержат в числе своих признаков соотносимые с ними понятия, в данном случае понятия отношение и свойство. Понятие вещи при поиске родового признака собирательного понятия коррупции может быть конкретизировано, в соответствии с деятельностным подходом, понятиями субъект, деяние и его компонент. Понятие субъекта неприемлемо для использования родового признака собирательного понятия коррупции, способного быть основой противодействия ей, так как является метафорой. Понятие деяние также не может быть использовано в этом качестве, поскольку сужает круг проявлений коррупции, к которым могут быть отнесены её видовые признаки и делает невозможным противодействие коррупции, как целостному предмету. Понятием, лишенным недостатков приведенных вариантов конкретизации философской категории вещи, является компонент деятельности. Этим компонентом является стимул активности субъекта. Его применение, в качестве родового признака собирательного понятия коррупции, позволяет устранить недостатки характерные для иных вариантов истолкования этого признака.

На основании изложенного представляется возможным предложить следующее определение собирательного понятия коррупции: коррупция – это стимул активности субъекта, побуждающий его к использованию должностных полномочий в корыстных целях, который при правовой квалификации деяния указывается как мотив.

Завершая рассмотрение проблемы философско-правового подхода к установлению родового признака собирательного понятия коррупции, необходимо отметить значение полученного результата предлагаемого её решения.

Проведенное исследование поставленной проблемы демонстрирует важность для решения проблем права применения философско-правового подхода, трактуемого как прояснение содержания философских понятий, используемых при характеристике правовых проблем, и конкретизации признаков философских понятий для их решения. Большинство правоведов содержание философских понятий воспринимается как аксиома, тогда как оно перманентно меняется в связи с развитием познания, и в каждый исторический период, как правило, существует несколько их трактовок. Без применения понятий вещь, свойство, отношение невозможно систематизировать все имеющиеся трактовки родового признака собирательного понятия коррупции, а без знания универсальной структуры деятельности сложно его установить.

Обоснованная здесь трактовка родового признака собирательного понятия коррупции, как стимула активности субъекта, служит основой для пересмотра широко распространенных ответов на основные вопросы о коррупции: субъекте коррупции и его признаках, её причин и условий, способов противодействия, взаимосвязи с другими социальными явлениями и т.д. Кроме того, данная трактовка

устраняет неопределенность в словоупотреблении коррупции, отождествлении её с противоправными деяниями. Особенно с взяточничеством. Получение взятки и дача взятки – это деяния, подлежащие правовой ответственности. Коррупция же – это то, что побуждает субъекта к их совершению, и как компонент сознания не подлежит правовой ответственности, в том числе и уголовной, на чем настаивает Конвенция Совета Европы от 27.01.1999 г.

Значение трактовки родового признака собирательного понятия коррупции, как стимула активности субъекта, состоит также в том, что она служит основой для изменения стратегии правового противодействия коррупции. Главным в этой деятельности становится противодействие не тем деяниям, к которым она побуждает, хотя такая работа должна вестись без ослабления усилий, а тем – которые создают условия её возникновения и безнаказанности.

Задача установления таких деяний – тема иного исследования.

Список литературы

1. Конвенция об уголовной ответственности за коррупцию (Страсбург, 27.01.1999 г.). Официальный перевод на русский язык. – Текст: электронный // СПС «КонсультантПлюс» : [сайт]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121544/ (дата обращения: 15.05.2020 г.).
2. Российская Федерация. Законы. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 27.12.2018 г.) // Собрание законодательства РФ. – Текст: электронный // СПС «КонсультантПлюс» : [сайт]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/f8192c0e948acf3e8e2db0e47310000811b339b6/ (дата обращения: 15.05.2020 г.).
3. Российская Федерация. Законы. О противодействии коррупции от 25.12.2008 г. № 273-ФЗ. – Текст: электронный // СПС «КонсультантПлюс» : [сайт]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82959/ (дата обращения: 15.05.2020 г.).
4. Паспорт научной специальности 12.00.01. – Паспорта научных специальностей ВАК РФ. – Текст: электронный // Минобрнауки.ру : [сайт]. – URL: https://vak.minobrnauki.gov.ru/searching#tab=_tab:materials (дата обращения: 15.05.2020 г.).
5. Ананьев, Б. Г. Человек как предмет познания / Б. Г. Ананьев. – Л.: изд-во Ленинградского ун-та, 1968. – 338 с. – Текст : непосредственный.
6. Каган, М. С. Человеческая деятельность / М. С. Каган. – М., Политиздат, 1974. – 328 с. – Текст : непосредственный.
7. Кудашкин, А. В. Еще раз о правовом понятии коррупции / А. В. Кудашкин, Т. Л. Козлов. – Текст: электронный // Современное право. – 2010. – № 6. – С. 3–8. – Текст: электронный // СовременноеПраво.ру : [сайт]. – URL: <https://www.sovremennoepravo.ru/m/articles/view/Еще-раз-о-правовом-понятии-коррупции> (дата обращения: 15.05.2020 г.).
8. Леонтьев, А. Н. Деятельность. Сознание. Личность / А. Н. Леонтьев. – М.: Политиздат, 1975. – 304 с. – Текст : непосредственный.
9. Психоматов, Р. М. Правовые проблемы преодоления коррупции в государственном аппарате : дисс. ... канд. юрид. наук / Р. М. Психоматов. – Текст: электронный // СПС «КонсультантПлюс» : [сайт]. – URL: <https://www.dissercat.com/content/pravovye-problemy-preodoleniya-korrupsii-v-gosudarstvennom-apparate> (дата обращения: 15.05.2020 г.).
10. Трубников, Н. И. О категориях «цель», «средства», «результат» / Н. И. Трубников. – М.: Высшая школа, 1968. – 148 с. – Текст : непосредственный.
11. Сагатовский, В. Н. Структуры деятельности. – Закономерности научного познания / В. Н. Сагатовский. Ред. Сухотин А. К. – Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1982. – 222 с. – Текст : непосредственный.
12. Сагатовский, В. Н. Философские категории : авторский словарь / В. Н. Сагатовский. – Текст: электронный // ТекстАрхив.ру : [сайт]. – URL: <http://textarchive.ru/c-2855255-p3.html> (дата обращения: 15.05.2020 г.).

Lakiza A. A. Philosophical-legal method to the definition the generic feature of the collective concept of corruption / A.A. Lakiza // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean federal university. Juridical science. – 2020. – T. 6 (72). № 3. – P. 132-141.

The article is devoted to the topic of the formulation of the concept of corruption, which is necessary for the development of a regulatory legal opposition to it, as a separate, independently existing social phenomenon.

The problem of the article is the lack of understanding of the generic feature of the collective concept of corruption and the uncertainty of interpretation of the philosophical-legal method necessary for its define.

The purpose of the article is distinguishing and clarifying the content of the philosophical concept, the concretization of which will define the generic feature of the collective concept of corruption.

The result of the study is the conclusion that the generic feature of the collective concept of corruption is an incentive for the activity of the subject, which indicates as motive, in the legal qualification of offenses.

The significance of the research is: demonstrates the heuristic significance of the philosophical-legal method to decision the problems of law; encourages a revision of the content of the main answers about corruption; changes the notion of the main direction of the legal opposition corruption.

Key words: corruption, profit, position full powers, generic and species features. act, relation attribute, activity stimulus, philosophical-legal method, systems method, action approach method, interpretation, collective concept of corruption, disconnection concept of corruption.

Spisok literatury

1. Criminal Law Convention on Corruption (Strasbourg, 27.01.1999). Official translation into Russian. – Text: electronic // ConsultantPlus: reference and legal system: website. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121544/ (date of access: 15.05.2020).
2. Russian Federation. Laws. The Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996, No. 63-FZ (as amended on 27.12.2018) // Collected Legislation of the Russian Federation. – Text: electronic // ConsultantPlus: reference and legal system: website. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/f8192c0e948acf3e8e2db0e47310000811b339b6/ (date of access: 15.05.2020).
3. Russian Federation. Laws. On combating corruption from 25.12.2008, No. 273-FZ. – Text: electronic // ConsultantPlus: reference and legal system: website. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82959/ (date of access: 15.05.2020).
4. Passport of scientific specialty 12.00.01. – Passports of scientific specialties of the Higher Attestation Commission of the Russian Federation. – URL: https://vak.minobrnauki.gov.ru/searching#tab=_tab:materials (date of access: 15.05.2020). – Text: electronic.
5. Ananiev, B. G. Man as a subject of knowledge / B. G. Ananiev. – L.: publishing house of the Leningrad University, 1968. – 338 p. – Text: direct.
6. Kagan, M. S. Human activity / M. S. Kagan. – M., Politizdat, 1974. – 328 p. – Text: direct.
7. Kudashkin, A. V. Once again about the legal concept of corruption / A. V. Kudashkin, T. L. Kozlov. – Text: electronic. // Modern law. – 2010. – No. 6. – P. 3–8. – URL: https://www.sovremnoepravo.ru/m/articles/view/Another_legal_concept_of_corruption (date of access: 05/15/2020).
8. Leontiev, A. N. Activity. Consciousness. Personality / A. N. Leontiev. – M.: Politizdat, 1975. – 304 p. – Text: direct.
9. Psychomakhov, R. M. Legal problems of overcoming corruption in the state apparatus: diss. ... Cand. jurid. Sciences / R. M. Psychomakhov. – Text: electronic. – M., 2000. – 182 p. – URL: <https://www.dissertat.com/content/pravovye-problemy-preodoleniya-korruptsii-v-gosudarstvennom-apparate> (date of access: 15.05.2020).
10. Trubnikov, N. I. On the categories "goal", "means", "result" / N. I. Trubnikov. – M.: Higher school, 1968. – 148 p. – Text: direct.
11. Sagatovsky, V. N. Structures of activity. – The laws of scientific knowledge / V. N. Sagatovsky. Ed. Sukhotin A. K. – Tomsk: Publishing house of Tomsk. University, 1982. – 222 p. – Text: direct.
12. Sagatovsky, V. N. Philosophical categories: author's dictionary / V. N. Sagatovsky. – Text: electronic. – URL: <http://textarchive.ru/c-2855255-p3.html> (date of access: 15.05.2020).

УДК 343.21

DOI: 10.37279/2413-1733-2020-6-3-142-149

**«ШАЙКА» КАК ФОРМА ПРЕСТУПНОГО СОУЧАСТИЯ
В ДОРЕВОЛЮЦИОННОМ УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ
(В КОНТЕКСТЕ ПОСЛЕДУЮЩЕЙ ТРАНСФОРМАЦИИ В «БАНДУ»)**

Максимов П. В.

Краснодарский университет МВД России

В статье представлен анализ норм дореволюционного уголовного законодательства (Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г.), регулирующих такую форму преступного соучастия, как «шайка». Показывается позиция законодателя, который фактически сближал составы преступлений, совершенных уголовной шайкой (прежде всего имущественного разбоя), и преступлений против государства в виде вооруженного нападения на «волостные и общественные управления». Делается вывод, что, с учетом усиления революционного движения на рубеже XIX-XX вв., повышенная общественная опасность вооруженных уголовных шайек диктовала необходимость выделения самостоятельного состава преступления, что и было сделано, но уже после 1917 г., советским законодателем в виде бандитизма.

Ключевые слова: Уложение, шайка, преступление, наказание, сообщники, преступная группа, вооруженность, банда.

Современная форма соучастия в виде банды (ст. 209 УК РФ) впервые получила свое законодательно закрепление на системном уровне в УК РСФСР 1922 г., где в ст. 76 определялась следующая диспозиция бандитизма: «Организация и участие в бандах (вооруженных шайках) и организуемых бандами разбойных нападений и ограблениях, налетах на советские и частные учреждения и отдельных граждан, остановки поездов и разрушения жел.-дор. путей, безразлично, сопровождалась ли эти нападения убийствами и ограблениями или не сопровождалась» [1]. Однако такой состав преступления против государства, сформированный в первые годы советской власти, не являлся абсолютной новеллой советского законодателя, а вытекал из предшествовавшего имперского законодательства, где использовалось понятие «шайки».

В этой связи следует заметить, что с учетом особой опасности групповых вооруженных нападений, в российском законодательстве всех исторических периодов данному типу преступной активности всегда уделялось самое пристальное внимание [2, с. 53]. Причем в позднейший период Российской империи (начиная с конца XIX в.) в детально разработанном уголовном праве (мы берем для анализа последнюю масштабную редакцию Уложения о наказаниях и уголовных 1885 г. [3]) имелись самые различные варианты таких нападений, дифференцируемые в зависимости от преступного умысла, характера объединения преступников, формы нападений, их последствий, состава участников преступных групп (сообществ, скопа) и т.д., то есть, законодатель уже использовал системный подход, который в свою очередь, отражал более высокий уровень развития уголовного права как науки [4, с. 38]. В данном контексте выделим некоторые (наиболее значимые)

законодательные позиции Российской империи по вопросам регулирования ответственности за преступления, которые позже стали именоваться (уже при советской власти) бандитизмом – с тем, чтобы показать, что советское государство определенным образом восприняла позиции Российской империи, несмотря на прозвучавшие после 1917 г. декларации советской власти о том, что имперское законодательство полностью отвергается.

Предварительно заметим, что имперский законодатель не давал аутентичного толкования термину «шайка». Это делалось на доктринальном уровне. Так, Н.С. Таганцев считал шайку особым видом преступной группы и полагал, что «шайкой признается соглашение нескольких лиц на совершение нескольких определенных или неопределенных, однородных, разнородных преступных деяний. Существо шайки заключается в постоянном характере сообщества, в обращении членами шайки преступной деятельности в ремесло» [5, с. 17]. Характеризуя указанный вид преступной активности (в форме «шайки»), необходимо исходить из того, что, в силу своего группового характера, он был в первую очередь связан с юридическим термином «участие в преступлении» (раздел I Уложения 1885 г.), выступавшим «как родовое понятие» преступного соучастия. И прежде всего, закон требовал выяснения того, совершено ли преступление по предварительному соглашению (сговору) или без такового (ст.11).

В свою очередь, вопросы соучастия регулировались в ст. 11-15 и 117-128 Уложения 1885 г. и, при обычном порядке судопроизводства, обязательно выносились на решение присяжных заседателей. В соответствии с указанным порядком, в случае наличия предварительного соглашения преступников о создании преступной группы, законом далее различались такие виды соучастников, как «зачинщики», «сообщники», «подстрекатели» («подговорщики») и «пособники» (ст. 13). При наличии сговора двух и более лиц, каждое из указанных лиц несло ответственность за преступление в целом.

Помимо этого, среди лиц, причастных («прикосновенных») к преступлению, хотя и непосредственно не участвовавших в нем, выделялись также «попустители», «укрыватели» и «недоносители» (ст. 14). Все это также относилось к преступлениям, совершаемым шайкой, и сам факт наличия шайки означал обстоятельство, отягчающее вину членов шайки.

Однако не всякая шайка имела признаки, которые позже перейдут к банде. Дело в том, что имперский законодатель имел в виду, что созданная предварительно преступная группа, с одной стороны, могла совершать самые различные преступления (в том числе ненасильственного характера), а с другой стороны – характеризоваться различным уровнем сплоченности и приверженности преступным намерениям. В данной связи составы, наиболее близкие к современному понятию бандитизма, в имперской России были связаны главным образом с разбоями.

В свою очередь, для квалификации разбойных нападений в Уложении 1885 г. было выделено целое отделение третьей главы, включавшее десять статей, характеризовавших различные виды разбоев (и это не случайно, так как к тому времени имущественные преступления имели довольно широкую дифференциацию [6, с. 38]). Однако при всем разнообразии видов разбойных нападений, предусмотренных Уложением 1885 г., базовыми элементами разбоя всегда выступали, с одной стороны, похищение имущества жертв данного преступления, а

с другой стороны – очевидное насилие в отношении потерпевших лиц. А поскольку к существенным признакам разбоя относилось открытое нападение с нанесением опасных для жизни телесных повреждений, либо угрозой таковых, то при наличии у нападающих оружия (угроза убийством) данные преступления приобретали более высокую общественную опасность. Соответственно обязательный признак банды в виде вооруженности ее участников, имеющий место в современном российском законодательстве, тогда, в имперской России, позволял однозначно квалифицировать нападение преступной группы как разбой.

Однако при этом нужно иметь в виду, что далеко не каждый разбой имперской эпохи, совершенный группой преступников, можно отождествлять с современным составом бандитизма. Согласно Уложению 1885г. (ст. 1627) разбоем считалось также нападение без оружия, если «сопровождалось или убийством, или покушением на оное, или же нанесением увечья, ран, побоев или других телесных истязаний, или такого рода угрозами или иными действиями, от которых представлялась явная опасность для жизни, здоровья или свободы лица или лиц, подвергавшихся нападению» [3].

В контексте отмеченного разнообразия признаков разбоя, имперский законодатель детально учитывал и многообразие возможных видов преступных деяний. Это позволяло различать разбой по месту их совершения (ст. 1628, 1629, 1630, 1631, 1632- здание, селение, уединенное место, почта, транспорт и т.д.); по последствиям (ст. 1632, 1634 – увечье, раны, истязания, смертоубийство и проч.); по рецидиву (ст. 1635 – повторение разбоя). Последнее, наряду с разбоем в церкви, закон признавал наиболее тяжким видом, предусматривавшим наказание в виде ссылки в каторжные работы без срока.

И здесь важно заметить, что к числу наиболее тяжких относились групповые разбойные нападения в составе шак (ст. 1633). Лица, являвшиеся организаторами и активными участниками таких шак, могли быть наказаны ссылкой в каторжные работы на срок до 15 лет, другие члены шайки – на срок до 12 лет. Наряду с этим, ответственность за «составление шайки для разбоев» регулировалась ст. 924 Уложения 1885 г. как самостоятельный и законченный состав преступления, то есть, уже сам факт создания шайки являлся преступлением (равно как позже, уже при советской власти сам факт создания банды также будет считаться самостоятельным преступлением), за которое участникам шайки предусматривалось наказание в виде ссылки в каторжные работы на срок до 6 лет, даже если шайкой не было еще совершено преступление (еще раз подчеркнем: этот момент очень близок к характеристике постимперской банды).

В свою очередь, недонесение о существовании шайки также являлось преступлением, но наказание, конечно, было значительно мягче – «лишение всех особенных, лично и по состоянию присвоенных прав и преимуществ» и направление в «исправительные арестантские отделения» [3]. Что касается лиц, виновных «в доставлении заведомо злонамеренным шайкам или сообществам оружия или же иных орудий, или каких средств для содеяния предположенных ими преступлений» [3] (ст. 928), то они несли наказание, аналогичное ответственности за участие в шайке (ссылка в каторжные работы на срок до 6 лет).

Как видно, законодатель устанавливал для участников уголовных шак (особенно для вооруженных, «составившихся» для разбойных нападений) самую

строгую ответственность, определяя для них значительные сроки ссылки в каторжные работы. Причем за разбои не предусматривалось альтернативных наказаний (например, в отличие от иных преступлений, не предусматривалась замена этого наказания направлением в арестантские отделения); следует заметить также, что такой была доминирующая позиция и в других странах [7, с. 64], что свидетельствует о высокой общественной опасности такого рода преступлений.

В то же время, при квалификации разбоев и, соответственно, определении наказания, учитывались самые различные квалифицирующие признаки. К примеру, 10 февраля 1910 г. в селе Красный Кут Самарской губернии было совершено вооруженное нападение на квартиру агента Северного банка. Преступники, захватившие кассу с деньгами, а также применившие насилие по отношению к сторожу, являлись членами политической партии социалистов-революционеров («эсерами»), и деньги предназначались для партийной деятельности. Однако, несмотря на эту «политическую» составляющую, требовавшую дополнительной квалификации (по ст. 102 Уголовного уложения 1903 г. – в связи с «подрывом экономической основы» режима), их обвинили лишь в деянии, сугубо уголовном, предусмотренном ст. 13, 1627, 1629, 1632 Уложения [8, с. 31]. В этой связи, современные исследователи справедливо указывают на тот факт, что, несмотря на непростую ситуацию предреволюционной эпохи, обвинение неохотно политизировало составы таких преступлений, предпочитая даже «политических» проводить по чисто уголовным составам [9, с. 109] – с тем, чтобы слишком суровые наказания не провоцировали протестные выступления местного населения [10, с. 49]. Там же, где чисто уголовные составы не были применимы, властями использовались нормы воинского Устава о наказаниях 1875 г. (ст. 278 и др.).

В целом, наиболее близкими к составу бандитизма можно считать разбои (особенно ст. 1628-1633 Уложения 1885 г.). Однако нужно видеть, что вооруженные групповые нападения могли совершаться не только шайками разбойников и не только в сугубо корыстных целях. Так, обращение к разделу 3 Уложения 1885 г. («О преступлениях государственных») показывает, что уголовное право имперской России выделяло целый ряд групповых преступлений, которые совершались вооруженными «сообществами» или «скопом», и были направлены против власти и ее распоряжений. Причем такие преступления карались гораздо более жестко, чем действия уголовных разбойных банд. В частности, смертной казнью карался не только бунт против верховной власти («восстание скопом»), совершенный с намерением ниспровержения власти (ст. 249), но также и недонесение о подготовке такого.

Помимо прямого «бунта», закон предельно сурово карал за «преступления против порядка управления» (раздел 4, глава 2 «О сопротивлении распоряжениям правительства и неповиновении установленным от оного властям» [3]). В частности, отметим, что «явное против властей ... восстание», совершенное «вооруженными чем либо людьми и сопровождаемое с их стороны насилием и беспорядками» (с. 263) также каралось более жестко, чем участие в разбойной шайке (каторга 15-20 лет). Подчеркнем, что, в отличие от «сопротивления распоряжениям правительства», имевшего «частную цель» (ст. 270 – не более 3-х человек), восстание и противодействие (ст. 263-269) трактовались, как имеющие «характер вызывающий или нападающий». В силу повышенной опасности, в местностях, где был введен суд

присяжных, такие дела рассматривались судебной палатой с участием сословных представителей (ст. 201-1 Устава уголовного судопроизводства). Там же, где действовали чрезвычайные меры охраны, за вооруженное сопротивление гражданские лица подлежали военному суду и наказанию по законам военного времени (ст. 226-1 Устава уголовного судопроизводства [11]).

Мы не случайно акцентируем внимание на «политических» преступлениях, сопровождаемых насилием, в том числе с применением оружия, – дело в том, что именно политический фактор после 1917 г. будет иметь решающее значение в трансформации «шайки» в «банду». А тогда, в позднейшей империи, этот фактор, хотя и не был непосредственно связан с преступлениями, совершаемыми шайками, но, определенное сближение составов вооруженных разбоев и насильственных «политических» преступлений уже просматривалось.

В подтверждение этого можно привести то обстоятельство, что в системе уголовных санкций Уложения 1885 г. прослеживается интересная параллель между указанным видом преступления против власти («бунт») и уголовными разбоями шаяк. Так, согласно ст. 264 Уложения 1885 г., действия даже невооруженных лиц, «однако с явным насилием и беспорядками, или же напротив вооруженными, хотя и без явного с их стороны насилия» [3], одинаково карались лишением всех прав состояния и каторгой 12-15 лет – это санкция, которая абсолютно аналогична санкциям в отношении организаторов и активных участников разбойных шаяк.

Наряду с этим, к 4-6 годам каторги (так же, как за членство в шайке) приговаривались участники невооруженных выступлений без явных насильственных действий (при условии, когда «для восстановления порядка начальство было в необходимости прибегнуть к необыкновенным мерам усмирения» – ст. 265). Подчеркнем также, что, согласно закону «восстанием против властей, правительством установленных, почитается и всякое возмущение крестьян против волостных и общественных управлений» (ст. 267), при этом, если в ходе восстания имели место убийство или поджог (ст. 268), то виновные вообще приговаривались к наказанию вплоть до бессрочной каторги.

Здесь нападение крестьян на волостные и общественные управления, являвшееся «политическим» преступлением, довольно тесно примыкает по объективной стороне к нападению, совершаемому уголовной шайкой. Это очень важный момент, на котором в дальнейшем, уже советский законодатель, будет формировать состав бандитизм как самостоятельный вид группового преступного деяния.

А указанные жесткие санкции зачастую заставляли правоприменителей, и прежде всего суды, искать различные варианты изменения квалификации в заметно участвовавших случаях массовых волнений. К примеру, в процессах по «холерным беспорядкам» 1892 г. подсудимым вменялись ст. 99 и 100 Уложения 1885 г. В этом случае, по мнению официальных структур, «нельзя "сопротивление" и "восстание" видеть там, где налицо только самозащита. Они вменяемы лишь при умысле, которого в данном случае не было и следа» [12, с. 7]. Что касается холерных бунтов, то они стали следствием ошибки, самообмана, «темноты» крестьян, а также влияния российской «полицейской традиции» [12, с. 7]. Другим подобным примером можно считать процесс в связи с массовыми волнениями в слободе Должик Харьковского уезда (сентябрь-октябрь 1890 г.), где «для восстановления порядка, помимо

полицейских мер, были вызваны на место происшествия войска. К уголовной ответственности за участие в этих беспорядках были привлечены 18 крестьян, из которых 14 приговором харьковской судебной палаты с участием сословных представителей, были признаны виновными в преступлениях, предусмотренных ст. 263, 265 и 266 Уложения, и присуждены к соответствующим наказаниям» [13, с. 168]. В итоге 10 подсудимых были отправлены в арестантские отделения с лишением прав и четверо – к содержанию в тюрьме. Любопытно, что бывший земский начальник 2-го участка Харьковского уезда В.А. Протопопов, чьи действия и вызвали массовые волнения, всего лишь поплатился должностью.

Нельзя не видеть, что в целом нормы имперского уголовного права, и прежде всего статьи Уложения 1885 г., предусматривали самые разнообразные квалификации насильственных действий вооруженных групп, вводя очень много градаций виновности их организаторов и участников. Тем не менее имперский законодатель так и не выработал соответствующего общего понятия. Это касается и Уголовного уложения 1903 г. [14], где относительно «шайки» новелл нет – по-прежнему для обозначения преступных групп употреблялись понятия «шайка», «злонамеренная шайка», «сообщество», «скоп»; при этом нормы Уголовного уложения об ответственности за преступления в составе «шайки», к тому же, не являлись актуальными, поскольку так и не были введены в действие (как известно, Уголовное уложение 1903 г. было введено в действие лишь частично).

Между тем развитие общественно-политической ситуации в стране предъявляло к имперскому уголовному законодательству все новые требования, реагировать на которые законодатель не успевал. В этой связи, все большее значение приобретало чрезвычайное законодательство. В частности, еще 14 августа 1881 г., в ответ на убийство Александра II, было принято «Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» [15]. Оно предусматривало введение при чрезвычайных ситуациях «исключительного положения» в форме «усиленной охраны» (решение могло быть принято МВД Российской империи сроком на 1 год), либо «чрезвычайной охраны» (решение Комитета министров сроком на 6 месяцев). Помимо этого могло также вводиться военное положение. Эта практика, получившая широкое применение, фактически стала обыденностью, начиная с революции 1905-1907 гг. В годы революции исключительное положение вводилось в 60, а военное – в 25 губерниях и областях [16, с. 46]. Особое значение в этих условиях приобрел закон 1906 г. о военно-полевых судах. Именно в эти инстанции, как правило, и направлялись дела о действиях вооруженных преступных групп и сообществ. И хотя прямой связи с собственно «бандитизмом» здесь нет (такого состава до 1917 г. еще не существовало), но признак вооруженности преступных групп уже начал со всей очевидностью выделяться в качестве одного из важнейших при квалификации совершаемых такими группами преступлений, учитывая, что в 1894-1917 гг. в результате подавления беспорядков, вызванных преступной деятельностью вооруженных групп, было ранено 28051 человек, при этом были расстреляны карательными экспедициями 6107 человек [17, с. 452]. При такой обстановке вооруженная уголовная шайка стала представлять повышенную общественную опасность, а политический фактор (усиление революционного движения) еще больше актуализировало вопрос о выделении такого рода преступных групп в особый вид преступного соучастия. Это было сделано, как отмечалось, после

1917 г. советским законодателем, однако можно предположить, что и имперский законодатель, не случись известных революций, также сделал бы подобный шаг, разве что терминология, очевидно, была бы другой.

Список литературы

1. О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р. : Постановление ВЦИК от 01.06.1922 г. // СУ РСФСР. – 1922. – № 15. – Ст. 153. – Текст : непосредственный.
2. Медведева, Н. Т. Истоки и развитие уголовного наказания / Н. Т. Медведева, И. В. Упоров. – Рязань, 1997. – 88 с. – Текст : непосредственный.
3. Волков, В. В. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. / Сост. В. В. Волков // Изд. 1885 г. и по Прод. 1912 г. СПб. – 1914. – Текст : непосредственный.
4. Грошев, А. В. Уголовное право России. Общая часть. Краткий учебный курс / А. В. Грошев, И. В. Упоров. – Ростов-на-Дону, 2006. 571 с. – Текст : непосредственный.
5. Таганцев, Н. С. Курс русского уголовного права. Часть общая. Книга первая. Учение о преступлении / Н. С. Таганцев. – СПб., 1880. – 174 с. – Текст : непосредственный.
6. Упоров, И. В. Преступное имущественное насилие: понятие, уголовно-правовое регулирование и предупреждение / И. В. Упоров. – М.: Юрлитинформ. – 2015. – 187 с. – Текст : непосредственный.
7. Рассказов, Л. П. История государства и права зарубежных стран / Л. П. Рассказов, И. В. Упоров, Л. В. Карнаушенко. – Краснодар, 2004. – 323 с. – Текст : непосредственный.
8. Гейфман, А. Революционный террор в России: 1894–1917 / А. Гейфман ; пер. с англ. Е. Доман. – М.: Крон-Пресс. – 1997. – 448 с. – Текст : непосредственный.
9. Гальперин, Р. И. «Саратовские Робин Гуды»: политические судебные процессы по делам об экспроприациях в начале XX века / Р. И. Гальперин. – Текст : непосредственный. // Известия Саратовского ун-та. Серия: «История. Международные отношения». – 2015. – Т. 15. – № 2. – С. 104–111.
10. Рассказов, Л. П. Развитие уголовного и уголовно-исполнительного законодательства в России / Л. П. Рассказов, И. В. Упоров. – Краснодар, 1999. – 181 с. – Текст : непосредственный.
11. Гернет, М. Н. Устав уголовного судопроизводства / Сост. М. Н. Гернет. – М.: Типогр. М. М. Зив, 1916. – 418 с. – Текст : непосредственный.
12. Заметки. Contagion morale и холерные беспорядки // Журнал гражданского и уголовного права. Кн. 1. – 1893. – С. 5–13. – Текст : непосредственный.
13. Судебная небрежность // Журнал гражданского и уголовного права. Кн. 1. – 1893. – С. 165–173. – Текст : непосредственный.
14. Таганцев, Н. С. Уголовное уложение от 22.03.1903 г. / Н. С. Таганцев. // С извлеч. объясн. записок и журналов при обсуждении проекта. – СПб.: Гос. типогр., 1904. – 1113 с. – Текст : непосредственный.
15. Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия от 14.08.1881 г. // ПСЗ-3. Т. 1. СПб., 1885. – С. 261–266. – Текст : непосредственный.
16. Фомин, А. А. Чрезвычайное законодательство в Российском государстве / А. А. Фомин. – Пенза: Изд-во Пенз. гос. ун-та, 2002. – 243 с. – Текст : непосредственный.
17. Ушерович, С. Смертные казни в царской России: к истории казней по политическим процессам с 1824 по 1917 гг. / С. Ушерович. – Харьков, 1933. – С. 503. – Текст : непосредственный.

Maksimov P.V. «Gang» as a form of criminal compliance in pre-revolutionary criminal legislation (in the context of the following transformation in the «band») / P.V. Maksimov // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean federal university. Juridical science. – 2020. – Т. 6 (72). № 3. – P. 142-149.

The article presents an analysis of the norms of pre-revolutionary criminal legislation (Code of Criminal and Correctional Punishments of 1885), regulating such a form of criminal complicity as a «gang». The article shows the position of the legislator, who actually brought together the elements of crimes committed by a criminal gang (primarily property robbery) and crimes against the state in the form of an armed attack on «volost and public administrations». The conclusion is made that, taking into account the strengthening of the revolutionary movement at the turn of the 19th and 20th centuries, the increased social danger of armed criminal gangs dictated the need to separate an independent corpus delicti, which was done, but after 1917, by the Soviet legislator in the form of banditry.

Key words: Code, gang, crime, punishment, accomplices, criminal group, weapons, gang.

Spisok literaturey

1. Resolution of the All-Russian Central Executive Committee of 06.01.1922 "On the introduction into force of the Criminal Code of the RSFSR" (together with the "Criminal Code of the RSFSR") // SU RSFSR. – 1922. – No. 15. – Art. 153.
2. Medvedeva N. T. The origins and development of criminal punishment / N. T. Medvedeva, I. V. Emphasis. – Ryazan, 1997. – 88 p.
3. Volkov V. V. Code of criminal and correctional punishments. Ed. 1885 and Prod. 1912 / Comp. V. V. Volkov. SPb. – 1914.
4. Groshev A. V., Uporov I. V. Criminal law of Russia. A common part. A short training course / A. V. Groshev, I. V. Uporov. – Rostov-on-Don, 2006. – 571 p.
5. Tagantsev N. S. Russian Criminal Law Course. The part is common. Book one. The doctrine of crime / N. S. Tagantsev. – SPb., 1880. – 174 p.
6. Uporov I. V. Criminal property violence: concept, criminal-legal regulation and prevention / I. V. Uporov. – M.: Yurli-tinform. – 2015. – 187 p.
7. Rasskazov L. P. History of State and Law of Foreign Countries / L. P. Rasskazov, I. V. Uporov, L. V. Karanashenko. – Krasnodar, 2004. – 323 p.
8. Geifman A. Revolutionary terror in Russia: 1894–191 / A. Geifman, trans. from English E. Doman. – M.: Kron-Press. – 1997. – 448 p.
9. Galperin R. I. "Saratov Robin Hoods": Political Litigation in Cases of Expropriation in the Early 20th Century / R. I. Halperin // Izvestia of Saratov University. Series: "History. International relationships". – 2015. – T. 15. – No. 2. – Pp. 104–111.
10. Stories L. P. Development of criminal and criminal-executive legislation in Russia / L. P. Rasskazov, I. V. Emphasis. – Krasnodar, 1999. – 181 p.
11. Gernet M. N. Charter of criminal proceedings / Comp. M. N. Gernet. – M.: Typogr. M. M. Ziv, 1916. – 418 p.
12. Notes. Contagion morale and cholera riots // Journal of civil and criminal law. Book. 1 – 1893. – Pp. 5–13.
13. Judicial negligence // Journal of civil and criminal law. Book. 1. – 1893. – Pp. 165–173.
14. Tagantsev N. S. Criminal Code of 03.22.1903 / N. S. Tagantsev. // With extract. explained notes and magazines when discussing the project. – SPb.: State. typogr., 1904. – 1113 p.
15. Regulations on measures to maintain public order and public peace of 14.08.1881 // PSZ-3. Vol. 1. SPb., 1885. – Pp. 261–266.
16. Fomin A. A. Emergency legislation in the Russian state / A. A. Fomin. Penza: Publishing house Penz. state University, 2002. – 243 p.
17. Usherovich S. Death Penalties in Tsarist Russia: Towards the History of Executions by Political Trials from 1824 to 1917. / S. Usherovich. – Kharkov, 1933. – P. 503.

УДК 343.2/.7

DOI: 10.37279/2413-1733-2020-6-3-150-157

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, СВЯЗАННОГО С ВОВЛЕЧЕНИЕМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО В ПРЕСТУПНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Мерказова В. А.

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

В настоящее время особо остро встал вопрос о преступности несовершеннолетних. В данной статье мы рассмотрим некоторые проблемы квалификации преступления, связанного с вовлечением несовершеннолетнего в преступную деятельность. Преступность среди несовершеннолетних – давно зародившееся антисоциальное явление. Процесс ознакомления с личностью несовершеннолетнего преступника представляет собой достаточно интересный процесс, в ходе которого выявляются и оцениваются особенности механизма противоправного поведения, а также поиск специфических причин, способствующих такому поведению и совершению преступлений.

Совершение преступлений несовершеннолетними в результате их вовлечения в это взрослыми, то есть теми лицами, которые должны формировать мировоззрение и принципы подрастающего поколения, является одной из самых острых проблем, стоящих перед нашим государством. Опасность вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления состоит в последующем искажении и неверном формировании его психического и духовно-нравственного развития, что, как правило, предопределяет его дальнейшее отношение к духовным ценностям, жизни, окружающим людям и т.д., в результате чего возникнет новый опасный и криминогенный элемент общества, способный продолжать совершать преступления и вовлекать в преступную среду своих сверстников.

Ключевые слова: вовлечение несовершеннолетних в совершение преступлений, антиобщественные действия, способ вовлечения несовершеннолетнего в совершения преступления, смежные составы преступлений, состав вовлечения.

По данным судебной статистики Судебного департамента Верховного суда РФ за 2019 г. число лиц, осужденных за вовлечение несовершеннолетних в совершение преступлений и другие антиобщественные действия, составляет 598 человек, причем преимущественно за данные деяния назначается осужденным наказание в виде лишения свободы [1].

Судебное толкование дает следующее понятие вовлечения: «Действие взрослого лица направленные на возбуждение желания совершить преступление». Ключевым моментом в оценке объективных признаков состава преступления является способ вовлечения несовершеннолетнего в совершения преступления.

Для полноценного обзора преступлений, которые совершаются в отношении несовершеннолетних, попадающих под состав ст.150 УК РФ, следует проанализировать судебную практику, которая сложилась за период 2017-2019 гг., что позволит сделать выводы, которые будут являться актуальными.

В качестве первого анализируемого примера обратимся к Апелляционному определению Верховного Суда Российской Федерации (далее по тексту – ВС РФ) от 12.07.2017 г., согласно которому, судебная коллегия установила, что А. 09.03.2016 г.,

руководствуясь корыстным мотивом, привлёк к совершению преступления своего несовершеннолетнего сына. Согласно материалам дела, А. со своим несовершеннолетним сыном Б. выполняли периодически физическую работу по дому В. за вознаграждение. 09.03.2016 г. А. обратился с просьбой к В. для займа денежных средств, но В. отказал А. и выгнал его с сыном Б. из своего дома. После чего у А. возник умысел на убийство В., который находился в беспомощном состоянии, поскольку исходя из преклонного возраста был очень слаб и мог выполнять только самую простую работу по дому. А. ударил В., после чего В. упал на пол на спину, А. принялся его душить, перекрывая дыхательные пути кофтой и шарфом. А. привлёк к совершению преступления сына. Привлечь ребенка удалось с помощью родительского авторитета, используя который, А. дал указания сыну, зная, что Б. беспрекословно выполняет все поручения А., обыскать дом И., найти денежные средства, а также принести любой предмет, с помощью которого А. удалось бы удушить потерпевшего В. Сын принес электрический провод, с помощью которого А. убил В.

Итак, судом было установлено, что А. совершил: 1) разбой с применением предметов, используемых в качестве оружия, с причинением тяжкого вреда здоровью потерпевшего; 2) убийство лица, заведомо для виновного, находящегося в беспомощном состоянии, сопряженное с разбоем; 3) вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления родителем, с вовлечением его в преступную группу и в совершение особо тяжкого преступления.

То есть, А. использовал иной способ вовлечения, а именно авторитет родителя, затем используя просьбы и поручения, для оказания помощи в совершении преступления. Суд определил, что несовершеннолетний Б. уважал своего отца, исходя из чего боялся подорвать доверие А., поэтому никогда не противоречил и не задавал лишних вопросов, считая, что А. всегда принимает только правильные решения, поэтому особо квалифицирующий признак состава 150 УК РФ не может быть вменен. Суд пришел к выводу, что следует изменить ранее вынесенный приговор, а именно исключить по ч. 4 ст. 150 УК РФ квалифицирующий признак «вовлечение в преступную группу». Таким образом, можно сделать вывод, что суды делают ошибки, вменяя особо квалифицированный признак ст. 150 УК РФ, не усматривая, что в действительности действия по вовлечению в преступную группу не совершались, а использовался иной способ вовлечения несовершеннолетнего в преступление.

Зачастую несовершеннолетние привлекаются не только для того, чтобы совершить преступление, но и для сокрытия его следов. Так, ВС РФ в апелляционном определении от 26.04.2016 г. установил, что Г., Д. и И. 08.11.2014 г. распивали спиртные напитки, вследствие чего между Д. и И. возникла ссора на почве ненависти к правоохранительным органам, но исходя из того, что И. работал в полиции, ссора перешла в драку. Д. нанес И. многочисленные удары табуретом, пока вещь не сломалась.

Д. неоднократно просил Г. принести другие деревянные табуреты, Г. его поручения исполнял. После того, как три табурета были сломаны, Д. предложил Г. нанести удары по И. кочергой, Г. его предложение принял и нанес И. три удара по телу И. Д., понимая, что И. мертв, нанес два ножевых удара И. в область спины. Г. и Д., скрывая следы, переместили тело в соседнюю квартиру, затем привлекли

несовершеннолетних Л. и М. используя метод обмана, скрыть труп на пруду. Л. и М. подготовили мешки, наполненные кирпичами и щебнем, привязали их к рукам и ногам И. Затем опустили тело в воду через заранее подготовленный прорубь. Суд определил, что приговор изменению не подлежит. Как показывает судебная практика, лица, достигшие 18-летнего возраста, зачастую привлекают несовершеннолетних, которые имеют с ними в родственную связь. Скорее всего это связано с тем, что именно таких несовершеннолетних намного легче уговорить, убедить или обмануть, тем самым вовлечь в совершение преступления.

Так, ВС РФ в апелляционном определении от 27.07.2017 г.1 установил, что преступления совершались при следующих обстоятельствах. 13.08.2016 года Б., Л. и Р. находившись в состоянии алкогольного опьянения в квартире Б. Б. был расстроен в связи с тем, что малолетняя К. сбросила с балкона второго этажа крышку от сковороды. Данный предмет, по утверждению Б. являлся ему памятным, поскольку крышка перешла к нему по наследству от его бабушки. Б. принял решение наказать К. Для реализации задуманного наказания, нанес железным грифом от гантели удары по плечам и голове К. У К. пошла кровь. После того, как кровь остановилась, Б. отправил К. в угол, но К. сопротивлялась, в связи с чем, Б. начал наносить многочисленные удары в течение 15 минут ремнем по телу малолетней, после истечения времени, его сменила Л., которая продолжила совершать те же действия в течении 10 минут, затем Л. приказала своему сыну Р. сменить ее и продолжать бить сестру К. Р. Послушался мать и пришел ей на смену. Затем снова Б. продолжил наносить удары по телу в течение 20 минут, затем Л. передала Б. чайник, и когда К. упала на пол, Б. трижды облил тело К. кипятком. Избиение малолетней происходило в течение 8 часов. Судом было установлено, что до совершения преступления Б. и Л. обсуждали убийство одного из детей. Судебной коллегий приговор оставлен без изменений.

Так, при квалификации вышеуказанного преступления судом была установлена группа лиц при совершении убийства малолетней с квалифицирующими признаками особой жестокости. А также Л. пользуясь родительским авторитетом, вовлекла Р., который являлся несовершеннолетним, в преступную группу с совершением особо тяжкого преступления. При определенных ситуациях, могут пострадать не только те несовершеннолетние лица, которых вовлекают в совершение противоправных действий, но и те, которые оказываются на месте совершения преступления.

В качестве примера, рассмотрим апелляционное определение ВС РФ от 18.07.2017 г., в котором суд признал Н. виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 150 УК РФ, то есть вовлечение несовершеннолетнего в разбой на М. возбуждения чувства зависти по корыстному мотиву, а также пособничества в убийстве М., а судебная коллегия оставила приговор без изменения.

Исходя из материалов дела, Н. путем уговоров к совершению особо тяжкого преступления, обещаний в получении материальной выгоды, а также в возбуждении чувства зависти к потерпевшей М., поскольку М. отличалась материальным благополучием. Так, 19.10.2015 г. Н., П. и Ч. путем обмана, проникли в квартиру М., представившись соседями и попросив соли. Ч. открыла дверь и впустила лжесоседей в квартиру. Но Н., П. и Ч. надели медицинские маски на лица, ударили потерпевшую, та упала на пол, а Н. и П. нанесли 15 ножевых ранений М., от которых М. скончалась. В одной квартире с М. в момент разбойного нападения находился внук К., которому

было 4 года. К. был свидетелем происходящего, от чего был сильно напуган, особенно испугался, когда преступники ушли, а бабушка не подавала признаков жизни. В последующем, внуку потребовалась помощь психологу, поскольку К. отказывался от еды, падал в обморок от хрипящих звуков (например, в момент, когда собака подавилась и издала хрип), плохо спал, поскольку страдал от кошмаров. Таким образом, К. находился в стрессовом состоянии, часто повторял, что «бабушке режут горлышко», боялся чужих людей и стуков в дверь, то есть К. пострадал нравственно. Вовлеченный несовершеннолетний Ч. по поручению Н. и П. передавал оружие совершения преступления, т.е. нож, а также искал наличные деньги в квартире М., но их не обнаружил. Н. забрал коньяк, ювелирные украшения и вместе с П. и Ч покинули место преступления. Судом было установлено, что в течение 2 дней Н. уговаривал Ч. на совершение преступления, информировал о том, что М. имеет большое количество денег, которых «не заслуживает», а также, что Н. знал о возрасте Ч., которому на момент совершения преступления было 16 лет. Итак, в анализируемом судебном решении описана та ситуация, когда за одно совершенное преступление пострадали два несовершеннолетних лица, одно из которых не привлекалось к его совершению.

На основании анализа судебной практики, можно сделать вывод, что способом вовлечения несовершеннолетнего в преступление может быть личный пример. Так, Г. 10.10.2018 г. вовлек К и Р. в совершение убийства, используя личный пример, а именно, первым нанес удары палкой по голове Ш., затем передал палку К., который продолжил избиение, затем передал оружие Р. для нанесения ударов. После того, как Ш. не показывала признаков жизни, Г. убедил К. и Р. облить тело Ш. бензином и поджечь, в следствии чего возник пожар. В результате совместных действий последовала смерть потерпевшей Ш.

Таким образом, такие способы как личный пример и убеждение являются опасными способами вовлечения в преступление, поскольку являются убедительными при совершение преступного деяния.

Так же способы, перечисленные в норме ст. 150 УК РФ и не являются исчерпывающими [2]: это обещание, обман, угроза и иные способы. Как правильно указывается в научной литературе, выбор способа вовлечения зависят от цели, которые ставит перед собой лицо, вовлекшее несовершеннолетнего в преступления, а также от отношений между этим лицом и несовершеннолетним, и др. В литературе обман как способ совершения вовлечения несовершеннолетнего в совершения преступления определяется как «воздействие на психику несовершеннолетнего путем введения в заблуждение путем передачи не соответствующей деятельности информации или умолчания о различных фактах, вещах, явлениях действительности с целью склонить определенное лицо к совершению преступления».

Анализ судебной практики показал, что обман редко выступает способом совершения преступления. Наиболее чаще встречается такой способ совершения преступления как предложение. Например, 26 ноября 2018 года Белозеров М.Е. вступил в предварительный преступный сговор на тайное хищение имущества, принадлежащего «Пансионат Высокий берег», с несовершеннолетним по предложению последнего. Они вдвоем прибыли к торговому киоску, где они убедились, что за ними никто не наблюдает, согласованно между собой, вдвоем, руками отогнули металлическую решетку, после чего Белозеров М.Е., остался наблюдать за окружающей обстановкой с тем, а несовершеннолетний через

образовавшееся отверстие незаконно проник в помещение указанного торгового киоска, откуда тайно украл имущество. После этого Белозеров М.Е. и Г.И.Н. вместе скрылись с места преступления, распорядившись похищенным по своему усмотрению, причинив «Пансионат «Высокий берег» материальный ущерб на общую сумму 3130,67 рублей. Суд квалифицировал действия Белозерова как вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления преступной группой (ч. 4 ст. 150 УК РФ). Угроза – это запугивание подростка в причинении вреда здоровью, законным интересам ему и его близким, также шантаж несовершеннолетнего о разглашении его компрометирующих сведений и предупреждение о неприятных последствиях при сопротивлении несовершеннолетнего.

Таким образом, угроза – это психическое насилие, которое сопровождается запугиванием и обещанием причинить несовершеннолетнему неприятности. Это может исходить в любых формах (письменная, устная, в форме жестов, по телефону), как самому подростку лично, так и через третьих лиц. Угроза должна быть реальной, так, чтобы устроить подростка и убедить его в том, что виновный способен ее осуществить.

Иные способы, это способы в виде уговоров, подкупа, лести, возбуждение чувства мести, зависти и др. Интересен вопрос момента окончания данного преступления. Высший судебный орган не всегда был един в этом вопросе. Научная дискуссия о том, с какого момента считать оконченным состав вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления, нашла свое отражение и в руководящих разъяснениях судебного органа.

В ныне отмененном Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14 февраля 2000 г. № 7 «О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних» момент окончания преступления, предусмотренного ст. 150 УК РФ, формулировался следующим образом: момента вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления либо антиобщественных действий независимо от того, успел ли он совершить какое-либо из указанных противоправных действий» (п. 8.) [3].

То есть момент окончания связывался с процессом вовлечения несовершеннолетнего, при этом оконченным деяние признавалось даже когда несовершеннолетний не успел совершить преступления. При такой ситуации практическим работникам дополнительно усложнялся процесс доказывания умысла на вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления, так как отсутствие объективного факта совершения несовершеннолетним общественно-опасного деяния препятствовало установлению события преступления. В действующих разъяснениях Верховного суда представлен противоположный взгляд на момент окончания.

В соответствии с Постановлением Пленума Верховного суда РФ «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» от 01 февраля 2011 г. № 1, момент окончания совершения преступления является совершение несовершеннолетним преступления, приготовления к преступлению, покушения на преступление [4]. Тем самым суд разъяснил, что если несовершеннолетний не предпринял никаких действий, направленных на совершение преступлений, в том числе и подготовительных, то в данном случае отсутствует оконченный состав

преступления и возможна квалификация при установлении объективных признаков как покушение на вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления.

Отдельный вопрос квалификации включает в себя разграничение вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления смежных и составов преступлений. Смежные составы преступлений различаются по одному или нескольким признакам и родственны по характеру общественной опасности. При квалификации помимо выделения разграничительных признаков важно установить также общие признаки. Нормы с общими базовыми определениями оказывают в этом большую помощь.

Признаки статьи 150 УК РФ во многом совпадают с признаками преступления, предусмотренного ст. 151 УК РФ и ст. 151.2 УК РФ. Эти нормы соотносятся как специальная и общая.

У рассматриваемых составов вовлечения совпадают характеристики:

- Объектом этих преступлений является нормально физическое, нравственное и духовное воспитание несовершеннолетних. Дополнительным объектом будет являться здоровье подростка. Потерпевшие – лица, не достигшие восемнадцати лет.

- Субъектом преступления будет являться только вменяемое физическое лицо, достигшее возраста восемнадцати лет.

- Субъективная сторона характеризуется прямым умыслом, лицо осознает, что вовлекает несовершеннолетнего в употребление спиртных напитков, одурманивающих веществ, бродяжничеством или попрошайничеством, и желает этого.

- Объективную сторону составляет вовлечение в оговоренные в ст. 151 виды антиобщественного поведения.

В диспозиции ст. 151 УК РФ не указаны способы вовлечения несовершеннолетних в антиобщественные действия. Однако следовало бы законодателю все же обозначить эти способы хотя бы открытым списком, как это сделано в ст. 150 УК РФ. Можно предложить следующие критерии, по которым нужно отличать вовлечение несовершеннолетних в совершении преступлений и вовлечения несовершеннолетних в совершении антиобщественных действий:

- а) по признакам потерпевшего несовершеннолетний от 14 до 18 лет (ст. 150 УК РФ); несовершеннолетний до 18 лет. Нижняя возрастная граница четкого определения не имеет. Практика исходит из примерного возраста 4-5 лет, т.е. когда ребенок говорит членораздельно, понятно для окружающих (ст. 151 УК РФ) [5].

- б) По признакам объективной стороны несовершеннолетний вовлекается в совершение преступления, т.е. деяние, описанное в Особенной части УК (ст. 150 УК РФ).

В последнее время уголовное законодательство, направленное на охрану нормального развития несовершеннолетних, дополнено было новым составом преступления: статья 151.2 Вовлечение несовершеннолетнего в совершение действий, представляющих опасность для жизни несовершеннолетнего. Норма была введена в Уголовный кодекс Федеральным законом от 07.06.2017 № 120-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в части установления дополнительных механизмов противодействия деятельности, направленной на побуждение детей к суицидальному поведению». Данный законопроект направлен на

борьбу с противоправными действиями, связанными со склонением совершению самоубийства и пр.

Пояснительная записка к законопроекту позволяет отграничить сферу применения данной статьи определенными действиями. Предполагается, что под действиями, заведомо для виновного представляющих опасность для жизни несовершеннолетнего, будут пониматься «случаи вовлечения лицами, достигшими восемнадцатилетнего возраста, подростков в «трейнсерфинг» (проезд на крыше поезда) или иные виды смертельно опасного «зацепинга», руфинг (незаконное проникновение на крыши высоких зданий) либо в иные занятия, в том числе игры по типу «Беги или умри», когда ребенку предлагается перебежать дорогу как можно ближе перед движущимся транспортом».

Важно, что вносимые изменения позволяют различать действия, связанные со склонением к самоубийству и действия, представляющие опасность для несовершеннолетнего по объективным признакам состава преступления и в порядке исключения «при отсутствии признаков склонения к совершению самоубийства, вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления или в совершение антиобщественных действий» будут квалифицироваться по ст. 151.2 УК РФ.

Представляется, что практическая деятельность по квалификации данного преступления пойдет по пути включения тех действий, которые предполагал законодатель, однако потребуется тщательные экспертизы документов (например, инструкции ЗЦПП в Интернете), которые призывают и вовлекают несовершеннолетних в опасную для них деятельность.

Таким образом, законодательство, направленное на защиту нормального развития несовершеннолетних, не остается неизменным. Внесение новых статей и уточнение старых позволяет ответить на вызовы различных форм преступной деятельности, которые посягают на самых уязвимых потерпевших – несовершеннолетних.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 13.06.1996 N 63-ФЗ. – Текст: электронный // СПС «КонсультантПлюс» : [сайт]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 15.05.2020).
2. Российская Федерация. Законы. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в части установления дополнительных механизмов противодействия деятельности, направленной на побуждение детей к суицидальному поведению : Федеральнй закон от 07.06.2017 г. № 120-ФЗ. – Текст: электронный // СПС «КонсультантПлюс» : [сайт]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_217848/ (дата обращения: 05.05.2020).
3. О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14.02.2000 г. № 7. – Текст: электронный // СПС «КонсультантПлюс» : [сайт]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_26260/ (дата обращения: 15.05.2020).
4. О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних : Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 01.02.2011 г. № 1. – Текст: электронный // СПС «КонсультантПлюс» : [сайт]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110315/ (дата обращения: 15.05.2020).

5. Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. Данные судебной статистики : официальный сайт. – Текст: электронный // Кбер.ру : [сайт]. – URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 18.05.2020 г.).

Merkazova V. A. Problems of specification of crime related to the involvement of a minor in criminal activities / V.A. Merkazova // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean federal university. Juridical science. – 2020. – Т. 6 (72). № 3. – P. 150-157.

Currently, the issue of juvenile delinquency is particularly acute. In this article we will consider some of the crime specification problems associated with the participation of a minor in criminal activity. Juvenile delinquency is a long-born antisocial phenomenon. The process of extracting information about juvenile delinquency is a rather interesting process, during which the features of the mechanism of unlawful behavior are clarified and evaluated, as well as the search for specific reasons that contribute to such behavior and the commission of crimes. The commission of crimes by minors as a result of their involvement in it by adults, that is, those persons who should form the worldview and principles of the younger generation, is one of the most acute problems facing our state. The danger of involving a minor in the commission of a crime consists in the subsequent distortion and incorrect formation of his mental and spiritual-moral development, which, as a rule, predetermines his further attitude to spiritual values, life, people around him, etc., as a result of which a new dangerous and the criminogenic element of society, which is able to continue to commit crimes and draw its peers into the criminal environment appears.

Keywords: involvement of minors in the commission of crimes, antisocial actions, method of involving a minor in the commission of a crime, related crimes, composition of involvement.

Spisok literatury

1. The Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 No. 63-FZ (as amended on 01.04.2020) Access from the reference legal system ConsultantPlus. – Text: electronic.
2. Federal Law of 07.06.2017 No. 120-FZ "On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and Article 151 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in terms of establishing additional mechanisms for countering activities aimed at encouraging children to suicidal behavior". – Access from legal system ConsultantPlus. – Text: electronic.
3. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of February 14, 2000 No. 7 (revised on February 6, 2007) "On judicial practice in cases of juvenile crimes" (no longer valid). – Access from the consultant-legal system ConsultantPlus. – Text: electronic.
4. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 01.02.2011 No. 1 "On judicial practice of the application of legislation governing the peculiarities of criminal liability and punishment of minors" // Rossiyskaya Gazeta. – 2011.
5. Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation. Judicial statistics data. – URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (date of treatment: 05.18.2020). – Text: electronic.

УДК 34.01

DOI: 10.37279/2413-1733-2020-6-3-158-165

ЭНЕРГИЯ И СИЛА В СИСТЕМЕ ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

Ольков С. Г.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского

Цель статьи – вывести формулу кинетической энергии специфического вида движения – движения субъективных прав и юридических обязанностей в правовых отношениях, а также показать связь прав и обязанностей в системе права в виде скалярного уравнения.

Ключевые слова: энергия, кинетическая энергия, потенциальная энергия, сила, скорость, ускорение, масса, цена, права, обязанности, правоотношения, реализация норм права, функция Кобба-Дугласа, эластичность, классическая механика, релятивистская механика, юридическая механика.

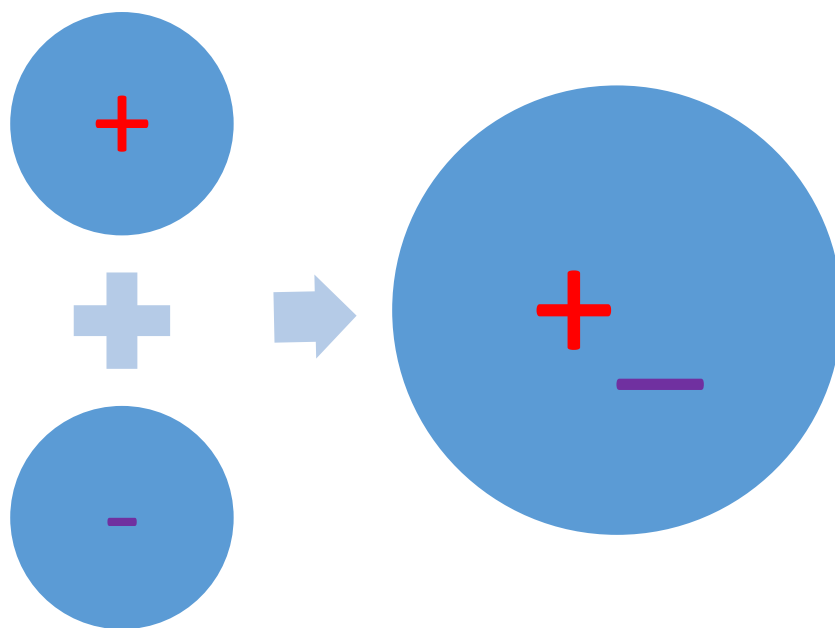
Научные методы: методы математического анализа – дифференциальное и интегральное исчисление.

Научные результаты, полученные автором: 1) выведена формула для вычисления кинетической энергии движения субъективных прав и юридических обязанностей: $E_s = 0,5 \cdot \sqrt[3]{q} \cdot \sqrt[3]{p^2}$; 2) проведено полезное преобразование формулы классической механики для вычисления кинетической энергии к виду: $E_k = \frac{1}{2} \cdot m^{\frac{1}{3}} \cdot v^{\frac{2}{3}}$, позволяющему в безразмерном виде интерпретировать влияние управляющих переменных – массы и переменной скорости на величину энергии системы; 3) показана связь прав и обязанностей в системе права в виде скалярного уравнения: $z = -s$; 4) показаны особенности свойств релятивистской и механической энергии, посредством математического анализа классической и релятивистской формул измерения энергии.

Система права и правоотношения. Любая система права состоит из двух видов разно заряженных частиц: А) положительно заряженных прав (субъективных прав); Б) отрицательно заряженных обязанностей (юридических обязанностей).

Правило: противоположно заряженные, одноименные права и обязанности в системе права притягиваются, образуя правоотношение.

Рис. №1. Образование правового отношения в системе права.

В отличие от простых физических положительно и отрицательно заряженных частиц, юридические права и обязанности не могут двигаться самостоятельно, а осуществляют движение в сознательных деяниях субъектов правовых отношений.

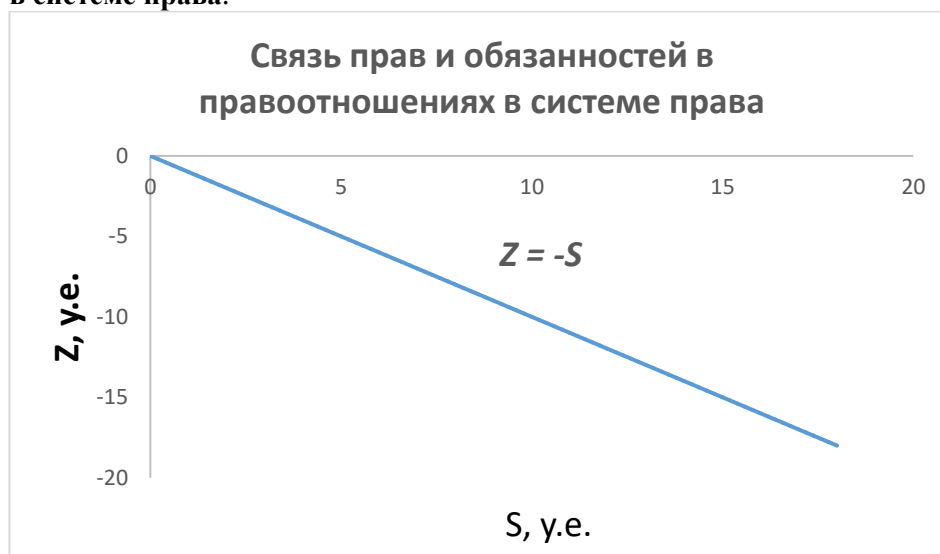
Права и обязанности в системе права и конкретных одноименных правоотношениях, например, гражданско-правовых или уголовно-правовых представляют собой векторные величины, которые одинаковы по модулю и противоположны по направлению:

$$\begin{aligned}\vec{Z} &= -\vec{S} \\ |\vec{Z}| &= |\vec{S}|\end{aligned}$$

В скалярном виде связь прав и обязанностей в системе права посредством конкретных правоотношений записывается в виде строгой монотонно убывающей линейной функции с коэффициентом пропорциональности равным минус единице:

$z = -1s \Rightarrow z = -s$ (формула №1), где s – переменная, характеризующая величину прав в единицах измерения прав, например, денежных или натуральных единицах; z – переменная, характеризующая величину юридических обязанностей в единицах измерения юридических обязанностей, например, денежных или натуральных единицах; $Ds \in [0; +\infty)$; $Dz \in [0; -\infty)$.

Рис. №1. Функция, связывающая права и обязанности в правоотношениях в системе права.

Поскольку область определения функции обязанностей простирается от нуля до плюс бесконечности, а область значений этой функции от нуля до минус бесконечности, постольку на плоскости $S0Z$ функция расположена в четвертом квадранте декартовой системы координат правой ориентации.

При этом необязательно измерение прав и обязанностей в данном правоотношении в одинаковых единицах измерения. Например, права могут измеряться в натуральных величинах, а обязанности в денежных или наоборот. Главное, чтобы они были полностью уравновешены. Например, вред, причиненный обвиняемым потерпевшему в уголовно-процессуальном правоотношении, измеряется категорией тяжести, скажем, как тяжкий, а величина обязанности возмещения измеряется в денежных единицах измерения.

Права и обязанности закладываются в нормы права законодателем в согласии с юридической теорией. При этом должно строго соблюдаться правило равновесия субъективных прав и юридических обязанностей – всякому субъективному праву должна соответствовать одноименная с ним и равная ему по величине юридическая обязанность.

Субъекты правоотношений, юридическое движение, потенциальная и кинетическая энергия в системе права, реализация норм права.

Субъекты конкретных видов правоотношений являются носителями субъективных прав и юридических обязанностей, то есть они обладают потенциальной юридической энергией или силой положительно и отрицательно заряженных частиц системы права, которая в конкретных правоотношениях переходит в энергию движения правоотношений, то есть кинетическую энергию. Без действий субъектов правоотношений энергия, заложенная в субъективных правах и юридических обязанностях, не реализуется и остается потенциальной. Реализация (движение) энергии частиц системы права – прав и обязанностей, осуществляется в формах использования, исполнения, соблюдения и применения.

Кинетическая энергия правоотношений. Количественно величина субъективных прав описывается уравнением: $s = pq$ (формула №2), где s – переменная, характеризующая величину субъективных прав у данного субъекта правоотношений при фиксированном времени; p – цена единицы субъективного права конкретного вида в денежных единицах измерения; q – количество единиц данного субъективного права. Обратим внимание, что цена — это скорость в единицах на штуку в данном случае.

Проинтегрировав правую часть уравнения №2, или, другими словами, взяв неопределенный интеграл от функции субъективных прав, получим: $\int pqdq = \frac{pq^2}{2} + C$, где C – произвольная постоянная. Площадь любого субъективного права равна величине определенного интеграла от функции данного субъективного права с пределами интегрирования от нуля до Q : $S_k = p \int_0^Q qdq$. То есть: $S_k = \frac{pq^2}{2}$, поскольку вторая составляющая – вычитаемое в формуле Ньютона-Лейбница в данном случае равно нулю и произвольная постоянная также равна нулю. Например, если $s=2q$, а верхний предел интегрирования $Q=7$, то площадь реализованного субъективного права составит: $\int_0^7 \frac{pq^2}{2} dq = \frac{2 \cdot 7^2}{2} - \frac{2 \cdot 0^2}{2} = 49$ квадратных единиц данного субъективного права, например, рублей.

Нетрудно заметить, что формула площади субъективного права хотя и похожа на физическую формулу кинетической энергии: $E_k = \frac{mv^2}{2}$, но не совпадает с ней, поскольку в квадрат в физической формуле кинетической энергии возводится не масса, а скорость. Так же очевидно, что кинетическая энергия есть функция от двух, а не от одной переменной: $E_k = \frac{1}{2}mv^2$, где скорость является переменной величиной, которая возводится в квадрат. Следовательно, в формуле кинетической энергии присутствуют три вида скоростей: 1) переменная скорости v ; 2) частная производная кинетической энергии по массе; 3) частная производная кинетической энергии по скорости. При этом частные производные здесь константы.

В формуле площади субъективного права константой скорости выступает цена, и ей связаны две переменные: 1) доход (величина субъективного права); 2) количество какого-то блага в штуках или других удобных единицах измерения.

Если теперь сделать цену блага переменной величиной, то можно записать формулу кинетической энергии субъективного права аналогично формуле кинетической энергии механической системы в виде поверхности в трёхмерном пространстве: $E_k = \frac{qp^2}{2} = \frac{1}{2}qp^2$.

Таким образом, кинетическая энергия субъективного права в данном правоотношении есть ни что иное, как поверхность в трёхмерном пространстве $q0pE_k$, обусловленная двумя независимыми переменными – количеством субъективного блага и переменной ценой этого блага. При этом в формуле присутствуют еще две скорости в виде констант: 1) первая частная производная кинетической энергии субъективного права по количеству данного субъективного блага, показывающая насколько в абсолютном выражении изменяется кинетическая энергия субъективного права (блага), при изменении количества этого блага на единицу измерения, естественно, при условии, что вторая независимая переменная

(цена) остается неизменной (фиксированной); 2) первая частная производная энергии субъективного права по переменной цене данного субъективного права, отвечающая на вопрос, насколько в абсолютном выражении изменяется величина субъективного права при изменении цены данного субъективного права на единицу измерения, например, 1 рубль. При том, естественно, условии, что вторая объясняющая переменная – количество блага остается фиксированной (неизменной).

Чтобы увидеть, как изменяется кинетическая энергия субъективного права при одновременном изменении управляющих независимых переменных, нужно взять полный дифференциал функции кинетической энергии.

Обратим внимание, что формула кинетической энергии есть ни что иное, как частный случай формулы Кобба-Дугласа. В экономике такие степенные функции широко применимы, например, для описания производственных функций. Отличие будет только в переменных и параметрах. Так, производственная функция устанавливает связь между выпуском продукции и факторами производства – трудом, капиталом и другими. Если взять только труд и капитал в качестве управляющих переменных, то мы получим поверхность выпуска в зависимости от количества затраченного труда и капитала.

Запишем формулу кинетической энергии субъективного права в виде очевидной функции Кобба-Дугласа: $E_s = \frac{qp^2}{2} = \frac{1}{2}qp^2 = \frac{1}{2}q^1p^2 = 0,5 \cdot q^{0,33}p^{0,67}$. Чем удобна эта функция? – Прежде всего тем, что мы сразу видим, какое влияние на зависимую переменную оказывают независимые переменные, поскольку показатели степени здесь выступают в качестве постоянных коэффициентов эластичности. Мы можем сказать, если цена меняется на 1%, то энергия меняется на 0,67%. Если количество блага меняется на 1%, то энергия меняется на 0,33%.

Таким образом, формула кинетической энергии будь то субъективного права в правовой механике или в классической Ньютоновой механике описывается функцией Кобба-Дугласа: $E_s = \frac{1}{2} \cdot q^{\frac{1}{3}} \cdot p^{\frac{2}{3}}$ или $E_s = 0,5 \cdot \sqrt[3]{q} \cdot \sqrt[3]{p^2}$.

Поскольку перед нами простая степенная функция вопрос соотношения переменных в правой части уравнения легко решить по упрощенной формуле:

$$\text{Для нашего случая имеем: } \frac{q}{p} = \frac{1}{3} : \frac{2}{3} = \frac{1}{3} \cdot \frac{3}{2} = \frac{3}{6} = \frac{1}{2}.$$

Обычно формулу кинетической энергии записывали так: $E_k = \frac{mv^2}{2}$. Теперь это можно сделать по-другому в виде функции Кобба-Дугласа: $E_k = \frac{1}{2} \cdot m^{\frac{1}{3}} \cdot v^{\frac{2}{3}}$.

$E_k = \sqrt[3]{m} \cdot \sqrt[3]{v^2}$. При этом лучшая запись: $E_k = \frac{1}{2} \cdot m^{\frac{1}{3}} \cdot v^{\frac{2}{3}}$. Почему? – Потому, что показатели степеней переменных – это постоянные коэффициенты эластичности, которые в процентном выражении показывают процентное изменение кинетической энергии при однопроцентных изменениях управляющих энергией переменных – массы и переменной скорости. Следовательно, если масса изменится на 1 % то энергия изменится на 0,33%, а, если на 1% изменится скорость, то энергия изменится на 0,67 %. Из стандартной физической формулы, записанной во всех школьных учебниках физики, ничего подобного мы не видим. Мы лишь можем сказать, что изменение скорости влияет на энергию сильнее, чем изменение массы. При этом масса и скорость измеряются в разных единицах измерения – масса в единицах

измерения массы, например, килограммах, а скорость в единицах измерения скорости, например, метрах в секунду, а, следовательно, и интерпретировать связь переменных в абсолютных величинах крайне неудобно, а огромный «плюс» степенных функций, имеющих свойство неизменной эластичности, не используется.

По ходу рассуждений можно вспомнить и формулу энергии из релятивистской – Эйнштейновой механики: $E = mc^2$, которая, по существу, является сильно упрощенным аналогом функции кинетической энергии в классической Ньютоновой механике. Действительно, в правой части уравнения у нас также стоит произведение массы на скорость, возведенную в квадрат. Отсутствует только деление произведения в числителе на два или, что то же самое – умножение произведения массы на квадрат скорости на одну вторую. Но скорость то в формуле Эйнштейна – это константа, а в формуле механической кинетической энергии – это переменная величина.

Тут сразу видно, что формула Эйнштейна гораздо проще, чем обычная формула для записи кинетической энергии, поскольку мы от трёхмерного пространства переходим к плоскости: $m0E$. Ясно, что скорость света, возведенная в квадрат – это константа: $c^2 = const$, а следовательно в декартовой системе координат правой ориентации релятивистская энергия лежит всецело в первом квадранте, и элементарное линейное уравнение, описывающее количество этой энергии, не имеет свободного члена (при нулевой массе энергия равна нулю). То есть это уравнение вида: $y = bx$, где $x=m$, $y=E$, $b = c^2$, соответственно, x и y – это переменные, а b – параметр.

Энергия в Эйнштейновой формуле зависит только от массы, и его уравнение интерпретируется только так: если масса изменяется на единицу измерения, то количество энергии изменяется на величину равную $c^2 = (299792458)^2$ единиц измерения энергии. Процентное же изменение энергии от массы здесь не постоянная, а переменная величина: $\mathcal{E}_{E/m} = b \cdot \frac{m}{E}$. Другими словами, эластичность энергии по массе есть переменная величина, зависящая и от количества энергии, и от количества массы.

Еще раз подчеркнем, что константа, возведенная в квадрат, есть константа, а производная константы строго равна нулю, потому что константы не изменяются. Поэтому в формуле Эйнштейна есть только одна скорость в виде параметра линейного уравнения: $b = c^2$, а в формуле механической кинетической энергии три вида скоростей: одна переменная (v) и две константы в виде частных производных энергии по массе и энергии по переменной скорости.

Из формулы $E = mc^2$ следует, что ускорение в исследуемой системе отсутствует, поскольку в уравнении $y = bx$ есть только первая производная, равная константе скорости $b=299792458^2$. Из нерелятивистской формулы кинетической энергии следует, что в описываемой ей связи присутствует ускорение, поскольку функцию можно продифференцировать дважды, то есть здесь есть вторые частные производные.

Обратим внимание, что единицей измерения классической кинетической энергии является джоуль, а получается из произведения единиц массы на единицы измерения скорости, например, килограммы умножаем на километры в час. В нашем случае кинетическая энергия субъективных прав есть ни что иное, как произведение количества, например, штук на цену, скажем, рублей за штуку. Поэтому, вообще говоря, перед нами не джоуль, а какое-то другое название, например, оль, если использовать начальные буквы моей фамилии.

Потенциальная энергия – это энергия взаимодействия, например, продавца и покупателя, должника и кредитора, истца и ответчика и так далее. Скажем, продавец в потенциале имеет интерес продать свой товар, а покупатель – приобрести этот товар для удовлетворения своих физических или духовных потребностей. Потенциальная энергия субъективного права переходит в кинетическую тогда и только тогда, когда субъект правоотношения, обладающий данным субъективным правом, начинает использовать это право, например, обращается за получением пенсии по достижении пенсионного возраста. Потенциальная энергия юридической обязанности переходит в кинетическую только тогда, когда субъект – носитель юридической обязанности начинает её реализовывать в форме исполнения юридической обязанности. Потенциальная энергия уголовно-правового запрета переходит в кинетическую тогда и только тогда, когда субъект уголовно-процессуальных правоотношений, например, следователь выявляет факт нарушения уголовно-правового запрета физическим лицом, которого переводит в разряд подозреваемых, то есть делает субъектом уголовно-процессуальных правовых отношений и т.д.

В физической теории выделяют различные виды потенциальной энергии, в частности, упругой деформации, гравитационного взаимодействия, в поле тяжести. Например, потенциальная энергия упругой деформации описывается формулой: $E_{\text{п}} = \frac{mx^2}{2}$, которую подобно формуле нерелятивистской кинетической энергии легко преобразовать с помощью функции Кобба-Дугласа к виду: $E_{\text{п}} = \sqrt[3]{m} \cdot \sqrt[3]{x^2}$ или, что тоже самое: $E_{\text{п}} = \frac{1}{2} \cdot m^{\frac{1}{3}} \cdot x^{\frac{2}{3}}$. Следовательно, если масса изменяется на 1%, то потенциальная энергия упругой системы меняется на 0,33%, а если расстояние (в виде растяжения или сжатия пружины) меняется на 1%, то потенциальная энергия упругой системы меняется на 0,67%.

Субъективные права и юридические обязанности – это силы, а, следовательно, они функционально зависят от детерминирующих их масс и ускорений. Сила субъективного права – это векторная величина: $\vec{F}_s = q\vec{a} = q \frac{\vec{p}_k - \vec{p}_n}{t_k - t_n}$, где ускорение есть разность между конечной и начальной ценой за соответствующий период времени. Сила юридической обязанности будет отличаться от силы субъективного права только знаком, то есть векторным направлением.

Выводы:

Проведено исследование и получены научные результаты, имеющие прикладное значение, как для общей теории права, так и физической теории в части, касающейся понимания и интерпретации энергии в классической и релятивистской физике. Получен комплекс простых математических моделей полезных для решения соответствующих классов задач, учащимися и студентами соответствующих юридических и физических специальностей: 1) выведена формула для вычисления кинетической энергии движения субъективных прав и юридических обязанностей: $E_s = 0,5 \cdot \sqrt[3]{q} \cdot \sqrt[3]{p^2}$; 2) проведено полезное преобразование формулы классической механики для вычисления кинетической энергии к виду: $E_k = \frac{1}{2} \cdot m^{\frac{1}{3}} \cdot v^{\frac{2}{3}}$, позволяющему в безразмерном виде интерпретировать влияние управляющих переменных – массы и переменной скорости на величину энергии системы; 3) показана связь прав и обязанностей в системе права в виде скалярного уравнения:

$z=-s$; 4) показаны особенности свойств релятивистской и механической энергии, посредством математического анализа классической и релятивистской формул измерения энергии.

Список литературы

1. Ольков, С. Г. Математические начала теории правоотношений, благо- и злодеяний (Часть I) / С. Г. Ольков. – Текст : непосредственный // Известия высших учебных заведений. Уральский регион, 2018, № 2. – С. 169–191.
2. Ольков, С. Г. Математические начала теории правоотношений, благо- и злодеяний (Часть II) / С. Г. Ольков. – Текст : непосредственный // Известия высших учебных заведений. Уральский регион, 2018, № 3. – С. 166–201.
3. Ольков, С. Г. Математические начала теории правоотношений, благо- и злодеяний (Часть III) / С. Г. Ольков. – Текст : непосредственный // Известия высших учебных заведений. Уральский регион, 2018, № 4. – С. 94–187.
4. Ольков, С. Г. Законы спроса благо- и злодеяний в связи с юридической ответственностью и законом добра и зла / С. Г. Ольков. – Текст : непосредственный // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. – 2020, № 4. Т. 5 (71). – С. 197–214.
5. Ольков, С. Г. Уравнение правоотношений, объяснение спроса на товар «преступление» из бюджетного ограничения потребителя и теоремы, касающиеся возмещения ущерба / С. Г. Ольков. – Текст : непосредственный // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. – 2020. – Т. 6 (72). – № 1. – С. 234–250.
6. Ольков, С. Г. Установление фундаментальных физических законов спроса и предложения товара «преступление», цены преступлений, напряжения и мощности в социальных системах / С. Г. Ольков. – Текст : непосредственный // Вестник Казанского юридического института МВД России, 2019, № 3. – С. 264–276.

Ol'kov S. G. Energy and force in the system of legal relations / S.G. Ol'kov // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean federal university. Juridical science. – 2020. – Т. 6 (72). № 3. – P. 158-165.

The purpose of the article is to deduce the formula of kinetic energy of a specific movement – the movement of subjective rights and legal obligations in legal relations, and to show the relationship of rights and obligations in the legal system in the form of a scalar equation.

Keywords: energy, kinetic energy, potential energy, force, speed, acceleration, mass, price, rights, responsibilities, legal relations, implementation of the rule of law, Cobb-Douglas function, elasticity, classical mechanics, relativistic mechanics, legal mechanics.

Spisok literatury

1. Olkov S. G. Mathematical Principles of the Theory of Legal Relations, Benefits and Atrocities (Part I) / S. G. Olkov // News of higher educational institutions. Ural region, 2018, No. 2. – Pp. 169–191.
2. Olkov S. G. Mathematical principles of the theory of legal relations, goodness and evil (Part II) / S. G. Olkov // News of higher educational institutions. Ural region, 2018, No. 3. – Pp. 166–201.
3. Olkov S. G. Mathematical principles of the theory of legal relations, goodness and evil (Part III) / S. G. Olkov // News of higher educational institutions. Ural region, 2018, No. 4. – Pp. 94–187.
4. Olkov S. G. Laws of demand for good and evil in connection with legal responsibility and the law of good and evil / S. G. Olkov // Scientific Notes of the Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky. Legal Sciences. – 2019, No. 4. Vol. 5 (71). – Pp. 197–214.
5. Olkov S. G. Equation of legal relations, explanation of the demand for a product "crime" from the budgetary constraint of the consumer and theorems concerning compensation for damage / S. G. Olkov // Scientific Notes of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University Legal Sciences. – 2020. – Т. 6 (72). – No. 1. – Pp. 234–250.
6. Olkov S. G. Establishment of fundamental physical laws of supply and demand for goods "crime", prices of crimes, tension and power in social systems / S. G. Olkov // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2019, No. 3. – Pp. 264–276.

УДК 343.2.7

DOI: 10.37279/2413-1733-2020-6-3-166-172

ПРОБЕЛЫ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ, СВЯЗАННЫЕ С ЗАЩИТОЙ АВТОРСКИХ И СМЕЖНЫХ ПРАВ

Ходусов А. А.

Международный юридический институт

В данной статье выделен ряд пробелов в сфере охраны авторских и смежных прав; свои суждения автор основывает на том, что в качестве объектов интеллектуальной собственности целесообразно рассматривать неимущественные и имущественные права авторов и правообладателей, а предметами интеллектуальной собственности необходимо признать конкретные овестьвленные результаты индивидуальной или коллективной интеллектуальной деятельности. Неимущественные права по своей сути – это блага, которые имеют ценность без привязки к причиненному автору имущественного ущерба. В российском законодательстве на сегодняшний день ещё не сформированы критерии криминализации преступлений в исследуемой сфере.

Ключевые слова: авторские и смежные права, интеллектуальная собственность, уголовно-правовая защита, Уголовный Кодекс.

Как справедливо отмечает правовед В.Н. Лопатин, при анализе специфики и частоты применения определённых норм Уголовного кодекса (далее – УК РФ), их, в зависимости от практической эффективности, можно условно классифицировать на пять групп: не-, мало-, низко-, средне- и высокоэффективные нормы. В категории не оправдывающих себя, неэффективных статей УК РФ, по которым практически не регистрировались преступления, находится ст. 147; ст. 146 попала в группу низкоэффективных статей УК РФ, по которым практически не осуждались лица [1].

В юридической литературе имеются различные мнения касательно целесообразности охраны имущественного и неимущественного компонента интеллектуальной собственности средствами уголовно-правовой охраны. Ряд исследователей считают, что опасность присвоения авторства очевидна и в связи с этим может выступать весомым и самодостаточным основанием для привлечения нарушителя к уголовной ответственности [3]. Мы уверены в том, что отсутствует необходимость определённым образом связывать и подтверждать вероятность наступления уголовной ответственности за присвоение авторства с наступлением общественно опасных последствий. Данный тезис можно аргументировать тем обстоятельством, что подобные действия являются по своему существу посягательством на базовые человеческие ценности, поэтому их повышенная социальная опасность – неоспорима и не зависит от конкретных фактических последствий, которые они влекут. Непосредственным объектом данной группы преступлений является право интеллектуальной собственности, которое включает в себя авторские и смежные с авторскими права, а также изобретательские и патентные права [3].

По нашему мнению, нормы ст.ст. 146 и 147 УК РФ по факту охраняют не интеллектуальную собственность; защита немущественных личных прав авторов не может быть определена «ценой», так как такие права по своей сути – блага, они имеют условную и чисто человеческую ценность, которая не находится во взаимосвязи с размерами имущественного ущерба [1].

Право авторства согласно ч.1 ст. 150 ГК РФ признаётся в качестве нематериального блага. Исходя из ч.2 указанной статьи, защита нематериальных благ осуществляется в определённых случаях и пределах: исходя из смыслового ядра нарушенного нематериального блага, либо же личного немущественного права и определённого характера последствий данного нарушения [2]. Следовательно, в контексте рассматриваемой темы необходимо исследовать проблематику последствий именно немущественного характера (моральный вред и т.д.). Однако, отсюда вытекает вторая проблема: уголовно-правовая охрана личных немущественных прав на практике тяжело реализуема ввиду их неисчислимости.

В российском законодательстве на сегодняшний день ещё не сформированы критерии криминализации исследуемых деяний. Целесообразность разведения по разные стороны гражданских правонарушений и преступных деяний приводит к охране имущественной составляющей интеллектуальной собственности уголовными мерами, что отождествляет ее с уголовно-правовой охраной вещной собственности.

Таким образом, можно отметить, что действующим УК РФ интеллектуальная собственность не охраняется ввиду того, что не хватает адекватного закрепления исследуемых аспектов в рамках уголовного закона. В качестве ключевого последствия посягательства на авторское право нужно подразумевать, в первую очередь, ущерб чести и репутации, дестабилизация профессиональной деятельности автора. Только тогда выражаемые в интеллектуальной собственности и не регулируемые финансовым эквивалентом ценности будут выполнять свою естественную социальную роль, и, отличать одного человека от других. По нашему мнению всегда важно помнить о том, что в триаде «личность-общество-государство» на первом месте, исходя из предназначения и направленности всего УК РФ, стоит личность. Говоря о защите авторских и смежных прав, следует понимать, что речь идёт о таких глобальных категориях, как интеллект, творчество, сознание, волевые усилия, талант, которые на сегодняшний день защищаются только положениями гражданского законодательства [1].

Проблема уголовной защиты авторских и смежных прав специфична в силу вышеприведенных причин, поэтому нужно уйти от неактуальной в данном случае трактовки термина «собственность» и рассматривать данную категорию с концепции главенства личности, выступающей базой всего Уголовного права. Только в таком случае взгляд на структурные элементы исследуемой сферы правоотношений изменится и можно будет главенствующим объектом права собственности обозначать уже не имущество, а свободу воли непосредственного собственника, а объектом интеллектуальной собственности – не предмет осязаемого материального мира, а личные немущественные и исключительные по своей сути и юридической природе права.

Нам представляется, что не следует ставить в зависимость от цели совершения преступления уголовно-правовую охрану присвоения авторства (личного немущественного права) ввиду того, что для лица, немущественные права

которого стали объектом посягательства, не важны мотивы и цели преступника, так само, как они не должны быть важны для уголовного законодательства в целом. Должен соблюдаться принцип выявления опасности правонарушения, так как посягательство на свободу воли автора в целях извлечения прибыли не может быть менее опасно, чем преследование цели прославиться. Таким образом, указание на корыстную цель в положениях УК, в которых речь идёт об уголовно-правовой охране интеллектуальных прав, нецелесообразно по своим конечным целям и задачам.

Помимо вышесказанного, можно выделить характерную черту статей уголовного закона, которые устанавливают ответственность за посягательства на предметы авторского, смежного, патентного и изобретательского права – они не унифицированы. Например, в ч. 3 ст. 146 УК РФ прописаны такие признаки нарушения авторских и смежных прав, предусмотренные для квалификации: совершение соответствующих преступлений группой лиц по предварительному сговору или организованной группой; в особо крупном размере; лицом с использованием своего служебного положения. Они относятся только к ч. 2 ст. 146 УК РФ (незаконное использование объектов авторского права или смежных прав) и не рассматриваются как квалифицирующие признаки плагиата.

В ч. 2 ст. 147 УК РФ предусмотрено нарушение изобретательских и патентных прав, совершенное группой лиц по предварительному сговору или организованной группой, другие квалифицирующие признаки отсутствуют.

Как мы видим, в рассмотренных признаках ст.ст. 146, 147 УК РФ по которым необходимо проводить квалификацию – нет единообразия и однозначности, хотя они призваны охранять один объект.

Более того, если незаконное использование предметов авторского права и смежных прав в крупном размере осуществляется группой лиц по предварительному сговору или предварительно организованной группой (или в особо крупном размере, или с использованием своего служебного положения), то данное преступное деяние перемещается из категории небольшой тяжести (по своему основному составу) в категорию тяжких преступлений (речь идёт о квалифицированном составе).

Однако, мы можем увидеть, что нарушение изобретательских и патентных прав по аналогии совершенное группой сговорившихся лиц (или организованной группой) находится в группе преступлений средней тяжести. То есть, между ст.ст. 146, 147 УК РФ явствует не просто разница в определении квалифицирующих признаков, а и различие величины применяемых санкций квалифицированных составов [1]. Нам импонирует мнение А.А. Тимофеевой, который говорит о целесообразности дифференцированного подхода к существу уголовной ответственности за совершение указанных преступлений «группой лиц по предварительному сговору» и «организованной группой» [5]. Таким образом, для устранения данного пробела было бы целесообразно расположить приведенные квалифицирующие обстоятельства в совершенно разных частях ст.ст. 146 и 147 УК РФ и только одно из них (совершение деяния организованной группой) отнести к категории тяжкого преступления, дополнив исследуемые статьи частью четвертой.

Помимо этого, мы предлагаем уравнивать ответственность за преступления по ст.ст. 146, 147 УК РФ с корыстными ненасильственными посягательствами на материальную собственность, которые являются смежными. Подобное мнение поддерживают некоторые правоведы. Так, А.В. Наумов считает целесообразным

уравнивать санкции ст.ст. 146, 147 УК РФ с санкциями за хищение чужого имущества. Данные уравнительные правовые действия аргументированы в соответствии с имеющийся в УК РФ концепции охраны имущественной составляющей интеллектуальной собственности [3].

Далее рассмотрим ещё один выявленный пробел. Так, юридическое лицо не может быть автором произведения, если исходить из гражданского законодательства РФ. При этом, обладателем исключительных прав оно, быть может, начиная с момента создания служебного произведения, если между работодателем и этим лицом не был составлен договор об ином положении дел. В случае передачи исключительных прав по договору, юридическое лицо также может быть правообладателем. Проблемы возникают из-за того, что в соответствии с актуальными международными соглашениями, при признании (по национальному законодательству) юридического лица автором произведения его страны, такое юридическое лицо следует признать автором и на территории России. Данный аспект очень актуален, так как нередко правонарушители переводят чужие труды зарубежных правообладателей и выдают за свои на территории своего государства. Итак, предусмотренное законодателем правомочие юридических лиц выступать в качестве правообладателей ставит под сомнение целесообразность нахождения исследуемой статьи в раздел VII УК РФ – «Преступления против личности», так как только гражданин, а не юридическое лицо в правовой науке является личностью. Исходя из этого, возможно деление деяний на два различных преступления путем помещения их в отдельные главы УК РФ:

1. Присвоение авторства – плагиат, в «Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина», главу из раздела «Преступления против личности»;

2. Незаконное использование объектов авторского права – в «Преступления против собственности», главу из раздела «Преступления в сфере экономики»).

Помимо указанных коллизий норм, важно акцентировать внимание на несогласованности норм уголовного и норм уголовно-процессуального законодательства, касающихся примирения сторон, как основания прекращения уголовного дела, возбуждённого по ч. 1 ст. 146 УК РФ.

Как мы знаем, санкция за плагиат не предусматривает лишение свободы, так как данное преступление относится преступным деяниям небольшой тяжести. Исходя из положений ст. 76 УК РФ, лицо, которое совершило преступление небольшой или средней тяжести впервые, может от уголовной ответственности быть полностью освобождено в случае примирения с потерпевшим (что подразумевает определённый способ заглаживания вины и вреда, нанесённого потерпевшему).

Но, Уголовно-процессуальный кодекс РФ (далее – УПК РФ) ч. 3 ст. 20 УПК РФ налагает запрет на подобное прекращение возбуждённых уголовных дел частно-публичного обвинения (ч. 1 ст. 146 УК РФ относится именно к таким) и не считает примирение сторон основанием для освобождения от ответственности. Таким образом, в УК РФ не хватает оговорки о невозможности прекращения определенной группы уголовных дел (которые выступают преступлениями небольшой и средней тяжести, являясь при этом делами частно-публичного обвинения), что ведёт к несоответствию между нормами уголовного и уголовно-процессуального законодательств и является ещё одним пробелом.

В заключении выделим ещё один пробел (которых на самом деле великое множество). Начнём с того, что его актуальность несравненно высока, так как речь пойдёт о программах для ЭВМ: С. Юрков приводит такую статистику по ст. 146 УК РФ, программы для ЭВМ, как предметы посягательств – в 73% случаев [6].

Исходя из норм ГК РФ, авторские права на такие объекты подлежат охране наряду с произведениями литературы (приравниваются к ним в части их защиты). Как мы видим, программы для ЭВМ – наиболее распространенный предмет анализируемого преступления. В рамках нашей темы нам важна квалификация деяния одновременно по ст.ст. 146 и ст. 272 УК РФ (неправомерный доступ к компьютерной информации). В данном случае мы имеем интересную юридическую совокупность -исследуемое деяние обладает признаками различных между собой составов преступлений. Это допустимо, ведь предмет преступления по ст. 146 УК РФ – программы для ЭВМ в качестве объектов авторских прав, а непосредственный предмет преступления, согласно ст. 272 УК РФ – такие программы, как компьютерная информация. Помимо этого, подобные деяния часто квалифицируются ещё и по ст. 146 и ст. 273 УК РФ (создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ) [1].

Мы считаем необоснованным, квалифицировать одни и те же деяния по ст.ст. 146, 272 и 273 УК РФ ввиду того, что неправомерный, несанкционированный и мошеннический доступ к компьютерной информации и использование вредоносных компьютерных программ являются частями единого мультимодального по своему существу преступления, предусмотренного ст. 146 УК РФ. Также сложность вызывает определение размера преступления, так как существует большое количества версий программного обеспечения у производителя, поэтому по нашему мнению без эксперта подобные дела рассматриваться не могут.

Выводы.

1. Мы выяснили, в России не развита уголовно-правовая охрана интеллектуальной собственности как правового блага.

2. В рассмотренных признаках ст.ст. 146, 147 УК РФ по которым необходимо проводить квалификацию – нет единообразия и однозначности, хотя они призваны охранять один объект. Целесообразно расположить приведенные квалифицирующие обстоятельства в совершенно разных частях ст.ст. 146 и 147 УК РФ и только одно из них (совершение деяния организованной группой) отнести к категории тяжкого преступления, дополнив исследуемые статьи частью четвертой.

3. Мы предлагаем уравнивать ответственность за преступления по ст.ст. 146, 147 УК РФ с корыстными ненасильственными посягательствами на материальную собственность, которые являются смежными преступными деяниями.

4. В УК РФ не хватает оговорки о невозможности прекращения определенной группы уголовных дел (которые выступают преступлениями небольшой и средней тяжести, являясь при этом делами частно-публичного обвинения), что ведёт к несоответствию между нормами уголовного и уголовно-процессуального законодательств в исследуемой сфере.

5. Мы считаем необоснованным квалифицировать одни и те же деяния по ст.ст. 146, 272 и 273 УК РФ ввиду того, что неправомерный, несанкционированный и мошеннический доступ к компьютерной информации и использование вредоносных

компьютерных программ являются частями единого мультимодального по своему существу преступления, предусмотренного ст. 146 УК РФ.

6. Мы аргументировали, что не следует ставить в зависимость от цели совершения преступления уголовно-правовую охрану присвоения авторства – личного неимущественного права ввиду того, что для лица, неимущественные права которого стали объектом посягательства, не важны мотивы и цели преступника, так само, как они не должны быть важны для уголовного законодательства в целом. Должен соблюдаться принцип выявления опасности правонарушения, так как посягательство на свободу воли автора в целях извлечения прибыли не может быть менее опасно, чем преследование цели прославиться. Таким образом, указание на корыстную цель в положениях УК, в которых речь идёт об уголовно-правовой охране интеллектуальных прав, нецелесообразно по своим конечным целям и задачам.

Список литературы

1. Российская Федерация. Законы. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 27.12.2018 г.) // Собрание законодательства РФ. – Текст: электронный // СПС «КонсультантПлюс» : [сайт]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/f8192c0e948acf3e8e2db0e47310000811b339b6/ (дата обращения: 15.05.2020 г.).
2. Российская Федерация. Законы. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ : текст на 16.12.2019 г. // «Собрание законодательства РФ». – [Офиц. изд.]. – 05.12.1994 г. – № 32. – Ст. 3301. – Текст : непосредственный.
3. О практике рассмотрения судами уголовных дел о нарушении авторских, смежных, изобретательских и патентных прав, а также о незаконном использовании товарного знака : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26.04.2007 г. № 14 // Официальный интернет-портал правовой информации. – Текст: электронный // Право.ру : [сайт]. – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 10.05.2020 г.).
4. Лопатин, В. Н. Управление рисками интеллектуальной собственности в инновационных проектах металлургии и машиностроения : доклад / В. Н. Лопатин. – Текст : непосредственный // Конструкторское бюро. – 2015. – № 10. – С. 48–57.
5. Кармалов, Н. А. Международно-правовые аспекты защиты объектов авторского права / Н. А. Кармалов, О. А. Ковалева // OMEGA SCIENCE, 2019. – 243 с. – Текст : непосредственный.
6. Наумов, А. В. Российское уголовное право : курс лекций: в 3 т. Т. 1: Общая часть / А. В. Наумов. – Wolters Kluwer Russia, 2004. – 495 с. – Текст : непосредственный.
7. Хасанов, Э. Р. Теоретические основы института защиты авторского права и механизмов ее реализации в России / Э. Р. Хасанов. – Текст : непосредственный // Балтийский гуманитарный журнал. – 2019. – Т. 8. – № 1 (26). – С. 360–363.
8. Тимофеева, А. А. Авторское право в России: историко-правовой аспект / А. А. Тимофеева. – Текст : непосредственный // Балтийский гуманитарный журнал. – 2019. – Т. 8. – № 4. – С. 390–392.
9. Юрков, С. Отражение в уголовно-правовой норме объекта и предмета преступления, предусмотренного ст. 146 УК РФ / С. Юрков. – Текст : непосредственный // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. – 2014. – № 2. – С. 72–77.

Khodusov A. A. Gaps in Russian criminal legislation related to with the protection of copyright and related rights / A.A. Khodusov // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean federal university. Juridical science. – 2020. – Т. 6 (72). № 3. – P. 166-172.

In this article, we highlight a number of gaps in the protection of copyright and related rights; we base our judgments on the fact that it is advisable to consider the moral and property rights of authors and copyright holders as objects of intellectual property, and specific materialized results of individual or collective intellectual activity should be recognized as intellectual property. Non-property rights inherently are goods that have value without reference to property damage inflicted on the author. In Russian legislation, the criteria for the criminalization of crimes in the field under study have not yet been formed.

Keywords: copyright and related rights, intellectual property, criminal law protection, Criminal Code.

Spisok literature

1. The Criminal Code of the Russian Federation dated 13.06.1996 No. 63-FZ (as revised on 07.04.2020) // Official Internet portal of legal information. – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (date of access: 10.05.2020). – Text: electronic.
2. Civil Code of the Russian Federation of 30.11.1994 № 51-FZ // Official Internet portal of legal information. – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (date of access: 10.05.2020). – Text: electronic.
3. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 26.04.2007 No. 14 "On the practice of court consideration of criminal cases on violation of copyright, related, inventive and patent rights, as well as on illegal use of a trademark" // Official Internet portal of legal information. – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (date of access: 10.05.2020). – Text: electronic.
4. Lopatin V. N. Intellectual property risk management in innovative projects of metallurgy and mechanical engineering : report / V. N. Lopatin // Design Bureau. – 2015. – No. 10. – Pp. 48–57.
5. Karmalov N. A. International legal aspects of copyright protection / N. A. Karmalov, O. A. Kovalev // OMEGA SCIENCE, 2019. – 243 p.
6. Naumov A. V. Russian criminal law : a course of lectures: in 3 volumes. Vol. 1: General part / A. V. Naumov. – Wolters Kluwer Russia, 2004. – 495 p.
7. Khasanov E. R. Theoretical foundations of the institution of copyright protection and mechanisms for its implementation in Russia / E. R. Khasanov // Baltic Humanitarian Journal. – 2019. – T. 8. – No. 1 (26). – Pp. 360–363.
8. Timofeeva A. A. Copyright in Russia: Historical and Legal Aspect / A. A. Timofeeva // Baltic Humanitarian Journal. – 2019. – T. 8. – No. 4. – Pp. 390–392.
9. Yurkov S. Reflection in the criminal law of the object and subject of the crime under Art. 146 of the Criminal Code of the Russian Federation / S. Yurkov // Intellectual property. Copyrightandrelatedrights. – 2014. – No. 2. – Pp. 72–77.

**УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС; КРИМИНАЛИСТИКА;
СУДЕБНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, ПРОКУРОРСКАЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ И
ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ**

УДК 343.98

DOI: 10.37279/2413-1733-2020-6-3-173-180

**НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ТАКТИКИ ОСМОТРА
МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ ПО ПРЕСТУПЛЕНИЯМ, СВЯЗАННЫМ С
НЕЗАКОННЫМИ ПОИСКОМ И(ИЛИ) ИЗЪЯТИЕМ
АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕДМЕТОВ ИЗ МЕСТ ЗАЛЕГАНИЯ
(СТ.243.2 УК РФ)**

Баграмян С. Л.

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

Одним из наиболее значимых, информативных и первостепенных следственных действий, при расследовании любого уголовного дела, предстаёт осмотр места происшествия. Не являются исключением и преступления, связанные с незаконными поиском и(или) изъятием археологических предметов из мест залегания (ст. 243.2 УК РФ). Однако, имеющаяся на сегодняшний день довольно куца следственная практика и отсутствие какой-либо научно обоснованной методики расследования преступлений данного вида, создаёт сложности как при осуществлении всего дознания, так и отдельных действий, в том числе и осмотра места происшествия. В статье предпринята попытка выделения некоторых криминалистических и тактических особенностей проведения данного следственно осмотра, а также определения совокупности характерных причин и условий, формирующих состав и последовательность действий субъекта расследования на месте происшествия, по преступлениям рассматриваемого вида. Автор, основываясь на научных трудах и исследованиях в указанной области, акцентирует внимание на ситуационном характере обстановки места происшествия, его отличительных чертах и их влиянии на формирование целей и задач осмотра места выявления следов преступлений, которые, в свою очередь, комплектуют методы, приёмы и инструменты по их разрешению. В статье довольно подробно описываются действия следователя на всех этапах осмотра, а также презентуется виденье автора по применению современных достижений науки и техники, при производстве осмотра места происшествия, с целью повышения его эффективности.

Ключевые слова: осмотр места происшествия, этапы осмотра, следственная ситуация, расследование, археологические предметы, культурный слой, сведущие лица.

В ряду следственных действий, производимых при расследовании большинства видов преступлений, обособленное место занимает осмотр места происшествия, характеризующийся как неотложное, но в то же время, кропотливое, требующее значительного интеллектуального и физического напряжения, временных затрат действие, нацеленное на выяснение сущности исследуемого события, механизма преступления и отдельных его обстоятельств [1, с. 431]. По мнению многих учёных, результаты осмотра места, где обнаружены следы преступления, уже

предрешают успешное расследование уголовного дела и следственные материалы, полученные иными способами, только дополняются [2, с. 270].

Соглашаясь с данным утверждением следует обозначить, что положительные результаты указанного процесса, возможны только при чёткой, целенаправленной, логичной, научно обоснованной последовательности и взаимозависимости действий субъекта расследования, на месте обнаружения следов преступления.

Первостепенное значение результаты осмотра места происшествия приобретают при расследовании преступлений, связанных с незаконным поиском и(или) изъятием археологических предметов из мест залегания, ответственность за которые предусмотрена ст. 243.2 УК РФ [3].

И хотя, указанное следственное действие подробно описано во многих учебниках по криминалистике [4, с. 520-529; 2, с. 270-276], недостаточный уровень профессиональной подготовки субъекта осмотра, отсутствие у него опыта расследования преступлений рассматриваемого вида, а также низкая степень взаимодействия между всеми участниками осмотра, существенно снижают эффективность его проведения. Ошибки, допущенные в ходе такого осмотра, придают следствию ложное направление, значительно «нагромождают» и усложняют его ход, сводят к минимуму вероятность положительного итога [2, с. 270].

Как и любое иное следственное действие, осмотр места происшествия преследует определённые цели и задачи, которые, в свою очередь, определяют тактику его осуществления. В то же время, всякий осмотр места происшествия, проводится в определённой, сложившейся на конкретный момент времени, следственной ситуации, состоящей из многогранной совокупности объективных и субъективных факторов, инспирирующих деятельность субъекта осмотра [5, с. 106-108].

По классификации предложенной Драпкиным Л.Я., следственную ситуацию, сложившуюся на месте происшествия, по нашему мнению, следует относить к проблемной ситуации, при которой «...искомое не дано и непосредственно в исходных данных не содержится, но находится в неоднозначной вероятностной связи с уже установленными фактами, в какой-то мере ограничивающими и направляющими поиск решения [6, с. 10]. Основываясь на изложенном, осмелимся заключить, что сложившаяся на месте происшествия следственная ситуация, инспирирует направления и цели деятельности следователя, при изучении обстановки на этом месте.

Учитывая вышеизложенное, прежде чем рассмотреть характерные особенности тактики осмотра места происшествия по преступлениям, предусмотренным ст. 243.2 УК РФ, считаем целесообразным проанализировать условия и факторы, определяющие деятельность субъекта расследования на месте выявления следов. Такой подход к изучению презентуемого вопроса, детерминируется несколькими причинами.

Во-первых, именно результаты осмотра места происшествия, по преступлениям рассматриваемой категории, выступают в качестве основания для установления наличия или отсутствия состава преступления в действиях лица, причастного к ним. Это обусловлено уголовно-процессуальными особенностями, выражающимися в том, что одним из обязательных признаков основного состава преступления, предусмотренного диспозицией ст. 243.2 УК РФ, выступает повреждение или уничтожение культурного слоя земли, как последствие поиска и

(или) изъятия археологических предметов из мест залегания на поверхности земли, в земле или под водой, проводимые без разрешения (открытого листа) [7, с. 45].

Логично, что одним из направлений познавательной деятельности следователя на месте происшествия, будет определение и фиксация факта повреждения или уничтожения культурного слоя земли, как объективной стороны элементного состава преступления рассматриваемого вида. Однако, определить такие изменения среды залегания археологических предметов, возможно лишь при его непосредственном, натурном восприятии лицом, обладающим специальными познаниями в области исследуемого объекта, не входящими в перечень юридических. Данное обстоятельство предопределяет включение в состав следственно-оперативной группы специалиста в области археологии или истории, а также назначение и проведение обособленного вида судебной экспертизы – искусствоведческой.

Во-вторых, в ходе осуществляемого следственного осмотра, следователю необходимо выявить и зафиксировать все следы, которые в последствии позволят установить достаточный круг обстоятельств совершения преступления и восстановить его картину. Как показывает следственная практика по преступлениям рассматриваемого вида, используемые преступниками орудия добычи археологических предметов из среды залегания (лопата, кирка, лом, а иногда и землеройная техника), оставляют характерные, для определённого способа воздействия на вещную обстановку, следы, место дислокации которых представляет наибольший интерес для исследования.

В ходе следственного осмотра, следователю надлежит определить круг объектов, являющихся носителями идентифицирующих признаков, которые впоследствии могут быть использованы для отождествления искомых объектов, либо определения их относимости к месту происшествия. Данное обстоятельство комплектует палитру способов и методов, приемлемых для выявления, фиксации и изъятия следов с места их обнаружения. Всестороннее исследование таких следов, позволяет не только смоделировать механизм совершения преступления, но и классифицировать деяние по частям ст. 243.2 УК РФ, а также выдвинуть первоначальные версии исследуемого события. Соответственно, ещё одним вектором деятельности следователя на месте происшествия, и одновременно фактором, определяющим тактику осмотра, является решение диагностических задач расследования.

В-третьих, субъекту расследования надлежит, в процессе осмотра, «наработать» «доказательственную базу» способствующую определению причинно-следственной связи между действиями подозреваемого и наступившими негативными последствиями, предусмотренными ст. 243.2 УК РФ. Иными словами, необходимо установить, что нарушение культурного слоя земли произошло не в результате какого-либо природного (оползни, землетрясения) или техногенного (сельскохозяйственная обработка почвы, вспашка, рыхление) явления, а именно в результате преднамеренных действий лица, направленных на поиск или изъятие археологических предметов из мест залегания. Тем самым, следователь, в ходе осмотра, решает задачу по определению субъективной стороны преступления, т.е. виновности лица в совершённом деянии.

Таким образом, проведённое нами исследование, а также анализ научной литературы, позволяет прийти к выводу, что алгоритм действий субъекта

расследования по выявлению, фиксации и изъятию следов на месте преступления, предусмотренного ст. 243.2 УК РФ, формируется в зависимости от сложившейся следственной ситуации, следовой картины, тактическими и стратегическими целями осмотра, и при этом корректируется криминалистической характеристикой и уголовно-процессуальными особенностями преступлений рассматриваемого вида.

Воплощение задач осмотра места происшествия, предполагает реализацию следователем(дознавателем) определённых тактических методов и приёмов.

Традиционно тактика осмотра места происшествия включает в себя три этапа: подготовительный, рабочий(исследовательский), заключительный [4, С. 522].

Подготовительный этап осмотра места происшествия включает в себя две составляющие: действия следователя(дознавателя) до выезда на место происшествия и действия по прибытию на место.

К первой относятся мероприятия выполняемые с момента получения сообщения и до прибытия на само место происшествия.

При подготовительных действиях до выезда на место происшествия, по преступлениям рассматриваемого вида, наиболее целесообразны следующие мероприятия: уточнить точное место и обстоятельства совершения преступления; выяснить приняты ли меры по обеспечению охраны места происшествия, если нет – немедленно организовать её, в том числе, с привлечением нарядов полиции близлежащих к месту происшествия территориальных органов МВД; определить состав следственно – оперативной группы (СОГ); удостовериться в укомплектованности следственного чемодана необходимой криминалистической техникой и средствами; решить вопрос о доставке СОГ к месту осмотра и определить маршрут следования; обеспечить наличие понятий.

Судебно-следственная практика показывает, что по преступлениям, связанным с незаконной деятельностью в области археологии, в преобладающем большинстве случаев, местом происшествия являются участки территорий, расположенные на значительной отдалённости от населённых пунктов и иных мест пребывания людей. Указанное обстоятельство объективно продлевает время прибытия СОГ к объекту осмотра, тем самым, увеличивая вероятность внесения умышленных либо природных изменений в его обстановку, что в свою очередь, обосновывает необходимость своевременного обеспечения охраны места происшествия до прибытия СОГ.

Включение в состав СОГ лица, обладающего специальными познаниями в области археологии, даёт возможность определить в ходе осмотра места происшествия относимость выявленных слоёв грунта, с внесёнными преступниками изменениями, к культурному слою, что, как уже было сказано выше, является одним из обязательных признаков основного состава преступления, предусмотренного диспозицией 243.2 УК РФ. Таким образом бесспорно, что использование специальных познаний сведущих лиц, при осмотре места происшествия по преступлениям данного вида, является неотъемлемой потребностью.

В ходе подготовительных действий по прибытию на место происшествия, прежде всего, необходимо: зафиксировать время прибытия; сориентироваться на местности; установить, входит ли место совершения преступления в границы территории объекта культурного наследия, включенного в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, или выявленного объекта культурного наследия; оценить

сложившуюся обстановку на месте происшествия (состав преступления, наличие следов, подозреваемые, свидетели и т.п.); при необходимости удалить посторонних с места происшествия; определить участников осмотра, разъяснить им их права и обязанности; подготовить необходимую криминалистическую технику и средства.

В завершение подготовительного этапа, следователю(дознавателю), необходимо, исходя из сложившейся вещной обстановки и следственной ситуации, определить основные задачи, подлежащие решению в ходе осмотра места происшествия и наметить план по их реализации.

Рабочий этап состоит из общего и детального осмотров. Общий осмотр осуществляется в целях: определение границ осмотра места происшествия; характеристики объектов на месте происшествия их внешнего вида и взаиморасположения; выбора позиции для производства ориентирующей и обзорной фотосъемки; решения вопроса об исходной точке и способе осмотра.

При осмотре места происшествия могут быть применены четыре основных способа: концентрический, эксцентрический, фронтальный (линейный) и смешанный [2, с. 273].

По преступлениям рассматриваемой категории наиболее приемлемым нам видится применение эксцентрического способа, так как на месте происшествия имеется выраженный центр в виде вырытого шурфа или колодца, где сконцентрированы основные следы и предметы. Далее следователь(дознаватель) перемещается от центра к периферии, по «раскручивающейся спирали», до определённых границ места происшествия. Однако, на практике, при осмотре места происшествия, редко ограничиваются применением лишь одного из вышеперечисленных способов. Чаще всего используются их различные сочетания, т.е. смешанный способ осмотра.

Как уже было сказано, в число задач, решаемых при общем осмотре, относится также, определение границ осматриваемого участка. Следственная практика показывает, что по преступлениям рассматриваемого вида, подозреваемые, при изъятии археологических предметов из-под земли, выкапывают от 2-3 до нескольких десятков и более шурфов(колодцев), которые могут быть рассеяны на значительных расстояниях друг от друга. В некоторых случаях, преступники скрывают обнаруженные и изъятые археологические предметы в стороне от места их изъятия, маскируя ветками, травяным дёрном, листьями, грунтом и иными средствами [8, с. 191]. Такие действия существенно расширяют границы подлежащего осмотру участка местности, включая в него пути подхода и отхода подозреваемых, а также прилегающие районы. А при осмотре места происшествия на открытой местности, особенно в степных и равнинных районах, значительно усложняется возможность привязки выявленных следов, к каким-либо стационарным объектам или единым точкам отсчёта измерений. Указанные особенности создают некоторые сложности при осмотре и фиксации вещной обстановки на месте происшествия по данным преступлениям, в том числе и осуществления ориентирующей и обзорной фотосъёмки.

По нашему мнению, одним из способов, позволяющих преодолеть перечисленные трудности, в процессе осмотра места происшествия, является одновременное применение геодезических спутниковых систем (ГСС) и аэросъемки, производимой с беспилотного радиоуправляемого летательного аппарата. [9, с. 225-226].

Применение указанных систем в следственной деятельности, в первую очередь, создает условия для точного определения места расположения на местности объектов, обладающих криминалистически значимой информацией, а также, вне зависимости от изменения материальной обстановки осматриваемого пространства всегда даёт возможность определить исходные точки, позволяющие восстановить вещную обстановку изучаемого события [10, с. 202-203].

Однако, указанный метод требует не только оснащения экспертно-криминалистических подразделений необходимым количеством ГСС и дистанционно управляемыми беспилотными летательными аппаратами, но и обучение сотрудников правоохранительных органов их эффективному применению, что несколько усложняет его реализацию.

В детальной стадии осмотра места происшествия подлежат выявлению, фиксации и исследованию, все следы и предметы, имеющиеся на месте преступления. Проведённое нами исследование, по преступлениям, предусмотренным ст. 243.2 УК РФ, позволяет условно разделить их на три основные группы.

Первая – это предметы, с помощью которых непосредственно реализуется способ совершения преступления (металлодетекторы, георадары, промышленные магниты, магнитные щупы, лопата, кирка, верёвки, землеройная техника), а также следы их применения.

Вторая – это непосредственно предметы (объекты), изъятые из места залегания (глиняные изделия, керамика, бытовая утварь, ювелирные украшения, монеты, предметы одежды и т.п.).

К третьей группе относятся следы и предметы, относящиеся к личности самого преступника (отпечатки обуви, ног, рук, предметы одежды, окурки, консервные банки и т.п.) [11, с. 97-99].

Характер этих следов, их количество и расположение позволяют получить информацию как о способе совершения преступления, так и о его участниках.

Наиболее информативными и требующими пристального внимания являются следы, обнаруженные в местах непосредственного воздействия подозреваемого на окружающую обстановку. Это вырытые шурфы, ямы, колодцы, а также территория вокруг них.

На этих участках, чаще всего, могут быть выявлены следы орудий совершения преступления, а также самого преступника (подошвы обуви, рук, ног, одежды). По механизму образования, это локальные объёмные следы, дислоцированные как на дне вырытых шурфов, так и на поверхности почвы вокруг них. Такие следы, эффективней всего, изымать с места происшествия копированием, путём изготовления слепков. Обнаруженные там же следы – предметы, при изъятии подлежат обязательной упаковке в герметичную тару, с целью сохранения имеющихся на них частиц почвы. В дальнейшем это позволит определить их относимость к месту совершения преступления.

Также, в ходе осмотра места происшествия, следователю(дознавателю), необходимо изъять контрольные образцы почвы со дна и стенок вырытых подозреваемыми шурфов(колодцев). В последствии это будет способствовать возможности идентифицировать следы почвенных наслоений, которые могут быть обнаружены на одежде или обуви подозреваемых, орудиях совершения преступления, с контрольными образцами почвы, изъатыми с места происшествия,

что даёт возможность следствию констатировать факт пребывания этих предметов на месте совершения преступления.

Заключительная стадия осмотра места происшествия, включает в себя действия субъекта расследования по фиксации его хода и результатов, в том числе, составление протокола осмотра места происшествия, схем, планов, фото-видео-аудиозаписи. С результатами осмотра ознакомились все его участники под роспись.

Подводя итоги следует отметить, что каждая следственная ситуация, сложившаяся на месте происшествия, по преступлениям, предусмотренным ст. 243.2 УК РФ, имеет множество отличительных и неповторимых элементов, в связи с чем разработать криминалистическую тактику осмотра места происшествия при всех их возможных вариантах, не представляется возможным. Однако, знание механизма следообразования и совершения преступлений рассматриваемого вида, а также его уголовно – процессуальных особенностей и криминалистической характеристики, позволяет выделить и акцентировать внимание субъекта расследования, на наиболее значимых следах, а также способах их выявления и фиксации. Указанные обстоятельства позволяют избежать существенных ошибок тактики осмотра места происшествия и значительно повысят его эффективность.

Список литературы

1. Яблоков, Н. П. Криминалистика : учебник / Отв. ред. Н. П. Яблоков. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Юристъ, 2005. – 781 с. – Текст : непосредственный.
2. Ищенко, Е. П. Криминалистика для следователей и дознавателей : науч.-практическое пособие / Е. П. Ищенко, Н. Н. Егоров. – 2-е изд., доп. и перераб. – М.: Инфра-М, 2016. – 699 с. – Текст : непосредственный.
3. Российская Федерация. Законы. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 27.12.2018 г.) // Собрание законодательства РФ. – Текст: электронный // СПС «КонсультантПлюс» : [сайт]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/f8192c0e948acf3e8e2db0e47310000811b339b6/ (дата обращения: 15.05.2020 г.).
4. Аверьянова, Т. В. Криминалистика : учебник для вузов / Т. В. Аверьянова, Р. С. Белкин, Ю. Г. Корухов, Е. Р. Россинская. – М.: НОРМА-ИНФРА, 2000. – 990 с. – Текст : непосредственный.
5. Бахтеев, Д. В. Ситуационный характер процесса расследования преступлений: проблемные ситуации и подходы к их разрешению : статья / Д. В. Бахтеев // – Российский юридический журнал. – Текст : непосредственный. – 2013. – № 1. – С. 106–112.
6. Драпкин, Л. Я. Основы теории следственных ситуаций / Л. Я. Драпкин. – Свердловск. – 1987. – 164 с. – Текст : непосредственный.
7. Панфилов, А. Н. Проблемы правового регулирования уголовной ответственности за незаконные поиск и(или) изъятие археологических предметов из мест залегания. Государство и право / А. Н. Панфилов. – Текст : непосредственный. – М. – 2019. – № 6. – С. 44–55.
8. Макаров, Н. А. Археология и грабительские раскопки: комментарий к общеизвестному / Н. А. Макаров // – Российская археология. – Текст : непосредственный. – 2013. – № 2. – С. 191–192.
9. Пахомов, С. В. Инновационный подход к процессу фиксации материальной обстановки места происшествия / С. В. Пахомов, А. В. Гусев, М. Н. Андрющенко. – Текст : непосредственный – Общество и право. – 2014. – № 4 (50). – С. 225–229.
10. Пахомов, С. В. Использование геодезических спутниковых систем при эксцентрическом способе осмотра места происшествия / С. В. Пахомов, А. В. Гусев. – Текст : непосредственный – Общество и право. – 2014. – № 3 (49). – С. 202–206.
11. Баграмян, С. Л. Криминалистические особенности следовой картины места происшествия по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 243.2 УК РФ (Незаконный поиск и(или) изъятие археологических предметов из мест залегания) / С. Л. Баграмян – Текст : непосредственный //

Криминалистика и судебно-экспертная деятельность в условиях современности. – Краснодарский университет МВД России. – 2016. – С. 95–99.

Baghramyan S. L. Some features of the tactics for inspecting an accident place for crimes associated with illegal search and (or) separation of archaeological subjects from places of placement (article 243.2 of the criminal code of the Russian Federation) / S.L. Baghramyan // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean federal university. Juridical science. – 2020. – T. 6 (72). № 3. – P. 173-180.

One of the most significant, informative and primary investigative actions in the investigation of any criminal case is the inspection of the scene. Crimes related to the illegal search and (or) seizure of archaeological objects from their places of occurrence are not an exception (Article 243.2 of the Criminal Code of the Russian Federation). However, the rather scanty investigative practice available today and the absence of any scientifically substantiated methodology for investigating crimes of this type creates difficulties both in carrying out the entire inquiry and in certain actions, including the inspection of the scene of the incident. The article attempts to highlight some of the criminalistic and tactical features of this investigation, as well as to determine the set of characteristic causes and conditions that form the composition and sequence of actions of the subject of investigation at the scene of the crime of the kind in question. The author, based on scientific works and research in this area, focuses on the situational nature of the situation of the scene of the incident, its distinctive features and their influence on the formation of goals and objectives of inspecting the location of identifying traces of crimes, which, in turn, complete methods, techniques and tools by their permission. The article describes in detail the actions of the investigator at all stages of the examination, as well as presents the author's vision on the application of modern achievements of science and technology in the production of this investigative action in order to increase its effectiveness.

Key words: inspection of the scene, stages of inspection, investigative situation, investigation, archaeological objects, cultural layer, knowledgeable persons.

Spisok literary

1. Yablokov N. P. Forensic science : textbook / Otv. ed. N. P. Yablokov. – 3rd ed., Rev. and additional. – M.: Jurist, 2005. – 781 p.
2. Ishchenko E. P. Forensic science for investigators and interrogators: scientific. – a practical guide / E. P. Ishchenko, N. N. Egorov. – 2nd ed., Add. and revised. – M.: Infra-M, 2016. – 699 p.
3. The Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996 No. 63-FZ. // Access from the reference legal system "Garant" <http://garant.ru> (date of access: 03.06.2020). –Text: electronic.
4. Averyanova T. V., Belkin R. S., Korukhov Yu. G., Rossinskaya E. R. Criminalistics : textbook for universities / T. V. Averyanova, R. S. Belkin, Yu. G. Korukhov, E. R. Rossinskaya. – M.: NORMA-INFRA, 2000. – 990 p.
5. Bakhteev D. V. Situational nature of the process of investigating crimes: problem situations and approaches to their resolution. // Article. Russian Legal Journal. – 2013. – No. 1. – Pp. 106–112.
6. Drapkin, L. Ya. Foundations of the theory of investigative situations / L. Ya. Drapkin. – Sverdlovsk. – 1987. – 164 p.
7. Panfilov A. N. Problems of legal regulation of criminal liability for illegal search and(or) removal of archaeological objects from the places of occurrence. State and law / A. N. Panfilov. – M. – 2019. – No. 6. – Pp. 44–55.
8. Makarov N. A. Archeology and predatory excavations: commentary on the well-known / N. A. Makarov. – Russian archeology. – 2013. – No. 2. – Pp. 191–192.
9. Pakhomov S. V., Gusev A. V., Andryushchenko M. N. An innovative approach to the process of fixing the material situation of the scene / S. V. Pakhomov, A. V. Gusev, M. N. Andryushchenko. – Society and law. – 2014. – No. 4 (50). – Pp. 225–229.
10. Pakhomov S. V. The use of geodetic satellite systems in an eccentric way of inspecting the scene / S. V. Parkhomov, A. V. Gusev. – Society and law. – 2014. – No. 3 (49). – Pp. 202–206.
11. Baghramyan S. L. Forensic features of the trace picture of the scene of the crime in cases of crimes under Art. 243.2 of the Criminal Code of the Russian Federation (Illegal search and(or) withdrawal of archaeological objects from the places of occurrence) / S. L. Bargamyan // Criminalistics and forensic expertise in modern conditions. – Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2016. – Pp. 95–99.

УДК 347.962

DOI: 10.37279/2413-1733-2020-6-3-181-189

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ СТРУКТУРА СИСТЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЗАКОННОСТИ В ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ СИТУАЦИЯХ

Басова Ю. Ю.

*Крымский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры
Российской Федерации*

В статье осуществлен анализ действующего законодательства относительно определения функциональной структуры системы обеспечения законности в чрезвычайных ситуациях. Автором определены теоретические и практические вопросы, которые остались без внимания ученых и требующих теоретического и практического решения с целью совершенствования деятельности по обеспечению законности в чрезвычайных ситуациях.

На основе проведенного анализа установлено, что функциональная структура системы обеспечения законности в чрезвычайных ситуациях включает в себя субъектов, которых можно сгруппировать в зависимости от руководящего субъекта. Так, по этому критерию первую группу субъектов составляют органы, возглавляемые Президентом Российской Федерации (Администрация Президента Российской Федерации, Совет Безопасности Российской Федерации). Установлено, что полномочия Президента РФ в указанной сфере сбалансированы с полномочиями других органов государственной власти, образуя систему сотрудничества и взаимных противовесов в целях недопущения односторонних авторитарных решений. Вторую группу – органы, которые возглавляет Государственная Дума (Комитеты и Комиссии). Третью группу составляют органы, деятельность которых возглавляет Правительство Российской Федерации (федеральные министерства). К четвертой группе субъектов отнесены Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации.

Ключевые слова: функциональная структура, система, законность, чрезвычайные ситуации, обеспечение.

Сущность и содержание деятельности функциональной системы обеспечения законности в чрезвычайных ситуациях определяется спецификой функционирования государства в указанных условиях. Сфера обеспечения законности, как в обычных условиях, так и в чрезвычайных ситуациях является одним из ключевых элементов в системе взаимодействия государства и общества. В настоящее время в Российской Федерации вопросы, связанные с обеспечением законности занимают одно из ключевых мест, о чем свидетельствует постоянное внимание Главы государства В. В. Путина. В ежегодных посланиях Федеральному Собранию и ежегодных пресс-конференциях указывается, что соблюдение законности является необходимостью для государства, а также для «имиджа» органов власти и должностных лиц [1, С. 37].

Актуальность данной проблематики обусловлена значительным количеством чрезвычайных ситуаций в Российской Федерации, значительным количеством пострадавших и размером ущерба территориям, который причиняется опасными природными явлениями, промышленными авариями и катастрофами, негативными социально-политическими явлениями. [2]. Кроме того, анализ правоприменительной практики в рассматриваемой сфере свидетельствует о значительном количестве

нарушений, которые допускаются органами государственной власти и местного самоуправления в процессе ликвидации негативных последствий чрезвычайных ситуаций.

С учетом произошедших стихийных бедствий, повлекших человеческие жертвы, разрушения, причинение значительного имущественного ущерба, низкой эффективности деятельности уполномоченных органов власти, вопросы обеспечения законности в чрезвычайных ситуациях в настоящее время как никогда остро стоят перед органами власти. В связи с этим, важной методологической задачей является определение и характеристика функциональной структуры системы обеспечения законности в чрезвычайных ситуациях.

Раскрытие функциональной специфики предполагает рассмотрение особенностей участия в формировании и обеспечении законности в чрезвычайных ситуациях всех звеньев государственной системы государственной власти, которую образуют: Президент Российской Федерации, Федеральное Собрание, Правительство Российской Федерации и иные государственные органы.

Следует отметить, что общее руководство функциональной системой обеспечения законности в чрезвычайных ситуациях осуществляет Президент Российской Федерации, которого можно определить ключевым субъектом в данной сфере.

Президент Российской Федерации обеспечивает выполнение законодательства в сфере безопасности и предупреждения чрезвычайных ситуаций через систему органов исполнительной власти, определяет стратегию обеспечения национальной безопасности, контролирует и координирует деятельность органов, ответственные за ее обеспечение, как в обычных условиях, так и в условиях возникновения чрезвычайных ситуаций различного характера, принимает соответствующие решения по ее обеспечению (например, в случае необходимости для обеспечения законности и правопорядка принимает решение о введении режима чрезвычайного положения) и др.

Статус Президента Российской Федерации, его полномочия определены в Конституции Российской Федерации (глава 4). Ст. 80 Конституции Российской Федерации закрепляет, что Президент Российской Федерации является главой государства, гарантом Конституции Российской Федерации, прав и свобод человека и гражданина. В установленном Конституцией порядке он принимает меры по охране суверенитета Российской Федерации, ее независимости и государственной целостности, обеспечивает согласованное функционирование и взаимодействие органов государственной власти, определяет основные направления внутренней и внешней политики государства, а также как глава государства представляет Российскую Федерацию внутри страны и в международных отношениях.

В то же время, в одних случаях эти полномочия принадлежат исключительно Президенту Российской Федерации (например, представлять Российскую Федерацию в международных отношениях), в отдельных случаях полномочия распределены между Президентом Российской Федерации и иными органами государственной власти. Следует отметить, что в современных научных исследованиях вопрос относительно классификации полномочий Президента остается дискуссионным. Не даваясь в детальный анализ данных научных позиций отметим, что по нашему

мнению, их можно классифицировать в зависимости от объекта деятельности на следующие группы:

– в сфере формирования нормативных основ обеспечения законности в чрезвычайных ситуациях (определяет основные направления государственной политики Российской Федерации в различных сферах государственного управления: национальной безопасности, внутренних дел, противодействия преступности (в частности, экстремистской и террористической деятельности), предупреждения чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера; утверждает военную доктрину Российской Федерации; общевоинские уставы, Устав военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации и др.);

– в сфере обеспечения государственного суверенитета и национальной безопасности: осуществляет руководство Вооруженными силами Российской Федерации, другими войсками, воинскими формированиями и органами; в случаях агрессии или непосредственной угрозы агрессии против Российской Федерации, возникновения вооруженных конфликтов, объявляет общую или частичную мобилизацию, вводит в территории Российской Федерации или в отдельных ее местностях военное положение с незамедлительным сообщением об этом Совету Федерации и Государственной Думе, отдает приказ Верховного Главнокомандующего Вооруженными силами Российской Федерации о ведении военных действий; принимает в соответствии с федеральными законами решение о привлечении Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов к выполнению задач с использованием вооружения не по их назначению; вводит на территории Российской Федерации или в отдельных ее местностях чрезвычайное положение с незамедлительным сообщением об этом Совету Федерации и Государственной Думе при обстоятельствах и в порядке, предусмотренных федеральным конституционным законом;

– в сфере обеспечения основных прав и свобод граждан. Указанное выше показывает, что большинство из перечисленных ранее полномочий могут быть отнесены к содержанию данной группы. Так, например, одной из целей введения режима военного положения или режима чрезвычайного положения является нормализация обстановки, восстановление правопорядка, создание условий для нормального функционирования органов государственной власти и органов местного самоуправления, других институтов гражданского общества, а также защиты основных прав и свобод граждан. Таким образом, все действия Президента, которые связаны с введением чрезвычайного правового режима направлены, прежде всего, на обеспечение или восстановление прав и свобод человека и гражданина;

– в сфере руководства внешнеполитической деятельностью. Так, в рамках реализации данных полномочий Президентом России были заключены международные договоры с другими странами по оказанию необходимой помощи в случае возникновения чрезвычайных ситуаций техногенного и природного характера, внутренних вооруженных конфликтов и террористических актов. На сегодня, Российская Федерация занимает ведущее внешнеполитическое значение в урегулировании вооруженного конфликта в Сирии. Кроме того, России является участником Организации Договора о коллективной безопасности, целями которой являются укрепление мира, международной и региональной безопасности и

стабильности, защита на коллективной основе независимости, территориальной целостности и суверенитета государств-членов [3];

– в сфере формирования персонального состава органов власти. Не вдаваясь в детальный анализ порядка формирования органов исполнительной власти, отметим, что в соответствии с действующим законодательством, в условиях возникновения чрезвычайных ситуаций, обуславливающие введение режима военного положения или режима чрезвычайного положения, по решению Президента может быть создан: временный специальный орган управления территорией на которой введено чрезвычайное положение или федеральный орган управления территорией, на которой введено чрезвычайное положение. Президент Российской Федерации, реализуя свои полномочия в сфере кадровой политики, назначает руководителя указанного органа.

Определив полномочия Президента в сфере обеспечения законности в чрезвычайных ситуациях, можно сделать вывод, что именно он имеет необходимые рычаги влияния для обеспечения стабильности и безопасности в государстве.

Важное место в области обеспечения законности занимает Федеральное Собрание. Данный орган благодаря своим законодательным полномочиям, выступает как центральное звено политической системы Российской Федерации. Парламент является «ареной борьбы» различных политических сил страны, инструментом достижения согласия в обществе и социального и политического компромисса.

Компетенция Федерального Собрания является достаточно широкой по объему, но в то же время сбалансированной по сравнению с компетенцией других органов государственной власти. Отметим, что в сфере обеспечения законности в чрезвычайных ситуациях к полномочиям Совета Федерации можно отнести следующие: утверждение изменения границ между субъектами Российской Федерации; утверждение указа Президента Российской Федерации о введении военного положения; утверждение указа Президента Российской Федерации о введении чрезвычайного положения; решение вопроса о возможности использования Вооруженных Сил Российской Федерации за пределами территории Российской Федерации; отрешение Президента Российской Федерации от должности.

В сфере обеспечения законности в чрезвычайных ситуациях к ведению Государственной Думы относятся:

1) внесение изменений в федеральное законодательство в пределах и порядке, предусмотренных Конституцией. Тем самым реализуя указанное направление деятельности, Государственная Дума обеспечивает корректировку законодательства через источник права – Конституцию и федеральные законы, дает возможность укреплять конституционно-правовую основу деятельности всех субъектов обеспечения законности в чрезвычайных ситуациях;

2) определение на законодательном уровне основ национальной безопасности, организации Вооруженных Сил Российской Федерации и обеспечения общественного порядка и безопасности граждан, правового режима государственной границы, правового режима военного и чрезвычайного положения;

3) принятие законов и других законодательных актов по вопросам обеспечения законности в чрезвычайных ситуациях. Следует акцентировать внимание на неопенимой роли нормотворческой деятельности Государственной Думы в сфере обеспечения законности в чрезвычайных ситуациях, ведь именно этим органом были

приняты важные в данной сфере законы, среди которых можно выделить следующие, как: Федеральный конституционный закон от 30.05.2001 № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении»; Федеральный Закон от 21.12.1994 № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера»; Федеральный закон от 28.12.2010 № 390-ФЗ «О безопасности»; Федеральный закон Российской Федерации от 2 апреля 2014 г. № 44-ФЗ «Об участии граждан в охране общественного порядка»; Федеральный закон от 03.07.2016 № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации»; Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции»; Федеральный закон от 03.04.1995 № 40-ФЗ «О Федеральной службе безопасности»; Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» и т.д.

Таким образом, приведенное выше свидетельствует, что Федеральное Собрание определяет содержание государственной политики в области обеспечения прав человека, осуществляет законодательное определение прав и свобод человека и гражданина, гарантии этих прав и свобод, порядок и пределы их ограничения в условиях возникновения чрезвычайных ситуаций, обуславливающие ведения режима военного или чрезвычайного положения и др. От качественного, эффективности и оперативного решения этих вопросов зависит и состояние общественной безопасности, как в определенном регионе, так и в стране в целом.

Следующим субъектом обеспечения законности в чрезвычайных ситуациях является Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации. Данный субъект на постоянной основе осуществляет парламентский контроль за соблюдением конституционных прав и свобод человека и гражданина, а также их защиту на территории страны.

Правовой основой деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации по обеспечению прав человека в чрезвычайных ситуациях являются Федеральный конституционный закон от 26.02.1997 г. № 1-ФКЗ «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации», Федеральный закон 27.07.2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации», Федеральных Конституционных Законах «О военном положении», «О чрезвычайном положении», Федеральном законе от «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера», Федеральный закон от 06.03.2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» и т.д.

Как уже отмечалось ранее, в условиях возникновения чрезвычайных ситуаций органам, ответственные за ее ликвидацию предоставляются дополнительные полномочия, часть которых направлена на ограничение прав и свобод физических и юридических лиц. В таких условиях роль Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации существенно возрастает, ведь временное увеличение полномочий органов государственной власти в сфере ограничения прав и свобод физических и юридических лиц может привести к необоснованному их ограничению.

Целями парламентского контроля, осуществляемого Уполномоченным по правам человека в Российской Федерации в условиях возникновения чрезвычайных ситуаций, являются:

1) защита прав и свобод человека и гражданина, провозглашенных Конституцией Российской Федерации, федеральным законодательством Украины и международными договорами;

2) соблюдение и уважение прав и свобод человека и гражданина органами государственной власти, органами местного самоуправления и их должностными и служебными лицами принимающих участие в ликвидации последствий чрезвычайной ситуации;

3) предупреждение нарушений прав и свобод человека и гражданина или содействие их восстановлению в чрезвычайной ситуации;

4) улучшение и дальнейшее развитие международного сотрудничества в области защиты прав и свобод человека и гражданина;

5) предотвращение любых форм дискриминации по реализации человеком своих прав и свобод.

Основной функцией Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации в сфере обеспечения общественной безопасности в условиях возникновения чрезвычайных ситуаций является контрольно-надзорная, которая, по нашему мнению, конкретизируется в таких направлениях деятельности:

– во-первых, осуществление опосредованного парламентского контроля за соблюдением конституционных прав и свобод человека и гражданина;

– во-вторых, осуществление опосредованного парламентского контроля за состоянием обеспечения беспрепятственной реализации жизненно важных интересов личности;

– в-третьих, осуществление контроля за соответствием Конституции Российской Федерации, федерального законодательства и иных правовых актов, касающихся введения различных ограничений прав и свобод человека и гражданина в условиях возникновения чрезвычайных ситуаций;

– в-четвертых, проверка деятельности соответствующих органов государственной власти о порядке реализации ограничительных мер, которые вводятся в связи с возникновением чрезвычайной ситуации, состояния соблюдения установленных действующим законодательством прав и свобод человека и гражданина.

Мировой опыт деятельности органов государственной власти в условиях возникновения чрезвычайных ситуаций свидетельствует, что нарушения прав и свобод человека в таких условиях происходят почти всегда, в связи с этим национальный правовой механизм предупреждения таких негативных явлений должен существовать и эффективно действовать. Таким образом, важность эффективного данного субъекта обуславливает как теоретическую и практическую необходимость усовершенствования правового статуса Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации в условиях возникновения чрезвычайных ситуаций по двум направлениям:

– во-первых, в направлении конкретизации его контрольных полномочий по обеспечению прав и свобод человека и гражданина в условиях возникновения чрезвычайных ситуаций;

– во-вторых, в направлении их расширения, путем предоставления ему дополнительных полномочий в сфере осуществления контроля за порядком реализации ограничительных мер в чрезвычайных ситуациях, в условиях действия чрезвычайных административно-правовых режимов, осуществление контроля за сроком действия данных режимов и своевременностью их отмены, за законностью

решений временных органов управления, касающиеся ограничений прав и свобод человека и гражданина.

Кроме того, ст. 4 Федерального конституционного закона от 26.02.1997 г. № 1-ФКЗ «Об уполномоченного по правам человека в Российской Федерации» определяет, что полномочия Уполномоченного не могут быть прекращены в случае введения военного или чрезвычайного положения. В то же время, федеральное законодательство, кроме военного и чрезвычайного положения, предусматривает наличие и других режимов, в частности режима чрезвычайной ситуации, режима контртеррористической операции, карантина. Итак, несомненно, данную часть целесообразно дополнить и привести в соответствие с действующим федеральное законодательства и ст. 4 Федерального конституционного закона от 26.02.1997 г. № 1-ФКЗ «Об уполномоченного по правам человека в Российской Федерации» изложить в следующей редакции:

«Полномочия Уполномоченного не могут быть прекращены или ограничены в случае введения военного, чрезвычайного положения, режима чрезвычайной ситуации, режим контртеррористической операции или действия других ограничительных мер, введенных в связи с возникновением чрезвычайной ситуации.

Еще одним элементом функциональной системы обеспечения законности в чрезвычайных ситуаций является Правительство Российской Федерации, которое на основе законодательства, в том числе и документов программного характера, формирует государственную политику в области обеспечения общественной безопасности в чрезвычайных ситуациях, осуществляет руководство деятельностью органов исполнительной власти по вопросам обеспечения общественной безопасности в чрезвычайных ситуациях, обеспечивает выполнение целевых программ, планов в области защиты населения от чрезвычайных ситуаций техногенного, природного и социально-политического и военного характера и т.д.

В соответствии с Федеральным конституционного закона от 30.05.2001 № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении», Федерального Закона от 21.12.1994 № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера»; Федерального закона от 28.12.2010 № 390-ФЗ «О безопасности», Правительство РФ в пределах определенной действующим законодательством компетенции в области обеспечения общественной безопасности в чрезвычайных ситуациях осуществляет: меры по обеспечению обороны и несет в пределах своих полномочий ответственность за состояние и обеспечение Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов; руководит деятельностью по вопросам обороны подведомственных ему федеральных органов исполнительной власти; разрабатывает и представляет в Государственную Думу предложения по расходам на оборону в федеральном бюджете; организует разработку и выполнение государственной программы вооружения; организует разработку мобилизационных планов; осуществляет руководство мобилизационной подготовкой; осуществляет контроль за подготовкой организаций к выполнению государственного оборонного заказа по выпуску продукции в военное время, за выполнением государственного оборонного заказа организациями, за созданием, развитием и сохранением мобилизационных мощностей; устанавливает мобилизационные задания федеральным органам исполнительной власти; устанавливает классификацию чрезвычайных ситуаций;

обеспечивает защиту населения и территорий от чрезвычайных ситуаций федерального характера; определяет порядок оказания финансовой помощи из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации при возникновении чрезвычайных ситуаций регионального характера.

Таким образом, анализ полномочий Правительства РФ свидетельствует об их комплексном характере. Данный орган реализует надведомственные полномочия нормотворческого, координационного, обеспечительного, контрольно-надзорного, методического характера.

Подводя итог, следует сделать следующие выводы.

1. Установлено, что деятельность функциональной структуры системы обеспечения законности в чрезвычайных ситуациях направлена, прежде всего, на создание возможности реализации конкретных потребностей населения по обеспечению личной и имущественной безопасности, реализации прав и свобод, поддержание обстановки общественного спокойствия, создания условий для нормального функционирования предприятий, учреждений, организаций, деятельность которых направлена на ликвидацию чрезвычайной ситуации.

2. Обосновано, что функциональная структура системы обеспечения законности в чрезвычайных ситуациях включает в себя субъектов, которых можно сгруппировать в зависимости от руководящего субъекта. Так, по этому критерию первую группу субъектов составляют органы, возглавляемые Президентом Российской Федерации (Администрация Президента Российской Федерации, Совет Безопасности Российской Федерации). Установлено, что полномочия Президента РФ в указанной сфере сбалансированы с полномочиями других органов государственной власти, образуя систему сотрудничества и взаимных противовесов в целях недопущения односторонних авторитарных решений. Вторую группу – органы, которые возглавляет Государственная Дума (Комитеты и Комиссии). Третью группу составляют органы, деятельность которых возглавляет Правительство Российской Федерации (федеральные министерства). К четвертой группе субъектов отнесены Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации.

Список литературы

1. Колюка, Н. Н. Законность в деятельности государственных органов в Российской Федерации: понятие, сущность, содержание и проблемы совершенствования / Н. Н. Колюка, А. В. Басов // Пробелы в российском законодательстве. – 2016. – № 8. – Текст : непосредственный.
2. Сравнительная характеристика чрезвычайных ситуаций, происшедших на территории Российской Федерации. – Текст: электронный // МЧС.ру : [сайт]. – URL: http://www.mchs.gov.ru/activities/stats/CHrezvichajnie_situacii/2014/Sravnitelnaja_harakteristika_chrezvichaj (дата обращения: 15.09.2020 г.). – Текст: электронный.
3. Организация Договора о коллективной безопасности. – Текст: электронный // Обкб.орг: [сайт]. – URL: <https://odkb-csto.org/structure/> (дата обращения: 15.09.2020 г.).
4. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.). – Текст: электронный // СПС «КонсультантПлюс» : [сайт]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/8c6502533e28841baf74c1068f88b162a5e9b4ea/ (дата обращения: 10.09.2020 г.).
5. Аврутин, Ю. Е. Правопорядок: организационно-правовое обеспечение в Российской Федерации. Теоретическое административно-правовое исследование / Ю. Е. Аврутин, В. Я. Кикоть, И. И. Сыдорук. – М.: Юнити-Дана, Закон и право, 2003. – 456 с. – Текст : непосредственный.

Basova J. J. The functional structure system of the rule of law in emergency situations / J. J. Basova // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean federal university. Juridical science. – 2020. – T. 6 (72). № 3. – P. 181-189.

The article analyzes the current legislation regarding the determination of the functional structure of the system for ensuring the rule of law in emergency situations. The author identifies theoretical and practical issues that have gone unnoticed by scientists and require theoretical and practical solutions in order to improve activities to ensure the rule of law in emergency situations.

Based on the analysis, it was established that the functional structure of the system for ensuring the rule of law in emergency situations includes subjects that can be grouped depending on the leading subject. So, according to this criterion, the first group of subjects consists of bodies headed by the President of the Russian Federation (Administration of the President of the Russian Federation, Security Council of the Russian Federation). It was found that the powers of the President of the Russian Federation in this area are balanced with the powers of other government bodies, forming a system of cooperation and mutual balances in order to prevent unilateral authoritarian decisions. The second group consists of bodies headed by the State Duma (Committees and Commissions). The third group is made up of bodies whose activities are headed by the Government of the Russian Federation (federal ministries). The fourth group of subjects includes the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation.

Key words: functional structure, system, legality, emergency situations, security.

Spisok literary

1. Kolyuka N. N. Legality in the activities of state bodies in the Russian Federation: concept, essence, content and problems of improvement / N. N. Kolyuk, A. V. Basov // Gaps in Russian legislation. – 2016. – No. 8.
2. Comparative characteristics of emergency situations that occurred on the territory of the Russian Federation. – URL: http://www.mchs.gov.ru/activities/stats/CHrezvichajnie_situacii/2014/Sravnitelnaja_harakteristika_chrezvichaj (date of access: 09.15.2020). – Text: electronic.
3. Organization of the Collective Security Treaty. – URL: <https://odkb-csto.org/structure/> (date of treatment: 09.15.2020). – Text: electronic.
4. The Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on December 12, 1993: with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020 // Consultant Plus legal reference system. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (date of access: 09.10.2020). – Text: electronic.
5. Avrutin Yu. E. Law and order: organizational and legal support in the Russian Federation. Theoretical administrative and legal research / Yu. E. Avrutin, V. Ya. Kikot, I. I. Sydoruk. – M.: Unity-Dana, Law and Law, 2003. – 456 p.

УДК 343.137

DOI: 10.37279/2413-1733-2020-6-3-190-196

УСКОРЕННОЕ ДОСУДЕБНОЕ ПРОИЗВОДСТВО ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ

Горбенко Т. В.

Краснодарский университет МВД России

В статье рассматривается ретроспектива ускоренного досудебного производства по уголовным делам в Российской Федерации. Историко-правовой анализ ускоренного досудебного производства представлен тремя историческими периодами: дореволюционным, советским и современным. При этом, ускоренное судопроизводство явилось результатом исторического процесса становления, развития и усовершенствования, что характерно как для отечественного опыта, так и опыта других стран. Необходимо отметить, что еще со времен Русской Правды признание обвиняемым своей вины в совершенном проступке имело важное значение для результата процесса. На протяжении всей истории существования уголовно-процессуального права законодатель неоднократно прибегал к установлению «ускоренных процедур» по уголовным делам. При этом, предпосылки введения институтов ускоренного производства последовательно формировались в истории отечественного уголовного процесса. Они были обусловлены историческим развитием российского государства в целом, а также становлением уголовного судопроизводства, в котором факту признания вины обвиняемым придавалось особое значение, связанное с упрощением процедуры судопроизводства и смягчением участи обвиняемого. В этой связи, особого внимания заслуживают особенности становления и развития ускоренного досудебного производства по уголовному делу в каждом из рассматриваемых периодов. Указанные особенности нашли свое отражение в настоящей работе. В результате такого анализа автор приходит к выводу о том, что развитие и введение ускоренных процедур осуществляется не обособлено, а связано с принятием ряда международных нормативных актов.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, ускоренное досудебное производство по уголовным делам, генезис, развитие, ретроспектива, историко-правовой анализ, ускоренные процедуры, упрощенное производство, досудебное соглашение, сделка.

Генезис и развитие существующих сфер жизнедеятельности человечества и процессов, происходящих в нем, обусловлены не только потребностью времени и повсеместно «изменяющегося» мира, но и предопределены достижениями международного сообщества с учетом подобных изменений. Сфера современного российского уголовно-процессуального права также подверглась особому влиянию общепризнанных принципов и норм международного права, в том числе и международных договоров Российской Федерации, что свидетельствует о тенденции глобализации, стремящейся обеспечить приоритет общечеловеческих ценностей и воплотить в жизнь концепцию устойчивого развития и всеобъемлющей системы международной безопасности.

Ретроспектива развития и усовершенствования уголовного процесса в России демонстрирует длительный путь его становления и существования в нынешнем виде. Проводя историко-правовой анализ становления и развития уголовного процесса в

целом и ускоренного досудебного производства по уголовным делам в частности, хотелось бы обратиться к истокам, дающим нам наиболее общее понимание о сущности рассматриваемых явлений.

Уголовно-процессуальное право, как таковое, берет свое начало с 1832 года, когда был подготовлен XV том Свода законов, в который входила 2-я книга, именованная, как «Законы уголовные» [1]. Указанная книга, по мнению, большинства ученых, являлась первой книгой в истории России, в которой были систематизированы нормы уголовно-процессуального права. Однако, она не представляла из себя кодификацию уголовно-процессуальных норм, в связи с чем, утверждать, что эта книга была неким аналогом современного Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) мы, к сожалению, не можем. Хотя и указанная книга, по большому счету, представляет собой обобщение норм, действовавших со времен Петра I или Екатерины II, включенных в нее по принципу новизны и исключения из нее утративших силу норм, в то же время ее значение в истории российского уголовного процесса нельзя недооценить. Считаем справедливым отметить, что сегодня мы оцениваем российский уголовный процесс благодаря указанному историческому документу.

Особый интерес, рассматриваемый Свод законов, получил в свете изучения нами института ускоренного досудебного производства, поскольку он, как единственный, источник, сохранившийся до нашего времени, закрепил в России зрелый досудебный процесс.

В этой связи, обозначим, что уголовный процесс того времени был построен по модели «германского досудебного процесса» и представлял собой классический следственный уголовный процесс, полностью соответствующий западноевропейской модели уголовного процесса. Производство по уголовному делу, согласно Своду законов, делилось на три части: следствие, суд и исполнение. При чем, следствие и исполнение являлись прерогативой полиции. Особенностью того периода являлось, что по малозначительным преступлениям на полицию возлагалась функция суда, что свидетельствует о зачатках упрощенного (ускоренного) производства в уголовном процессе.

Кроме того, сущность следствия также отчасти делает акцент на упрощении производства по уголовным делам. Так, согласно Своду законов, следствие делилось на предварительное и формальное. Предварительное, в свою очередь, предполагало наличие факта (обнаружение признаков преступления), которым и было ознаменовано начало следствия, а завершалось такое следствие установлением лица, совершившего преступление. Далее начиналось формальное следствие, которое характеризовалось сокращенными сроками и было направлено на окончательное установление обстоятельств дела [2]. После чего уголовное дело направлялось в суд. Суд же рассматривал уголовные дела без проведения судебного разбирательства, придавая разным видам доказательств неодинаковую юридическую силу [3]. То есть, судья должен был определить силу каждого доказательства и, в соответствии с этим, постановить приговор. Интересным представляется тот факт, что суд, кроме обвинительного и оправдательного приговоров, мог еще вынести итоговое решение об оставлении подсудимого в подозрении, когда он сочтет, что доказательства достаточны и весомы, однако не могут быть признаны неоспоримыми

(совершенными). Стоит отметить, что таких решений принималось в разы больше, чем обвинительных и оправдательных, что составляло порядка 85 % [1].

Однако, более 45 % уголовных дел по малозначительным преступлениям рассматривались в обход стадии предварительного следствия, а начинались рассмотрением в порядке формального следствия с последующим направлением таких дел в суд, что способствовало оперативному рассмотрению таких дел и принятию своевременного решения. Кроме того, часто уголовные дела, по которым выносилось итоговое решение об оставлении подсудимого в подозрении, в последующем рассматривались в упрощенном порядке.

Такое построение системы уголовного процесса насчитывает несколько недостатков, к которым могут быть отнесены следующие:

- судебное разбирательство, довольно часто, осуществлялось в отсутствие подсудимого, по письменным актам, подготовленным во время следствия, что нередко становилось почвой для фальсификации материалов уголовного дела;
- в большинстве случаев, обвинение и вынесение судебных решений строилось на формальных доказательствах, без учета мнения судьи по делу.

Отнюдь недостатки, не единственное, чем характеризуется уголовный процесс того периода, так он насчитывает и ряд преимуществ. Во-первых, положительным является то, что он впервые закрепил институт упрощенного производства, хотя и не назвал его в качестве такового, но, подразумевая его в отдельных уголовно-процессуальных нормах. Во-вторых, рассматриваемый Свод законов закрепил ряд институтов, которые мы успешно применяем и сегодня.

В становлении и развитии российского уголовного процесса заслуживает внимания Устав уголовного судопроизводства, принятый в 1864 году и представляющий собой первый кодифицированный источник уголовно-процессуального права. На Основных положениях уголовного судопроизводства, принятых в 1862 году разрабатывался Устав уголовного судопроизводства. Последний представляется нам качественным, по своему содержанию и действующим длительное время, источником (53 года с 1864 года по 1917 год) [4]. Он стал основой для формирования институциональных основ современного уголовного процесса России, в рамках которых он развивается до сих пор.

Говоря о досудебном производстве (предварительном следствии), важно отметить достижение Устава уголовного судопроизводства, состоящее в передаче компетенции по осуществлению предварительного следствия от полиции суду в лице специального судебного следователя. Согласно данному нововведению, полиция сохранила за собой лишь функции дознания, что позволило отграничить сферу действия полицейского дознания и судебного предварительного следствия.

Следующими источниками, оказавшими неоспоримое влияние на становление и развитие института ускоренного производства по уголовным делам, являются следующие Рекомендации Комитета министров Совета Европы, а именно: «Об упрощении уголовного судопроизводства» (№ R (87) 18 от 17.09.1987 г.) [4] и «Посредничество в уголовных делах» (№ R (99) 19 от 15.09.1999 г.) [5]. Названные нормативные акты подчеркивают необходимость введения упрощенных (ускоренных) процедур по уголовным делам и отмечают важность учета правительствами государств-членов Совета Европы принципов, изложенных в них при рассмотрении уголовных дел.

Кроме того, в 1992 году УПК РСФСР подвергся трансформации – были внесены изменения относительно единоличного и быстрого рассмотрения уголовных дел, что обусловлено стремлением к упрощению уголовного судопроизводства в целом. Отметим, что принятые изменения придали такие качества, как мобильность и эффективность, органам уголовного судопроизводства, что стало существенным прорывом в упрощении уголовно-процессуальных институтов.

Сказанное послужило причиной дифференциации форм уголовного судопроизводства в сторону его упрощения и уже, начиная с 2001 года, УПК РФ предусматривало четыре формы ускоренных (упрощенных) процедур: заочное рассмотрение уголовного дела; производство по делам частного обвинения; производство по уголовному делу в особом порядке принятия судебного решения, при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением; производство по уголовному делу в особом порядке принятия судебного решения, при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве.

Анализ становления и развития уголовно-процессуального законодательства России позволяет прийти к выводу о том, что упрощенное (ускоренное) производство по уголовному делу – вид уголовно-процессуальной формы, призванной обеспечить защиту прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства, но с некоторыми изъятиями отдельных процедурных элементов, которые приводят к ускорению судебной процедуры и, как следствие, к более оперативному достижению назначения уголовного судопроизводства.

Приведенное определение получило широкое распространение как в теории, так и науке уголовно-процессуального права. В связи с чем, имеются основания признать его эталонным и оперировать им в процессе исследования рассматриваемого явления.

Кроме того, 24 июля 2002 года Резолюцией Экономического и Социального Совета ООН утверждены «Основные принципы применения программ реституционного правосудия в вопросах уголовного правосудия» (№ 2002/12) [5], которые призваны реформировать уголовное судопроизводство путем введения упрощенных (ускоренных) процедур.

Результатом принятия и реализации вышеназванных нормативных документов для российского ускоренного уголовного процесса стало введение в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ) института досудебного соглашения о сотрудничестве. Его введение является существенным прорывом в упрощении (ускорении) российского уголовного процесса. Однако, в научной среде, бытует мнение о том, что приведенный институт – это лишь «слепое» заимствование американской модели, часто именуемой «сделкой с правосудием» [6]. Ряд отечественных ученых, в свою очередь, гласят о том, что такая модель не может быть использована в российском уголовно-процессуальном праве, поскольку ее неуместность и непродуманность могут привести к различным процессуальным последствиям (привлечению заведомо невиновных к уголовной ответственности и наказанию; фальсификации доказательств и прочее).

Однако, мы считаем, что указанная точка зрения несколько ошибочна, в связи с чем попытаемся внести ясность в данный тезис. Так, «сделка», ныне именуемая досудебным соглашением о сотрудничестве, существовала и ранее, при чем, применялась довольно часто, но негласно [7], поэтому утверждать то, что данный

институт абсолютно чужд для российского уголовного процесса и не стыкуется с его принципами говорить неверно. Отсюда, очевидно, что упомянутый нами институт уголовного процесса не является новеллой для отечественного уголовного судопроизводства [8].

Ни для кого не секрет, что в нынешних условиях глобализации происходит повсеместное заимствование государствами исторически зарекомендовавших себя и эффективных уголовно-процессуальных институтов. Сказанное, по нашему мнению, обусловлено изменениями, происходящими в общественной и государственной жизни конкретного государства. При таком положении вещей, сущность нормативных актов становится «зеркальным» отражением государственных, политических, социальных и экономических преобразований. Считаем, что такой способ совершенствования уголовно-процессуальных институтов не является пороком, в частности, для российского уголовного процесса, наоборот является не только формой совершенствования, но и, в некоторой степени, – формой сотрудничества государств, включенных в сферу интеграции и глобализации [9]. Безусловно, не всякое заимствование правовых институтов оправданно и целесообразно. Соглашаясь с Н.Г. Стойко, подобного рода заимствования должны быть максимально адаптированными к государственной системе и национальному законодательству.

Таким образом, институт ускоренного производства по уголовному делу предстает перед нами в качестве ведущего средства повышения эффективности уголовного судопроизводства за счет применения, в зависимости от специфики правоотношений, различных механизмов их регулирования, использующих при этом необходимое количество временных, материальных, трудовых и иных ресурсов [1], избегая лишней громоздкости и формализованности уголовного судопроизводства. При этом, как отмечалось, ускоренное производство ни в коем случае не является альтернативой или заменой общего порядка осуществления правосудия, а является средством упрощения уголовного судопроизводства при наличии к тому оснований.

Проведенное исследование позволяет прийти к выводу о том, что исторический анализ дореволюционного, советского и современного периодов развития уголовно-процессуального законодательства подтверждает, что до принятия УПК РФ и введения институтов досудебного соглашения о сотрудничестве, особого порядка уголовного судопроизводства и судебного штрафа, отечественное законодательство содержало лишь разрозненные и несистематизированные нормы, предусматривающие различные формы упрощенного производства [10]. Некоторые из них не только позитивно зарекомендовали себя, но и эффективно применялись на протяжении столетий (например, заочное производство).

Совершенствование существующих, в том числе принятие новых форм упрощенного производства свидетельствует о постоянном совершенствовании уголовно-процессуального законодательства, осуществляемого не только под влиянием общепризнанных принципов и норм международного права, но и отечественного исторического опыта.

Список литературы

1. Вальшина, И. Р. История развития упрощенного производства в отечественном уголовном процессе / И. Р. Вальшина // Актуальные проблемы российского права. – 2015. – № 2 (51), февраль. – С. 115–120. – Текст: электронный // КиберЛенинка.ру : [сайт]. – URL:

- <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-razvitiya-uproshehnogo-proizvodstva-v-otchestvennom-ugolovnom-protsesse-1/viewer> (дата обращения: 19.12.2019 г.).
2. Строгович, М. С. Курс советского уголовного процесса / М. С. Строгович. – Текст : непосредственный. – Т. 1. – С. 63–65.
 3. Каз, Ц. М. О единой форме уголовного судопроизводства и пределах ее дифференциации. О единстве и дифференциации уголовного судопроизводства. / Ц. М. Каз. – Текст : непосредственный. // Социалистическая законность. – 1974. – № 9. – С. 50–54.
 4. Об упрощении уголовного правосудия: Рекомендация № R (87) 18 Комитета министров Совета Европы государствам-членам от 17.09.1987 г. – Текст: электронный // СПС «КонсультантПлюс» : [сайт]. – URL: <https://www.dcs.cntd.ru/document/90199470> (дата обращения: 07.12.2019 г.).
 5. По медиации в уголовных делах: Рекомендация № R (99) 19 Комитета министров Совета Европы государствам-членам от 15.09.1999 г. – Текст: электронный // Медиа.про : [сайт]. – URL: <https://www.mediation-eurasia.pro/mezhdunarodnye-dokumenty/rekomendacija-r-99-19-komiteta-ministrov-soveta-evropy-posvjashhennaja-mediicii-po-ugolovnym-delam> (дата обращения: 06.12.2019 г.).
 6. Рустамов, Х. У. Некоторые исторические аспекты упрощенных производств / Х. У. Рустамов, Б. М. Магомедов. – Текст : непосредственный. // Юридическое образование и наука. – 2008. – № 2. – С. 39–42.
 7. Басв, М. О. Досудебное соглашение о сотрудничестве: среди мифов и рифов / М. О. Басв, О. Я. Басв. – Текст : непосредственный. // СПС «Консультант Плюс» Актуальные проблемы российского права. – 2015. – № 2 (51).
 8. Петрунин, И. Сделки о признании вины чужды российскому менталитету / И. Петрунин. – Текст : непосредственный. // Российская юстиция. – 2001. – № 5. – С. 35.
 9. Стойко, Н. Г. Уголовный процесс западных государств и России: сравнительное теоретико-правовое исследование англо-американской и романо-германской правовых систем / Н. Г. Стойко. . – Текст : непосредственный. – СПб.: Изд-во юрид ф-та СПбГУ, 2006. – С. 7.
 10. Полянский, Н. Н. Очерк развития советской науки уголовного процесса / Н. Н. Полянский. – М.: Изд-во АН СССР, 1960. – 212 с. – Текст : непосредственный.

Gorbenko T. V. Accelerated pre-trial proceedings in criminal cases: historical and legal analysis of formation and development / T.V. Gorbenko // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean federal university. Juridical science. – 2020. – Т. 6 (72). № 3. – P. 190-196.

The article considers a retrospective of accelerated pre-trial proceedings in criminal cases in the Russian Federation. The historical and legal analysis of accelerated pre-trial proceedings is presented by three historical periods: pre-revolutionary, Soviet and modern. At the same time, accelerated legal proceedings were the result of a historical process of formation, development and improvement, which is characteristic of both the domestic experience and the experience of other countries. It should be noted that since the days of Russian Pravda, the accused's admission of guilt in the committed offense has been important for the result of the trial. Throughout the history of criminal procedure law, the legislator has repeatedly resorted to establishing "accelerated procedures" in criminal cases. At the same time, the prerequisites for the introduction of accelerated production institutions have been consistently formed in the history of the domestic criminal process. They were due to the historical development of the Russian state as a whole, as well as the formation of criminal proceedings, in which the fact of guilty pleas by the accused was given special importance associated with the simplification of the judicial procedure and the mitigation of the fate of the accused. In this regard, special attention should be paid to the peculiarities of the formation and development of accelerated pre-trial proceedings in criminal cases in each of the considered periods. These features are reflected in this paper. As a result of this analysis, the author comes to the conclusion that the development and introduction of accelerated procedures is not carried out separately, but is connected with the adoption of a number of international regulations.

Key words: criminal proceedings, accelerated pre-trial proceedings in criminal cases, Genesis, development, retrospective, historical and legal analysis, accelerated procedures, simplified proceedings, pre-trial agreement, transaction.

Spisok literary

1. Valshina I. R. The history of the development of simplified proceedings in the domestic criminal process / I. R. Valshina // Actual problems of Russian law. – 2015. – No. 2 (51), February. – Pp. 115–120. – URL:

- <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-razvitiya-uproshehnogo-proizvodstva-v-otchestvennom-ugolovnom-protsesse-1/viewer> (date of access: 19.12.2019). – Text: electronic.
2. Strogovich M. S. Course of the Soviet criminal process / M. S. Strogovich. – T. 1. – Pp. 63–65.
 3. Kaz Ts. M. On a unified form of criminal proceedings and the limits of its differentiation. On the unity and differentiation of criminal proceedings. / Ts. M. Kaz // Socialist legality. – 1974. – No. 9. – Pp. 50–54.
 4. On the simplification of criminal justice: Recommendation No. R (87) 18 of the Committee of Ministers of the Council of Europe to member states of 17.09.1987. – URL: <https://www.dcs.cntd.ru/document/90199470> (date of access: 07.12.2019). – Text: electronic.
 5. On mediation in criminal matters: Recommendation No. R (99) 19 of the Committee of Ministers of the Council of Europe to member states of 15.09.1999. – URL: <https://www.mediation-eurasia.pro/mezhdunarodnye-dokumenty/rekomendacija-r-99-19-komiteta-ministrov-soveta-evropy-posvjashhennaja-mediicii-po-ugolovnym-delam> (date of access: 06.12.2019). – Text: electronic.
 6. Rustamov H. U. Some historical aspects of simplified productions / H. U. Rustamov, B. M. Magomedov // Legal Education and Science. – 2008. – No. 2. – Pp. 39–42.
 7. Baev M. O. Pre-trial cooperation agreement: among myths and reefs / M. O. Baev, O. Ya. Baev // SPS "Consultant Plus" Actual problems of Russian law. – 2015. – No. 2 (51).
 8. Petrunin I. Deals on admission of guilt are alien to the Russian mentality / I. Petrunin // Russian justice. – 2001. – No. 5. – P. 35.
 9. Stoyko N. G. The criminal process of Western states and Russia: a comparative theoretical and legal study of the Anglo-American and Romano-Germanic legal systems / N. G. Stoyko. – SPb.: Publishing house of the law faculty of Saint Petersburg State University, 2006. – P. 7.
 10. Polyansky N. N. Essay on the development of Soviet science of criminal procedure / N. N. Polyansky. – M.: Publishing house of the Academy of Sciences of the USSR, 1960. – 212 p.

УДК 343.131

DOI: 10.37279/2413-1733-2020-6-3-197-204

ИНСТИТУТ «НЕОТЛОЖНЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ» В ОТЕЧЕСТВЕННОМ И ЗАРУБЕЖНОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Журба О. Л., Раднева Е. Г.

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

Институт неотложных следственных действий существует на протяжении порядка 100 лет. Несмотря на столь длительный временной промежуток существования, его основное назначение не изменилось. Так, в соответствии с п. 19 ст. 5 Уголовно-процессуального кодекса России (далее УПК РФ), неотложные следственные действия производятся компетентным органом с целью обнаружения и фиксации следов совершения преступления, а также сбора доказательств, требующих незамедлительного закрепления, изъятия и исследования [1]. Но в отечественной науке уголовного процесса и по сей день существуют споры, по поводу определения понятия «неотложности» при принятии уполномоченным лицом решения о возбуждении уголовного дела, производстве следственных действий. В статье авторами сделан анализ подходов к определению понятия «неотложный» как в отечественной теории уголовного процесса, так и в зарубежных странах, сформулировано авторское видение данного вопроса.

Ключевые слова: уголовный процесс, следственные действия, неотложный, нетерпящие отлагательства.

В современной теории уголовного процесса определенной обособленной группы ученых процессуалистов, которые четко придерживались бы конкретной позиции определения понятия «неотложный» выделить невозможно. Каждый имеет свое мнение по поводу необходимости и обоснованности существования тех или иных положений в изучаемом нами институте.

Изучая этимологию слова «неотложные», можно прийти к выводу, что под термином «неотложный» – следует понимать события, происшествия либо же действия, наличие которых обусловлено совокупностью объективных и субъективных факторов. Под объективными факторами, используемыми в данном толковании, мы понимаем элементы воздействия, наличие которых свидетельствует о существовании ситуации, не обязательно проблемной, но требующей моментального принятия решений по её урегулированию. Под субъективными факторами, полагаем, следует понимать наличие у лица, анализирующего определенную ситуацию, сложившегося конкретного мнения, основанного на его внутренних убеждениях, жизненном опыте и профессионализме.

Так, по мнению Е.Р. Пруданова, термин «неотложные», как и сама формулировка в современном уголовно-процессуальном законодательстве, достаточно условная. По его мнению, отсутствие конкретных сроков в УПК РФ для определения неотложности позволяет должностному лицу самостоятельно принимать решение о производстве неотложных следственных действий или же дожидаться следственно-оперативной группы, обеспечивая сохранность места

происшествия [2, с. 48]. Е.Р. Пруданов также считает, что законодатель предоставил слишком маленький срок дознавателю на проведение всего объема необходимых следственных действий. Так, по его мнению, 10 суток – очень маленький срок, поскольку не учитывается тяжесть совершенного деяния. По его мнению, на практике могут существовать различные ситуации, которые не могут быть разрешены в столь короткий промежуток времени.

Однако существует противоположное мнение, согласно которому такие ученые как А.Ю. Девятко и Г.Н. Загирский полагают, что сам по себе термин «неотложности» в контексте использования формулировки неотложные следственные действия предполагает, что таковые будут проведены в течение первых суток. Так, по их мнению, дознавателю необходимо провести те следственные действия, которые непосредственно направлены на закрепление конкретных следов преступления, которые могли быть уничтожены при их обнаружении [3, с. 65]. С данным положением невозможно не согласиться, поскольку именно в этом и заключается вся сущность существования изучаемого нами института. Однако дальнейшее их утверждение, о том, что необходимо сократить срок передачи уголовного дела следователю с 10 суток до 5 суток, считаем необоснованным. А. Ю. Девятко и Г. Н. Загирский аргументируют свою позицию тем, что срок свыше 5-ти суток фактически превращает неотложные следственные действия в расследование, что по сути своей недопустимо. Полагаем, что срок в 10 суток установлен законодателем с целью грамотного процессуального оформления полученной доказательственной базы, а также систематизации имеющихся материалов уголовного дела для дальнейшей передачи по подследственности следователю.

Сокращение срока предоставления дознавателем следователю материалов уголовного дела, наработанных в процессе производства неотложных следственных действий, приведет к увеличению ошибок, как процессуального характера, так и квалификации содеянного преступного деяния. По мнению ученого процессуалиста З. Ф. Коврига, дознаватель, проводящий неотложные следственные действия, выполняет основополагающую роль в определении дальнейшего хода расследования по уголовному делу [2, С.86]. Именно от его верного либо ошибочно принятого решения в определенный ситуативный момент зависит будут ли в дальнейшем собранные им материалы нести доказательственную силу. Примером значимости юридической грамотности сотрудника, проводящего следственные действия в порядке, предусмотренном ст. 157 УПК РФ, можно привести решение, принятое судьей Электростальского городского суда Московской области. При рассмотрении ходатайства стороны защиты о признании действий оперативного уполномоченного незаконными и совершенными с нарушением действующего уголовно-процессуального законодательства, были установлены следующие обстоятельства. Оперуполномоченный в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий установил, что в квартире у гражданина Эшембаева А.В. по адресу: г. Электросталь, ул. Ялагина имеются наркотические средства в особо крупном размере, а также существует угроза их уничтожения. Принимая во внимание наличие достаточных данных, свидетельствующих о признаках преступления, а также об имеющихся доказательствах по указанному адресу, и оценивая существующую явную угрозу уничтожения доказательств, по рапорту оперативного сотрудника начальником органа дознания было принято решение о возбуждении уголовного дела по признакам преступления, предусмотренного ст. 228.1 УПК РФ, а также о

производстве неотложного следственного действия – обыска по адресу хранения наркотических средств. Таким образом, суд, оценив действия лица, проводившего обыск и изъятие наркотических средств, а также иных предметов, имеющих доказательственное значение по делу, признал их законными, а соответствующий протокол обыска, соответственно, допустимым доказательством [4].

Однако судебное признание, а иногда и оправдание деятельности субъекта, проводившего неотложные следственные действия, не всегда свидетельствуют о правильном и своевременном их применении. Так, по мнению В. А. Семенцова, неотложные следственные действия, несомненно, играют весомую роль в установлении фактов и событий совершения преступления, а также в определении дальнейшего хода расследования [5]. Однако формулировка «неотложные следственные действия», по его мнению, является не совсем правильно применимым понятием к данному комплексу мероприятий. Он считает, что законодатель, при формировании действующего УПК РФ, в «грубой» форме перенес основные принципы института неотложных следственных действий из прежнего Уголовно-процессуального кодекса. Законодатель не проанализировал фактическое название и заложенный смысл в нормы ст. 157 УПК РФ. Так целесообразна, по мнению В.А. Семенцова, замена термина «неотложные» на термин «первоначальные». Его позиция заключается в том, что, не смотря на содержание смысла проведения неограниченного круга следственных действий, дознаватель при закреплении следов преступления использует не весь объем предоставленных уголовно-процессуальным кодексом средств, а только те, которые, как правило, используют следователи на первоначальном этапе расследования. Данная позиция, безусловно, имеет право на существование, однако, по нашему мнению, все же является некорректной. Проведение следственных действий в контексте «первоначальных», подразумевает проведение таковых без временных ограничений, в то время как неотложность мотивирует к немедленному выполнению действий, направленных на закрепление следов совершенного преступления.

В научных кругах принято считать, что Россия, ввиду исторических особенностей своего развития, а в частности из-за изменения политического строя государства более двух раз в течение столетия, участия в двух мировых войнах и ряда других локальных военных конфликтах, не успевает в развитии научном, техническом и, что немаловажно, в законодательном от ряда стран, в том числе и западных.

В связи с этим в настоящее время сложилось устойчивое мнение о том, что зарубежное законодательство куда более совершеннее российского. Данное утверждение находит свое отражение в том, что при принятии новых нормативных правовых актов, реформировании определенных государственных структур, а также внесении поправок в действующую правовую систему законодатель в первую очередь обращается к зарубежному опыту и практике, пытаясь перенести их в отечественную действительность.

Считаем целесообразным рассмотреть теорию, а также законодательство в сфере уголовного процесса, регламентирующих институт неотложных следственных действий, иных государств. При этом полагаем, необходимым выделить две следующие группы:

– теория уголовного процесса в странах бывших республиках СССР, чье законодательство схоже с законодательством Российской Федерации.

–теория и законодательство в сфере уголовного процесса иных стран, не относящихся к первой группе.

Необходимость изучения теории и законодательства первой группы обусловлена тем, что, несмотря на схожесть с Российской Федерацией в построении права, каждая из бывших союзных республик, став самостоятельным суверенным государством, выбрала свой вектор развития и в соответствии с ним выстраивает законодательство для обеспечения и достижения намеченных задач.

Например, законодательство Республики Беларусь во многом схоже с законодательной базой Российской Федерации. Стоит отметить, что многие положения Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее УПК РБ) практически идентичны с отдельными положениями российского Уголовно-процессуального кодекса. При этом в ст. 186 УПК РБ нашли свое отражение основные положения института неотложных следственных действий. По нашему мнению, согласно изучаемой норме, законодатель Республики Беларусь предоставил субъекту определенное право выбора, а именно: орган дознания при обнаружении явных признаков преступления вправе на свой выбор произвести следующие действия:

- передать заявление или сообщение о преступлении с собранными материалами проведенной проверки по подследственности;
- воспользоваться правом на возбуждение уголовного дела и проведение неотложных следственных действий [6].

Стоит отметить, что наличие у органа дознания права выбора является довольно рациональным и продуманным решением. Так, в случае объективной сложности совершенного преступления, когда дознаватель осознает некомпетентность или недостаточный профессионализм в разрешении определенных вопросов, он вправе отказаться от проведения неотложных следственных действий и передать материалы еще до возбуждения уголовного дела более компетентному органу по подследственности.

Также в данной статье белорусский законодатель привел полный перечень следственных действий, которые орган дознания вправе проводить как неотложные следственные действия. По мнению белорусского ученого-процессуалиста С.В. Борики, именно наличие ограниченного перечня следственных действий не позволяет заменить понятие «неотложные», на понятие «первоначальные» [7].

Также следует отметить, что белорусское законодательство предоставляет право производства неотложных следственных действий не только органу дознания, но и следователю.

В теории уголовного процесса Белоруссии относительно института неотложных следственных действий, а именно определения «неотложности», присущ фактор определения таковых не по критерию временного промежутка, а по субъекту его проведения.

В нормах и положениях Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан (далее УПК РК), институт неотложных следственных действий, также нашел свое отражение в виде отдельно взятой статьи – ст. 196 УПК РК [8]. В данной статье законодатель закрепил перечень следственных действий, которые вправе проводить уполномоченный субъект в рамках неотложных следственных действий. Если сравнивать с действующими положениями российского уголовно-процессуального законодательства, то существенным различием можно отметить

наличие закрепленного расширенного перечня субъектов, уполномоченных на проведение неотложных следственных действий: следователь (по уголовным делам, не относящимся к его компетенции); дознаватель; орган дознания.

Рассматривая уголовно-процессуальную теорию, а также законодательство стран постсоветского пространства следует, отметить, что Республика Казахстан – это первая страна, которая помимо общепринятого субъекта в лице дознавателя наделила правом проведения неотложных следственных действий следователя.

Ученый-процессуалист А.Н. Агыбаев указывает, что данное решение обусловлено теоретическим осмыслением норм уголовно-процессуального права Советского союза, а также иных государств. По мнению А.Н. Агыбаева, законодатель, проведя анализ сложившейся на момент принятия уголовно-процессуального кодекса ситуации, посчитал целесообразным закрепление за следователем права на проведение неотложных следственных действий [9]. Тем самым законодатель Республики Казахстан, предпринял попытку отступить от «привычной» для всех ассоциации проведения неотложных следственных действий исключительно уполномоченным субъектом, определив при этом срок производства неотложных следственных действий в 5 суток. Признак «неотложности» в первую очередь должен быть связан исключительно с временным параметром, естественно ему присущие и иные компоненты, однако время является базовым.

Обратимся к законодательству и правоохранительной системе КНР, которые довольно специфичны. Это обусловлено политическим строем государства, где основополагающие принципы социализма сочетаются с капиталистическими реалиями современного мира. Так, уголовно-процессуальное законодательство представлено в виде единого кодифицированного кодекса. Однако в Уголовно-процессуальном кодексе КНР (далее УПК КНР) рассматриваемый нами институт нашел свое отражение лишь в форме отдельного предложения в параграфе одной статьи, а именно: в параграфе третьем ст. 84 УПК КНР содержится формулировка следующего характера – «В случаях если дело не подпадает под юрисдикцию уполномоченных органов, но требуется принятие неотложных мер, то данные органы принимают эти меры, перед тем как передать дело в компетентный орган» [10]. В едином предложении законодатель КНР закрепил основополагающие нормы института неотложных следственных действий, формально указав субъект их проведения в виде уполномоченных органов, обязанность проведения и принятия неотложных мер, а также дальнейшую передачу дела компетентному органу.

Таким образом, формулировка понятия «неотложные меры» по своему смыслу шире, чем понятие, используемое в отечественном законодательстве.

Институт неотложных следственных действий в Китайской Народной Республике «не имеет обременений» ни со стороны сроков, ни со стороны установленного специального субъекта их производства, а представляет собой отдельный обособленный функционирующий в системе уголовно-процессуального законодательства институт.

Принято считать, что законодательство Германии более прогрессивное, и заслуживает отдельного внимания с целью изучения и научного анализа.

Уголовно-процессуальный кодекс Германии (далее УПК Германии), существует на протяжении трех веков и имеет множество дополнений и изменений, тем не менее, стоит отметить, что в УПК Германии отсутствует прямое закрепление

института неотложных следственных действий. Как и в УПК КНР существуют закрепленные отдельные положения, которые косвенно указывают на право неуполномоченного на расследование субъекта к проведению следственных действий.

С целью понимания, о чем идет речь, необходимо изначально изучить порядок расследования уголовных дел, а также систему взаимодействующих при этом органов. Так предварительное следствие в Германии представлено исключительно в форме дознания, проводимого органами прокуратуры, но участие принимают и сотрудники полиции. Существует третий независимый орган в лице суда, который принимает участие в расследовании произошедшего криминального события. Согласно германскому законодательству орган прокуратуры обязан в установленном порядке получить разрешения суда на проведение определенного объема следственных мероприятий. В соответствии с параграфом 29 УПК Германии, сотрудник прокуратуры имеет право проводить следственные действия без судебного разрешения, исключительно в случаях «неотложных служебных действий» [12]. Под «неотложными служебными действиями» в данном кодексе принято понимать осуществление действий должностными лицами, а также компетентными органами не входящих в круг их компетенции и полномочий с целью проведения всестороннего и полного расследования, если имеются основания к отводу полномочных на проведение данных действий субъектов. Иными словами, в определенных случаях прокурор вправе провести следственные действия без получения специального разрешения с дальнейшим уведомлением компетентного органа о принятом решении.

Законодатель в данной норме наделил органы прокуратуры правом производства следственных действий в «обход» определенного кодексом порядка по аналогии с отечественным законодательством, регламентирующим понятие «не требующий отлагательства».

Таким образом, в системе уголовно-процессуального законодательства зарубежных стран институт неотложных следственных действий если и не выделен как отдельный институт, то находят свое отражение в виде отдельно закрепленных норм или, как видно, в отдельно взятых положениях четко усматриваются его признаки.

Проведенный анализ уголовно-процессуального законодательства России в части регулирования института неотложных следственных действий показывает, что данную процедуру регламентируют несколько норм: п. 19 ст. 5, ст. 40, ч. 5 ст. 152 и ст. 157 УПК РФ. При этом указанные нормы, призванные регулировать смежные правоотношения, не согласованы между собой.

Полагаем, было бы верным с учетом положений части 5 ст. 152 УПК РФ, в которой регламентировано производство неотложных следственных действий, кроме дознавателя также следователем по делу, которое не входит в его подследственность, скорректировать положения ст. 157 УПК РФ. Как мы видим, законодатель путем внесения изменений в УПК РФ в 2007 году наделил дознавателя и следователя правом осуществлять производство неотложных следственных действий по делу, которое ему неподследственно. При этом какой-либо попытки урегулировать конкретную норму о производстве неотложных следственных действий, в частности ст. 157 УПК РФ, не предпринято.

Соответственно, необходимо урегулировать положения п. 19 ст. 5 УПК РФ, обозначив, что дознаватель и следователь также относятся к субъектам, наделенным правом на проведение неотложных следственных действий по неподследственному им делу.

В ст. 38 УПК РФ, определяющей полномочия следователя при осуществлении им процессуальной деятельности, также нет отражения о его полномочиях на проведение неотложных следственных действий по неподследственному ему уголовному делу, кроме указания в п. 6 части 2 ст. 38 УПК РФ на возможность осуществлять иные полномочия, предусмотренные УПК РФ.

Наличие обозначенных нестыковок вызывает коллизию права и отрицательно сказывается при применении норм уголовно-процессуального законодательства относительно определения субъектов, наделенных правом проведения неотложных следственных действий в практической деятельности, поскольку указывает на существенные противоречия в смежных правоотношениях.

По нашему мнению, учитывая определенную законодателем структуру УПК РФ необходимо привести его нормы, регламентирующие смежные правоотношения, к единому смыслу и пониманию, что обеспечит наиболее точное применение этих норм в практической деятельности и исключит споры между участниками уголовного судопроизводства.

При рассмотрении уголовно-процессуального законодательства иностранных государств мы установили, что в независимости от государственного строя, системы законодательства, а также устройства жизни общества, институт неотложных следственных действий является востребованным в различных странах. При этом следует отметить, что и в различных странах, сам по себе данный институт не является явно выраженным и обособленным, а закреплен и раскидан по всем нормам кодекса. Российскому институту неотложных следственных действий, следует позаимствовать некоторые положения, но вместе с тем, невозможно не отметить, что по отдельно взятым моментам институт неотложных следственных действий, закрепленный в УПК РФ во многом преуспел и функционирует с должной мерой успешности, хоть и теоретиками и разрабатываются различного рода положения по его усовершенствованию.

Список литературы

1. Российская Федерация. Законы. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18.12.2001 N 174-ФЗ. – Текст: электронный // СПС «КонсультантПлюс» : [сайт]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 15.05.2020).
2. Бобров, В. К. Уголовный процесс : учебник для бакалавров / В. К. Бобров [и др.]; ответственный редактор В. П. Божьев. – 4-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2014. – 573 с. – Текст : непосредственный.
3. Манова, Н. С. Уголовный процесс : краткий курс лекций / Н. С. Манова, Ю. В. Францифоров. – Москва: Юрайт, 2018. – 356 с. – Текст : непосредственный.
4. Алонцева, Е. Ю. Понятие и система следственных действий, выполняемых с разрешения суда/ Е. Ю. Алонцева. . – Текст : непосредственный // Российское законодательство в современных условиях – Брянск: РИО БГУ, 2007. – С. 235–245.
5. Гриненко, А. В. Уголовный процесс : учебник и практикум / А. В. Гриненко. – Москва: Юрайт, 2014. – Текст : непосредственный.
6. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16 июля 1999 года № 295-З. – Текст: электронный // КонтинентОнлайн.ру : [сайт]. – URL: http://continent-online.com/document/?doc_id=30414958 (дата обращения: 21. 04.2020 г.).

7. Бори́ко, С. В. Уголовный процесс : учебник / С. В. Бори́ко. – Минск: Адукацыя і выхаванне, 2016. – 392 с. – Текст : непосредственный.
8. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 года № 231-V. – URL: https://online.zakon.kz/m/document?doc_id=31575852 (дата обращения: 21.04.2020 г.).
9. Адилев, С. А. Следственный судья в уголовном судопроизводстве Республики Казахстан / С. А. Адилев. – Текст : непосредственный // Труды Академии Управления МВД России. – 2017. – № 1.
10. Уголовно-процессуальный кодекс КНР. – Текст: электронный // СПС «КонсультантПлюс»: [сайт]. – URL: <http://ru.china-embassy.org/rus/zfhz/zgflyd/t1330729.htm> (дата обращения: 22.04.2020 г.).
11. Журба, О. Л. Процессуальные особенности производства обыска / О. Л. Журба. – Текст : непосредственный // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. – 2019. – Т. 5 (71). – № 1. – С. 146–150.
12. Уголовно-процессуальный кодекс ФРГ. – Текст: электронный // Право.орг.юа : [сайт]. – URL: https://pravo.org.ua/files/_%281%29.pdf (дата обращения: 22.04.2020 г.).

Zhurba O. L., Radneva E. G. The institute of “urgent investigative actions” in the domestic and foreign criminal procedure / O.L. Zhurba, E.G. Radneva // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean federal university. Juridical science. – 2020. – Т. 6 (72). № 3. – P. 197-204.

The Institute of urgent Investigative Actions has existed for about 100 years. Despite such a long time period of existence, its main purpose has not changed. So, in accordance with paragraph 19 of part 1 of article 5 of the Code of Criminal Procedure of Russia (hereinafter, RF CPC), urgent investigative actions are carried out by the competent authority with the aim of detecting and recording traces of a crime, as well as collecting evidence that requires immediate fixing, seizure and examination [1]. But there are some disputes over the definition of the concept of "urgency" in the domestic science of the criminal process up to this day particularly when an authorized person decides to initiate a criminal case or conduct investigative actions. In the article the authors analyze the approaches to the definition of the term “urgent” both in the domestic theory of the criminal process and in foreign countries. The author’s vision of this issue is specified.

Key words: criminal procedure, investigative actions, urgent, pressing.

Spisok literature

1. The Criminal Procedure Code of the Russian Federation: Federal Law of 18.12.2001, No. 174-FZ // Rossiyskaya Gazeta. – 2001. – P. 249.
2. Bobrov V. K. Criminal procedure : textbook for bachelors / V. K. Bobrov [and others]; executive editor V. P. Bozhiev. – 4th ed., Rev. and add. – Moscow: Yurayt Publishing House, 2014. – 573 p.
3. Manova N. S. Criminal process: a short course of lectures / N. S. Manova, Yu. V. Franciforov. – Moscow: Yurayt, 2018. – 356 p.
4. Alontseva E. Yu. Concept and system of investigative actions carried out with the permission of the court // Russian legislation in modern conditions / E. Yu. Alontseva. – Bryansk: RIO BSU, 2007. – Pp. 235–245.
5. Grinenko A. V. Criminal process : textbook and workshop / A. V. Grinenko. – Moscow: Yurayt, 2014.
6. Code of Criminal Procedure of the Republic of Belarus dated July 16, 1999 No. 295-3. – URL: http://continent-online.com/document?doc_id=30414958 (date of access: 21.04.2020). – Text: electronic.
7. Boriko S. V. Criminal process : textbook / S. V. Boriko. – Minsk: Adukatsya i vyhavanne, 2016. – 392 p.
8. The Criminal Procedure Code of the Republic of Kazakhstan dated July 4, 2014 No. 231-V. – URL: https://online.zakon.kz/m/document?doc_id=31575852 (date accessed: 21.04.2020). – Text: electronic.
9. Adilov S. A. Investigative judge in criminal proceedings of the Republic of Kazakhstan / S. A. Adilov // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2017. – No. 1.
10. The Criminal Procedure Code of the PRC. – URL: <http://ru.china-embassy.org/rus/zfhz/zgflyd/t1330729.htm> (date of access: 22.04.2020). – Text: electronic.
11. Zhurba O. L. Procedural features of the search / O. L. Zhurba // Scientific Notes of the Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky. Legal sciences. – 2019. – Т. 5 (71). – No. 1. – Pp. 146–150.
12. The Criminal Procedure Code of the Federal Republic of Germany. – URL: https://pravo.org.ua/files/_%281%29.pdf (date of access: 22.04.2020). – Text: electronic.

УДК: 342.95

DOI: 10.37279/2413-1733-2020-6-3-205-212

ПОНЯТИЕ И СОДЕРЖАНИЕ КАТЕГОРИИ «ПРАВОПОРЯДОК» КАК СФЕРЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛИЦИИ

Заброда Д. Г., Тихий И. В.

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

Сапунова Т. Г.

Ростовский юридический институт МВД России

В статье рассматриваются основные подходы к пониманию сущности правопорядка в целом, и в общественных местах в частности, а также выявлены его особенности как сферы деятельности полиции. Проанализированы позиции ученых, исследующих правопорядок и другие, связанные с ним категории в контексте деятельности полиции.

Продемонстрировано соотношение правопорядка с общественным порядком. Сделан вывод о том, что сфера деятельности полиции распространяется преимущественно на группы общественных отношений, составляющих сущность общественного порядка в узком («полицейском») смысле. Акцентируется внимание на связи «общественности» правопорядка с местом, где осуществляются действия субъектов соответствующих правоотношений. Выделены группы правоотношений, составляющих сущность правопорядка, защита которых обеспечивается полицией. Уточнено содержание правопорядка как сферы деятельности полиции.

Обращено внимание на первичности общественного порядка и потребности в правовом регулировании социальных отношений, где гражданское общество не может либо не должно самоорганизовываться для достижения целей общественного развития, создания безопасных условий для жизнедеятельности, а также на признании полиции – основным субъектом обеспечения правопорядка в общественных местах.

Ключевые слова: правопорядок, общественный порядок, общественное место, полиция, полномочия полиции.

Одной из функций современного российского государства является создание условий для гармоничного развития каждого человека, удовлетворения его потребностей в развитии, реализации его прав и свобод интересов. Среди них – безопасность личности – ориентир и приоритет для органов публичной власти в целом, и органов внутренних дел в частности.

По данным МВД России в 2019 г. в целом отмечены позитивные тенденции к снижению преступности в общественных местах. В первую очередь это касается снижения числа совершенных преступлений на 1,8% (в том числе тяжких и особо тяжких – на 5,3%; менее тяжких деяний – на 1,1%); уменьшения их доли среди зарегистрированных преступлений – на 1,2%; снижения степени общественной опасности за счет сокращения фактов «уличных» убийств – на 12,7%, умышленного причинения тяжкого вреда здоровью – на 10,8%, изнасилований с покушениями – на

6,2%, разбоев – на 12,8%, краж – на 5,5%, хищений транспортных средств – на 14,9%, незаконного оборота наркотиков – на 6,4% [1].

Достижение указанных выше позитивных результатов стало возможным в связи с: использованием технических средств, в том числе и ресурсов аппаратно-программного комплекса обеспечения безопасности граждан в населенных пунктах «Безопасный город»; активным привлечением к охране общественного порядка общественных формирований правоохранительной направленности, в том числе и казачьих объединений; совершенствованием комплексного использования сил и средств полиции; повышением эффективности взаимодействия ОВД с другими правоохранительными органами, в первую очередь, с подразделениями ФСВНГ, ФСБ России и др.; применением служебных собак для профилактики преступлений и правонарушений в местах пребывания граждан, задержания правонарушителей; усилением воздействия на причины и условия, способствующие совершению правонарушений в общественных местах (например, регулярным проведением комплексных профилактических мероприятий, индивидуальной профилактической работы в отношении лиц, состоящих на учетах в полиции, и допускающих нарушения общественного порядка) и др.

Однако, остается еще достаточно высоким число правонарушений, которые совершаются в общественных местах в состоянии алкогольного опьянения, недостаточны темпы снижения краж и мошенничества, значительно растет количество нарушений правил дорожного движения. Более того, в отдельных регионах отмечается и некоторый рост преступности в общественных местах: Республика Ингушетия (+36,2%), Чеченская Республика (+25,8%), Кабардино-Балкарская Республика (+22,0), Республика Дагестан (+15,4%) и др.

Приведённые выше данные, свидетельствуют о необходимости повышения эффективности деятельности ОВД, как основного субъекта обеспечения защиты граждан от противоправных посягательств. Достижению этой цели может способствовать изучение закономерностей общественных отношений, возникающих в сфере обеспечения правопорядка.

В данной статье будут рассмотрены основные подходы к пониманию сущности правопорядка в целом, и в общественных местах в частности, а также выявлены его особенности как сферы деятельности полиции.

Следует отметить, что категория «правопорядок», её содержание и соотношение с другими правовыми понятиями («общественный порядок», «общественная безопасность») исследовалась теоретиками права, социологами, криминологами, административистами и др. Современная административно-правовая концепция правопорядка сформирована в трудах Ю.Е. Аврутина, В.М. Безденежных, К.С. Бельского, И.И. Веремеенка, И.Н. Даньшина, В.В. Денисенко, М.И. Еропкина, С.А. Комарова, А.П. Коренева, А.П. Ключниченко, В.В. Лазарева, Н.М. Макарейко, Л.Л. Попова, А.В.Серегина, Б.В. Труфанова и др.

Основой понимания сущности правопорядка является общетеоретический подход, в соответствии с которым он представляет собою «...основанную на праве и законности организацию общественной жизни, отражающую качественное состояние общественных отношений на определенном этапе его развития» [2], а также «...это объективно и субъективно обусловленное состояние социальной жизни, которое характеризуется внутренней согласованностью, урегулированностью системы правовых

отношений, основанных на нормативных требованиях, принципах права и законности, а также на демократических, гуманистических и нравственных требованиях, правах и обязанностях, свободе и ответственности всех субъектов права» [3].

Довольно точно и лаконично правопорядок определен в одном из толковых словарей русского языка, как «...закрепленный правовыми нормами порядок общественных отношений» [4].

К основным свойствам правопорядка относят: обусловленность закономерностями конкретного этапа развития общества; признание права и законодательства его нормативной основой; связь с государственной политикой, правовой идеологией; отражение реального состояния урегулированных правом общественных отношений; ярко выраженную правоохранительную направленность деятельности по его обеспечению; наличие собственной структуры, включающей правовое оформление, существование в пространстве, осуществление и функционирование во времени, единичные и конкретные проявления права в тех или иных жизненных ситуациях [5].

Изучение научных публикаций показало, что специалисты, соглашаясь в большинстве случаев, с основным атрибутом «правопорядка» – его объектом, формулируя дефиницию этого понятия, расширяют его содержания за счет дополнения теми или иными признаками [6].

Необходимо отметить, что в литературе продолжается дискуссия по поводу соотношения «правопорядка» и «общественного порядка». Так, некоторые ученые утверждают, что правопорядок – это лишь часть общественного порядка (Ю.А. Соколов), при этом основным аргументом выступает понимание общественного порядка в широком смысле (общесоциальном смысле) – как совокупности всех социальных связей, складывающихся под воздействием всего круга социальных норм, а правопорядок – включает лишь отношения, урегулированные правом.

Второй подход обусловлен рассмотрением общественного порядка в узком смысле, при этом совпадение сфер правопорядка и общественного порядка происходит в части регулирования общественного порядка нормами права. При этом сферы общественной жизни, регулируемые нормами морали и нравственности (не правовыми, а социальными нормами), полностью находятся за границами правопорядка и лишь частично – в границах общественного порядка [7].

В связи с этим, в административно-правовой литературе понятие «правопорядок» употребляется чаще всего как синоним общественного порядка (в специально-юридическом понимании), под которым понимается система волевых общественных отношений, складывающихся и развивающихся в общественных местах на основе соблюдения норм права и иных социальных норм, направленных на обеспечение личной безопасности граждан, общественной безопасности, на создание благоприятных условий для нормального функционирования предприятий, учреждений, организаций и общественных объединений, для труда и отдыха граждан, уважения их чести, достоинства, общественной нравственности [8-10]. Такая трактовка, в целом, соответствует основному предназначению полиции, и поэтому будет использоваться в нашей работе.

Проведенный нами анализ ФЗ «О полиции» показывает, что понятие правопорядок используется законодателем при: формулировке одного из основных

направлений деятельности полиции (п. 6 ч. 1 ст. 2); определении сфер, в которых полиция оказывает содействие муниципальным органам и институтам гражданского общества (ч. 3 ст. 10); конкретизации предмета информирования высших должностных лиц субъектов РФ (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) и выборных должностных лиц местного самоуправления (глав муниципальных образований) (п.36 ч. 1 ст. 12) [11]. В то же время, категория «общественный порядок» более часто используется в качестве базовой при характеристике предназначения полиции, определения сфер её деятельности и объема полномочий (например, ч. 1 ст.1, пп. 1 ч. 7 ст. 9, п. 5-7, 13, 31 ч. 1 ст. 12, п. 6, 18 ч. 1 ст. 13, ч. 3 ст. 16, п. 2 ч. 1 ст. 22, ч. 3 ст. 46, ч. 6 ст. 48).

Термин «правопорядок» применяется и для описания полномочий МВД России и территориального органа МВД Российской Федерации на региональном уровне. Так, МВД России: устанавливает порядок организации и осуществления образовательной деятельности по основным профессиональным образовательным программам, реализуемым в интересах обеспечения законности и правопорядка...; разрабатывает и утверждает примерные основные программы профессионального обучения, примерные дополнительные профессиональные программы в области обеспечения законности и правопорядка, по которым осуществляется профессиональное обучение или дополнительное профессиональное образование в интересах МВД России, а территориальный орган МВД России – разрабатывает меры по укреплению правопорядка на основе анализа и прогнозирования состояния преступности, взаимодействует по вопросам обеспечения правопорядка в субъекте РФ с высшим должностным лицом (руководителем высшего исполнительного органа государственной власти) субъекта РФ, руководителями территориальных органов федеральных органов исполнительной власти, расположенных на территории субъекта РФ, руководителями иных государственных органов, органов местного самоуправления, общественных объединений и организаций, участвует в работе координационного совещания по обеспечению правопорядка в субъекте РФ [12].

Наиболее часто понятие «правопорядок» (77 раз) используется в приказе МВД от 25.11.2019 № 879 «Об утверждении Наставления об организации в органах внутренних дел Российской Федерации деятельности по обеспечению правопорядка на улицах и в иных общественных местах».

Еще одним важным признаком, влияющим на содержание деятельности полиции, является определение места, в которых возникают, развиваются и прекращаются соответствующие группы правоотношений. Это касается понятия «общественное место» и соответствующих его производных. Именно таким образом устанавливается «общественность» правопорядка, уточняется необходимость в приоритете административно-правовой охраны публичного, а не частного интереса.

По мнению А.В. Серегина потребность в упорядоченности правоотношений и обеспечении специфических интересов в общественных местах является тем непосредственным объектом, на охрану и поддержание которого государство и общество вынуждено расходовать немало сил и средств [13].

Необходимость включения пространственного признака в понятие «общественный порядок» отстаивал и М.И. Еропкин, который рассматривал общественный порядок как «...обусловленную интересами всего советского народа и задачами коммунистического строительства и регулируемую нормами права,

морали, правилами социалистического общежития и обычаями систему волевых общественных отношений, складывающуюся главным образом в общественных местах, а также общественных отношений, возникающих и развивающихся вне общественных мест, но по своему характеру обеспечивающих охрану жизни, здоровья, чести и достоинства и иных прав граждан, укрепление народного достояния, обеспечения общественного спокойствия, создания нормальных условий для деятельности предприятий, учреждений и организаций»[14].

По мнению Ю.Е. Аврутина, основание для возникновения правоотношений в сфере правопорядка являются определенные состояния-факты фактов, к которым он относит: предусмотренные нормативно-правовыми актами общезначимые правила поведения в общественных местах; соблюдение или нарушение этих правил физическими и юридическими лицами, влекущих за собой наступление юридических последствий, включая юридическую ответственность и необходимость восстановления нарушенного права [15].

Видовыми группами правоотношений, входящих в содержание правопорядка, являются отношения, связанные с: охраной жизни, здоровья и чести граждан, общественным спокойствием, обеспечением нормальных условий для деятельности органов власти, предприятий, учреждений и организаций (М.Е. Еропкин); правилами поведения в области общения между людьми (И.Н. Даньшин); общественным и личным спокойствием граждан, их честью, человеческим достоинством и общественной нравственностью (А.В. Серегин); взаимоотношениями граждан между собой и обществом (Е.В. Кичигина); общественно-политической, производственной и иной социальной деятельностью, а также бытом и отдыхом граждан (Т.М. Кафаров и Ч.Т. Мусаев); сохранностью имущества (А.П. Ключниченко).

Подводя промежуточный итог, можно согласиться с мнением И.П. Голосниченко и Я.Ю. Кондратьева, которые предлагали рассматривать общественный порядок также в «милиейском (полицейском)» понимании как «...систему общественных отношений, регулируемых нормами права и иными социальными нормами, которые обеспечивают спокойствие населения, уважение к общественной морали, чести и достоинства в общественных местах» [16]. Подобная позиция поддержана и В.К. Нехайчиком и В.В. Нехайчиком [9].

Считаем, что разновидности таких отношений, интерпретируя мнение Л.М. Розина, опосредованы: составом участвующих в них субъектов (например, между гражданами и государством, гражданами и гражданами по поводу нахождения в общественных местах); обращениями граждан для реализации и охраны своих прав и законных интересов при осуществлении возложенных на них обязанностей (например, подача потерпевшим заявления о преступлении, оказании государственной услуги, жалобы на неправомерные действия сотрудника полиции); нарушением лицом правопорядка (например, совершение административного правонарушения или преступления, посягающего на общественный порядок и общественную безопасность); потребностью организации деятельности органов публичной власти по обеспечению правопорядка (например, установление компетенции полиции, а также результатов исполнения своих обязанностей и реализации прав уполномоченными должностными лицами ОВД).

Специалистами обращается внимание на сложную социально-правовую структуру правопорядка, в которой тесно переплетаются элементы правового и

нравственного характера, государственного и общественного содержания, интересы социальных групп, граждан и общества в целом [17, 18]. При этом система правовых и неправовых структур, элементов и процессов, существенных свойств и признаков составляют его содержание.

Следует также привести и позицию Е.В. Свинина о поликонтекстности правопорядка и его понимании как: нормы правовой жизни общества, характеризующей состояние правовой регламентации общественных отношений; процесса (процедурного порядка), при котором субъекты права совершают действия с учетом времени, места, способа, стадии и других факторов; результата юридических и социальных последствий правового регулирования [19].

В контексте деятельности полиции юридическая составляющая содержания правопорядка проявляется в: материализованном выражении правомерного поведения сотрудников полиции, решений руководителей органов внутренних дел, законности принятых нормативных и индивидуальных правовых актов; полноте реализации системы правовых отношений и связей, субъективных прав и юридических обязанностей субъектов правопорядка; упорядоченности правовых процессов, отношений и связей.

Для упорядочивания правоотношений, участником которых является полиция, законодатель: определил сферу и объем полномочий полиции, как составной части ОВД; детализировал регламентацию тех групп общественных отношений, возникающих между полицией, физическими и юридическими лицами, риск нарушения которых достаточно высок; предусмотрел важнейшие постулаты работы полиции, связанные с реализацией принципа законности (ст. 6 ФЗ «О полиции»).

Таким образом, правопорядок тесно связан с общественным порядком. Характер этой связи проявляется в первичности общественного порядка и потребности в правовом регулировании социальных отношений, где гражданское общество не может либо не должно самоорганизовываться для достижения целей общественного развития, создания безопасных условий для жизнедеятельности.

Понимание правопорядка именно в узком смысле – как общественных отношений, возникающих в результате общения людей на основе правовых норм – более точно отражает потребности полиции, очертить сферу и объем её полномочий, определится с компетенцией основных подразделений полиции, реализующих административную функцию.

Список литературы

1. Годовой отчет о ходе реализации и оценке эффективности государственной программы «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности» за 2019 год : официальный сайт. – Текст: электронный // Медиа.МВД.ру : [сайт]. – URL: <https://media.mvd.ru/files/embed/1789925> (дата обращения: 22.04.2020 г.). – Текст: электронный.
2. Артемов, В. М. Правопорядок в современном российском обществе: концептуальные обоснования и инновация / В. М. Артемов. – Текст : непосредственный. – М., 1998. – С. 77–78.
3. Малько, А. В. Теория государства и права / Под ред. А. В. Малько, Н. И. Матузова. – М., 1997. – С. 522. – Текст : непосредственный.
4. Шведова, Н. Ю. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / отв. ред. Н. Ю. Шведова // Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН. – М., 2007. – С. 715. – Текст : непосредственный.
5. Юнусов, А. А. Правопорядок, общественный порядок и права человека / А. А. Юнусов. – Текст: электронный // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. – 2007. – № 4 (76) .– Текст: электронный // КиберЛенинка.ру: [сайт]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravoporyadok-obschestvennyy-poryadok->

- i-prava-cheloveka (дата обращения: 23.04.2020 г.). – Режим доступа: Научная электронная библиотека «КиберЛенинка».
6. Беженцев, А. А. Охрана общественного порядка : учебное пособие / А. А. Беженцев. – М.: Вузовский учебник: ИНФРА-М, 2015. – С. 7–8. – Текст : непосредственный.
7. Бредихин, И. Д. О понятии и содержании общественного порядка в административном праве / И. Д. Бредихин. – Текст: электронный // Вестник.ру : [сайт]. – URL: <http://www.vestnik.vsu.ru/pdf/pravo/2010/01/2010-01-19.pdf> (дата обращения: 22.04.2020 г.).
8. Колонтаевский, Ф. Е. Организационные основы охраны общественного порядка в современных условиях : автореф. дис. ... д-ра юрид. Наук / Ф. Е. Колонтаевский. – М.: Академия МВД России, 1996. – С. 16. – Текст : непосредственный.
13. Козлов, Ю. М. Административное право / Под ред. Ю. М. Козлова, Л. Л. Попова. – М., 1999. – С. 689. – Текст : непосредственный.
9. Нехайчик, В. К. Сущность полицейской категории «общественный порядок»: природная мотивация / В. К. Нехайчик, В. В. Нехайчик – Текст : непосредственный // Полицейское право. – 2006. – № 3. – С. 33–36.
10. Степанов, А. В. Правопорядок: понятие, анализ точек зрения. Миграционный правопорядок как один из видов правопорядка / А. В. Степанов. – Текст: электронный // Елайбрани.ру : [сайт]. – URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_22805507_36203439.pdf (дата обращения: 22.04.2020 г.). – Режим доступа: Научная электронная библиотека eLIBRARY.RU (для зарегистрир. пользователей).
11. О полиции : Федеральный закон от 07.02.2011 г. № 3-ФЗ. – Текст: электронный // СПС «КонсультантПлюс» : [сайт]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110165/ (дата обращения: 17.05.2020).
12. Об утверждении Положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации и Типового положения о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации по субъекту Российской Федерации : Указ Президента РФ от 21.12.2016 г. № 699. – Текст: электронный // СПС «КонсультантПлюс» : [сайт]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_209309/ (дата обращения: 17.05.2020).
13. Серегин, А. В. Советский общественный порядок и административно-правовые средства его укрепления / А. В. Серегин. – Текст : непосредственный. – М., 1978. – С. 25.
14. Еропкин, М. И. Управление в области охраны общественного порядка / М. И. Еропкин. – Текст : непосредственный. – М., 1965. – С. 11.
15. Аврутин, Ю. Е. Избранные труды. Размышления о государстве и государственной власти, законности и правопорядке, публичном управлении и административном праве / Ю. Е. Аврутин. – СПб.: Издательство «Юридический центр», 2017. – С. 463. – Текст : непосредственный.
16. Голосниченко, И. П. Административная деятельность органов внутренних дел. Общая часть / И. П. Голосниченко, Я. Ю. Кондратьев. – Текст : непосредственный. – УАВД, Киев, 1995. – С. 16–19.
17. Лазарев, В. В. Правовые основы обеспечения охраны общественного порядка / В. В. Лазарев, Л. Л. Попов, Л. М. Розин. – М., 1987. – 72 с. – Текст : непосредственный.
18. Юнусов, А. А. Правопорядок, общественный порядок и права человека / А. А. Юнусов. – Текст: электронный // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. 2007. № 4 (76). – Текст: электронный // КиберЛенинка.ру : [сайт]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravoporyadok-obschestvennyy-rovyadok-i-prava-cheloveka>. – Режим доступа: Научная электронная библиотека «КиберЛенинка».
19. Свинин, Е. В. Правопорядок как воплощение идей законности и необходимости / Е. В. Свинин. – Текст: электронный // КиберЛенинка.ру : [сайт]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravoporyadok-kak-voploschenie-idey-zakonnosti-i-neobhodimosti>. – Режим доступа: Научная электронная библиотека «КиберЛенинка».

Zabroda D. G., Tikhii I. V., Sapunova T. G. Concept and content of the “law order” category as area of police activities / D.G. Zabroda, I.V. Tikhii, T.G. Sapunova // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean federal university. Juridical science. – 2020. – Т. 6 (72). № 3. – P. 205-212.

The article discusses the main approaches to understanding the essence of the rule of law in general, and in public places in particular, and also reveals its features as a field of activity of the police. The positions of scientists studying the rule of law and other categories related to it in the context of police activities are analyzed.

The relationship between law and order and public order is demonstrated. It is concluded that the scope of police activity extends mainly to groups of public relations that make up the essence of public order in a narrow (“police”) sense. Attention is focused on the relationship of the “public” of the rule of law with the place where the actions of the subjects of the relevant legal relations are carried out. The groups of legal relations that

make up the essence of the rule of law are identified, the protection of which is provided by the police. The content of the rule of law as a field of police activity has been clarified.

Attention is drawn to the primacy of public order and the need for legal regulation of social relations, where civil society cannot or should not self-organize to achieve the goals of social development, create a safe environment for life, and also recognize the police as the main subject of law enforcement in public places.

Keywords: law and order, public order, public place, police, police powers.

Spisok literary

1. Annual report on the progress of implementation and assessment of the effectiveness of the state program "Ensuring public order and combating crime" for 2019. – URL: <https://media.mvd.ru/files/embed/1789925> (date of access: 22.04.2020). – Text: electronic.
2. Artemov V. M. Law and order in modern Russian society: conceptual justifications and innovation / V. M. Artyomov. – M., 1998. – Pp. 77–78.
3. Malko A. V. Theory of State and Law / ed. A. V. Malko, N. I. Matuzov. – M., 1997. – P. 522.
4. Shvedova N. Yu. Explanatory dictionary of the Russian language with the inclusion of information about the origin of the words // Institute of the Russian language. V. V. Vinogradov RAS; otv. ed. N. Yu. Shvedova. – M., 2007. – P. 715.
5. Yunusov A. A. Law and order, public order and human rights. Yunusov // Bulletin of SUSU. Series: Right. 2007. No. 4 (76). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravoporyadok-obschestvennyy-poryadok-i-pravacheloveka> (date of access: 23.04.2020). – Text: electronic.
6. Bezhtentsev A. A. Public order protection : a tutorial / A. A. Bezhtentsev. – M.: University textbook: INFRA-M, 2015. – Pp. 7–8.
7. Bredikhin I. D. On the concept and content of public order in administrative law. Bredikhin. – URL: <http://www.vestnik.vsu.ru/pdf/pravo/2010/01/2010-01-19.pdf> (date accessed: 22.04.2020). – Text: electronic.
8. Kolontaevisky F. E. Organizational foundations of public order protection in modern conditions : author's abstract. diss. ... Dr. jurid. sciences. – M.: Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 1996. – P. 16; Administrative law / Ed. Yu. M. Kozlova, L. L. Popov. – M., 1999. – S. 689.
9. Nekhaichik V. K. The essence of the police category "public order": natural motivation / V. K. Nekhaichik, V. V. Nekhaichik // Police law. – 2006. – No. 3. – Pp. 33–36.
10. Stepanov A. V. Law and order: concept, analysis of points of view. Migration law and order as one of the types of law and order / A. V. Stepanov. – URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_22805507_36203439.pdf (date accessed: 22.04.2020). – Text: electronic.
11. Federal Law "On the Police" dated 07.02.2011 No. 3-FZ. – Access from the reference legal system ConsultantPlus. – Text: electronic.
12. Decree of the President of the Russian Federation of December 21, 2016 No. 699 "On Approval of the Regulations on the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation and the Model Regulations on the Territorial Authority of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation for the Subject of the Russian Federation". – Access from the ConsultantPlus legal reference system. – Text: electronic.
13. Seregin A. V. Soviet public order and administrative and legal means of strengthening it / A. V. Seryogin. – M., 1978. – P. 25.
14. Eropkin M. I. Management in the field of public order protection / M. I. Eropkin. – M., 1965. – P. 11.
15. Avrutin Yu. E. Selected Works. Reflections on the state and state power, law and order, public administration and administrative law / Yu. Avrutin. – SPb.: Publishing house "Legal Center", 2017. – P. 463.
16. Golosnichenko I. P. Administrative activities of the internal affairs bodies. General part / I. P. Golosnichenko, Y. Yu. Kondratyev. – UAVD, Kiev, 1995. – S. 16–19.
17. Lazarev V. V. Legal basis for ensuring the protection of public order / V. V. Lazarev, L. L. Popov, L. M. Rozin. – M., 1987. – 72 p.
18. Yunusov A. A. Law and order, public order and human rights. Yunusov // Bulletin of SUSU. Series: Right. 2007. No. 4 (76). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravoporyadok-obschestvennyy-poryadok-i-pravacheloveka>.
19. Svinin E. V. Legal order as the embodiment of the ideas of legality and necessity / E. V. Svinin // Journal of Russian Law. 2017. No. 9 (249). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravoporyadok-kak-voploschenie-idey-zakonnosti-i-neobhodimosti>.

УДК 342.6

DOI: 10.37279/2413-1733-2020-6-3-213-220

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИНСПЕКЦИИ
БЕЗОПАСНОСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ МВД РОССИИ
КАК СУБЪЕКТА ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ**

Капранова Ю. В.

Ростовский юридический институт МВД России

Овсепян Г. М.

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

Государство в целях обеспечения приоритетных направлений жизнедеятельности личности, общества и государства создает систему национальной безопасности. В системе национальной безопасности специализированные органы, осуществляющие охрану и защиту прав и свобод личности, именуемые правоохранительными, занимают особое место. Национальную безопасность по направлению, связанному с защитой прав и свобод личности, обеспечением общественной безопасности, охраной общественного порядка, противодействием преступности обеспечивает Министерство внутренних дел Российской Федерации. В структуре ведомства созданы различные подразделения, выполняющие основные задачи полиции в рамках основных направлений деятельности. Обеспечение безопасности дорожного движения как составной части общественной безопасности возложено на Государственную инспекцию безопасности дорожного движения МВД России (ГИБДД). В статье авторы рассматривают теоретические аспекты национальной безопасности в рамках обеспечения безопасности дорожного движения. Авторы рассматривают деятельность ГИБДД как одного из субъектов обеспечения национальной безопасности в сфере безопасности дорожного движения. Исследуются полномочия полиции в сфере обеспечения безопасности дорожного движения, делается вывод о том, что все указанные полномочия реализуются полицией в рамках функций в сфере обеспечения безопасности дорожного движения как с применением мер государственного принуждения (контрольно-надзорные, административно-юрисдикционные), так и без них (предоставления государственных услуг). Раскрывается в чем смысл деятельности ГИБДД как гаранта обеспечения безопасности дорожного движения.

Ключевые слова: национальная безопасность, общественная безопасность, ГИБДД, обеспечение безопасности дорожного движения, контроль, надзор, предоставление государственных услуг.

В Российской Федерации проживает более 140 миллионов человек, и ежегодно, по данным статистики погибает около 20 тысяч человек. В целом, статистика дорожно-транспортных происшествий (далее ДТП) в России позволяет констатировать, что количество ДТП за последние несколько лет существенно снизилось и продолжает снижаться [1]. Однако количество причин, по которым происходит ДТП не уменьшается, это и увеличение транспортной нагрузки, износ дорожных покрытий, нарушение правил дорожного движения, в том числе вождение в нетрезвом виде, не соблюдение скоростного режима, и ряд других.

Безопасность дорожного движения в структуре национальной безопасности является одним из ключевых видов безопасности, обеспечивающих жизнь и здоровье граждан. Дорожно-транспортные происшествия в первую очередь опасны именно тем, что могут причинить вред здоровью, лишить жизни, а затем уже нанести вред имуществу граждан, собственности, экологии, санитарно-эпидемиологическому благополучию и др. А, как известно, жизнь выступает первичным, базовым особо охраняемым и защищаемым конституционным правом человека и гражданина, без его должной защиты и охраны все иные права для личности не представляют особой ценности. Основными направлениями обеспечения государственной и общественной безопасности на основе Конституции Российской Федерации являются усиление роли государства, в первую очередь, как гаранта безопасности личности и прав собственности [2, с. 85].

Как отмечал Президент Российской Федерации, выступая на заседании коллегии МВД России 26 января 2020 года, МВД России в правоохранительной системе занимает ключевое место, несет прямую ответственность за обеспечение общественного порядка, на ведомство возлагается особая ответственность за сохранение стабильности в обществе, и задача номер один – это безопасность дорожного движения [3].

Национальная безопасность представляет собой сложный и многогранный феномен вследствие многочисленных трактовок термина «безопасность», входящего в его содержание. Термином «безопасность» в целом общепринято называть такое состояние или положение субъекта права, при котором ему не угрожает какая-либо опасность. Однако в научных исследованиях отмечается, что понятие «безопасность» также может усматриваться в следующих трактовках: правовая информированность субъектов права, способность юридическими способами защититься, система мер, специальных органов обеспечения безопасности и др. [4, с. 88-89]. Правовая безопасность рассматривается исследователями в аспектах широких (меры обеспечения безопасности посредством правового регулирования) и узких (состояние защищенности) [5, с. 11-19], в рамках фактического (как неотъемлемая составляющая социально-правового содержания правового статуса личности, обществ и государства) или юридического понимания (защищенность элементов правовой системы) [6, с. 16]. По смыслу российского законодательства национальная безопасность представляет собой состояние защищенности личности, общества и государства от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются базовые жизненные приоритеты указанных субъектов, а также удовлетворяются потребности в их развитии.

Законодатель специально не выделяет понятие «безопасность дорожного движения», перечисляя виды безопасности в федеральном законе «О безопасности» [7] (далее ФЗ «О безопасности»). Однако комплексный анализ законодательства позволяет сделать нам вывод о том, что дорожная безопасность является составной частью общественной безопасности, как это следует из общего смысла положений ФЗ «О безопасности», а также ряда иных нормативных правовых актов, в том числе Стратегии национальной безопасности РФ [8], Концепции общественной безопасности в РФ [9] и др. В Стратегии национальной безопасности подчеркивается,

что национальная безопасность включает в себя, в том числе, и транспортную безопасность.

По общему смыслу положений указанных нормативных правовых актов низкий уровень обеспечения безопасности дорожного движения выступает следствием ненадлежащего обеспечения генеральной, приоритетной задачи всех органов государственной и муниципальной власти – обеспечения защиты жизни, здоровья, и основных прав и свобод граждан в сфере общественной безопасности. В целом государство стремится к повышению уровня жизни всех граждан, защиты их жизни, здоровья, прав и свобод от любого вида угроз (внутренних и внешних), это обязанность всех публичных органов государства (ст.2 Конституции России [10]).

Федеральный закон «О безопасности дорожного движения» [11] раскрывает содержание термина «безопасность дорожного движения», подразумевая под ним состояние, отражающее степень защищенности его участников от дорожно-транспортных происшествий и их последствий. А под обеспечением безопасности дорожного движения предлагает понимать деятельность, направленную на предупреждение причин возникновения дорожно-транспортных происшествий, а также снижение тяжести их последствий. Данный федеральный закон своей задачей обозначает охрану жизни, здоровья и имущества граждан, защиту их прав и законных интересов, а также защиту интересов общества и государства путем предупреждения дорожно-транспортных происшествий, снижения тяжести их последствий.

Обеспечение безопасности дорожного движения в России, в основе имеющее конституционные ценности, конституционные принципы деятельности, регламентируется целым рядом отраслевых нормативных правовых актов, ведомственными нормативными правовыми актами, в том числе многочисленными административными регламентами. Как отмечал в 2014 году Конституционный Суд РФ, обеспечение безопасности дорожного движения представляет собой конституционно-значимую цель, достижение которой осуществляется посредством административно-правового регулирования [12].

Безопасность дорожного движения обеспечивается в нашем государстве целой системой различных государственных органов, участвующих в предотвращении и устранении опасных явлений и причин, приводящих к автокатастрофам, угрожающих жизни и здоровью граждан, их имуществу, а так же имуществу предприятий, учреждений, организаций. Государство заинтересованно в совершенствовании собственной государственной политики в вопросах повышения безопасности транспортных средств, совершенствования дорожных покрытий, подготовки участников дорожного движения (водителей, пешеходов) к участию в безопасном дорожном движении и, соответственно, в связи с этим постоянно находится в поиске оптимизирования государственных функции органов, участвующих в реализации данного направления политики [13, с. 48-51].

МВД России среди органов, участвующих в обеспечении национальной безопасности по направлению обеспечения безопасности дорожного движения, то есть предотвращении и устранении опасных явлений и причин, приводящих к автокатастрофам, угрожающих жизни и здоровью граждан, их имуществу, а так же имуществу предприятий, учреждений, организаций занимает особое место.

Следует отметить, что основные направления деятельности МВД России тесно связаны с функциональным предназначением полиции как составной части правоохранительной системы – защитой прав и свобод человека и гражданина от противоправных посягательств, обеспечения общественного порядка. К одному из основных направлений деятельности МВД России согласно ст. 2 Федерального закона «О полиции» [14] (далее ФЗ «О полиции») относится обеспечение безопасности дорожного движения. Согласно п.19 ч. 1 ст. 12 ФЗ «О полиции», полиция обязана выполнять целый ряд функций, обеспечивая безопасность дорожного движения: осуществлять государственный контроль (надзор) за соблюдением правил, стандартов, технических норм и иных требований нормативных документов в области обеспечения безопасности дорожного движения, регулировать дорожное движение, оформлять документы о дорожно-транспортном происшествии, осуществлять государственный учет основных показателей состояния безопасности дорожного движения и др.

Обеспечивается безопасность дорожного движения в системе МВД России специализированным подразделением – Государственной инспекцией безопасности дорожного движения (ГИБДД).

К функциям полиции в сфере обеспечения безопасности дорожного движения, согласно ФЗ «О полиции», следует относить:

- принятие и регистрацию сообщений и заявлений о ДТП;
- незамедлительное прибытие на место происшествия, документацию обстоятельств его совершения, обеспечение сохранности следов происшествия;
- оказание первой помощи лицам, пострадавшим ДТП, а также лица, находящимся в результате этого в беспомощном состоянии либо в состоянии, опасном для их жизни и здоровья;
- выявление причин и условий совершения ДТП;
- обеспечение безопасности граждан и общественного порядка на транспортных магистралях;
- предупреждение и пресечение административных правонарушений, осуществление производства по делам об административных правонарушениях в сфере безопасности дорожного движения;
- осуществление розыска лиц, скрывшихся с места ДТП;
- осуществление государственного контроля (надзор) за соблюдением правил, стандартов, технических норм и иных требований нормативных документов в области обеспечения безопасности дорожного движения;
- регулирование дорожного движения;
- оформление документов о ДТП;
- осуществление государственного учета основных показателей состояния безопасности дорожного движения;
- принятие экзамена на право управления автотранспортными средствами, трамваями, троллейбусами и выдача водительских удостоверений;
- регистрацию в установленном порядке автотранспортных средств;
- осуществление в предусмотренных законодательством случаях сопровождения транспортных средств, крупногабаритных грузов;

– вынесение заключения о возможности допуска лиц к выполнению работ, непосредственно связанных с обеспечением транспортной безопасности и др.

Данный перечень пополняется и иными функциями, содержащимися в различных нормативных правовых актах: ФЗ «О безопасности дорожного движения», ФЗ «Об автомобильных дорогах и о дорожной деятельности в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», указе Президента РФ «О дополнительных мерах по обеспечению безопасности дорожного движения», постановлении Правительства РФ «О правилах дорожного движения» [15] и мн.др.

ГИБДД в совокупности своих полномочий обеспечивает безопасность дорожного движения посредством контрольно-надзорных функций, административно-юрисдикционных функций [16, с. 25], а также посредством функции предоставления государственных услуг, не обеспеченной мерами государственного принуждения [17, с. 273].

ГИБДД, осуществляя федеральный надзор в рамках установленных государством административных процедур, при осуществлении обязанностей: надзора за дорожным движением, в том числе с использованием технических средства и специальных технических средств, работающих в автоматическом режиме; проверке документов, идентификационного номера, номера кузова и др., а также технического состояния находящегося в эксплуатации транспортного средства; выезде на место дорожно-транспортного происшествия; остановке транспортного средства; остановке пешехода; применении мер административного воздействия в соответствии с КоАП РФ обладает обширными полномочиями, имеет право ограничивать права человека в защиту обеспечения безопасности дорожного движения на основе ФЗ «О полиции».

Обеспечивается безопасность дорожного движения органами внутренних дел и в рамках такой дополнительной функции полиции, как предоставление государственных услуг в рассматриваемой сфере. Результаты деятельности полиции по предоставлению государственных услуг по направлению обеспечения дорожного движения – полученное водительское удостоверение, разрешение на перевозку опасных грузов и т.д., гарантируют, то есть создают благоприятные условия для того, что правила дорожного движения водителями будут соблюдаться надлежащим образом, при перевозке опасных грузов будут соблюдаться все технические требования к безопасности по их перевозке, при переоборудовании транспортных средств будут соблюдаться все требования о безопасности и др. Иными словами, результаты деятельности по предоставлению государственных услуг закладывают основы надлежащего поведения участников дорожного движения, снижают угрозы и риски жизни и здоровью всех участников движения: и водителей, пассажиров, и пешеходов, а также риски повреждения и уничтожения имущества учреждений, предприятий, граждан, снижают риски разрушения дорожных покрытий, создания аварийных, опасных для жизни и здоровья населения ситуаций.

Таким образом, результаты деятельности ГИБДД, достигаемые в результате реализации ею своих функций, осуществляемых как с применением государственно-властных мер принуждения (контрольно-надзорные, юрисдикционные полномочия),

так и без них (предоставление государственных услуг), в итоге в совокупности выступают гарантиями обеспечения защищенности личности, общества и государства от угроз и рисков, связанных с участием в дорожном движении, с использованием транспортных средств как источников повышенной опасности. ГИБДД выступает гарантом обеспечения безопасности дорожного движения как субъект обеспечения национальной безопасности.

Список литературы

1. Сведения о показателях состояния безопасности дорожного движения. – Текст : электронный // Статистика ГИБДД : [сайт]. – URL: <https://stat.gibdd.ru> (дата обращения: 22.04.2020 г.).
2. Капранова, Ю. В. Пожарная безопасность в системе обеспечения национальной безопасности: отдельные аспекты нормативно-правового регулирования / Ю. В. Капранова, Г. М. Овсепян. – Текст : непосредственный // Общественная безопасность, законность и правопорядок в III тысячелетии. – 2018. – С. 84–89.
3. Президент России : официальный сайт. – Москва. – Обновляется в течение суток. – URL: <https://kremlin.ru> (дата обращения: 23.04.2020 г.). – Текст: электронный.
4. Фомин, А. А. Юридическая безопасность субъектов российского права / А. А. Фомин. – Саратов, 2005. – 332 с. – Текст : непосредственный
5. Дрейшев, Б. В. Правовая безопасность и проблемы ее обеспечения / Б. В. Дрейшев. – Текст : непосредственный // Правоведение, 1998. – № 2. – С. 11–19.
6. Галузин, А. Ф. О соотношении понятий «правовая безопасность» и «юридическая безопасность» / А. Ф. Галузин. – Текст : непосредственный // Экономическая безопасность России: политические ориентиры, законодательные приоритеты, практика обеспечения. Вестник Нижегородской академии МВД России, 2006. – № 6. – С. 15–25.
7. О безопасности : Федеральный закон от 28.12.2010 г. № 390 (ред. от 06.02.2020 г.) . – Текст: электронный // СПС «КонсультантПлюс» : [сайт]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108546/ (дата обращения: 23.04.2020 г.).
8. О стратегии национальной безопасности Российской Федерации : Указ Президента РФ от 31.12.2015 г. № 683. – Текст: электронный // СПС «КонсультантПлюс» : [сайт]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191669/ (дата обращения: 26.04.2020 г.).
9. Концепция общественной безопасности в Российской Федерации (утв. Президентом РФ 14.11.2013 г. № Пр-2685) . – Текст: электронный // СПС «КонсультантПлюс» : [сайт]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_154602/ (дата обращения: 29.04.2020 г.).
10. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) . – Текст: электронный // СПС «КонсультантПлюс» : [сайт]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/8c6502533e28841baf74c1068f88b162a5e9b4ea/ (дата обращения: 12.11.2020 г.).
11. О безопасности дорожного движения : Федеральный закон от 10.12.1995 г. № 196-ФЗ. – Текст: электронный // СПС «КонсультантПлюс» : [сайт]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8585/ (дата обращения: 28.04.2020 г.).
12. Постановление Конституционного Суда РФ по делу о проверке конституционности ч. 5 и 7 ст. 12.16, части 1 статьи 12.17, частей 5 и 6 статьи 12.19 и части 2 статьи 12.28 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы от 24 апреля 2014 года. – Текст: электронный // СПС «КонсультантПлюс» : [сайт]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_162153/ (дата обращения: 23.04.2020 г.).
13. Калюжный, Ю. Н. Система обеспечения безопасности дорожного движения в Российской Федерации: правовые подходы и характерные признаки / Ю. Н. Калюжный. – Текст : непосредственный // Российская юстиция. – 2016. – № 12. – С. 48–51.

14. О полиции: Федеральный закон от 07.02.2011 г. № 3-ФЗ. – Текст: электронный // СПС «КонсультантПлюс» : [сайт]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110165/ (дата обращения: 23.04.2020 г.).
15. Об автомобильных дорогах и о дорожной деятельности в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 08.11.2007 г. № 257-ФЗ (ред. от 27.12.2018 г.) . – Текст: электронный // СПС «КонсультантПлюс» : [сайт]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_72386/ (дата обращения: 23.04.2020 г.).
16. Сергеев, С. А. Административно-правовой статус ГИБДД как субъекта контрольно-надзорных правоотношений : монография / С. А. Сергеев. – М., 2015. – 173 с. – Текст : непосредственный
17. Грищенко, А. Н. Проблемы правовой обеспеченности административных функций полиции : монография / А. Н. Грищенко. – М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2018. – 319 с. – Текст : непосредственный

Kapranova Y. V., Ovsepyan G. M. The activity of the state inspection of road traffic of the Ministry of internal affairs of Russia as a subject of security of national security / Y.V. Kapranova, G.M.Ovsepyan // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean federal university. Juridical science. – 2020. – Т. 6 (72). № 3. – P. 213-220.

The state in order to ensure priority areas of life of the individual, society and the state creates a system of national security. In the national security system, specialized bodies that protect and protect the rights and freedoms of the individual, called law enforcement, occupy a special place. The national security in the area related to the protection of the rights and freedoms of the individual, the provision of public safety, the protection of public order, and the fight against crime is provided by the Ministry of the Interior of the Russian Federation. In the structure of the department, various units have been created that perform the basic tasks of the police within the framework of the main lines of activity. Ensuring road safety as part of public safety is entrusted to the State Inspectorate for Road Traffic Safety of the Ministry of Internal Affairs of Russia (STSI). In the article, the authors consider the theoretical aspects of national security in the framework of ensuring road safety. The authors consider the traffic police as one of the subjects of ensuring national security in the field of road safety. Investigated the powers of the police in the field of road safety, it is concluded that all these powers are exercised by the police within the framework of functions in the field of ensuring road safety both with the use of state coercive measures (control and supervision, administrative jurisdictional), and without them (provision of public services). What is the meaning of the traffic police as a guarantor of road safety.

Keywords: national security, public safety, traffic police, road safety, control, supervision, provision of public services.

Spisok literaturey

1. Information on indicators of the state of road safety. – URL: <https://stat.gibdd.ru> (date of access: 22.04.2020). – Text: electronic.
2. Kapranova Yu. V. Fire safety in the system of ensuring national security: certain aspects of legal regulation / Yu. V. Kapranova, G. M. Hovsepyan // Public safety, law and order in the III millennium. –2018. – Pp. 84–89.
3. President of Russia. – URL: <https://kremlin.ru> (date accessed: 23.04.2020). – Text: electronic.
4. Fomin A. A. Legal security of subjects of Russian law / A. A. Fomin. – Saratov, 2005. – 332 p.
5. Dreishev B. V. Legal security and problems of its provision / B. V. Dreishev // Jurisprudence, 1998. – No. 2. – Pp. 11–19.
6. Galuzin A. F. On the relationship between the concepts of "legal security" and "legal security" / A. F. Galuzin // Economic security of Russia: political guidelines, legislative priorities, security practice. Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2006. – No. 6. – Pp. 15–25.
7. Federal Law "On Security" dated 28.12.2010 No. 390 (as revised on 06.02.2020). – URL: <https://consultant.ru> (date accessed: 23.04.2020). – Text: electronic.
8. Decree of the President of the Russian Federation of December 31, 2015 No. 683 "On the National Security Strategy of the Russian Federation". – URL: <https://consultant.ru> (date of access: 04.26.2020). – Text: electronic.

9. "Concept of public safety in the Russian Federation" (approved by the President of the Russian Federation on November 14, 2013 No. Pr-2685). – URL: <https://consultant.ru> (date of access: 04.29.2020). – Text: electronic.
10. Constitution of the Russian Federation. Adopted by popular vote on 12.12.1993 (taking into account the amendments introduced by the Laws of the Russian Federation on amendments to the Constitution of the Russian Federation dated December 30, 2008 No. 6-FKZ, dated December 30, 2008 No. 7-FKZ, dated February 5, 2014 No. 2-FKZ, dated July 21, 2014 No. 11-FKZ). – URL: <https://consultant.ru> (date of access: 23.04.2020). – Text: electronic.
11. Federal Law of December 10, 1995 No. 196-FZ (as amended on July 30, 2019) "On road safety". – URL: <https://consultant.ru> (date of access: April 28, 2020). – Text: electronic.
12. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation in the case of checking the constitutionality of parts 5 and 7 of Art. 12.16, part 1 of article 12.17, parts 5 and 6 of article 12.19 and part 2 of article 12.28 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation in connection with the request of a group of State Duma deputies dated April 24, 2014. – URL: <https://consultant.ru> (date of access: 04.23.2020). – Text: electronic.
13. Kalyuzhny Yu. N. The road safety system in the Russian Federation: legal approaches and characteristic features / Yu. N. Kalyuzhny // Russian Justice. – 2016. – No. 12. – Pp. 48–51.
14. Federal Law of 07.02.2011 No. 3-FZ (as amended on 06.02.2020) "On the Police". – URL: <https://consultant.ru> (date of access: 23.04.2020). – Text: electronic.
15. Federal Law of 08.11.2007 No. 257-FZ (as amended on 27.12.2018) "On highways and road activities in the Russian Federation and on amendments to certain legislative acts of the Russian Federation"; Decree of the President of the Russian Federation of 15.06.1998 No. 711 (as amended on 15.09.2018) "On additional measures to ensure road safety"; Decree of the Government of the Russian Federation of 23.10.1993 No. 1090 (as revised on 26.03.2020) "On traffic rules". – URL: <https://consultant.ru> (date of access: 27.04.2020). – Text: electronic.
16. Sergeev S. A. Administrative and legal status of the traffic police as a subject of control and supervisory legal relations : monograph / S. A. Sergeev. – M., 2015. – 173 p.
17. Grishchenko A. N. Problems of legal security of the administrative functions of the police : monograph / A. N. Grishchenko. – M.: UNITY-DANA: Law and Law, 2018. – 319 p.

УДК 343.98.067

DOI: 10.37279/2413-1733-2020-6-3-221-226

МЕТОДИКА РАССЛЕДОВАНИЯ ПОЖАРОВ

Овсепян Г. М.

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

Коренюгин В. В.

Ростовский юридический институт МВД России

В условиях происходящих в российском государстве социально-экономических преобразований, характеризующихся тяжелой финансово-экономической обстановкой, серьезной проблемой становится борьба с пожарами, причиняющими существенный вред жизни и здоровью людей, громадный экономический и экологический ущерб.

Современные достижения науки и техники позволили создать многочисленные средства предупреждения пожаров, однако в наши дни пожары еще далеко не редкость. Основная причина низкой результативности раскрытия и расследования правонарушений, связанных с пожарами, заключается в укоренившихся, получивших широкое распространение на практике упущениях при работе на месте пожара, когда ещё объективно имеется возможность собрать всю необходимую информацию о произошедшем пожаре. Поэтому особую остроту приобретает проблема повышения профессионального мастерства лиц, расследующих пожары. Неподготовленность же в этом плане следователей приводит к тому, что расследование по делам о пожарах не дает желаемых результатов. Данное обстоятельство повышает значимость применения специальных познаний в области естественных и технических наук, позволяющих в сложной ситуации устанавливать причинно-следственные связи между элементами механизма преступного события, включающего как действия людей, так и проявления объективных законов природы.

Ключевые слова: пожар; осмотр места пожара; расследование; протокол осмотра; причина пожара; следователь.

Возникновение пожара – это результат действий или бездействий людей. От того насколько каждый гражданин знает правила пожаробезопасного поведения, и соблюдает их в повседневной жизни, зависит во многом насколько безопасна будет его среда обитания [8].

Так, стихийные бедствия, затрагивающие судьбы многих людей, всегда приковывают внимание, даже если происходят на другом континенте, и заставляют с замиранием сердца следить за развитием событий. Летом 2019 года глобальная общественность была взбудоражена отчаянными призывами россиян в соцсетях потушить лесные пожары в Сибири, а теперь, спустя несколько месяцев, уже россияне вместе с остальными странами сопереживают тому, как австралийцы выкладывают фото и видео спасенных из огня коал и собирают деньги для пострадавших.

Проблема лесных пожаров нарастает год от года – например, в России в среднем площадь лесных пожаров в последние десять лет растет почти на

полмиллиона гектаров в год. В этом году лесные пожары охватили многие регионы мира: горела Бразилия, Аляска, Калифорния ... Но, пожалуй, наибольший отклик у общественности вызвали пожары в Австралии и в Сибири.

В прошлом году только по официальным данным и только в «в зонах наземного обнаружения и тушения и лесоавиационных работ» в России пройдено огнем более 10 млн га лесов, что сопоставимо с площадью, например, Греции. Леса горели в основном в отдаленных районах Сибири, тем не менее дым от пожаров достиг почти всех крупных городов региона и даже парализовал работу некоторых аэропортов.

В России (да почти везде в мире) только небольшая часть лесных пожаров вызывается природными факторами – молниями, особенно во время «сухих гроз», когда нет сильного дождя. Такие пожары – это нормальный, более того, необходимый фактор формирования природных экосистем: как ни парадоксально, но без них не формируются места обитания некоторых видов растений и питающихся ими животных. Но естественные пожары возникают редко – например, в Республике Коми 1 раз в 80-100 лет – и задают новый цикл обновления уникальной мини-экосистемы на сгоревшем участке. А по вине человека лесные пожары возникают в среднем каждые 20 лет, при этом лес выгорает огромными площадями – а это уже губительно для природы.

Человеческий фактор – основная причина пожаров и в России, и в Австралии. Широко известно, что в нашем климате примерно 9 из 10 лесных пожаров вызваны непотушенными кострами, брошенными окурками, поджогами сухой травы.

Более того, растущая причина лесных пожаров в России так называемые контролируемые выжигания, когда сухую траву и подлесок выжигают сами огнеборцы, чтобы снизить в лесах или около лесов количество сухого материала. Но нередко огонь выходит из-под контроля.

По этой причине необходимость соблюдения правил пожарной безопасности диктуется законом жизни и определена законодательством РФ Федеральным законом «О пожарной безопасности», где предусмотрены определенные права, обязанности и ответственность в области пожарной безопасности [1].

Рассмотрим статистику.

21 января 2020 года при пожаре в одноэтажном деревянном здании в поселке скончались 11 человек. Площадь пожара составила 208 квадратных метров. Погибли десять граждан Узбекистана и одна россиянка. В ночь на 13 декабря 2019 года в населенном пункте загорелся дом, в результате пожара погибли четверо детей и двое взрослых. В ночь на 11 ноября 2019 года загорелся частный жилой дом. В ГУМЧС по региону сообщали о пяти погибших. 19 октября 2019 года в Ростове в многоквартирном доме произошел пожар. Как сообщало ГУМЧС по региону, погибли пять детей и двое взрослых, еще три человека были госпитализированы. 15 октября 2019 года в населенном пункте пожар возник в одноэтажном деревянном двухквартирном жилом доме. Пять человек погибли и еще двое пострадали. 12 октября 2019 года в однокомнатной квартире на верхнем этаже пятиэтажного дома в поселке начался пожар, унесший жизни пяти человек, двое из которых – дети. 15 сентября 2019 года пожар произошел в пятиэтажном многоквартирном жилом доме, погибли восемь человек, в том числе четверо детей. 15 июля 2019 года трое детей и две женщины погибли при пожаре в частном жилом доме в городе Жуковский Московской области. 2 июня 2019 года при пожаре в многоквартирном жилом доме

в городе Богданович Свердловской области погибли четверо детей и один взрослый. 23 мая 2019 года жертвами пожара в частном доме в селе Пудем в Удмуртии стали пять человек, причина возгорания – неосторожное обращение с огнем при курении. 13 марта 2019 года в Нижнем Новгороде при пожаре в одной из квартир в многоквартирном доме погибли пять человек, из них двое скончались в карете скорой помощи. 1 марта 2019 года произошел пожар в жилых домах в селении в Цумадинском районе Дагестана на площади 2,5 тысячи квадратных метров. По данным местных властей, сгорело 11 домов, никто не пострадал. 27 февраля 2019 года в Мариинске Кемеровской области при пожаре в трехквартирном одноэтажном доме погибли шесть человек, включая ребенка. 19 февраля пожар возник в частном одноэтажном доме в поселке Шкотово в Приморье. Площадь возгорания составила 70 квадратных метров, погибли пять человек. В ночь на 4 февраля в центре Москвы на Никитском бульваре вспыхнул жилой дом дореволюционной постройки. В огне погибли восемь человек, включая двух маленьких детей. Возгорание началось в квартире на пятом этаже и быстро распространилось по деревянным перекрытиям, охватив тысячу квадратных метров и обрушив перекрытия между пятым и шестым этажами [4].

Расследование преступлений, сопровождающихся пожарами, представляет значительную сложность, главным образом, в связи с уничтожением в процессе горения (тушения, разборки) следов преступления. Особые затруднения вызывает определение причины пожара и обстоятельств его возникновения, без чего, как правило, невозможно установление признаков состава преступления, его квалификация, выявление виновных лиц.

Так, на месте происшествия следственно-оперативная группа установила, что неизвестный разбил камнем окно водительской двери и плеснул в салон легковоспламеняющуюся жидкость. В результате огонь уничтожил салон машины. По факту умышленного повреждения чужого имущества возбуждено уголовное дело по части 2 статьи 167 УК РФ «Умышленное уничтожение или повреждение имущества». К поджогу оказался причастен ранее судимый 22-летний Ж. Поджечь автомобиль его попросил знакомый, пообещав заплатить денежное вознаграждение. Заказчик поджога сознался в содеянном и объяснил свой поступок ревностью [7].

В этих ситуациях основными и главными являются следственные версии о причинах пожара, одной из которых практически всегда бывает версия о поджоге.

Для установления причины пожара в плане расследования должно быть предусмотрено собирание информации о пожарно-технической характеристике объекта и сущности производственной и иной деятельности на нем, выявления очага и механизма пожара, уяснения степени проявления разрушительных огневых факторов с учетом разрушительных результатов тушения пожара.

Так, несчастный случай произошел в частном депо. Выяснилось, что за полчаса до взрыва на тепловоз устанавливали топливные трубки. Те, что не подходили, гнули, используя открытое пламя, смесь пропана и кислорода. В инспекции уточняют, что работа велась непосредственно над топливным баком тепловоза. При этом электрогазосварщик и слесарь топливной аппаратуры, выполнявшие данные работы, просто не знали, что накануне в бак залили около двух тонн дизеля. Кроме того, на месте проведения работ не проводились замеры газовой среды. В результате взрыва, тепловоз начал гореть. В итоге два человека получили ожоги 90 процентов

тела. Это 41-летний индивидуальный предприниматель, работавший по договору слесарем, который в тот момент стравливал воздух, и 48-летний машинист тепловоза. Он просто стоял рядом с топливным баком. Оба пострадавших скончались. В гострудинспекции пришли к выводу, что причиной несчастного случая стала неудовлетворительная организация работ, а также не проведение обучения и проверки знаний по охране труда [2].

Существует достаточное количество причин, объясняющих нынешнюю ситуацию в борьбе с преступлениями данного рода. Одна из них заключается в специфических особенностях осмотра места пожара, выявление, фиксация и изъятие вещественных доказательств, проведение допросов в ходе расследования, разработке версий о причинах пожара, необходимости участия специалистов при проведении осмотра места пожара, подготовке материалов для проведения судебных экспертиз, особенностях назначения пожарно-технической экспертизы и ее проведение.

Так, в деревянном бараке произошел пожар. Погибли 10 граждан Узбекистана и одна гражданка РФ. Мигранты трудились на заготовке леса в китайской компании «Грин Вуд». Тела десяти граждан Узбекистана, погибших при пожаре доставлены для проведения генотипической экспертизы. Генотипическая экспертиза необходима для того, чтобы установить личности погибших. Визуальное опознание тел невозможно. Следственный комитет провел обыски в ООО и в УФМС после пожара в бараке, при котором погибли 11 человек. В ходе обысков изъята представляющая для следствия интерес документация. Устанавливается местонахождение директора ООО. По делу назначен ряд судебных экспертиз, в том числе генотипическая, чтобы установить личности погибших. Визуальное опознание тел невозможно.

Предварительная причина трагедии – отопление здания электрическими обогревателями. При этом проводка-«временка» была переброшена к барaku прямо с дерева. Дополнительные нагревательные элементы стояли в каждой комнате нелегального общежития [6].

Лицо, проводящее осмотр места пожара, должно знать признаки, свидетельствующие о месте нахождения очага пожара, и уметь обнаружить их на остатках сгоревших или повреждённых конструкциях, предметов, различных установок. Выявленные признаки должны быть зафиксированы в протоколе осмотра места пожара и сфотографированы. Некачественно и непрофессионально проведенный осмотр часто делает бессмысленными дальнейшие усилия по расследованию данного пожара. Место пожара обычно невозможно законсервировать и сохранить (на всякий случай) для повторных исследований [9].

Уголовно-процессуальная деятельность органов государственного пожарного надзора является одним из видов правоприменительной деятельности в области пожарной безопасности [3].

В текущем году снижение показателей гибели и травматизма людей на пожарах достигнуто в ходе комплекса мероприятий, реализованных Главными управлениями МЧС России по Республикам Адыгея, Дагестан, Ингушетия, Калмыкия, Крым и Северная Осетия – Алания, Кабардино-Балкарской и Чеченской Республикам, Ставропольскому краю, Белгородской, Московской и Ростовской областям, городам Москве, Санкт-Петербургу и Севастополю.

Министерством целенаправленно ведется работа по реализации комплекса мер, ориентированных на предупреждение пожаров и снижение ущерба от их последствий.

Скорректированный порядок ведения статистики пожаров, действующий уже год, направлен на объективное отражение реального положения дел с пожарами и их последствиями в стране. Кроме того, он позволяет в полной мере оценивать результаты деятельности Государственной противопожарной службы, повышает точность анализа состояния пожарной безопасности в РФ и прогноза обстановки с пожарами.

В следующем году статистика по количеству пожаров станет одним из показателей эффективности деятельности терорганов МЧС России.

В 2020 году ведомство планирует изучить и применять опыт Международной ассоциации пожарных и спасательных служб (СТІF) по ведению статистического учета пожаров и их последствий. В связи с этим принято решение усилить взаимодействие Министерства с указанной ассоциацией, в том числе со странами, являющимися ее членами.

Кроме того, активизируется работа по привлечению лиц, виновных в возникновении пожаров, к установленной законом административной и уголовной ответственности.

Напомним, новый порядок учета пожаров и их последствий ведется с 1 января 2019 года. Исключено такое понятие, как «загорание»: все случаи неконтролируемого горения рассматриваются и учитываются как пожары. Погибшими на пожаре считаются не только люди, умершие непосредственно на месте пожара, но и скончавшиеся от его последствий в течение 30 последующих суток.

Кроме того, в статистику включены данные об условиях, способствовавших получению травм людьми на пожарах, в том числе поражение опасными факторами пожара, их сопутствующими проявлениями, а также причинах несвоевременной эвакуации [5].

Список литературы

1. О пожарной безопасности : Федеральный закон РФ от 21 декабря 1994 г. № 69-ФЗ – Текст : электронный // КонсультантПлюс : справочно-правовая система : сайт. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5438/ (дата обращения: 18.05.2020 г.).
2. В Уфе установили причины пожара в депо, где погибли два человека. – Текст : электронный // Новости.ру : [сайт].– URL: <https://rg.ru/2020/01/24/reg-pfo/v-ufe-ustanovili-prichiny-pozhara-v-depo-gde-pogibli-dva-cheloveka.html> (дата обращения: 18.05.2020 г.).
3. Дорохова, О. В. Актуальные проблемы, возникающие при расследовании преступлений, связанных с поджогами автотранспорта / О. В. Дорохова – Текст : непосредственный // III Междунар. науч.-практ. конф. молодых ученых и специалистов «Проблемы техносферной безопасности». – Санкт-Петербург. – 2014.
4. Крупные пожары в жилых домах в России в 2019–2020 годах. – Текст : электронный // Новости.ру : [сайт].– URL: <https://ria.ru/20200121/1563658069.html> (дата обращения: 18.05.2020 г.).
5. МЧС России совершенствует систему статистического учета пожаров и их последствий. – Текст : электронный // МЧС : [сайт].– URL: <https://www.mchs.gov.ru/deyatelnost/press-centr/novosti/4041493> (дата обращения: 18.05.2020 г.).
6. Обыски прошли в фирме, чьи работники погибли при пожаре под Томском. – Текст : электронный // Новости.ру : [сайт].– URL: <https://rg.ru/2020/01/21/reg-sibfo/obyski-proshli-v-firme-chi-rabotniki-pogibli-pri-pozhare-pod-tomskom.html> (дата обращения: 18.05.2020 г.).
7. Смолянин заказал поджог машины из ревности. – Текст : электронный // Новости.ру : [сайт].– URL: <https://smoldaily.ru/smolyanin-zakazal-podzhog-mashiny-iz-revnosti> (дата обращения: 18.05.2020 г.).

8. Туртаев, Ю. Г. Расследование преступлений, связанных с пожарами. Актуальность установления причин пожара / Ю. Г. Туртаев, Г. И. Сметанкина. – Текст : непосредственный // Современные технологии обеспечения гражданской обороны и ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций. – № 1 (7). – 2016.
9. Чешко, И. Д. Технические основы расследования пожаров : методическое пособие / И. Д. Чешко. – М.: ВНИИПО, 2002 г. – Текст : непосредственный

Ovsepyan G. M., Korenyugin V. V. Methods of fire investigation / G.M. Ovsepyan, V.V. Korenyugin // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean federal university. Juridical science. – 2020. – Т. 6 (72). № 3. – P. 221-226.

In the context of socio-economic transformations taking place in the Russian state, characterized by a difficult financial and economic situation, a serious problem is the fight against fires that cause significant harm to people's lives and health, and huge economic and environmental damage.

Modern advances in science and technology have made it possible to create numerous means of preventing fires, but these days, fires are not uncommon. The main reason for the low effectiveness of the disclosure and investigation of fire-related offenses is the ingrained and widespread practice of omissions when working at the fire site, when it is still objectively possible to collect all the necessary information about the fire. Therefore the special sharpness is got by a problem of improvement of professional skill of the persons investigating the fires. The lack of training of investigators in this regard leads to the fact that the investigation of fire cases does not give the desired results. This circumstance increases the importance of applying special knowledge in the field of natural and technical Sciences, allowing in a difficult situation to establish cause-and-effect relationships between elements of the mechanism of a criminal event, including both human actions and manifestations of objective laws of nature.

Keywords: fire; fire site inspection; investigation; inspection report; cause of fire; investigator.

Spisok literaturey

1. Federal Law of the Russian Federation of December 21, 1994 No. 69-FZ "On Fire Safety". – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5438/ (date of treatment: 05.18.2020). – Text: electronic.
2. In Ufa, the causes of the fire at the depot were established, where two people died. – URL: <https://rg.ru/2020/01/24/reg-pfo/v-ufe-ustanovili-prichiny-pozhara-v-depo-gde-pogibli-dva-cheloveka.html> (date of treatment: 05.18.2020). – Text: electronic.
3. Dorokhova O. V. Actual problems arising in the investigation of crimes related to arson of vehicles / O. V. Dorokhova // III Intern. scientific-practical conf. young scientists and specialists "Problems of technosphere safety". – St. Petersburg. – 2014.
4. Large fires in residential buildings in Russia in 2019–2020. – URL: <https://ria.ru/20200121/1563658069.html> (date of treatment: 05.18.2020). – Text: electronic.
5. EMERCOM of Russia is improving the system of statistical accounting of fires and their consequences. – URL: <https://www.mchs.gov.ru/deyatelnost/press-centr/novosti/4041493> (date of treatment: 05.18.2020). – Text: electronic.
6. Searches took place in the company, whose employees died in a fire near Tomsk. – URL: <https://rg.ru/2020/01/21/reg-sibfo/obyski-proshli-v-firme-chi-rabotniki-pogibli-pri-pozhare-pod-tomskom.html> (date of access: 05.18.2020). – Text: electronic.
7. Smolyanin ordered arson of the car out of jealousy. – URL: <https://smoldaily.ru/smolyanin-zakazal-podzhog-mashiny-iz-revnosti> (date of treatment: 05.18.2020). – Text: electronic.
8. Turtaev Yu. G. Investigation of crimes related to fires. The relevance of establishing the causes of fire / Yu. G. Turtaev, G. I. Smetankina // Modern technologies for civil defense and emergency response. 2016. No. 1 (7).
9. Cheshko I. D. Technical foundations of the investigation of fires : a methodological guide / I. D. Czech. – М.: ВНИИПО, 2002.

УДК 343.162

DOI: 10.37279/2413-1733-2020-6-3-227-233

ВОЗРОЖДЕНИЕ ИНСТИТУТА СЛЕДСТВЕННЫХ СУДЕЙ В РФ

Поддубняк А. А., Авдеев И. М.

Крымский Федеральный Университет им. В. И. Вернадского

В данной статье изучаются перспективы возрождения института следственных судей в РФ, процедура их назначения, а также комплекс прав и обязанностей, которыми они должны обладать. Автор также сравнивает аналогичные институты в других странах, среди которых Украина и Казахстан. На примере Украины, автор показывает, как изменилась ситуация, после реформирования процессуального кодекса, и введения института следственного судьи. Также в статье проводится сравнительный анализ с зарубежным опытом существования данного института, проанализированы возможные позитивные и негативные последствия. Автор акцентирует внимание на том, что введение института следственных судей будет способствовать более объективному и беспристрастному установлению обстоятельств, имеющих значение для дела в отношении каждой из сторон. Изучаются мнения ученых правоведов о целесообразности такого введения.

Ключевые слова: институт следственных судей, следственный судья, состязательность, равенство сторон, досудебное производство, следственные действия, мера пресечения, арест, залог, законность, обоснованность

Предложения о реформировании действующего УПК появились еще в 2014 году, и впервые они были озвучены на заседании Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека. Президент РФ Владимир Путин, дал список поручений по разработке плана введения института следственных судей в уголовное судопроизводство.

Предложения о реформировании действующего УПК появились еще в 2014 году, и впервые они были озвучены на заседании Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека. Президент РФ Владимир Путин, дал список поручений по разработке плана введения института следственных судей в уголовное судопроизводство [7].

С такой же инициативой выступил Борис Титов – ранее Уполномоченный при Президенте России по защите прав предпринимателей. В своем выступлении он сделал уклон на то, что при существующем порядке предварительного следствия фигура следователя, по сути, является, никому не подконтрольной [7].

Суды занимаются “штамповкой” ходатайств следователей, в первую очередь, о взятии под стражу. Можно привести статистику о количестве вынесенных судами постановлений об аресте подозреваемых и обвиняемых, так вот из 72712 постановлений, 3912 были отправлены под домашний арест, 1241 был избран залог, а в отношении 67559 была избрана мера пресечения в виде заключения под стражу.

Следующим этапом обсуждения вопроса о возрождении данного института, стало выступление профессора, эксперта Конституционного суда РФ – Александра Смирнова. Главным предложением, которого, было создание института судей, которые бы не участвовали в дальнейшем рассмотрении дела по существу, а

занимались закреплением доказательств для будущего рассмотрения этих дел по существу. Профессор Смирнов считает, что такое изменение помогло бы действительно создать равенство между сторонами в процессе следствия, сократила бы сроки следствия, а также, возможно, предотвратило бы возбуждения безосновательных уголовных дел. Такое же мнение поддерживают адвокат Генри Резник, и бывший судья Европейского суда по правам человека Анатолий Ковлер [7].

Со времени первых предложений о реформировании УПК, по этому поводу высказались многие видные юристы и общественные деятели, среди которых: Смирнов А. В., Зорькин В. Д., Морщакова Т. Г., Барцевский М. Ю., Клишас А. А., Александров А. С., Фидотов М. А., Титов Б. Ю., Ковтун Н. Н. и др. Однако, есть и противники такой идеи, например: Л. В. Головкин, В. А. Томсинов [6].

Председатель Конституционного суда РФ Зорькин В.Д., указывает, что такие изменения не только повысят эффективность судебного контроля в ходе расследования и объективность судебного разбирательства, а также, возможно, уменьшат обвинительный уклон.

На наш взгляд, нельзя согласиться с мнением о том, что у такого изменения вызовут увеличение ключевой роли прокуратуры, которая должна быть наделена полномочиями по контролю за соблюдением объективности и законности в уголовном судопроизводстве, и никто больше. Для того чтобы институт следственных судей мог выполнять отведённые ему полномочия, нужно подготовить прочную законодательную почву. Изучение мнения процессуалистов, которые отстаивают разные стороны, также является необходимым для того, чтобы, понять цели той или иной концепции [9, с. 184].

Поддерживаем мнение юристов и общественных деятелей, которые выступают за реформу, поскольку создание института следственных судей в целом поможет создать равенство сторон по собиранию и оценке доказательств, поможет защитить конституционные права человека и гражданина на судебной стадии, а также выступит некоторым “фильтром”, который будет предотвращать поступление в суд незаконных и необоснованных обвинений. А учитывая, с какой частотой суды удовлетворяют ходатайства следователей об аресте подозреваемых, добавление в процесс своеобразных арбитров, которые были бы нейтральными и независимыми в своей деятельности, помогло бы исправить такую ситуацию. Противники такой концепции делают уклон на том, что равенство между сторонами, в процессе сбора и оценки доказательств будет нарушено, ведь следственный судья всегда будет на стороне обвинения. Такое заявление кажется нам преждевременным и голословным, ведь институт следственных судей уже действует в таких странах, как Казахстан, Украина, Молдова, Франция, и др.

На примере Украины можно сказать, что введение института следственных судей помогло не только улучшить законность принимаемых решений, а еще и помогло уменьшить нагрузку на судей, которых теперь в судах разграничивали на следственных и обычных судей. Теперь судья, который рассматривал санкцию, не разбирает дела по существу [5]. В соответствии с Законом Украины „О судостроительстве и статусе судей” главой 2 установлены полномочия местных судов. В статье 21 установлен порядок наделения полномочиями следственных судей. Такие судьи назначаются из состава судей конкретного суда, а кандидатуры вносит председатель суда. Срок полномочий не должен превышать 3 года, с правом

последующего переизбрания. До вступления на должность, полномочия следственного судьи исполняет самый возрастной судья этого суда. Следственный судья не освобождается от полномочий судьи суда первой инстанции [5].

В этом случае стоит сказать об особом мнении судьи Голосеевского районного суда г. Киева Татьяны Шевченко, которая указывает, что со времен введения новой редакции УПК, наблюдается существенная гуманизация уголовного процесса. Судьи стали в три раза меньше выносить постановления о взятии под стражу обвиняемых, и применять, например, домашний арест, а также назначать залог [10]. Прокурор, который ходатайствует об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, должен доказать, что другие меры являются слишком мягкими, для обвиняемого, и что он действительно опасен для общества. Часть ходатайств, судья вовсе отклоняет, ввиду их незаконности и необоснованности. При избрании меры пресечения судья может определить залог, при внесении которого, обвиняемый освобождается от содержания под стражей. В законе устанавливается, что для несовершеннолетних может быть применена такая мера, как передача их под надзор родителям, опекунам, попечителям, а также специальным учреждениям, в которых они содержатся. Однако, судья Шевченко наблюдает значительное число увеличения количества заявляемых в суд ходатайств [10]. Авторы статьи поддерживают те изменения, которые коснулись УПК Украины, в части гуманизации уголовного судопроизводства [2].

Институт следственного судьи имеется также в Республике Казахстана. Процессуальный кодекс наделяет их правами

- по санкционированию тех процессуальных решений следственных действий, которые могут ограничивать процессуальные права гражданина;
- для проведения судебной медицинской экспертизы или судебно-психиатрической экспертизы следственный судья имеет право принудительно поместить лицо в медицинскую организацию;
- судья имеет право на объявление обвиняемого, подозреваемого в международный розыск;
- рассматривает жалобы на действия или бездействия, а также те решения дознавателя или следователя и прокурора, которые нарушают права граждан в ходе предварительного следствия;
- рассматривает вопросы взыскании судебных издержек на основании представления прокурора [3].

В республике Молдова такой судья называется – судья по уголовному преследованию. На него возложены обязанности схожие с теми, что гарантированы следственному судье в Украине и Казахстане, однако есть и небольшие дополнения. Например, судье гарантировано право рассмотрения ходатайств об ускорении процесса уголовного преследования, а также он рассматривает ходатайства прокурора о проведении специальных мер по розыску подозреваемых.

Огромное влияние на формирование института следственного судьи оказало уголовно-процессуальное законодательство Франции. В соответствии с УПК Франции, на плечи следственных судей возложены полномочия на санкционирование предоставленных сторонами доказательств, а также помещение обвиняемого и подозреваемого под стражу. Именно положение следственного судьи в процессе на примере Франции, является идеальным, поскольку он является

независимым, а стороны в процессе – равноправными. Следственный судья во Франции является формально независимым, однако, его деятельность контролируется палатой расследований при апелляционном суде. Граждане, которые считают, что его права были нарушены следственным судьей, имеют право подать жалобу в палату расследований. Прокурор проводит проверку, по факту подачи жалобы, и палата расследований на основе заключения прокурора выносит решение об полном или частичном аннулировании деятельности такого судьи. В 2000 году во Франции при апелляционных судах и в палатах по расследованию были созданы судьи по проверке законности содержания под стражей. Таким образом, полномочия следственного судьи были разделены между 2 категориями следственных судей. Судья по свободам и содержанию под стражей действуют и при высоких судах. Чтобы судья был назначен на такую должность, он должен быть либо президентом, либо вице-президентом соответствующего суда. На такие должности назначаются наиболее профессиональные судьи, которые своей деятельностью заслужили огромное уважение среди своих коллег, а также имеют огромный опыт на должности судьи. Судья по свободам и содержанию под стражей занимает ключевую роль в уголовном процессе Франции [4].

Вернувшись к вопросу введения института следственных судей в РФ, стоит сказать о том, что такой судья не сможет отклонять все подряд ходатайства, например о проведении обыска в жилом помещении, а только те, которые будут незаконными и необоснованными, либо если следователю необходимо получить информацию от провайдера, следственный судья сможет ее отклонить, если она, например, будет относиться к совершенно другому делу.

Верховный Суд РФ, в своем письме, просил конкретизировать процессуальное положение следственного судьи, и в своем разъяснении Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека указал следующее обоснование: целью создания института следственного судьи является коренной пересмотр и модернизации уголовного процесса, которая поможет в полном объеме реализовать одно из основополагающих требований, установленных в Конституции РФ о состязательном построении судопроизводства, а судебный контроль распределится бы на все стадии уголовного процесса.

Полагаем, что главный дефект нынешнего УПК – господство стороны обвинения на досудебной стадии, в результате чего, доказательства формируются лишь следователем (дознавателем), тогда как сторона защиты такой возможностью, не обладает.

Следственный судья – это судья первой инстанции, который наделен Конституцией РФ, а также УПК, соответствующими полномочиями, на стадиях возбуждения уголовного дела и предварительного расследования, который не разбирает уголовные дела по существу, не наделен правом пересмотра судебных решений, в апелляционном, кассационном, надзорном производствах, либо по новым, и вновь открывшимся обстоятельствам. Он осуществляет контроль за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, гарантированных ему Конституцией РФ, проводит контроль за законностью передачи уголовного дела в суд, а также проводит все необходимые действия по контролю за законностью собранных доказательств и сведений, как стороной обвинения, так и стороной защиты. Задача следственного судьи должна состоять в осуществлении активного

судебного контроля за расследованием. Такой судья не должен брать на себя функции судебного преследования, он не должен участвовать в рассмотрении дела по существу [8]. Следственный судья не имеет права проявлять инициативу по собиранию новых доказательств, для подтверждения или опровержения версий обвинения и защиты, а уполномочен он лишь проверять и давать оценку сведениям предоставляемых сторонами.

Предлагается наделить следственного судью следующими полномочиями:

1. Контролирует законность и обоснованность:

– возбуждения уголовного преследования, приостановления

– предварительного расследования,

– окончательного обвинения, которое содержится в обвинительном заключении.

2. Отказывает в даче согласия на возбуждение уголовного дела, а также он вправе прекращать их в случае недостаточности доказательств, которые сторона обвинения приводит в обоснование.

3. Проводит все необходимые действия по легализации тех сведений и доказательств, которые были собраны сторонами на стадии предварительного расследования, после чего выносит постановление, о допустимости или недопустимости в их использовании.

4. Сведения или доказательства, которые были признаны недопустимыми, не могут быть использованы в дальнейшем.

5. Назначает, на основании ходатайств сторон, судебные экспертизы. Если такая экспертиза была обязательная – по своей инициативе.

6. Дает разрешения органам предварительного расследования на проведение полицейских (прокурорских) и оперативно-розыскных действий, ограничивающих конституционные права личности.

7. Принимает решения об избрании меры пресечения, а также о других мерах процессуального принуждения.

8. Решает вопросы о реализации, утилизации, вещественных доказательств.

В заключении можно сказать, что предлагаемые изменения в УПК, а именно введение института следственных судей:

– поможет сделать судебный процесс не только состязательным, но и поможет уравнивать права стороны обвинения и стороны защиты;

– судебные доказательства станут достоверными и законными;

– сократиться число случаев, взятия обвиняемых и подозреваемых под стражу;

– адвокаты будут равноправны с обвинением в поиске доказательств,

– следственный судья будет признавать доказательства допустимыми, или откажет в этом;

– снимается проблема возвращения уголовного дела прокурору для дополнительного расследования или для исполнения иных недостатков предварительного расследования [8].

Все эти изменения во многом снизят нагрузку на суды, как при рассмотрении дела по существу в первой инстанции, так и в вышестоящих судах.

Предлагаем разграничить участие следственных судей на стадии предварительного расследования. Например, для дел особо тяжких, тяжких, и

некоторых дел средней тяжести, а дела небольшой тяжести могут быть расследованы в упрощенной форме дознания, с передачей прокурором дела в суд, для непосредственного рассмотрения по существу. А также ввести институт следственных судей, начиная с районных судов, а срок полномочий установить не менее 3 лет, с последующей ротацией. Если посмотреть на пример Украины, то срок полномочий там также установлен в 3 года. В законе установить, что следственный судья в своей деятельности является независимым, в том числе от суда, в котором он состоит. Следственные палаты по контролю за решением следственных судей создать, начиная от областных, краевых и приравненных к ним судам.

Список литературы

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ. – Текст: электронный // СПС «КонсультантПлюс» : [сайт]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 15.05.2020).
2. Уголовно-процессуальный кодекс Украины от 28 декабря 1960 г. (в ред. 28 апреля 2020 г. № 361-IX) – Текст : электронный // Онлайн – Закон : сайт. – URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31197178 (дата обращения: 15.05.2020).
3. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 г. № 231-V (в ред. от 4 мая 2020 г. № 321-VI ЗРК). – Текст : электронный // Онлайн – Закон : сайт. – URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=31575852&doc_id2=31575966 (дата обращения: 18.05.2020 г.).
4. Лунгу, П. Ф. Уголовно-процессуальный кодекс Франции. / Редкол.: П. Ф. Лунгу, М. Н. Марченко, Е. А. Суханов. // Издательство: Юрид. колледж МГУ. – М.: 2017. – 326 с. – Текст : непосредственный.
5. О судостроительстве и статусе судей : Закон Украины от 08.07.2010 г – Текст : электронный // Онлайн – Закон : сайт. – URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30816286 (дата обращения: 15.05.2020).
6. Головкин, Л. В. Институт следственных судей: американизация путем манипуляции / Л. В. Головкин. – Текст: электронный // ЮАИ.нет» : [сайт]. – URL: <http://www.iaaj.net/node/1740> (дата обращения: 22.05.2020 г.).
7. Куликов, В. С. Служба жалоб и арестов / В. С. Куликов. – Текст: электронный // РГ.ру : [сайт]. – URL: <https://rg.ru/2020/02/02/putin-poruchil-rassmotret-vopros-vvedeniia-sledstvennyh-sudej.html> (дата обращения: 19.05.2020 г.).
8. Морщакова, Т. Г. О компетенции и порядке формирования института следственных судей в Российской Федерации / Т. Г. Морщакова. – Текст: электронный // СПС «КонсультантПлюс» : [сайт]. – URL: http://law.sfu-kras.ru/data/method/e-library-kup/Raznoe/prilozhenie%20%E2%84%967-294_15.pdf (дата обращения: 28.05.2020 г.).
9. Поддубняк, А. А. Институт следственных судей в России: проблемы и перспективы / А. А. Поддубняк, Д. С. Аблаева – Текст : непосредственный // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. – 2020. – Т. 5 (71). – № 1. – С. 179–184.
10. Тарасова, С. Ф. Следственные в действии / С. Ф. Тарасова. . – Текст: электронный // Право.юа : [сайт]. – URL: <https://pravo.ua/articles/sledstvennye-v-dejstvii> (дата обращения: 24.05.2020 г.).

Poddubniak A. A., Avdeev I. M., Revival of the institute of investigative judges in the Russian Federation / A.A. Poddubniak, I.M.Avdeev // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean federal university. Juridical science. – 2020. – Т. 6 (72). № 3. – P. 227-233.

This article explores the prospects for the revival of the institution of investigative judges in the Russian Federation, the procedure for their appointment, as well as the set of rights and obligations that they should have. The author also compares similar institutions in other countries ,including Ukraine and Kazakhstan. After reforming the procedural, and introducing the institution of the investigative judge, using Ukraine as an example, the author shows how the situation changed. This article conducts a comparative analysis with the foreign experience of the existence of this institution and analyzes the possible positive and negative consequences. The author points out that the introduction of the institution of the investigative judges will contribute to a more objective and impartial establishment of circumstances relevant to the case, concerning to each parties. The opinion of jurists on the advisability of such an introduction are being studied.

Keywords: Institution of Investigative Judges, investigating judge, competitiveness, a quality of arms, pre-trial proceedings, investigation, pre-trial restriction, arrest, pledge, legality, validity.

Spisok literature

1. The Criminal Procedure Code of the Russian Federation: Federal Law No. 174-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2019. – No. 52. – P. 7816.
2. The Criminal Procedure Code of Ukraine of December 28, 1960 (as amended on April 28, 2020, No. 361-IX) // Bulletin of the Supreme Soviet of the Ukrainian SSR. – 1961. – No. 2, art. fifteen.
3. The Criminal Procedure Code of the Republic of Kazakhstan dated July 4, 2014 No. 231-V (as amended on May 4, 2020 No. 321-VI ЗРК). – URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=31575852&doc_id2=31575966 (date of treatment: 05.18.2020). – Text: electronic.
4. Lungu P. F. Criminal Procedure Code of France. / Editorial board: P. F. Lungu, M. N. Marchenko, E. A. Sukhanov. // Publisher: Yurid. College of Moscow State University. – M.: 2017. – 326 p.
5. On the judicial system and the status of judges: Law of Ukraine of 08.07.2010 // BBC. – 2020. – No. 41–45.
6. Golovko L. V. Institute of Investigative Judges: Americanization by Manipulation / L. V. Golovko. – URL: <http://www.iuaj.net/node/1740> (date of treatment: 05.22.2020). – Text: electronic.
7. Kulikov V. S. Complaints and Arrests Service / V. S. Kulikov. – URL: <https://rg.ru/2020/02/02/putin-poruchil-rassmotret-vopros-vvedeniia-sledstvennyh-sudej.html> (date of access: 05.19.2020). – Text: electronic.
8. Morshchakova T. G. On the competence and procedure for the formation of the institution of investigating judges in the Russian Federation / T. G. Morshchakova. – URL: http://law.sfu-kras.ru/data/method/e-library-kup/Raznoe/prilozhenie%20%E2%84%967-294_15.pdf (date of access: 05.28.2020). – Text: electronic.
9. Poddubnyak A. A. Institute of Investigative Judges in Russia: Problems and Prospects / A. A. Poddubnyak, D. S. Ablaeva // Scientific notes of the Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky. Legal sciences. – 2019. – T. 5 (71). – No. 1. – Pp. 179–184.
10. Tarasova S. F. Investigative in action / S. F. Tarasova. – URL: <https://pravo.ua/articles/sledstvennye-v-dejstvii> (date of treatment: 05.24.2020). – Text: electronic.

УДК 343.98

DOI: 10.37279/2413-1733-2020-6-3-234-239

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ СЛЕДОВАТЕЛЯ КАК ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ ФАКТОР ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ОСМОТРА МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ

Сафонов Д. А.

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

Борьба с преступностью в современных условиях технического прогресса, требует от правоохранительных органов Российской Федерации не только значительных материальных затрат, физических и моральных сил должностных лиц, осуществляющих раскрытие и расследования преступлений, но и колоссальных интеллектуальных объемов работы по обеспечению планирования и организации расследования уголовных дел. Как показывает анализ следственной практики, в большинстве случаев неочевидные преступления достаточно сложно расследовать, здесь следователь испытывает не только дефицит ориентирующих и доказательственных сведений фактах и результатах события, а и подвержен поверхностным умозаключениям и стереотипному (шаблонному) мышлению. Все это влияет на качество и эффективность решения задач уголовного производства. В статье предпринята попытка рассмотрения теоретических и методических основ интеллектуального обеспечения расследования преступлений. Автор, основываясь на имеющиеся научные труды и исследования ученых в данной сфере, предлагает субъективный подход к понятию, значению и системе криминалистического мышления при производстве расследования уголовных дел. Особое внимание уделяется комплексу элементов, составляющих систему криминалистического мышления. Раскрываются значения и функции элементов системы криминалистического мышления, рассматриваются частные задачи каждого элемента, исходя из информационных условий проведения следственного осмотра. В статье также освещаются, по мнению автора, ключевые элементы применения криминалистического мышления в ходе производства осмотра места происшествия.

Ключевые слова: методика расследования преступлений, уголовное производство, расследование, криминалистическое мышление, интеллектуальное обеспечение расследования, осмотр места происшествия

Качественное и эффективное расследование каждого уголовного дела во многом зависит от сбора первоначальной информации, которая может содержаться как в материальных, так и в идеальных следах преступления. Отыскание и закрепление таких следов способствует дальнейшей перспективе расследования, аккумулированию доказательственной базы, эффективной организации и планированию первоначального и последующего этапа расследования преступления. Сбор, закрепление и сохранение первичной информации является, без преувеличения, важным элементом на первоначальном этапе расследования и во многом обеспечивает успех и эффективность проведения дальнейших следственных действий. В связи с этим, взвешенные и наступательные тактические решения, должностных лиц, направленные на первичный сбор информации и закрепление

доказательств имеют чрезвычайное значение. Как правило, столкнувшись с неочевидной следственной ситуаций следователь (дознатель), ограниченны в информации о событии, имевшем место ранее, и он оказывается в ситуации шаблонного или стереотипного подхода при проведении первоначальных процессуальных и следственных действий. Довольно часто это проявляется при проведении осмотра места происшествия, выступающего в качестве неотложного следственного действия, направленного на установления обстоятельств происшедшего.

Одним из решающих факторов эффективного и всестороннего раскрытия и расследования преступлений, безусловно, является и интеллектуальная составляющая деятельности следователя (дознателя). В современных условиях борьбы с преступностью, можно наблюдать, как постепенно вопросы интеллектуального обеспечения расследования сдвигаются на второй план, уступая место большому количеству методических рекомендаций, которые устанавливают шаблонные подходы к решению следственных и розыскных задач. Как верно отмечает Д.В. Бахтеев, процесс расследования преступлений представлен одной из форм человеческой деятельности, наиболее трудно поддающихся формализации и системному анализу [1, с.13-14], акцентируя внимание именно на его творческо-мыслительной составляющей. Похожей точки зрения придерживается А.Б. Соколов, указывая на то, что интеллектуальные задатки следователя не заложены генетически, их следует формировать и развивать путем обучения криминалистическому мышлению как особому способу разрешения ситуаций, выходящих за рамки стереотипных алгоритмов [2, с.68].

На фоне вышеуказанных аргументов следует предположить то, что обрисовывается проблема нивелирования эвристического подхода следователей к не типичным ситуациям как при расследовании очевидных, так и неочевидных преступлений. Считаем, что в сложившейся обстановке проблема интеллектуального обеспечения процесса расследования, как краеугольная основа уголовно-процессуальной конструкции доказывания нуждается в углубленном научном осмыслении.

Под термином криминалистическое мышление понимается ситуационно-эвристический подход в определении и последовательности планирования и реализации тактических решений, выбор оптимальных приемов и средств выявления, фиксации и изъятия, оценки и использования доказательств. Кроме того, криминалистическое мышление выступает составным элементом общего процесса мышления лиц, как в ходе проведения неотложных, так и последующих процессуальных и следственных действий.

По мнению Ю.Л. Дябловой, категории «криминалистическое мышление» и «следственное мышление» представляют разновидности профессионального мышления по различным основаниям: криминалистическое – по содержанию; следственное – по субъекту. Относительно же криминалистического мышления, автор делает акцент на его универсальности и адаптационных свойствах по отношению к другим юридическим и не юридическим знаниям, умениям и навыкам [3, с.78-80].

В современных условиях генезиса преступной деятельности, в том числе, усложнения механизма совершения уголовных деликтов, необходимость активизации криминалистического мышления обосновывается упреждающими функциями анализа и критического подхода к исходным сведениям выявленным на месте события. Считаю необходимым в систему криминалистического мышления включить такие элементы интеллектуальных составляющих как: дивергентное, эйдетическое, объективно-иерархическое мышление. Каждое из представленных составляющих выполняет свои задачи и функции анализа фактических данных и вывода из каждого конкретного условия соответственных причинно-следственных связей ретроспективных событий.

Так, дивергентное мышление (от лат. *divergere* – расходиться) – метод творческого мышления, применяемый обычно для поиска множества решений одной и той же проблемы. Дивергентное мышление необходимо в случаях, когда нужно создать новый вариант решения задачи на основе имеющихся компонентов сознания. Такое мышление помогает образовать новые гипотетические причинно-следственные связи, основанные на зрительном восприятии информации [4, с.491].

Под эйдетическим мышлением следует понимать конкретное, образное мышление субъекта, основанное на единстве комплексного восприятия и фотографической памяти, данная форма свойственна ранним стадиям развития мыслительных процессов и свидетельствует об отсутствии криминалистических рекомендаций, адекватных поставленной задаче [5, с.479].

Достаточно интересным представляется объектно-иерархический метод мышления. Он заключается в том, что в ходе анализа обстановки и обстоятельств дела должностное лицо выделяет из следовой картины криминалистически значимые объекты и логически выстраивает их в иерархическую причинно-следственную систему. При этом следователь (дознатель) руководствуется следующими принципами: 1) определяется не менее 3 и не более 5 значимых признаков следового объекта; 2) исследуется и анализируется каждый объект в статике, что позволяет построить максимальное число версий относительно связей этого объекта с другими объектами; 3) осуществляется абстрагирование ситуации путем замены конкретного объекта родовым понятием, что позволяет обнаружить ранее не замеченные признаки следового объекта и его связи с другими объектами [6, с.54].

При производстве следственного осмотра следователю рекомендуется действовать с учетом всех ранее указанных составляющих криминалистического мышления. Не лишним будет отметить то, что сущностными признаками криминалистического мышления выступают следующие его характеристики. Во-первых, криминалистическое мышление основано, в том числе на обобщении судебно-следственной практике. Использование результатов ее анализа имеет исключительное значение для организации поиска и сбора доказательств. Это необходимо следователю, который не обладает полным объемом информации о механизме преступления, для восполнения следственной картины с целью определения объектов, подлежащих осмотру и изъятию. На помощь в этом приходит устоявшаяся практика производства осмотра места происшествия по конкретным преступлениям, где определяются следовые объекты первостепенного

ориентирующего и доказательственного значения. При этом, возвращаясь к определению понятия криминалистического мышления, отметим, что обобщение опыта имеет рекомендательный смысл. Следовательно, исходя из конкретной обстановки, должен самостоятельно решить каким образом производить осмотра места происшествия.

Во-вторых, отличительной чертой криминалистического мышления выступает его нацеленность на решение конкретных задач, возникающих при расследовании уголовного дела. На этапе производства осмотра места происшествия, такие задачи, в основном, представлены сбором и закреплением материальных и идеальных следов преступления.

Определение основополагающих характеристик криминалистического мышления при осмотре места происшествия необходимо начинать с рассмотрения сущности данного следственного действия и его процессуальных особенностей.

К пяти ключевым элементам криминалистического мышления в ходе осмотра места происшествия по нашему мнению следует отнести:

- умение сочетать ситуационное и эвристическое понимание события, что предполагает наличия у следователя определенных диалектических приемов познания объективной обстановки, для эффективной обработки первичной следовой информации;

- ответственность за предположения, при котором следователь, обязан предоставлять участникам осмотра аргументы обоснованности предложенных версий. Подвергать выявленные обстоятельства или материальные следы разумному сомнению в их свойствах и назначении. Исходить из принципа учета мнения специалиста при исследовании вещественной обстановки в дальнейшем;

- формулировка криминалистических суждений как продукта профессионального мышления, направленного на эвристическую познавательную деятельность, а не на шаблонное мышление. Творческий подход необходим в ситуациях, когда следует определить оптимальную линию поведения в заданных условиях при высокой вероятности тактического риска;

- следователь, как критически мыслящий участник расследования обязан перспективно использовать собственную аргументацию. При этом исходя из характера динамичности осмотра места происшествия, необходимо устанавливать критерии закономерных корреляционных связей события и последствий.

- самокритичность требует, чтобы следователь использовал криминалистическое мышление как форму наступательного мышления, обращенную на ее собственные суждения с целью их объективизации и интеграции. Следователь обязан постоянно подвергать собственные умозаключения рефлексии, используя при этом методы познания, лежащие в основе служебного и жизненного опыта.

Основой этого следственного действия должен стать принцип разумной целесообразности с акцентированием внимания на тех моментах, которые по мнению следователя явно могут иметь значение для того, чтобы установить обстоятельства происшествия и изобличить лиц, которые совершили данное преступление [7, с. 62].

Таким образом, рассмотренные выше аспекты интеллектуального обеспечения раскрытия и расследования преступления, безусловно, являются актуальными в

условиях противодействия криминальной деятельности лиц, направленной на сокрытие последствий и следов противозаконной деятельности. Как показывает анализ судебно-следственной практики, научной литературы и методических рекомендаций в сфере методики расследования отдельных видов преступления, вопросам соотношения криминалистического мышления и тактико-психологического комплекса мероприятий, проводимых на первоначальном этапе расследования, уделяется недостаточное внимание. Особое значение применения интеллектуального анализа или криминалистического мышления, как ранее указывалось, проявляется при производстве неотложных следственных действий, среди которых осмотр места происшествия, безусловно, занимает ведущее место.

Список литературы

1. Бахтеев, Д. В. Криминалистическое мышление и программирование расследования / Д. В. Бахтеев. – Текст: непосредственный // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. – 2018. – № 3. – С. 13–20.
2. Соколов, А. Б. Криминалистическое мышление: понятие и содержание / А. Б. Соколов. – Текст: непосредственный // Психопедагогика в правоохранительных органах, 2013. – № 4 (55). – С. 68–72
3. Дяблова, Ю. Л. Личность следователя и его профессиональное мышление как объект криминалистического изучения / Ю. Л. Дяблова. – Текст: непосредственный // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. – 2017. – № 2-2. – С. 75–80.
4. Масленникова, А. С. Роль дивергентного мышления в работе следователя / А. С. Масленникова. – Текст: непосредственный // Вестник современных исследований. – 2018. – № 5.2 (20). – С. 491–492.
5. Толстоуцкий, В. Ю. Причины востребованности эйдетического мышления в деятельности следователя / В. Ю. Толстоуцкий. – Текст: непосредственный // Мир науки, культуры, образования. 2012. № 2. С. 479–484.
6. Сенницкая, Е. В. Формирование объектно-иерархического мышления следователя / Е. В. Сенницкая. – Текст: непосредственный // Наука и современность. – 2015. – № 41. – С. 53–58.
7. Иванская, А. И. Следственные ошибки при проведении осмотра места происшествия и их преодоление / А. И. Иванская. – Текст: непосредственный // Modern Science. – 2019. – № 11-1. – С. 61–64.

Safonov D. A. Forensic thinking of an investigator as an intellectual factor of efficiency when carrying out an inspection of the place of event / D.A. Safonov // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean federal university. Juridical science. – 2020. – Т. 6 (72). № 3. – P. 234-239.

The fight against crime in modern conditions of technical progress, requires from law-enforcement bodies of the Russian Federation not only considerable financial cost, physical and moral strength of the officials, carrying out disclosure and investigation of crimes, but also the tremendous intellectual scope of work to ensure the planning and organization of investigation of criminal cases. As shows the analysis of the investigative practice, in most cases, non-obvious crimes are difficult to investigate, the investigator here is experiencing not only a lack of guidance and evidential information about facts and results of an event, but also prone to superficial conclusions and stereotyped (typical) thinking. All this affects the quality and efficiency of the solution of tasks of criminal proceedings. The article attempts to consider the theoretical and methodological foundations of the intellectual support of the investigation of crimes. The author, based on existing scientific works and research by scientists in this field, offers a subjective approach to the concept, meaning and system of forensic thinking in the investigation of criminal cases. Particular attention is paid to the complex of elements that make up the forensic thinking system. The values and functions of the elements of the forensic thinking system are revealed, the particular tasks of each element are considered based on the informational conditions of the investigation. The article also highlights, according to the author, the key elements of the application of forensic thinking during the production of the inspection of the scene.

Keywords: methods of investigation of crimes, criminal proceedings, investigation, forensic thinking, intellectual support of the investigation, inspection of the scene

Spisok literatury

1. Bakhteev D. V. Forensic thinking and programming investigation / D. V. Bakhteev // Bulletin of the Baltic Federal University I. Kant. Ser.: Humanities and social sciences. – 2018. – No. 3. – Pp. 13–20.
2. Sokolov A. B. Forensic thinking: concept and content / A. B. Sokolov // Psychopedagogy in law enforcement agencies, 2013. – № 4 (55). – Pp. 68–72.
3. Dyablova Yu. L. The personality of the investigator and his professional thinking as an object of forensic study / Yu. L. Dyablova // Bulletin of the Tula State University. Economic and legal sciences. – 2017. – № 2-2. – FROM. 75–80.
4. Maslennikova A. S. The role of divergent thinking in the work of the investigator / A. S. Maslennikova // Bulletin of modern research. – 2018. – No. 5.2 (20). – Pp. 491–492.
5. Tolstolutsky V. Yu. The reasons for the demand for eidetic thinking in the activities of the investigator / V. Yu. Tolstolutsky // World of Science, Culture, Education. 2012. No. 2. Pp. 479–484.
6. Sennitskaya E. V. Formation of object-hierarchical thinking of the investigator / E. V. Sennitskaya // Science and Modernity. – 2015. – No. 41. – Pp. 53–58.
7. Ivanskaya A. I. Investigative errors during the inspection of the scene and their overcoming / A. I. Ivanskaya // Modern Science. – 2019. – No. 11-1. – Pp. 61–64.

УДК 343.1

DOI: 10.37279/2413-1733-2020-6-3-240-245

О ПОНЯТИИ И СИСТЕМЕ ПРИНЦИПОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Титова К. А.

Краснодарский университет МВД России

В статье рассматривается система принципов уголовного судопроизводства. Автор на основе изучения юридической литературы, судебно-следственной практики проводит анализ существующей системы, акцентирует внимание на спорных вопросах, требующих особого внимания.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, принципы уголовного судопроизводства, система принципов уголовного судопроизводства.

Уголовно-процессуальное право включает в себя положения, которые помогают осуществлять регулирование отдельных уголовно-процессуальных институтов, определять задачи и содержание уголовно-процессуальной деятельности и в целом влиять на построение всего уголовного процесса. Данные положения именуются принципами уголовного судопроизводства.

Проблемам принципов уголовного процесса посвящены труды многих ученых-процессуалистов, как досоветского периода (С. В. Познышева, С. И. Викторского, В. К. Случевского), так и современного периода (С. С. Алексеева, В. М. Быкова, Т. Н. Добровольской, А. О. Ларина, Н. С. Малеина, И. Л. Петрухина, В. М. Савицкого, Р. Х. Якупова и других) [2, с. 40-45].

Следует отметить, что в теории уголовного процесса не вызывает острых дискуссий среди правоведов относительно того, что: 1) принципы уголовного процесса – это положения, которые относятся к руководящим началам, касаются определенного правового поведения участников уголовного судопроизводства, определяют его особую структуру, процессуальную форму и общее содержание; 2) принципы имеют свою систему, которая обладает общими признаками, так и имеет особенные, присущие только ей одной.

Считаем, что деятельность системы принципов должна функционировать с учетом определенных условий. Можно выделить следующие: 1) они должны строиться с учетом общей цели; 2) не должно прослеживаться каких-либо противоречий, особенно, если это касается отдельных элементов системы; 3) должна соблюдаться структура системы.

Рассуждая далее отметим, что ученые-процессуалисты высказывали научные мысли относительно того, что принципы уголовного процесса призваны отразить качественное новое развитие науки и внести тем самым «обновление» в практическую деятельность, что позволит должностным лицам, осуществляющим

расследование преступлений, например в форме дознания, улучшить показатели своей процессуальной деятельности. Так, И.Ф. Демидов считает, что действия должностных лиц, которые осуществляют уголовно-процессуальную деятельность зависят в первую очередь от обще-социальных принципов, например таких как гуманизм и справедливость [10, с. 429-436]. Сложно согласиться с указанной точкой зрения, ввиду того, что эти составляющие не являются принципами уголовного судопроизводства, а значит и не могут браться за основу и выступать в качестве принципа. Тем более, что они, на наш взгляд, больше являются философскими категориями и относятся к нравственным началам.

Следует согласиться с мнением А.В. Кудрявцевой и Ю.Д. Лившица, что принципы уголовного процесса это «основные идеи уголовно-процессуального права, которые направлены на определение социальной сущности и осуществление определенной деятельности, связанной с непосредственным расследованием и разрешением уголовных дел по существу. Кроме того, данные авторы, подчеркивают, что они призваны выделить главнейшие черты, присущие уголовному судопроизводству и определить его специфический характер» [4].

Приведем интересную точку зрения В.М. Быкова, который считает, что те нормы, которые затрагивают конституционные права граждан и связаны, например с неприкосновенностью жилища, тайной переписки, не должны подпадать под «особую категорию» принципов, то есть фактически им не должно придаваться какое-либо особое значение [3, с. 109].

Следует отметить, что принципы уголовного процесса отражены не только в УПК РФ и Конституции РФ. Если провести анализ нормативных и иных документов, то можно увидеть, что существуют и общепризнанные принципы, нормы международных договоров и международного права. Этому подтверждение мы находим в ч. 4 ст. 15 Конституции РФ. В частности, там отмечено, что общепризнанные нормы и принципы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если в международном договоре Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора [7]. На сегодняшний день судебно-следственная практика активно применяет в своей деятельности нормы и принципы международного права, международных договоров. Это связано с тем, что преступность носит уже давно международный характер и требуется международное сотрудничество в рамках осуществления предварительного расследования по уголовным делам.

Приведем мнение А. С. Кобликова о том, что следует пересмотреть взгляды относительно места расположения ст. 6 УПК РФ в главе 2 УПК РФ. При этом он поясняет, что ввиду того, что назначение и принцип разные понятия, то нецелесообразно располагать данную статью в указанной главе [5, с. 39-42]. Считаем, что это точка зрения носит спорный характер. В связи с этим приведем другую, которая на наш взгляд является более правильной. Так П. А. Лупинская, считает, что так как система принципов уголовного процесса подчинена и зависит от его назначения, тем более оно является стречневой основой существующей системы, то располагать в какой-либо другой главе уголовно-процессуального закона не

представляется возможным [9, с. 98-100]. Если вести речь о назначении уголовного судопроизводства, то оно носит более сущностный характер и заслуживает отдельного рассмотрения.

Считаем, что правильно будет, если взять за основу ту систему принципов, которая приведена в уголовно-процессуальном законе в виде определенного перечня (глава 2 УПК РФ).

Рассуждая далее отметим, что принципы уголовного процесса необходимо ограничивать, например от общих условий производства в отдельных стадиях. Это могут быть как общие условия предварительного расследования, так проведение следственных действий, которые носят общий характер, то есть касаются общих правил производства следственных действий. Если вести речь об общих условиях производства, то следует заметить, что они производятся на одной конкретной стадии, а может быть и этапе. В науке уголовного процесса отмечается, что общие условия должны были означать ряд положений, не достигающих значение принципов, но в тоже время имеющих значение для всего процесса в целом [13, с. 98-126].

Если касаться вопроса о значении принципов, то, на наш взгляд, они заключаются в следующем:

1) направлены на обеспечение законных интересов и уголовно-процессуальных прав участников уголовного судопроизводства, а также регулируют правопорядок;

2) обеспечивают постоянное функционирование и совершенствование в области применения уголовно-процессуального законодательства, выступают главной его основой;

3) служат определенными гарантиями при осуществлении правосудия, создают главные предпосылки к разрешению дела по существу при судебном разбирательстве уголовного дела;

4) определяют главные характерные черты, связанные с судопроизводством;

5) если при осуществлении расследования уголовного дела произойдет нарушение норм-принципов, например, процессуальное решение будет связано с нарушением прав и законных интересов участников уголовного процесса, то данный факт будет способствовать отмене таких заведомо неправомερных решений, которые принимаются с несоблюдением принципов уголовного судопроизводства. «Следует сказать и о форме закрепления принципов.

Выделяют несколько основных видов форм, связанных с принципами уголовного судопроизводства. Первая форма связана с прямой формулировкой, которая находит свое отражение в норме закона, например это может касаться неприкосновенности жилища, личности и т.д.. Вторая, напротив, принцип «выводит» из правовых институтов, например, принцип гласности.

Если рассуждать о системе принципов, касающихся уголовного судопроизводства, то следует заметить, что это постоянно развивающаяся система, то есть носит подвижный характер. На наш взгляд, это позволяет всем принципам находится в постоянной взаимосвязи, функционировать и развиваться. Безусловно, эти процессы в целом влияют на механизмы, которые «запускаются», когда требуется

«подключение» того или иного принципа в сфере уголовного судопроизводства. Поэтому возникает и другая проблема, которая направлена на расширение перечня принципов. Об этом свидетельствует анализ юридической литературы, где предлагается к расширению перечень принципов. В тоже время закономерно возникает вопрос, а разумно ли предлагать к расширению границы принципов уголовного судопроизводства? Отвечая на данный вопрос следует привести несколько основных тенденций, которые на сегодняшний день встречаются на страницах юридической литературы.

Интересное мнение высказывает И. А. Пикапов, он предлагает уменьшить границы принципов, но до допустимого предела при этом считать принципами законность при производстве по уголовному делу и состязательность [11, с. 19]. Сложно согласиться с данным мнением и представить существование уголовного судопроизводства без той системы принципов, которая свойственна ему в настоящее время. Другие ученые-процессуалисты пошли по-другому пути и предложили расширительное толкование границ принципов. В частности, высказываются предложения относительно возвращения тех принципов, которые существовали ранее. Речь идет о таких принципах как: всесторонность, полнота и объективность [6, с. 275]. Данные принципы непосредственно связаны с исследованием обстоятельств уголовного дела. Следует заметить, что указанные принципы были ранее закреплены в УПК РСФСР [1, с. 319]. В тоже время несмотря на то, что указанные принципы в «новом» уголовно-процессуальном законе не закреплены, но это не значит, что лица, осуществляющие предварительное расследование производят сбор только обвинительных доказательств. Напротив, сбор доказательств осуществляется разный. Рассматриваются, изучаются, оцениваются все, в том числе и те, которые относятся к оправдывающим. Так или иначе, но указанные принципы «фактически» нашли свое отражение в некоторых нормах уголовно-процессуального закона. К ним следует отнести такие, которые связаны с местом производства предварительного расследования; с выделением или соединением уголовного дела. Стоит согласиться с мнением С. П. Русланова, который считает, что предпосылками к состязательному уголовному судопроизводству являются всесторонность, объективность и полнота предварительного расследования, в совокупности они обеспечивают участникам уголовного процесса, которые выступают со стороны защиты, сбор необходимых доказательств, которые позволят сформировать им необходимую защитную позицию по уголовному делу [12, с. 35-40].

В. А. Кудрина считает уместным еще больше расширить перечень принципов и предложить такие как диспозитивность и еще один тайна уголовного судопроизводства [8, 90-100]. Считаем нецелесообразным предлагать к расширению имеющийся перечень, В виду того, что эти принципы так или иначе можно найти в соответствующих статьях уголовно-процессуального закона, например в ст. 161 УПК РФ, где упоминается о недопустимости разглашения данных предварительного расследования.

Таким образом, считаем, что существующая система принципов уголовного процесса успешно осуществляет те задачи, которые ей свойственны, уже достаточно прочно укоренилась в науке, а их взаимосвязь позволяет эффективно решать

вопросы, связанные с предварительным расследованием и судебным разбирательством уголовных дел. Любые нарушения, затрагивающие «работу» того или иного принципа будут непосредственно влечь определенные сбои в работе других принципов, что приведет к невозможности выполнения тех основных задач, присущих уголовному процессу.

Список литературы

1. Алексеев, С. С. Общая теория права : учебник / С. С. Алексеев. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: НОРМА, 2014. – 319 с. – Текст: непосредственный.
2. Барабаш, А. С. Природа российского уголовного процесса, цели уголовно-процессуальной деятельности и их установление / А. С. Барабаш. – Текст: непосредственный. – СПб., 2015. – С. 40–45.
3. Быков, В. М. Принципы уголовного процесса по Конституции РФ 1993 года / В. М. Быков // Российская юстиция. – 2014. – № 9. – 109 с. – Текст: непосредственный.
4. Радченко, В. И. Комментарий к УПК РФ / Под общ. ред. В. И. Радченко. – 6-е изд., перераб. и доп. – М.: Право, 2015. – Текст: непосредственный.
5. Кобликов, А. С. Принципы уголовного процесса / А. С. Кобликов. – Текст: непосредственный // Уголовный процесс Российской Федерации – М.: Норма, 2014. – С. 39–42.
6. Комаров, П. А. Общая теория государства и права : учебник / П. А. Комаров. – М.: Юриспруденция, 2013. – 275 с. – Текст: непосредственный.
7. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.). – Текст: электронный // СПС «КонсультантПлюс» : [сайт]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/8c6502533e28841baf74c1068f88b162a5e9b4ea/ (дата обращения: 28.06.2020 г.).
8. Кудрина, В. А. Уголовное судопроизводство как сфера особой защиты конституционных прав и законных интересов человека и гражданина / В. А. Кудрина. – Текст: непосредственный // Адвокат. – 2014. – № 9. – С. 90–100.
9. Лупинская, П. А. Принципы уголовного процесса // Уголовный процесс / Под общ. ред. П. А. Лупинской – Текст: непосредственный. – М.: Норма, 2015. – С. 98–100.
10. Подольный, Н. А. Система принципов уголовного судопроизводства как система нравственных ценностей / Н. А. Подольный. – Текст: непосредственный // Lex russica. – 2014. – № 4. – С. 429–436.
11. Пикапов, И. А. Состязательность в системе принципов уголовного процесса и ее реализация стороной защиты на досудебных стадиях / И. А. Пикапов. – Текст: непосредственный. – М.: Изд-во Норма, 2011. – С. 19.
12. Русланов, С. П. Требование всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств дела как необходимое условие предварительного расследования / С. П. Русланов. – Текст: непосредственный // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. – 2013. – № 1. – С. 35–40.
13. Тыричев, И. В. Принципы уголовного процесса // Уголовный процесс / Под общ. ред. И. В. Тыричева, П. А. Лупинской. – Текст: непосредственный. – М.: Норма, 2015. – С. 90–126.

Titova K. A. On the concept and system of principles of criminal proceedings / K.A. Titova // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean federal university. Juridical science. – 2020. – Т. 6 (72). № 3. – P. 240-245.

The article discusses the system of principles of criminal proceedings. The author, based on the study of legal literature, judicial investigative practice, analyzes the existing system, focuses on controversial issues that require special attention.

Keywords: criminal proceedings, principles of criminal proceedings, system of principles of criminal proceedings.

Spisok literatury

1. Alekseev S. S. General theory of law : textbook / S. S. Alekseev. – 3rd ed., Rev. and add. – M.: NORMA, 2014. – P. 319.

2. Barabash A. S. The nature of the Russian criminal process, the goals of criminal procedural activity and their establishment / A. S. Barabash. – SPb., 2015. – Pp. 40–45.
3. Bykov V. M. Principles of criminal procedure according to the Constitution of the Russian Federation of 1993 / V. M. Bykov // Russian Justice. – 2014. – No. 9. – P. 109.
4. Radchenko V. I. Commentary on the RF Criminal Procedure Code / Under total. ed. IN AND. Radchenko. – 6th ed., Revised. and add. – M.: Pravo, 2015.
5. Koblikov A. S. Principles of criminal procedure / A. S. Koblikov // Criminal procedure of the Russian Federation / Ed. A. S. Koblikov. – M.: Norma, 2014. – Pp. 39–42.
6. Komarov P. A. General theory of state and law : textbook / P. A. Komarov. – M.: Jurisprudence, 2013. – P. 275.
7. The Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on December 12, 1993 (taking into account the amendments introduced by the Laws of the Russian Federation on amendments to the Constitution of the Russian Federation dated December 30, 2008 No. 6-FKZ, dated December 30, 2008 No. 7-FKZ, dated 05.02.2014 No. 2-FKZ, dated July 21, 2014 No. 11-FKZ) // Collected Legislation of the Russian Federation, 08.04.2014, No. 31, Art. 4398.
8. Kudrina V. A. Criminal proceedings as a sphere of special protection of constitutional rights and legal interests of a person and a citizen / V. A. Kudrina // Lawyer. – 2014. – No. 9. – Pp. 90–100.
9. Lupinskaya P. A. Principles of criminal procedure // Criminal procedure / Under total. ed. P. A. Lupinskaya. – M.: Norma, 2015. – Pp. 98–100.
10. Podolny N. A. The system of principles of criminal proceedings as a system of moral values / N. A. Podolny // Lex russica. – 2014. – No. 4. – Pp. 429–436.
11. Pickupov I. A. Competitiveness in the system of principles of criminal procedure and its implementation by the defense side at pre-trial stages / I. A. Pickupov. – Moscow: Norma Publishing House, 2011. – P. 19.
12. Ruslanov S. P. The requirement of comprehensiveness, completeness and objectivity of the investigation of the circumstances of the case as a necessary condition for the preliminary investigation / S. P. Ruslanov // Bulletin of Moscow University. Series 11. Right. – 2013. – No. 1. – Pp. 35–40.
13. Tyrichev I. V. Principles of criminal procedure // Criminal procedure / Under total. ed. I. V. Tyricheva, P. A. Lupinskaya. – M.: Norma, 2015. – Pp. 90–126.

УДК 343.137

DOI: 10.37279/2413-1733-2020-6-3-246-251

УСКОРЕННОЕ ДОСУДЕБНОЕ ПРОИЗВОДСТВО ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Ульянова И. Р., Горбенко Т. В.

Краснодарский университет МВД России

Законодательно определено, что уголовное судопроизводство должно отвечать принципам всесторонности, полноты и объективности. Реализация указанных принципов в ускоренном досудебном производстве породила дискуссию в научном сообществе. Однако, практически все ученые-процессуалисты отмечают целесообразность и необходимость упрощения уголовного судопроизводства по делам, не представляющим большой общественной опасности. Законодатель, по-видимому, учел мнения исследователей и предусмотрел в УПК РФ институты ускоренного досудебного производства по уголовным делам, в частности, сокращенное дознание, досудебное соглашение о сотрудничестве, мера уголовно-правового характера – судебный штраф. Тем не менее, возникают некоторые трудности при их реализации, вызванные упущениями в правовой регламентации и подменой истинных целей указанных институтов. Имеющиеся проблемы влияют на практику применения ускоренных процедур, что снижает качество расследования по уголовным делам. Все эти вопросы тесно связаны и с обеспечением прав участников уголовного судопроизводства. Неправильное применение указанных институтов может повлечь нарушение прав и свобод участников уголовного судопроизводства. Чтобы подобного не происходило, необходима достойная правовая регламентация ускоренных процедур и эффективный механизм их реализации. В статье же рассматриваются особенности совершенствования современного уголовно-процессуального права в России, осуществляемые под влиянием общепризнанных принципов и норм международного права, международных договоров РФ.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, ускоренное досудебное производство, проблемы теории и практики, оптимизация уголовного процесса.

Стремительное развитие общества и социальных процессов определяет необходимость совершенствования как социальных, так и правовых институтов, регулирующих общественные процессы, поскольку традиционные подходы и методы их реализации уже не соответствуют развивающимся общественным отношениям, а, соответственно, не успевают за их изменениями и не способны решать возникающие в них проблемы.

Современные реалии продиктовали необходимость введения процедур ускоренного досудебного производства по уголовным делам, не представляющим большой общественной опасности, поскольку нерациональное использование времени, финансовых и организационных ресурсов и, попросту, необоснованное затягивание процесса приводят к повсеместному нарушению прав участников процесса и их недовольству в связи с недостижением цели уголовного судопроизводства [1]. В этой связи, премьер-министр Дмитрий Медведев неоднократно упоминал о необходимости исключения нерационального расходования сил и средств органов предварительного расследования, необоснованного затягивания сроков досудебного производства, когда уголовное

дело не представляет правовой и фактической сложности, а причастность лица к совершению преступления не вызывает сомнения [2].

В настоящее время широко осуществляются поиски наиболее оптимального и рационального способа регулирования общественных отношений путем совершенствования отдельных правовых институтов. Сказанное не обошло стороной и сферу уголовно-процессуального права. Суть указанной тенденции в уголовном судопроизводстве состоит, главным образом, в выработке стандартов рационализации, которые бы в полной мере соответствовали общепризнанным ценностям, но при этом качественно подходили для решения насущных проблем.

Так, начиная с 1987 года, процесс рационализации сферы уголовно-процессуального права определяется основными направлениями оптимизации уголовно-процессуальной деятельности, закрепленными в Рекомендации № 6R (87) 18 Комитета министров союзов Европы «Относительно упрощения уголовного правосудия». Стоит отметить, что названный нормативный акт к числу таких направлений, наряду с иными, не менее значимыми, относит введение упрощенных (ускоренных) процедур.

С нашей точки зрения, введение и использование в уголовном процессе ускоренных процедур является существенным прорывом в оптимизации и рационализации уголовно-процессуальной деятельности в целом, а также фактором, способствующим экономии времени, отводимом для расследования преступлений в частности. Однако, недоработка и неполноценное понимание сущности рассматриваемого института, приводит к тому, что порядок осуществления процедур ускоренного досудебного производства либо нарушается в виду неправильного толкования положений рассматриваемого уголовно-процессуального института, либо подменяется «схожими» процедурами из-за отсутствия знаний о сущности, вида и порядке их применения.

Отнюдь это не единственная проблема, еще одной выступает – проблема правовой регламентации указанного института. Рассматривая тезис о том, что, сотрудники, вовлеченные в сферу уголовно-процессуального права, зачастую неверно толкуют положения института ускоренного досудебного производства, стоит оговориться, что далеко не всегда это вызвано неграмотностью или нежеланием сотрудников изучать рассматриваемое явление, а с тем, что некоторые термины и положения не нашли своего отражения в нормативно-правовых актах. Считаем, что отмеченное, существенно, затрудняет не только правоприменение таких положений, но и искажает представление о них.

Казалось бы, институт ускоренного досудебного производства получил широкое распространение по всему миру, а в некоторых государствах даже имеются положительные результаты его применения. Учитывая то, что в российское уголовно-процессуальное право данный институт введен несколько позже, чем в уголовно-процессуальное законодательство отдельных государств, то о трудностях и проблемных вопросах его применения в России не должно быть и речи. Поскольку, изучив опыт зарубежных стран, повсеместно использующих ускоренные процедуры, имеется возможность вынести положительные моменты и избежать отрицательных. Однако, несмотря на это, все же российское ускоренное досудебное производство оставляет желать лучшего.

Сказанное определяется вышеизложенным, а также тем, что, во-первых, введение данного института в российскую правовую систему непродуманно [3, с. 67]. Российская правовая система, представляется нам, не совсем готовой к такой форме расследования, поскольку, учитывая менталитет и особенности народов России, не исключено, что при помощи ускоренного производства сотрудники правоохранительных органов будут получать нужные им показатели, умаляя значение правовых норм и принципа законности. Ввиду этого, происходит уменьшение гарантий правильного установления значимых обстоятельств и обеспечения прав участников уголовного процесса.

Безусловно, рассматриваемый институт является актуальным и эффективным средством в расследовании преступлений, однако в Российской Федерации нет эффективного надзорного механизма за его применением, дабы избежать вышеуказанных проблем.

Во-вторых, положения рассматриваемого института отчасти не урегулированы с учетом особенностей уголовно-процессуальной деятельности в России.

Так, на практике возникают проблемы, связанные с неправильным толкованием и применением положений рассматриваемого института лицами, осуществляющими контрольно-надзорную деятельность (прокурорами) [4, с. 132] за уголовно-процессуальной деятельностью следователей и дознавателей, что приводит к значительной заформализованности уголовно-процессуальной деятельности. Трудности, по большому счету, вызваны тем, что прокуроры требуют осуществления полного перечня действий и мероприятий, присущих традиционной форме расследования, не учитывая характер и тяжесть совершенного преступления.

Такой подход прокуроры используют и при проверке материалов по преступлениям, которые были расследованы в порядке сокращенного дознания. Хотя, как известно, ускоренное досудебное производство предполагает процедуру расследования, выражающуюся в уменьшении количества процессуальных действий, направленных на установление обстоятельств по конкретному уголовному делу, то есть порядок, которому присущи изъятия из общего порядка производства в виде отсутствия не только отдельных действий и мероприятий, но и сжатых сроков либо упрощенной процессуальной формы [5, с. 89; 6, с. 93].

Практика богата случаями, когда прокурор возвращает на дополнительное расследование дела, рассмотренные в порядке ускоренного производства, по которым не проведены все возможные следственные действия и мероприятия [4, с. 135]. Безусловно, такой подход ставит в сложное положение лиц, проводящих расследование. Считаем, что подобная позиция прокурорских работников значительно затрудняет уголовно-процессуальную деятельность, затягивая сроки расследования несложных преступлений и затрачивая излишние ресурсы. Безусловно, стоит обратить внимание и на тот факт, что применение института ускоренного досудебного производства может способствовать тому, что все обвинения будут строиться лишь на признании обвиняемым своей вины, которое, не исключено, что будет получено незаконным путем. В связи с чем, считаем, что упрощение деятельности требует надлежащего контроля.

В связи с чем, считаем необходимым определить минимальный перечень материалов, необходимый для установления истины по делу, расследуемому в порядке ускоренного производства с целью сокращения сроков расследования

уголовных дел, экономии материальных и иных ресурсов, а также снижения числа возвращенных на дополнительное расследование уголовных дел.

В-третьих, ускоренное досудебное производство чревато рядом проблемных вопросов не только в российском уголовном процессе, но и в уголовном процессе ряда зарубежных стран [7, с. 76].

Совершенно верно, что признание лица, привлекаемого к уголовной ответственности, становится «царицей доказательств» только в том случае, если оно получено законным путем, при добровольном согласии лица, а также согласуется с иными полученными обстоятельствами, подтверждающими виновность указанного лица. Однако в современных условиях указанная процедура повсеместно нарушается, что приводит к нарушению прав и свобод граждан [8, с. 9]. В связи с чем, считаем необходимым совершенствовать модель ускоренного досудебного производства с целью избавления от недостатков, присущих сегодняшнему российскому досудебному производству.

В-четвертых, учитывая тот факт, что изучение любого явления, как правило, начинается с изучения и понимания теоретических положений, то понятие «ускоренное досудебное производство» не нашло своего закрепления в уголовно-процессуальном законодательстве, наряду с иными понятиями, закрепленными в статье 5 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) [9, с. 214-215], как например, это сделано в уголовно-процессуальном законодательстве Республики Кыргызстан и Республики Казахстан.

Как уже отмечалось, статья 5 УПК РФ закрепляет основные понятия, которыми оперирует УПК РФ, а также содержит их разъяснения для правильного толкования и применения соответствующих процедур лицами, осуществляющими уголовно-процессуальную деятельность. Ввиду того, что в данной норме отсутствует рассматриваемое нами понятие, то остается открытым вопрос: «Что необходимо понимать под понятием «ускоренное досудебное производство» и к каким нормативно-правовым документам необходимо обращаться для этого?». К сожалению, в настоящее время однозначный ответ на данный вопрос получить не представляется возможным.

Действительно, в теории и науке уголовно-процессуального права содержится большое количество определений и разъяснений указанному термину [10, с. 106], однако это лишь взгляды ученых, которые выдвигают свой подход к пониманию рассматриваемого уголовно-процессуального института. Такие точки зрения и научные положения имеют право на существование и, безусловно, заслуживают внимания, поскольку так или иначе они направлены на устранение пробела в законодательстве. Однако их численность и разнообразие формулировок, к сожалению, не позволяют прийти к единому пониманию данного института. С целью установления единого понимания указанного термина, считаем целесообразным закрепить определение понятию «ускоренное досудебное производство».

Более того, российское уголовно-процессуальное законодательство содержит лишь разрозненные, законодательно не систематизированные, нормы, регламентирующие отдельные ускоренные процедуры, отнесенные к различным формам расследования, что затрудняет понимание самого института ускоренного досудебного производства, его сущности и порядка осуществления. Широкое освещение в научной литературе отдельных процедур ускоренного досудебного

производства по уголовным делам таких как, сокращенное дознание, досудебное соглашение о сотрудничестве, судебный штраф, отнюдь не дает нам целостного представления об ускоренном досудебном производстве по уголовным делам.

По-другому дело обстоит с рассматриваемым институтом в уголовно-процессуальном законодательстве вышеупомянутых республик, где нормы, регламентирующие ускоренное досудебное производство по уголовным делам систематизированы по видам процедур и определены в соответствующие главы уголовно-процессуальных кодексов данных республик, что облегчает их применение.

В соответствии с вышеизложенным, считаем необходимым систематизировать нормы российского уголовно-процессуального законодательства, регламентирующие процедуры ускоренного досудебного производства по уголовным делам, с помещением их в соответствующие главы УПК РФ, что позволит создать целостное представление о рассматриваемом институте, упростить порядок их применения и получить положительные результаты при расследовании уголовных дел, подлежащих рассмотрению в порядке ускоренного досудебного производства.

Изложенное позволяет сделать вывод, что, несмотря на положительные стороны института ускоренного досудебного производства, все же остаются проблемными вопросы, связанные с его применением на территории Российской Федерации. Рассмотренные нами проблемы указанного института, демонстрируют современное состояние российского уголовного процесса в целом, что диктует необходимость изучения международной теории и практики существования данного уголовно-процессуального института с целью его совершенствования.

Список литературы

1. Малышева, О. А. Досудебное производство в российском уголовном процессе: теория, практика, перспективы : монография / О. А. Малышева, Б. Я. Гаврилов. – Москва: Издательство Юрайт. – 2018. – 307 с. – Текст : непосредственный.
2. Медведев решил сэкономить силы и средства органов предварительного расследования – Текст : электронный // Право. ру : [сайт]. – URL: <https://pravo.ru/news/view/69621/> (дата обращения: 18.05.2020 г.).
3. Качалова, О. В. Реализация принципов уголовно-процессуального права при ускоренных производствах / О. В. Качалова. – Текст : непосредственный // Теоретические проблемы отраслей права. – № 11. – Т. CVIII. – 2015. – С. 65–73.
4. Пестов, А. Д. Процессуальные полномочия прокурора при производстве дознания в сокращенной форме : диссертация ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / А. Д. Пестов. – Краснодар, 2016. – 222 с. – Текст : непосредственный.
5. Алексеев, И. М. Актуальные проблемы правовой регламентации сокращенной формы дознания / И. М. Алексеев. – Текст : непосредственный // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – № 4 (60). – 2013. – С. 88–92.
6. Дудина, Н. А. Досудебное соглашение о сотрудничестве: понятие и сущность / Н. А. Дудина. – Текст : непосредственный // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – № 4 (60). – 2013. – С. 92–96.
7. Александров, А. С. Уголовное судопроизводство: теория и практика / А. С. Александров, А. Д. Бойков, О. Н. Ведерникова ; под общей ред. Н. А. Колоколова. – «Издательство Юрайт». – 2015. – 129 с. – Текст : непосредственный.
8. Химичева, О. В. О совершенствовании правовой регламентации дознания в Российской Федерации / О. В. Химичева. – Текст : непосредственный // Вестник Московского университета МВД России. – № 2. – 2013. – С. 7–11.
9. Рустамов, Х. У. Дифференциация форм уголовного процесса: современные тенденции и проблемы совершенствования : диссертация ... доктора юрид. наук: 12.00.09 / Х. У. Рустамов. – Москва. – 1997. – 339 с. – Текст : непосредственный.

10. Чабукани, О. А. Заключение досудебного соглашения о сотрудничестве: понятие, практические вопросы, особенности предварительного расследования / О. А. Чабукани. – Текст : непосредственный // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – № 4 (60). – 2013. – С. 101–109.

Gorbenko T. V., Ul'yanova I. R. Expedited pretrial criminal proceedings: problems of theory and practice / T.V. Gorbenko, I.R. Ul'yanova // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean federal university. Juridical science. – 2020. – Т. 6 (72). № 3. – P. 246-251.

It is established by law that criminal proceedings must comply with the principles of comprehensiveness, completeness and objectivity. The implementation of these principles in accelerated pre-trial proceedings has given rise to discussion in the scientific community. However, almost all procedural scientists note the expediency and necessity of simplifying criminal proceedings in cases that do not pose a great public danger. The legislator seems to have taken into account the opinions of researchers and provided in the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation institutions of accelerated pre-trial proceedings in criminal cases, in particular, a reduced inquiry, a pre-trial agreement on cooperation, a measure of a criminal law nature – a court fine. Nevertheless, there are some difficulties in their implementation, caused by omissions in the legal regulation and substitution of the true objectives of these institutions. Problems affect the practice of expedited procedures, which reduces the quality of criminal investigations. All these issues are also closely related to ensuring the rights of participants in criminal proceedings. Improper use of these institutions may lead to violation of the rights and freedoms of participants in criminal proceedings. In order not to happen, a decent legal regulation of expedited procedures and an effective mechanism for their implementation are needed. The article considers the peculiarities of the improvement of modern criminal procedure law in Russia, carried out under the influence of the generally recognized principles and norms of international law and international treaties of the Russian Federation

Key words: criminal proceedings, accelerated pre-trial proceedings, problems of theory and practice, optimization of criminal proceedings.

Spisok literature

1. Malysheva O. A. Pre-trial proceedings in the Russian criminal process: theory, practice, prospects : monograph / O. A. Malysheva, B. Ya. Gavrilov. – Moscow: Yurayt Publishing House. – 2018. – 307 p.
2. Medvedev decided to save the forces and resources of the preliminary investigation bodies // News. – 2012. – URL: <https://pravo.ru/news/view/69621/> (date of treatment: 05.18.2020). – Text: electronic.
3. Kachalova O. V. Implementation of the principles of criminal procedural law in accelerated proceedings / O. V. Kachalova // Theoretical problems of branches of law. – No. 11. – Т. CVIII. – 2015. – Pp. 65–73.
4. Pestov A. D. Procedural powers of the prosecutor in the production of an inquiry in an abbreviated form : dissertation ... cand. jurid. Sciences: 12.00.09 / A. D. Pestov. – Krasnodar, 2016. – 222 p.
5. Alekseev I. M. Actual problems of legal regulation of the abbreviated form of inquiry / I. M. Alekseev // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – No. 4 (60). – 2013. – Pp. 88–92.
6. Dudin N. A. Pre-trial agreement on cooperation: concept and essence / N. A. Dudin // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – No. 4 (60). – 2013. – Pp. 92–96.
7. Alexandrov A. S., Boykov A. D., Vedernikova O. N. and others. Criminal justice: theory and practice / A. S. Alexandrov, A. D. Boykov, O. N. Vedernikova et al. // Ed. O. N. Kolokolova. – "Yurayt Publishing House". – 2015. – 129 p.
8. Khimicheva O. V. On improving the legal regulation of inquiry in the Russian Federation / O. V. Khimicheva // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – No. 2. – 2013. – Pp. 7–11.
9. Rustamov H. U. Differentiation of forms of criminal procedure: current trends and problems of improvement : dissertation ... Doctor of Law. Sciences: 12.00.09 / H. U. Rustamov. – Moscow. – 1997. – 339 p.
10. Chabukiani O. A. Conclusion of a pre-trial cooperation agreement: concept, practical issues, features of preliminary investigation / O. A. Chabukiani // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – No. 4 (60). – 2013. – Pp. 101–109.

УДК 343.341

DOI: 10.37279/2413-1733-2020-6-3-252-260

К ВОПРОСУ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ «СВИДЕТЕЛИ ИЕГОВЫ»

Шишина Е. А.

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

Современные условия борьбы с преступностью выдвигают повышенные требования к сотрудникам правоохранительных органов Российской Федерации. К числу этих требований отнесены, как высокий физический и моральный ресурс, так и интеллектуальный потенциал, обеспечивающие успешное противодействие преступности. Анализ правоприменительной практики противодействия экстремистским организациям и группам, свидетельствует о том, что неочевидные преступления, в большинстве случаев сложно выявить и расследовать. Причиной тому служат отсутствие ориентирующей информации, первичных признаков преступления, доказательств и т.д. В статье рассмотрены история происхождения экстремистской организации «Свидетели Иеговы», их деятельность на постсоветском пространстве, опыт противодействия Комитета государственной безопасности СССР. Охарактеризована современная деятельность экстремистской организации на территории Российской Федерации. Проанализированы идеология, нормы поведения, система финансирования организации. Определены последствия воздействия на сознание адептов, антигосударственный характер деятельности. Охарактеризован правовой механизм противодействия деятельности экстремистских организаций. Рассмотрены особенности деятельности экстремистской организации «Свидетели Иеговы» на территории Республики Крым, проанализирована правоприменительная практика. Определены факторы, препятствующие выявлению и документированию деятельности экстремистских организаций. Определены пути и методы выявления, предупреждения, пресечения и раскрытия преступлений, связанных с деятельностью экстремистских организаций.

Ключевые слова: «Свидетели Иеговы», экстремистская организация, идеология, антигосударственная деятельность, противодействие деятельности экстремистских организаций.

Несмотря на значительный вклад и практический интерес юристов, философов, социологов, политологов, психологов, педагогов и т.д. к проблемам религиозного экстремизма, опыт противодействия свидетельствует о том, что проблемы искоренения каналов распространения экстремистской идеологии, инфраструктуры экстремизма, его организационной основы, системы финансирования и т.д. продолжают оставаться актуальными.

Многие экстремистские организации стремятся использовать религию, как инструмент для разжигания межконфессиональных и межэтнических конфликтов. Используя в своей основе идеологию мировой религии, объединяющей людей не зависимо от национальной, расовой и социальной принадлежности, подменяя ее основные понятия и постулаты, лидеры и проповедники таких течений призывают людей к объединению под своими знаменами. [1, с. 102]

Одной из организаций в России, пропагандирующей идеи религиозного экстремизма являются «Свидетели Иеговы». Это организация, объединившая приверженцев одного из самых массовых нетрадиционных религиозных движений.

Их деятельность на сегодняшний день ограничена или полностью запрещена в Китае, Сингапуре, Вьетнаме, на Кубе, Северной Корее, Узбекистане, Туркмении, Грузии, Таджикистане, Саудовской Аравии, Иране, Ираке и т.д.

20 апреля 2017 года Верховный суд Российской Федерации признал «Управленческий центр Свидетелей Иеговы в России» и 395 его филиалов экстремистскими организациями и запретил их деятельность, постановив также конфисковать их имущество.

История данной организации берет свое начало с конца XIX века в США. Основателем данной организации принято считать Чарльза Тейза Рассела, который в 1870 году организовал движение «Исследователей библии». Представители данного движения занимались изучением и проработкой положений христианского вероучения. Данное движение представляло собой структуру, состоящую из нескольких общин, которые возглавлялись старейшинами. Все решения принимались посредством голосования.

В 1876 году Рассел был избран пастором движения «Исследователей библии». Он занимался активной проповеднической деятельностью, проводил собрания и лекции. В 1877 году Рассел провозгласил собственное откровение о втором пришествии Христа в 1914 году, а также ряд других идей, которые впоследствии легли в основу учений «Свидетелей Иеговы».

Сторонники данной организации, которые впоследствии получили название «Иеговистов», отрицали Святую Троицу, а самого Христа считали лишь «высшим творением бога Иеговы», который сошел на землю в 1874 году, а с 1914 года начнет борьбу с «тёмными силами». «Иеговисты» считали, что грядет генеральное сражение с силами зла – «Армагеддон», в котором Христос поведет за собой в бой верных последователей Иеговы и уничтожит всех инакомыслящих. После чего, наступит тысячелетняя эпоха, в котором будет процветать идеальное государство последователей Иеговы, а потом наступит конец света. Положения учений «Иеговистов» отражались в журнале «Сионская Сторожевая башня и вестник присутствия Христа», который неоднократно менял свое название. На сегодняшний день журнал имеет название «Сторожевая Башня». [2, с. 112]

В 1919 году началось издание журнала «Золотой Век», который в последствии приобрел известное на сегодняшний день название «Пробудитесь». В 1931 году в организации произошло разделение. Часть продолжали относить себя к «Исследователям библии». Остальные – во главе с Франклином Рутерфордом создали известную на сегодняшний день организацию «Свидетели Иеговы». [3, с. 21] Как отмечает социолог и исследователь религии Роман Лункин, Резерфорд «сконцентрировал в своих руках огромную власть, организационно оформил структуру движения и наладил работу аппарата. Именно ему принадлежит идея, что Иегова выражает свою волю через строго иерархическую и авторитарную по сути руководящую корпорацию». [4]

Говоря о деятельности «Свидетелей Иеговы» на постсоветском пространстве, то в поле зрения служб государственной безопасности они попали после Великой Отечественной войны. Одним из наиболее масштабных очагов распространения запрещенного движения в 40-х – 50-х годах была территория Западной Украины, Молдавия и ряд других регионов.

Министерство государственной безопасности СССР (далее МГБ), а в последствии Комитет государственной безопасности СССР (далее КГБ), проводили оперативную разработку тогда еще подпольного движения, секты «Свидетелей Иеговы». Данное направление деятельности спецслужб было одним из приоритетных. Секта «Свидетелей Иеговы» неоднократно упоминается в служебных архивах органов государственной безопасности. Интерес спецслужб СССР «Свидетелей Иеговы» вызывали не только как секта, особое внимание уделялось по причине радикально-враждебного отношения к советской власти, развитой подпольной сети, обширной конспиративной деятельности, а также тесными связями с США и странами Запада, что было весьма актуально в условиях разворачивающейся холодной войны. При этом члены «Свидетелей Иеговы» взаимодействовали в вопросах, связанных не только с религиозной деятельностью. В документах спецслужб СССР «Свидетели Иеговы» упоминались, как «активная база американской разведки». Именно поэтому разработкой секты иеговистов в СССР занимались подразделения МГБ, КГБ, специализирующиеся не только на «церковниках и сектантах», но и по линии контрразведки.

Оперативными сотрудниками КГБ проводилось оперативное внедрение в подпольные ячейки «Свидетелей Иеговы». Некоторым агентам удалось занять руководящие должности в данных ячейках. Сотрудники КГБ активно изучали иеговистскую литературу. В 1951 году была проведена операция «Север», в ходе которой было задержано, а затем сослано в Сибирь более 8 тысяч последователей «Свидетелей Иеговы». [2, с. 112] Несмотря на то, что в 1965 году в СССР был издан указ об освобождении всех представителей «Свидетелей Иеговы», подвергшихся ранее уголовному преследованию, организация признавалась антисоветской и запрещенной.

К концу 1980-х годов количество «Свидетелей Иеговы» в СССР увеличивалось. Сами члены организации постепенно отходили от подпольной деятельности, начиная открыто пропагандировать свои учения, распространять литературу. 27 марта 1991 «Свидетели Иеговы» были официально зарегистрированы в Российской Советской Федеративной Социалистической Республике.

Организация «Свидетели Иеговы» осуществляла активную проповедническую деятельность по всему миру. На сегодняшний день данная организация имеет широкую многоуровневую иерархическую управленческую и финансовую структуры. Руководящим звеном является «Руководящая корпорация», состоящая из 15 членов, контролирующая деятельность 95 филиалов по всему миру. Центр организации «Свидетелей Иеговы» находится Нью-Йорке. Более того, в США действует сеть телерадиокомпаний и институт по подготовке пропагандистов, принадлежащих организации «Свидетелей Иеговы». [2, с. 112] По некоторым данным в мире на данный момент насчитывается около 8,5 миллионов последователей «Свидетелей Иеговы». До момента запрета, в России насчитывалось около 175 тысяч последователей и около 2 745 общин «Свидетелей Иеговы».

Сегодня организация «Свидетели Иеговы» хоть и признана экстремистской, но все же продолжает подпольно осуществлять свою деятельность на территории Российской Федерации. Организация создает свое толкование Библии (и даже прямое изменение и сознательную фальсификацию ее текста), обряды и дома для их

совершения (залы Царства), журналы, пособия по вербовке, язык и культуру общения. [5, с. 30]

Основной литературой «Свидетелей Иеговы» является «Тысячелетняя Заря», а также Библия, журналы «Сторожевая башня», «Пробудитесь!», «Как появилась жизнь?», «Слушайся Бога», «На самом ли деле Бог заботится о нас?», «Учимся в школе теократического служения» и т.д. Многие издания в Российской Федерации включены в федеральный список экстремистских материалов.

Организация «Свидетелей Иеговы», являясь одной из самых старых и наиболее развитых нетрадиционных религиозных мировых организаций, продвигает идеи своего превосходства и исключительности по отношению к другим религиям. В организации «Свидетели Иеговы» пропагандируются идеи того, что каждый последователь исключителен, приближенный к Богу, в отличие от «мирских» людей, не входящих в состав организации, которые являются «непосвященными» и «непреданными». Представители «Свидетелей Иеговы» негативно относятся к православной церкви.

В общинах организации «Свидетелей Иеговы» осуществляется тотальный контроль за всеми членами организации. Обязанностью каждого адепта является посещение собраний три раза в неделю, участие в конгрессах несколько раз в году, вербовка новых адептов. Помимо этого, каждый адепт должен проводить самостоятельное изучение Библии и иеговистской литературы, что контролируется руководящим составом общин. Члены общин отказываются от прохождения службы в армии, в том числе и альтернативной. У иеговистов существует запрет на переливание крови. Вступление в брак допускается только с представителями общины. При этом брачный союз должен быть одобрен руководством общины. Посвящение в иеговисты происходит в совершеннолетнем возрасте, несмотря на это, дети могут присутствовать на собраниях. Дети иеговистов также следуют образу жизни своих родителей.

Каждый член «Свидетелей Иеговы» должен подавать ежемесячные «пожертвования», внося материальные средства, что формирует прочную финансовую базу. Несмотря на то, что «пожертвования» являются добровольными, контроль за их внесением со стороны руководства осуществляется постоянно. Каждый адепт «Свидетелей Иеговы» заполняет «ежемесячный отчет», в котором указывает часы «проповеднического служения», то есть фактическое количество внесенных средств, проведенных часов служения, для распространения идей организации.

На собраниях общин могут проводиться «судебные заседания», на которых рассматриваются различные вопросы: отказ от посещения собраний, не внесение «пожертвований», не изучение Библии и литературы, неправильное поведение или образ жизни, семейные отношения и ряд других вопросов.

В целом деятельность экстремистской организации «Свидетели Иеговы» связана с неприятием государственных и социальных институтов, не выполнением гражданских обязанностей, запретами на общественную и политическую деятельность, социальные связи и др. От вошедшего в организацию лица вскоре требуют прекратить членство во всех иных организациях, порвать с традиционными религиями.

От каждого последователя вероучения требуется безусловное подчинение воле и целям организации, очевидно присутствие тотального контроля и дисциплины. Никто не имеет права самостоятельно покинуть религиозную организацию. Движение культивирует и поддерживает в среде своих адептов вражду к тем, кто не признает его вероучение. В связи с чем иеговистов обвиняют в разжигании религиозной ненависти.

Профессор Забайкальского государственного университета, религиовед А.В. Жуков писал, что учение о Боге у «Свидетелей Иеговы» носит «двойственный характер»: при первой проповеди о нем говорят, как о милостивом, а в дальнейшем он становится «непримиримым, не прощающим, ревнивом богом мести, стремящимся к уничтожению всего, что не согласно с политикой организации». [6, с. 340]

Экстремистская организация «Свидетели Иеговы» оказывает губительное воздействие на сознание последователей, в том числе лишает адептов свободы воли и критического мышления с подменой их указаниями «пастыря», а также отношения к собственности, которая рано или поздно оказывается под контролем лидера общины. [7, с. 77] Пропагандируя исключительность «посвящённых» в служители организации, принуждая к беспрекословному подчинению лидерам, запрещая критику всего, что связано с псевдорелигиозным учением экстремистская организация оправдывает любые действия членов и лидеров.

Воздействие на психику облегчает дальнейшее внедрение желаемых поведенческих шаблонов. На смену личной идентичности приходит групповая. Как следствие, осуществление личностных перемен соотносимо приемлемым установкам, мнениям, доминирующим в экстремистской организации. Механизм воздействия на психику индивида происходит через использование способности добиваться желаемых результатов на основе добровольного участия, предпочтений, симпатии и привлекательности для индивида. Как следствие, подконтрольность поведения индивида, позволяющая в определенный момент подтолкнуть к совершению суицидальных или наоборот, агрессивных (преступных) действий, которым, в зависимости от контекста, может придаваться или не придаваться общественно-политическая, религиозная или иная мотивация.

Таким образом, антигосударственный характер деятельности экстремистской организации «Свидетели Иеговы» очевиден. Как во времена существования на постсоветском пространстве, так и в настоящее время они продолжают создавать резерв фанатично преданных исполнителей.

Введением в действие статьи 282.2 Уголовного Кодекса Российской Федерации установлена ответственность за организацию деятельности общественного или религиозного объединения либо иной организации, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности в связи с осуществлением экстремистской деятельности. Наряду с перечисленным, уголовная ответственность предусмотрена и за участие, склонение, вербовку или иное вовлечение лица в деятельность экстремистской организации.

К сожалению, судебное решение о ликвидации или запрете деятельности экстремистской организации, не искореняет их деятельность фактически, а является основанием наступления правовых последствий в случае установления признаков преступления, предусмотренного вышеуказанной статьей. Не редкий случай, когда

экстремистская организация изменяет наименование, местоположение, но не изменяет содержания деятельности. Тем самым каналы распространения экстремистской идеологии, инфраструктура экстремизма не разрушаются, целостными остаются организационная основа, система финансирования и т.д. Преступная деятельность осуществляется теперь уже в условиях строжайшей конспирации, замкнутости экстремистских ячеек.

Например, в период нахождения Крымского полуострова в составе Украины «Свидетели Иеговы» активно и открыто осуществляли свою деятельность в Крыму. Однако, после воссоединения Крыма с Российской Федерацией и запретом деятельности данной организации в 2017 году, часть адептов секты уехала в Украину, а остальная часть и по сей день осуществляет подпольно свою деятельность. Однако, по данным статистики Министерства внутренних дел Республики Крым установлен лишь один факт деятельности запрещенной религиозной организации. Так, 15.11.2018 сотрудниками УФСБ России в Республике Крым и г. Севастополе совместно с центром по противодействию экстремизму МВД по Республике Крым, в рамках расследования уголовного дела, возбужденного по признакам преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 282.2 УК РФ, были проведены оперативно-розыскные мероприятия и следственные действия, направленные на пресечение деятельности запрещенной организации «Свидетели Иеговы» (структурного подразделения «Сиваш»). В ходе проведения обысков была изъята документация экстремистской организации, литература, черновые записи, плакаты, квитанции о внесении пожертвований, а также компьютерная техника и иные носители информации, представляющие оперативный интерес.

По нашему мнению, такая статистика свидетельствует лишь о том, что организация продолжает свою деятельность тайно.

Учитывая, что специфика раскрытия экстремистских преступлений обусловлена тем, что эта категория относится к латентным преступлениям, фактические данные, определяющие качество и ход процесса доказывания по уголовному делу, добываются еще задолго до возбуждения уголовного дела.

Экстремизм, особенно религиозный предполагает наличие специальных знаний, позволяющих очертить сотруднику правоохранительных органов круг поиска. Необходимо иметь представление о религиозных течениях, чтобы отличить традиционное религиозное писание от его радикального толкования. Важными являются знания об истории развития экстремистской организации, содержании уставов, инструкций, правил экстремистской организации, о поведенческих особенностях лидеров и членов таких организаций, об особенностях употребляемой лексики и т.д.

Для формирования первичной информации необходимо анализировать суточные оперативные сводки. Целесообразно знать особенности деятельности экстремистских организаций на граничащих территориях обслуживания, регионах, где установлены факты их деятельности.

С целью повышения осведомленности о деятельности экстремистских организаций на обслуживаемой территории целесообразно взаимодействовать с епископами (архиереями) епархий, объединяющих епархиальные учреждения, приходы, монастыри, Духовные образовательные учреждения, миссии и т.д., расположенные на территории обслуживания. Необходимо накапливать и изучать

информацию, поступающую из администраций территориальных единиц, воспитательных и учебных заведений, медицинских организаций и т.д.

Полезным является и мониторинг списка экстремистских материалов для включения в перечень поисковых признаков при выявлении деятельности указанных организаций, документирования фактов распространения экстремистской литературы. Немаловажным является и мониторинг интернет пространства, не предмет получения оперативно-значимой информации.

Анализ информации, поступающей из Министерства юстиции о зарегистрированных религиозных организациях на территории обслуживания имеет важное значение при осуществлении проверки на соответствие заявленным целям организаций при регистрации и реально осуществляемой деятельности. Вопросы, возникающие при осуществлении проверок целесообразно разрешать с помощью специалистов религиоведов, при изучении текстов – лингвистов и психолингвистов.

Интерес представляет информация, полученная в процессе обнаружения, выявления, поиска лиц, причастных к экстремистской деятельности (организаторы собраний, вербовщики, «прихожане», лица, распространяющие журналы, листовки экстремистской организации и т.д.).

Добывание информации должно быть направлено и на установление фактов, указывающих на деяние экстремистской направленности (информация о месте, времени проводимых сборов, о финансировании, «требованиях», предъявляемых к прихожанам, распределении ролей в экстремистской организации и т. д.). Указанная информация, как правило, в дальнейшем подлежит доказыванию по уголовному делу.

Установление предметов и документов – является важной составной поиска, которые в последующем будут приобщены в качестве вещественных доказательств – черновые записи, уставные документы, диски, USB-флеш-накопители, литература, технические средства связи, компьютерная техника и т.д.

В ходе добывания информации необходимо устанавливать и местонахождение имущества, подлежащего изъятию. В первую очередь для возмещения причиненного вреда, если таковой имеется. Также имущества, являющееся орудием, оборудованием или иным средством совершения преступления (сотовые телефоны, персональные компьютеры, иные электронные средства связи и коммуникации). Деньги, ценности и иное имущество, используемые или предназначенные для финансирования терроризма, экстремистской деятельности, организованной группы, незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации), подлежат конфискации на основании пункта «в» части 1 статьи 104.1 УК РФ независимо от их принадлежности.

Эффективность мероприятий по выявлению, пресечению и раскрытию преступлений, связанных в деятельности экстремистских организаций и групп во многом зависит от наступательности и целенаправленности проводимых мероприятий в условиях взаимодействия оперативных подразделений и следственных органов. Ведь учитывая имеющиеся проблемы нарушения правовой определенности при конструировании норм экстремистского законодательства, их неоднозначность и противоречивость, и как следствие проблемы, возникающие при квалификации указанного вида преступлений – только непрерывная, совместная,

согласованная деятельность оперативных и следственных подразделений является залогом успешного противодействия экстремистским преступлениям.

Список литературы

1. Иванов, С. И. Проблемы профилактики радикального религиозного экстремизма и некоторые направления их решения в современных условиях / С. И. Иванов, Е. А. Шишина. – Текст : непосредственный // Актуальные проблемы теории и практики оперативно-розыскной деятельности: Материалы VII Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 100-летию со дня образования службы уголовного розыска. – 2019. – С. 100–107.
2. Веденеев, Д. В. В ожидании Армагеддона: органы госбезопасности и подполье «Свидетелей Иеговы» в Украинской ССР (1940–1960-е гг.) / Д. В. Веденеев. – Текст : непосредственный // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. Издательство: Фонд содействия актуальным историческим исследованиям «Историческая память» (Москва). – № 1 (8). – 2017. – С. 111–112.
3. Шевчиков, А. Н. Рай земной: новая сказка. Об идеологической и социально-политической доктрине иеговизма : монография / А. Н. Шевчиков. – Текст : непосредственный. – СПб.: Издательство Кайрос, 1997.
4. Секретные свидетели против «Свидетелей Иеговы». После решения Верховного Суда по всей России арестованы уже десятки верующих. – Текст : электронный // Зона Медиа : [сайт]. – URL: <https://zona.media/article/2018/10/23/apokalypse> (дата обращения: 12.04.2020).
5. Гаврилова, Т. В. Экстремизм в современном обществе: сущность, формы проявления, пути противодействия : учебное пособие / Т. В. Гаврилова, С. А. Боровая, Л. Р. Никандрова. – М., 2011. – Текст : непосредственный.
6. Жуков, А. В. Социальная мифология религиозной организации «Свидетели Иеговы» (по материалам Забайкальского края) / А. В. Жуков. – Текст : непосредственный // Личность. Культура. Общество. – Москва, 2010. – Т. 12. – Вып. 2 (55–56). – С. 338–345.
7. Буткевич, С. А. Угрозы экстремистского характера в Республике Крым: криминологический прогноз и превенция / С. А. Буткевич. – Текст : непосредственный // Юридическая наука и правоохранительная практика. – № 4 (46), 2018. – С. 72–82.
8. Алферов, В. Ю. Правовые основы оперативно-розыскной деятельности : учеб. пособие для студентов / В. Ю. Алферов, А. И. Гришин, Н. И. Ильин ; под общ. ред. В. В. Степанова. – 3-е изд., испр. и доп. – Саратов: Саратовский социально-экономический институт (филиал) РЭУ им. Г. В. Плеханова, 2016. – Текст : непосредственный.

Shishina E. A. To the question of countering the activities of the extremist organization «Jehovah's Witnesses» / E.A. Shishina // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean federal university. Juridical science. – 2020. – Т. 6 (72). № 3. – P. 252-260.

Modern conditions for combating crime put forward increased demands on law enforcement officers of the Russian Federation. These requirements include both a high physical and moral resource, as well as intellectual potential, ensuring the successful fight against crime. An analysis of the law enforcement practice of counteracting extremist organizations and groups indicates that unobvious crimes are in most cases difficult to identify and investigate. The reason for this is the lack of orienting information, primary signs of a crime, evidence, etc. The article discusses the history of the origin of the extremist organization Jehovah's Witnesses, their activities in the post-Soviet space, and the experience of countering the USSR State Security Committee. The contemporary activities of an extremist organization on the territory of the Russian Federation are characterized. The ideology, norms of behavior, the organization's financing system are analyzed. The consequences of the impact on the consciousness of adepts, the anti-state nature of activity are determined. The legal mechanism of counteracting the activities of extremist organizations is characterized. The features of the activities of the extremist organization Jehovah's Witnesses in the Republic of Crimea are examined, and law enforcement practice is analyzed. The factors hindering the identification and documentation of the activities of extremist organizations are identified. Ways and methods of detecting, preventing, combating and solving crimes related to the activities of extremist organizations are identified.

Keywords: Jehovah's Witnesses, an extremist organization, ideology, anti-state activities, countering the activities of extremist organizations.

Spisok literaturey

1. Ivanov S. I. Problems of prevention of radical religious extremism and some directions for their solution in modern conditions / S. I. Ivanov, E. A. Shishina // Actual problems of the theory and practice of operational-search activity: Materials of the VII All-Russian scientific-practical conference dedicated to the 100th anniversary of the formation of the criminal investigation service. – 2019. – Pp. 100–107.
2. Vedeneev D. V. Waiting for Armageddon: State Security Bodies and the Underground of Jehovah's Witnesses in the Ukrainian SSR (1940–1960s) / D. V. Vedeneev // Journal of Russian and East European Historical Research. Publisher: Foundation for Assistance to Actual Historical Research "Historical Memory" (Moscow). – No. 1 (8). – 2017. – Pp. 111–112.
3. Shevchikov A. N. Paradise on earth: a new tale. On the ideological and socio-political doctrine of Jehovah : monograph / A. N. Shevchikov. – SPb.: Kairos Publishing House, 1997.
4. Secret witnesses against Jehovah's Witnesses. After the decision of the Supreme Court, dozens of believers have already been arrested throughout Russia. – URL: <https://zona.media/article/2018/10/23/apokalypse> (date of treatment: 04.12.2020). – Text: electronic.
5. Gavrilova T. V. Extremism in modern society: essence, forms of manifestation, ways of counteraction : textbook / T. V. Gavrilova, S. A. Borovaya, L. R. Nikandrov. – M., 2011.
6. Zhukov A. V. Social mythology of the religious organization "Jehovah's Witnesses" (based on materials from the Trans-Baikal Territory) / A. V. Zhukov. – Personality. Culture. Society. – Moscow, 2010. – T. 12. – Issue. 2 (55–56). – Pp. 338–345.
7. Butkevich S. A. Extremist Threats in the Republic of Crimea: Criminological Forecast and Prevention / S. A. Butkevich // Legal Science and Law Enforcement Practice. – No. 4 (46), 2018. – Pp. 72–82.
8. Alferov V. Yu. Legal bases of operational-search activity : textbook. manual for students / V. Yu. Alferov, A. I. Grishin, N. I. Ilyin; under total. ed. V. V. Stepanov. – 3rd ed., Rev. and add. – Saratov: Saratov Socio-Economic Institute (branch) of the PRUE. G. V. Plekhanov, 2016.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО. ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРАВО

УДК 340

DOI: 10.37279/2413-1733-2020-6-3-261-266

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАНАЛОВ И ШЛЮЗОВ РЕКИ ПИЕЛИСТ (ФИНЛЯНДИЯ) ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

Гаук А. М.

Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского

В статье указано, что Правовое регулирование деятельности каналов и шлюзов реки Пиелест было начато в 1778 г. с принятием документа под названием «Такса, по которой следует рассчитывать и взимать пошлину за пользование шлюзами и каналами по реке Пиелест с 1879 г.». Оно было продолжено такими документами как «Высочайший Его Императорского Величества устав о сборе пошлины за пользование каналами и шлюзами реки Пиелест, и об отчетности и контроле по означенному сбору» от 14 августа 1879 г.; «Высочайший Его Императорского Величества Устав о порядке плавания по каналам и шлюзам реки Пиелест. 14 августа 1879 г.» от 14 августа 1879 г.; «Высочайшая Его Императорского Величества Инструкция для управления и заведывания каналами по реке Пиелест» от 17 июля 1879 г., а также иными нормативными актами, посвященными организации корпуса инженеров путей сообщения и главного управления путей сообщения Великого княжества Финляндского.

Ключевые слова: Великое княжество Финляндское, каналы, шлюзы, река Пиелест, правовое регулирование.

Финляндия известна не только как страна тысячи озер, но и как страна с весьма разветвленной системой искусственных водных сооружений, путей сообщения. Безусловно, что наиболее известным таким сооружением, к которому, кроме прочего, всегда приковано внимание российских научных и деловых кругов, является Саймский канал, действующий с 1856 г. [1-3]. Причина этого явления весьма проста – данный канал расположен одновременно на территории как собственно Финляндии, так и современной Российской Федерации. Он является важной транспортной артерией, обеспечивающий успешную деятельность многих как финских, так и российских компаний.

Однако, в Великом княжестве Финляндском, и многие другие каналы составляли весьма значительную часть путей сообщения, не менее важную нежели железные и шоссейные дороги. Одной из таких транспортных артерий являлись каналы и шлюзы реки Пиелест (Pielisjoki), впадающей в озеро Пиелинен (Pielinen) – четвертое по величине Финляндии.

Сегодня на берегах этой реки расположен основанный Николаем I в 1848 г. город Йозенсуу. Благодаря своему удачному географическому расположению в и

выходу в Сайменскую водную систему этот город к концу XIX в. стал одним из крупнейших портов Финляндии [4].

Первый нормативно-правовой акт, регулирующий вопросы казенных сборов за пользование каналами и шлюзами этой реки, появился 1 ноября 1878 г. и получил название «Такса, по которой следует рассчитывать и взимать пошлину за пользование шлюзами и каналами по реке Пиелист с 1879 г.» [5]. Очевидно, такой шаг, вместо необходимой разработки и внедрения устава, правил пользования шлюзами и каналами этой реки, был вызван тем обстоятельством, что государству было крайне необходимо, что данные сооружения как можно скорее начали окупаться.

Не вдаваясь в подробности Таксы, укажем, что сбора взимался в зависимости от размера судов, с пароходов – относительно мощности их паровой машины, а также весьма подробно прописано было взимание пошлины за каждую голову различного домашнего скота, «Земледельческие орудия и возильные снаряды», домашнюю утварь, жидкие товары, «лесной товар». Последний подразделялся на иностранный и «туземный», т.е. местного производства [5, с. 11-13].

17 июля 1879 г. была издана «Высочайшая Его Императорского Величества Инструкция для управления и заведывания каналами по реке Пиелис». Ей предусматривалось, что за надзор и заведывание ими, со всеми принадлежащими к ним шлюзами, мостами, прочими учреждениями и зданиями, возлагалось на Главное Управление Путей Сообщения (далее – ГУПС) в Финляндии [6, с. 5]. Ему были подчинены и все соответствующие чиновники, и служители (п. 2).

Полицейские дела при каналах и в черте оных подлежат вообще ведению Куопиоского губернатора и местной земской полиции. Однако начальник канала обязывался надзирать за порядком в черте канала и разбирать такие состоящие в связи с этим надзором маловажные полицейские дела, принадлежат начальству канала, и как не касающиеся общего порядка (п. 3) [6, с. 6].

Заведывание техническими и хозяйственными делами при каналах, надзор за плавание и движением, сбором доходов с каналов вверялся особому начальнику каналов, который назначается ГУПС из числа старших инженеров корпуса инженеров путей сообщения (п. 5).

Для сбора пошлин за движение по каналам, счетоводства и отчетности, расходах и запасах, назначался кассир, который был и смотрителем Иоэнсунского шлюза (п. 6) [6, с. 8].

При каналах определялось еще и 8 смотрителей шлюзов и низшие служители при шлюзах. Смотрители назначались ГУПС, а начальник каналов определял и увольнял низших служителей. Смотрителю шлюзов и служители при каналах получают содержание ежемесячно (п.11).

Для соответствующего заведывания каналами ГУПС обязывалось ежегодно до составления бюджета на следующий год, производить полный и подробный осмотр по всему пространству каналов и прочим сооружениям и учреждениями. В случае, если встретится необходимость в значительных переделках или новых сооружениях, не показанных в утвержденном на тот год штате и требующих особой ассигновки сверх штата, то ГУ подавало дело на рассмотрение и решение хозяйственного департамента Сената (п. 16) [6, с. 9].

18. ГУПС дает ближайшие предписания, которые кроме того, что уже установлено в данной инструкции и приведенных в ней постановлениях, необходимы в отношении службы при каналах и безопасности движения по ним, а также и могущие оказаться необходимыми для чиновников и служителей каналов дальнейшие предписания и правила по отправлению службы [6, с. 10].

14 августа 1879 г. был опубликован «устав о порядке плавания по каналам и шлюзам реки Пиелис». Он состоял из 3-х основных частей: «Правила касательно прохода судов по каналам», «Об обязанностях шлюзных смотрителей», «Общие правила». В первой части устанавливалось, что, кроме установленной платы (п. 1), шкипер обязывался в первый рейс каждого года, предъявлять смотрителям канала при Хейхяском или Йоэнсууском шлюзе свидетельство о размерах судна, а относительно пароходов сведения о количестве л.с. машины (п. 2) [7, с. 1]; предъявить накладную или паспорт о грузе судна и дать смотрителю первого проходимого шлюза объявление в двух экземплярах с показанием веса, меры и количества груза, как в таксе по каждому роду товаров показано, а в случае если он состоит из планок, досок или батенсов, числа дюжин переложенной меры.

Смотрителю шлюза при подозрении о неправильности показания нагрузки судна имели право потребовать разгрузить его для перевзвешивания. При отказе такой выгрузки со стороны шкипера, ее разрешалось произвести за счет средств канала (п. 4).

Если при таком расследовании окажется, что груз судна указан верно, или превышает объявленное количество не более как на 5%, то расходы по выгрузке и нагрузке груза относились на счет казны. Но если при расследовании оказывалось что груз судна превышал существенно объявленное количество, или, если нашли скрытый или утаенный товар, то шкиперу следовало вознаградить расходы по выгрузке и вторичной нагрузке, издержки следствия, а также внести пошлину в десятикратном размере за пользование каналом (п. 5).

По прибытии к шлюзу в такое время, когда канал открыт (с. 2), судно следовало пропускаться без задержки; но не разрешалось никому, в отсутствие шлюзных сторожей, отпирать шлюзные ворота (п. 6).

Шкипер, подходя к шлюзу, должен уменьшить ход и осторожно бичевать судно через шлюз в порядке очереди, чтобы при проходе не повредить его и мосты под угрозой штрафа в 12 марок (п. 7). Пассажирские суда пропускались вне очереди (п. 8)

Шкиперу не разрешалось без особых причин, по проходе шлюза оставаться в канале, бросать в нем якорь или швартоваться, прикреплять судна к шлюзным воротам или посаженным вдоль канала деревьям (п. 10). Как и в иных каналах, предусматривалось, что если затонет судно в самом канале или его входе, так что от этого произойдет препятствие в плавании, то шкиперу следовало немедленное его поднять [7, с. 3], в ином случае это происходило за счет шкипера или судовладельца (п. 11). Также по каналу запрещалось сплавлять любой лес.

Что касается шлюзных смотрителей, то они обязаны были выполнять законные требования пользователей и начальства (п. 13); постоянно находится около своего поста, не допуская остановки его действия и не пропускать суда без достаточного числа экипажа (п. 14); тщательно следить за каналом и шлюзом, не разрешать никому привязывать суда к воротам; наблюдать, чтобы судами или судовыми людьми не причинялось вреда шлюзу, каналу или принадлежностям (п. 15); хранить ключ от

шлюза у себя на квартире, не отдавать его посторонним (п. 17) [7, с. 4]. рассаживать по каналу деревья и смотреть за ними; наблюдать чтобы скот не выпускался на паству в огороженное пространство; не допускать прокладывания дорожек и тропинок где не следует; наблюдать чтобы изгороди были исправны; блюсти, чтобы ничего не кидалось в канал или шлюзы (п. 19); производить по каналу и шлюзам встречающиеся небольшие работы (п. 20). и т.д. [7, с. 5].

Общими правилами устанавливалось, что канал с шлюзами, за исключением воскресных и праздничных дней с 8.00 до 13.00 пополудни, должен быть открыт с открытия навигации по 15 августа в любое время суток, а с 15 августа до покрытия канала льдом, в продолжение того времени дня, пока можно с безопасностью править суда. Пассажирские пароходы, как и иные суда в особых случаях могли, по особому объявлению, получить разрешение на следование по каналам в воскресные и праздничные дни до полудня (п. 22).

Плавание по каналам и шлюзам реки Пиелис при самом низком уровне воды позволялось судам, длиной не более 105 фут., шириной до 23 фут. сидящим в воде до 5 фу. При высшем уровне воды проход шлюзов мог быть разрешен и суда большего углубления, с сохранением однако же глубины воды в 1 фут между килем судна и шлюзным прогоном (п. 23).

Посторонним запрещалось сдвигать или повреждать выставленные в водах канал или в других местах по фарватеру каменные знаки, буи, вехи и прочие т.п. приспособления (п. 24) [7, с. 6].

Смотритель и служители канала, которым поручено блюсти за порядком и охранять пользу канала, ограждались уставом «от всяких обид и насилий и пользуются, впрочем, во время отправления своих обязанностей, той же неприкосновенностью и защитой, которые даны коронным чинам вообще» (п. 30).

В этот же день, т.е. 14 августа 1879 г. был опубликован «Высочайший Его Императорского Величества устав о сборе пошлины за пользование каналами и шлюзами реки Пиелис, и об отчетности и контроле по означенному сбору». Им устанавливалось, что соответствующие конторы должны держаться открытыми в будничные дни с 5 ч. утра до 10 ч. вечера в светлое время года, а в темное время, т.е. с 1 октября по окончание навигации, с восхода солнца до часа спустя по закате его. Однако, смотритель имел право, по просьбе желающих, и в иное время суток очищать суда пошлинами, за особое вознаграждение (п. 2).

3. По очищении судна пошлинами по таксе, из представленных шкипером двух экземпляров объявлений один возвращается ему с распиской на нем смотрителя, а другой с имеющимся у шкипера паспортом остается у смотрителя, для приобщения к отчетности в виде заверения. На обоих экземплярах объявления следует отмечать по каким каналам внесены пошлины [8, с. 9].

Смотрители каналов получают каждый месяц в навигацию надписанный начальником каналов шнуровой журнал для записи взимаемых пошлин: для Хейхяского и Иоэнсууского каналов с двойными графами, как для номеров отправленных судов, так и для пошлин с них, а для прочих каналов лишь с одной графой. В журналы, с указанием месяца и числа, вносились все движущиеся по каналу суда название судна, число его ластов, место происхождения, краткие сведения о роде груза, количество уплаченных на месте пошлин и номер отправления. В отношении же к судам, проходящим как Хейхяский так и

Иоэнсунский канал, уплатившим пошлину у одного из них или какого-либо из прочих каналов и приходящим оттуда к конечному шлюзу с объявлением, снабженным надписью и распиской, номер этого объявления, а также пошлины по нему вносились в соответствующие графы [8, с. 11]. Кроме шнурового журнала, смотрители каналов обязаны были вести по изданной ГУ форме статистический журнал (п. 6).

Состоящий при Иоэнсуском канале смотритель, будучи кассиром всех каналов реки Пиелист, обязывался в навигацию, за каждый месяц или чаще, по указанию ГУ, не позже 5-го числа последующего месяца принимать у иных прочих каналов пошлины за предыдущий месяц и со своим сбором представлять в Куопиоское губернское казначейство; а потому смотрителям следовало в конце каждого месяца заключать журналы для пошлин, которые, с соответствующими паспортами и объявлениями о грузе, при особой ведомости о приходе, сдаче и остатке полагались не позже 3-го числа последующего месяца быть готовы для передачи кассиру. За тем кассир составлял перечень сбору по всем каналам, т вместе с месячными ведомостями и журналами с принадлежащими к ним приложениями и квитанциями казначейства или соответствующей почтовой конторы в отправленных в казначейство суммах, представлял его не позже 8-го числа начальнику каналов [8, с. 11], который, проверив их, отсылал их к 16 числа того же месяца в губернскую контору.

Смотрителям вменялось в обязанность также и в течении месяца, как только доход достигал до 1200 марок, тотчас сдавать деньги кассиру (п. 8).

По поступившим в Губернскую контору отчетам губернский бухгалтер обязан был собранные и сданные суммы, наблюдать чтобы они своевременно были представляемы в Губернское казначейство (п. 9).

О всех суммах, отпускаемых ГУПС начальнику каналов на необходимые расходы составлялся особый годовой отчет [8, с. 12], который представляется указанное управление до конца января (п. 12).

Таким образом, можно сделать следующий вывод. Правовое регулирование деятельности каналов и шлюзов реки Пиелист было начато в 1778 г. с принятием документа под названием «Такса, по которой следует рассчитывать и взимать пошлину за пользование шлюзами и каналами по реке Пиелист с 1879 г.». Оно было продолжено такими документами как «Высочайший Его Императорского Величества устав о сборе пошлины за пользование каналами и шлюзами реки Пиелис, и об отчетности и контроле по означенному сбору» от 14 августа 1879 г.; «Высочайший Его Императорского Величества Устав о порядке плавания по каналам и шлюзам реки Пиелис. 14 августа 1879 г.» от 14 августа 1879 г.; «Высочайшая Его Императорского Величества Инструкция для управления и заведывания каналами по реке Пиелис» от 17 июля 1879 г., а также иными нормативными актами, посвященными организации корпуса инженеров путей сообщения и главного управления путей сообщения Великого княжества Финляндского.

Список литературы

1. Мартынов, В. Л. Сайменский канал «География» / В. Л. Мартынов. – Текст : непосредственный. – М.: Издательский дом «Первое сентября». – № 4. – 2006.
2. Усыкин, Г. С. К 145-летию Сайменского канала «Туристские фирмы»: журнал для профессионалов туристского бизнеса / Г. С. Усыкин ; под ред. М. Б. Биржакова. – Текст : непосредственный. – СПб.: Невский фонд, 2001. – Вып. 25. – С. 153–172.
3. Кросс, Мария. Сайменский канал: Россия и Финляндия – отношения доверия и сотрудничества / Мария Кросс.. – Текст : непосредственный // «ПравоИнформ». – № 42 (805). – 2013.

4. ГЛАВНАЯ: ГОРОД ЙОЭНСУУ ГОРОД ЙОЭНСУУ / JOENSUU. – Текст : электронный // Pielis.ru : [сайт]. – URL: <https://www.pielis.ru/joensuu.html> (дата обращения: 21.0.2020 г.).
5. Такса, по которой следует рассчитывать и взимать пошлину за пользование шлюзами и каналами по реке Пиеллис с 1879 г. 1 ноября 1878 г. // Сборник постановлений Великого Княжества Финляндского. – 1878 г. – № 20. – Печатан в Гельсигфорсе 11 ноября 1879 г. – С. 11–13. – Текст : непосредственный.
6. Высочайший Его Императорского Величества устав о сборе пошлины за пользование каналами и шлюзами реки Пиеллис и об отчетности и контроле по означенному сбору. 14 августа 1879 г. // Сборник постановлений Великого Княжества Финляндского. – 1879 г. – № 23. – С. 9–13. – Текст : непосредственный.
7. Высочайший Его Императорского Величества Устав о порядке плавания по каналам и шлюзам реки Пиеллис. 14 августа 1879 г. // Сборник постановлений Великого Княжества Финляндского. – 1879 г. – № 23. – С. 1–8. – Текст : непосредственный.
8. Высочайшая Его Императорского Величества Инструкция для управления и заведывания каналами по реке Пиеллис. 17 июля 1879 г. // Сборник постановлений Великого Княжества Финляндского. – 1879 г. – № 21. – С. 6–11. – Текст : непосредственный.

Gauk A. M. Legal regulation of channels and locks of the Pielist river (Finland) in the second half of the XIX century / A. M. Gauk // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean federal university. Juridical science. – 2020. – Т. 6 (72). № 3. – P. 261-266.

The article States that the Legal regulation of the Pielist river channels and locks was started in 1778 with the adoption of a document called "the Fee for calculating and collecting fees for the use of locks and channels on the Pielist river since 1879". It was continued by such documents as "His Imperial Majesty's Highest Charter on the collection of duties for the use of channels and locks of the Pielis river, and on reporting and control of the said collection" of August 14, 1879; "His Imperial Majesty's highest Charter on the order of navigation on channels and locks of the Pielis river. August 14, 1879" from August 14, 1879; "His Imperial Majesty's highest instruction for the management and management of channels on the Pielis river" from July 17, 1879, as well as other regulations on the organization of the corps of railway engineers and the main railway administration of the Grand Duchy of Finland.

Keywords: Grand Duchy of Finland, channels, locks, Pielis river, Legal regulation.

Spisok literaturey

1. Martynov V. L. Saimaa channel "Geography" / V. L. Martynov. – M.: Publishing house "First September", 2006. – No. 4.
2. Usyskin G. S. To the 145th anniversary of the Saimaa Canal "Tourist firms" : a magazine for professionals in the tourism business / G. S. Usikin / Ed. M. B. Birzhakova. – SPb.: Nevsky Fund, 2001. – Issue. 25. – Pp. 153–172.
3. Maria Cross. Saimaa Canal: Russia and Finland – Relations of Trust and Cooperation / Maria Cross // PravoInform. – 2013. – No. 42 (805).
4. HOME: JOENSUU CITY JOENSUU CITY. Url: <https://www.pielis.ru/joensuu.html> (date accessed: 21.0.2020). – Text: electronic.
5. The rate by which the duty should be calculated and collected for the use of locks and canals along the Pielis River since 1879 November 1, 1878. // Collection of decrees of the Grand Duchy of Finland. 1878, No. 20. – Printed in Helsingfors on November 11, 1879. – Pp. 11–13.
6. His Highest Imperial Majesty's Charter on the collection of fees for the use of the canals and locks of the Pielis River and on reporting and control over the said collection. August 14, 1879 // Collection of decrees of the Grand Duchy of Finland. – 1879. – No. 23. – Pp. 9–13.
7. His Highest Imperial Majesty. Charter on the order of navigation on the canals and locks of the Pielis River. August 14, 1879 // Collection of decrees of the Grand Duchy of Finland. – 1879. – No. 23. – Pp. 1–8.
8. His Highest Imperial Majesty Instruction for the management and management of the canals along the Pielis River. July 17, 1879 // Collection of decrees of the Grand Duchy of Finland. – 1879. – No. 21. – Pp. 6–11.
9. Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского Юридические науки. – 2020. – Т. 6 (72). № 3. – С.

УДК 67.3

DOI: 10.37279/2413-1733-2020-6-3-267-282

РАННЕФОРМАТИВНЫЙ ПЕРИОД МЕЗОАМЕРИКИ: ФОРМИРОВАНИЕ ПЕРВИЧНЫХ ИНСТИТУТОВ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

Кошман В. А.

ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»

В статье рассматривается подход к пониманию сущности и особенности мезоамериканской государственности. Автором предпринимается попытка применения сформулированных теоретических подходов на материалах конкретного региона и его специфики. Однако, имеется ряд проблем, которые затрудняют данное исследование. В ходе анализа различных аспектов указанной проблемы автор формирует более акцентированную модель культовых центров Мезоамерики. Критическому анализу подвергаются существующие воззрения на ольмеков Сан-Лоренсо, Веракруз и древних жителей тихоокеанского побережья Чьяпаса и Гватемалы. С опорой на археологические данные поднимается вопрос об организации общества в упоминаемых центрах. Автор делает вывод о более поступательном развитии социальной сложности, чем это выдвигается в текущих теориях. Формулируются особенности процесса повышения социальной сложности в Мезоамерике.

Ключевые слова: Сан-Лоренсо, ольмеки, Чьяпас, Соконуско, государственность, Мезоамерика.

Мезоамерика является одним из регионов, где произошло становление государственных институтов вне какого-либо взаимодействия со Старым Светом. Основные центры развития находятся в зоне тропических лесов, что представляет специфику данного региона. Одним из последствий этого является плохая сохранность материалов, в особенности органического происхождения, что существенно сокращает возможную материальную базу для исследований. Тем не менее усилиями нескольких поколений археологов были достигнуты выдающиеся результаты в восстановлении уцелевших крупиц прошлого.

Все это обусловило наш интерес к изучению материалов исследований, моделей, теорий, но и попытку сформировать некую цельную траекторию особого пути развития мезоамериканской государственности. Сразу же сделаем оговорку, что мы не ставим вопрос о моменте возникновения государства, так как мы неоднократно в наших статьях указывали на целый ряд проблем теоретического характера в данном вопросе. В результате интенсивного исследования и сбора материала по крупицам из статей, диссертаций и эссе полевых археологов, многих американских антропологов, мы встали перед проблемой острой нехватки материала, который позволил бы ответить на те вопросы, которые ведут к появлению признаков государственности. Так в исследованиях почти отсутствует археология домохозяйства. Исключение составляют долина Оахака [1] и археологический памятник Альтика в долине Мехико [2]. Данная ситуация существенно затрудняет какой-либо анализ вопроса о развитии имущественного неравенства, социальной структуры и изменении социальных ролей в рамках домохозяйства, развития ремесла и т.д.

В связи с вышеизложенным, мы разбили весь материал на цикл статей, а не уместили все в рамках одной, как ранее. Данная работа представляет собой попытку применить сформулированные нами теоретические подходы на материалах конкретного региона. При этом центр нашего внимания направлен не на поиск общего, а на рассмотрении специфики.

Другим затруднением стало разделение исследователей на школы в зависимости от исследуемого региона. Само собой, такая ситуация является обычной, так как проводить раскопки сразу многих памятников могут себе позволить лишь избранные научные центры, обладающие как необходимым финансированием, так и специалистами. Однако в изучении Мезоамерики сложились высокоавтономные друг от друга научные школы, видение которых является источником непрекращающихся дискуссий. Примером такой ситуации выступает «ольмекская проблема», на которой мы подробнее остановимся дальше.

Кроме наличия Панамского перешейка, по которому, вероятно, пришла первая керамика из Анд, а, в свою очередь, там была заимствована кукуруза, оба региона объединяет наличие высокогорной цепи, пересекающей существенную часть континента. Это предопределило, кроме общности в духовной сфере, к примеру, наличия культа гор, и такую особенность, что находки архаического периода также сконцентрированы именно в данной географической зоне в виду существенно лучшей сохранности, чем в тропических лесах. Кроме того, именно в высокогорных регионах произошло дальнейшее развитие институтов государственности, и, именно в такой области как долина Мехико возникли такие ключевые явления как Теотиуакан и тройственный союз городов ацтеков.

Это также обеспечивало жителей разнообразными ресурсами в виду высотной поясности. Среди них особо стоит выделить обсидиан – вулканическое стекло. Оно было основным материалом для орудий труда, за редким исключением центров добычи кремния вроде Колха на территории Белиза [3]. В виду его особой остроты и относительной простоты получения оно приобрело широкое распространение еще с архаического периода и имело такое значение вплоть до прихода испанцев.

Ряд характерных свойств обсидиана предопределили его ключевое значение в исследованиях – каждое из месторождений имеет уникальную характеристику сочетания химических элементов, что позволяет определить место происхождения даже мелких отщепов. В связи с этим обсидиан используется для определения меновых сетей, установление которых имели значение для связи между областями Мезоамерики. Ведущую роль в этом играет инструментальный нейтрон активационный анализ, дающий наиболее точные и релевантные результаты метод в отличие от использования портативных излучателей рентгеновского излучения.

Пришедшие в Северную Америку выходцы из Азии принесли с собой не только определенную материальную культуру, которая до нас дошла преимущественно в виде каменных орудий, но и целый ряд приспособлений к окружающей среде. Так Гильермо Окоста-Очоа указывает, что первые люди, населявшие Северную Америку, не были узкоспециализированными охотниками на крупных животных, таких как мамонт, а обладали широким спектром пищевых предпочтений [4]. Для нас это имеет значение в том, что именно отслеживание динамики изменений питания позволяет в условиях малых данных до определенной степени, в совокупности с другими факторами, исключать маловероятные сценарии и версии. Соответственно, люди

архаического периода уже заселяли все возможные экологические зоны, и, судя по материалам, обладали навыками возделывания растений, равно как и разведения собак. Любопытным фактом выступает то, что в условиях отсутствия крупных мясных животных они играли роли источника мяса для местного населения. Из-за высокоомобильного образа жизни и эксплуатации широкого спектра источников питания весьма необычным может выглядеть факт оседлого образа жизни в долине Мехико уже в VII тыс. до н.э. При этом материалы позволяют предположить наличие круглогодичного населения, активно эксплуатировавшего водные ресурсы и выращивавшего ряд растений, в том числе и кукурузу [5, с.87]. Это свидетельствует об эксплуатации природных ресурсов, которые стали основой для последующего развития начались за много тысяч лет. Итогом такого процесса стал процесс оседания населения и переход на кукурузу в качестве основного источника питания в начале I тыс до н.э., что было установлено по различным материалам, в частности в горах Тукстла и тихоокеанском побережье Чьяпаса [6, с.37; 7].

Несмотря на длительность периода окультуривания кукурузы и ее влияния на процесс оседания населения говорить об процессе, аналогичному неолитизации Ближнего Востока едва ли представляется возможным в виду ряда обстоятельств, определяющих специфику Мезоамерики. Во-первых, это сохранение высокой мобильности населения, несмотря на устойчивое повышение роли земледелия в их питании; во-вторых, это специфика среды обитания, которая способна давать разнообразные продукты питания круглогодично. Это обусловило такую специфику, как появление высокоомобильных земледельцев, присутствие которых активно видно в исследованиях осадочных отложений на дне озер в виде резкого повышения лесных пожаров и смены видов растений, а также появление пыльцы кукурузы. Дальнейшим продолжением специфики стало и то, что только к рубежу нашей эры [6, с.56], даже в таком регионе как побережье Мексиканского залива штата Веракруз, произошло окончательное оседание населения. При этом мы не затрагиваем пограничные области Мезоамерики, где такие явления наблюдались еще в колониальный период.

В связи с плохой сохранностью материала в регионе, высокой мобильностью населения архаического периода и трудностью обнаружения его следов в наиболее привлекательных для него местах, на данный момент про жизнь в данный период известно крайне мало. Как следствие модели, касающиеся данного периода гипотетичны и строятся на большом количестве предположений. Поэтому возникновение наследственных статусов, неодинакового питания, специализации ремесла неизбежно от нас ускользают, делая практически невыполнимым решение вопроса о процессе происхождения того, что появляется на тихоокеанском побережье Гватемалы и соприкасающегося штата Чьяпас, Сан Лоренцо в долине реки Коатцалькоалькос, Веракруз. Тем не менее у нас остается обсидиан и возможность определения его места происхождения. Его меновые сети в совокупности с ранними памятниками духовной культуры позволяют предполагать наличие единого комплекса верований в Мезоамерике уже к началу формативного (в исследованиях майянского региона – предклассического) периода. При этом идет речь не о наличии единой системы верований, единства богов, а о наличии общих религиозных символов, особое почитание определенных явлений, традиции употребления опьяняющих напитков из маиса. Стоит сделать замечание о том, что кукуруза в близкой к дикой форме (теосинте) первоначально выращивалась в небольших

количествах. Это, в сочетании с его низкой продуктивностью по сравнению с культурными версиями и упомянутыми нами материалами, позволяет утверждать, что его роль изначально была связана именно с употреблением опьяняющих напитков, вроде современной чичи.

Крайне кратко описав проблематику архаического периода и почти не затрагивая регион майя, который будет рассмотрен в отдельной статье, мы перейдем к рассмотрению процессов, имевших место в ранее упомянутых областях. Свое рассмотрение мы начнем не сразу с Чьяпаса, а с ряда других вопросов. Во-первых, это вопрос появления керамики, а во-вторых, это археологический памятник Ла Консентида, который представляет едва ли не единственный памятник за пределами долины Оахаки, где подобно отслеживается процесс оседания. Тем более ценно это исследование, что оно сопровождалось анализом остатков флоры и фауны, а также успешным анализом изотопного состава в останках людей.

Керамика, как один из индикаторов археологических культур часто связывается с процессом оседания населения, так как в виде ее качеств и хрупкости она плохо приспособлена для переноски с собой в рамках жизни высокоомобильных охотников – собирателей. Однако, зона тропического леса, побережья богатые водными ресурсами не требовали от населения постоянного перемещения, а, скорее, способствовали к модели перемещения между сезонными лагерями на определенной территории. И, как мы упоминали ранее, в ряде случаев можно говорить и вовсе об оседлых охотниках-собирателях. Керамические изделия появляются в Мезоамерике в начале II тыс. до н.э., причем наиболее рано (около 1900 г до н.э.) именно на побережьях Тихого и Атлантического океанов. Любопытно, что ранние находки несмотря на большое удаление между собой являются приблизительно синхронными по времени [8, с. 285]. Это свидетельствует о быстром перемещении данной технологии, видимо через меновые сети вдоль побережий, так как перевозка большого объема грузов существенно более эффективна водным транспортом, чем пешком в условиях отсутствия тягловых животных. Еще одним аргументом в пользу этого является использование керамики для добычи соли на побережье Чьяпаса и находки ее в больших количествах именно на берегах лагун рядом с маундами. С учетом того, что керамика появилась еще и в готовом виде и нет следов экспериментов с ней, это свидетельствует в пользу ее появления из Южной Америки, где данная технология появилась существенно ранее. Любопытным фактом является то, что такой регион, как регион майя перенял данное новшество существенно позднее – только к 1000 г до н.э.

Археологический памятник Ла Консентида на тихоокеанском побережье штата Оахака позволяет проследить процесс развития коммуны в раннем формативном периоде. Из исследования Гая Дэвида Хэппа видно, что данное поселение представляет сезонно посещаемое место, где происходила активный вылов рыбы и других морепродуктов. Вместе с тем, обнаружено большое количество кукурузы, а исследования изотопов углерода в костных останках позволяет предположить о высокой роли его в питании местных жителей. В этом же памятнике видно, что кукуруза применялась в ритуальном контексте, видимо сопровождавшемся активными пиршествами [9, с. 258-260]. Кроме того, на территории Ла Консентиды был возведен ряд маундов довольно крупных размеров, явно выходящих за рамки простых бытовых потребностей. Примерами последних могут выступить насыпные

холмы на в прибрежной зоне Чьяпаса в местах добычи соли и рыболовли. При этом строительство осуществлялось поступательно в течении нескольких сотен лет. Это позволяет увязать начальное развитие оседлости в связи с местами, богатыми водными ресурсами, ритуальной активностью, появлением керамики и более активным использованием кукурузы в качестве одного из продуктов питания. Видимо, ее возрастающая роль была побочным продуктом повышения производительности и урожайности выращиваемых для иных целей растений.

В указанном контексте закономерным выглядит появление одной из древнейших керамик, активного строительства маундов и следов культовой мобилизации сил, то есть активного применения коллективного человеческого труда сверх бытовых потребностей, направленных на удовлетворение потребностей, не связанных с вынужденной деятельностью, то есть принуждения со стороны элит, угроз войны или разрушительных явления природного характера, на тихоокеанском побережье штата Чьяпас и соприкасающихся территорий Гондураса. Этот регион также известен под названием Соконуско – именно так называлась провинция ацтекского тройственного союза на данном месте. Данная местность характеризуется высокоплодородными почвами, где произрастают многие важные для местных культур растения, в частности какао, которое активно использовалось в той же роли, что и маис [10, с. 526]. В период ацтекского владычества именно данный продукт был одним из основных статей поставок в пользу Теночтитлана. Регион также является достаточно необычным по своей конфигурации – это узкая полоска земли между океаном и горами, на побережье которого расположены большие болота. Стоит отметить, что характер поселений здесь также не позволяет говорить о полноценном оседании ранее рубежа II и I тыс. до н.э. [11, с. 172-173]. В отличие от других рассмотренных нами регионов, по данному имеется актуальная литература от российских ученых. Так ведущий майянист Дмитрий Беляев опубликовал свою превосходную по объему материала статью «Начальные этапы политогенеза на тихоокеанском побережье юго-восточной Мезоамерики» [12]. В связи с этим мы остановимся только на тех аспектах, которые мы рассматриваем под другим углом зрения.

Наибольший интерес представляет памятник середины II тыс. до н.э. Пасо дела Аламада, на территории которого были обнаружены не только ряд маундов, остатки керамики, но и большое количество статуэток, древнейшее на территории Мезоамерики поле для игры в футбол. Кроме существенных размеров и количества маундов привлекает внимание и высокохудожественная керамика с реалистичными изображениями. Однако наибольший интерес представляют свидетельства роста неравенства. Так авторами раскопок, к примеру, Джоном Кларком [13] делаются выводы о неравномерном распределении предполагаемых предметов престижа, что в совокупности со свидетельствами активного строительства маундов трактуется им как свидетельство наличия наследственных элит, которые и руководили данным строительством. Не отрицая наличия ритуальных специалистов тем не менее, мы не можем согласиться с тем, что материалы Пасо дела Аламада носят свидетельства наличия именно наследственных элит, по замыслу которых и строились маунды. Во-первых, переоценка одним из участников раскопок наряду с Джоном Кларком в 2002 году не выявила существенной статистической корреляции между предполагаемыми зонами [14]. Во-вторых, в силу отсутствия большего количества

убедительных доказательств приводимые оценки, при сравнении с синхронными памятниками вроде Ла Консентида, при наличии похожего комплекса признаков не обнаруживают следов устойчивой имущественной дифференциации и наличия элит. В-третьих, распределение элитных зон основывается на предположении, что на вершинах маундов жили представители элит [15, с. 73]. А в основе предметов престижа лежат преимущественно параллели с намного более поздними периодами истории, что в силу их большой временной дистанции делает их как минимум спекулятивными. В-четвертых, даже если и были бы обнаружены яркие следы наличия строго определенных предметов на вершине маундов в зданиях, напоминающих дома, это не исключает возможности проведения коммунальных ритуалов в них. В-пятых, происхождение элит объясняется в рамках теории агентов, предполагающей постоянное наличие лиц, стремящихся к продвижению и закреплению в наследственной форме своего статуса. Не исключая такой возможности, мы можем сослаться на ряд слабых мест: 1) Так как общество оставалось высококомобильным, то какой-либо фактор использования принудительной силы остается крайне маловероятным; 2) Аналогичной является и ситуация, при которой широкие зоны оставались заселенными еще более высококомобильными охотниками-собираателями, а в природных условиях контролировать население, к примеру, через управление распределение продуктов питания также является крайне неустойчивой формой организации. 3) Свидетельства появления наследственных элит на фоне устойчивой имущественной дифференциации характерны для позднеформативного периода, за исключением Сан Лоренцо, на котором мы остановимся немного позднее. 4) Также встает вопрос о том почему данные элиты не появились тогда раньше, если они могли контролировать неоседлое население. 5) Доказательства наличия признаков наследуемого статуса были подвергнуты существенным сомнениям другими исследователями [16, с. 285].

Тем самым, по нашему мнению, утверждения о наличии наследственных элит в Пасо дела Аламада являются маловероятными. Тем не менее именно эта совокупность факторов – культовая мобилизация при строительстве маундов, дальнейшее развитие института культовых специалистов, весьма вероятно, действительно выступила предпосылкой для последующего формирования таковых элит. Стоит отметить, что формирование явных признаков устойчивого наследственного статуса в других первичных центрах государственности предполагало достаточно долгий, в не одну тысячу лет, путь отхода от коммунальных практик к более индивидуализированным версиям элит и закреплению их наследственного статуса. Относительно быстро процессы, вероятно, происходили в Египте, однако там имеется прямое влияние Месопотамии, где к тому моменту имелись устойчивые признаки наследственных элит. Также, но с очень большой осторожностью, можно привести в пример ситуацию вокруг Норте Чико, когда сам факт большого объема земляных работ в течение длительного времени вызвал версии вплоть до формирования там государства. Еще стоит привести пример с Паверти Поинт [17] на территории США, когда явные охотники-собираатели активно строили маунды крайне огромных, в сотни тысяч кубических метров, при этом каких-либо следов элит и имущественного расслоения там не было найдено. Поэтому, на наш взгляд, рассматривать большие объемы земляных работ без наличия убедительного комплекса материальных свидетельств устойчивой имущественной дифференциации

населения, различного режима питания и т.п. представляется недопустимым. Конечно же можно вспомнить уникальные находки вроде погребения «золотого человека» культуры Варна на территории Болгарии, датируемого V тыс., однако это скорее одинокие исключения, которые не повлекли за собой устойчивой траектории на трансформацию общества.

В Соконуско местное население несмотря на богатые и плодородные земли постоянно перемещалось из одной части региона, окруженного болотами, в другую вследствие проблем истощения ресурсов [18, с. 21-22]. При этом каждое предыдущее центральное поселение забрасывалось. В один из таких этапов, около 1000 г до н.э. происходит формирование нового центра, известного сейчас под названием Ла Бланка. Его особенностью является появление строгой планировки поселения, центральную часть в котором занимал маунд высотой около 27 метров, большая часть которого была скрыта в 1970-е [19, с. 923]. При этом дальнейшее развитие получили и другие черты, ранее появившиеся в данном регионе. Кроме того, весь центр был построен в короткие сроки, что предполагает наличие если и не полноценных правящих элит, то высокой степени специализации общества. И, соответственно, такое крупномасштабное сооружение в короткие сроки весьма вероятно говорит о наличии планирования и организации работ большого (около нескольких тысяч) населения [20]. До определенной степени тут можно провести аналогию с сооружением Монте Альбана в долине Оахака, который был также построен в короткие сроки [21, с. 128], но произошло на несколько сотен лет позднее Ла Бланка. Тем самым именно в регионе Соконуско постепенно происходит формирование, если не одних первых наследственных элит, о чем на данный момент с полной уверенностью говорить невозможно, то целый ряд явлений таких как поля для игры в мяч, строительство быстрого возведение монументальных маундов, которые лишь позже появились в других частях Мезоамерики. Также на важную роль данного региона является факт наличия меновых отношений с рядом других центров высокой сложности, где данные явления появились позже, чем здесь. Так напрямую зафиксированы поставки обсидиана из близлежащих месторождений в Сан-Лоренсо, Веракруз, а в поздние периоды наличие общей символики и архитектуры у Ицапы и Чалькатцинго, рядом с долиной Мехико. Также известен памятник Кантон Коралито, где зафиксировано аномально большое количество артефактов такого же стиля, как и в Сан Лоренцо.

Тем не менее вышеуказанное не позволяет уверенно утверждать, что именно тут зародились те или иные явления, а затем они распространились в другие регионы. Ситуация с быстрым распространением керамики, наличием меновых сетей обсидиана с глубин архайческого периода, позволяет утверждать об активном перемещении идей, символов, различных элементов материальной культуры на большие расстояния. Тем более такая ситуация совпадает с данными памятников раннеформативного периода, свидетельствующих о высоких формах мобильности местного населения, равно как и населения проживавшего между известными нам археологическими памятниками. Также весьма вероятно, что будут найдены еще новые памятники, которые могут удревить даты указанных явлений. Хотя чаще всего происходит наоборот – как в ситуации с переоценками дат в Каминалхуу, Гондурас, и Колха, Белиз [22].

Кроме того, высокая мобильность, в сочетании с данными о памятниках духовной культуры привела нас к предположению, что именно возрастание роли майса в рационе людей и последующее оседание существенной части населения Мезоамерики, в сочетании с природными условиями, существенно усилили региональные различия между культурами. В раннеформативный период эти тенденции носили более слабый характер, в частности, поэтому, вероятно, следы ольмекского стиля в раннеформативный период имеют большее распространение и единство, чем в последующий среднеформативный, и тем более в позднеформативный, когда оседание приобрело еще больший размах. Ярким примером тому служат различия между Трес Цапотес, Теотиуаканом и Эль Мирадор.

В рамках рассмотрения Соконуско неизбежно всплывает и ольмекский вопрос. В частности, Джон Кларк в своей публикации 2007 года [23], в рамках очередного спора между сторонниками «материнской» и «сестринской культуры» версии соотношения Сан-Лоренсо и других памятников высокоразвитых культур, выдвинул гипотезу, что Кантон Коралито было колонией Сан-Лоренсо. Это обосновывалось на основании высокого тождества материальной культуры, поэтому данная версия была встречена волной критики, в том числе и со стороны сторонников «материнской культуры». Тем не менее, факт нахождения ряда памятников материальной культуры, преимущественно керамических сосудов и характерных «ольмекских» фигурок (формы взрослого с младенческими пропорциями и определенным выражением лица), наряду с ранее упоминавшимися, признаками свидетельствует о наличии тесной связи между Соконуско и Сан-Лоренсо. В последнем на ряде сосудов были найдены следы теобромина, вещества которое содержится в какао и отсутствует в других растениях региона [24]. Это также служит косвенным подтверждением указанного факта. Стоит отметить, что и фундаментальное по своему охвату материала исследование Бломстера 2005 года [25], послужившее катализатором нового витка споров между школами, подтверждает факт нахождения керамики из глины с побережья Чьяпаса в Сан-Лоренсо. Однако уходя в сторону от выводов коллектива исследователей, мы укажем, что это, в совокупности с нахождением следов активного использования какао в ритуальных целях, позволяет говорить о двухстороннем взаимодействии между регионами. Тем более, что всегда стоит не забывать об огромной проблеме сохранности материалов в тропиках, где даже орнаменты на керамике сохраняются плохо. А между тем именно продукты органического происхождения по всей видимости и были основными статьями обмена между Соконуско и Сан-Лоренсо.

Еще одной линией соприкосновения между ранними ольмеками и жителями в Соконуско является игра в мяч. Так в Эль Манати были найдены каучуковые мячи, где наряду с другими объектами ольмекского стиля были подвержены ритуальному захоронению [26, с. 1011]. Это свидетельствует о большом значении данных предметов для ольмеков. Другим свидетельством к тому является облачение для футбола на многотонных скульптурах из базальта, изображающих человеческие лица. Данные произведения материального искусства наряду с каменными «тронами» в виду их больших размеров и того, что данные цельные камни поставлялись для них из гор Тукстла, расположенных в нескольких десятках километрах, используются в качестве доказательства того, что в Сан-Лоренсо уже существовали наследственные элиты и правители. Также презюмируется, что именно

они и организовывали данные походы за базальтовыми блоками, равно и что они на них изображены. Несмотря на кажущуюся убедительность такой интерпретации, к ней есть один и самый главный вопрос: а какие еще есть свидетельства наличия наследственных элит в Сан-Лоренсо? При ответе на него и возникают основные проблемы, связанные с интерпретацией данного центра в качестве места возникновения имущественной дифференциации и института правителей. Несомненно, данный археологический памятник видимо и является местом зарождения и развития собственно того, что мы называем ольмекский стиль материальной культуры, которая просуществовала аж до конца позднеформативного периода. Однако мы не согласны с целым рядом интерпретаций на самом деле не такого уж и богатого комплекса материальных находок, в виду плохой сохранности материалов.

Прежде чем начать сам разбор стоит остановиться на самом понятии ольмекской культуры и самих исторических ольмеков. Во-первых, кем были по своему антропологическому типу жители данного региона, возможно судить только по оставшимся памятникам материальной культуры, так как костных останков, тем более пригодных для анализа, насколько нам известно, нет. Соответственно, несмотря на реалистичность изображений мы не можем исключить и определенной роли творческой инициативы создателей, поэтому на данный момент утверждать, что мы знаем, как в действительности выглядели ольмеки не приходится. Следует принимать во внимание и то, что материальная культура с антропологическими типами их потребителей и создателей не связана каким-либо образом – любой предмет мог использовать кто угодно, и в случае отсутствия письменных источников это остается для нас неразрешимой загадкой. Во-вторых, утверждать, на каком именно языке говорили представители данной материальной культуры мы также не можем, в виде той же самой ситуации, что и с предыдущим. Любые выводы на счет языковой группы ольмек Сан-Лоренсо (обычно указывается Мише-Зоке) являются очень приблизительными, если не спекулятивными. Конечно же есть достаточно успешный пример расшифровки эпивольтекской письменности [27], а равно есть и памятник, по всей вероятности, тоже ранней письменности приблизительно датируемый концом раннеформативного периода [28]. Однако нас это не приближает к уверенному ответу на указанный вопрос.

Исходя из указанных аргументов, говорить о какой-либо взаимосвязи какой-то определенной антропологической либо языковой группы с ольмекским стилем материальной культуры невозможно. Соответственно, любые интерпретации, трактующие только на основании нахождения предметов данного стиля как следов присутствия жителей Сан-Лоренсо являются в корне неверными. Несомненно, установить определенные корреляции можно, как путем исследования изотопов стронция в костях и эмали, которые позволяют установить регион, в котором лицо росло в детстве, так и преимущественный регион нахождения в последние годы жизни. Равным образом это возможно и путем сопоставления других остатков материальной культуры, к примеру, ярко выраженных отличий в керамике, пище и способах разделки животных, связанных с месторасположением строений анклава выходцев из Южной Месопотамии в Хачинеби, как это было сделано Джилом Штейном [29]. Однако, увы на данный момент нет, как и исследований, так и материалов, на основании которых можно было бы делать такие выводы.

Другой проблемой является само по себе понимания ольмекского стиля. Дело в том, что собственно его типологических признаков в останках материальной культуры, таких как керамические изделия определенного стиля, фигурки, сравнительно мало среди таких же находок даже в самом Сан-Лоренсо [30]. А в раскопках остатков домов поблизости, производимых под руководством Карла Вендта, и того меньше [31]. Так как находки по стилю распространены на действительно огромной территории от района долины Мехико до тихоокеанского побережье Гондураса, то, по всей видимости, мы имеем дело с широко распространенными явлениями религиозной символики, которые были общими на столь большой территории. Сан-Лоренсо был важным центром культовой деятельности, однако насколько было велико его влияние судить весьма затруднительно. Хотя с учетом того, что в данный период отсутствуют материальные признаки наличия форм принудительного контроля, ограничения питания (что едва ли было возможно в регионе нахождения) отдельных слоев населения, едва ли его непосредственные влияние и контроль распространялись сколь-нибудь далеко и основывались на добровольной культовой мобилизации высокоомобильного населения. Конечно же, определенные формы принуждения могли иметь место, но едва ли они могли играть сколь-нибудь значимую роль в поддержании стабильности и единства общества, в ситуации высокой мобильности населения и наличия богатых природных ресурсов, не связанных с оседлым образом жизни. Поэтому скорее всего более правильным является рассмотрение ольмекского стиля материальной культуры сквозь призму понятий вроде ольмекской сферы культурного взаимодействия.

Ярким подтверждением к нашему тезису являются поселения в горах Тукстла, население которых использовало керамику тех же стилей, что и современные им жители Сан-Лоренсо. Мало того, поблизости добывался базальт для монументальных статуй. Тем не менее в Ла Хойя и других памятниках нет и намека на признаки социального расслоения, более того население хотя и возделывало кукурузу с самого начала, но существенную роль в питании она стала играть уже к концу периода Сан-Лоренсо Б, то есть в самом конце заката значимости данного памятника. Также эти поселения в данный период носили сезонный характер [6, с. 194-196].

Указанная ситуация подводит нас и к другому вопросу – о том какой характер имели поселения вокруг самого Сан Лоренсо и какие были между ними взаимоотношения. Ведь нередко для обоснования как особого места Сан-Лоренсо в прошлом Мезоамерики, так и дополнительного обоснования возможности наличия правящих наследственных элит, служит иерархия поселений.

Вокруг Сан-Лоренсо выделяют различное количество иерархии поселений, вплоть до семи [23, с. 15], что заставляет обратить внимание на указанное обстоятельство. При более детальном изучении литературы оказывается, все зависит от подсчета видов поселений. Однако у нас возникает обоснованное сомнение о том, как на таком небольшом участке земли, который явно не осуществлял принудительную власть в близлежащих горах, где находился источник ценного для них ресурса, могла быть такое множество уровней поселений. Соответственно, это обозначает, что в перечень иерархии поселений включаются временные лагеря, сезонные места обитания и так далее. С учетом того, что население носило мобильный характер, а признаков полной оседлости нет, то разумно предположить о том, что большая часть таких «поселений» носила временный характер. Также

разумно предположить, что тогда необходимо включать только строго крупные поселения, выходящие за рамки признаков небольших поселений одного – двух домохозяйств. С другой стороны, это не позволяет в полной мере исключить возможные места культовой агрегации населения, которые могли оставлять даже больше следов материальной культуры, чем места длительного пребывания в виду нефундаментального характера строений.

Другой проблемой является определение площади самого Сан-Лоренсо, так команда во главе с Циферс проделала огромную работу путем большого количества шурфов определив площадь Сан-Лоренсо в 700 га [32]. На наш взгляд, эта цифра заслуживает однозначного внимания, тем более что исследователями представлены весьма существенные доказательства наличия строений и обитания. Однако данная цифра требует одного крайне важного уточнения – неизвестно какая именно площадь была заселена одномоментно, и какая была актуальная плотность обитания на территории поселения также в конкретный момент. Датировка при производстве шурфов производилась на основании данных типологической керамики, временное разрешение которой не превышает 100 лет, то есть указанная цифра — это совокупная площадь строительства за 100 лет, и какая именно часть была заселена в конкретный момент нам неизвестно. А, учитывая вышеупомянутые факторы можно предположить, что и количество самого населения Сан-Лоренсо было подвержено большим сезонным колебаниям. То есть не исключен вариант того, что часть видимого «населения» могла быть приходящим на непродолжительный срок в течении года, в то время как остальную часть оно могло находиться на существенном удалении от поселения, а кроме того, доподлинно неизвестно насколько часто перестраивались дома. Это не исключает возможности того, что одна семья за одно поколение могла построить не только несколько строений, в которых она жила попеременно, но еще и выстроить более одного за поколения. Это в сочетании с временным разрешением керамики позволяет усомниться в любых цифрах, которые берутся из известной плотности населения в тропиках на гектар, перемножая на установленную площадь поселения. По сути, данную цифру можно уменьшать в разы.

Еще одним свидетельством в пользу наличия элит является так называемый «Красный дворец» с базальтовым столбом посередине. По этому поводу приведем аргументы сторонника теории «сестринской культуры» Фланнери: «В реальности, тем не менее, Красный Дворец всего лишь авторское наименование для аморфного клочка окрашенного гематитом песка на котором был найден монумент 57, сломанная базальтовая колонна. Она когда-то поддерживала крышу (если это то чем был монумент 57) того, что более вероятно было святилищем либо другим общественным строением, чем резиденцией вождя» [30, с. 11221]. На наш взгляд, данная характеристика является обоснованной критикой, так как явных оснований, позволяющих классифицировать данное сооружение в качестве дворца правителя нет. Представленная характеристика не исключает и другие интерпретации, к примеру, в качестве культового строения отдельной семьи, либо места отправления культа, связанного с проведением игры в мяч. Тем самым едва ли возможно учесть указанное строение в качестве признака наличия наследственных правящих элит.

Подводя итог, следует указать, что вся вышеприведенные свидетельства никоим образом не преуменьшают значения Сан-Лоренсо в качестве одного из важнейших культовых центров Мезоамерики раннеформативного периода. На наш

взгляд, в нем имеются все признаки концентрации населения и активной его участия в работах требующих привлечения членов далеко не нескольких домохозяйств. Не исключает это также и наличия элит. Однако, на наш взгляд, попытки повысить статус рассматриваемого памятника, показать его первичность в развитии по сравнению с другими центрами привели к ряду интерпретаций, которые вызывают существенные сомнения в виду отсутствия нескольких взаимодополняющих видов доказательств. Тем самым это заставляет нас усомниться не только в интерпретациях, предполагающих наличие там государства, но и наличия там явных признаков наследственных элит. С другой стороны, если рассмотреть данный памятник в его совокупности с синхронными памятниками Чьяпаса, развитием культовой активности в Ла Консентида, данными о развитии питания и характере поселений в близлежащих горах Тукстла, то можно говорить о явных следах зарождения тех условий, в которых не только стали появляться панмезоамериканские черты, но и формироваться предпосылки для появления элит. Ведь для такого перехода характерно смещение локуса внимания культовой активности в пользу меньшей доступности ритуалов, что часто выражается в появлении отдельных мест культовой активности, с ограниченным доступом и явными следами существования отдельного элитарного культа либо особого эзотерического характера в рамках более общего культа. Тем не менее, в Сан-Лоренсо таких памятников нет, зато уже в Ла Вента, исходя из появления монументальной архитектуры, захоронений огромного количества минерала престижного значения и другого, такие свидетельства становятся намного более убедительными.

Подводя итог, следует отметить, что Мезоамерика характеризуется рядом особых черт: 1) сравнительно быстрый процесс перехода к оседлому образу жизни на больших территориях; 2) длительное существование высокоомобильных форм жизни при высокой роли сельскохозяйственных культур в питании; 3) быстрое распространение явлений культовой мобилизации в виде строительства активного строительства маундов при использовании единого комплекса религиозных символов еще до начала этого процесса; 4) сохранение и поддержание единства религиозных символов на фоне регулярного товарообмена, в том числе, вероятно, продуктов сельского хозяйства; 5) высокая роль прибрежных меновых путей в быстром распространении технологических новаций, в частности, керамики; 6) основной материал для изготовления орудий труда с архаического периода распространялся путем меновых сетей на большом пространстве, с расстояниями в несколько сотен километров; 7) появление первых культовых центров на побережье в зоне тропического леса. Тем самым в период архаического и раннеформативного периодов были заложены основы для развития института наследственных элит, заданы специфические траектории развития мезоамериканской цивилизации.

Существование ряда крупных культовых центров благодаря высокой мобильности населения и наложенным меновым связям способствовало развитию схожей культуры на больших пространствах и очень разных природных условиях. В последующем, по мере оседания населения локальные особенности культуры стали играть все более превалирующую роль, что привело к культурной и политической фрагментации.

Также стоит отметить, что, по нашему мнению, различные теоретические споры о характере общества, хотя и крайне необходимы для оценки и реконструкции

древности, однако не должны уходить в сторону искусственного возвышения статуса отдельных памятников. Это, при наличии и без того сравнительно небольшого корпуса материальных свидетельств чрезвычайно затрудняет не только собственно изучение данных материалов, но и приводит к совершенно маловероятным интерпретациям. А ведь знание о том, чего наверняка не было, при такой ситуации не менее важно, чем знание позитивное.

Список литературы

1. Marcus, Joyce, and Kent V. Flannery 1996 Zapotec civilization: How urban society evolved in Mexico's Oaxaca Valley. Thames and Hudson, New York.
2. Stoner, W., & Nichols, D. (2019). The Altica project: reframing the Formative basin of Mexico. *Ancient Mesoamerica*, 30 (2), pp. 247–265. doi:10.1017/S0956536118000421.
3. C. Lohse, Jaime Awe, Cameron Griffith, Robert M. Rosenswig, and Fred Valdez, Jr. Preceramic occupations in Belize: updating the Paleoindian and Archaic record, *Latin American Antiquity* 17 (2), 2006, pp. 209–226.
4. Guillermo Acosta, Laura E. Beramendi, Galia González et al. Climate change and peopling of the Neotropics during the Pleistocene-Holocene transition *Boletín de la Sociedad Geológica Mexicana* / 2018 VOL. 70 No. 1, pp. 1–19.
5. Acosta Ochoa, Guillermo. (2017). Early Agricultural Modes of Production in Mesoamerica. *Modes of Production and Archaeology*, Edition: Edited by Robert M. Rosenswig and Jerimy J. Cunningham, pp. 73–92.
6. Farming, hunting, and fishing in the Olmec world / Amber M. VanDerwarker. – 1st ed. 2006, Texas university press, 244 p.
7. Robert M. Rosenswig Amber M. VanDerwarker Brendan J. Culleton Douglas J. Kennett Is it agriculture yet? Intensified maize-use at 1000 cal BC in the Soconusco and Mesoamerica Changes at 1000 cal BC across Mesoamerica in *Journal of Anthropological Archaeology* Volume 40, December 2015, pp. 89–108.
8. John E. Clark, David Cheetham Mesoamerica's Tribal Foundations. In *The Archaeology of Tribal Societies*, edited by William Parkinson, International Monographs in Prehistory, Archaeological Series, No. 15, Ann Arbor, 2002, pp. 278–339.
9. Guy David Hepp La Consentida: Initial Early Formative period settlement, subsistence, and social organization on the pacific coast of Oaxaca, Mexico Ph.d. thesis University of Colorado, 2015, 556 p.
10. Amber M. VanDerwarker and Robert P. Kruger Regional variation in the importance and uses of maize in the Early and Middle Formative Olmec heartland: new archaeobotanical data from the San Carlos homestead, Southern Veracruz *Latin American Antiquity* 23 (4), 2012, pp. 509–532.
11. Rosenswig, Robert. (2009). The beginnings of Mesoamerican civilization: Inter-regional interaction and the olmec. *The Beginnings of Mesoamerican Civilization: Inter-Regional Interaction and the Olmec*. Pp. 1–374. doi: 10.1017/CBO9780511674822.
12. Беляев, Д. Д. Начальные этапы политогенеза на тихоокеанском побережье Юго-Восточной Мезоамерики. IX Кнорозовские чтения: Древние цивилизации Старого и Нового Света : сборник трудов Международной научной конференции / Российский государственный гуманитарный университет; Д.Д. Беляев ; отв. ред. Г. Г. Ершова. – Текст : непосредственный. – М.: РГГУ, 2019. С. 69–92.
13. Clark, John E., and Michael Blake. The power of prestige: Competitive generosity and the emergence of rank societies in Lowland Mesoamerica. In *Factional competition and political development in the New World*, edited by Elizabeth M. Brumfiel and John W. Fox. Cambridge Univ. Press, Cambridge, UK, 1994, pp. 17–30.
14. Lesure, Richard & Blake, Michael. (2002). Interpretive Challenges in the Study of Early Complexity: Economy, Ritual, and Architecture at Paso de la Amada, Mexico. *Journal of Anthropological Archaeology*. 21. Pp. 1–24. doi: 10.1006/jaar.2001.0388.
15. Charles L. F. Knight (2016). Variation in residential prismatic blade production and status during the Early Classic at Palo Errado, Veracruz. *Ancient Mesoamerica*, 27, pp. 71–90 doi:10.1017/S0956536116000134.
16. Love, Michael. (2007). Recent Research in the Southern Highlands and Pacific Coast of Mesoamerica. *Journal of Archaeological Research*. 15. Pp. 275–328. doi: 10.1007/s10814-007-9014-y
17. Saunders, Joe. (2012). Early Mounds in the Lower Mississippi Valley. *Early New World Monumentality*. Pp. 25–52. doi: 10.5744/florida/9780813038087.003.0002.

18. Hector Neff, Paul H. Burger, Brendan J. Culleton, Douglas J. Kennett, John G. Jones Izapa's industrial hinterland: the eastern Soconusco mangrove zone during Archaic and Formative times 2016, 31 p.
19. Love, Michael & Guernsey, Julia. (2015). Monument 3 from La Blanca, Guatemala: A Middle Preclassic earthen sculpture and its ritual associations. *Antiquity*. 81. Pp. 920–932. doi: 10.1017/S0003598X00096009.
20. Love, Michael & Guernsey, Julia. (2011). La Blanca and the Soconusco middle formative. *Early Mesoamerican Social Transformations: Archaic and Formative Lifeways in the Soconusco Region*. Pp. 170–188.
21. Mixtecs, Zapotecs, and Chatinos: Ancient Peoples of Southern Mexico Arthur A. Joyce Wiley-Blackwell, 2010, Singapore, 351 p.
22. Love, M. (2018). Kaminaljuyu chronology and ceramic analysis: an alternative view. *Latin American Antiquity*, 29(2), pp. 260–278. doi:10.1017/laq.2017.70
23. John E. Clark Mesoamerica's First State. In *The Political Economy of Ancient Mesoamerica: Transformations During the Formative and Classic Periods*, edited by Vernon L. Scarborough and John E. Clark. University of New Mexico Press, Albuquerque, 2007, pp. 11–46.
24. Terry G. Powis, Ann Cyphers, Nilesh W. Gaikwad, Louis Grivetti, Kong Cheong Cacao use and the San Lorenzo Olmec Proceedings of the National Academy of Sciences May 2011, 108 (21), pp. 8595–8600; doi: 10.1073/pnas.1100620108
25. Blomster, Jeffrey & Neff, Hector & Glascock, Michael. (2005). Olmec Pottery Production and Export in Ancient Mexico Determined Through Elemental Analysis. *Science* (New York, N. Y.). 307, pp. 1068–72. doi: 10.1126/science.1107599
26. Cyphers, A. (2014). The Olmec, 1800–400 bce. In C. Renfrew & P. Bahn (Eds.), *The Cambridge World Prehistory* (pp. 1005–1025). Cambridge: Cambridge University Press. doi:10.1017/CHO9781139017831.068.
27. Kaufman, T., & Justeson, J. (2008). Epi-Olmec. In R. Woodard (Ed.), *The Ancient Languages of Asia and the Americas* (pp. 193–233). Cambridge: Cambridge University Press. doi:10.1017/CBO9780511486838.013
28. Mora-Marín, D. (2009). Early Olmec Writing: Reading Format and Reading Order. *Latin American Antiquity*, 20 (3), pp. 395–412. doi:10.1017/S1045663500002777
29. Stein, G. 1999. Material Culture and Social Identity: The Evidence for a 4 th Millennium BC Uruk Mesopotamian Colony at Hacinebi, Turkey. *Paléorient* 25, pp. 11–25.
30. Flannery, Kent & Balkansky, Andrew & Feinman, Gary & Grove, David & Marcus, Joyce & Redmond, Elsa & Reynolds, Robert & Sharer, Robert & Spencer, Charles & Yaeger, Jason. (2005). Implications of new petrographic analysis for the Olmec "mother culture" model. *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*. 102. 11219–23. doi:10.1073/pnas.0505116102
31. Carl J. Wendt A San Lorenzo phase household assemblage from El Remolino, Veracruz *Ancient Mesoamerica*, 21 (2010), pp. 116–120.
32. Arieta, Virginia & Cyphers, Ann. (2017). Etnografía, demografía y arqueología olmeca en San Lorenzo Tenochtitlán. *Arqueología*. 52. Pp. 7–26.

Koshman V. A. Early formative Mesoamerica: formation of primary statehood institutions and regional peculiarities / V.A. Koshman // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean federal university. Juridical science. – 2020. – T. 6 (72). № 3. – P. 267–282.

It is revised in the article that there is way to understanding nature and peculiarities of Mesoamerican statehood. Author tries to apply formulated theoretic approaches on materials of certain region and its specific. However, some problems are making research more difficult. By conducting analysis of different aspects of this problem author formulates more accentuated model of Mesoamerican cultic centers. Current views on Olmec's of San Lorenzo, Veracruz and ancient inhabitants of Pacific coast of Chiapas and Guatemala are critically analyzed. Question of social organization in aforementioned centers is raised with the help of archaeological data. Author concludes that development of social complexity was more gradual than it formulated in current theories. Peculiarities of rising social complexity in Mesoamerica are formulated.

Key words: San Lorenzo, Olmecs, Chiapas, Soconusco, statehood, Mesoamerica.

Spisok literaturey

1. Belyaev D. D. Nachal'nye etapy politogeneza na tihookeanskom poberezh'e yugo-vostochnoj Mezoameriki IX Knorozovskie chteniya: Drevnie civilizacii Starogo i Novogo Sveta : sbornik trudov Mezhdunarodnoj

- nauchnoj konferencii / Rossijskij gosudarstvennyj gumanitarnyj universitet; Otv. red. G. G. Ershova; Sost. D. D. Belyaev. M.: RGGU, 2019. Pp. 69–92.
2. Acosta Ochoa, Guillermo. (2017). Early Agricultural Modes of Production in Mesoamerica. *Modes of Production and Archaeology*, Edition: Edited by Robert M. Rosenswig and Jerimy J. Cunningham, pp. 73–92.
3. Amber M. VanDerwarker and Robert P. Kruger Regional variation in the importance and uses of maize in the Early and Middle Formative Olmec heartland: new archaeobotanical data from the San Carlos homestead, Southern Veracruz *Latin American Antiquity* 23 (4), 2012, pp. 509–532.
4. Arieta, Virginia & Cyphers, Ann. (2017). *Etnografía, demografía y arqueología olmeca en San Lorenzo Tenochtitlán*. *Arqueología*. 52, pp. 7–26.
5. Blomster, Jeffrey & Neff, Hector & Glascock, Michael. (2005). Olmec Pottery Production and Export in Ancient Mexico Determined Through Elemental Analysis. *Science* (New York, N. Y.). 307. Pp. 1068–72. doi: 10.1126/science.1107599.
6. C. Lohse, Jaime Awe, Cameron Griffith, Robert M. Rosenswig, and Fred Valdez, Jr. Preceramic occupations in Belize: updating the Paleoindian and Archaic record, *Latin American Antiquity* 17 (2), 2006, pp. 209–226.
7. Carl J. Wendt A San Lorenzo phase household assemblage from El Remolino, Veracruz *Ancient Mesoamerica*, 21 (2010), pp. 116–120.
8. Charles L. F. Knight (2016). Variation in residential prismatic blade production and status during the Early Classic at Palo Errado, Veracruz. *Ancient Mesoamerica*, 27, pp. 71–90 doi:10.1017/S0956536116000134.
9. Clark, John E., and Michael Blake The power of prestige: Competitive generosity and the emergence of rank societies in Lowland Mesoamerica. In *Factional competition and political development in the New World*, edited by Elizabeth M. Brumfiel and John W. Fox, pp. 17–30. Cambridge Univ. Press, Cambridge, UK, 1994.
10. Cyphers, A. (2014). The Olmec, 1800–400 bce. In C. Renfrew & P. Bahn (Eds.), *The Cambridge World Prehistory* (pp. 1005–1025). Cambridge: Cambridge University Press. doi:10.1017/CHO9781139017831.068.
11. Farming, hunting, and fishing in the Olmec world / Amber M. VanDerwarker.— 1st ed. 2006 Texas university press, 244 p.
12. Flannery, Kent & Balkansky, Andrew & Feinman, Gary & Grove, David & Marcus, Joyce & Redmond, Elsa & Reynolds, Robert & Sharer, Robert & Spencer, Charles & Yaeger, Jason. (2005). Implications of new petrographic analysis for the Olmec "mother culture" model. *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*. 102. 11219–23. doi:10.1073/pnas.0505116102.
13. Guillermo Acosta, Laura E. Beramendi, Galia González et al. Climate change and peopling of the Neotropics during the Pleistocene-Holocene transition *Boletín de la Sociedad Geológica Mexicana* / 2018 VOL. 70, No. 1, pp. 1–19.
14. Guy David Hepp *La Consentida: Initial Early Formative period settlement, subsistence, and social organization on the pacific coast of Oaxaca, Mexico* Ph. d. thesis University of Colorado, 2015, 556 p.
15. Hector Neff, Paul H. Burger, Brendan J. Culleton, Douglas J. Kennett, John G. Jones *Izapa's industrial hinterland: the eastern Soconusco mangrove zone during Archaic and Formative times* 2016, 31 p.
16. John E. Clark, David Cheetham *Mesoamerica's Tribal Foundations*. In *The Archaeology of Tribal Societies*, edited by William Parkinson, pp. 278–339. *International Monographs in Prehistory, Archaeological Series*, No. 15, Ann Arbor, 2002.
17. John E. Clark *Mesoamerica's First State*. In *The Political Economy of Ancient Mesoamerica: Transformations During the Formative and Classic Periods*, edited by Vernon L. Scarborough and John E. Clark, pp. 11–46. University of New Mexico Press, Albuquerque, 2007.
18. Kaufman, T., & Justeson, J. (2008). Epi-Olmec. In R. Woodard (Ed.), *The Ancient Languages of Asia and the Americas* (pp. 193–233). Cambridge: Cambridge University Press. doi:10.1017/CBO9780511486838.013
19. Lesure, Richard & Blake, Michael. (2002). Interpretive Challenges in the Study of Early Complexity: Economy, Ritual, and Architecture at Paso de la Amada, Mexico. *Journal of Anthropological Archaeology*. 21. Pp. 1–24. doi: 10.1006/jaar.2001.0388.
20. Love, M. (2018). Kaminaljuyu chronology and ceramic analysis: an alternative view. *Latin American Antiquity*, 29(2), pp. 260–278. doi:10.1017/laq.2017.70
21. Love, Michael & Guernsey, Julia. (2011). La blanca and the Soconusco middle formative. *Early Mesoamerican Social Transformations: Archaic and Formative Lifeways in the Soconusco Region*. Pp. 170–188

22. Love, Michael & Guernsey, Julia. (2015). Monument 3 from La Blanca, Guatemala: A Middle Preclassic earthen sculpture and its ritual associations. *Antiquity*. 81. Pp. 920–932. doi: 10.1017/S0003598X00096009.
23. Love, Michael. (2007). Recent Research in the Southern Highlands and Pacific Coast of Mesoamerica. *Journal of Archaeological Research*. 15. Pp. 275–328. doi: 10.1007/s10814-007-9014-y
24. Marcus, Joyce, and Kent V. Flannery 1996 *Zapotec civilization: How urban society evolved in Mexico's Oaxaca Valley*. Thames and Hudson, New York.
25. *Mixtecs, Zapotecs, and Chatinos: Ancient Peoples of Southern Mexico* Arthur A. Joyce Wiley-Blackwell, 2010, Singapore.
26. Mora-Marín, D. (2009). Early Olmec Writing: Reading Format and Reading Order. *Latin American Antiquity*, 20 (3), pp. 395–412. doi:10.1017/S1045663500002777
27. Robert M. Rosenswig Amber M. VanDerwarker Brendan J. Culleton Douglas J. Kennett Is it agriculture yet? Intensified maize-use at 1000 cal BC in the Soconusco and Mesoamerica Changes at 1000 cal BC across Mesoamerica in *Journal of Anthropological Archaeology* Volume 40, December 2015, pp. 89–108
28. Rosenswig, Robert. (2009). The beginnings of Mesoamerican civilization: Inter-regional interaction and the olmec. *The Beginnings of Mesoamerican Civilization: Inter-Regional Interaction and the Olmec*. Pp. 1–374. doi: 10.1017/CBO9780511674822.
29. Saunders, Joe. (2012). Early Mounds in the Lower Mississippi Valley. *Early New World Monumentality*. Pp. 25–52. doi: 10.5744/florida/9780813038087.003.0002.
30. Stein, G. 1999. Material Culture and Social Identity: The Evidence for a 4 th Millennium BC Uruk Mesopotamian Colony at Hacinebi, Turkey. *Paléorient* 25. Pp. 11–25.
31. Stoner, W., & Nichols, D. (2019). The Altica project: reframing the Formative basin of Mexico. *Ancient Mesoamerica*, 30 (2), pp. 247–265. doi:10.1017/S0956536118000421
32. Terry G. Powis, Ann Cyphers, Nilesh W. Gaikwad, Louis Grivetti, Kong Cheong Cacao use and the San Lorenzo Olmec *Proceedings of the National Academy of Sciences* May 2011, 108 (21). Pp. 8595–8600; doi: 10.1073/pnas.110062010

УДК 341.1/8

DOI: 10.37279/2413-1733-2020-6-3-283-288

ФАЛЬСИФИКАЦИЯ ИСТОРИИ И ИТОГОВ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ОТДЕЛЬНЫХ СТРАН

Миронова О. А.

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

Максимова А. Е.

эксперт ГУ МВД России по г. Москве

Актуальность проблемы состоит в том, что на современном этапе развития общественных отношений между западными странами и Россией предпринимаются попытки пересмотра истории Второй мировой войны и такие попытки становятся более отчетливыми с течением времени. В работе предлагается рассмотреть причины таких действий и проанализировать нормативно-правовые акты, которые принимаются отдельными странами в направлении пересмотра предпосылок, причин и результатов Великой Отечественной Войны. Методами в работе выступают сравнительные описания нормативно-правовых актов, направленных на запрет коммунистической символики, ее постановка в один ряд с нацистской символикой. Также предлагается понять причины подготовки и издания таких актов на территории отдельных стран на примере Прибалтики и Украины.

В итоговой части работы делается вывод о схожести нормативно-правовых актов, принимаемых указанными государствами, их единообразной политике в рамках рассмотрения историко-правовых оценок Второй мировой войны. Результатами работы являются рекомендации, направленные на популяризации патриотического туризма, сохранения исторической справедливости и недопущения переформатирования предпосылок, причин и итогов Великой Отечественной Войны.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, СССР, постсоветское пространство, нормативно-правовые акты, историческая память, коммунистическая символика, патриотический туризм.

На современном этапе развития некоторых стран постсоветского пространства наблюдаются процессы, цель которых – изменение или даже искажение истории Великой Отечественной Войны, ее предпосылок, причин и результатов. Более того, данные процессы являются составляющими не просто общественной жизни, а выходят на государственный уровень.

Так, например, парламент Эстонской Республики Рийгикогу принял заявление «Об исторической памяти и фальсификации истории» от 19.02.2020 года. В заявлении говорится: «Осуждая Пакт Молотова-Риббентропа и секретные дополнительные протоколы, а также последовавшие за этим оккупацию Балтийских стран и разделение Польши между двумя тоталитарными режимами, что стало важной предпосылкой для начала Второй мировой войны...

Рийгикогу:

– осуждает попытки властей Российской Федерации переписать историю, отрицая роль Советского Союза в качестве одного из основных зачинщиков Второй мировой войны и перенося ответственность за агрессию на жертв;

– подчеркивает, что Вторая мировая война стала возможной в результате подписания 23 августа 1939 года между Советским Союзом и национал-социалистической Германией договора о ненападении, т.е. прямым последствием Пакта Молотова-Риббентропа и секретных дополнительных протоколов;

– повторяет, что нацистская Германия, коммунистический Советский Союз и другие тоталитарные режимы виновны в беспрецедентных для человеческой истории массовых убийствах, геноцидах, депортациях и лишениях жизни и свободы» [1].

Более того, 08.05.2020 года парламенты Эстонии, Латвии и Литвы в заявлениях по случаю годовщины окончания Второй мировой войны призывают граждан и общества совместно осудить преступления против человечности и поддержать мир, стабильность и развитие демократии в Европе и во всем мире. «Мы осуждаем обусловленные агрессивными геополитическими амбициями попытки Российской Федерации фальсифицировать и исказить историю и обвинять других в совершенных ей преступлениях, в т. ч. в развязывании войны» – заявил спикер парламента Эстонии Хенн Пыллуаас.

В качестве примера приведем Закон Литовской Республики от 2 декабря 1993 г. № I-317 «О собраниях» (с изменениями и дополнениями, внесенными Законом от 3 апреля 2003 г. № IX-1452; Законом от 17 июня 2008 г. № X-1609):

«Статья 8. Запрещаемые к проведению собрания. Запрещаются к проведению собрания, участники которых:

...

5) демонстрируют флаг или герб нацистской Германии, СССР или Литовской ССР либо флаг, знак или форменную одежду, составной частью которых являются флаг или герб нацистской Германии, СССР или Литовской ССР, изображения ответственных за репрессии населения Литвы руководителей национал-социалистической партии Германии или коммунистической партии СССР, символы или форменную одежду нацистских или коммунистических организаций либо флаги или знаки, созданные на основе флага или герба нацистской Германии, СССР или Литовской ССР, нацистской свастики, нацистского знака СС, советского знака серпа и молота, знака советской красной пятиконечной звезды, исполняют гимн нацистской Германии, СССР или Литовской ССР.» [3].

Что касается третьей Прибалтийской страны, Латвии, то здесь существует Закон Латвийской Республики от 16.01.1997 года «О митингах, шествиях и пикетах» [2]:

Раздел 11

(1) Участник митинга, шествия или пикета во время мероприятия не должен:

...

5) использовать флаги, герб, гимны и символы (также в стилизованном виде) бывшего СССР, Латвийской ССР и нацистской Германии;

...

(2) Организаторам и участникам мероприятия запрещается доставлять к месту проведения мероприятия любые предметы, упомянутые в абзацах первом, пунктах 1, 2 и 5 настоящего раздела, а также держать их у себя или в транспортных средствах, которые находятся ближе, чем 500 метров от места проведения мероприятия.

Изменения приняты Сеймом Республики 20.06.2019 года:

1. Статья 11, первый абзац, пункт 5 заменяется следующим:

5. использовать, в том числе в стилизованном виде, флаги бывшего СССР, республик бывшего СССР и нацистской Германии, одежду (униформу), используемую для определения принадлежности вооруженных сил и правоохранительных органов (репрессивных органов), а также элементы такой одежды, все из которых (одежда, аксессуары, знаки отличия, кокарда, наплечники, снаряжение) по внешнему виду четко идентифицируют упомянутые вооруженные силы или репрессивные органы, гербы и гимны, нацистскую свастику, знаки СС и советские символы – серп и молот с пятиконечной звездой;».

На современном этапе Украина приняла несколько законодательных актов, которые схожи с документами, указанными выше.

Закон Украины от 9 апреля 2015 года № 317-VIII «Об осуждении коммунистического и национал-социалистического (нацистского) тоталитарных режимов в Украине и запрете пропаганды их символики»:

«Статья 2. Осуждение коммунистического и национал-социалистического (нацистского) тоталитарных режимов

1. Коммунистический тоталитарный режим 1917-1991 годов в Украине признается преступным и совершавшим политику государственного террора, которая характеризовалась многочисленными нарушениями прав человека в форме индивидуальных и массовых убийств, казней, смертей, депортаций, пыток, использования принудительного труда и других форм массового физического террора, преследований по этническим, национальным, религиозным, политическим, классовым, социальным и другим мотивам, причинением моральных и физических страданий при применении психиатрических мер в политических целях, нарушением свободы совести, мнения, выражения мнений, свободы прессы и отсутствием политического плюрализма и в связи с этим осуждается как несовместимый с основополагающими правами и свободами человека и гражданина.

Статья 4. Запрет использования и пропаганды символики коммунистического и национал-социалистического (нацистского) тоталитарных режимов

1. Изготовление, распространение, а также публичное использование символики коммунистического тоталитарного режима, символики национал-социалистического (нацистского) тоталитарного режима, в том числе в виде сувенирной продукции, публичное исполнение гимнов СССР, УССР (УССР), других союзных и автономных советских республик или их фрагментов на всей территории Украины запрещено.» [3].

Также существуют и иные нормативные акты, которые приняты в Украине в рамках так называемой «декоммунизации»:

– «Об увековечении победы над нацизмом во Второй мировой войне 1939-1945» (закон № 315-VIII);

– «О доступе к архивам репрессивных органов коммунистического тоталитарного режима 1917—1991 годов» (закон № 316-VIII);

– «О правовом статусе и памяти борцов за независимость Украины в XX веке» (закон № 314-VIII).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что государственная политика указанных стран ставит в один ряд коммунистический и нацистский режимы.

Запрещая коммунистическую символику, авторы законов пытаются запретить историю собственных государств, которая насчитывает около 70 лет (для Прибалтийских республик около 51 года). В любом случае, можно сделать вывод о том, что происходит вычеркивание из сознания людей и их памяти полувековой истории своей страны.

В качестве причин, которые могли повлиять на принятие таких нормативно-правовых актов можно назвать следующие:

- внешнее давление на вышеуказанные государства. Стоит отметить, что совокупность методов давления на более слабые государства известна давно, что не требует больших материальных и человеческих ресурсов для их осуществления;

- необходимость внутреннего роста неопределенности, при котором продвижение и лоббирование своих идей и процессов происходит крайне незаметно для населения. Такая причина обусловлена переломными процессами, которые продолжаются с момента начала распада СССР: диверсификация экономики, ее ориентирование на внутренний рынок, смена валютных систем, систем государственного контроля и т.д.

- преодоление разногласий и поиск нового «врага» в лице стран, которые пытаются сохранить память и историю о Великой Отечественной Войне, о том, что именно СССР внес решающий вклад в Победу над фашистской Германией и ее сателлитами.

Приведем пример одного из методов воздействия на свое население путем искажения истории. 8 мая 2020 года на официальной странице в социальной сети «Twitter» была опубликована следующая запись: «On May 8, 1945, America and Great Britain had victory over the Nazis! «America's spirit will always win. In the end, that's what happens.» [4], что в переводе означает: «8 мая 1945 года Америка и Великобритания одержали победу над нацистами! Дух Америки всегда победит. В конце концов, так и происходит». Таким образом отсутствует ссылка на Советский Союз, на его достижения и вклад в общий результат Второй мировой войны.

Что касается позиции Советского Союза и в последствии Российской Федерации, можно сказать о сохранении исторических документов и доказательств вкладов общих сил в победу над фашистской Германией и ее сателлитами. Стоит отметить, что на государственном уровне проводилась и проводится политика по недопущению пересмотра и ревизии причин и результатов Второй мировой войны.

Аргументированным и построенным на официальных документах, сводках и наблюдений является двенадцати томное издание «История второй мировой войны 1939-1945 годов», в котором звучат более чем актуальные фразы сегодняшнего дня: «Реакционные политические круги и историки на Западе и Востоке пытаются скрыть от широкой общественности, и прежде всего от молодого поколения, ответственность международного империализма за развязывание второй мировой войны, завуалировать кровную связь между монополистическим капитализмом, фашизмом и милитаризмом. Они умышленно разрывают историческую цепь событий, извращают причины, характер, ход и исход минувшей войны.

Главная цель современных идеологов антикоммунизма и реваншизма – не допустить признания решающей роли СССР в достижении победы, доказать, будто поражение фашистской Германии и милитаристской Японии носило случайный характер. Они стараются сформировать превратное представление о советском народе и его армии, идеологически обосновать необходимость укрепления НАТО и

других агрессивных блоков, пропагандируют реваншистские идеи насильственной перекройки политической карты Европы и мира.» [5].

Таким образом, мы видим, что даже в период «холодной войны» Советский Союз не умалял результатов, которые добились Союзнические экспедиционные силы в составе США и Англии. Более того, такая политика сохранилась и в Российской Федерации как правопреемнице СССР.

Проанализировав изложенное, следует определить некоторые возможные пути решения возникающих противоречий, так как дальнейшая эскалация на их фоне может привести к крайне негативным последствиям в отношениях между странами западного и «восточного» блоков. Термин «восточный блок» предлагается ввести для стран, которые являются участницами ШОС, ОДКБ, ЕАЭС, БРИКС в том или ином формате участвующими в мировой политике в качестве поддерживающих усилия Российской Федерации в сохранении истории и ее передачи новым поколениям.

Во-первых, предлагается провести «инвентаризацию» имеющихся исторических документов, сводок, памятных мест, памятников, музеев и иной информации, которая может содержать достоверные данные о причинах, ходе и результатов Великой Отечественной Войны. Создаваемые архивы Министерства Обороны Российской Федерации и Русского географического общества о войне предлагается дополнить местонахождением и историей мест расположения указанных памятников культуры и искусства.

Во-вторых, предлагается организовать взаимодействие на дипломатическом уровне с постсоветскими странами и странами, входившими в социалистический блок на предмет поиска и реставрации всех памятных мест, с учетом сложившейся обстановки. Для реализации необходимо включить такие места в сводный реестр и по возможности поддерживать их состояние на должном уровне.

В-четвертых, создать механизм по информированию населения о наличии, состоянии памятных мест за рубежом, их расположении, дать историческую справку о каждом из таких объектов.

В-пятых, предлагается создать проект по внутреннему туризму, который предполагал бы посещение мест нахождения исторических объектов, их изучение и возможность получения исторических справок непосредственно в местах посещения. Организовать туристические маршруты с учетом потребности различных категорий туристов на примере Большой Севастопольской тропы [6].

В-шестых, предлагается осуществлять контроль за работой органов государственной власти и органов местного самоуправления в рамках проводимой работы. Предлагается создание межведомственной комиссии, в которую войдут историки, правоведы, специалисты по разработке проектов и маршрутов в целях популяризации патриотического туризма, организации механизма работы с отельным бизнесом, музейными комплексами и перевозчиками. Таким образом предлагается создать туристический продукт, который бы включал в себя полную реализацию прохождения маршрутов, ознакомления с информацией о ходе боевых действий в период Великой Отечественной Войны, реализацию транспортного обеспечения и пребывания в конкретном субъекте Российской Федерации. Кроме того, предлагается осуществить мероприятия по популяризации таких маршрутов для иностранных граждан и организаций.

Список литературы

1. Парламент Эстонской Республики : официальный сайт. – Текст: электронный. – URL: <https://www.riigikogu.ee/ru/press-relizy/plenarnoe-zasedanie/riigikogu-prinyal-zayavlenie-ob-istoricheskoy-pamyati-falsifikatsii-istorii/> (дата обращения: 10.05.2020 г.).
2. Парламент Латвийской Республики : официальный сайт. . – Текст: электронный. – URL: <https://likumi.lv/ta/en/en/id/42090-on-meetings-processions-and-pickets> (дата обращения: 10.05.2020 г.).
3. Верховный Совет Украины : официальный сайт. . – Текст: электронный. – URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/317-viii?lang=ru> (дата обращения: 10.05.2020 г.).
4. Белый Дом в социальной сети : официальный аккаунт. . – Текст: электронный. – URL: <https://twitter.com/whitehouse> (дата обращения: 10.05.2020 г.).
5. История Второй мировой войны 1939–1945 гг. (в 12 томах). – М.: Воениздат, 1973-82. – Текст: электронный. – URL: <http://militera.lib.ru/h/12/index.html> (дата обращения: 10.05.2020 г.).
6. Большая Севастопольская тропа : официальный сайт. – Текст: электронный. – URL: <https://bst-sev.ru/> (дата обращения: 10.05.2020 г.).

Mironova O. A., Maksimov A. E. Falsification of the history and results of the Great Patriotic War in some countries' legislation / O.A. Mironova, A. E. Maksimov // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean federal university. Juridical science. – 2020. – Т. 6 (72). № 3. – P. 283-288.

The relevance of the problem is that at the present stage of development of public relations between Western countries and Russia, attempts are being made to revise the history of the Second world war and such attempts are becoming more distinct over time. The paper proposes to consider the reasons for such actions and analyze the legal acts that are adopted by countries in some countries in the direction of reviewing the prerequisites, causes and results of the great Patriotic War. The methods used in this work are comparative descriptions of normative legal acts aimed at prohibiting Communist symbols and placing them on a par with Nazi symbols. It is also proposed to understand the reasons for the preparation and publication of such acts on the territory of some countries, using the example of the Baltic States and Ukraine.

In the final part of the work, we can draw a conclusion about the similarity of legal acts adopted by these States, their uniform policy in the framework of consideration of historical and legal assessments of the Second world war. The results of the work are recommendations that are proposed to be considered and discussed on these proposals, which are aimed at popularizing Patriotic tourism, preserving historical justice and preventing the reformatting of the prerequisites, causes and results of the great Patriotic War.

The value of the work is to collect information from official sources, to structure it and to be able to use it in practice. This work allows us to give our own assessment of the formation of rule-making in some post-Soviet countries in the field of discussing the history of the Second world war.

The paper provides recommendations for preserving historical memory and achieving the principles of openness and fairness in the interpretation of the results of the Second world war.

Keywords: Great Patriotic war, USSR, post-Soviet space, historical memory, Communist symbols, Patriotic tourism.

Spisok literaturey

1. The official portal of the Parliament of the Republic of Estonia. – URL: <https://www.riigikogu.ee/ru/press-relizy/plenarnoe-zasedanie/riigikogu-prinyal-zayavlenie-ob-istoricheskoy-pamyati-falsifikatsii-istorii/> (date of access: 10.05.2020). – Text: electronic.
2. The official portal of the Parliament of the Republic of Latvia. – URL: <https://likumi.lv/ta/en/en/id/42090-on-meetings-processions-and-pickets> (date of access: 05.10.2020). – Text: electronic.
3. The official portal of the Supreme Soviet of Ukraine. – URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/317-viii?lang=ru> (date of treatment: 05.10.2020). –Text: electronic.
4. The official account of the White House on the social network. – URL: <https://twitter.com/whitehouse> (date of access: 05.10.2020). – Text: electronic.
5. History of the Second World War 1939–1945. (in 12 volumes). – М.: Military Publishing, 1973-82. – URL: <http://militera.lib.ru/h/12/index.html> (date of treatment: 05.10.2020). – Text: electronic.
6. Official portal of the Great Sevastopol trail. – URL: <https://bst-sev.ru/> (date of treatment: 05.10.2020). – Text: electronic.

УДК 341.9

DOI: 10.37279/2413-1733-2020-6-3-289-296

ПРИНЦИП АВТОНОМИИ ВОЛИ ВО ВНЕДОГОВОРНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЯХ МЕЖДУНАРОДНОГО ХАРАКТЕРА

Новикова Т. В.

Северо-Кавказский филиал Российского государственного университета правосудия

В статье анализируется правовой режим автономии воли в деликтных и кондикционных правоотношениях международного характера и обосновываются два основных вывода. Во-первых, автор отстаивает тезис о том, что хотя в наименовании ст. 1223.1 ГК РФ упоминаются только деликтные и кондикционные обязательства, фактически она устанавливает автономию волю для всех внедоговорных правоотношений за исключением тех, для которых прямо установлен запрет на выбор применимого права сторонами. Во-вторых, автор обосновывает вывод, согласно которому автономия воли сформировалась в качестве принципа международного частного права, получающего отражение в многоуровневой системе согласованных норм. В сфере внедоговорных правоотношений с иностранным элементом управомочивающая норма установлена ст. 1223.1 ГК РФ в ее взаимосвязи с генеральными правилами ст. 1210 ГК РФ и специальными оговорками ст.ст. 1219, 1221, 1223, 1222, 1222.1 ГК РФ.

Ключевые слова: автономия воли; принцип автономии воли; выбор применимого права; договорный статут; внедоговорное правоотношение; внедоговорное обязательство; деликтное правоотношение; деликтное обязательство; кондикционное правоотношение; кондикционное обязательство.

Законодательство Российской Федерации об автономии воли в области деликтных и кондикционных обязательств прошло в своем развитии два этапа: первый – с даты принятия части третьей ГК РФ [1] до реформы законодательства 2013 г., второй – с даты принятия Федерального закона РФ «О внесении изменений в часть третью Гражданского кодекса Российской Федерации» [2] по настоящее время.

На первом этапе – с принятием части третьей ГК РФ – ограниченная автономия воли была впервые в истории отечественного международного частного права¹ установлена для обязательств из причинения вреда (п. 3 ст. 1219 ГК РФ) и неосновательного обогащения (п. 1 ст. 1223 ГК РФ). В обоих случаях положение об автономии воли помещалось после соответствующих коллизионных предписаний, а стороны наделялись возможностью выбрать исключительно право страны суда. Кроме того, в отношении деликтных обязательств такой выбор сторон мог быть сделан только *postfactum*, в то время как для кондикционных обязательств временное ограничение прямо установлено не было.

На втором этапе – с внесением изменений в часть третью ГК РФ в 2013 г. – автономия воли в исследуемой области превратилась в целую подсистему в рамках

¹ Так, Основы гражданского законодательства 1991 г. в отношении обязательств из причинения вреда и неосновательного обогащения устанавливали исключительно коллизионные нормы (ст. ст. 167–168) [3]. В общей форме на данное обстоятельство обращает внимание Н. И. Марышева [4].

системы норм, которые управомочивают стороны частноправовых отношений с иностранным элементом в определенных случаях и в строго очерченных пределах на выбор применимого материального права и таким образом опосредуют реализацию принципа автономии воли в международном частном праве.

Федеральным законом РФ от 30 сентября 2013 г. № 260-ФЗ была введена ст. 1223.1 ГК РФ, которая регламентирует выбор права сторонами обязательства вследствие причинения вреда или неосновательного обогащения. Ключевым достижением указанной статьи является унификация и либерализация стандарта автономии воли во внедоговорных обязательствах². Во-первых, положения об автономии воли в исследуемой области были выделены в самостоятельную статью³, которая, с одной стороны, увязана с генеральными нормами ст. 1210 ГК РФ (в частности, п.п. 1-3, 5⁴, которые применяются к выбору права для отношений, не

² Импульс к изменению в данной области был задан Концепцией развития гражданского законодательства, которая в п. 2.13 раздела VIII указала на необходимость расширения автономии воли сторон деликтных правоотношений [5].

³ Несмотря на то, что расположение тех или иных норм в отдельных пунктах или статьях закона (а равно место статей в тексте закона) само по себе не влияет на их юридическую силу, обстоятельствам подобного рода по традиции придается некоторая идеологическая нагрузка. В частности, В. П. Звеков указывает, что во внедоговорных отношениях, как и в договорных, следует сначала установить положение о выборе применимого права сторонами, а после него – соответствующие коллизионные нормы [6, с. 99].

Хотя в новой редакции части третьей ГК РФ ст. 1223.1 об автономии воли в области деликтных и кондикционных обязательств завершает блок коллизионных правил для внедоговорных правоотношений, мы полагаем, что выделение положений об автономии воли в самостоятельную статью в совокупности с внедрением отсылок к ней в специальные статьи коллизионного характера, акцентирует тот факт, что предписания ст. 1223.1 ГК РФ имеют общее значение для всей подсистемы внедоговорных обязательств, и в этом смысле может быть оценено положительно.

⁴ Хотя п. 58 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации» разъясняет, что специальные правила ст. 1223.1 ГК РФ дополняются общими нормами п. п. 1–3 и 5 ст. 1210 ГК РФ [7], следует учитывать, что общее правило п. 5 ст. 1210 ГК РФ замещается аналогичным по содержанию специальным предписанием п. 2 ст. 1223.1 ГК РФ, которое устанавливает приоритет императивных норм над избранным сторонами правом в случае, когда «все касающиеся существа отношений сторон обстоятельства связаны только с одной страной». Как отмечает А. В. Асосков, различие между указанными положениями усматривается только в том моменте, на который оценивается связь обстоятельств с определенной страной: в договорных правоотношениях – на момент выбора права сторонами, в деликтных и кондикционных – на момент совершения действия или наступления обстоятельства, повлекших причинение вреда или неосновательное обогащение [8].

Более того, в порядке комментария к ст. 1223.1 ГК РФ А. В. Демкина небезосновательно указывает, что в силу специфики обязательств из причинения вреда или неосновательного обогащения речь будет идти только о применении п. 2 ст. 1210 ГК РФ, в соответствии с которым соглашение сторон о выборе применимого права «должно быть прямо выражено или ... определенно вытекать из ... совокупности обстоятельств дела» [9,

основанных на договоре, если иное не вытекает из закона или их существа), а с другой, сама устанавливает общие правила для подсистемы внедоговорных обязательств. Последнее обстоятельство имеет особенно важное значение в связи с тем, что наименование ст. 1223.1 ГК РФ гласит о выборе права сторонами обязательства вследствие причинения вреда или неосновательного обогащения. Тем не менее, в рамках коллизионных предписаний отсылка к ст. 1223.1 ГК РФ содержится не только в отношении обязательств из причинения вреда (п. 4 ст. 1219 ГК РФ), в том числе вреда вследствие недостатков товара, работы или услуги (п. 2 ст. 1221 ГК РФ⁵), и неосновательного обогащения (п. 3 ст. 1223 ГК РФ), но также – как генеральное правило – в отношении обязательств из недобросовестной конкуренции, если таковая затрагивает исключительно интересы отдельного лица (абз. 2 п. 1 ст. 1222 ГК РФ), и – как субсидиарное правило – в отношении обязательств из недобросовестного ведения переговоров о заключении договора (п. 2 ст. 1222.1 ГК РФ).

Сопоставительный анализ нормы ст. 1223.1 и совокупности положений п. 4 ст. 1219, п. 2 ст. 1221, п. 3 ст. 1223, п. 1 ст. 1222, п. 2 ст. 1222.1 ГК РФ позволяет заключить, что хотя в наименовании ст. 1223.1 ГК РФ упоминаются только деликтные и кондикционные обязательства, фактически она устанавливает автономию воли для всех внедоговорных правоотношений за исключением тех, для которых прямо установлен запрет на выбор применимого права сторонами (на основании п. 3 ст. 1222 ГК РФ – для обязательств из недобросовестной конкуренции или ограничения конкуренции).

Показательным в этой связи является институт преддоговорной ответственности. В отечественной цивилистике отсутствует единство мнений

с. 181–182]. Полагаем, что изложенное замечание весьма справедливо, так как в действительности общее правило п. 1 ст. 1210 будет вытеснено специальным предписанием абзаца первого п. 1 ст. 1223.1 о выборе права для деликтных и кондикционных обязательств только *postfactum*, а общее правило п. 3 ст. 1210 – аналогичным предписанием абзаца второго п. 1 ст. 1223.1 о применении выбранного права «без ущерба для прав третьих лиц».

Тем не менее, несмотря на весьма узкое действие общих правил ст. 1210 ГК РФ в отношении выбора права для обязательств из причинения вреда и неосновательного обогащения, мы рассматриваем увязку специальных правил в данной области с генеральными нормами об автономии воли в качестве важнейшего показателя, свидетельствующего о действительном становлении в отечественном международном частном праве принципа автономии воли, проявляющегося в согласованной системе общих и специальных норм.

⁵ В отечественной литературе высказывались различные мнения о значении автономии воли для определения права, применимого к ответственности за вред вследствие недостатков товара, работы или услуги. Так, О. Н. Зименкова в свете установленного п. 1 ст. 1221 права потерпевшего на выбор из перечня альтернативных коллизионных привязок (и в этом смысле его более благоприятного по сравнению с причинителем вреда положения) заключает, что признаваемое п. 2 ст. 1221 соглашение потерпевшего и причинителя вреда о применимом праве «выступает в качестве субсидиарного коллизионного начала» [10, ст. 1221]. Напротив, мы солидарны с позицией тех ученых, которые признают приоритет автономии воли и, соответственно, соглашения сторон о применимом праве в сравнении с коллизионной привязкой, даже если таковая может быть избрана потерпевшим из установленного законом перечня [8; 11, с. 52].

касательно его правовой природы⁶, и весьма маловероятно, что отдельная норма международного частного права (п. 2 ст. 1222.1 ГК РФ), отсылающая – лишь в качестве субсидиарного правила – вопросы преддоговорной ответственности к автономии воли и коллизионным нормам для деликтных правоотношений, способна решить данный вопрос. В этом отношении мы не согласимся с О. В. Муратовой, которая, формально толкуя ст. 1223.1 ГК РФ как охватывающую исключительно деликтные и кондикционные обязательства, констатирует: «В случае признания возможности сторонами выбора права, подлежащего применению к преддоговорным отношениям, можно сделать вывод о том, что законодателем преддоговорная ответственность отнесена к деликтной» [13]. Полагаем, что такая возможность выбора права для сторон преддоговорных отношений прямо установлена в п. 2 ст. 1221.1 ГК РФ и, более того, она непосредственно отсылает к общим нормам ст. 1223.1 ГК РФ. Однако, по нашему мнению, этот

Российской Федерации) подвергалось критике со стороны отечественных ученых⁷, в связи с чем его либерализация, допустившая выбор законодательный прием свидетельствует не о том, что преддоговорная ответственность является однозначно деликтной, а о том, что ст. 1223.1 ГК РФ может по умолчанию применяться к любым внедоговорным обязательствам вне зависимости от определенности квалификации их правовой природы.

Особенно важно, что подтверждение изложенного вывода можно усмотреть в п. 58 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации», который гласит: «Стороны *любого внедоговорного обязательства*, за исключением предусмотренных абзацем первым п. 1 и п. 2 ст. 1222 ГК РФ ..., могут по соглашению между собой выбрать право, подлежащее применению к их внедоговорному обязательству, в соответствии со ст. 1223.1 ГК РФ» (курсив наш – Т.Н.).

Во-вторых, ст. 1223.1 ГК РФ в новой редакции значительно расширила пределы автономии воли сторон во внедоговорных обязательствах, допустив выбор любого применимого права, а не только права страны суда. Следует указать, что ранее действовавшее правило о возможности выбора сторонами деликтного обязательства только права страны суда (с учетом адресата коллизионных норм

⁶ В этой связи представляет интерес позиция О. В. Муратовой, согласно которой «институт преддоговорной ответственности в силу особой правовой природы ... имеет собственный механизм правовой защиты (как договорного, так и внедоговорного характера)» [12, с. 120]. Полагаем, что именно о таком сочетании свидетельствует ст. 1221.1 ГК РФ, устанавливающая в п. 1 – как генеральное правило – отсылку к договорному статуту (в том числе в случаях, когда договор не был заключен), а в п. 2 – как субсидиарное правило – к деликтному. При этом не вызывает сомнений, что в обоих случаях для сторон открыта возможность выбора применимого права (через выбор права для договора или внедоговорных отношений).

⁷ Характеризуя данное ограничение как не вполне оправданное, А. В. Банковский заявляет: «Возможный тезис о том, что российское право в большей степени, чем какое бы то ни было другое, отражает интересы пострадавшего, по меньшей мере спорен» [14, с. 31]. Более сдержанно высказывается В. П. Звеков, отмечая, что указанное положение, «конечно, упрощает решение коллизионной проблемы, но едва ли во всех случаях отвечает интересам сторон» [6, с. 100].

раздела VI ГК РФ – только права права любой страны, закономерно получила широкий позитивный отклик⁸.

В завершение следует отметить, что отечественные специалисты в области международного частного права, приветствуя изменения правового режима автономии воли во внедоговорных обязательствах, в значительной мере связывают их с заимствованием положительного опыта Регламента Европейского Союза о праве, подлежащем применению к внедоговорным обязательствам (Рим II [15])⁹. В частности, ст. 14 Регламента Рим II, как и ст. 1223.1 ГК РФ, признает выбор сторонами внедоговорного обязательства любого применимого права; по общему правилу совершенный *postfactum* и без ущерба для прав третьих лиц; а также ограничивает действие избранного сторонами права императивными нормами в том случае, когда все обстоятельства связаны только с одной страной.

Вместе с тем, заслуживает внимания то, что п. 1(b) ст. 14 Регламента Рим II в отличие от п. 1 ст. 1223.1 ГК РФ устанавливает исключение из правила о выборе права *postfactum* – когда все стороны осуществляют предпринимательскую деятельность, выбор применимого права допускается и на основании соглашения, заключенного до совершения действия или наступления обстоятельства, повлекших причинение вреда. Примечательно, что п. 2.13 Концепции развития гражданского законодательства указывал на целесообразность включения данного положения в ГК РФ, чего, однако, сделано не было.

Не оспаривая допустимость анализируемой нормы как таковой, согласимся с А. В. Банковским в том, что ситуация, когда возможен предварительный выбор права сторонами деликтного правоотношения, «встречается в чистом виде не часто» [14, с. 30]. Задолго до законодательной реформы 2013 г. ученый обоснованно отмечал, что практическая потребность в признании такой возможности была по большей мере связана с существованием договорных отношений между сторонами деликтного обязательства и отказом на тот момент отечественной практики «от применения акцессорной привязки деликтных требований к договорному статусу» [14, с. 30].

Однако в настоящее время – с внесением изменений в часть третью ГК РФ – применение договорного статуса к деликтному обязательству, тесно связанному с договором между потерпевшим и причинителем вреда, заключенным сторонами при осуществлении предпринимательской деятельности, установлено п. 3 ст. 1219 ГК РФ. Бесспорно, изложенная норма, во-первых, обеспечивает применение к деликтному обязательству только договорного статуса, а не любого избранного сторонами права, и, во-вторых, не исчерпывает всех случаев, когда участники предпринимательской деятельности могли бы заключить предварительное соглашение о праве, применимом к деликтным обязательствам (в отсутствие между ними договорных отношений либо если заключенный договор не связан с

⁸ Так, в порядке комментария к ст. 1223.1 ГК РФ А. В. Демкина заявляет: «Данный подход соответствует мировым стандартам» [9, с. 181]. Положительно оценивает данное изменение также Н. И. Марышева [4].

⁹ Так, Н. И. Марышева пишет, что в ст. 1223.1 ГК РФ «были учтены, а во многом прямо воспроизведены нормы ст. 14 Регламента» [4; 16, с. 67] (во втором источнике автор соответствующей главы – Н. И. Марышева в соавторстве с В. Н. Борисовым, И. О. Хлестовой).

потенциальным причинением вреда). Полагаем, что изложенные обстоятельства в совокупности с тезисом о приоритете правовой определенности¹⁰ могут стать основанием для возможного возврата в будущем к вопросу о заимствовании отечественным международным частным правом положения п. 1(b) ст. 14 Регламента Рим II.

Тем не менее, в настоящий период, принимая во внимание признание акцессорной привязки деликтных требований к договорному статуту и весьма ограниченный круг случаев, в которых участники предпринимательской деятельности намеревались бы осуществить предварительный выбор права для потенциального причинения вреда (вне связи с договором либо отличный от договорного статута), можно признать правило п. 1 ст. 1223.1 ГК РФ о выборе – только *postfactum*¹¹ – права, применимого к обязательствам вследствие причинения вреда, в целом удовлетворительным.

Таким образом, следует заключить, что в современный период и в отношении внедоговорных обязательств, и в целом в международном частном праве Российской Федерации автономия воли сформировалась в качестве правового принципа, получающего отражение в многоуровневой системе согласованных норм, упрямочивающих – в определенных случаях и в строго очерченных пределах – стороны частнопровых отношений международного характера избирать применимое материальное право. В сфере внедоговорных правоотношений с иностранным элементом специальная упрямочивающая норма установлена ст. 1223.1 ГК РФ в ее взаимосвязи с генеральными правилами ст. 1210 ГК РФ и специальными оговорками п. 4 ст. 1219, п. 2 ст. 1221, п. 3 ст. 1223, п. 1 ст. 1222, п. 2 ст. 1222.1 ГК РФ.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая): Федеральный закон от 26.01.1996 г. № 14-ФЗ. – Текст: электронный // СПС «КонсультантПлюс» : [сайт]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9027/#dst0 (дата обращения: 15.08.2020 г.).
2. О внесении изменений в часть третью Гражданского кодекса Российской Федерации : Федеральный закон от 30 сентября 2013 г. № 260-ФЗ. – Текст: электронный // СПС «КонсультантПлюс» : [сайт]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_152471/ (дата обращения: 15.08.2020 г.).
3. Основы гражданского законодательства Союза ССР и республик, утверждены ВС СССР 31 мая 1991 г. № 2211-1 // Ведомости ВС СССР. – 1991. – № 26. – Ст. 733. – Текст : непосредственный.
4. Марышев, А. И. Современные тенденции коллизионного регулирования деликтных обязательств: Регламент ЕС 2007 г. «О праве, подлежащем применению к внедоговорным обязательствам» (Рим II) и российское законодательство / А. И. Марышева. – Текст : непосредственный // Журнал российского права. – 2016. – № 6.

¹⁰ Как пишет А. В. Банковский, «весьма важное положительное свойство предварительного выбора права очевидно»: его смысл, «кроме прочего, заключается в создании правовой определенности для сторон правоотношения» [14, с. 30].

¹¹ Один из доводов, который можно трактовать в поддержку правила о последующем выборе права для деликтных правоотношений, был высказан В. П. Звековым. По мнению автора, данное правило позволяет «сторонам приходить к соглашению, опираясь на уже имевшие место конкретные обстоятельства дела, действительные, а не гипотетические, существующие лишь в их воображении, придавая договоренности предметный характер, соответствующий интересам сторон» [6, с. 100].

5. Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации (одобрена Советом при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства 7 октября 2009 г.) // Вестник ВАС РФ. – 2009. – № 11. – Текст : непосредственный.
6. Звеков, В. П. Обязательства вследствие причинения вреда в коллизионном праве / В. П. Звеков. – М.: Волтерс Клувер, 2007. – 128 с. – Текст : непосредственный.
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2019 г. № 24 О применении норм международного частного права судами Российской Федерации. – Текст: электронный // СПС «КонсультантПлюс» : [сайт]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_328771/ (дата обращения: 15.08.2020 г.). – Текст: электронный.
8. Асосков, А. В. Реформа раздела VI «Международное частное право» Гражданского кодекса РФ / А. В. Асосков // Хозяйство и право. – 2014. – № 2. – Текст: электронный // СПС «КонсультантПлюс» : [сайт]. – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=СЛ&n=78642#0777912015003493> (дата обращения: 15.08.2020 г.).
9. Крашенинникова, П. В. Гражданский кодекс Российской Федерации. Международное частное право. Постатейный комментарий к разделу VI / Под ред. П. В. Крашенинникова. – М.: Статут, 2014. – 200 с. – Текст : непосредственный.
10. Марышева, Н. И. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части третьей (постатейный) / Под ред. Н. И. Марышевой, К. Б. Ярошенко. – М.: Юридическая фирма «КОНТРАКТ», 2014. – Текст : непосредственный.
11. Лазарева, Т. П. Коллизионное регулирование возмещение вреда, причиненного недостатками товара, работы или услуги / Т. П. Лазарева. – Текст : непосредственный. // Журнал российского права. – 2016. – № 11. – С. 46–54.
12. Муратова, О. В. К вопросу о квалификации преддоговорных отношений в международном коммерческом обороте / О. В. Муратова. – Текст : непосредственный // Журнал российского права. – 2018. – № 6. – С. 115–123.
13. Муратова, О. В. Коллизионное регулирование обязательств из недобросовестного ведения переговоров о заключении договора в России и ЕС / О. В. Муратова. – Текст : непосредственный // Журнал российского права. – 2016. – № 5.
14. Банковский, А. В. Деликтные обязательства в международном частном праве : дисс. ... канд. юрид. Наук / А. В. Банковский. – М., 2002. – 154 с. – Текст : непосредственный.
15. Regulation (EC) No. 864/2007 of the European Parliament and of the Council of 11 July 2007 on the Law applicable to Non-contractual Obligations (Rome II) // Official Journal of the European Union. – 31.7.2007. – L 199. – P. 40–49.
16. Хлестова, И. О. Внедоговорные обязательства в международном частном праве / Под ред. И. О. Хлестовой. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ: Норма: ИНФРА-М, 2018. – 160 с. – Текст : непосредственный.

Novikova T. V. Autonomy of Will Principle in Non-Contractual Legal Relations of International Character / T. V. Novikova // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean federal university. Juridical science. – 2020. – Т. 6 (72). № 3. – P. 289-296.

The article elaborates on legal regime of autonomy of will in tort and unjust enrichment legal relations of international character and grounds two basic conclusions. Firstly, the author stands on the point that although title of article 1223.1 of the Civil Code of the Russian Federation mentions only tort and unjust enrichment obligations, in fact it stipulates autonomy of will for all non-contractual legal relations except those, for which the prohibition for parties to choose applicable law is straightly set. Secondly, the author grounds conclusion that autonomy of will has developed into a principle of private international law reflected in a multilevel system of coordinated norms. In the field of non-contractual legal relations with foreign element permissive norm is set by article 1223.1 in conjunction with general rules of article 1210 and specific clauses of articles 1219, 1221, 1223, 1222, 1222.1 of the Civil Code of the Russian Federation.

Keywords: autonomy of will; autonomy of will principle; choice of applicable law; contract statute; non-contractual legal relation; non-contractual obligation; legal relation in tort; obligation in tort; unjust enrichment legal relation; unjust enrichment obligation.

Spisok literaturey

1. Civil Code of the Russian Federation (part three) of November 26, 2001, No. 146-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2001. – No. 49. – Art. 4552.
2. Federal Law of September 30, 2013 No. 260-FZ "On Amendments to Part Three of the Civil Code of the Russian Federation" // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2013. – No. 40 (part III). – Art. 5030.
3. Fundamentals of Civil Legislation of the USSR and the republics, approved by the USSR Armed Forces on May 31, 1991, No. 2211-I // Bulletin of the USSR Armed Forces. – 1991. – No. 26. – Art. 733.
4. Marysheva N. I. Modern tendencies of conflict regulation of tort obligations: EU Regulation 2007 "On the law applicable to non-contractual obligations" (Rome II) and Russian legislation / N. I. Marysheva // Journal of Russian Law. – 2016. – № 6. – Access from the reference legal system ConsultantPlus. – Text: electronic.
5. The concept of development of civil legislation of the Russian Federation (approved by the Council under the President of the Russian Federation for the codification and improvement of civil legislation on October 7, 2009) // Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. – 2009. – No. 11.
6. Zvekov V. P. Obligations due to infliction of harm in conflict of laws / V. P. Zvekov. – M.: Walters Kluver, 2007. – 128 p.
7. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated July 09, 2019. No. 24 "On the application of the norms of private international law by the courts of the Russian Federation" // Rossiyskaya Gazeta. – July 17, 2019. – No. 154.
8. Asoskov A. V. Reform of Section VI "International Private Law" of the Civil Code of the Russian Federation / A. V. Asoskov // Economy and law. – 2014. – № 2. – Access from the reference legal system ConsultantPlus. – Text: electronic.
9. Civil Code of the Russian Federation. International private law. Article-by-article commentary to section VI / Ed. P. V. Krashennnikov. – M.: Statut, 2014. – 200 p.
10. Marysheva N. I. Commentary on the Civil Code of the Russian Federation, part three (itemized) / Ed. N. I. Marysheva, K. B. Yaroshenko. – M.: Law Firm "KONTRAKT", 2014. – Access mode: SPS "Garant".
11. Lazareva T. P. Conflict regulation of compensation for damage caused by defects in goods, work or services / T. P. Lazareva // Journal of Russian Law. – 2016. – No. 11. – Pp. 46–54.
12. Muratova O. V. On the issue of qualification of pre-contractual relations in international commercial turnover / O. V. Muratova // Journal of Russian Law. – 2018. – No. 6. – Pp. 115–123.
13. Muratova O. V. Conflict regulation of obligations arising from unfair negotiation of an agreement in Russia and the EU. Muratova // Journal of Russian Law. – 2016. – No. 5. – Access from the reference legal system ConsultantPlus. – Text: electronic.
14. Banking A. V. Delicate obligations in private international law : diss. ... cand. jurid. science / A. V. Bank. – M., 2002. – 154 p.
15. Regulation (EC) No. 864/2007 of the European Parliament and of the Council of 11 July 2007 on the Law applicable to Non-contractual Obligations (Rome II) // Official Journal of the European Union. – 31.07.2007. – L 199. – Pp. 40–49.
16. Khlestova I. O. Non-contractual obligations in private international law / Ed. I. O. Khlestova. – M.: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation: Norm: INFRA-M, 2018. – 160 p.

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО; АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС; ЗЕМЕЛЬНОЕ ПРАВО; ПРИРОДОРЕСУРСНОЕ ПРАВО; ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО; АГРАРНОЕ ПРАВО

УДК 342.92

DOI: 10.37279/2413-1733-2020-6-3-297-303

ПРОФИЛАКТИКА И ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ И ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Волков В. Ю.

Крымский филиал ФГБОУВО "Российский государственный университет правосудия"

Макайда П. А.

ФГБОУВО "Российский государственный университет правосудия"

В работе рассматриваются понятия профилактики и предупреждения преступлений и правонарушений, определяется роль данных механизмов воздействия на общественные отношения для их нормального функционирования. Исследуется опыт зарубежных государств при осуществлении профилактики, предупреждения нарушений норма права, проявления правового нигилизма. Предлагаются механизмы усовершенствования системы правовой, общественной работы в данном направлении.

Ключевые слова: правовая профилактика, правовое предупреждение, административное правонарушение, преступление, государственная власть, виктимология, теория окружающей среды, теория разбитых окон, правоохранительная деятельность.

«Гораздо лучше предупреждать преступления, нежели их наказывать».

Екатерина П.

Современные условия жизни с большим количеством общественных отношений, социальных связей, необходимостей в получении благ требуют обеспечения должного уровня безопасности. Детерменизм явлений в обществе, государстве и в целом – окружающем нас мире предполагает важность многих событий. Эти события могут оказать влияние значительно большее, нежели можно изначально представить исходя из их первичной оценки. В этом смысле справедливым кажется высказывание Микелянджело Буонаротти: внимание к мелочам рождает совершенство, а вот совершенство уже не мелочь. В правовой среде принято считать, что уголовные преступления оказывают самое пагубное и тяжелое влияние исходя из степени самого деяния преступления как события. При этом необходимо осознавать, что административные правонарушения несмотря на то, что отличаются от преступлений степенью общественной опасности, также наносят огромный урон обществу из-за их количества и легкомысленного отношения граждан. Опыт преступления закона, проявления правового нигилизма в «первично –

легкой» степени правонарушения может повлечь за собой более сложные последствия, которые обретут иные формы. Выявление преступления или правонарушения запускает механизм выяснения обстоятельств данного события, восстановления нарушенного права, реализации принципа справедливого наказания и т.д. Однако очевидно, что куда более благоприятным представляется создание более эффективной системы предупреждения нарушения закона. Общественная и государственная безопасность – признак благополучной социальной макросреды, охватывающей общественные отношения, общественное сознание, экономику, культуру, духовные составляющие социальных групп. Именно осознание безопасности является несущей колонной, которая позволяет функционировать всем без исключения сферам социума в нормальном режиме.

Исходя из этого определяется постановка цели работы в виде рассмотрения возможности создания более прогрессивной системы профилактики и предупреждения правонарушений и преступлений.

Рассмотрим сущность понятий «профилактика правонарушений» и «предупреждение правонарушений». Профилактика правонарушений – это деятельность, направленная на снижение уровня правонарушений путем проведения мероприятий, выявляющих субъективные и объективные факторы, причины, провоцирующие субъекта права на преступление закона, а также методы комплексного воздействия с целью недопущения реализации нежелательной модели поведения. В настоящее время нет точного разграничения понятий профилактики и предупреждения правонарушений. М.А. Буганова и А.А. Савченко считают, что сложность в дифференциации этих терминов состоит в том, что нет четкого установления целей осуществления профилактики и предупреждения преступлений. [3] Д.З. Зиядова, при определении понятия профилактики, затрагивает круг субъектов, которые могут осуществлять данный вид деятельности. Круг этих субъектов не ограничивается органами государственной власти, но включает в себя и работу органов местного самоуправления, общественных организаций и неравнодушных граждан с высоким уровнем правосознания. [4]

В Методическом пособии для разработки планов действий по профилактике правонарушений на местном уровне Управления Организации Объединённых Наций по наркотикам и преступности понятия профилактики и предупреждения правонарушений рассматриваются как взаимозаменяемые. [2]

Обратимся к понятию предупреждения преступлений органами внутренних дел, данное в Приказе № 19 от 17 января 2006 г., где под предупреждением преступлений понимается деятельность служб, подразделений и сотрудников органов внутренних дел, осуществляемая в пределах их компетенции, направленная на недопущение преступлений путем выявления, устранения или нейтрализации причин, условий и обстоятельств, способствующих их совершению, оказания профилактического воздействия на лиц с противоправным поведением. Предупреждение преступлений органами внутренних дел осуществляется с целью защиты личности, общества, государства от преступных посягательств, обеспечения сдерживания и сокращения преступности. [1]

Цель рассматриваемых понятий является для них общей и сводится к выявлению и устранению причин совершения противоправных поступков для минимизации криминогенной обстановки.

Исходя из вышеизложенных подходов к рассматриваемым дефинициям, можно сделать вывод о том, что основа их разграничения лежит в субъектах, осуществляющих деятельность. Таким образом, понятие профилактики шире предупреждения, поскольку профилактика может быть реализована как органами официальной государственной власти, так и субъектами не обладающие императивными правами и специальными полномочиями. Предупреждение, в свою очередь, представляет собой вид деятельности органов государственной власти.

В контексте существенных отличий в подходе государства к решению задач по профилактике противоправного поведения необходимо рассматривать опыт стран континентальной Европы. В условиях стандартизации некоторых элементов правовых систем стран западной Европы общей характерной чертой для работы по нивелированию причинных условий совершения противоправных деяний является выделение двух уровней предупреждения правонарушений и преступлений: социальное и ситуационное. Социальное связано с масштабным качественным изменением условий жизни человека, поскольку среда, в которой человека находится оказывает большое воздействие на определение его правовых поступков. При предупреждении социальных преступлений и правонарушений необходимо обратить внимание на уровень жизни человека, его занятость, место работы, учебы.

Ситуативные нарушение правопорядка проявляются ввиду того, что ситуация, к которой причастен человек провоцирует его совершить определенный отрицательный поступок. Примером может выступать уличная драка, безбилетный проезд, неправильная парковка и т.д.

Для изучения социальных и ситуативных правонарушений. Преступлений уместно будет обратить внимание на проработку этого вопроса в 80-х годах XX в. социологами Д. Уилсоном и Д. Келлингом в сформулированной ими «теории разбитых окон». В своей криминологической теории они утверждают, что мелкие, на первый взгляд незначительные нарушение правопорядка рано или поздно приведут ухудшению криминогенной обстановки. Уилсон и Келлинг в ТРО приводят пример того, как одно разбитое окно становится катализатором преступной активности, поскольку провоцирует человека на совершение подобных проступков перед обществом, поскольку нет работающих механизмов пресечения и недопущения нарушений.

Также в теории предупреждения преступлений существует деление на первичную, вторичную и третичную превенцию. Первичная превенция направлена на повышение правового сознания и ознакомление с правовой реальностью. Вторичная связана с применением специальных сдерживающих мер органами государственной власти. Третичная превенция реализуется уже после совершения деликта в процессе применения мер наказания в отношении виновного субъекта. [5]

Важнейшей ценностью для общества и государства является жизнь и здоровье человека. Именно поэтому для становления новой системы профилактики и предупреждения правонарушений и преступлений важно изучение теории «учения о жертве» – виктимологии. Виктимология поможет выделить основные принципы интеракции между преступником и жертвой. Анализ фактов виктимности, способствующих совершению преступления, таких как: личные качества человека, должностное положение, степень конфликтности ситуации, особенности места, времени поможет в определении направлений профилактических мероприятий. Именно изучение причинного комплекса, субъективных качеств преступника и

жертвы, понимание данной взаимосвязи будут участвовать в формировании системы предупреждения нарушений общественных отношений, которые охраняются законодательством. [6]

При рассмотрении вопроса о профилактике совершения правонарушений, преступлений нами должны быть рассмотрены не только типичные прямые факторы, мероприятия и возможные варианты решения существующей проблемы, но и те, которые затрагивают тему исследования косвенно. В этом аспекте необходимо взять во внимание теорию окружающей среды. Средовое проектирование в последние 30–40 лет активно используются как элемент системы предупреждения преступности. [7] Альтернативная средовая стратегия предупреждения преступлений – создание защищающего пространства — была предложена американским архитектором О. Ньюменом в 60-х гг. XX в. Основная идея состоит в создании и поддержании таких архитектурных решений, которые максимально способствуют поддержанию плотного человеческого общения и формированию локальных общин, которые выступают в качестве основных агентов наблюдения и контроля. В 1978 году в Висбадене прошла международная конференция по теме взаимосвязи планирования городской среды, архитектурных решений в городском пространстве и уровня криминогенной обстановки. При активном участии психологов со всего мира удалось установить, что большое скопление людей в городах, жилых районах, многоквартирных домах ведет к разобщённости общества, в котором отдельно взятый индивид начинает чувствовать себя более одиноким и ощущает себя менее защищенным, предполагая, что опасность может ожидать его в любой момент. В высотных домах фиксируется большее количество преступлений, чем в малоэтажных. Также зависимость определена между наличием в доме лифта, темных углов и количеством нападений, грабежей, разбоев совершенных в отношении жителей дома. Особенности застройки отдельных районов города может существенно затруднять работу полиции ввиду наличия способствующих совершению преступления элементов архитектурных решений. Наглядным примером влияния массовой жилой застройки на уровень преступности выступает район Прюитт-Айгоу в Сент-Луисе, США. Главным отличительным решением было создание в многоквартирных домах больших общественных пространств для решения бытовых задач и социального взаимодействия. Через несколько лет перспективный, новый район Прюитт-Айгоу стал превращаться в район с очень высоким уровнем преступности. Данный проект был настолько провален в смысле социальной политики, уровня криминогенной обстановки, экономической убыточности, что местные власти приняли решение о полной ликвидации всего района.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что все архитектурные решения могут существенно повлиять на взаимоотношения людей, на ощущение ими собственной безопасности, небезопасности и, как следствие, на количество нарушений правопорядка. При осуществлении комплексной работы по профилактике и предупреждению проявлений преступной деятельности необходимо учитывать теорию урбанистики, наладить взаимосвязь специалистов правоохранительных органов и органов, отвечающих за принятие строительных, архитектурных решений. Решение косвенных проблем, провоцирующих рост преступности касается не только архитектуры и строительства, но и экономической сферы, области спорта, социальной политики и т.д.

Следующим направлением работы является работа с молодежью в разных ее формах и перспективах. В европейской системе профилактики нарушений правопорядка представители государственных органов и общественных объединений используют средства ювенальной юстиции. Данная правовая система занимается не только правосудием по делам несовершеннолетних, а также их родителей, родственников и опекунов, но и вырабатывает стратегию положительной работы с молодежью, которая будет направлена на их социализацию, нахождение направлений всестороннего развития, повышения уровня социального, правового сознания, реабилитацию подростков после травмирующих ситуаций, если это необходимо. Данный комплекс мер позволит осуществлять дополнительные образовательные, воспитательные программы, благодаря которым подросток будет ощущать свою значимость для социума, ценность достижений общества, перспективу своего развития в будущем, необходимость правомерного поведения, и уважительного отношения к окружающим его людям.

Одним из важнейших аспектов представляется понимание динамичности общественных отношений. Постоянное развитие мирового сообщества является отличительной чертой XXI века. Поэтому нужно определять какие из общественных отношений получат большее развитие, какие и вовсе будут закреплены законодательно впервые, для их защиты в недалеком будущем от посягательства со стороны заинтересованных лиц. При этом необходимо определять возможные формы отрицательного воздействия, оценивать риск реализации преступной деятельности и последствия правонарушений. Новая система будет нуждаться в создании эффективной модели профилактики недопущения нарушения формирующегося, а также нового законодательства, в зависимости от специфики самих охраняемых отношений. Именно такая проницательная работа, предположение о новых вариантах социального взаимодействия дадут возможность правоохранительным органам прогнозировать уровень, характер и тип преступности в будущем.

Большую роль в государствах западной Европы, США и Канады играет само общество. Социум – это главный фактор при определении преступной обстановки в городе, регионе и в целом – государстве. Поэтому так важно изначально повышать уровень правосознания граждан, устранять на ранних этапах проявления нигилизма по отношению к праву, факты девиантного поведения. Следующим этапом работы с обществом будет привлечение граждан к мероприятиям по профилактике правонарушений и преступлений. Данную работу можно реализовывать в форме общественных патрулей, общественных объединениях, команд волонтеров и т.д. При этом важно отметить, что данная деятельность должна быть реализована только лишь с участием, протезированием со стороны органов государственной власти, в особенности – полиции.

Следующий элемент новой системы профилактики и предупреждения – это создание специализированных государственных структур. В данный момент все без исключения правоохранительные органы осуществляют свою деятельность по работе с уже совершенными правонарушениями и преступлениями с высокой долей загруженности. Поэтому на реализацию профилактических, предупредительных мер не всегда хватает ресурса времени, личного состава и материальных средств. Создание нового органа, который будет содержать черты правоохранительной структуры поможет снять дополнительную нагрузку с правоохранительных органов

и повысить эффективность предупреждения преступности. Для этого потребуется обеспечить материальную, законодательную, кадровую базу для новообразованной структуры, а также определить систему сдержек и противовесов в работе в виде совместного ведения Российской Федерации и субъектов. Органы власти в субъектах Российской Федерации более детально ознакомлены с криминогенной обстановкой в регионе, поэтому необходимо дать возможность представителям регионов активно участвовать в формировании политики, направлений работы нового органа, в сферу которого будет входить деятельность по:

1. Формированию и реализации профилактических мер;
2. Сбор, анализ, хранение информации;
3. Дача правовых заключений, подготовка аналитического материала, участие в повышении уровня эффективности нормативно – правовых актов;
4. Взаимодействие с органами исполнительной, судебной, законодательной власти;
5. Координация работы общественных объединений;
6. Сотрудничество со СМИ;
7. Научно-исследовательская работа

Таким образом, вывод сводится к тому, что создание новой комплексной системы профилактики и предупреждения правонарушений и преступлений является необходимой мерой и важным условием для поддержания правопорядка, общественной безопасности, повышения уровня жизни граждан и развития государства. При формировании новой эффективной системы потребуются большие материальные ресурсы, вовлеченность многих органов государственной власти, муниципальных образований, общественных объединений, работа бок о бок федеральных и местных властей.

При постановке цели в создании современного механизма профилактики правопорядка, который будет отвечать всем современным требованиям и обеспечит стабильность и защищенность общественных отношений, предстоит большая и усердная работа, результаты которой, однако, трудно будет переоценить.

Список литературы

1. О деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений : Приказ МВД России от 17.01.2006 г. № 19. – Текст: электронный // СПС «КонсультантПлюс» : [сайт]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58965/ (дата обращения: 11.05.2020).
2. Методическое пособие для разработки планов действий по профилактике правонарушений на местном уровне Управления Организации Объединённых Наций по наркотикам. . – Текст: электронный // КиберЛенинка.ру : [сайт]. – URL: <https://www.unodc.org/documents/centralasia/Metodichka.pdf> (дата обращения: 15.05.2020).
3. Буганова, М. А. Соотношение понятий профилактики преступлений и предупреждения преступлений в современной юридической доктрине / М. А. Буганова, А. А. Савченко. – Текст: электронный // СовременноеПраво.ру : [сайт]. – URL: <https://www.sovremennoepravo.ru/m/articles/view/> (дата обращения: 15.05.2020 г.).
4. Зиядова, Д. З. К проблеме теории профилактики преступлений в криминологической науке / Д. З. Зиядова. – Текст: электронный // КиберЛенинка.ру : [сайт]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-probleme-teorii-profilaktiki-prestupleniy-v-kriminologicheskoy-nauke> (дата обращения: 14.05.2020 г.). – Режим доступа: Научная электронная библиотека «КиберЛенинка».
5. Иванова, Н. Н. Опыт зарубежных стран по профилактике правонарушений несовершеннолетними лицами / Н. Н. Иванова. – Текст: электронный // КиберЛенинка.ру : [сайт]. – URL: <https://proshkolu.ru/user/Gattablanca/blog/507009> (дата обращения: 17.05.2020 г.).

6. Назаров, В. И. Виктимология: вчера, сегодня, завтра / В. И. Назаров, А. В. Майоров. – Текст: электронный // КиберЛенинка.ру : [сайт]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/viktimologiya-vchera-segodnya-zavtra> (дата обращения: 17.05.2020 г.). – Режим доступа: Научная электронная библиотека «КиберЛенинка».
7. Наумов, И. А. Соотношение понятий «профилактика правонарушений» и «предупреждение преступлений» в российском праве / И. А. Наумов. – Текст: электронный // КиберЛенинка.ру : [сайт]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sootnoshenie-ponyatiy-profilaktika-pravonarusheniy-i-preduprezhdenie-prestupleniy-v-rossiyskom-prave> (дата обращения: 20.05.2020 г.). – Режим доступа: Научная электронная библиотека «КиберЛенинка».
8. Разогреева, А. М. Предупреждение преступлений при помощи средового проектирования: защищающее пространство и защищенное пространство / А. М. Разогреева. – Текст: электронный // СПС «КонсультантПлюс» : [сайт]. – URL: <file:///C:/Users/Pasha/Downloads/preduprezhdenie-prestupleniy-pri-pomoshhi-sredovogo-proektirovaniya-zashishayushee-prostranstvo-i-zashishennoe-prostranstvo.pdf> (дата обращения: 17.05.2020 г.).

Volkov V. Y., Makayda P. A. Prevention of administrative offenses and crimes / V.Y. Volkov, P.A. Makayda // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean federal university. Juridical science. – 2020. – Т. 6 (72). № 3. – Р. 297-303.

The concepts of the prevention and prevention of crimes and offenses are examined, the role of these mechanisms of influence on public relations for their normal functioning is determined. The experience of foreign countries in the implementation of prevention, prevention of violations of the rule of law, the manifestation of legal nihilism is investigated. Mechanisms for improving the system of legal and public work in this direction are proposed.

Keywords: legal prevention, legal warning, administrative offense, crime, state power, victimology, environmental theory, broken Windows theory, law enforcement.

Spisok literatury

1. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia of January 17, 2006. No 19 (as amended on November 28, 2017) "On the activities of the internal affairs bodies to prevent crimes". – URL: <https://legalacts.ru/doc/prikaz-mvd-rf-ot-17012006-n-19/> (date of access: 05.11.2020). – Text: electronic.
2. United Nations Office on Narcotics Management Toolkit for the Development of Local Crime Prevention Action Plans. – URL: <https://www.unodc.org/documents/centralasia/Metodichka.pdf> (date of access: 05.15.2020). – Text: electronic.
3. Buganova M. A. Correlation of the concepts of crime prevention and crime prevention in modern legal doctrine / M. A. Buganova, A. A. Savchenko. – URL: <https://www.sovremennoepravo.ru/m/articles/view/> (date of treatment: 05.15.2020). – Text: electronic.
4. Ziyadova D. Z. On the problem of the theory of crime prevention in criminological science / D. Z. Ziyadova. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-probleme-teorii-profilaktiki-prestupleniy-v-kriminologicheskoy-nauke> (date of treatment: 05.14.2020). – Text: electronic.
5. Ivanova N. N. The experience of foreign countries in the prevention of juvenile delinquency / N. N. Ivanova. – URL: <https://proshkolu.ru/user/Gattablanca/blog/507009> (date of access: 05.17.2020). – Text: electronic.
6. Nazarov V. I. Victimology: yesterday, today, tomorrow / V. I. Nazarov, A. V. Mayorov. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/viktimologiya-vchera-segodnya-zavtra> (date of access: 05.17.2020). – Text: electronic.
7. Naumov I. A. Correlation of the concepts of “crime prevention” and “crime prevention” in Russian law / I. A. Naumov. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sootnoshenie-ponyatiy-profilaktika-pravonarusheniy-i-preduprezhdenie-prestupleniy-v-rossiyskom-prave> (date of access: 05.20.2020). – Text: electronic.
8. Razogreeva A. M. Crime prevention by means of environmental design: protecting space and protected space / A. M. Warm up. – URL: <file:///C:/Users/Pasha/Downloads/preduprezhdenie-prestupleniy-pri-pomoshhi-sredovogo-proektirovaniya-zashishayushee-prostranstvo-i-zashishennoe-prostranstvo.pdf> (accessed 17.05.2020). – Text: electronic.

УДК 342.92

DOI: 10.37279/2413-1733-2020-6-3-304-311

ОСОБЕННОСТИ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО СТАТУСА КОММЕРЧЕСКИХ И НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Волков В. Ю.

Крымский филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»

В статье рассматривается административно-правовой статус коммерческих и некоммерческих организаций. Автор проводит теоретика – правовой и методологический анализ административно-правового статуса коммерческих и некоммерческих организаций. Автор акцентирует внимание на то, что в современном российском законодательстве наблюдаются процессы дублирования норм в области правового регулирования юридических лиц: одни и те же вопросы урегулированы и ГК РФ, и специальными федеральными законами, что в некоторых случаях приводит к противоречиям.

Автором отмечается, что административно-правовой статус коммерческих и некоммерческих организаций у ряда представителей юридической науки исследуется фрагментарно, представляя собой, в основном, перечисление элементов, без обоснования того, почему выделяются именно эти характеристики.

Автор приходит к выводу о том, что административно-правовой статус коммерческих и некоммерческих организаций представляет собой определенную структуру, состоящую из нескольких блоков, которые, в свою очередь, состоят из взаимосвязанных между собой элементов, исключение которых ведет к прекращению административно-правового статуса.

Ключевые слова: административная ответственность, административно-правовой статус, юридическое лицо, коммерческие организации, некоммерческие организации, коллективные субъекты, КоАП РФ.

Актуальность изучения особенностей административно-правового статуса коммерческих и некоммерческих организаций обусловлено тем, что, несмотря на разработанность отдельных вопросов, связанных с правовым положением юридических лиц и их правоспособностью, многие аспекты, касающиеся административно-правового статуса коммерческих и некоммерческих организаций, урегулированы очень фрагментарно.

Основу административно-правового статуса коммерческих и некоммерческих организаций определяет российское законодательство, сформировавшееся в конце прошлого века. Следствием различий между коммерческими и некоммерческими организациями является их разная правоспособность.

Перечень организационно-правовых форм как коммерческих, так и некоммерческих организаций установлен ГК РФ [1]. Однако для каждой организационно-правовой формы коммерческих организаций приняты специальные законы, которые раскрывают и упорядочивают соответствующие положения ГК РФ, определяя порядок создания, деятельности, реорганизации и ликвидации коммерческих организаций как юридических лиц, формирования и использования имущества коммерческих организаций, права и обязанности их учредителей (участников), основы управления коммерческими организациями и возможные

формы их поддержки органами государственной власти и органами местного самоуправления.

Таким образом, происходит дублирование: одни и те же вопросы урегулированы и ГК РФ, и специальными федеральными законами, что в некоторых случаях приводит к противоречиям.

Относительно некоммерческих организаций, федеральный закон «О некоммерческих организациях» [2] от 12.01.1996 № 7-ФЗ раскрывает лишь половину видов НКО, остальные описаны в специализированных законах.

Таким образом, необходимо согласиться с такими учеными как Б.В. Россинский и Ю.Н. Старилов, которые акцентируют внимания на том, что «одни и те же субъекты права могут одновременно быть субъектами различных отраслей права, как гражданского, так и административного или уголовного. Суть соответствующих правоотношений раскрывается через понятие правоспособности, ее характер, содержание и объем» [3, с. 119].

Согласно ст. 49 ГК РФ, юридические лица обладают правоспособностью, что означает возможность иметь гражданские права, соответствующие целям деятельности, предусмотренным в его учредительном документе, и нести связанные с этой деятельностью обязанности [1].

Следует также отметить, что ст. 49 ГК РФ разделяет гражданскую правоспособность юридического лица на общую и специальную. Общая правоспособность (дающая возможность участвовать во всех гражданско-правовых отношениях), как правило, присуща коммерческим организациям. Специальная (ограниченная или же целевая) правоспособность дает возможность участвовать лишь в ограниченном круге таких правоотношений, обычно присуща государственным учреждениям, некоммерческим организациям, поскольку их участие, например, в предпринимательской деятельности изначально ограничено содействием достижению заявляемых в учредительных документах целей.

В соответствии с п. 1 ст. 49 ГК РФ коммерческие организации обладают, как правило, общей правоспособностью, то есть могут иметь гражданские права и нести гражданские обязанности, необходимые для осуществления любых видов деятельности, не запрещенных законом.

Некоммерческая организация обладает специальной правоспособностью, то есть имеет те гражданские права и обязанности, которые предусмотрены в ее учредительных документах и соответствуют целям ее деятельности. Поэтому, согласно п. 2 ст. 52 ГК РФ, в учредительных документах некоммерческих организаций обязательно должны быть определены предмет и цели деятельности [4, с. 5-6].

Что касается дееспособности, в законодательстве этот термин применяется только в отношении физических лиц и означает способность гражданина своими действиями приобретать и осуществлять гражданские права, создавать для себя гражданские обязанности и исполнять их в полном объеме с наступлением совершеннолетия (ст. 21, 22, 26, 28 ГК РФ).

Как отмечает Серова О.А., «по общему правилу правоспособность юридического лица совпадает с дееспособностью и включает в себя как способность иметь права и нести обязанности так и способность субъекта своими действиями приобретать для себя права и создавать для себя обязанности. Причиной является

невозможность применения понятия «степень зрелости» к юридическим лицам. В силу указанного обстоятельства, правоспособность и дееспособность у юридического лица, как правило, возникают одновременно, то есть с момента государственной регистрации юридического лица» [5, с. 74].

Однако Прошин С.Н., изучая институт юридического лица, выделяет дееспособность в отдельную категорию и считает, что ее игнорирование «не позволит полноценно раскрыть понятие и сущность юридического лица. ГК РФ определяет дееспособность гражданина как способность своими действиями приобретать и осуществлять гражданские права и обязанности и исполнять их. Считаем, что дееспособности юридического лица можно дать такое же определение...» [6, с. 26].

Данную точку зрения разделяет и Агапов А.Б., разграничивая понятия правоспособность и дееспособность по отраслям права. Исследователь определяет административную правоспособность юридического лица как «возможность быть носителем исполнительно-распорядительных полномочий (публичных прав и обязанностей), а административную дееспособность – как возможность приобретать и осуществлять публичные полномочия (т.е. приобретать права в сфере исполнительно-распорядительной деятельности и нести обязанности)» [7, с. 44].

При этом автор уточняет, что «административную дееспособность следует отличать от гражданской дееспособности, поскольку административная дееспособность возникает в момент возбуждения ходатайства перед органом государственного управления о государственной регистрации, а гражданская дееспособность – в момент регистрации юридического лица. Также нужно отметить, что гражданская дееспособность некоторых юридических лиц, а именно коммерческих организаций, обуславливается и получением лицензии на соответствующую деятельность, членства в саморегулируемой организации или выданного саморегулируемой организацией свидетельства о допуске к определенному виду работ, а не только государственной регистрацией» [1].

При этом даже в случае прекращения гражданской дееспособности, которая прекращается в момент внесения в единый государственный реестр юридических лиц сведений о прекращении его деятельности, юридическое лицо сохраняет административную дееспособность. Так при ликвидации юридического лица его учредители (участники) несут публичные обязанности перед органами, осуществляющими государственную регистрацию, а при совершении правонарушения — перед правоохранительными органами. «Административная дееспособность юридического лица прекращается в момент исполнения учредителями (участниками) юридического лица установленных законом обязанностей перед публичным органом государственного управления, например обязанностей, обусловленных исполнительным производством» [8, с. 45].

Несмотря на то, что все субъекты административного права имеют свой собственный административно-правовой статус, отличный от других, они также общими чертами, характеризующими их административную правоспособность. В своих исследованиях Россинский Б.В. и Старилов Ю.Н. выделяют следующие признаки, определяющие общее в административной правоспособности субъектов административного права [3, с. 119]:

1) «управленческая сущность деятельности, проявляющаяся при реализации административной правоспособности;

2) наличие специальных прав и обязанностей, которые способствуют формированию организационных связей и отношений в системе публичного управления;

3) юридическая властность действий и распорядительность решений, принимаемых некоторыми субъектами административного права (касательно органов исполнительной власти и должностных лиц);

4) реализация государственно-принудительных полномочий, мер административного принуждения (касательно специальных субъектов права, наделенных соответствующими полномочиями);

5) обеспечение защиты правоотношений;

6) юридические гарантии рассмотрения возникшего в системе публичного управления правового спора в административном или судебном порядке в рамках установленных процессуальных правил».

Таким образом, только осуществляя определённую за ними правоспособность, субъекты административного права, имеющие установленный административно-правовыми нормами правовой статус, становятся участниками административно-правовых отношений.

Любое предприятие и учреждение, являющееся субъектом административно-правовых отношений, обладает соответствующим административно-правовым статусом.

В литературе по административному праву сформировались следующие основные подходы к пониманию административно-правового статуса коллективных субъектов.

Ю. А. Дмитриев, А. А. Евтеева, С. М. Петров под административно-правовым статусом понимают «совокупность прав и обязанностей юридического лица, установленных нормами административного права, и включают в его структуру также административную правосубъектность» [8, с. 92].

Конин Н.М. описывает административно-правовой статус коммерческих и некоммерческих организаций как «совокупность всех их прав и обязанностей, реализуемых ими в управленческих административно-правовых отношениях, которые складываются прежде всего во взаимоотношениях предприятий и учреждений с государственными и муниципальными органами исполнительной власти» [9, с. 179].

Е.В. Овчарова же подчеркивает, что «если административно-правовой статус абстрактного юридического лица определяется нормами административного права, то административно-правовые отношения конкретного юридического лица зависят от юридических фактов, с которыми закон связывает их возникновение, изменение и прекращение» [10, с. 45].

В своей монографии, соглашаясь с Овчаровой Е.В. и Бахрахом Д.Н., Панов А.Б. утверждает, что «административно-правовой статус юридического лица имеет определённую структуру, которая включает целевой блок элементов, организационный блок элементов, компетенцию в сфере государственного управления и административную ответственность как необходимое правовое средство обеспечения надлежащего исполнения обязанностей юридических лиц в сфере государственного управления. В отличие от компетенции юридического лица в сфере государственного управления и административной ответственности,

характеризующих исключительно его административно-правовой статус, целевой и организационный блоки элементов его правового статуса в равной мере могут быть отнесены как к гражданско-правовому, так и к административно-правовому статусу» [11, с. 12].

Таким образом, административно-правовой статус коллективного субъекта по своему содержанию представляет собой правовую характеристику этого субъекта как потенциального участника административных правоотношений.

Волков А.М. в своих работах разделяет административно-правовой статус субъектов на три элемента: права, обязанности и ответственность [12].

В.М. Манохин выделял такие элементы административно-правового статуса организаций, как:

- 1) «их создание (учреждение);
- 2) государственную регистрацию;
- 3) получение разрешения на занятие определенной деятельностью;
- 4) формирование органа управления делами организации;
- 5) определение круга полномочий вышестоящих органов в отношении организации;

- 6) гарантии прав и защиты имущества от незаконного изъятия» [13, с. 69].

В исследованиях Кикоти В.Я. дается наиболее полная структура административно-правового статуса организаций, в которую автор включает следующие элементы [14, с. 105]:

- 1) «место и роль организации в административно-публичной сфере, в том числе подведомственность (подчиненность) ее конкретному органу исполнительной власти либо иной вид юридической связи с органами исполнительной власти;

- 2) сферу, предмет и виды деятельности организации;

- 3) цели создания и деятельности организации;

- 4) задачи, решаемые организацией в административно-публичной сфере;

- 5) функции, выполняемые организацией в административно-публичной сфере;

- 6) общие и/или специальные административные права (полномочия) организации в административно-публичной сфере;

- 7) ограничения общих и/или специальных административных прав (полномочий) организации в административно-публичной сфере;

- 8) общие и/или специальные административные обязанности организации в административно-публичной сфере;

- 9) общую или специальную юридическую ответственность организации за совершенные в административно-публичной сфере правонарушения».

Тем не менее, проанализировав вышеуказанные подходы к определению структуры административно-правового статуса коммерческих и некоммерческих предприятий, на наш взгляд, наиболее приемлемой является структура предложенная Пановым А.Б., разделяющая административно-правового статуса коммерческих и некоммерческих организаций на блоки: целевой (отражающий цели деятельности организаций, принципы регулирования их административно-правового статуса), организационный (отражающий способы создания коммерческих и некоммерческих организаций), содержательный (отражающий

права коммерческих и некоммерческих организаций, гарантии их реализации, обязанности организаций) и блок административной ответственности (указывающий меры административного принуждения, применяемые к коммерческим и некоммерческим организациям) [11, с. 12].

Кроме того, административно-правовой статус условно можно разделить на общий и специальный, в зависимости от особенностей содержания перечисленных элементов.

Под общим правовым статусом понимается «общая административно-правовая характеристика, содержащая наиболее общие административные права, обязанности и ограничения, а также общие условия привлечения организации к юридической ответственности за совершенные правонарушения в административно-публичной сфере» [14, с. 109].

Сюда можно отнести права и обязанности:

«связанные с государственной регистрацией (создание, реорганизация, ликвидация, внесение изменений в учредительные документы);
с получением лицензии и соблюдением лицензионных условий;
в сфере безопасности товаров, работ, услуг и здоровья нации;
в сфере соблюдения публичных правил;
при осуществлении государственного контроля и надзора;
в сфере антимонопольного регулирования;
в сфере организации бухгалтерского учета;
в сфере применения контрольно-кассовых машин» [11, с. 12].

Общий административно-правовой статус приобретает организациями с момента государственной регистрации в качестве юридического лица.

Поскольку административно-правовой статус различен у разных групп юридических лиц, это дает основание для выделения специального административно-правового статуса наряду с общим.

Специальный административно-правовой статус организации представляет собой «специальную административно-правовую характеристику и включает в себя, в частности, специальные административные права (полномочия), ограничения этих прав (полномочий), административные обязанности этого предприятия и др.» [14, с. 42]. Это правовое положение субъектов, образующих специальную категорию (например, акционерные общества, общественные объединения и др.). Правовое положение почти каждого из таких субъектов определяется отдельным федеральным законом, сочетающим нормы административного и других отраслей права.

Таким образом, для различных организаций, административно-правовой статус имеет свою специфику и зависит от целей ее деятельности и организационно-правовой формы. Различия между коммерческими и некоммерческими организациями основываются, в первую очередь, на результатах их деятельности: производят ли они материальные блага или же создают нематериальные ценности. Казалось бы, довольно четкое и понятное разделение, но не все так просто. Дело в том, что данное деление несколько относительно, поскольку довольно часто происходит так, что деятельность коммерческих предприятий также позволяет

достичь целей, характерных для НКО, в свою же очередь, многие учреждения выполняют также те функции, что характерны для предприятий.

Список литературы

1. Российская Федерация. Законы. Гражданский кодекс Российской Федерации (Часть I) от 30 ноября 1994 г. – Текст: электронный // СПС «КонсультантПлюс» : [сайт]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 19.05.2020).
2. О некоммерческих организациях : Федеральный закон от 12.01.1996 г. № 7. – Текст: электронный // СПС «КонсультантПлюс» : [сайт]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8824/ (дата обращения: 15.05.2020).
3. Россинский, Б. В. Административное право : учебник / Б. В. Россинский, Ю. Н. Стариков. – 5-е изд., пересмотр. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2017. – 119 с. – Текст : непосредственный.
4. Касьянова, Г. Ю. Некоммерческие организации: правовое регулирование, бухгалтерский и налоговый учет / Г. Ю. Касьянова. – Текст : непосредственный. – М.: АБАК, 2016. – С. 5–6.
5. Серова, О. А. Понятие и виды правоспособности юридического лица / О. А. Серова. – Текст : непосредственный // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Право. – 2010. – № 1. – С. 74.
6. Прошин, С. Н. Дееспособность юридического лица – одна из составляющих его правоспособности / С. Н. Прошин. – Текст : непосредственный // Нотариус. – 2012. – № 2. – С. 26.
7. Агапов, А. Б. Административное право : учебник / А. Б. Агапов. – 7-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2011. – 44 с. – Текст : непосредственный.
8. Дмитриев, Ю. А. Административное право : учебник для юридических вузов / Ю. А. Дмитриев, А. А. Евтеева, С. М. Петров. – М.: Эксмо, 2005. – 92 с. – Текст : непосредственный.
9. Конин, Н. М. Административное право Российской Федерации. Общая часть / Н. М. Конин. – Саратов, 2010. – 179 с. – Текст : непосредственный.
10. Овчарова, Е. В. Административная ответственность юридических лиц в Российской Федерации / Е. В. Овчарова. – Текст : непосредственный. – М., 2001. – С. 45.
11. Панов, А. Б. Административная ответственность юридических лиц : монография / А. Б. Панов. – Текст : непосредственный. – М.: Норма, 2013. – С. 12.
12. Волков, А. М. Административное право в вопросах и ответах : учебное пособие / А. М. Волков. – М.: Проспект, 2018 г. – Текст : непосредственный.
13. Манохин, В. М. Административное право России : учебник / В. М. Манохин. Саратов, 2010. – 69 с. – Текст : непосредственный.
14. Кикоть, В. Я. Административное право России : учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / В. Я. Кикоть; под ред. В. Я. Кикотя, П. И. Кононова, И. Ш. Кияхсанова. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2012. – 105 с. – Текст : непосредственный.

Volkov V. Y. Features of the administrative and legal status of commercial and non-commercial organizations/ V.Y. Volkov // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean federal university. Juridical science. – 2020. – Т. 6 (72). № 3. – P. 304-311.

The article deals with the administrative and legal status of commercial and non-commercial organizations. The author conducts a theoretical and methodological analysis of the administrative and legal status of commercial and non-commercial organizations. The author focuses on the fact that in modern Russian legislation there are processes of duplication of norms in the field of legal regulation of legal entities: the same issues are regulated by the civil code of the Russian Federation and special Federal laws, which in some cases leads to contradictions.

The author notes that the administrative and legal status of commercial and non-commercial organizations in a number of representatives of legal science is studied in fragments, representing mainly a list of elements, without justification of why these characteristics are highlighted.

The author concludes that the administrative and legal status of commercial and non-commercial organizations is a certain structure consisting of several blocks, which, in turn, consist of interrelated elements, the exclusion of which leads to the termination of the administrative and legal status.

Keywords: administrative responsibility, administrative and legal status, legal entity, commercial organizations, non-profit organizations, collective entities, administrative Code of the Russian Federation.

Spisok literature

1. Civil Code of the Russian Federation (part one) of 30.11.1994 No. 51-FZ (as amended on 16.12.2019, as amended on 12.05.2020). // Rossiyskaya Gazeta. No. 238-239, 08.12.1994.
2. Federal Law of 12.01.1996 No. 7-FZ (as amended on 02.12.2019) "On non-profit organizations" // Rossiyskaya Gazeta. No. 14, 24.01.1996.
3. Rossinsky, B. V. Administrative law : textbook / B. V. Rossinsky, Yu. N. Starilov. – 5th ed., Revision. – M.: Norma: INFRA-M, 2017. – P. 119.
4. Kasyanova, G. Yu. Non-profit organizations: legal regulation, accounting and tax accounting / G. Yu. Kasyanova. – M.: ABAK, 2016. – Pp. 5–6.
5. Serova, O. A. Concept and types of legal capacity of a legal entity / O. A. Serova // Bulletin of the Samara Academy of Humanities. Series: Right. – 2010. – No. 1. – P. 74.
6. Proshin, S. N. The legal capacity of a legal entity is one of the components of its legal capacity / S. N. Proshin // Notary. – 2012. – No. 2. – P. 26.
7. Agapov, A. B. Administrative law : textbook / A. B. Agapov. – 7th ed., Rev. and add. – M.: Yurayt Publishing House, 2011. – P. 44.
8. Dmitriev, Yu. A. Administrative law : a textbook for law schools / Yu. A. Dmitriev, A. A. Evteeva, S. M. Petrov. – M.: Eksmo, 2005. – P. 92.
9. Konin, N. M. Administrative law of the Russian Federation. General part / N. M. Konin. – Saratov, 2010. – P. 179.
10. Ovcharova, E. V. Administrative responsibility of legal entities in the Russian Federation / E. V. Ovcharova. – M., 2001. – P. 45.
11. Panov, A. B. Administrative responsibility of legal entities : monograph / A. B. Panov. – M.: Norma, 2013. – P. 12.
12. Volkov, A. M. Administrative law in questions and answers : textbook / A. M. Volkov. – M.: Prospect, 2018.
13. Manokhin, V. M. Administrative law of Russia : textbook / V. M. Manokhin. Saratov, 2010. – P. 69.
14. Kikot, V. Ya. Administrative law of Russia: a textbook for university students enrolled in the specialty "Jurisprudence" / V. Ya. Kikot; ed. V. Ya. Kikotya, P. I. Kononova, I. Sh. Kilyashkanova. – 5th ed., Rev. and add. – M.: UNITY-DANA: Law and Law, 2012. – P. 105.

УДК 349.6

DOI: 10.37279/2413-1733-2020-6-3-312-322

ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Елькина Т. В., Скряга К. Ю.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

В статье рассматривается законодательное обеспечение экологического планирования, которое имеет наибольший функциональный потенциал, по сравнению с уже существующими институтами нормирования, экспертизы, аудита, контроля и др. Также анализируется сущность планирования, и необходимость его включения в эколого-правовой механизм. В итоге делается вывод о том, что развитие экологического законодательства в будущем может стать основой для ухода от отраслевого регулирования экологических отношений к разработке самостоятельного специального нормативного межотраслевого акта.

Ключевые слова: экология, планирование, экологическое планирование, законодательство, экологическая безопасность.

Планирование в экологии – это специфичная мера обеспечения природопользования и охраны природных ресурсов. Планирование в эколого-правовом механизме проявляется в двух качествах: как правовая мера обеспечения рационального природопользования и охраны природы, установленная в законодательстве.[1]

Выделяют два вида планирования, по критерию обязательности:

– планирование, основанное на правовой норме, т.е. прямое указание законом на требование об экологической организации;

– инициативное планирование – собственная воля субъекта планирования.

При этом добровольное планирование имеет большой правовой смысл. В экологическом законе отсутствует прямое требование о планировании природоохранной деятельности предприятием. Однако, планирование – это ресурс развития предприятия, с этим учетом, оно само заинтересовано в разработке и осуществлении планов охраны природы и использования природных ресурсов, которые направлены на обеспечение исполнения им требований законодательства. Этим путем, кроме других положительных результатов, предприятие может избежать разного рода экологических рисков и неблагоприятных для себя последствий (таких как приостановление деятельности, лишение лицензии, и т.п.).

Планирование императивное, предусмотренное законодательством имеет большой юридический и практический смысл. Значение его заключается в том, что в соответствии с правовой нормой оно должно осуществляться, а принятый экологический план носит директивный характер [2].

Экологическое законодательство характеризуется прогрессивным подходом. Так, в частности, важные научно обоснованные требования по экологическому

планированию были установлены в Федеральном законе от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды»[3]

Статьей 15 названного акта, предусматривались три формы планирования:

– разработка федеральных программ в области экологического развития РФ;

– целевые программы по охране окружающей среды субъектов Российской Федерации;

– мероприятия по безопасному природопользованию[4].

Порядок разработки, финансирования и реализации федеральных программ в области экологического планирования Российской Федерации устанавливается в соответствии с ее законодательством. Согласно этому Закону, вопросы, касающиеся целевых программ в области охраны окружающей среды субъектов Российской Федерации, устанавливаются в соответствии с законодательством субъектов.

В рамках анализа регулирования экологических отношений интегрировано с экономическим положением в государстве, на уровне федерации нет нормативного акта, который предусмотрел нормы об экологическом планировании.

В системе источников экологического права характерно то, что по сути, это система законодательства, которая постоянно совершенствуется, в связи с подготовкой и принятием целого ряда актов федерального законодательства в области охраны окружающей среды.

Среди которых, наднациональный характер имеют принципы и нормы международного права. Высший международный уровень эколого-правовых нормативных актов составляют общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры РФ. Единым для всех актов является правило, по которому, их положения могут быть применены только в том случае, если они не противоречат нормам национального закона, не наносят вред экосистеме государства.

В Конституции РФ указано, что ее положения обладают высшей юридической силой, и непосредственным, прямым действием на всей территории РФ. Все законы или иные правовые акты, которые принимаются на территории Российской Федерации, не могут противоречить Конституции РФ (ст. 15). Разграничение предметов ведения и полномочий органов государственной власти РФ с органами государственной власти в субъектах федерации осуществляется на основании Конституции РФ, с помощью федеративных и иных договоров о разграничении предметов ведения и полномочий. [5]

Могут также приниматься федеральные конституционные законы. Федеральные конституционные законы принимаются по тем вопросам, которые указаны в Конституции РФ (ст. 65 – о составе субъектов в Российской Федерации).

Федеральные законы могут быть приняты Государственной Думой большинством голосов ее депутатов, и предлагаются на рассмотрение Совету Федерации. Отдельные акты федерального законодательства направлены на поддержание условий сохранения и оздоровления окружающей среды, а также гарантию проведения единой общегосударственной экологической политики, и выработку принципов всеобщего участия граждан в охране окружающей среды.

Экологическое право на современном этапе состоит из таких актов:

– Федеральный закон от 14 марта 1995 г. № 33-ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях»

– Федеральный закон от 23 февраля 1995 г. № 26-ФЗ «О природных лечебных ресурсах, лечебно-оздоровительных местностях и курортах»;

– Федеральный закон «Об экологической экспертизе» от 23.11.1995 № 174-ФЗ;

– Федеральный закон «Об охране окружающей среды» от 10.01.2002 № 7-ФЗ;

– Закон РФ «О недрах» от 21.02.1992 № 2395-1;

– Кодексы: Водный, Лесной и другие.

Во исполнение законов, и на их основе, субъекты РФ принимают нормативные акты, регулирующие различные аспекты природопользования.

Подзаконные нормативно-правовые акты, которые были изданы органами исполнительной власти, подразделяют на такие группы:

– правительственные нормативно-правовые акты:

1) постановления Правительства РФ, касающиеся вопросов ведения учета и кадастров природных ресурсов;

2) прогнозирование природопользования;

3) государственная экологическая экспертиза;

4) договоры аренды участков лесного фонда;

5) предоставления, изъятия, перераспределения природных объектов и связанных с этим расчетных отношений; контроля над природопользованием и прочее.;

– межведомственные нормативно-правовые акты – как источники экологического права, которые принимаются органами управления (регулирования) межведомственной компетенции;

– ведомственные нормативно-правовые акты – приказы, которые принимаются министрами по вопросам экологического права, отнесенным к их компетенции.[6]

В субъектах РФ свои источники экологического права, к числу которых относятся нормативно-правовые акты субъектов РФ:

конституции (или уставы), законы по отдельным вопросам природопользования и охраны природных ресурсов, защиты окружающей среды, нормативные правовые акты законодательных (представительных) органов, регулирующие экологические общественные отношения.

Отдельный уровень в системе источников экологического права России – нормативно-правовые акты муниципальных органов власти.

В соответствии с Конституцией РФ, в Российской Федерации признается и гарантируется возможность местного самоуправления. Органы местного самоуправления – составляющий элемент системы органов государственной власти. Их компетенция – решение вопросов местного значения, находящихся в их ведении, что неизбежно требует локального (местного) нормотворчества.

Местное самоуправление существует в городских, и сельских поселениях, а так же на других территориях с учетом исторических и иных факторов. Исполнительно-распорядительные функции принадлежат соответствующим главам местного самоуправления (например, глава местной администрации).

Судебные решения также являются источником экологического права. Так, в руководящих постановлениях Пленума Верховного Суда РФ и Пленумов Высшего Арбитражного Суда РФ заложена их роль в формировании политики экологического права. В ходе судебного рассмотрения неизбежно обнаруживаются пробелы и

коллизии в правовом регулировании экологических вопросов. Так, в соответствии с положениями закона, в случае обнаружения пробела в регулировании, суды имеют возможность применять конструкции аналогии закона или аналогии права, что равносильно созданию новой правовой материи.[7]

Вспомогательная роль в системе источников по совершенствованию правоприменительной деятельности в экологических вопросах, играют стандарты. Например:

ГОСТ Р 17.0.0.06-2000 «Охрана природы. Экологический паспорт природопользователя. Основные положения. Типовые формы.»;

ГОСТ Р 17.2.2.07- 2000 «Охрана природы. Атмосфера. Поршневые двигатели внутреннего сгорания для малогабаритных тракторов и средств малой механизации. Нормы и методы измерения выбросов вредных веществ с отработавшими газами и дымности отработавших газов» и другие.

Это средство уточнения содержания нормативно-правовых актов, и защита от возможных ошибок в практике правоприменения.

К полномочиям органов государственной власти Российской Федерации в отношениях, связанных с обеспечением охраны окружающей среды, относят:

- обязанность проведения федеральной политики в сфере экологического развития Российской Федерации;
- разработка и издание федеральных законов и иных нормативных правовых актов в области охраны окружающей среды и контроль за их применением;
- утверждение и обеспечение различными ресурсами реализации федеральных программ по экологическому развитию России;
- признание, установление правового статуса и режима зон экологического бедствия на территории Российской Федерации (при необходимости);
- координация и реализация, и контроль мероприятий, направленных на охрану окружающей среды в зонах экологического бедствия;
- объявление порядка и процедуры осуществления государственного экологического мониторинга (государственного мониторинга окружающей среды), функционирования единой системы государственного экологического мониторинга, формирование соответствующей государственной системы
- наблюдение за состоянием природной среды и обеспечение функционирования системы;
- издание актов, устанавливающих порядок организации и осуществления федерального государственного экологического надзора;
- определение основных приоритетных направлений охраны окружающей среды на территории субъектов Российской Федерации;
- участие в реализации федеральных программ и федеральной политики в области экологического развития Российской Федерации на территории отдельного субъекта Российской Федерации;
- принятие нормативных правовых актов субъекта Российской Федерации в области охраны окружающей среды на основании федерального законодательства, осуществление контроля за их исполнением;
- право издания и реализации региональных программ в области обеспечения безопасности окружающей среды;

– осуществление регионального государственного экологического надзора в процессе осуществления хозяйственной и иной деятельности хозяйствующими субъектами, за исключением деятельности с использованием объектов, подлежащих федеральному надзору;

– право организовывать и развивать систему экологического образования и формировать общую экологическую культуру на территории субъектов Российской Федерации;

– полномочия по ведению Красной книги субъекта Российской Федерации;

– право образования особо охраняемых природных территорий регионального уровня, охрана и рациональное использование таких [8].

К вопросам местного значения в пределах муниципального района в основном относятся вопросы организации мероприятий в населенном пункте по охране окружающей среды.

Требования к планированию предусматриваются в законах о природных комплексах и объектах. Нормы о планировании содержатся в Федеральных законах:

– «О континентальном шельфе Российской Федерации» (ст. 6.1.);

– «Об охране озера Байкал» (ст. 16);

– Земельном кодексе РФ (статьи 68, 69);

– Водном кодексе РФ (ст. 33);

– в ряде других актов.

Ответственность за экологические правонарушения – предусмотренные законодательством Российской Федерации меры юридической ответственности, императивные принуждения государственно-правового характера, вызванные совершением экологического правонарушения.

Эколого-правовая ответственность предусмотрена в актах экологического законодательства и может быть применена специально уполномоченными на то государственными органами.

Основание эколого-правовой ответственности – причинение вреда окружающей среде, нанесение ущерба жизни и здоровью человека, или его имуществу. [9]

Под экологическим правонарушением понимают виновное противоправное деяние, которое нарушает положения законодательства об охране окружающей среды, причиняет реальную угрозу, либо несет риск причинения вреда окружающей среде, жизни и здоровью человека, его имуществу.

В состав экологического правонарушения включается:

– элемент противоправности деяния (действия, или бездействия);

– наличие вреда или реальной угрозы причинения вреда;

– и причинная связь между поведением противоправного характера и последствием – экологическим вредом.

Субъекты экологических правонарушений – физические или юридические лица.

Юридическая ответственность за экологические правонарушения – это процесс возложение неблагоприятных последствий за совершенное экологическое правонарушение на нарушителя природоохранных норм.

Юридическая ответственность имеет четыре основные функции:

–превентивная заключается в функции предупреждения совершения новых экологических правонарушений;

–стимулирующая – призыв к соблюдению экологических норм;

–компенсационная – возможность получения полного или частичного возмещения вреда, нанесенного окружающей среде или здоровью человека;

–карательная – возможность привлечения к наказанию лица, который совершил экологическое правонарушение.

–Федеральным законом «Об охране окружающей среды» за нарушение требований законодательства в области охраны окружающей среды устанавливается перечень видов ответственности:

–имущественная;

–дисциплинарная;

–административная;

–уголовная [10].

К каждому виду ответственности привлечение возможно только на основании, и в соответствии с действующим законодательством Российской Федерации.

Имущественная ответственность заключается в том, что гражданин или юридическое лицо отвечает по своим обязательствам всем принадлежащим имуществом, за исключением того, на которое в соответствии с гражданским законом не может быть обращено взыскание (ст. 24 ГК РФ).

Дисциплинарная ответственность – специфический вид ответственности за экологические правонарушения, который влечет наложение администрацией предприятия, учреждения, или организации на своего работника материально неблагоприятных санкций за неисполнение или ненадлежащее исполнение своих трудовых обязанностей, которое повлекло наступление экологически неблагоприятных последствий.

За неисполнение или ненадлежащее исполнение работником возложенных на него трудовых обязанностей, если они имеют виновный характер, работодатель может применить следующие виды дисциплинарных взысканий:

–замечание – выраженное в письменной или устной форме требования пресечь нарушение экологических норм;

–выговор – письменное взыскание с занесением в трудовую книжку;

–увольнение по основаниям нарушения закона или требований работодателя.

Административная ответственность – один из видов юридической ответственности граждан, должностных лиц и юридических лиц, которая наступает за совершение виновными лицами административного правонарушения.

За экологические правонарушения административная ответственность предусмотрена в Кодексе Российской Федерации Об административных нарушениях, глава 8 которого содержит 40 составов экологических проступков. Составы правонарушений разделяют на три группы:

–действия или бездействия по невыполнению экологических требований;

–прямое нарушение условий, правил и порядка природопользования;

–причинение вреда, либо полное уничтожение природных ресурсов и объектов.

Примерами экологических проступков, которые подлежат привлечению к ответственности по административному закону являются:

- несоблюдение экологических и санитарно-эпидемиологических правил, в процессе обращения с отходами производств и потребления или иными опасными веществами (ст. 8.2 КоАП РФ);

- нарушение в сфере законодательства об экологической экспертизе (ст. 8.4 КоАП РФ).

- нарушение порядка предоставления в пользование и режима использования земельных участков и лесов в водоохранных зонах и прибрежных полосах водных объектов (ст. 8.12 КоАП РФ).

Привлечение к уголовной ответственности за нарушение экологическое закона может выражаться в ограничении прав и свобод лиц, которые виновны в совершении преступлений, предусмотренных в составах Уголовного кодекса РФ.

Особое внимание следует обратить на специальные составы экологических преступлений, которые предусмотрены Главой 26 Уголовного кодекса РФ «Экологические преступления».

Эти составы специальные, так как имеют узкую направленность, то есть объект посягательства – отношения, связанные с рациональным использованием природных ресурсов и объектов природы. Пример, такие составы как:

- нарушение правил охраны окружающей среды при производстве работ – ст. 246 УК РФ;

- порча земли – ст. 254 УК РФ;

- незаконная охота – ст. 258 УК РФ;

- загрязнение вод – ст. 250 УК РФ.

Уголовным кодексом РФ предусмотрены следующие виды наказаний: штраф, обязательные работы, исправительные работы, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, ограничение свободы, арест, лишение свободы на определенный срок.

Имущественная ответственность за нарушение законодательства в области охраны окружающей среды означает наложение на нарушителя экологических норм обязанности возместить причиненный окружающей среде и здоровью человека вред своим имуществом.

В Федеральном законе «Об охране окружающей среды» установлена обязанность полного возмещения вреда, нанесенного окружающей среде. Субъекты, причинившие такой вред окружающей среде в результате ее загрязнения, истощения, порчи, уничтожения, нерационального использования природных ресурсов, деградации и разрушения естественных экологических систем, природных комплексов и природных ландшафтов, и иного нарушения законодательства в области охраны окружающей среды, обязаны возместить его в полном объеме в соответствии с законодательством. [11]

В соответствии с Законом «Об охране окружающей среды» планирование мероприятий с целью охраны окружающей природной среды и рациональному природопользованию осуществляется на основе федеральных программ по экологическому развитию Российской Федерации, и целевых программ субъектов РФ

в области охраны окружающей среды, а также планов социально-экономического развития, разработанных на основе экологических прогнозов.

Экологическая программа – это комплекс мероприятий, зависящий от ресурсов, сроков осуществления исполнителями, направленный на сохранение и воспроизводство экологических ресурсов и решение экологических проблем.

Характер таких мероприятий разнообразен:

- научно-исследовательский;
- производственный;
- социально-экономический;
- природоохранный;
- организационно-хозяйственный.

В Российской Федерации важнейшим средством реализации государственной экологической политики являются федеральные и региональные экологические программы.

Порядок и условия разработки и реализации федеральных программ и программ субъектов РФ в области охраны окружающей среды устанавливается соответственно законодательством Российской Федерации и ее субъектов. Общие требования к процедуре планирования охраны окружающей среды определяются в Федеральном законе «Об охране окружающей среды» от 10.01.2002 № 7-ФЗ. Реализация направлений в государственной политике по обеспечению экологической безопасности основывается на применении эффективных механизмов стратегического планирования, на основании Федерального закона от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации».[12]

Федеральные целевые экологические программы формируются с целью решения крупных экологических проблем на общегосударственном уровне. Это разносторонний и разноотраслевой, сложный комплекс мероприятий, требующих значительной концентрации ресурсов для их реализации, и реализованный в короткие сроки (как правило).

Экологические федеральные программы можно классифицировать на основании целей их организации:

- межгосударственные, разработанные с целью реализации мер по выполнению обязательств, на основе международных договоров;
- государственные – обеспечение экологической безопасности страны;
- межрегиональные, взаимодействующие и имеющие целью обеспечение экологической безопасности на территории нескольких субъектов Российской Федерации;
- региональные – их целью является улучшение экологической обстановки одного региона;
- локальные, которые занимаются решением вопросом принятия неотложных мер по улучшению состояния природной среды в отдельных населенных пунктах.

Основными руководящими программами являются региональные. Региональные экологические программы сформированы на уровне субъектов, которые находятся в составе России (края, области и города). Их особенность – взаимодействие и сочетание общегосударственных и территориальных интересов.

Данное, определяет специфику процедуры разработки, направленности реализации этих программ, которую можно охарактеризовать следующим образом:

- цели ставятся местными органами законодательной и исполнительной власти;
- мероприятия осуществляются только в границах одной территориальной единицы РФ;
- местные органы власти занимаются управлением, проектированием и реализацией программ;
- основой является принцип сочетания экологических, санитарно-гигиенических, медицинских и социальных мероприятий;
- финансирование возможно за счет привлечения средств производственных предприятий, местных бюджетов, федерального бюджета.
- Задачи региональных экологических программ усматриваются в следующем:
 - улучшение состояния экологической или социально-экологической обстановки;
 - наблюдение и мониторинг состояния окружающей среды;
 - внедрение экологически одобряемых и чистых технологий;
 - в целом, улучшение уровня жизни и здоровья населения;
 - социальное и экономическое развитие региона.

Приоритетное направление развития экологического законодательства в Российской Федерации – осуществление мер, направленных на восстановление охраняемых экологическим законодательством объектов, а также принятие мер по охране восстановленных объектов от негативного воздействия со природопользователей [13].

На сегодняшний день в Российской Федерации активно реализуется национальный проект «Экология», в рамках которого идут активные действия направленные на охрану и восстановление лесов, рек, озер и всей экологии в целом. Особое внимание уделено очистке реки «Байкал». Так же в рамках проекта решаются вопросы бытовых отходов, сортировки и утилизации мусора. Не мало важная роль уделена особо охраняемым природным территориям. Организация пространств особо охраняемых природных территорий неразрывно связана с созданием подходящих условий для их посетителей. Тем более, что развитие экотуризма является одной из основных задач нацпроекта «Экология». Агентство стратегических инициатив (АСИ) при участии Минприроды России выпустило «Руководство по функциональной организации нацпарков и заповедников». Оно призвано помочь ООПТ в привлечении посетителей и удовлетворении их ожиданий. При этом советы составлены с учетом необходимости минимизировать влияние человека на природу в границах особо охраняемых зон.

Так же можно сказать, что на сегодня государство только встало на путь оформления, разработки, построения и функционирования комплексной системы государственного планирования. Достижение целей социально-экономического развития и обеспечение национальной безопасности РФ возможно только при использовании механизмов стратегического планирования с целью защиты экологических интересов граждан, а также обеспечение экологической безопасности.

Список литературы

1. Русин, С. Н. Экологическая политика и право. Проблемы формирования и реализации / С. Н. Русин. – Текст : непосредственный // Экологическое право. – 2016. – № 3. – С. 9–15.
2. Клюканова, Л. Г. Комплексный подход к развитию экологической политики Российской Федерации / Л. Г. Клюканова. – Текст : непосредственный // Экологическое право. – 2016. – № 3. – С. 15–19.
3. Жаворонкова, Н. Г. Правовое обеспечение экологической безопасности в условиях экономической интеграции Российской Федерации / Н. Г. Жаворонкова, Ю. Г. Шпаковский. – Текст : непосредственный. – М.: Проспект, 2017.
4. Кондратьев, Н. Д. Большие циклы конъюнктуры и теория предвиденья : избранные труды / Н. Д. Кондратьев. – М.: Экономика, 2002. – Текст : непосредственный.
5. Постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 326 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации Охрана окружающей среды» на 2012–2020 годы. – Текст: электронный // СПС «КонсультантПлюс» : [сайт]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_162183/ (дата обращения: 05.06.2020).
6. Лисицын, Е. Н. Правовые проблемы экологии : сборник научно-аналитических обзоров советской и зарубежной литературы / Е. Н. Лисицын, В. В. Петров ; отв. ред. В. В. Петров; отв. за вып. Е. Н. Лисицын // Ин-т науч. информ. по общ. наукам Акад. наук СССР. – М.: [б. и.], 1980. – 304 с. – Текст : непосредственный.
7. Русин, С. Н. Экологическая политика и право. Проблемы формирования и реализации / С. Н. Русин. – Текст : непосредственный // Экологическое право. – 2016. – № 3. – С. 9–15.
8. Русин, С. Н. Экологическая функция государства. Детерминанта развития / С. Н. Русин. – Текст : непосредственный // Экологическое право. – 2012. – № 6. – С. 9–14.
9. Игнатьева, И. А. Актуальные проблемы возмещения вреда окружающей среде (аспекты правового регулирования, судебной практики и реализации государственной политики в области экологического развития) / И. А. Игнатьева. – Текст : непосредственный // Экологическое право. – 2016. – № 4. – С. 10–17.
10. Жаворонкова, Н. Г. Возмещение экологического вреда : законодательные новеллы / Н. Г. Жаворонкова, В. Б. Агафонов. – Текст : непосредственный // Lex Russica. – 2016. – № 8 (117). – С. 130–140.
11. Об охране окружающей среды : Федеральный закон от 10 января 2002 г. – Текст: электронный // СПС «КонсультантПлюс» : [сайт]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34823/ (дата обращения: 05.06.2020).
12. Жаворонкова, Н. Г. Экологическая безопасность в системе стратегического планирования Российской Федерации / Н. Г. Жаворонкова, Ю. Г. Шпаковский. – Текст : непосредственный // Lex Russica. – 2016. – № 6 (115). – С. 170–183.
13. Жаворонкова, Н. Г. Государственная экологическая политика и документы стратегического планирования / Н. Г. Жаворонкова, Г. В. Выпханова. – Текст : непосредственный // Экологическое право. – 2016. – № 3. – С. 24–29.

Elkina T.V., Skrelya K. Yu. Legislative support of environmental planning in the russian federation/ T.V. Elkina, K. Yu. Skrelya // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean federal university. Juridical science. – 2020. – Т. 6 (72). № 3. – P. 312-322.

The article discusses the legislative support of environmental planning, which has the greatest functional potential, compared with the existing institutions of regulation, examination, audit, control, etc. The essence of planning, and the need for its inclusion in the environmental-legal mechanism, is also analyzed. As a result, it is concluded that the development of environmental legislation in the future may become the basis for moving away from sectoral regulation of environmental relations to the development of an independent special regulatory inter-branch act.

Keyword: ecology, planning, environmental planning, legislation, environmental safety.

Spisok literature

1. Rusin, SN Environmental policy and law. Problems of formation and implementation / SN Rusin. – Text: direct // Environmental law. – 2016. – No. 3. – P. 9-15.

2. Klyukanova, LG An integrated approach to the development of environmental policy of the Russian Federation / LG Klyukanova. – Text: direct // Environmental law. – 2016. – No. 3. – P. 15-19.
3. Zhavoronkova, N. G. Legal support of environmental safety in the conditions of economic integration of the Russian Federation / N. G. Zhavoronkova, Yu. G. Shpakovsky. – Text: direct. – М.: Prospect, 2017.
4. Kondratyev, ND Big cycles of conjuncture and the theory of foresight: selected works / ND Kondratiev. – М.: Economics, 2002. – Text: direct.
5. Decree of the Government of the Russian Federation of April 15, 2014 No. 326 "On Approval of the State Program of the Russian Federation" Environmental Protection "for 2012–2020" – Text: electronic // ConsultantPlus: reference and legal system: website. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_162183/ (date of access: 05.06.2020).
6. Lisitsyn, EN Legal problems of ecology: collection of scientific and analytical reviews of the Soviet and foreign literature / EN Lisitsyn, VV Petrov; otv. ed. V. V. Petrov; otv. for issue. E. N. Lisitsyn // Inst. Nauchn. inform. in general Sciences Acad. Sciences of the USSR. – М.: [b. and.], 1980. – 304 p. – Text: direct.
7. Rusin, SN Environmental policy and law. Problems of formation and implementation / SN Rusin. – Text: direct // Environmental law. – 2016. – No. 3. – P. 9-15.
8. Rusin, SN Ecological function of the state. Determinant of development / S. N. Rusin. – Text: direct // Environmental law. – 2012. – No. 6. – P. 9-14.
9. Ignatieva, I. A. Actual problems of compensation for environmental damage (aspects of legal regulation, judicial practice and implementation of state policy in the field of environmental development) / I. A. Ignatieva. – Text: direct // Environmental law. – 2016. – No. 4. – P. 10-17.
10. Zhavoronkova, N. G. Compensation of environmental harm: legislative novels / N. G. Zhavoronkova, V. B. Agafonov. – Text: direct // Lex Russica. – 2016. – No. 8 (117). – S. 130-140.
11. On environmental protection: Federal Law of January 10, 2002 – Text: electronic // ConsultantPlus: reference and legal system: website. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34823/ (date of access: 05.06.2020).
12. Zhavoronkova, N. G. Environmental security in the system of strategic planning of the Russian Federation / N. G. Zhavoronkova, Yu. G. Shpakovsky. – Text: direct // Lex Russica. – 2016. – No. 6 (115). – S. 170-183.
13. Zhavoronkova, N. G. State environmental policy and strategic planning documents / N. G. Zhavoronkova, G. V. Vypkhanova. – Text: direct // Environmental law. – 2016. – No. 3. – P. 24–29.

УДК 347.91

DOI: 10.37279/2413-1733-2020-6-3-323-330

СУЩНОСТНЫЕ И СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРОИЗВОДСТВА КАК СОСТАВНОЙ ЧАСТИ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРОЦЕССА

Капранов А. В.

Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)

Капранова Ю. В.

Ростовский юридический институт МВД России

Исполнительное производство представляет собой сферу деятельности уполномоченных должностных лиц федеральных органов исполнительной власти, осуществляющих во внесудебном порядке принуждение по исполнению судебных актов и актов исполнительной власти на основе административно-процессуальных норм. Властными полномочиями по исполнению правоприменительных актов федеральным законодательством наряду с судебными приставами, должностными лицами ФССП России, наделяются и иные субъекты, должностные лица МВД России, ФСБ России, МЧС России и др. В статье рассматривается сущность и содержание исполнительного процесса как составной части административного процесса. Авторы анализируют понятие исполнительного производства, выявляют его содержание как административно-правового института. Анализ понятия исполнительного производства, его источников позволяет сделать вывод о понимании его сущности как разновидности административного процесса. В статье освещается роль исполнительного производства в механизме защиты прав и свобод человека и гражданина. В статье рассматриваются различные характерные черты исполнительного производства, позволяющие его отграничить от других видов производств, обозначаются предмет регулирования, цели и задачи, принципы, участники, стадии и особенности исполнительного производства.

Ключевые слова: исполнительное производство, судебный пристав, административный юрисдикционный процесс, стадии исполнительного производства, принудительное исполнение, исполнение правоприменительного акта.

В юриспруденции долгое время велись споры относительно природы исполнительного производства. В исследованиях советского периода ряд авторов придерживалось точки зрения, согласно которой исполнительное производство считалось частью гражданского (арбитражного) процесса. В рамках данного подхода исполнительное производство определялось как стадия гражданского (арбитражного процесса) [1, с. 109-128]. Такой подход был оправдан временем, так как осуществление исполнительного производства регламентировалось нормами ГПК РСФСР, а судебные приставы контролировались судами. Отдельные авторы все же в тот период считали, что совокупность норм, регламентирующих вопросы организации исполнения решений юрисдикционных органов могут образовывать самостоятельное, обособленное от гражданского права, исполнительное право [2, с. 116].

В современный период развития науки мнения авторов также не сведены к единому мнению. Есть мнение, что исполнительное законодательство следует рассматривать как комплексную отрасль права, которую можно именовать гражданским исполнительным правом [3]. Отдельные авторы считают, что исполнительное производство является институтом административного права, посвящая им свои диссертационные исследования: Горбунова Я.П., Кощеева Е.С. [4]. Другие обосновывают, что исполнительное производство выступает частью административного процесса [5, с. 76], третьи – представляет собой административно-правовой режим [6, с. 54].

Разрешая данный научный спор, полагаем, следует исходить, прежде из того, что согласно Федерального закона «Об исполнительном производстве» [7] его действие распространяется и на деятельность всех тех органов и должностных лиц, которые в соответствии с российским законодательством имеют полномочия, обязанности по передаче иным лицам, органам, организациям, учреждениям финансовых средств, либо обязанности по передаче в их пользу каких-нибудь действий, либо в их пользу воздержаться от их совершения (физических, юридических лиц, государственных и муниципальных органов), и на реализацию судебных решений. Таким образом, исполнительное производство выступает институтом административного права. Так, например, в случае нотариально удостоверенного соглашения об уплате алиментов, вынесения постановления по делам об административных правонарушениях и т.д., их принудительное исполнение не образует гражданского процесса.

Кроме того, исполнительное производство играет существенную роль в механизме защиты прав и свобод человека и гражданина. Защита нарушенных прав личности может быть осуществлена на основе ст. 45, 46 Конституции России [8] на основе судебного обращения. Однако может осуществляться и иным, не судебным, но предусмотренным законом способом. К такому способу защиты как раз и может быть отнесено исполнительное производство. Соответствующие уполномоченные должностные лица, реализуя исполнительное производство, осуществляют свою деятельность в целях восстановления нарушенных прав и свобод, что уже само по себе не может характеризовать исполнительное производство как составную часть гражданского (арбитражного) процесса. Хотя, безусловно, судебный пристав, обеспечивая непосредственно защиту нарушенных прав, не разрешает спор, не инициирует правоотношения по осуществлению правосудия, он лишь при помощи принудительных действий осуществляет принудительную реализацию действий, указанных в решении юрисдикционного акта.

Как институт административного права исполнительное производство обнаруживает в своем содержании ряд соответствующих признаков: обеспечивает самостоятельное регулятивное воздействие на соответствующую область отношений; обладает юридической однородностью; имеет свою внутреннюю структуру; имеет обособленно место в системе законодательства.

Так, исполнительное производство представляет систему норм, регулирующих вопросы, возникающие в ходе принудительного исполнения судебных актов, а также иных юрисдикционных актов, исполнение которых предусмотрено

законодательством. Исполнительное производство структурировано, имеет общую часть, подинституты, четко определенные термины, принципы и категории. Нормы об исполнительном производстве обособлены и сконцентрированы в федеральных законах «Об исполнительном производстве», «О судебных приставах».

Учитывая, то обстоятельство, то исполнительное производство имеет стадийную основу, представляет собой последовательность сменяющих друг друга стадий, впрочем, как и любой процесс в сфере исполнительной власти, подчиняющийся установленному в законе порядку, правил, предписанному порядку последовательных действий, справедливо отметить, что оно является частью административного процесса.

Административно-юрисдикционное производство является сложносоставным производством, состоящим из нескольких видов производств, одним из которых выступает исполнительное производство. Представляя особую сферу деятельности органов исполнительной власти федерального уровня, которые осуществляют соответствующие полномочия вне судебного порядка исполнительное производство состоит из властных полномочий по принуждению к исполнению судебных актов и иных актов исполнительных органов, посредством применения административно-процессуальных норм.

Соответствующими властно-принудительными полномочиями обладают многие федеральные органы исполнительной власти, помимо узкоспециализированных в данной области – судебных приставов, к ним могут быть отнесены такие субъекты как: МВД России, ФСБ России, МЧС России и др.

Содержательные характеристики исполнительного производства прежде всего предполагают выявление его целей, задач, принципов, взаимосвязи с другими юридическими процессами.

Анализ понятия исполнительного производства, его источников позволяет нам сделать вывод о понимании его сущности как разновидности административного процесса. Безусловно, исполнительное производство как процесс связан с другими видами производств (процессами), однако его следует рассматривать как самостоятельный вид юридического производства.

Вместе с тем далеко не все авторы разделяют подобную точку зрения. Так, отдельные авторы рассуждают о том, что исполнительный процесс является одной из стадий иных юридических процессов, которые по отношению к нему носят базовый характер. Они полагают, что все юридические процессы в качестве конечного результата имеют исполнительные документы, а, следовательно, исполнительное производство пронизывает все виды юридических процессов, являясь их составной частью [9, с. 6-7]. Так, в рамках исполнительного производства исполнительные документы подразделяются на выдаваемые: судом; субъектом административной юрисдикции (судьей, органом, должностным лицом); органом финансового контроля (ФНС России, ФТС России); – иной организацией в случае предусмотренных федеральным законом (например, Фондом социального страхования Российской Федерации); нотариусом; комиссией по трудовым спорам. Учитывая, что исполнительный документ является правоприменительным актом, предъявление

которого взыскателю судебным приставом-исполнителем образует юридический факт, соответственно, порождаются исполнительные правоотношения.

Другие авторы считают, что исполнительное производство теснее связано с гражданским процессом, является его составной частью, продолжением [10, с. 25]. Однако, как уже нами отмечалось, в случае добровольного исполнения решения суда исполнительное производство не проводится и потому не всегда является логическим продолжением гражданского процесса.

Согласно ст. 2 Федерального закона «Об исполнительном производстве» целью данного вида производства является защита нарушенных прав и свобод, законных интересов граждан и организаций. Однако имея в распоряжении статистику, которая свидетельствует о большом проценте неисполнимости требований субъекта принудительного производства, следует признать, что это цель – идеальная, достижение которой осуществляется в случае надлежащего исполнения соответствующего вида деятельности. Фактическая цель исполнительного производства исходя из анализа законодательства видится нам в том, чтобы принудительно обеспечить исполнение судебных актов, актов органов исполнительной власти.

Задачей исполнительного производства является обеспечение правильного и своевременного исполнения судебных актов, актов других органов и должностных лиц, а в предусмотренных законами Российской Федерации исполнение иных документов [11, с. 78].

Так, исполнительное производство начинается, когда правовое положение сторон публичного, административно-юрисдикционного правоотношения установлено вступившим в силу правоприменительным актом. Проблема перед которой сталкивается судебный пристав-исполнитель состоит в том, чтобы привести в соответствие фактическое состояние должника к установленному юридическому. Исполнительное производство возбуждается в случаях, когда по каким-либо причинам решение данной проблемы на добровольной основе не представляется возможным. Невозможность при этом может быть связана как с нежеланием лица выполнить свою юридическую обязанность (например, заплатить в тридцатидневный срок по штрафу назначенного судом), либо иными обстоятельствами, например, отсутствием имущества, либо необходимостью выполнением иных действий только уполномоченным лицом (исполнение административного ареста или других административных наказаний). Так гражданин не может самостоятельно исполнить сам в отношении себя большую часть административных наказаний. Например, гражданин не может добровольно без участия уполномоченного на то должностного лица осуществить конфискацию имущества, отбыть административный арест и т.д. Таким образом, цель исполнительного производства, прежде всего, обеспечивает принудительное приведение фактического правового положения сторон правоотношения к юридически установленному, то есть вступлению вступившего в законную силу правоприменительного акта. И при этом безусловно достигается правозащитная цель, но речь идет о защите прежде всего не частных, а публичных интересов, хотя первая также имеет место в отдельных случаях.

Иными словами, главная цель исполнительного производства, не важно принудительному исполнению подвергаются частно-правовые договоры (соглашение об уплате алиментов, решение комиссии по трудовым спорам и др.), или публичные (судебные решения, производство по административному правонарушению), заключается в достижении всеми законными способами исполнения правоприменительного акта, вынесенного в результате другого производства (гражданскому, административному и др.). В предмет правового регулирования исполнительного производства входят, таким образом, особые процессуальные отношения, которые складываются по поводу принудительно-исполнительного деятельности судебного пристава-исполнителя, имеющие особую процессуальную форму [12, с. 13-17].

Одной из содержательных характеристик института исполнительного производства является наличие в его регулирование частно-правовых начал. Так, в исполнительном производстве сторонам (взыскателю, должнику) представлена возможность вести свои дела через своих представителей [13], также в исполнительном производстве отмечаются элементы диспозитивности, применяется институт правопреемства. Среди принципов исполнительного производства на основе федерального закона «Об исполнительном производстве» можно выделить следующие: принцип законности; соблюдения прав и свобод человека и гражданина; неприкосновенности минимума имущества, необходимого для существования должника-гражданина и членов его семьи; соразмерности объема требований взыскателя и мер принудительного исполнения. Некоторые авторы считали данный перечень не полным и предлагали в него включать [14, с. 28-30]: принцип неприкосновенности личности должника; принцип пропорционального распределения взыскиваемых сумм между взыскателями; принцип сочетания отраслевой и территориальной организации; принцип пропорциональности распределения взыскиваемых сумм взыскателями или справедливости удовлетворения.

Меры принуждения в рамках исполнительного производства представляют собой совокупность процессуальных действий, установленных охранительной нормой закона, объединенных между собой специфическими целями – защитой прав граждан и обеспечением исполнительного производства, а также основаниями их применения.

Все меры государственного принуждения, применяемые в рамках исполнительного производства условно можно разделить на две группы: меры юридической ответственности в исполнительном производстве, то есть те меры, которые применяются в отношении нарушителей исполнительного производства; меры принудительного исполнения, которые применяются в связи с неисполнением обязанностей в исполнительном производстве. Анализ действующего законодательства, которое устанавливает меры принудительного исполнения в процессе обеспечения исполнительного производства свидетельствует, что применяются следующие меры: наложение ареста на имущество, обращение взыскания на имущество должника, исполнительский сбор, временное ограничение на выезд за границу, привод, принудительное выселение из жилого помещения.

Сущность исполнительного производства кроется так же в его характеристике как стадийной деятельности. Этапы последовательно сменяют друг друга, завершение одного этапа ознаменует начало нового. Исполнительное производство (четыре основные стадии) состоит из: возбуждения исполнительного производства; подготовки к исполнению; осуществления исполнительных действий; окончания исполнительного производства

Таким образом, исполнительное производство как составная часть административного юрисдикционного процесса имеет характерные черты, это: властно-принудительная деятельность органов исполнительной власти; правоприменительная деятельность имеющая, целью разрешить индивидуально-конкретные дела либо восстановить нарушенное право личности посредством административно-правовых норм. Анализ нормативной базы позволяет выявить следующие характерные черты исполнительного производства: самостоятельность, особый круг участников, специфичность их правового статуса, которая выражается в специфическом взаимодействии участников на основе предписанных в законе процессуальных действий и порождающих определенные юридические последствия. Исполнительное производство складывается из процессуальных действий (процедур) как организационного, так и материально-технического характера. В системе мер, реализуемых в исполнительном производстве особое место занимают меры принуждения. В рамках исполнительного производства не разрешается спор о праве, в отличие от производств в гражданском, арбитражном процессе, при производстве по делам об административных правонарушениях. Исполнительное производство заключается лишь в принудительном приведении общественного отношения к установленному правоприменительным актом правоотношению.

Список литературы

1. Боннер, А. Т. Исполнительное производство: отрасль или стадия процесса. Избранные труды по гражданскому процессу / А. Т. Боннер. – Текст : непосредственный. – СПб., 2005. – С. 109–128.
2. Юков, М. К. Исполнение решений в отношении социалистических организаций / М. К. Юков. – М., 1984. – 116 с. – Текст : непосредственный.
3. Ярков, В. В. Исполнительное производства: современное состояние / В. В. Ярков. – Текст : непосредственный // Арбитражный и гражданский процесс. – 2002. – № 12. – С. 22.
4. Исаенкова, О. В. Проблемы исполнительного права в гражданской юрисдикции / О. В. Исаенкова. – Текст : непосредственный. – Саратов, 2002. – С. 93.
5. Горбунова, Я. П. Исполнительное производство как институт административного права: проблемы организации, практической реализации и перспективы правового регулирования : дисс. ... канд. юрид. Наук / Я. П. Горбунова. – Воронеж, 2007. – С. 73.
6. Кошечев Е. С. Правовые проблемы административно-исполнительного производства в России : дисс. ... канд. юрид. наук / Е. С. Кошечев. – Киров, 2005. – Текст : непосредственный.
7. Сорокин, В. Д. Правовое регулирование: предмет, метод, процесс (макроуровень) / В. Д. Сорокин. – Текст : непосредственный. – СПб., 2003. С. 76.
8. Бурмаков, И. Ю. Проблемы организации исполнительного производства в Российской Федерации : дисс. ... канд. юрид. наук / И. Ю. Бурмаков. – М., 2001. – С. 54. – Текст : непосредственный.
9. Об исполнительном производстве : Федеральный закон от 02.10.2007 г. № 229-ФЗ (ред от 02.12.2019 г.). – Текст: электронный // СПС «КонсультантПлюс» : [сайт]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_71450/ (дата обращения: 23.05.2020).
10. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.). – Текст: электронный //

СПС «КонсультантПлюс» : [сайт]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/8c6502533e28841baf74c1068f88b162a5e9b4ea/ (дата обращения: 12.05.2020 г.).

11. Деготь, Б. Е. Административно-правовые аспекты исполнительного процесса : дисс. ... канд. юрид. наук / Б. Е. Деготь. – Текст : непосредственный. – М., 2006. – С. 6–7.
12. Ситдикова, Л. Б. Онтологическая природа гражданского исполнительного права / Л. Б. Ситдикова, Ю. А. Свиринов. – Текст : непосредственный // Исполнительное право. – 2009. – № 4. – С. 25.
13. Гуреев, В. А. Исполнительное производство : учебник для магистров / В. А. Гуреев, В. В. Гушин. – М., 2015. – С. 78. – Текст : непосредственный.
14. Гушин, В. В. Сущность и содержание исполнительного производства по российскому законодательству / В. В. Гушин. – Текст : непосредственный // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2013. – № 5. – С. 13–17.
15. Осяк, А. Н. Административно-правовой статус представителя в исполнительном производстве: отдельные вопросы теории / А. Н. Осяк, А. В. Капранов, В. В. Куреев. – Текст : непосредственный // Юрист-Правовед. – 2020. – № 2.
16. Джеладзе, Ш. Г. Содержание, новеллы и направления совершенствования системы принципов исполнительного производства / Ш. Г. Джеладзе. – Текст : непосредственный // Вестник Ессентукского института управления, бизнеса и права, 2016. – № 12. – С. 28–30.

Kapranov A. V., Kapranova Y. V. Essential characteristics of enforcement proceedings as an integral part of the administrative process / A.V. Kapranov, Y.V. Kapranova // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean federal university. Juridical science. – 2020. – Т. 6 (72). № 3. – P. 323-330.

Enforcement proceedings are the sphere of activity of authorized officials of Federal Executive authorities who carry out non-judicial enforcement of judicial acts and acts of Executive power on the basis of administrative procedural norms. Along with bailiffs and officials of the FSSP of Russia, other subjects, officials of the Ministry of internal Affairs of Russia, the Federal security service of Russia, the Ministry of emergency situations of Russia, and others, are given authority to execute law enforcement acts by Federal legislation. The article considers the essence and content of the Executive process as an integral part of the administrative process. The authors analyze the concept of enforcement proceedings, identify its content as an administrative and legal institution. The analysis of the concept of enforcement proceedings and its sources allows us to conclude about the understanding of its essence as a type of administrative process. The article highlights the role of enforcement proceedings in the mechanism of protection of human and civil rights and freedoms. The article considers various characteristic features of enforcement proceedings that allow it to be differentiated from other types of proceedings, identifies the subject of regulation, goals and objectives, principles, participants, stages and features of enforcement proceedings.

Keywords: enforcement proceedings, bailiff, administrative jurisdictional process, stages of enforcement proceedings, enforcement, enforcement of a law enforcement act.

Spisok literature

1. Bonner, A. T. Execution production: industry or stage of the process. Selected works on civil procedure / A. T. Bonner. – SPb., 2005. – Pp. 109–128.
2. Yukov, M. K. Execution of decisions in relation to socialist organizations / M. K. Yukov. – M., 1984. – P. 116.
3. Yarkov, V. V. Enforcement proceedings: current state / V. V. Yarkov // Arbitration and civil procedure. – 2002. – No. 12. – P. 22.
4. Isaenkova, O. V. Problems of executive law in civil jurisdiction / O. V. Isaenkova. – Saratov, 2002. – P. 93.
5. Gorbunova, Ya. P. Enforcement proceedings as an institution of administrative law: problems of organization, practical implementation and prospects of legal regulation : diss. ... Candidate of Legal Sciences / Ya. P. Gorbunov. – Voronezh, 2007. – P. 73.
6. Koscheeva, E. S. Legal problems of administrative and enforcement proceedings in Russia : diss. ... Candidate of Legal Sciences / E. S. Koscheeva. – Kirov, 2005.
7. Sorokin, V. D. Legal regulation: subject, method, process (macro level) / V. D. Sorokin. – SPb., 2003. – P. 76.

8. Burmakov, I. Yu. Problems of the organization of enforcement proceedings in the Russian Federation : diss. ... Cand. jurid. Science / I. Yu. Burmakov. – M., 2001. – P. 54.
9. Federal Law dated 02.10.2007 No. 229-FZ (revised from 02.12.2019) "On Enforcement Proceedings". – URL: <https://consultant.ru> (date of access: 23.04.2020). – Text: electronic.
10. Constitution of the Russian Federation. Adopted by popular vote on 12.12.1993 (taking into account the amendments introduced by the Laws of the Russian Federation on amendments to the Constitution of the Russian Federation dated December 30, 2008 No. 6-FKZ, dated December 30, 2008 No. 7-FKZ, dated February 5, 2014 No. 2-FKZ, dated July 21, 2014 No. 11-FKZ). – URL: <https://consultant.ru>. (date of access: 04/23/2020). – Text: electronic.
11. Tar, B. E. Administrative and legal aspects of the executive process : diss. ... Cand. jurid. Science / B. E. Tar. – M., 2006. – Pp. 6–7.
12. Sitdikova, L. B. Ontological nature of civil executive law / L. B. Sitdikova, Yu. A. Svirin // Executive Law. – 2009. – No. 4. – P. 25.
13. Gureev, V. A., Gushchin V. V. Enforcement proceedings : textbook for masters / V. A. Gureev, V. V. Gushchin. – M., 2015. – P. 78.
14. Gushchin, V. V. The essence and content of the enforcement proceedings under Russian legislation / V. V. Gushchin // Laws of Russia: experience, analysis, practice. – 2013. – No. 5. – Pp. 13–17.
15. Osyak, A. N. Administrative and legal status of a representative in enforcement proceedings: some theoretical issues / A. N. Osyak, A. V. Kapranov, V. V. Kureev // Lawyer-Legal. – 2020. – No. 2.
16. Dzheladze, Sh. G. Content, novellas and directions for improving the system of principles of enforcement proceedings / Sh. G. Dzheladze // Bulletin of the Essentuki Institute of Management, Business and Law, 2016. – No. 12. – Pp. 28–30.

УДК 342.9

DOI: 10.37279/2413-1733-2020-6-3-331-337

**НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К АДМИНИСТРАТИВНОЙ
ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЕ УСТАНОВЛЕННЫХ
ВРЕМЕННЫХ ОГРАНИЧИТЕЛЬНЫХ МЕР В УСЛОВИЯХ
ПАНДЕМИИ НОВОЙ КОРОНАВИРУСНОЙ ИНФЕКЦИИ COVID-19**

Коноплев В. В.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского

Басов А. В.

*Крымский юридический институт (филиал) Университета прокуратур
Российской Федерации*

В статье проанализированы вопросы относительно определения некоторых аспектов привлечения к административной ответственности за нарушение установленных временных ограничительных мер в условиях пандемии COVID-19. Отдельное внимание уделено анализу изменений в КоАП РФ, обусловленные необходимостью усилить меры ответственности в сфере обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия. Одними из новел являются правонарушения, предусмотренные ч. 2, ч. 3 ст. 6.3 КоАП РФ, а также ст. 20.6.1 КоАП РФ. Установлены особенности объективной стороны данных правонарушений, а также перечень субъектов данных правонарушений.

Ключевые слова: административная ответственность, пандемия, чрезвычайная ситуация, КоАП, объективная сторона.

Правовое регулирование отношений, возникающих в условиях чрезвычайных ситуаций различного характера, исторически осуществлялось путем применения чрезвычайных мер. При возникновении чрезвычайных ситуаций (эпидемий, природных катаклизмов, техногенных аварий и катастроф, социально-политических конфликтов) события «выходят из-под контроля» и в этих условиях обычный механизм правового регулирования общественных отношений перестает работать. Для нормализации обстановки, взятие ее под контроль органы государственной власти вынуждены применять качественно новые меры, которые находятся на «границе правовой системы» с точки зрения интенсивности ограничений, однако их применение необходимо для специфического нормативного влияния на ситуацию.

Следует отметить, что на сегодня проблема сдерживания распространения, лечения и профилактики новой коронавирусной инфекции COVID-19 имеет общемировой масштаб. В настоящее время в мире ежегодно регистрируется около 20 тыс. новых случаев инфицирования, около 3 тыс. чел. ежедневно умирают от этой инфекции. По состоянию на 18 мая 2020 года инфицировано 4,7 млн. человек, умерли 312 тыс. человек. Статистика COVID-19 в России также неутешительна. Итак, на

18 мая 2020 года зарегистрировано 281 тыс. случаев, 2,6 тыс. умерли. Очевидно, что показатель смертности является одним из самых низких в мире [1].

С целью достижения социально-экономической эффективности лечения COVID-19 из федерального бюджета выделяются значительные средства. Так, на решение этих задач из федерального бюджета направлены дополнительные финансовые ресурсы общим объемом около 2,9 трлн. руб. [2].

Указанное свидетельствует о том, что для Российской Федерации вопрос профилактики COVID-19 и сдерживание распространения данной инфекции является актуальным и требующим оперативного решения. В то же время, наличие заболеваемости среди взрослых провоцирует увеличение роста заболеваний среди несовершеннолетних.

Неутешительные статистические данные обусловили необходимость установления временных ограничений и запретов, к которым были отнесены: особый порядок передвижения граждан и транспортных средств; запрет и ограничения на массовые мероприятия, услуги населению, туристические и другие услуги; ограничения на оптовую и розничную торговлю и особенности обращения по отдельным видам товаров; ограничения по перемещению граждан и перевозкам на территории России и за ее пределами; дистанционная работа государственных органов, налоговых инспекций, приостановление работы судов [3].

Введение новых ограничений и запретов обусловило появление новых составов административных правонарушений, а, следовательно, и появление вопросов, связанных с порядком привлечения к ответственности за их совершение.

Административные правонарушения, связанные с нарушением законодательства о чрезвычайных ситуациях, в КоАП РФ не выделены в особую группу. В связи с этим справедливо отмечает Е. С. Калина, что «учет связи конкретного состава административного правонарушения с чрезвычайной ситуацией необходим для обеспечения законности при привлечении физического или юридического лица к административной ответственности, а также для отграничения административных правонарушений, с одной стороны, от преступлений, с другой – от дисциплинарных проступков, при наличии сходства в содержании совершенных действий или бездействия [4, с. 87].

Итак, 1 апреля 2020 года вступили в силу изменения в КоАП РФ, обусловленные необходимостью усилить меры ответственности в сфере обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия. Одной из новелл является ч.2 ст. 6.3 КоАП РФ, в которой установлена административная ответственность за нарушение законодательства в области обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения, выразившееся в нарушении действующих санитарных правил и гигиенических нормативов, невыполнении санитарно-гигиенических и противоэпидемических мероприятий, совершенные в период режима чрезвычайной ситуации или при возникновении угрозы распространения заболевания, представляющего опасность для окружающих, либо в период осуществления на соответствующей территории ограничительных мероприятий (карантина), либо невыполнение в установленный срок выданного в указанные периоды законного предписания (постановления) или требования органа (должностного лица),

осуществляющего федеральный государственный санитарно-эпидемиологический надзор, о проведении санитарнопротивоэпидемических (профилактических) мероприятий [5].

По смыслу нормы ч. 2 ст. 6.3 КоАП РФ, объективной стороны данного правонарушения является наличие обязательной совокупности условий:

- наличие реальной (фактической) угрозы распространения заболевания;
- наличие реальной (фактической) опасности для окружающих;
- введение режима чрезвычайной ситуации или введение ограничительных мер (карантина);
- данное лицо осознанно или по неосторожности нарушило санитарные правила и гигиенические нормативы или не выполнило санитарно-гигиенические и противоэпидемические мероприятия;
- неисполнение врученного лицу в установленный орган, осуществляющий федеральный государственный санитарно-эпидемиологический надзор, срок предписания или требования [6].

Кроме того, к административной ответственности в связи с угрозой распространения новой коронавирусной инфекции может быть привлечено физическое лицо, которое:

- имеет положительный тест на наличие заразной формы инфекционного заболевания и нарушило требование по изоляции в домашних условиях или самовольно покинуло стационар;
- лица, прибывшие на территорию Российской Федерации, в том числе, из государства, эпидемически неблагополучного по коронавирусной инфекции и нарушившего требования по изоляции в домашних условиях;
- лица, находящиеся или находившиеся в контакте с источником заболевания, в контакте с лицами с подозрением на наличие заразной формы инфекционного заболевания;
- лица, уклоняющиеся от лечения опасного инфекционного заболевания, нарушающие санитарно-противоэпидемический режим, а также не выполнившие в установленный срок выданное в периоды, указанные в ч. 2 ст. 6.3 КоАП РФ, законное предписание (постановление) или требование органа (должностного лица), осуществляющего федеральный государственный санитарноэпидемиологический надзор.

В то же время, большинство субъектов Российской Федерации воспользовались правом, которое закреплено в п. 1 ч. 1 ст. 1.3.1 КоАП РФ, а именно: «устанавливать на уровне регионального законодательства административную ответственность за нарушение законов и иных нормативных правовых актов субъектов РФ». Например, Законом Республики Крым вводится административная ответственность за нарушение требований нормативных правовых актов Республики Крым, направленных на введение и обеспечение на территории полуострова режима повышенной готовности. Сумма штрафа: для граждан, в том числе за необеспечение режима самоизоляции, – 4000 руб. (за совершение такого правонарушения с использованием авто – 5000 руб.); для должностных лиц – от 30 тыс. до 40 тыс.руб.; для юридических лиц – от 200 тыс. до 300 тыс. руб. [7].

В результате такой ситуации, когда нормы регионального законодательства регулируют однородные правоотношения с нормами федерального законодательства, обусловили постановку закономерного вопроса: какое именно законодательство об административной ответственности применять. Кроме того, региональным законодательством в правоприменительную практику введен новый термин «режим самоизоляции». На уровне федерального законодательства данное понятие не определено, однако, детальный анализ Федерального закона «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» от 30.03.1999 № 52-ФЗ позволяет данный режим отнести к ограничительным (карантинным) мероприятиям [8].

Не менее важным вопросом, появление которого обусловило принятие указанного выше регионального законодательства, является отсутствие указанных составов в соглашениях между Министерством внутренних дел Российской Федерации и соответствующим органом власти субъекта Российской Федерации. Так, например, в Соглашении между Министерством внутренних дел Российской Федерации и Советом министров Республики Крым о передаче Министерству внутренних дел Российской Федерации части полномочий по составлению протоколов об административных правонарушениях на сегодня отсутствуют положения относительно передачи полномочий по составлению протоколов об административном правонарушении за нарушений требований нормативных правовых актов, направленных на введение и обеспечение на территории полуострова режима повышенной готовности [11].

Следовательно, введение в действие регионального законодательства относительно привлечения к административной ответственности за указанные нарушения требует согласования (разграничения) с федеральным законодательством, а также разрешения вопроса относительно передачи полномочий соответствующим должностным лицам относительно составления протоколов об административном правонарушении путем внесения дополнений в соответствующие соглашения.

Заслуживает внимания положения ст. 20.6.1 КоАП РФ «Невыполнение правил поведения при чрезвычайной ситуации или угрозе ее возникновения». Отметим, что объективная сторона данного правонарушения включает в себя:

- невыполнение правил поведения при введении режима повышенной готовности на территории, на которой существует угроза возникновения чрезвычайной ситуации, или в зоне чрезвычайной ситуации, за исключением случаев, предусмотренных ч. 2 ст. 6.3 КоАП РФ;

- невыполнение законных требований должностных лиц, осуществляющих мероприятия по предупреждению чрезвычайных ситуаций;

- осуществление действий, создающих угрозу собственной безопасности, жизни и здоровью, а также осуществление действий, создающих угрозу безопасности, жизни и здоровью, санитарно-эпидемиологическому благополучию иных лиц, находящихся на территории, на которой существует угроза возникновения чрезвычайной ситуации.

Анализ правоприменительной практики к таким действиям позволяет отнести: невыполнение требований о временной приостановке работы ресторанов, кафе, столовых, буфетов, баров, закусочных и иных предприятий общественного питания;

объектов розничной торговли; салонов красоты, косметических, СПА-салонов, массажных салонов, соляриев, бань, саун и иных объектов, в которых оказываются подобные услуги, предусматривающие очное присутствие гражданина. Кроме того, в объективную сторону данной статьи относят несоблюдение дистанции до других граждан не менее 1,5 метров (социальной дистанции) [9].

Необходимо подчеркнуть, что к ответственности за данное правонарушение могут быть привлечены граждане, должностные лица, лица, осуществляющие предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, юридические лица как за нарушение Правил, так и за нарушение обязательных, а также дополнительных обязательных для исполнения гражданами и организациями правил поведения при введении на территории субъекта Российской Федерации режима повышенной готовности или чрезвычайной ситуации.

Рассматривая административные взыскания, налагаемые за совершение административных правонарушений в указанных условиях, следует отметить, что их главной особенностью является «повышенный характер» по сравнению с теми, которые применяются за совершение правонарушения в обычных условиях. Вместе с тем, при решении вопроса о назначении лицу, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, административного наказания конкретного вида и размера необходимо руководствоваться положениями главы 4 КоАП РФ и иметь в виду, что такое наказание должно отвечать требованиям пропорциональности, справедливости и соразмерности, индивидуализации административной ответственности, а также соответствовать целям предупреждения совершения новых правонарушений как самим правонарушителем, так и другими лицами [10].

Подводя итог, следует отметить, что детальный анализ составов административных правонарушений в аспекте их возможного совершения в условиях чрезвычайной ситуации (пандемии COVID-19) призван способствовать обеспечению законности при привлечении физического или юридического лица к административной ответственности. Ряд вопросов привлечения к административной ответственности в указанных условиях требуют детальной научной проработки, с учетом правоприменительной, судебной практики и постоянно изменяющихся общественных отношений.

Список литературы

1. Пандемия коронавируса. Самое актуальное на 18 мая. – Текст: электронный // Общество.ру : [сайт]. – URL: <https://www.rbc.ru/society/17/05/2020/5e2fe9459a79479d102bada6> (дата обращения: 18.05.2020 г.).
2. Силуанов: объем бюджетных мер из-за коронавируса составляет около 2,8% ВВП. – Текст: электронный // Коммерсант.ру : [сайт]. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4323800> (дата обращения: 13.05.2020 г.).
3. Обзор: Перечень мер в связи с коронавирусом (COVID-19) [Электронный ресурс]. – Текст: электронный // СПС «КонсультантПлюс» : [сайт]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_348585 (дата обращения: 13.05.2020 г.).
4. Калина, Е. С. Административные правонарушения, связанные с чрезвычайными ситуациями природного и техногенного характера / Е.С. Калина. – Текст : непосредственный // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. – 2013. № 13 (1). – С. 87–89.

5. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 24.04.2020 г.) . – Текст: электронный // СПС «КонсультантПлюс» : [сайт]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 14.05.2020 г.).
6. Пандемия как повод для новых мер ответственности: какие пробелы законодательства об административных правонарушениях выявила практика. – Текст: электронный // Интеллект.про : [сайт]. – URL: https://www.intellectpro.ru/press/works/rekomendatsii_obyazatel_ny_k_vypolneniyu/ (дата обращения: 18.05.2020 г.).
7. О внесении изменений в Закон Республики Крым Об административных правонарушениях в Республике Крым : Закон Республики Крым от 10 апреля 2020 г. № 64-ЗРК/2020. – Текст: электронный // СПС «КонсультантПлюс» : [сайт]. – URL: <http://www.consultant.ru/law/review/reg/rlaw/rlaw5092020-12-16.html/> (дата обращения: 18.05.2020 г.).
17. 8 О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения : Федеральный закон от 30.03.1999 г. № 52-ФЗ. – Текст: электронный // СПС «КонсультантПлюс» : [сайт]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_22481/40310b846fcbcb143f7d94d386b3546f00ba6e4/ (дата обращения: 18.05.2020 г.).
8. О внесении изменений в указ Мэра Москвы от 5 марта 2020 г. № 12-УМ: Указ Мэра Москвы от 10 апреля 2020 г. № 42-УМ. – Текст: электронный // Мос.ру : [сайт]. – URL: [https://www.mos.ru/upload/documents/docs/42-UM\(4\).pdf](https://www.mos.ru/upload/documents/docs/42-UM(4).pdf) (дата обращения: 18.05.2020 г.).
9. Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 1: Утвержден Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 21 апреля 2020. – Текст: электронный // СПС «КонсультантПлюс» : [сайт]. – URL: <http://www.supcourt.ru/files/28881/> (дата обращения: 14.05.2020 г.).
10. Об утверждении Соглашения между Министерством внутренних дел Российской Федерации и Советом министров Республики Крым о передаче Министерству внутренних дел Российской Федерации части полномочий по составлению протоколов об административных правонарушениях : Распоряжение Правительства РФ от 27.08.2018 г. № 1761-р. . – Текст: электронный // СПС «КонсультантПлюс» : [сайт]. – URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=EXP&n=57_1069#01891266796797202 (дата обращения: 18.05.2020 г.).

Konoplev V. V., Basov A. V. Some issues of involvement to administrative responsibility for violation of established interim restrictive measures in the conditions of the covid-19 new coronavirus infection pandemic / V. V. Konoplev, Basov A.V. // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean federal university. Juridical science. – 2020. – Т. 6 (72). № 3. – P. 331-337.

The article analyzes the issues regarding the definition of some aspects of bringing to administrative responsibility for violation of the established temporary restrictive measures in the context of the COVID-19 pandemic. Special attention is paid to the analysis of changes in the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation due to the need to strengthen measures of responsibility in the field of ensuring sanitary and epidemiological well-being. One of the novels are offenses under Part 2, Part 3 of Art. 6.3 Administrative Code, as well as Art. 20.6.1 Administrative Code of the Russian Federation. The features of the objective side of these offenses are established, as well as a list of subjects of these offenses.

Keywords: administrative responsibility, pandemic, emergency, CAO, objective side.

Spisok literature

1. Coronavirus pandemic. Most relevant for May 18 – Text: electronic // Society: [site]. – URL: <https://www.rbc.ru/society/17/05/2020/5e2fe9459a79479d102bada6> (date of access: 18.05.2020).
2. Siluanov: the volume of budgetary measures due to the coronavirus is about 2.8% of GDP – Text: electronic // Kommersant.ru: [site]. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4323800> (date of access: 13.05.2020).
3. Overview: The list of measures in connection with the coronavirus (COVID-19) [Electronic resource] – Text: electronic // ConsultantPlus: [website]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_348585 (date of access: 13.05.2020).
4. Kalina, ES Administrative offenses associated with natural and man-made emergencies. Kalina. – Text: direct // Bulletin of the South Ural State University. Series: Right. – 2013. No. 13 (1). – S. 87–89.

5. Code of the Russian Federation on Administrative Offenses of 30.12.2001, No. 195-FZ (as amended on 24.04.2020) – Text: electronic // ConsultantPlus: reference and legal system: website. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (date of access: 14.05.2020).
6. Pandemic as a reason for new measures of responsibility: what gaps in the legislation on administrative offenses have been revealed by practice. -URL: – Text: electronic // Intellect.pro: [site]. – URL: https://www.intellectpro.ru/press/works/rekomendatsii_obyazatel_ny_k_vypolneniyu/ (date of access: 18.05.2020).
7. On amendments to the Law of the Republic of Crimea "On Administrative Offenses in the Republic of Crimea: Law of the Republic of Crimea dated April 10, 2020 No. 64-3PK / 2020" – Text: electronic // ConsultantPlus: reference and legal system: website. – URL: <http://www.consultant.ru/law/review/reg/rlaw/rlaw5092020-12-16.html/> (date of access: 05/18/2020).
8. On the sanitary and epidemiological well-being of the population: Federal Law of March 30, 1999, No. 52-FZ – Text: electronic // ConsultantPlus: reference and legal system: website. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_22481/40310b846fcbcb143f7d94d386b3546f00ba6e4/ (date of access: 18.05.2020).
9. On amendments to the decree of the Mayor of Moscow dated March 5, 2020 No. 12-UM: Decree of the Mayor of Moscow dated April 10, 2020 No. 42-UM – Text: electronic. – URL: [https://www.mos.ru/upload/documents/docs/42-YM\(4\).pdf](https://www.mos.ru/upload/documents/docs/42-YM(4).pdf) (date of access: 18.05.2020).
10. Review of selected issues of judicial practice related to the application of legislation and measures to counter the spread of a new coronavirus infection (COVID-19) in the territory of the Russian Federation No. 1: Approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on April 21, 2020. – Text: electronic. – URL: <http://www.supcourt.ru/files/28881/> (date of access: May 14, 2020).
11. On the approval of the Agreement between the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation and the Council of Ministers of the Republic of Crimea on transferring to the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation part of the authority to draw up protocols on administrative offenses: Order of the Government of the Russian Federation of August 27, 2018 No. 1761-r. – Text: electronic. – URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=EXP&n=57_1069_#01891266796797202 (date of access: 18.05.2020).

УДК 343.98

DOI: 10.37279/2413-1733-2020-6-3-338-344

**СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА,
УСТАНОВЛИВАЮЩЕГО ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НАРУШЕНИЕ
ПОРЯДКА ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ УСЛУГ В
СФЕРЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ
ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ**

Осяк А. Н.

Ростовский юридический институт МВД России

Исследованию вопросов задач и функций полиции в сфере обеспечения дорожного движения посвящено множество научных исследований в связи с тем, что значимость данной темы не теряет своей актуальности, свидетельство тому – неутешительные данные официальной статистики о погибших и получивших различной степени тяжести травмы в результате ДТП, а также в связи с тем, что количество транспорта в России постоянно увеличивается, и проблемы обеспечения транспортной безопасности не решаются. Вместе с тем особую значимость приобретают исследования, связанные с реализацией полицией функций предоставления государственных услуг в указанной сфере, поскольку несмотря на то, что данное направление деятельности полиции и не является основным, а также не обеспечено государственно-властным принуждением, тем не менее играет существенную роль в обеспечении общественной безопасности в сфере дорожного движения. Опосредованно, полиция, через функцию предоставления государственных услуг, посредством выдачи разрешений на перевозку опасных грузов, выдачи разрешений на право вождения и т.д., минимизирует, снижает угрозы причинения вреда жизни и здоровью, имуществу, участвующих в дорожном движении граждан. В статье автор ставит задачу исследовать законодательство, устанавливающее ответственность за нарушение порядка предоставления государственных услуг в сфере обеспечения безопасности дорожного движения, предложить способы его совершенствования. Автор дает определение государственных услуг в сфере безопасности дорожного движения, обозначает их сущность. Автор анализирует федеральное и ведомственное законодательство, выявляет особенности привлечения к ответственности сотрудников полиции за ненадлежащее предоставление государственных услуг. В статье делаются выводы о наличии отдельных недостатков в законодательстве в указанной сфере и предлагаются способы их устранения.

Ключевые слова: МВД России, ГИБДД, государственные услуги, безопасность дорожного движения, ответственность, оценка качества предоставляемых услуг.

Сфера предоставления государственных услуг является достаточно новой для России, получившая начало в 2004 году, существенно развившаяся к 2011 году, не перестает преобразовываться и в наши дни. В настоящее время под предоставлением государственных услуг понимают деятельность федерального органа исполнительной власти по реализации его функций по запросам заявителей в пределах установленных нормативными правовыми актами РФ полномочий органа предоставляющего государственные услуги.

МВД России выступает одним из органов исполнительной власти, предоставляющим государственные услуги гражданам по основным направлениям

своей деятельности. На сегодняшний день предоставление государственных услуг в сфере внутренних дел осуществляется по 30 направлениям (в сфере миграции, по контролю за оборотом наркотиков и др.). Из них самыми востребованными по праву считаются государственные услуги, предоставляемые по линии безопасности дорожного движения.

Государственные услуги в системе МВД России в сфере обеспечения безопасности дорожного движения предоставляются Государственной инспекцией безопасности дорожного движения МВД России (далее ГИБДД).

Государственные услуги в сфере безопасности дорожного движения представляют собой урегулированную и охраняемую нормами федеральных нормативно-правовых актов деятельность органов исполнительной власти, осуществляемую непосредственно или через подведомственные им структуры, безвозмездно или по устанавливаемым ценам, по допуску транспортных средств к участию в дорожном движении; по допуску лиц в качестве водителей транспортных средств; по допуску транспортных средств к перевозке грузов (опасных, негабаритных, тяжеловесных), по выдаче разрешений на внесение изменений в конструкцию находящегося в эксплуатации колесного транспортного средства, по выдаче свидетельства о соответствии транспортного средства с внесенными в его конструкцию изменениями требованиям безопасности.

Рассматривая сущность предоставляемых государственных услуг в сфере безопасности дорожного движения, можно сделать вывод, что ГИБДД России реализуя функции по их предоставлению осуществляет как социальные функции, одновременно удовлетворяя потребности людей (выдача водительского удостоверения, разрешения и т.д.), так и функции контроля за надлежащим уровнем обеспечения безопасности жизни и здоровья участников дорожного движения, посредством минимизации, снижения угроз жизни и здоровью граждан, порчи имущества связанных с их участием в дорожном движении как участников, обеспечивая тем самым должный уровень общественной безопасности.

Государственные услуги предоставляются МВД России на основе федерального законодательства, совокупности нормативных правовых актов, устанавливающих правила предоставления услуг, нормативные требования к стандартам предоставления услуг, к допустимому уровню действий по предоставлению услуг и поведению правомочных субъектов по их предоставлению и получению.

В вопросах установления общих правил предоставления государственных услуг, статуса органов и получателей услуг, основ их взаимодействия, базовым является Федеральный закон «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» (далее ФЗ № 210) [1]. Конкретизируются материальные и процессуальные требования по предоставлению государственных услуг непосредственно в административных регламентах посвященных определенной государственной услуге в сфере безопасности дорожного движения, устанавливающих порядок, условия, плату и т.д. Не мало важно значение имеет приказ МВД России 2017 года «Об организации и проведении мониторинга качества предоставления государственных услуг в системе МВД России» [2],

регламентирующий вопросы повышения эффективности предоставления государственных услуг, оценку оказания услуг по предусмотренным параметрам, в том числе степени удовлетворенности гражданами качеством предоставляемых услуг в сфере внутренних дел [3]. Представляется, что в настоящее время проведение исследований, направленных на поиск предложений по совершенствованию законодательства, связанных с оптимизацией механизма юридической ответственности сотрудников, предоставляющих государственные услуги является особо актуальным.

Определенные подвижки в данном направлении уже осуществило Правительство Российской Федерации, издав в 2012 году Постановление, позволяющее привлекать к ответственности руководителей подразделений, реализующих функции предоставления государственных услуг, но не надлежащим образом [4]. В соответствии с решением Правительственной комиссии по проведению административной реформы в 2013 году был учрежден перечень из шести услуг в отношении которых граждане проводят оценку эффективности деятельности руководителей территориальных органов федеральных исполнительных органов исполнительной власти [5], в том числе по трем предоставляемым услугам ГИБДД: регистрация транспортных средств, получение прав, предоставление сведений об административных правонарушениях в сфере дорожного движения.

Далее, в 2017 году Президент России указывал на необходимость совершенствования ответственности в отношении сотрудников предоставляющих государственные и муниципальные услуги в поручении Правительству [6], по итогам совместного заседания Государственного совета и Комиссии по мониторингу достижения целевых показатели социально-экономического развития, состоявшегося 4 мая 2017 года.

В целом анализ нормативной правовой базы позволяет утверждать, что в данной сфере возможно применять два вида ответственности к сотрудникам, предоставляющим государственные услуги: дисциплинарную и административную. Данные виды ответственности взаимно между собой переплетаются, применительно к сотрудникам полиции, предоставляющим государственные услуги гражданам, имеют особенности.

Необходимо отметить, что изменениями, внесенными в КоАП РФ Федеральным законом от 3 декабря 20011 года № 383-ФЗ, в его структуре впервые появилась статья, предусматривающая административную ответственность в сфере предоставления государственных и муниципальных услуг – ст. 5.63 «Нарушение законодательства об организации предоставления государственных и муниципальных услуг».

Данная норма неоднократно подвергалась корректировке в период с 2012 по 2015 годы, что свидетельствует о достаточно длительном периоде поиска путей оптимального содержания статьи в целом, дифференциации наказания в частности.

Однако в отношении сотрудников полиции, которые, как известно, относятся к специальным субъектам в административном праве, действуют специальные правила. В соответствии со ч.1 ст. 2.5 КоАП РФ, за большинство административных

правонарушений сотрудники полиции несут дисциплинарную ответственность, за исключением ч. 2 ст. 2.5, в которой дается перечень статей, по которым сотрудники полиции несут ответственность на общих основаниях, но в данном перечне ст. 5.63 отсутствует.

Однако считаем, что услуги, предоставляемые гражданам в сфере обеспечения дорожного движения являются самыми востребованными, массовыми, а, следовательно, необходимо включить ст. 5.63 в перечень ч. 2 ст. 2.5 КоАП РФ, чтобы сотрудники полиции несли ответственность за ненадлежащее предоставление государственных услуг:

- нарушение порядка предоставления услуги, либо ее непредставление, предоставление с нарушением сроков;
- требование в ходе предоставления государственной услуги документов или платы, не предусмотренных законодательством;
- нарушение порядка или сроков рассмотрения жалоб либо незаконный отказ в жалобе гражданина на нарушение порядка предоставления государственной услуги и др.

В таком случае сотрудники полиции, предоставляющие государственные услуги будут нести ответственность наравне с должностными лицами иных федеральных органов исполнительной власти, органов государственного внебюджетного фонда, работниками многофункциональных центров, работниками иных учреждений, предоставляющих государственные или муниципальные услуги.

В пользу данного предложения свидетельствует еще и то, что на основании ч. 1 ст. 28.4 КоАП РФ исключительное право возбуждать дело об административном правонарушении по ст. 5.63 КоАП РФ предоставлено прокурору, который выносит соответствующее постановление. Таким образом, в определенной мере усилится прокурорский надзор за организацией предоставления полицией государственных услуг. Возбуждение прокурором дела об административном правонарушении, является наиболее эффективной мерой прокурорского реагирования, тем более в случае, если речь идет о сотрудниках силовой структуры, каковой по праву считается полиция.

Однако в настоящее время, если прокурор усмотрит в материалах дела состав административного правонарушения, предусмотренного ст. 5.63 КоАП РФ, он не сможет привлечь сотрудника полиции к административной ответственности. Это еще один аргумент по поводу включения ст. 5.63 в перечень ч. 2 ст. 2.5. КоАП РФ.

Представляется, следует актуализировать вопрос привлечения к ответственности так же в связи с таким аспектом предоставления государственных услуг, как их доступность. Ознакомление с интернет сервисами МВД России по оказанию государственных услуг в сфере обеспечения безопасности дорожного движения позволяет сделать вывод о том, что исчерпывающей информации граждан на официальных интернет источниках подразделений МВД России, их предоставляющих, в актуальном, полном объеме не получает. В связи с потребностями жизни и развитием сферы предоставления государственных услуг в сфере обеспечения безопасности дорожного движения, принятием новых регламентов перечень услуг постоянно меняется. В разделах Государственные услуги

по линии ГИБДД на официальных сайтах отдельных территориальных подразделений МВД России на региональных уровнях иногда указывается не актуальная информация, как по количеству предоставляемых услуг, так и по их нормативному обеспечению. Гражданину необходимо дополнительно знакомиться с нормативными правовыми актами, осуществлять поиск новых, действующих регламентов, отсеивать утратившие силу, так как на сайте МВД России не редко приводятся тексты устаревших регламентов, кроме того, сайт МВД России по ссылкам не переходит на соответствующую страницу Единого портала государственных услуг (далее ЕПГУ), либо ссылки имеются, но они не актуальные. В целом требование обеспечения доступа заявителей к государственным услугам осуществляется, но содержательно выполняется не достаточно достоверно и полно.

Таким образом, в настоящее время анализ нормативной правовой базы позволяет утверждать, что в сфере установления ответственности за не надлежащее предоставление государственных услуг МВД России в целом, и в сфере предоставления государственных услуг ГИБДД возможно применять только дисциплинарную ответственность. Хотя КоАП РФ предусматривает административную ответственность в сфере предоставления государственных и муниципальных услуг – ст. 5.63 «Нарушение законодательства об организации предоставления государственных и муниципальных услуг». Данная статья была введена в 2011 году, но ее действие на сотрудников полиции не распространяется.

В соответствии со ч.1 ст. 2.5 КоАП РФ, за большинство административных правонарушений сотрудники полиции несут дисциплинарную ответственность, за исключением ч. 2 ст. 2.5, в которой дается перечень статей, по которым сотрудники полиции несут ответственность на общих основаниях, но в данном перечне, как уже упоминалось, ст. 5.63 отсутствует.

Представляется, учитывая высокую социальную значимость и полезность предоставляемых услуг в сфере безопасности дорожного движения следует включить ст. 5.63 в перечень ч. 2 ст. 2.5 КоАП РФ, чтобы сотрудники полиции несли ответственность за нарушение сроков, порядка предоставления государственных услуг, за требование не предусмотренной оплаты, отказ в принятии жалоб, нарушения сроков их рассмотрения на ненадлежащее удовлетворение в предоставлении запрашиваемой услуги.

Один из вопросов ответственности в сфере предоставления государственных услуг по линии безопасности дорожного движения связан с организационными вопросами работы по интернет сопровождению. Представляется важным сегментом организации работы по предоставлению государственных услуг является информирование граждан об оказываемых услугах через сайт МВД России. Ответственность за нарушение порядка доступа к предоставлению государственных услуг, в данном случае посредством фактического доступа граждан к недостоверным сведениям, которыми по праву могут считаться положения таких нормативных правовых актов, которые утратили силу, из-за отсутствие обновлений на сайте соответствующего подразделения, предоставляющего государственные услуги, не определена ни в ФЗ № 210, ни в КоАП РФ. Безусловно, для достижения более высокого качества предоставления государственных услуг необходимо технически

усовершенствовать работу Единого портала государственных услуг, а так же своевременно обеспечивать актуализацию информации интернет порталов МВД России о перечне и о порядке предоставления государственных услуг. Представляется проблему ненадлежащего и несвоевременно информационного сопровождения функции предоставления государственных услуг МВД России в сфере обеспечения безопасности дорожного движения необходимо решать соответствующими подразделениями ведомства. В целях обеспечения удовлетворенности граждан в сфере предоставления государственных услуг считаем целесообразно контролировать соблюдение сроков своевременного информирования граждан об изменении количества услуг в перечне, об изменении порядка предоставления государственных услуг, в связи с обновленными или принятыми новыми регламентами, привлекать лиц, ответственных за данное направление работы и нарушивших установленные сроки по обновлению интернет ресурсов ведомства к дисциплинарной ответственности.

Список литературы

1. Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг : Федеральный закон от 27.07.2010 г. № 210-ФЗ (ред. от 27.12.2019 г.). – Текст: электронный // СПС «КонсультантПлюс» : [сайт]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_103023/ (дата обращения: 18.05.2020).
2. Об организации и проведении мониторинга качества предоставления государственных услуг в системе МВД России : Приказ МВД России от 30.06.2017 г. № 430 .) . – Текст: электронный // СПС «КонсультантПлюс» : [сайт]. – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=EXP&n=702867> (дата обращения: 18.05.2020 г.).
3. Нагоша, В. А. Организационные основы предоставления государственных услуг в сфере обеспечения безопасности дорожного движения Министерством внутренних дел Российской Федерации / В. А. Нагоша, А. Н. Осяк, Ю. В. Капранова. – Текст : непосредственный // Юристъ-Правоведъ. – 2019. – № 1. – С. 59–60.
4. Об оценке гражданами эффективности деятельности руководителей территориальных органов федеральных органов исполнительной власти (их структурных подразделений) с учетом качества предоставления ими государственных услуг, а также применении результатов указанной оценки как основания для принятия решений о досрочном прекращении исполнения соответствующими руководителями своих должностных обязанностей : Постановление Правительства РФ от 12.12.2012 г. № 1284. – Текст: электронный // СПС «КонсультантПлюс» : [сайт]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_139281/ (дата обращения: 18.05.2020 г.).
5. Протокол Правительственной комиссии по проведению административной реформы от 16.09.2013 г. № 137. – Текст: электронный // Правительство.ру : [сайт]. – URL: www.government.ru (дата обращения: 18.05.2020 г.).
6. Поручение Президента Российской Федерации Правительству Российской Федерации от 24 мая 2017 г. Пр-1001 ГС» . – Текст: электронный // Кремль.ру : [сайт]. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/54581> (дата обращения: 18.05.2020 г.).

Osyak A. N. Improvement of legislation establishing liability for violations of the procedure for providing public services in the field of road safety / A.N. Osyak // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean federal university. Juridical science. – 2020. – Т. 6 (72). № 3. – P. 338-344.

Study of the tasks and functions of police in the sphere of traffic safety is dedicated to many scientific researches due to the fact that the significance of the topic has not lost its relevance, the evidence of the disappointing official statistics about the dead and received various degrees of injury severity in traffic accidents and also due to the fact that the quantity of transport in Russia is constantly increasing, and the problems of transport security are not solved. At the same time, research related to the implementation by the police of the

functions of providing public services in this area is of particular importance, because despite the fact that this area of police activity is not the main one, and is not provided with state-power enforcement, it nevertheless plays a significant role in ensuring public safety in the field of traffic. Indirectly, the police, through the function of providing public services, by issuing permits for the transport of dangerous goods, issuing permits for the right to drive, etc., minimizes and reduces the threat of harm to life and health, property, and citizens involved in road traffic. In the article, the author sets a task to investigate the legislation that establishes liability for violation of the procedure for providing public services in the field of road safety, to suggest ways to improve it. The author defines public services in the field of road safety and defines their essence. The author analyzes Federal and departmental legislation, identifies the features of bringing to justice police officers for improper provision of public services. The article draws conclusions about the existence of certain shortcomings in the legislation in this area and suggests ways to eliminate them.

Keywords: Ministry of internal Affairs of Russia, traffic police, public services, road safety, responsibility, assessment of the quality of services provided.

Spisok literary

1. Federal Law of 27.07.2010 No. 210-FZ (as amended on 27.12.2019) "On the organization of the provision of state and municipal services". – URL: <http://consultant.ru> (date of treatment: 05.18.2020). – Text: electronic.
2. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated June 30, 2017 No. 430 "On the organization and monitoring of the quality of the provision of public services in the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia". – URL: <http://consultant.ru> (date of treatment: 05.18.2020). – Text: electronic.
3. Nagosha, V. A. Organizational basis for the provision of public services in the field of road safety by the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. V. A. Nagosha, A. N. Osyak, Yu. V. Kapranova // Lawyer-Legal. – 2019. – No. 1. – Pp. 59–60.
4. Decree of the Government of the Russian Federation of 12.12.2012 No. 1284 "On the assessment by citizens of the effectiveness of the activities of heads of territorial bodies of federal executive bodies (their structural divisions), taking into account the quality of their provision of public services, as well as the application of the results of this assessment as a basis for decision-making on the early termination of the performance of their official duties by the respective managers". – URL: <http://consultant.ru> (date of treatment: 05.18.2020). – Text: electronic.
5. Minutes of the Government Commission on Administrative Reform of September 16, 2013 No. 137. – URL: www.government.ru (date of treatment: 05.18.2020). – Text: electronic.
6. Instruction of the President of the Russian Federation to the Government of the Russian Federation dated May 24, 2017 Pr-1001 GS". – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/54581> (date of treatment: 05.18.2020). – Text: electronic.

УДК 342.951

DOI: 10.37279/2413-1733-2020-6-3-345-356

**К ВОПРОСУ О РЕАЛИЗАЦИИ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ГАРАНТИЙ
ПРАВ СУБЪЕКТОВ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ В
УСЛОВИЯХ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ НОВОЙ КОРОНАВИРУСНОЙ
ИНФЕКЦИИ (COVID-19)**

Никулин М. И.

ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»

Рерих Л. А.

***главный специалист правового отдела
Департамента городского хозяйства
администрации города Симферополя Республики Крым***

В статье рассматриваются проблемные вопросы реализации процессуальных прав участников производства по делам об административных правонарушениях в условиях действия ограничительных мероприятий, направленных на предупреждение новой коронавирусной инфекции (COVID-19). Обращено внимание на отсутствие в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях норм, устанавливающих возможность подавать в суд общей юрисдикции документы в электронном виде, в том числе в форме электронного документа, что необоснованно ограничивает реализацию права на судебную защиту субъектов административных правонарушений в условиях ограниченного доступа в суды. Предлагается дополнить процессуальную часть Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях соответствующей нормой, предусматривающей возможность подачи документов, обращений, жалоб по делам об административных правонарушениях в электронном виде.

Выделяется ряд существенных проблем законодательного регламентирования и использования современных информационных технологий видеоконференц-связи и веб-конференции в судебном заседании по делам об административных правонарушениях в условиях пандемии COVID-19, обозначаются пути их решения. Анализируются нормативные акты, материалы практики разрешения судами дел об административных правонарушениях, а также соответствующие положения Концепции нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях.

Ключевые слова: новая коронавирусная инфекция (COVID-19), право на судебную защиту, производство по делам об административных правонарушениях, электронный документ, видеоконференц-связь, веб-конференция, концепция нового кодекса.

Актуальность темы. В связи с масштабным распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19) Всемирная организация здравоохранения объявила пандемию COVID-19 чрезвычайной ситуацией в области здравоохранения международного значения (PHEIC).

Вспышка новой коронавирусной инфекции (COVID-19) на территории Российской Федерации привела к введению жестких ограничительных мер, направленных на борьбу с распространением инфекции, связанных с

приостановлением деятельности хозяйствующих субъектов, ограничением передвижения транспортных средств, грузов и товаров, ограничением права на свободу передвижения, выбор места пребывания, а также иных прав, свобод и законных интересов граждан.

Таким образом, гарантированные Конституцией Российской Федерации права на жизнь и здоровье граждан, признаваемые высшей ценностью, потребовали со стороны государства, в том числе органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, приоритетной защиты перед всеми иными конституционными правами.

В статье 18 Конституции Российской Федерации установлено, что права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими. Они определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием. При этом «Конституция Российской Федерации определяет не только права и свободы человека и гражданина, но и уровень возможного их ограничения. В соответствии с ч. 3 ст. 55 Конституции права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства... Именно на этих конституционных положениях зиждется единство правового статуса гражданина» [1, с. 19].

Следует, однако, отметить, что «одно из немногих прав, никакие ограничения которого... не признаются правомерными, – право на судебную защиту, которое Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно признавал основным, неотчуждаемым и неподлежащим ограничению» [2, с. 34, 65].

Так, в постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 12.11.2018 № 40-П указано, что Конституция Российской Федерации, провозглашая человека, его права и свободы высшей ценностью, а признание, соблюдение и защиту прав и свобод человека и гражданина – обязанностью государства (статья 2), гарантирует каждому право на судебную защиту его прав и свобод (статья 46, часть 1), не подлежащее ограничению ни при каких обстоятельствах (статья 56, часть 3) [3].

Необходимыми условиями эффективной судебной защиты являются доступность и полнота судебной защиты, а также соблюдение процессуальных гарантий.

В условиях угрозы распространения новой коронавирусной инфекции COVID-2019 правомочия непосредственно обращаться в суд общей юрисдикции через интернет-приемную суда, а также подавать документы, обращения, жалобы по делам об административных правонарушениях в электронном виде оказались лишены лица, в отношении которых вынесены предписания о соблюдении режима обязательной изоляции.

Таким образом, отсутствие в процессуальной части Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) возможности подачи документов в электронном виде не отвечает требованиям процессуальной

эффективности и может повлечь ограничение права на судебную защиту по делам об административных правонарушениях лиц с подозрением на коронавирусную инфекцию, лиц, прибывших на территорию Российской Федерации с территорий, где зарегистрированы случаи коронавирусной инфекции, либо контактировавших с такими лицами.

Право на судебную защиту может быть реализовано в полном объеме только при условии соблюдения гарантий и процедур рассмотрения дел в суде, установленных процессуальными нормами КоАП РФ. В связи с чем, вопрос о возможности использования технологий веб-конференции, схожих с технологией видеоконференц-связи в судебных заседаниях при рассмотрении дел об административных правонарушениях требует качественной теоретической проработки и исследования, с целью обоснования необходимости оптимизации производства по делам об административных правонарушениях и недопущения нарушения прав субъектов административных правонарушений при использовании информационных технологий и возможностей цифровизации.

Представляется, что выявленные проблемные вопросы, не урегулированные нормами КоАП РФ в условиях действия ограничительных мер требуют оперативных решений, отвечающих современным реалиям. Расширение и уточнение процессуальных прав участников производства по делам об административных правонарушениях повышает уровень процессуальных гарантий для указанных лиц.

Вопросы дальнейшего совершенствования законодательства об административных правонарушениях как никогда, являются актуальными и требуют незамедлительных решений.

Основной текст. Практика применения процессуальных правил производства по делам об административных правонарушениях в условиях предупреждения новой коронавирусной инфекции (COVID-19) свидетельствует о том, что процессуальные нормы КоАП РФ минимальны не могут обеспечить в полной мере реализацию права лица на доступ к правосудию и судебную защиту в сложившейся ситуации.

Профессор Женетль С. З. подчеркивает, что «задача обеспечения доступности правосудия в сфере административных... правоотношений априори должна быть приоритетной, так как это обусловлено значительным количеством лиц, нуждающихся в процессуальном выравнивании сторон, и необходимостью предоставления дополнительных возможностей обеспечения их интересов. Уверенность в доступности правосудия должна быть у каждого физического и юридического лица вне зависимости от особенностей конкретной ситуации» [4, с. 39].

В условиях действия правовых режимов, ограничивающих свободное перемещение и нахождение лиц в государственных и иных учреждениях, определенную актуальность получил вопрос о возможности подачи документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа, в суды общей юрисдикции по делам об административных правонарушениях.

Так, Верховный Суд Российской Федерации в постановлении Президиума Верховного Суда Российской Федерации, Президиума Совета судей Российской Федерации от 08.04.2020 № 821 (в ред. от 29.04.2020) «О приостановлении личного приема граждан в судах» рекомендовал подавать документы через электронные

интернет-приемные судов или посредством почтовой связи. При этом судам необходимо обеспечить своевременный прием, обработку и регистрацию документов, поданных в суды посредством почтовой связи и в электронном виде, в том числе в форме электронного документа (п. п. 1, 2). Однако процессуальные нормы КоАП РФ не закрепляют право лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении на обращение в суд посредством подачи документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа.

В условиях пандемии COVID-19 отсутствие в КоАП РФ норм, устанавливающих возможность подавать в суд общей юрисдикции документы в электронном виде, необоснованно ограничивает процессуальные права лица на участие в производстве по делу об административном правонарушении, в частности ограничивает право заявлять ходатайства и обжаловать постановление по делу об административном правонарушении.

В период действия режима повышенной готовности в субъектах Российской Федерации определенные категории граждан, например, граждане в возрасте старше 65 лет или граждане, в отношении которых выданы предписания органа (должностного лица), осуществляющего федеральный государственный санитарно-эпидемиологический надзор о проведении санитарно-эпидемиологических мероприятий (обязательной самоизоляции), оказались лишены объективной возможности направить документы по делу об административном правонарушении в суд общей юрисдикции посредством почтовой связи. Данные обстоятельства при отсутствии возможности подавать документы через электронные интернет-приемные судов сделали затруднительной реализацию процессуального права указанных лиц на обращение в суд.

В последнее время ситуацию осложняет отсутствие в судебной практике единой выработанной позиции, относительно допустимости направления документов по делам об административных правонарушениях в электронном виде в суды общей юрисдикции.

Так, определением судьи Ирбитского районного суда Свердловской области от 09 июня 2018 г. жалоба на постановление должностного лица о привлечении Е. к административной ответственности возвращена в связи с тем, что подача указанной жалобы в электронном виде не предусмотрена.

Не согласившись с данным определением, Е. обжаловал его в Свердловский областной суд. Судья Свердловского областного суда определением от 15 августа 2018 г. по делу № 72-918/2018 отменил определение судьи районного суда и направил дело в тот же суд на новое рассмотрение со стадии принятия жалобы, мотивировав свое решение следующим.

Приказом Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации от 27 декабря 2016 года № 251 утвержден Порядок подачи в федеральные суды общей юрисдикции документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа.

Данный порядок предусматривает возможность подачи документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа, подписанного

электронной подписью, посредством заполнения формы, размещенной на официальном сайте суда в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет».

Согласно п. 2 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 декабря 2017 года № 57 «О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов», суды общей юрисдикции, арбитражные суды вправе разрешать вопросы, связанные с использованием в своей деятельности документов в электронном виде на основе применения норм, регулирующих сходные отношения (аналогия закона), а при отсутствии таких норм – исходить из общих начал и смысла законодательства (аналогия права).

Поскольку Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях не содержит положений, предусматривающих возможность подачи в федеральные суды общей юрисдикции документов в электронном виде, то при рассмотрении жалоб, поступивших по делам об административных правонарушениях в электронном виде, надлежит применять порядок подачи в федеральные суды общей юрисдикции документов в электронном виде по аналогии закона [5].

Абсолютно противоположную правовую позицию высказал Верховный Суд Российской Федерации, который оставил без изменения судебный акт о возвращении жалобы без рассмотрения по существу по делу об административном правонарушении, поскольку жалоба должна быть подана в виде оригинала, с оригинальной подписью обратившегося лица.

В решении от 27 сентября 2018 г. по делу № 53-ААД18-10 Верховный Суд Российской Федерации указал, что документы в электронном виде, в том числе в форме электронного документа, подписанного электронной подписью, посредством заполнения формы, размещенной на официальном сайте суда в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», могут быть поданы в федеральные суды общей юрисдикции только в рамках гражданского, административного, уголовного судопроизводства [6].

Документы, обращения, жалобы по делам об административных правонарушениях не могут быть поданы в суд общей юрисдикции в электронном виде, поскольку производство по таким делам осуществляется по правилам Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, нормами которого не предусмотрена подача таковых в электронном виде.

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что отсутствие в действующей редакции КоАП РФ возможности подачи в суды общей юрисдикции документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа, порождает противоречивую практику правоприменения. Реализация процессуальных гарантий прав субъектов административных правонарушений, в том числе недопустимость умаления права на защиту поставлена в зависимость от мнения судьи, а также от режима, действующего на территории Российской Федерации. Поскольку в период действия ограничительных мер в связи с возникновением угрозы распространения опасного заболевания (COVID-19) Верховный Суд Российской Федерации

рекомендовал подавать документы в электронном виде через электронные интернет-приемные судов.

Необходимо отметить, с точки зрения обеспечения гарантий прав и законных интересов лиц, привлекаемых к административной ответственности, АПК РФ выгодно отличается от КоАП РФ. Подача документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа, подписанного электронной подписью, предусмотрена ч. 7 ст. 4 АПК РФ.

Нормативное закрепление в КоАП РФ возможности подавать документы в суд общей юрисдикции как на бумажном носителе, так и в электронном виде, в том числе в форме электронного документа, подписанного электронной подписью в порядке, установленном законодательством Российской Федерации, заполнять форму, размещенную на официальном сайте суда в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», позволит обеспечить дополнительные гарантии реализации права на судебную защиту субъектов административных правонарушений, особенно в условиях угрозы распространения инфекции, подобной COVID-19.

Следует также обсудить правомерность и реальность проведения судебных заседаний по делам об административных правонарушениях с использованием системы видеоконференц-связи и (или) системы веб-конференции в условиях действия ограничительных мер, связанных с обеспечением санитарно-эпидемиологической безопасности.

В связи с угрозой распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19) Верховный Суд Российской Федерации рекомендовал судам при наличии технической возможности проводить судебные заседания с использованием системы видеоконференц-связи и (или) системы веб-конференции с учетом опыта Верховного Суда Российской Федерации.

Указанные рекомендации сформулированы в постановлении Президиума Верховного Суда Российской Федерации, Президиума Совета судей Российской Федерации от 08.04.2020 № 821 (в ред. от 29.04.2020) «О приостановлении личного приема граждан в судах». В соответствии с требованиями пункта 5 названного постановления для участия в судебном заседании посредством веб-конференции участники судопроизводства подают в суд заявление в электронном виде с приложением электронных образов документов, удостоверяющих личность и подтверждающих полномочия.

При этом Верховный Суд Российской Федерации обошел молчанием вопрос о том, каким образом участники производства по делам об административных правонарушениях, могут осуществить процессуальное право на личное участие в судебном заседании путем использования систем видеоконференц-связи, если возможность подачи документов в электронном виде по делу об административном правонарушении нормами КоАП РФ не предусмотрена.

Между тем статья 29.14 КоАП РФ предоставляет право лицам, участвующим в производстве по делам об административных правонарушениях, принимать участие в судебном заседании путем использования систем видеоконференц-связи при условии заявления ими ходатайства об этом.

Аналогичное право закреплено во всех процессуальных кодексах Российской Федерации, в том числе в ст. 153.1 АПК РФ, нормы которой также распространяются на порядок рассмотрения арбитражными судами дел об административных правонарушениях.

Как указал Верховный Суд Российской Федерации в Обзоре по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 2 от 30.04.2020 в соответствии с правовыми позициями Европейского Суда по правам человека использование в ходе судебного разбирательства системы видеоконференц-связи не противоречит понятию справедливого и публичного слушания дела при условии, что подозреваемый, обвиняемый, подсудимый, находящийся под стражей и участвующий в судебном заседании, имеет возможность следить за ходом судебного процесса, видеть и слышать участников процесса, а также быть заслушанным сторонами и судьей беспрепятственно. Использование системы видеоконференц-связи не препятствует подозреваемому, обвиняемому, подсудимому осуществить права, изложенные в подпунктах (с), (d) и (е) пункта 3 статьи 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г., то есть право «защищать себя лично», «допрашивать или иметь право на то, чтобы свидетели были допрошены» и «пользоваться бесплатной помощью переводчика...»; позволит обеспечить личное участие и соблюдение процессуальных прав лиц в судебном заседании [7].

Вышесказанное в полной мере относится к использованию системы видеоконференц-связи при рассмотрении дел об административных правонарушениях, поскольку Европейский Суд по правам человека в своих решениях неоднократно подчеркивал, что «квалификация в российском законодательстве того или иного деяния в качестве административного правонарушения вовсе не означает неприменимость положений ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, текстуально связывающей защиту от предъявленного обвинения с уголовным преследованием, при привлечении к административной ответственности» [8, с. 145–146].

Таким образом, право на участие в судебном заседании с использованием систем видеоконференц-связи является важным средством обеспечения принципов доступности и открытости при рассмотрении дел об административных правонарушениях.

Анализ положений статей 24.3, 26.2, 29.4, 29.14, 30.4 КоАП РФ, регулирующих рассмотрение дел об административных правонарушениях в судах общей юрисдикции с применением систем видеоконференц-связи, позволяет обратить внимание на следующие немаловажные обстоятельства.

Во-первых, системы видеоконференц-связи судов могут использоваться в суде по месту жительства, месту пребывания или месту нахождения участника производства по делу об административном правонарушении, присутствие которого признано обязательным в судебном заседании, но который не имеет возможности прибыть в судебное заседание, проводимое судьей, рассматривающим дело об административном правонарушении (ч. 2 ст. 29.14 КоАП РФ).

Нормы КоАП РФ не допускают возможности дистанционного участия в судебном заседании с использованием технологий, являющихся аналогами видеоконференц-связи, из офисных или жилых помещений участников производства по делам об административных правонарушениях.

Судья, осуществляющий организацию видеоконференц-связи, проверяет явку и устанавливает личность явившихся лиц, а также выполняет иные процессуальные действия, в частности при необходимости берет у свидетелей, экспертов, переводчиков подписку о разъяснении им прав и обязанностей и предупреждении об ответственности за их нарушение, принимает от участников производства по делу об административном правонарушении письменные материалы. Все документы, полученные в суде, в котором была организована видеоконференц-связь, не позднее следующего рабочего дня после дня проведения судебного заседания направляются судье, рассматривающему дело об административном правонарушении (ч. 4 ст. 29.14 КоАП РФ). В случае, если для обеспечения участия в деле об административном правонарушении лиц, находящихся в местах содержания под стражей или в местах лишения свободы, используются системы видео-конференц-связи этих учреждений, получение подписки у данных лиц о разъяснении им судьей, рассматривающим дело об административном правонарушении, прав и обязанностей осуществляется при техническом содействии администрации этих учреждений. Иные способы удостоверения личности участников производства по делам об административных правонарушениях и разъяснения им прав и обязанностей в КоАП РФ не предусмотрены.

Во-вторых, действующий КоАП РФ не содержит каких-либо норм, которые бы открывали возможность для использования системы веб-конференции между судом и лицом, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении.

Термин «система веб-конференции» в КоАП РФ отсутствует. Использование данной технологии процессуально не урегулировано.

Полагаем, что поскольку возможны различные способы реализации и правовой регламентации использования системы веб-конференции, необходимо сначала тщательно изучить опыт Верховного Суда РФ по ее применению в уголовно- и гражданско-правовой сфере, а затем с учетом процессуальных особенностей, установленных КоАП РФ, внедрять данную технологию в производство по делам об административных правонарушениях.

В условиях действия ограничительных мер с целью уменьшения рисков распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19) Верховный Суд Российской Федерации инициировал выборочное рассмотрение дел безотлагательного характера с использованием технологии веб-конференции.

Участникам процесса необходимо через личные кабинеты заблаговременно до даты судебных заседаний направить в суд соответствующие ходатайства и документы, подтверждающие их полномочия, а также пройти идентификацию и аутентификацию в федеральной государственной информационной системе Единый портал государственных и муниципальных услуг. В случае удовлетворения судом ходатайства, участнику судебного заседания направляется в личный кабинет и на

электронную почту гиперссылка для подключения в назначенную дату к виртуальному залу судебного заседания Верховного Суда Российской Федерации.

Тем не менее, использование технологии веб-конференции в отсутствие детальной правовой регламентации вызывает серьезные возражения, поскольку «работа в судах с цифровыми технологиями не допускает произвольных действий при выполнении определенных процессуальных требований закона» [9, с. 67].

Существуют значительные различия между двумя смежными технологиями видеоконференц-связи и веб-конференции.

Видеоконференц-связь – это телекоммуникационная технология интерактивного взаимодействия трех и более удалённых абонентов, обеспечивающая обмен аудио- и видеоинформацией в реальном времени, с учётом передачи управляющих данных по гарантированным (выделенным) каналам связи.

Веб-конференция – технология и инструментарий для организации онлайн-встреч и совместной работы в режиме реального времени через информационно-телекоммуникационную сеть Интернет. При использовании технологии веб-конференции обмен данными осуществляется через публичные (негарантированные) каналы связи.

Таким образом, основное отличие системы видеоконференц-связи от системы веб-конференции заключается в безопасности передачи аудио- и видео-данных.

Следует отметить, что возможность надлежащего удостоверения личности участников судебного заседания, проводимого с использованием системы веб-конференции, может быть обеспечена только внедрением в судебную деятельность технологии биометрической аутентификации личности по лицу и голосу.

Обращает на себя внимание то, что использование технологии веб-конференции связано с передачей данных по незащищенным каналам связи, в связи с чем, нельзя исключить возможности различных злоупотреблений, как со стороны любых внешних по отношению к процессу лиц, так и его участников с целью уклонения от административной ответственности.

Так, по общему правилу для передачи видео и аудио данных в технологии веб-конференции применяется TLS-шифрование, которое отличается от наиболее защищенного сквозного шифрования (End-to-End), поскольку кодирует данные не между пользователем и пользователем, а между сервером и пользователем, при этом доступ к незашифрованному видео- и аудиоконтенту конференций имеет сам поставщик технологии веб-конференции. Благодаря этому поставщик (стороннее по отношению к судебному процессу лицо) имеет техническую возможность неправомерного перехвата, изменения и использования данных веб-конференции, может осуществить сбор и передачу данных третьим лицам.

Первое в Российской Федерации рассмотрение дела об административном правонарушении с использованием технологии веб-конференции состоялось 30 марта 2020 года. Судья Невьянского городского суда Свердловской области, рассмотрев путем видео звонка с использованием мессенджера WhatsApp дело об административном правонарушении в отношении индивидуального предпринимателя, признал его виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного ст. 6.3 Кодекса Российской Федерации об

административных правонарушениях и назначил наказание в виде административного приостановления деятельности на срок 45 суток [10].

С учетом изложенного отметим, что отсутствие должного правового регулирования не позволяет признать складывающуюся в условиях пандемии COVID-19 практику применения технологии веб-конференции при рассмотрении дел об административных правонарушениях соответствующей закону.

Проблемные вопросы, затронутые в настоящей статье, нуждаются в правовой регламентации, поскольку риск возникновения в будущем пандемий, сопоставимых по масштабу последствий с пандемией новой коронавирусной инфекции (COVID-19), нельзя исключить.

Говоря о модернизации процессуальных норм КоАП РФ, следует обратить внимание на соответствующие положения Концепции нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, разработанной по инициативе Правительства Российской Федерации [11].

В пункте 5.3.4 Концепции нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях сформулирована заслуживающая поддержки позиция о необходимости применения в производстве по делам об административных правонарушениях современных технологий, позволяющих участникам производства по делу об административном правонарушении, направлять в орган административной юрисдикции заявления, ходатайства, иные документы, связанные с рассмотрением дела, в электронном виде, заполнять формы документов, размещенные на официальном сайте органа административной юрисдикции в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» [12].

Кроме того, дополнительной проработке подверглись правовые нормы, посвященные участию в судебном заседании путем использования систем видеоконференц-связи.

В соответствии с Концепцией нового КоАП РФ Министерством юстиции Российской Федерации разработан проект федерального закона «Процессуальный Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях», который предполагается принять и ввести в действие с 1 января 2021 года [13]. При таких обстоятельствах вопрос о необходимости устранения выявленных пробелов в нормативно-правовом регулировании в действующем КоАП РФ остается открытым.

Список литературы

1. Шергин, А. П. О концепции нового КоАП РФ / А. П. Шергин. – Текст : непосредственный // Актуальные проблемы внесудебного и судебного порядков разрешения административных дел, возникающих из отношений государственного контроля и надзора : сборник статей. – М.: РГУП, 2019. – С. 17–26.
2. Дудко И. А. Защита прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации : учебное пособие / И. А. Дудко, О. Н. Кряжкова. – М.: РГУП, 2020. – 158 с. – Текст : непосредственный.
3. По делу о проверке конституционности абзаца второй части третьей статьи 445 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В. С. Волосникова : Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 12.11.2018 г. № 40-П. – Текст : электронный // СПС «КонсультантПлюс» : [сайт]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_310905/ (дата обращения: 27.06.2020).

4. Женетль, С. З. Обеспечение доступности правосудия: к вопросу о совершенствовании кодекса административного судопроизводства / С. З. Женетль. . – Текст : непосредственный. // Российское правосудие. – 2016. – № 12 (128). – С. 39–44.
5. Определение Свердловского областного суда от 15 августа 2018 г. по делу № 72-918/2018. – Текст: электронный // СудРФ.ру : [сайт]. – URL: https://oblsud--svd.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&H_date=15.08.2018/ (дата обращения: 28.05.2020 г.).
6. Решение Верховного Суда Российской Федерации от 27 сентября 2018 г. по делу № 53-ААД18-10. – Текст: электронный // СПС «Гарант» : [сайт]. – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71981172/#review/> (дата обращения: 28.05.2020 г.).
7. Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 2 : утвержден Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 30 апреля 2020 г. . – Текст: электронный // Арбитр.ру : [сайт]. – URL: https://astrahan.arbitr.ru/files/pdf/Obzor_2_.pdf/ (дата обращения: 28.05.2020 г.). .
8. Панкова, О. В. Теоретические основы правосудия по делам об административных правонарушениях / О. В. Панкова. – Москва: Статут, 2020. – 232 с. . – Текст : непосредственный.
9. Чвилов, В. В. Совершенствование судебной деятельности на основе информационных и коммуникационных технологий / В. В. Чвилов, М. В. Чижов. . – Текст : непосредственный. // Российское правосудие. – 2018. – № 6 (146). – С. 67–69.
11. 10. Постановление судьи Невьянского городского суда Свердловской области по делу об административном правонарушении от 30 марта 2020 г. по делу № 5-40/2020. . – Текст: электронный // СудРФ.ру : [сайт]. – URL: https://neviansky--svd.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=68906959&delo_id=1500001&new=&text_number=1/ (дата обращения: 28.05.2020 г.).
12. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 4 апреля 2019 г. № 631-п // Собрание законодательства РФ. – 2019. – № 15 (часть IV). – Ст. 1800. – Текст : непосредственный.
13. Концепция нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. – Текст: электронный // Правительство.ру : [сайт]. – URL: <http://static.government.ru/media/files/KVhRVrFpSydJQShBIwLAY7khO7NAt9EL.pdf/> (дата обращения: 28.05.2020 г.).
14. Проект Федерального закона Процессуальный кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях. – Текст: электронный // СПС «Гарант» : [сайт]. – URL: – URL: <http://base.garant.ru/56821726/> (дата обращения: 28.05.2020 г.).

Roerich L. A., Nikulin M. I. On the issue of procedural guarantees of the rights implementation of subjects of administrative offenses in the preventive conditions of a new coronavirus infection (covid-19) / L.A. Roerich, M. I. Nikulin // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean federal university. Juridical science. – 2020. – Т. 6 (72). № 3. – P. 345-356.

The article deals with the problematic issues of implementing the procedural rights of participants in proceedings on administrative offenses in the context of restrictive measures aimed at preventing a new coronavirus infection (COVID-19). Attention is drawn to the absence in the Russian Code of administrative offences of the rules establishing the possibility to submit to the court documents in electronic kind, including in electronic form that unreasonably restricts the right to judicial protection of subjects of administrative offences. It is proposed that the procedural part of the Code of administrative offences of the Russian Federation should be supplemented with a relevant norm providing for the possibility of submitting documents, appeals, and complaints in cases of administrative offences in electronic form.

A number of significant problems of legislative regulation and use of modern information technologies of videoconferencing and web conferences in the court session on cases of administrative offenses in the context of the COVID-19 pandemic are highlighted, and ways to solve them are outlined. The author analyzes regulatory acts, materials of the practice of resolving cases of administrative offences by courts, as well as the corresponding provisions of the Concept of the new Code of administrative offences of the Russian Federation.

Keywords: new coronavirus infection (COVID-19), the right to judicial protection, proceedings on administrative offenses, electronic document, videoconferencing, web-conference, concept of the new Administrative Code.

Spisok literature

1. Shergin, A. P. About the concept of the new Code of Administrative Offenses of the Russian Federation / A. P. Shergin // Actual problems of extrajudicial and judicial procedures for resolving administrative cases arising from relations of state control and supervision: Collection of articles. – M.: RGUP, 2019. – Pp. 17–26.
2. Dudko I. A., Kryazhkova O. N. Protection of human and civil rights and freedoms in the Russian Federation : textbook / I. A. Dudko, O. N. Kryazhkova. – M.: RGUP, 2020. – 158 p.
3. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 12.11.2018 No. 40-P "In the case of checking the constitutionality of paragraph two of part three of Article 445 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen V. S. Volosnikov" // Collected Legislation of the Russian Federation. 2018. No. 47. Art. 7317.
4. Zhenetl, S. Z. Ensuring the accessibility of justice: on the issue of improving the code of administrative proceedings / S. Z. Zhenetl // Russian justice. – 2016. – № 12 (128). – Pp. 39–44.
5. Determination of the Sverdlovsk Regional Court dated August 15, 2018 in case No. 72-918 / 2018. – URL: https://obsud--svd.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&H_date=15.08.2018 / (date of treatment: 05.28.2020). – Electronic text.
6. Decision of the Supreme Court of the Russian Federation dated September 27, 2018 in case No. 53-AA/18-10. – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71981172/#review/> (date of access: 05.28.2020). – Electronic text.
7. Review of selected issues of judicial practice related to the application of legislation and measures to counter the spread of a new coronavirus infection (COVID-19) No. 2 in the territory of the Russian Federation, approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on April 30, 2020. – URL: https://astrahan.arbitr.ru/files/pdf/Obzor_2_.pdf / (date of treatment: 05.28.2020). – Electronic text.
8. Pankova, O. V. Theoretical foundations of justice in cases of administrative offenses / O. V. Pankova. – Moscow: Statute, 2020. – 232 p.
9. Chvirov V. V., Chizhov M. V. Improvement of judicial activity on the basis of information and communication technologies / V. V. Chvirov, M. V. Chizhov // Russian justice. – 2018. – No. 6 (146). – Pp. 67–69.
10. The decision of the judge of the Nevyansk city court of the Sverdlovsk region in the case of an administrative offense dated March 30, 2020 in case No. 5-40 / 2020. – URL: https://svd.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=68906959&delo_id=1500001&new=&text_number=1 / (access date: 05.28.2020). – Electronic text.
11. Order of the Government of the Russian Federation of April 4, 2019 No. 631-r // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2019. – No. 15 (part IV). – Art. 1800.
12. The concept of the new Code of the Russian Federation on administrative offenses. – URL: <http://static.government.ru/media/files/KVhRVrFpSydJQShBIwLAY7khO7NAt9EL.pdf> / (date of access: 05.28.2020). – Electronic text.
13. Draft Federal Law "Procedural Code of the Russian Federation on Administrative Offenses" (prepared by the Ministry of Justice of Russia on January 30, 2020). – URL: <http://base.garant.ru/56821726/> (date of treatment: 05.28.2020). – Electronic text.

УДК 342.7

DOI: 10.37279/2413-1733-2020-6-3-357-365

ЮРИДИЧЕСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ В СИСТЕМЕ МЕХАНИЗМА ВОЗДЕЙСТВИЯ НА МИГРАЦИОННЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Трифопова К. В.

Крымский филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»

В статье с позиции юридической науки и практики государственного регулирования миграционных отношений рассматриваются вопросы применения юридической ответственности к нарушителям норм миграционного законодательства.

Автор проводит теоретико-правовой анализ института юридической ответственности. Определение юридической ответственности в качестве правовой реакции общества и государства на противоправность действий (бездействия) позволяет сделать вывод о том, что введение государством специального правового регулирования представляет собой форму распоряжения государственной властью.

Реализация юридической ответственности в динамике правового регулирования характеризуется переплетением регулятивного, материально-правового и процессуально-правового аспектов, которые позволяют обеспечить прохождение ответственности сквозь все стадии и процедуры правового регулирования, что создает упорядочивающий эффект.

В заключении автор указывает, что юридическая ответственность, будучи элементом механизма правового регулирования, наглядно демонстрирует свою специфику и особенности, а также общую эффективность в правоохранительном процессе возложения наказания.

Ключевые слова: юридическая ответственность, правовой механизм, правовые средства, государство, государственного принуждения, наказание, административная ответственность, миграция, миграционные отношения.

Государство с помощью разнообразных правовых средств (методы и способы воздействия), регулирует общественные отношения в сфере миграции с учетом удовлетворения потребностей субъектов миграционных правоотношений.

В настоящее время правовые средства выступают как всеобщая теоретическая проблема. С.С. Алексеев под правовыми средствами понимает «институциональные явления правовой действительности, воплощающие регулятивную силу права, его энергию, которым принадлежит роль ее активных центров» [1, с. 19].

В связи со сложностью и многогранностью системы миграционных правоотношений, необходимостью межотраслевого комплексного подхода к их нормативно-правовой регламентации, в процессах их правового регулирования на нормативно-правовом уровне используется весьма богатый спектр правовых регуляторов, практически вся система типичных правовых средств [2, с.74-83].

Выделяя виды правовых средств, регулирующих миграционные правоотношения, их можно подразделить следующим образом:

1) по действию – регулятивные и защитные (Закон N 115-ФЗ устанавливает порядок доступа иностранцев на территорию Российской Федерации, порядок учета и контроля за их проживанием, вводит ограничения, связанные с их трудовой деятельностью, предусматривает институт высылки (депортации) иностранных граждан с территории России);

2) предмету регулирования – конституционные, гражданско-правовые, административные, уголовные;

3) характеру – консультативные (рекомендации по предотвращению и исправлению нарушений прав мигрантов, где бы они ни происходили) и методические (выдворение, депортация);

4) значимости последствий – простые (административный штраф и т.д.) и сложные (за совершение или организацию незаконного въезда в Российскую Федерацию иностранных граждан или лиц без гражданства, их незаконного пребывания в Российской Федерации или незаконного транзитного проезда через территорию Российской Федерации организованной группой, в целях совершения данного преступления на территории страны, – наказываются лишением свободы на срок до семи лет со штрафом в размере до пятисот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до трех лет либо без такового и с ограничением свободы на срок до двух лет либо без такового);

5) времени действия – непрерывные (получение гражданства) и краткосрочные (виза, полученная мигрантом);

6) можно выделить также побуждающие (льготы для мигрантов из определенных стран СНГ) и ограничительные (истечение льготного режима пребывания на территории РФ для украинских граждан, не оформивших РВП, патент или вид на жительство) и т.д.

Механизм правового регулирования в сфере миграционных правоотношений призван упорядочивать миграционные отношения.

Юридическая ответственность является одним из эффективных средств в системе механизма воздействия на миграционные отношения.

Необходимо согласиться с мнением Н.И. Орешиной о том, что «осуществление государствами миграционной политики невозможно без существования механизмов привлечения нарушителей миграционных правил к ответственности, удаления мигрантов с территории страны приема либо альтернативного варианта – регуляризации их незаконного статуса» [3].

По мнению Серкова П.П. «как в механизме общерегулятивных правоотношений, субъективные потребности-цели и объекты административных правоотношений формируются идейным содержанием не одной, а совокупностью правовых норм, подчас предусмотренных в различных правовых актах и разных законодательных отраслей [4, с.434].

В механизме общерегулятивных правоотношений, главенствующее положение занимают субъективные потребности – цели».

Особенностью субъективных потребностей – целей субъектов обладающими властными полномочиями в административных правоотношениях выступает внешне не проявляющееся присутствие государства как носителя родовой обязанности в силу

чего эти субъективные потребности-цели по существу являются публичными потребностями, получившими отображение в правовых нормах в виде обобщающего варианта совпадающих и признанных важными субъективных интересов. Непосредственно органы публичной власти и их должностные лица по своему функциональному назначению не могут иметь субъективные интересы, а тем более субъективные потребности – цели, отличающиеся по своим признакам, критериям, параметрам от установленных законодательным регулированием.

Серков П.П. в качестве причины невозможности «возвышения» органов публичной власти и их должностных лиц во взаимоотношениях с физическими и юридическими лицами называет их правовой статус [4, с. 435]. В результате в формате механизма административных правоотношений последовательно выстраивается системная инфраструктура правового регулирования каждой ситуации, включенной в правовую сферу государственного управления, осуществляемого органами исполнительной власти и местного самоуправления.

Введение юридической ответственности основано на ретроспективном анализе неисполненных (исполненных ненадлежащим образом) взаимных прав и паритетных прав и обязанностей в механизме соответствующих правоотношений неизбежно возникающее напряжение в общественных отношениях исключает их гармонизацию в варианте «обычного» правового регулирования [4, с. 436]. При этом возникают публичные потребности иной правовой природы, предопределяющие принятие дополнительных усилий, качественно других мер со стороны общества и государства

Государство вынужденно вводить специализированное правовое регулирование, обладающее целенаправленным и неблагоприятным воздействием на тех субъектов, которые совершили противоправные действия (бездействия) [4, с. 437].

Определение юридической ответственности в качестве правовой реакции общества и государства на противоправность действий (бездействия) позволяет сделать вывод о том, что введение государством специального правового регулирования представляет собой формой распоряжения государственной властью. Соответственно, такое распоряжение является элементом государственного управления, имеющего свою специфику, проистекающую из необходимости исполнения родовой обязанности путем защиты общества от противоправных действий (бездействия).

Одной из наиболее распространенных версий является признание юридической ответственности в качестве государственного принуждения [5, с. 262]. Юридической наукой на это принуждение возлагается решение, пожалуй, всех основополагающих задач правового регулирования. Гипотеза о соотношении государственного принуждения органов публичной власти и юридической ответственности ранее получила свое критическое осмысление, поддержанное другими авторами [6].

Само понятие юридической ответственности многими авторами раскрывалось в одном ключе – есть мера осуждения, которая влечет за собой применение санкции к правонарушителю. Так, О. С. Иоффе и М. Д. Шаргородский, определяя юридическую ответственность как «меру государственного принуждения, основанную на юридическом и общественном осуждении поведения правонарушителя и выражающуюся в установлении для него определенных

отрицательных последствий в виде ограничений личного или имущественного порядка, утверждают, что только сочетание этих элементов создает юридическую ответственность» [7, с. 314].

Понимание ответственности у В. А. Тархова сводится к буквальному филологическому смыслу термина «ответственность», а именно к тому, что «...в русском языке ответственность определяется как обязанность, необходимость дать отчет в своих действиях, поступках и т.п.» [8, с.8].

О. Э. Лейст дает определение ответственности «через понимание санкции как указания нормативного акта на меры принуждения, которые будут применены органом государства в случае нарушения нормы права» [9, с. 67]. С. С. Алексеев, раскрывая понятие ответственности, указывает, что «...ответственность связана с государственным принуждением и осуждением правонарушителя, подчеркивает, что юридическая ответственность всегда выражается в особых, новых, обременительных для лица обязанностях (например, лишении ранее существовавшего права, лишении свободы и др.)» [10, с. 375].

Наиболее распространенной в изученной нами литературе 60-70-х годов XX века точкой зрения о статусе юридической ответственности стала трактовка его как меры государственного принуждения, реакции на совершенное правонарушение, которая выражалась в осуждении и установлении для правонарушителя определенных отрицательных (неблагоприятных) последствий в виде ограничений (лишений) личного или имущественного порядка [11, с. 3].

Интерес представляет научная оценка слов В. И. Ленина о том, что: «... право есть ничто без аппарата, способного принуждать, к соблюдению норм права» [12, с. 99].

Юридическая ответственность является ключевым средством в системе механизмов воздействия на миграционные отношения, так как является государственной мерой принуждения, как правило, носящий карательный характер, в связи с совершенным правонарушением. В данном случае, мы имеем ввиду привлечение к различным видам ответственности

Однако, возможно, и рассмотрение института юридической ответственности через призму защитной (восстановительно-компенсационной) функции [13, с. 53].

У восстановительно-компенсационной (защитной) и карательно-штрафной юридической ответственности есть общий признак – это принудительная форма их реализации, обвязывание правонарушителя как субъекта неправомерного поведения к несению ответственности. Меры защиты и восстановительно-компенсационная ответственность служат условием нормального, позитивного процесса реализации прав и обязанностей субъектов правоотношений. [13, с. 45].

Если обратиться к исследованиям П.П. Серкова, то в них неоднократно подчеркивалось, что «...в институте юридической ответственности возникает не одно материальное отношение» [4, с. 443].

Специфика института юридической ответственности заключается в том, что возбуждение производства по факту совершения любых противоправных действий (бездействий) определяет использование в первую очередь гипотезы и диспозиции соответствующей правовой нормы. При составлении протокола об

административном правонарушении на основании этих структурных элементов правовой нормы возникает и развивается материальное правоотношение, объектом которого является квалификация правонарушения.

В механизме противодействия правонарушениям в иммиграционной сфере целесообразно выделять несколько компонентов: политический, социально-культурный, экономический и правовой [14, с. 124].

Основная роль в укреплении правопорядка и законности в данной сфере принадлежит мерам административной ответственности. Иностранцы граждане, а также лица без гражданства, которые нарушают режим пребывания в нашей стране, подвергаются административно-правовым санкциям, к которым на сегодняшний день относятся: предупреждение, административный штраф, конфискация орудия совершения или предмета правонарушения, административный арест, а также административное выдворение за пределы Российской Федерации иностранного гражданина или лица без гражданства.

Анализ судебной практики показывает, что большую часть дел об административных правонарушениях с участием иностранных граждан составляют дела по нарушению установленного порядка режима пребывания (проживания) в РФ (ст. 18.8 КоАП РФ), а также незаконное осуществление иностранным гражданином или лицом без гражданства трудовой деятельности (ст. 18.10 КоАП РФ) и незаконное привлечение их к трудовой деятельности (ст. 18.15 КоАП РФ).

Следует согласиться с авторами, которые считают, что, основными причинами совершения административных правонарушений в рассматриваемой области являются [15, с. 57]:

- отсутствие комплексной государственной системы предупреждения административных правонарушений и, как следствие, непродуктивность разрозненных мероприятий по их предупреждению;
- недостаточная эффективность системы наказания;
- слабая осведомленность населения по вопросам, касающимся правил режима государственной границы, пограничного режима, режима в пунктах пропуска через Государственную границу Российской Федерации.

Это объясняется и тем, что проблема незаконной миграции стала предметом повышенного внимания и вызывает растущую обеспокоенность со стороны Правительства РФ, Президента РФ.

В своей речи Президент России В. В. Путин справедливо указал: «Мы видим, к каким серьезным последствиям привели практически неконтролируемые потоки беженцев в Европу из стран Ближнего Востока, Северной Африки, из Афганистана, из других регионов. Здесь и всплеск преступности, и конфликты на национальной и религиозной почве, и социальное напряжение. Мигранты, фактически лишенные возможности интегрироваться в общество, становятся объектом пропаганды, вербовки со стороны экстремистов и террористических организаций. Растут радикальные настроения в этой среде. Но радикальные настроения в этой связи растут и среди местных граждан. Нужно глубоко проанализировать эту ситуацию, сделать для себя соответствующие выводы из миграционного кризиса в Европе, скорректировать наши действия там, где нужно, с учетом существующих и

потенциальных угроз. Необходим постоянный мониторинг обстановки в ближневосточном и других регионах, откуда могут исходить новые миграционные волны, прежде всего это касается ситуации вблизи границ России, партнеров по Евразийскому экономическому союзу, ОДКБ и СНГ» [16].

Стратегия национальной безопасности Российской Федерации к одной из основных угроз общественной и государственной безопасности относит деятельность преступных организаций и группировок, в том числе транснациональных, связанную с организацией незаконной миграции [17].

Одним из основных способов обеспечения национальной безопасности является установление юридической ответственности за нарушение социального порядка, установленного в конкретном государстве.

Как справедливо отмечает Т. В. Владимирова: «социальный порядок гарантируется исполнением индивидами социальных норм, в свою очередь система социальных норм» [18, с. 32], к которым относятся и правовые нормы, обеспечивает необходимое в конкретный момент времени состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства.

Учитывая современные тенденции в сфере миграции в Российскую Федерацию, Президентом Российской Федерации в качестве одних из первоочередных задач государственной миграционной политики были определены правовые механизмы, регулирующие и обеспечивающие:

"добровольное переселение в Российскую Федерацию на постоянное место жительства соотечественников, проживающих за рубежом, а также иных лиц, которые способны успешно интегрироваться в российское общество;

въезд в Российскую Федерацию и пребывание на ее территории иностранных граждан, желающих развивать экономические, деловые, профессиональные, научные, культурные и иные связи, изучать язык, историю и культуру нашей страны, способных благодаря своей трудовой деятельности, знаниям и компетенциям содействовать экономическому, социальному и культурному развитию России" [19].

Очень важно отметить, что основной идеей Концепции [19], с учетом современных требований, должны быть инструменты правового регулирования в сфере миграции, в том числе порядок въезда на территорию Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства, меры противодействия незаконной миграции, правила осуществления иностранными гражданами трудовой деятельности на территории Российской Федерации, правила пребывания обучающихся в Российской Федерации иностранных граждан, правила, способствующие добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, и другие отношения в рассматриваемой сфере.

На это прямо указывает Президент Российской Федерации: «Эффективность миграционной политики зависит от качества правового регулирования, а также от практического применения миграционного законодательства Российской Федерации, результативности мер противодействия коррупции при осуществлении государственного контроля (надзора) и предоставлении государственных услуг в сфере миграции, степени информированности иностранных и российских граждан о

требованиях законодательства Российской Федерации и мерах ответственности за их нарушение» [19].

Таким образом, юридическая ответственность, будучи элементом механизма правового регулирования, наглядно демонстрирует свою специфику и особенности, а также общую эффективность в правоохранительном процессе возложения наказания.

Применение мер ответственности за незаконную миграцию и ее организацию осложнено целым рядом объективных трудностей – от недостаточной степени защиты государственной границы до отсутствия материальных средств на массовое выдворение лиц, совершивших предусмотренные законодательством правонарушения, за которые предполагается данная мера наказания. Однако эти сложности не могут рассматриваться как обстоятельства, позволяющие отказаться от установления и применения соответствующих мер ответственности. Запретительные и ограничивающие меры, прежде всего юридической ответственности за незаконную миграцию, следует сохранить и развивать, дополняя комплексное регулирование миграционных отношений мерами, стимулирующими исполнение законодательства в области миграционных отношений.

Список литературы

1. Алексеев, С. С. Правовые средства: постановка проблемы, понятие, классификация / С. С. Алексеев. – Текст : непосредственный // Сов. гос-во и право. – 1987. – № 6. – 19 с.
2. Косарева, В. В. Механизм правового регулирования в сфере миграционных отношений (теоретико-правовой аспект) / В. В. Косарева. – Текст : непосредственный. // Ленинградский юридический журнал. 2016. № 4. С. 74–83.
3. Орешина, Н. И. Административно-правовое регулирование противодействия незаконной миграции в зарубежных странах: дисс. ... канд. юрид. наук / Н. И. Орешина. – М., 2010. – Текст : непосредственный.
4. Серков, П. П. Административная ответственность в российском праве: современное осмысление и новые подходы / П. П. Серков. – Текст : непосредственный. – М., 2012. – С. 434–460.
5. Духно, Н. А. Понятие и виды юридической ответственности / Н. А. Духно, В. И. Ивакин. – Текст : непосредственный // Государство и право. – 2000. – № 6. – С. 13.
6. Дугинев, А. С. Некоторые концептуальные вопросы административной ответственности в российском праве / А. С. Дугинев. – Текст : непосредственный // Административное и административно-процессуальное право. – М. – 2005. – Ч. 2. – С. 262–263.
7. Россинский, Б. В. Рецензия на монографию П. П. Серкова «Административная ответственность в российском праве: современное осмысление и новые подходы» / Б. В. Россинский. – М. – 2005. – Текст : непосредственный.
8. Иоффе, О. С. Вопросы теории права / О. С. Иоффе, М. Д. Шаргородский. – Текст : непосредственный. – М.: Госюриздат, 1961. – С. 314–318.
9. Тархов, В. А. Ответственность по советскому гражданскому праву / В. А. Тархов. – Текст : непосредственный. – Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1973. – С. 8.
10. Лейст, О. Э. Санкции в советском праве / О. Э. Лейст. – Текст : непосредственный. – М.: Госюриздат, 1962. – С. 67–86.
11. Алексеев, С. С. Проблемы теории права / С. С. Алексеев. Свердловск, 1972. – Т. 1. – 375 с. – Текст : непосредственный.
12. Чепус, А. В. Теоретико-правовое содержание понятия юридической ответственности как конституционно-правового института / А. В. Чепус. – Текст : непосредственный. // Конституционное и муниципальное право. – 2016. – № 5. – С. 3–6.
13. Ленин, В. И. Полное собрание сочинений / В. И. Ленин. – 5-е изд. – Т. 33. – 99 с. – Текст : непосредственный.

14. Витрук, Н. В. Общая теория юридической ответственности / Н. В. Витрук. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: НОРМА, 2009. – 432 с. – Текст : непосредственный.
15. Прудникова, Т. А. Административно-правовое регулирование миграционных процессов (современность и перспективы) : дисс. ... д-ра юрид. наук / Т. А. Прудникова. – М., 2016. – С. 124. – Текст : непосредственный.
16. Попович, О. М. Актуальные вопросы административной ответственности иностранных граждан и лиц без гражданства / О. М. Попович. – Текст : непосредственный. // Административное право и процесс. – 2019. – № 6. – С. 57–59.
17. Путин призвал сделать выводы из миграционного кризиса в Европе. – Текст: электронный // РГ.ру : [сайт]. – URL: <https://rg.ru/2016/03/31/putin-prizval-sdelat-vyvody-iz-migracionnogo-krizisa-v-evrope.html> (дата обращения: 18.05.2020 г.).
18. Стратегия национальной безопасности Рос. Федерации: Указ Президента Рос. Федерации от 31.12.2015 г. № 683. – Текст: электронный // СПС «КонсультантПлюс» : [сайт]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191669/ (дата обращения: 05.05.2020).
19. Владимирова, Т. В. Социальная природа информационной безопасности : монография / Т. В. Владимирова. – М.: АНО Изд. дом «Научное обозрение», 2014. – С. 32. – Текст : непосредственный.
20. О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы : Указ Президента Российской Федерации от 31.10.2018 г. № 622. – Текст: электронный // СПС «КонсультантПлюс» : [сайт]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_310139/74e338ae02b148ec31de4bc38f486b8b045d3a1e/ (дата обращения: 05.05.2020).

Trifonova K. V. Legal responsibility in the system of the mechanism of influence on migration relations / K. V. Trifonova // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean federal university. Juridical science. – 2020. – Т. 6 (72). № 3. – P. 357-365.

In the article, from the standpoint of legal science and practice of state regulation of migration relations, the author examines the application of legal liability to violators of the norms of migration legislation.

The author conducts a theoretical and legal analysis of the institution of legal responsibility. The definition of legal responsibility as a legal reaction of society and the state to the unlawfulness of actions (inaction) allows us to conclude that the introduction by the state of special legal regulation is a form of disposition of state power.

The implementation of legal responsibility in the dynamics of legal regulation is characterized by the intertwining of regulatory, substantive and procedural and legal aspects, which allow ensuring the passage of responsibility through all stages and procedures of legal regulation, which creates an ordering effect.

In conclusion, the author points out that legal responsibility, being an element of the legal regulation mechanism, clearly demonstrates its specificity and features, as well as general efficiency in the law enforcement process of imposing punishment.

Key words: legal responsibility, legal mechanism, legal means, state, state coercion, punishment, administrative responsibility, migration, migration relations.

Spisok literature

1. Alekseev, S. S. Legal means: problem statement, concept, classification / S. S. Alekseev // Sov. state and law. – 1987. – No. 6. – 19 p.
2. Kosareva, V. V. The mechanism of legal regulation in the field of migration relations (theoretical and legal aspect) / V. V. Kosareva // Leningrad Law Journal. 2016. No. 4. Pp. 74–83.
3. Oreshina, N. I. Administrative and legal regulation of counteracting illegal migration in foreign countries : diss. ... Cand. jurid. Science / N. I. Oreshina. – М., 2010.
4. Serkov, P. P. Administrative responsibility in Russian law: modern understanding and new approaches / P. P. Serkov. – М., 2012. – Pp. 434–460.
5. Dukhno, N. A. Concept and types of legal responsibility / N. A. Dukhno, V. I. Ivakin // State and Law. – 2000. – No. 6. – P. 13.
6. Duginets, A. S. Some conceptual issues of administrative responsibility in Russian law / A. S. Duginets // Administrative and administrative procedural law. – М. – 2005. – Part 2. – Pp. 262–263.
7. Rossinsky, B. V. Review of the monograph by P. P. Serkov "Administrative responsibility in Russian law: modern understanding and new approaches" / B. V. Rossinsky. – М. – 2005.

8. Ioffe, O. S. Questions of the theory of law / O. S. Ioffe, M. D. Shargorodsky. – M.: Gosyurizdat, 1961. – Pp. 314–318.
9. Tarkhov, V. A. Responsibility for Soviet civil law / V. A. Tarkhov. – Saratov: Saratov University Publishing House, 1973. – P. 8.
10. Leist, O. E. Sanctions in Soviet law / O. E. Leist. – M.: Gosyurizdat, 1962. – Pp. 67–86.
11. Alekseev, S. S. Problems of the theory of law / S. S. Alekseev. – Sverdlovsk, 1972. – T. 1. – P. 375.
12. Chepus, A. V. Theoretical and legal content of the concept of legal responsibility as a constitutional and legal institution / A. V. Chepus // Constitutional and municipal law. – 2016. – No. 5. – Pp. 3–6.
13. Lenin, V. I. Complete works / V. I. Lenin. – 5th ed. – T. 33. – P. 99.
14. Vitruk, N. V. General theory of legal responsibility / N. V. Vitruk. – 2nd ed., Rev. and add. M.: NORMA, 2009. – 432 p.
15. Prudnikova, T. A. Administrative and legal regulation of migration processes (modernity and prospects) : diss. ... Dr. jurid. Science / T. A. Prudnikov. – M., 2016. – P. 124.
16. Popovich, O. M. Topical issues of administrative responsibility of foreign citizens and stateless persons / O. M. Popovich // Administrative law and process. – 2019. – No. 6. – Pp. 57–59.
17. Putin called for conclusions to be drawn from the migration crisis in Europe. – URL: <https://rg.ru/2016/03/31/putin-prizval-sdelat-vyvody-iz-migracionnogo-krizisa-v-evrope.html> (date of access: 05.18.2020). – Text: electronic.
18. National Security Strategy Ros. Federation: Decree of the President Ros. Federation of 31.12.2015 No. 683.P.43 // Collected. legislation Ros. Federation. 2016. No. 1. Part 2. Art. 212.
19. Vladimirova, T. V. The social nature of information security : monograph / T. V. Vladimirova. – M.: ANO Ed. House "Scientific Review", 2014. – P. 32.
20. Decree of the President of the Russian Federation of October 31, 2018 No. 622 "On the Concept of the State Migration Policy of the Russian Federation for 2019–2025" // Rossiyskaya Gazeta. – 2018.

УДК: 342.95

DOI: 10.37279/2413-1733-2020-6-3-366-371

**ИССЛЕДОВАНИЕ ПРОБЛЕМ ФОРМИРОВАНИЯ
АДМИНИСТРАТИВНО-НАКАЗАТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ОБЛАСТИ
АДМИНИСТРАТИВНЫХ НАКАЗАНИЙ: ВОПРОСЫ АКТУАЛИЗАЦИИ**

Цындра В. Н.

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

В статье актуализируется потребность в исследовании проблем формирования государственной политики Российской Федерации в области административных наказаний. Установлено, что проведение такого исследования обусловлено объективной потребностью в совершенствовании теоретико-правовых основ формирования административно-наказательной политики, а также их учета в законопроектной работе.

В качестве гипотезы такого исследования высказано предположение о том, что выявление закономерностей процессов формирования административно-наказательной политики с применением современных методов научного познания будет способствовать повышению качества нормопроектной работы, в первую очередь, при разработке нового КоАП РФ, оптимизации механизмов учета общественного мнения как формы отклика на новеллизацию законодательства об административной ответственности, уменьшению периода внедрения новых или обновленных административно-деликтных норм в правоприменительную практику.

Определены его цель, задачи, объект, предмет, методология и практическое значение. Конечным результатом исследования признана разработка теоретической модели части «Концепции государственной политики Российской Федерации в области административных наказаний», раскрывающей её этап (фазу) – формирование, которую в дальнейшем предложено отобразить в проекте соответствующего постановления Правительства Российской Федерации.

Ключевые слова: актуализация, государственная политика, административно-наказательная политика, концепция, исследование, методология.

Интенсификация развития России базируется на безусловном учете баланса между потребностями человека и публичными интересами в обеспечении безопасности личности, общества и государства.

При этом, к приоритетным задачам современного российского государства относятся: повышение качества жизни граждан (в том числе и увеличения возраста жизни, снижения травматизма и смертности на производстве и в результате дорожно-транспортных происшествий), стимулирование предпринимательской активности населения, в том числе и путем снижения нагрузки на бизнес-процессы, защита традиционных семейных ценностей, всесторонняя цифровизация, устранение криминогенных угроз, связанных с терроризмом, экстремизмом и т.д.

Решению указанных задач способствует проведение комплекса реформ, среди которых выделяется реформа административно-деликтного законодательства. К её целям, кроме прочего, относятся и трансформация института административной

ответственности из преимущественно карательно-фискального инструмента в институт назначения наказания, подлежащего дифференцированному применению с учетом риск-ориентированного подхода в случае, если профилактические и принудительно-профилактические меры не имели должного воздействия [1].

Важной составляющей этой реформы является приведение положений законодательства, касающихся установления, назначения и исполнения административных наказаний, в соответствие с потребностями в административно-деликтной защите изменившихся за последние 20-ть лет общественных отношений.

Одним из результатов реформирования административного законодательства, срок реализации которого обозначен в решении Правительства России – 01.01.2021 г. – является принятие нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях [1].

С целью выполнения данного решения межведомственной комиссией под эгидой Министерства юстиции России разработаны проекты нового КоАП РФ и Процессуального кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (30.01.2020) [2]; подготовлен сводный отчет о проведении оценки регулирующего воздействия проекта федерального закона «О введении в действие Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и Процессуального Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» [3]; прошло публичное обсуждение этих проектов (с 30 января по 27 февраля 2020 г.), по результатам которого опубликована сводка предложений к проекту КоАП РФ [4].

Кроме направленных в адрес Минюста РФ замечаний и предложений, обсуждение этих проектов проходило и в Интернете. При этом наиболее активно обсуждались размеры административных штрафов за правонарушения в сфере безопасности дорожного движения, в сфере экономики, санитарно-гигиенических правил, предпринимательства.

К основным недостаткам, касающимся института административных наказаний, органами власти, научным сообществом и общественностью, отнесены: усиление государственной репрессии в области установления административных штрафов за отдельные виды правонарушений, а также отсутствие в проекте КоАП принципиально новых положений, которые бы обеспечили достижение такой ключевой цели реформы контрольно-надзорной деятельности как «...снижение административной нагрузки на организации и граждан, осуществляющих предпринимательскую деятельность» [5].

По нашему мнению, уменьшению числа проблемных и спорных ситуаций, снижению риска неприятия предлагаемых законодательных преобразований, касающихся административных наказаний, общественностью, может способствовать разработка основ формирования административно-наказательной политики.

В данной статье предполагается обосновать актуальность исследование проблем формирования административно-наказательной политики Российской Федерации в области административных наказаний.

Проведенный нами анализ научных публикаций показывает, что в целом вопросы формирования государственной политики, а также государственной политики в отдельных сферах общественной жизни исследовались в рамках теории управления, политологии, теории государства и права, конституционного, уголовного, административного и других отраслей права.

В частности, общие и отраслевые основы правового регулирования административно-деликтной политики в Российской Федерации сформированы Д.Н. Бахрахом, Е.В. Додиним, Л.В. Ковалем, А.С. Дугенцом, А.И. Остапенко, В.Е. Севрюгиным, А.П. Шергиным, и развивались в трудах отечественных и зарубежных административистов: Э.Е. Гензюка, В.В. Денисенко, А.Н. Дерюги, А.Н. Жеребцова, О.А. Заярного, В.В. Игнатенка, И.Ш. Киясханова, А.В. Кирина, **С.Н. Клепикова, О.С. Клепиковой**, В.К. Колпакова, Д.А. Липинского, **Д.М. Лукьянца**, И.В. Максимова, Д.Н. Мышляева, Е.Н. Николенко, М.И. Никулина, В.И. Олефира, Ю.И. Попугаева, П.П. Серкова, Ю.П. Соловья, Ю.Н. Старилова, М. С. Студеникиной, А.С. Родионовой, О.С. Рогачовой, А.Ю. Якимова и некоторых других.

В то же время, основы формирования административно-наказательной политики как составляющей административно-деликтной политики России, на сегодня не разработаны [6-8].

Следует также отметить, что проведение подобных исследований корреспондируется с задачами, поставленными руководством нашего государства российской науке. Так, Президент России В. Путин указал, что «...страна ждёт от науки новых решений, которые могут изменить качество жизни людей, придать мощную динамику развитию России» [9]. В качестве приоритетной, эта задача определена и для отечественной административно-правовой науки, формирующей концептуальные основы урегулирования общественных отношений между органами государственной власти и гражданами.

Гипотеза данного исследования состоит в предположении, что выявление закономерностей процессов формирования административно-наказательной политики с применением современных методов научного познания будет способствовать повышению качества нормопроектной работы, в первую очередь, при разработке нового КоАП РФ, оптимизации механизмов учета общественного мнения как формы отклика на новеллизацию законодательства об административной ответственности, уменьшения периода внедрения новых или обновленных административно-деликтных норм в правоприменительную практику.

Целью исследования предлагается признать – разработка концепции формирования административно-наказательной политики в Российской Федерации (государственной политики в области административных наказаний).

Исследование рассматриваемой проблематики, по нашему мнению, должно предусматривать, решение следующих задач: систематизацию научных подходов к определению понятия «формирования административно-наказательной политики», как самостоятельной фазы её развития; изучение текстов законов и подзаконных правовых актов, с целью выявления правовой основы формирования административно-наказательной политики, пробелов и коллизий в регулировании этой деятельности; выделение процессуальной составляющей регламентирования

формирования административно-наказательной политики; уточнения перечня субъектов формирования административно-наказательной политики; анализ зарубежного законодательства, первую очередь, стран постсоветского пространства, регулирующего основы формирования государственной политики в области административных наказаний, а также позитивного опыта его реализации; разработка предложений по совершенствованию научного и законодательного обеспечения формирования административно-наказательной политики Российской Федерации, в том числе в проект Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях.

В качестве объекта исследования необходимо рассматривать правоотношения, возникающие в процессе формирования государственной политики в области административных наказаний, а его предмета – проблемы теории, нормативно-правового регулирования и практики формирования административно-наказательной политики.

Повышению объективности будет способствовать применение комплекса методов научного познания правовых явлений. Так, с помощью догматического метода предполагается сформулировать категориальный аппарат исследования «формирование административно-наказательной политики», «процесс формирования административно-наказательной», «источники административно-наказательной», «субъекты и участники формирования административно-наказательной» и др.; структурно-функциональный метод целесообразно использовать для построения системы принципов и стадий формирования административно-наказательной политики, определения полномочий её субъектов и др.; анализ и синтез позволит обобщить полученные результаты; метод сравнительного правоведения планируется применить для изучения зарубежного опыта формирования государственной политики в рассматриваемой области, а также определения возможности его внедрения в России; методы социологического анализа позволят систематизировать результаты применения административных наказаний, изучить экспертное и общественное мнение по вопросам реформирования законодательства об административной ответственности и др.

В результате исследования планируется разработать теоретическую модель части «Концепции государственной политики Российской Федерации в области административных наказаний», раскрывающей её этап (фазу) – формирование, которую в дальнейшем отобразить в проекте соответствующего постановления Правительства Российской Федерации.

Кроме этого, практическое значение данного исследования состоит и в возможности использования его результатов в образовательной деятельности, в ходе усвоения лицами, обучающимися в образовательных организациях юридического профиля, положений учебных дисциплин, в которых раскрываются правовые и теоретические аспекты института административной ответственности.

Считаем, что построение научно-обоснованной концепции формирования административно-наказательной политики позволит конкретизировать задачи субъектов её субъектов по её разработке и дальнейшей актуализации, повысить

оперативность нормотворческой практики, а также, обеспечить её согласованность с формированием других видов деликтных политик.

Список литературы

1. Концепция нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. – Текст: электронный // СПС «КонсультантПлюс» : [сайт]. – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=326534&fld=134&dst=1000000001,0&rnd=0.00802087887504288#019061831112247418> (дата обращения: 20 мая 2020 г.).
2. Проект Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях : подготовлен Минюстом России, ID проекта 02/04/01-20/00099059. – Текст: электронный // СПС «КонсультантПлюс» : [сайт]. – URL: http://www.consultant.ru/law/doc/pr_koan/ (дата обращения: 05.05.2020).
3. О введении в действие Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и Процессуального кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях : сводный отчет о проведении оценки регулирующего воздействия проекта Федерального закона. – Текст: электронный // СПС «КонсультантПлюс» : [сайт]. – URL: <https://minjust.ru/ru/novosti/razmeshchen-svodnyy-otchet-o-provedenii-ocenki-reguliruyushchego-vozdeystviya-proekta> (дата обращения: 25.05. 2020 г.).
4. Сводка предложений к проекту нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (26.04.2020 г.). – Текст: электронный // Минюст.ру : [сайт]. – URL: <https://minjust.ru/ru/novosti/razmeshchena-svodka-predlozheniy-k-proektu-novogo-kodeksa-rossiyskoy-federacii-ob> (дата обращения: 05.05.2020).
5. Реформа контрольной и надзорной деятельности : Паспорт приоритетной программы в редакции Протокола от 21 декабря 2016 года № 12. – Текст: электронный // Правительство.ру : [сайт]. – URL: <http://government.ru/projects/selection/655/25930/> (дата обращения: 20 мая 2020 г.).
6. Жеребцов, А. Н. Концептуальные теоретические аспекты административно-наказательной политики Российской Федерации / А. Н. Жеребцов, В. Н. Цындра. – Текст : непосредственный // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2018. – № 4 (42). – С. 80–84.
7. Цындра, В. Н. Система функций государственной политики Российской Федерации в области административных наказаний / В. Н. Цындра. – Текст : непосредственный // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. – 2020. – № 4. – С. 261–271.
8. Цындра, В. Н. Государственная политика Российской Федерации в области административных наказаний: понятие, функции, принципы : учебное пособие / В. Н. Цындра. – Симферополь, Полипринт, 2019. – 64 с.
9. Заседание Совета по науке и образованию (02.08.2018 г., Новосибирск). – Текст: электронный // Кремль.ру : [сайт]. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/56827> (дата обращения: 20 мая 2020 г.).

Tsyndrya V. N. Research of problems of formation of administrative and punishment policy of the russian federation in the field of administrative punishments: issues of actualization / V.N. Tsyndrya // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean federal university. Juridical science. – 2020. – Т. 6 (72). № 3. – P. 366-371.

The article actualizes the need to study the problems of forming the state policy of the Russian Federation in the field of administrative penalties. It was established that the conduct of such a study is due to the objective need to improve the theoretical and legal foundations of the formation of administrative and punitive policies, as well as their consideration in the legislative work.

As a hypothesis of such a study, it has been suggested that identifying the laws governing the formation of administrative and punitive policies using modern methods of scientific knowledge will help to improve the quality of normo-project work, primarily when developing a new Code of Administrative Offenses of the Russian Federation, optimizing the mechanisms for taking into account public opinion as a form of response to novelize the legislation on administrative responsibility, to reduce the period for introducing new or updated administrative-tort rules into law enforcement practice.

Its purpose, objectives, object, subject, methodology and practical significance are determined.

The end result of the study was the development of a theoretical model of the part of the “Concept of the state policy of the Russian Federation in the field of administrative penalties”, revealing its stage (phase) –

formation, which is further proposed to be reflected in the draft of the relevant resolution of the Government of the Russian Federation.

Keywords: actualization, state policy, administrative and punitive policy, concept, research, methodology.

Spisok literaturey

1. Concept of the new Code of Administrative Offenses of the Russian Federation. – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=326534&fld=134&dst=1000000001,0&rnd=0.00802087887504288#019061831112247418> (date accessed: 20 May 2020). – Text : electronic.
2. The draft "Code of the Russian Federation on Administrative Offenses" (prepared by the Ministry of Justice of Russia, project ID 02/04 / 01-20 / 00099059) (not included in the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation, i.e. text as of 30.01.2020) // Access from reference – legal system "Garant".
3. A summary report on the assessment of the regulatory impact of the draft federal law "On the introduction of the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses and the Procedural Code of the Russian Federation on Administrative Offenses". – URL: <https://minjust.ru/ru/novosti/razmeshchen-svodnyy-otchet-o-provedenii-ocenki-reguliruyushchego-vozdeystviya-proekta> (date of access: May 25, 2020). – Text: electronic.
4. A summary of proposals to the draft of the new Code of Administrative Offenses of the Russian Federation has been posted (04.26.2020). – URL: <https://minjust.ru/ru/novosti/razmeshchena-svodka-predlozheniy-k-proektu-novogo-kodeksa-rossiyskoy-federacii-ob> – Text: electronic.
5. Passport of the priority program "Reform of control and supervisory activities" as amended by the minutes of December 21, 2016 No. 12. – URL: <http://government.ru/projects/selection/655/25930/> (date of access: May 20, 2020). – Text: electronic.
6. Zherebtsov, A. N. Conceptual theoretical aspects of the administrative-punitive policy of the Russian Federation / A. N. Zherebtsov, V. N. Tsyndrya // Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. No. 4 (42). Pp. 80–84.
7. Tsyndrya, V. N. The system of functions of the state policy of the Russian Federation in the field of administrative punishments. Tsyndrya // Scientific Notes of the Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky. Legal sciences. 2019. No. 4. Pp. 261–271.
8. Tsyndrya, V. N. State policy of the Russian Federation in the field of administrative punishments: concept, functions, principles : textbook / V. N. Tsyndrya. – Simferopol, Polyprint, 2019. – 64 p.
9. Meeting of the Council for Science and Education, (02.08.2018, Novosibirsk). – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/56827> (date accessed: May 20, 2020). – Text: electronic.

СРОЧНО В НОМЕР

УДК: 343.9

DOI: 10.37279/2413-1733-2020-6-3-372-380

ПОНЯТИЕ НАСИЛЬСТВЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ В ОТНОШЕНИИ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Аведян А. А.

Краснодарский университет МВД России

Параметры виктимизации сотрудников органов внутренних дел при совершении в отношении них различного рода преступлений имеют определенную специфику, обусловленную, прежде всего их профессиональной виктимностью. Выполнение сотрудниками органов внутренних дел функциональных служебных обязанностей сопряжено с повышенной ответственностью сотрудника за свои действия, а также повышенным риском, прежде всего, для жизни и здоровья сотрудника. Изучение виктимологической характеристики личности сотрудника органов внутренних дел – жертвы насильственных преступлений, позволяет выявить различные объективные и субъективные факторы, связанные с их профессиональным статусом и служебной деятельностью, что указывает на обоснованность выделения данных преступлений в самостоятельную группу. Основным критерием выделения насильственных преступлений, совершаемых в отношении сотрудников органов внутренних дел, в отдельную самостоятельную группу преступлений, наряду с принадлежностью жертвы преступления к специфической обособленной социальной группе – сотрудникам органов внутренних дел, является насильственный способ их совершения. Определение понятия насильственных преступлений, совершаемых в отношении сотрудников органов внутренних дел, осуществленное с учетом указанных системообразующих виктимологических и мотивационных критериев, позволит определить непосредственный круг данных преступлений, соответственно, предмет превентивного воздействия.

Ключевые слова: насилие, преступление, способ совершения преступления, сотрудники органов внутренних дел, профессиональная виктимность, принадлежность к социальной группе.

Выделение отдельных видов преступлений на основании виктимологических критериев, прежде всего, социально-демографических признаков и статуса жертвы, является традиционным подходом в криминологии. Жертва преступления наряду с преступником является одним из основных элементов механизма преступления, а поведение жертвы является фактором, генетически и динамически влияющим на механизм преступления [1, с. 149]. Личность жертвы преступления может обладать характерными признаками, которые определяют специфику и направленность преступного поведения в отношении нее, соответственно, характер преступлений того или иного вида. Исходя из данного методологического подхода, на основании виктимологических характеристик жертвы выделяют виды преступлений, совершаемых в отношении представителей различных социальных групп: несовершеннолетних, лиц пожилого возраста, женщин, мигрантов, сотрудников правоохранительных органов и пр.

Категория сотрудников органов внутренних дел (здесь и далее – ОВД)

определяется на основании должностного статуса лиц, осуществляющих профессиональную служебную деятельность в соответствующем федеральном органе исполнительной власти (МВД России).

Министерство внутренних дел Российской Федерации (МВД России) является федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере внутренних дел, в том числе в сфере контроля за оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров и в сфере миграции, а также правоприменительные функции по федеральному государственному контролю (надзору) в сфере внутренних дел. В единую централизованную систему МВД России входят: ОВД, включающие в себя полицию; организации и подразделения, созданные для выполнения задач и осуществления полномочий, возложенных на МВД России. В свою очередь в состав ОВД входят: центральный аппарат МВД России, территориальные органы МВД России, образовательные, научные, медицинские (в том числе санаторно-курортные) организации системы МВД России, окружные управления материально-технического снабжения системы МВД России, загранаппарат МВД России, организации культуры, физкультурно-спортивные организации, редакции печатных и электронных средств массовой информации, а также иные организации и подразделения, созданные для выполнения задач и осуществления полномочий, возложенных на ОВД [2].

В соответствии с Федеральным законом от 30.11.2011 № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» служба в ОВД – это «федеральная государственная служба, представляющая собой профессиональную служебную деятельность граждан Российской Федерации на должностях в ОВД Российской Федерации, а также на должностях, не являющихся должностями в ОВД, в случаях и на условиях, которые предусмотрены настоящим Федеральным законом, другими федеральными законами и (или) нормативными правовыми актами Президента Российской Федерации» [3] (ч. 1 ст. 1). В свою очередь, должностями в ОВД являются «должности, которые учреждаются в федеральном органе исполнительной власти, осуществляющем функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере внутренних дел (далее – федеральный орган исполнительной власти в сфере внутренних дел), его территориальных органах, подразделениях, организациях и службах» [3] (ч. 2 ст. 1).

Таким образом, сотрудником ОВД является лицо, проходящее в соответствии с законодательством Российской Федерации службу на должности сотрудника ОВД.

Исследователи, определяя категорию насильственных преступлений в отношении должностных лиц правоохранительных органов исходят из круга профессиональных обязанностей, которые они выполняют. Так, Д.Е. Дроздов, выделяет следующие виды «профессиональных обязанностей, явившихся причинами совершения преступлений: ООП, ООБ, безопасности дорожного движения, не связанных с пресечением правонарушений; пресечение преступлений, административных правонарушений либо общественно опасных деяний; доставление в территориальный орган внутренних дел; проведение личного досмотра; проведения медицинского освидетельствования на состояние опьянения лиц, совершивших административные правонарушения либо по пути следования;

помещение либо содержание в СПСЗЛ; проверка заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, происшествиях; проведение проверочных мероприятий на причастность отдельных категорий лиц к совершенным преступлениям; охрана и конвоирование подозреваемых, обвиняемых, подсудимых, осужденных; иные профессиональные обязанности» [4, с. 177].

На наш взгляд, вызывает сомнение обоснованность и целесообразность определения профессиональных обязанностей (причем не условий, обстановки и качества их осуществления теми или иными лицами, а непосредственно самих профессиональных обязанностей) в качестве именно причины совершения преступлений, а не одного из многочисленных факторов их детерминации. Кроме того, имеет место определение довольно обширного и при этом открытого перечня профессиональных обязанностей, охватывающего, по сути, довольно обширный спектр профессиональной служебной деятельности сотрудников правоохранительных органов. С нашей точки зрения, ограничение круга насильственных преступлений в отношении сотрудников правоохранительных органов, в частности органов внутренних дел, теми или иными профессиональными функциями нецелесообразно, поскольку ключевую роль при определении данной категории преступлений является принадлежность лица к обособленной специфической социальной группе.

Что касается должностного статуса сотрудника ОВД, т.е. должности сотрудника ОВД, на которой лицо проходит службу, то при определении круга исследуемых преступлений, с криминологической точки зрения полностью обоснованным является недопущение ограничения категории жертв преступлений в зависимости от вида или уровня занимаемой им должности. То есть к категории сотрудников ОВД, на наш взгляд, необходимо относить всех лиц, проходящих службу на должности сотрудника ОВД, включая лиц из числа переменного состава высших учебных заведений системы МВД России.

Итак, сотрудником ОВД является лицо, проходящее в соответствии с законодательством Российской Федерации службу на должности сотрудника ОВД, независимо от категории занимаемой должности, характера профессиональных функций (регулятивные, контрольные, правоприменительные), осуществляемых в сфере внутренних дел, а также от территориального уровня организации ОВД (центральный аппарат МВД России, загранаппарат МВД России, территориальные органы, организации и подразделения, созданные для выполнения задач и осуществления полномочий, возложенных на ОВД).

Помимо должностного статуса (прохождения службы на должности сотрудника ОВД) некоторые исследователи при определении категории сотрудников ОВД указывают на необходимость наличия у лица соответствующей атрибутики. Так, А.С. Чумичкин, «основываясь на положениях законодательства об органах внутренних дел во взаимосвязи с нормами УК РФ», приходит к заключению, что «функции представителя власти – в сочетании с атрибутами, их отражающими, – исчерпывающим образом становятся очевидны для граждан, с которыми у сотрудника возникает коммуникативное взаимодействие. Иными словами, принадлежность лица к социальной группе «представители власти» является очевидной и признаваемой в момент возникновения умысла на совершение преступления в отношении него» [5, с. 30]. Безусловно, наличие атрибутов

(форменная одежда, служебное удостоверение и пр.) являются очевидным идентификатором лица в качестве сотрудника ОВД. Однако такой подход, на наш взгляд, ограничивает категорию преступлений, совершаемых в отношении сотрудников ОВД, ситуативными преступлениями, при совершении которых происходит ситуационная идентификация жертвы как сотрудника ОВД. Для необходимого, с криминологической и уголовно-правовой точки зрения, субъективного восприятия преступником жертвы как представителя социальной группы – сотрудников ОВД, наличие у последней соответствующей атрибутики не является обязательным во всех случаях условием (преступник и жертва могут быть знакомы ранее и пр.).

Основным критерием выделения насильственных преступлений, совершаемых в отношении сотрудников органов внутренних дел, в отдельную самостоятельную группу преступлений, наряду с принадлежностью жертвы преступления к специфической обособленной социальной группе – сотрудникам ОВД, является насильственный способ их совершения.

Термин «способ» с этимологической точки зрения трактуется как «действие или система действий, применяемых при исполнении какой-нибудь работы, при осуществлении чего-нибудь» [6, с. 674], либо более широко, как «образ действий, прием, метод для осуществления, достижения чего-либо; возможность, средство, реальные условия для осуществления чего-либо» [7, с. 289]. Как можем видеть, хотя при толковании термина «способ» используется широкий спектр понятий, таких, как «действие», «прием», «метод», «средство» и пр., в общем содержание данного термина отражает некий образ действий, позволяющий достичь чего-либо.

Рассматривая категорию способа совершения преступления необходимо учитывать то, что, как совершенно справедливо указывают ученые, термины «способ» и «способ совершения преступления» по своему содержанию не совпадают и определяя содержание последнего, необходимо исходить из понимания такого ключевого понятия, как преступление. Будучи неразрывно связанным с преступным деянием как признаком объективной стороны состава преступления, способ совершения преступления является характеристикой преступного посягательства в целом [8, с. 29-30].

Исходя из понимания преступности как массового, системного, криминального (уголовно запрещенного) поведения части членов общества [9, с. 6-10], способ совершения преступления следует рассматривать как способ специфического – преступного поведения человека.

В процессе принятия решения о совершении преступления и его реализации, лицо, осознавая актуальные потребности и учитывая конкретную жизненную ситуацию, выбирает преступный способ их удовлетворения, то есть принимает решение о реализации определенной модели поведения, допуская возможность причинения вреда другому человеку или обществу [10, с. 126-132].

Исходя из положений психологической теории деятельности, как указывает Д.В. Хоперсков, «способ совершения преступления следует рассматривать как поведенческие операции, направленные на реализацию преступного деяния. Именно такое понимание способа совершения преступления позволяет рассматривать способ совершения как признак преступления, а в случае указания на него непосредственно в уголовном законе – в качестве признака конкретного состава преступления. С

криминологической точки зрения указанное понимание способа совершения преступления в полной мере позволяет выделять на основе данного признака отдельные виды преступлений» [11, с. 148-151].

Что касается насилия как способа совершения преступления, то следует отметить разнообразие подходов ученых к пониманию самого насилия как социально-правового феномена. Сложность феномена насилия обуславливает разнообразие точек зрения относительно определения его проявлений, т.е. конкретных видов насилия. Так, при узком подходе выделяют физическое насилие и угрозу его применения, а при более широком подходе выделяют физическое, психическое (психологическое), сексуальное, экономическое, политическое насилие и пр., а также указывается на возможное комбинированное сочетание различных форм проявления и видов насилия [12; 13; 14; 15; 16; 17; 18; 19; 20; 21].

Методологически правильным, на наш взгляд, при определении понятия и видов насилия как социально-правового явления необходимо исходить из биосоциальной природы человека [22, с. 63-73], как «предмета» (в понимании направленности человеческой деятельности) насильственного воздействия.

Тот факт, что человек как природное существо представляет собой единство биологического (живой организм высшего порядка) и социального (опосредуемого благодаря такой надбиологической функции человеческого организма, как психика (включая весь спектр психических явлений – сознание и подсознание, волю, эмоции, психические состояния и т.д.)), определяет то, что причинение человеку физического вреда возможно путем насильственного воздействия на его организм (его структурные элементы – органы и ткани, их физиологические функции) как материальную организацию его существования и, следовательно, психические явления (психика), которые не могут быть предметом физического насилия, являются предметом психического насилия [23, с. 144-151].

С учетом указанного, наиболее верным определением насилия, как способа совершения преступления, представляется следующее – это «противоправное энергетическое воздействие на органы и ткани организма человека, их физиологические функции, путем использования материальных факторов внешней среды (механических, физических, химических и биологических) и/или воздействие на его психику путем информационного влияния, которое совершается путем действия или бездействия вопреки или помимо его (человека) воли, способное причинить смерть, физическую и/или психическую травму, а также ограничить свободу волеизъявления или действий человека» [24, с. 59-65].

Критерием отнесения преступления к категории насильственных и, соответственно, объективным и субъективным интегрирующим основанием определения данной группы преступлений является именно насильственный способ их совершения.

Нередко при определении категории насильственных преступлений исследователи исходят из места и роли насилия в механизме совершения преступления, выделяя «инструментальное» насилие, насилие как цель и пр. Мы поддерживаем точку зрения, что при выделении категории насильственных преступлений следует исходить именно из насильственного способа их совершения. По этому полностью согласны с критикой [4, с. 56] позиции О.В. Артюшиной, указывающей что преступления, в которых насилие является «инструментальным»,

т.е. используется исключительно как средство достижения иной преступной цели – корыстной, политической и пр., не следует относить к насильственным преступлениям [25, с. 18-22]. Криминологическая сущность насильственных преступлений определяется не тем, какую роль играет насилие в механизме совершения преступления, а готовностью преступника применять насилие и последствиями (вредом) его применения. Как указывал В.Н. Кудрявцев, преступление, как акт человеческого поведения, в своем психофизическом единстве, как отражает свое субъективное, психическое содержание, так и выражается во внешних, объективных формах поведения субъекта, вызывающем изменение окружающей действительности [26, с. 8]. Применения насилия преступником не только определяет характер и степень общественной опасности преступления, характеризует личность преступника, но и обуславливает специфику механизма совершения преступления, в том числе характер взаимодействия преступника и его жертвы.

Несмотря на значимость такой категории, как насилие, определяемую тем, что насилие является способом совершения значительного количества преступных деяний (самостоятельных преступлений, альтернативным способом совершения преступления, конструктивным признаком преступления), уголовное законодательство не содержит само понятие насилия, а для определения насильственного способа совершения преступления наряду с данным термином (насилие, физическое насилие, насильственные действия) использует различные смежные термины (угроза, нападение, понуждение, принуждение, нанесение побоев, истязание, издевательство, мучение, жестокое обращение, терроризирование и пр.), в том числе указание на конкретный вред человеку в виде причинения: смерти, вреда здоровью, физической боли, физических страданий, психических страданий, нравственных страданий и др.).

Таким образом, с учетом изложенного, *под насильственными преступлениями, совершаемыми в отношении сотрудников органов внутренних дел*, на наш взгляд, следует понимать *умышленные преступления, совершаемые насильственным способом (посредством физического и/или психического насилия) и мотивированные принадлежностью жертвы к группе сотрудников ОВД – лицам, проходящих в соответствии с законодательством Российской Федерации службу на должности сотрудника ОВД, независимо от категории занимаемой должности, характера профессиональных функций (регулятивные, контрольные, правоприменительные), осуществляемых в сфере внутренних дел, а также от территориального уровня организации ОВД (центральный аппарат МВД России, загранаппарат МВД России, территориальные органы, организации и подразделения, созданные для выполнения задач и осуществления полномочий, возложенных на ОВД).*

Мотивированность преступлений принадлежностью жертвы к группе сотрудников ОВД подразумевает их совершение как по мотивам воспрепятствования их служебной деятельности, мести за таковую и т.п., т.е. непосредственно в связи с осуществлением сотрудником профессиональной служебной деятельности, так и совершение их по мотивам ненависти в сотрудникам ОВД как представителям обособленной специфической социальной группы.

Таким образом, определяя дефиницию насильственных преступлений, совершаемых в отношении сотрудников ОВД, следует исходить из того, что

критериями выделения данных преступлений в отдельную самостоятельную группу, является принадлежность жертвы преступления к специфической обособленной социальной группе – сотрудникам ОВД, а также насильственный способ их совершения. Предложенная дефиниция, охватывающая широкий спектр насильственных преступных посягательств, совершаемых в отношении всех, лиц относящихся к числу сотрудников ОВД, объединенных системообразующими виктимологическими и мотивационными критериями, позволит, на наш взгляд, объективно определить непосредственный круг данных преступлений, а значит, обеспечить выработку наиболее эффективных мер противодействия им.

Список литературы

1. Игнатов А. Н. Криминологическое исследование виктимологической составляющей механизма совершения насильственных преступлений // Общество и право. – 2015. – № 4 (54). – С. 145-150.
2. Указ Президента РФ от 21.12.2016 № 699 «Об утверждении Положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации и Типового положения о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации по субъекту Российской Федерации». Электронный ресурс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_209309/ (дата обращения: 09.06.2020). – Текст электронный.
3. Федеральный закон от 30.11.2011 № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Электронный ресурс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_122329/ (дата обращения: 09.06.2020). – Текст электронный.
4. Дроздов Д. Е. Криминологическая оценка и предупреждение применения насилия в отношении должностного лица правоохранительного органа : диссертация ... кандидата юридических наук : 12.00.08 / Дроздов Денис Евгеньевич; [Место защиты: ФГКОУ ВО «Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя»]. – Москва, 2020. – 258 с.
5. Чумичкин А. С. Виктимологическая профилактика преступлений, совершаемых в отношении сотрудников органов внутренних дел : диссертация ... кандидата юридических наук : 12.00.08 / Чумичкин Александр Сергеевич; [Место защиты: Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации]. – Москва, 2019. – 197 с.
6. Ожегов С. И. Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. 14-е изд. стереотип. М. 1983. С. 674.
7. Ефремова Т. Ф. Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка: Ок. 1900 словообразоват. единиц / Т.Ф. Ефремова. – 2-е изд., испр. – М.: Астрель: АСТ, 2005. – 636 с.
8. Николаев В. Ю. Некоторые проблемы определения уголовно-правового понятия «способ совершения преступления» // Вестник Московского университета МВД России. 2012. № 11. С. 29-30.
9. Игнатов А. Н. Понятие общеуголовной преступности // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2018. – № 1 (39). – С. 6-10.
10. Игнатов А. Н. О категориях «механизм преступного поведения», «механизм преступления» и «механизм совершения преступления» // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2017. – №6-7. – С. 126-132.
11. Хоперсков Д. В. Использование информационных технологий как способ совершения преступления // Вестник Евразийской академии административных наук. – 2018. – № 4 (45). – С. 148-151.
12. Абельцев С. Н. Личность преступника и проблемы криминального насилия. – М.: ЮНИТИ-Дана; Закон и право, 2000. – 207 с.
13. Гаухман Л. Д. Насилие как средство совершения преступления. – М.: Изд-во «Юридическая литература», 1974. – 167 с.
14. Иванова В. В. Преступное насилие: учебное пособие для вузов. – М.: Книжный мир. – 2002. – 83 с.
15. Иванцова Н. Основные положения концепции общественно опасного насилия в уголовном праве // Уголовное право. – 2004. – № 4. – С. 26-28.
16. Кирюхин А. Б. Уголовно-правовая характеристика преступного насилия. Монография. – М., 2008. – 182 с.
17. Петин И. А. Механизм преступного насилия. – СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр

Пресс», 2004. – 343 с.

18. Пономарев П., Ильяшенко А. Проблемы совершенствования норм общей части УК, влияющих на ответственность за насилие в семье // Уголовное право. – 2003. – № 3. – С. 48-50.

19. Радостева Ю. В. Уголовно-правовое понятие насилия: автореф. дисс... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Радостева Юлия Викторовна; [Место защиты: Уральск. гос. юрид. Академия]. – Екатеринбург, 2006. – 32 с.

20. Сердюк Л. В. Насилие: криминологическое и уголовно-правовое исследование. – М.: ООО Издательство Юрлитинформ, 2002. – 384 с.

21. Шарапов Р. Д. Уголовно-правовая характеристика физического насилия: автореф. дисс... канд. юрид. наук. – СПб. ун-т МВД России. – СПб., 1999. – 24 с.

22. Игнатов А. Н. О биосоциальной природе преступности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. – 2016. – № 1. – С. 63-73.

23. Игнатов А. Н. Насилие как способ совершения преступления: понятие и сущность // Форум права. – 2010. – № 3. – С. 144–151.

24. Игнатов А. Н. О насилии, его видах и их уголовно-правовом отражении // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. – 2016. – № 4 (37). – С. 59-65.

25. Артюшина О. В. Криминологическая характеристика преступности в современной России // Вестник Казанского юридического университета МВД России. – №2 (20). – 2015. – С.18 -22.

26. Кудрявцев В. Н. Объективная сторона преступления. – М.: Госюриздат, 1960. – 244 с.

Avedyan A. A. Definition of violent crimes committed against employees of the internal affairs bodies // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2020. – Т. 7 (73). № 3. – P. 372-380.

The parameters of victimization of employees of internal affairs bodies when various crimes are committed against them have a certain specificity, due primarily to their professional victimization. The performance of functional duties by employees of internal affairs bodies is associated with an increased responsibility of the employee for their actions, as well as an increased risk, primarily for the life and health of the employee. The study of the victimological characteristics of the personality of an employee of the internal affairs bodies - a victim of violent crimes, makes it possible to identify various objective and subjective factors associated with their professional status and official activities, which indicates the validity of separating these crimes into an independent group. The main criterion for distinguishing violent crimes committed against employees of the internal affairs bodies into a separate independent group of crimes, along with the crime victim's belonging to a specific isolated social group - employees of the internal affairs bodies, is the violent way of committing them. The definition of the concept of violent crimes committed against employees of internal affairs bodies, carried out taking into account the specified system-forming victimological and motivational criteria, will make it possible to determine the immediate range of these crimes, respectively, the subject of preventive action.

Keywords: violence, crime, method of committing a crime, employees of internal affairs bodies, professional victimization, belonging to a social group.

Spisok literaturey

1. Ignatov A. N. Kriminologicheskoe issledovanie viktimologicheskoy sostavlyayushchej mekhanizma soversheniya nasil'stvennyh prestuplenij // Obshchestvo i pravo. – 2015. – № 4 (54). – S. 145-150.

2. Ukaz Prezidenta RF ot 21.12.2016 № 699 «Ob utverzhdenii Polozheniya o Ministerstve vnutrennih del Rossijskoj Federacii i Tipovogo polozheniya o territorial'nom organe Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii po sub'ektu Rossijskoj Federacii». Elektronnyj resurs. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_209309/ (data obrashcheniya: 09.06.2020). – Tekst elektronnyj.

3. Federal'nyj zakon ot 30.11.2011 № 342-FZ «O sluzhbe v organah vnutrennih del Rossijskoj Federacii i vnesenii izmenenij v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii». Elektronnyj resurs. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_122329/ (data obrashcheniya: 09.06.2020). – Tekst elektronnyj.

4. Drozdov D. E. Kriminologicheskaya ocenka i preduprezhdenie primeneniya nasiliya v otnoshenii dolzhnostnogo lica pravoohranitel'nogo organa : dissertaciya ... kandidata yuridicheskikh nauk : 12.00.08 / Drozdov Denis Evgen'evich; [Mesto zashchity: FGKOU VO «Moskovskij universitet Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii imeni V.YA. Kikotya»]. – Moskva, 2020. – 258 s.

5. CHumichkin A. S. Viktimologicheskaya profilaktika prestuplenij, sovershaemyh v otnoshenii sotrudnikov organov vnutrennih del : dissertaciya ... kandidata yuridicheskikh nauk : 12.00.08 / CHumichkin Aleksandr Sergeevich; [Mesto zashchity: Akademiya upravleniya Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii]. – Moskva, 2019. – 197 s.
6. Ozhegov S. I. Slovar' russkogo yazyka / pod red. N. YU. SHvedovoj. 14-e izd. stereotip. M. 1983. S. 674.
7. Efremova T. F. Tolkovyj slovar' slovoobrazovatel'nyh edinic russkogo yazyka: Ok. 1900 slovoobrazovat. edinic / T.F. Efremova. – 2-e izd., ispr. – M.: Astrel': AST, 2005. – 636 s.
8. Nikolaev V. YU. Nekotorye problemy opredeleniya ugovolno-pravovogo ponyatiya «sposob soversheniya prestupleniya» // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2012. № 11. S. 29-30.
9. Ignatov A. N. Ponyatie obshcheugolovnoj prestupnosti // Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii. – 2018. – № 1 (39). – S. 6-10.
10. Ignatov A. N. O kategoriyah «mekhanizm prestupnogo povedeniya», «mekhanizm prestupleniya» i «mekhanizm soversheniya prestupleniya» // Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki. – 2017. – №6-7. – S. 126-132.
11. Hoperskov D. V. Ispol'zovanie informacionnyh tekhnologij kak sposob soversheniya prestupleniya // Vestnik Evrazijskoj akademii administrativnyh nauk. – 2018. – № 4 (45). – S. 148-151.
12. Abel'cev S. N. Lichnost' prestupnika i problemy kriminal'nogo nasiliya. – M.: YUNITI-Dana; Zakon i pravo, 2000. – 207 s.
13. Gauhman L. D. Nasilie kak sredstvo soversheniya prestupleniya. – M.: Izd-vo «YUridicheskaya literatura», 1974. – 167 s.
14. Ivanova V. V. Prestupnoe nasilie: uchebnoe posobie dlya vuzov. – M.: Knizhnyj mir. – 2002. – 83 s.
15. Ivancova N. Osnovnye polozheniya koncepcii obshchestvenno opasnogo nasiliya v ugovolnom prave // Ugolovnoe pravo. – 2004. – № 4. – S. 26-28.
16. Kiryuhin A. B. Ugolovno-pravovaya harakteristika prestupnogo nasiliya. Monografiya. – M., 2008. – 182 s.
17. Petin I. A. Mekhanizm prestupnogo nasiliya. – SPb.: Izd-vo R. Aslanova «YUridicheskij centr Press», 2004. – 343 s.
18. Ponomarev P., Il'yashenko A. Problemy sovershenstvovaniya norm obshchej chasti UK, vliyayushchih na otvetstvennost' za nasilie v sem'e // Ugolovnoe pravo. – 2003. – № 3. – S. 48-50.
19. Radosteva YU. V. Ugolovno-pravovoe ponyatie nasiliya: avtoref. diss... kand. yurid. nauk: 12.00.08 / Radosteva YUliya Viktorovna; [Mesto zashchity: Ural'sk. gos. yurid. Akademiya]. – Ekaterinburg, 2006. – 32 s.
20. Serdyuk L. V. Nasilie: kriminologicheskoe i ugovolno-pravovoe issledovanie. – M.: OOO Izdatel'stvo YUrlitinform, 2002. – 384 s.
21. SHarapov R. D. Ugolovno-pravovaya harakteristika fizicheskogo nasiliya: avtoref. diss... kand. yurid. nauk. – SPb. un-t MVD Rossii. – SPb., 1999. – 24 s.
22. Ignatov A. N. O biosocial'noj prirode prestupnosti // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo. – 2016. – № 1. – S. 63-73.
23. Ignatov A. N. Nasilie kak sposob soversheniya prestupleniya: ponyatie i sushchnost' // Forum prava. – 2010. – № 3. – S. 144–151.
24. Ignatov A. N. O nasilii, ego vidah i ih ugovolno-pravovom otrazhenii // Vestnik Dal'nevostochnogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. – 2016. – № 4 (37). – S. 59-65.
25. Artyushina O. V. Kriminologicheskaya harakteristika prestupnosti v sovremennoj Rossii // Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo universiteta MVD Rossii. – №2 (20). – 2015. – S.18 -22.
26. Kudryavcev V. N. Ob"ektivnaya storona prestupleniya. – M.: Gosyurizdat, 1960. – 244 s.

УДК: 343.98

DOI: 10.37279/2413-1733-2020-6-3-381-390

ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВОДСТВА ОТДЕЛЬНЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ЭКСТРЕМИСТКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ И ТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ

Игнатов А. Н., Торопов С. А.

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

Терроризм и экстремизм тесно связаны с социальной напряженностью, с одной стороны существенно повышая ее уровень, с другой стороны, используя данный фактор для достижения своих преступных целей. Условия социальной напряженности являются фактором, который определяет необходимость внесения корректировок в типичные алгоритмы расследования преступлений экстремисткой направленности и террористического характера с целью своевременного построения версий на первоначальном и последующем этапе расследования, оптимизации процесса планирования по делу, реализации следственных действий, в том числе в условиях противодействия заинтересованных лиц. Рассмотрены особенности производства таких следственных действий при расследовании преступлений экстремисткой направленности и террористического характера в условиях социальной напряженности, как осмотр места происшествия, обыск, допрос, а также некоторые особенности назначения и производства экспертиз.

Ключевые слова: социальная напряженность, преступления экстремисткой направленности, преступления террористического характера, расследование, следственные действия, осмотр места происшествия, обыск, допрос, судебная экспертиза.

В целях обеспечения **национальной безопасности** правоохранительные органы осуществляют деятельность (профилактические операции, оперативно-технические и оперативно-поисковые мероприятия, расследование преступлений и пр.) направленную на предупреждение, выявление, пресечение, раскрытие и расследование преступлений экстремистской направленности и террористического характера, прежде всего, международного и межрегионального уровня, а также имеющих большой общественный резонанс.

Условия социальной напряженности, в том числе их умышленное использование криминальным элементом, являются одним из факторов возникновения кризисных ситуаций в деятельности правоохранительных органов по предупреждению и расследованию преступлений экстремистской направленности и террористического характера. Терроризм и экстремизм тесно связаны с социальной напряженностью, с одной стороны существенно повышая ее уровень, с другой стороны, используя данный фактор для достижения своих преступных целей, а также в целях противодействия расследованию преступлений. Криминальный элемент стремится использовать (умышленно создаваемую или фактически имеющуюся) социальную напряженность и общественный резонанс в целях интенсификации своей преступной деятельности и достижения преступных целей, а также в целях

противодействия расследованию преступлений экстремистской направленности и террористического характера.

Понимание природы социального конфликта, мотивации его участников в контексте актуального социокультурного континуума, процесса его возникновения и развития, а также прочих особенностей возникновения и проявления социальной напряженности позволяет выработать эффективные меры по предупреждению и предотвращению проявлений экстремизма и терроризма, а также осуществлять расследование такого рода преступлений, вносить корректировки в типичные алгоритмы расследования для своевременного построения версий на первоначальном и последующем этапе расследования, оптимизации процесса планирования по делу, реализации следственных действий, тактических комбинаций и операций, в том числе в условиях противодействия заинтересованных лиц, использующих (создающих) условия социальной напряженности.

В системе неотложных следственных действий осмотр места происшествия, безусловно, занимает одно из конститутивных мест. Это определяется его информационно-эвристической направленностью ретроспективного познания события в целом, а также установления механизма совершения в частности. Несомненно, своевременно и качественно проведенный осмотр места происшествия дает следователю возможность понять суть происшедшего факта, получить сведения о лицах, которые причастны к его возникновению, оперативно выстроить версии, необходимые для организации и планирования расследования.

Совершение преступлений экстремистской направленности и террористического характера может сопровождаться применением взрывных устройств, взрывчатых веществ, огнестрельного и холодного оружия. Это вызвано стремлением преступников создать при помощи своих действий резонанс, который в дальнейшем и будет использован последними для обострения каких-либо проблемных вопросов и создания (или ухудшения) дополнительных факторов социальной напряженности. Информационный резонанс может быть создан путем образования большого количества жертв, или применения изощренного способа достижения преступных целей, которые привлекают внимание потребителя информационного контента из общего массива поступающих новостных данных.

Следует также обратить внимание и на объективную группу факторов (фактор времени и фактор ситуативности), которые должны учитываться руководителем следственного действия перед проведением осмотра места происшествия. Временные факторы воздействуют на количественные и качественные характеристики материальной и идеальной следовой картины, временами меняя их в полном объеме. Следователь в ходе следственного осмотра лично сопоставляет наблюдаемые им изменения в материальной обстановке с мысленной моделью криминалистической версии преступления, делая умозаключения в отношении временных связей между причинами и последствиями механизма совершения правонарушения. При этом данные о времени совершения преступления не всегда возможно получить в результате осмотра одного объекта, стоит говорить о комплексном подходе, что позволит оценить корреляционно-временные границы события.

По мнению В.А. Ларина, к основным элементам обстановки совершения преступлений в ситуациях острой социальной напряженности относятся: а) материальные объекты (недвижимость, транспорт, оборудование и др.); б) активная деятельность лиц на основе психофизического состояния и социального

статуса; в) поведение группы лиц, права которых были нарушены вследствие преступления [1, с. 81-87].

В дополнение к этому, В.А. Ларин все уголовно-наказуемые деяния, возникающие в ситуации социального резонанса (напряженности), делит на следующие категории: 1) совершаемые в очагах социальной напряженности. В свою очередь, к ним следует отнести этнические, религиозные и политические дестабилизационные процессы (массовые беспорядки, несанкционированные пикеты, шествия); 2) имеющие место локальные боевые действия, проведение специальных операций по ликвидации вооруженных бандформирований, розыску и задержанию вооруженных преступников. Одним из таких примеров является, в частности, территория Северо-Кавказского федерального округа, где географическое положение, социально-политическая, экономическая, национально-религиозная специфика оказывает непосредственное влияние на криминогенную обстановку [1, с. 81-87].

На наш взгляд, с точки зрения специфики обстановки совершения и расследования преступлений, приведенную типологию необходимо дополнить третьим типом ситуаций – совершение преступлений с целью возникновения (провокации) или стимулирования социальной напряженности.

В ситуациях, когда осмотр места происшествия осложняется особенностями регионов, где ведутся боевые действия, были реализованы террористические акты, и совершены преступления экстремистского характера также, важным условием является оперативность реагирования с момента поступления сигнала о необходимости выезда дежурной группы. Промедление с выездом на место в большей части случаев приведет к утрате следовой картины, воздействию на нее посторонних лиц. Для частичной нейтрализации неблагоприятных условий до выезда следует задействовать беспилотные летательные аппараты. Их применение позволит провести: а) оценку местности, определить факторы, которые могут угрожать жизни и здоровью дежурной группы; б) видеофиксацию самого места происшествия; в) мониторинг обстановки до прибытия группы.

Как показывает изучение судебной-следственной практики, в отдельных случаях могут иметь место факты оказания населением противодействия производству осмотра места происшествия путем искусственного создания социальной напряженности и конфликта. Так, например, в 2012 году в г. Волгограде дежурная группа, прибывшая для осмотра домовладения, принадлежащего цыганской семье, по факту незаконного оборота наркотиков, столкнулась с искусственно созданной ситуацией социальной напряженности. У входа в указанное домовладение работники полиции окружила толпа агрессивно настроенных цыган и не допустила в помещение дома. Это вынудило дежурную группу вернуться в отдел полиции для привлечения дополнительных сил. За это время обстановка в домовладении была подвергнута изменению, а следы преступления уничтожены [2, с. 84-88].

Осмотр места происшествия состоит в исследовании следовой информации на месте совершенного преступного деяния с целью его раскрытия и изобличения лиц, его совершивших. Как правило, террористические акты редко планируются и реализуются единичным исполнителем, учитывая масштабность действий преступникам необходима подготовка и время. Увеличенные интервалы подготовки преступных действий способствуют образованию большого количества следовой информации, обнаружение которой представляет интерес для правоохранительных органов.

Немаловажным условием удостоверения соблюдения требований законности проводимого следственного действия является привлечение понятых, которых целесообразно подбирать на стадии подготовки к выезду на место осмотра. Попытки привлечения понятых на месте происшествия могут не принести результатов, так как ввиду фактора социальной напряженности местное население может быть агрессивно настроено в отношении сотрудников правоохранительных органов и будет отвергать любые попытки возможного взаимодействия.

На рабочем этапе обзорной и детальной стадий осмотра места происшествия считаем необходимым особое внимание уделять объектам-следам и следам-веществам, которые свидетельствуют о мотивах и целях проведения массовых беспорядков в условиях социальной напряженности. К ним относятся следующие: а) орудия преступления, имеющие расистскую или религиозную символику; б) надписи на стенах зданий, учреждений, памятников, носящие оскорбительный смысл; в) повреждение объектов религиозного, этнического содержания (памятные доски, архитектурные сооружения и т.д.) и пр.

Состав дежурной группы по необходимости включает в себя представителей группы быстрого реагирования Росгвардии для обеспечения безопасности группы в районе предполагаемого осмотра [3, с. 128-130]. Также одним из факторов социальной напряженности может выступать противодействие со стороны местных жителей, которые могут препятствовать работе дежурной группы. В таких случаях желательно задействовать представителей органов исполнительной власти, местного самоуправления или местных общин (старейшин). Для минимизации напряженности все действия по осмотру необходимо проводить только после публичной работы такого представителя с местным населением. В противном случае это может привести к развитию конфликта и утрате доверия к представителю общины. В отдельных случаях можно привлечь представителей религиозных организаций (служителей церкви, имамов и т.д.), поскольку они, обладая авторитетом для местного населения, способны снизить уровень волнений и не допустить развития социальной напряженности [2, с. 84-88].

Обыск имеет принудительный характер и занимает особое положение в системе следственных действий. Понятно, что негативные процессы, проходящие в обществе, оказывают влияние и на работу правоохранительных органов в сфере доказывания по уголовным делам. Совершение преступлений экстремистской направленности и террористического характера в условиях социальной напряженности создает определенный печень негативных обстоятельств, воздействующих на нормальный режим работы правоохранительных органов. Дополнительным стрессовым фактором для обыскиваемых будет являться принудительный поисковый характер следственного действия, сопровождающийся временами повреждением имущества последнего [4, с. 35-45].

Возможны различные формы противодействия нормальному выполнению своих служебных обязанностей сотрудниками правоохранительных органов. Что касается общих способов противодействия нормальной работе правоохранительных органов, то можно выделить следующие: различные формы воздействия на сотрудников правоохранительного органа, в производстве которого находится материалы расследования; дезинформация, переданная в СМИ относительно методов работы и сбора доказательственной информации с целью изменения мнения населения и дальнейшего призыва к массовым мероприятиям в виде сборов

населения и выдвижения своих требований руководителям правоохранительных органов; использование выступлений должностных лиц государственных органов, общественных организаций с целью оказания влияния на общественное мнение и пр.

В случаях, связанных с рассматриваемой категорией дел обыскиваемые могут оказывать вооруженное сопротивление или применять захват заложников, поэтому при планировании обыска необходимо провести предварительное исследование интересующего района с помощью сотрудников оперативных подразделений и учитывать: а) плотность и особенности населения (национальные, религиозные), проживающего на территории проведения следственного действия; б) специфику застройки района проводимого следственного действия, граничащие здания, имеющие общие стены с местом проведения поисковых мероприятий; план помещения; в) личностные характеристики обыскиваемых; количество лиц, проживающих в помещении; религиозных взглядах, взаимоотношениях с проживающими в одном помещении лицами, а также его профессиональных навыков; г) возможные пути преодоления конфликтных ситуаций с обыскиваемыми в случае их возникновения; д) примерный перечень предметов, в отношении которых предполагается применение поисковых действий, их размерные характеристики и особенности (можно учесть при подборе средств поисковой техники).

При подборе членов группы, которая будет участвовать в проведении следственного действия целесообразно разделять последних на группу поиска, блокирования и обеспечения безопасности. Дополнительно можно создать группу резерва, которая при оказании сопротивления или осложнения оперативной обстановки сможет в «сжатые» сроки «усилить» или заменить личный состав одной из групп. В случае появления информации о находящихся в помещении преступников заложников, основной целью правоохранительных органов уже будет выступать не проведение следственного действия, а спасение жизни заложников и их освобождение. Поэтому поисковые мероприятия будут проводиться после задержания либо ликвидации преступников.

Учитывая специфику личностных характеристик террористов и экстремистов, нередко можно отметить хорошую стрелковую подготовку последних, навыки обращения с холодным и огнестрельным оружием, а также знание взрывного дела. Поэтому при организации следственного действия и проведения поисковых мероприятий сотрудниками правоохранительных органов необходимо соблюдать повышенные меры предосторожности. Это вызвано возможным размещением обыскиваемыми мин-ловушек, в том числе для защиты тайников, оружие может применяться последними для вооруженного сопротивления сотрудникам правоохранительных органов [5, с. 39-44].

К немаловажным условиям успешного проведения обыска в условиях социальной напряженности является фактор внезапности, т.к. промедление с подготовкой и проведением следственного действия может привести к возможной потере («утечке») информации и в конечном итоге к потере или уничтожению необходимых для расследования носителей следов преступления и других значимых объектов [6]. В случае появления у преступников информационных данных о проводимом следственном действии сотрудниками правоохранительных органов (в зависимости от типа ситуации социальной напряженности – локального военного конфликта, умышленно создаваемых условий социальной напряженности) возможны дополнительные случаи противодействия в виде организации значительных групп

местного населения, подготовки к вооруженному сопротивлению (минированию) либо смене места дислокации.

Допрос потерпевших при проведении расследования преступлений экстремистской направленности и террористического характера в условиях социальной напряженности может в короткие сроки не предоставить объективных информационных данных ввиду следующих причин:

а) значительными телесными повреждениями потерпевших (либо гибель последних), в случае совершения преступления путем взрыва и т.п., что в дальнейшем способствует длительному лечению и невозможности провести следственное действие в течение длительного периода;

б) потерпевшие не способны воссоздать механизм совершенного преступления ввиду скоротечности произошедшего преступного события и полученной психической травмы.

Указанная категория лиц в большинстве случаев пытается взаимодействовать с сотрудниками правоохранительных органов по большинству категорий дел, в силу желания восстановления нарушенных прав и возмещения причиненного ущерба (возможны и другие причины – безвозмездная помощь и т.д.).

Наибольшую значимость показания потерпевших представляют в случаях непосредственного контакта с преступниками – экстремистами, террористами, но последние предпринимают обычно попытки ликвидации потерпевших с целью исключения возможности дачи показаний обвинительного характера и дальнейшего их изобличения. Поэтому при расследовании преступлений экстремистской направленности и террористического характера, совершаемых в условиях социальной напряженности, отдельное внимание следует уделять обеспечению личной безопасности потерпевших и свидетелей.

Следует отметить то, что показания потерпевших и свидетелей в случае совершения преступлений экстремистской направленности и террористического характера в условиях социальной напряженности должны подлежать критической оценке с учетом следующего. В ряде случаев преступные деяния, совершаемые на почве межличностных конфликтов, могут расцениваться (восприниматься) конкретными лицами как преступления экстремистской направленности или террористического характера, мотивированные ненавистью или враждой в отношении определенной социальной группы, представителями которой они являются. Особо актуальна данная проблема в условиях затяжной ситуации социальной напряженности, имеющей место в обществе, когда «уязвимые» социальные группы остро воспринимают все потенциальные угрозы «на свой счет». Поэтому в такого рода ситуациях показания потерпевших необходимо довершать тщательной проверке путем проведения первичных, повторных допросов потерпевших, свидетелей и подозреваемых.

Проводимые следственные действия также могут служить инструментом выявления инсценировок преступного деяния, проверки, построения и изменения других следственных версий. Например, во время поисковых действий могут быть обнаружены записи, документы, предметы одежды, различное имущество (которое может быть заявлено, как похищенное). Это может помочь получить дополнительную информацию для проверки показаний подозреваемых, обвиняемых, возможных соучастников и подтвердить их (либо опровергнуть) [4, с. 35-45].

Необходимо учитывать, что социальная напряженность всегда влияет на обострение криминогенной обстановки и создает определенные условия для совершения групп рассматриваемых преступлений, может являться первичной причиной возникновения мотивации на их совершение. Поэтому правоохранными органами параллельно с расследованием фактов преступных действий должен проводиться анализ работы СМИ (с учетом информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и платформ видеохостинга) и оперативный мониторинг общественного мнения, а также осуществлять продуманную работу по предоставлению СМИ объективной и необходимой, прежде всего с учетом интересов следствия, информации о ходе и результатах расследования рассматриваемых преступлений.

В ходе допроса свидетелей по рассматриваемой категории дел выясняют следующий перечень обстоятельств. В отношении совершенных террористических актов: а) сколько времени лицо находилось на месте совершенного террористического акта; б) причина нахождения свидетеля на месте происшествия; в) может ли он описать преступников (террористов), которых видел на месте происшествия, знакомы ли они с ним, видел ли где-либо ранее; г) маршруты перемещения преступников по месту происшествия, пути подхода-отхода; д) обстоятельства совершения преступления, что удалось увидеть свидетелю; е) какая обстановка была до совершения преступления, расположение транспортных средств, окружающих, их перемещение; ё) что произошло после совершения теракта, перемещение окружающих лиц на месте происшествия; ж) кто сообщил в правоохранные органы о совершении преступления, где в этот момент находился допрашиваемый; з) иные вопросы в зависимости от обстоятельств и целей допроса.

В отношении совершенных действий экстремистского характера дополнительно выясняют: а) кто входил в группу экстремистского характера, распределение ролей; б) отношения между членами группы, есть ли неприязненные отношения; в) какие идеи пропагандирует организация (превосходства, национальности, вероисповедания); г) кто совершил преступление, распределение ролей каждого участника (по каждому факту); д) роль организатора группы, его отношение к совершенному преступлению; е) источники финансирования, места сбора; ё) места хранения литературы и других объектов экстремистского характера; ж) источники финансирования, организации-партнеры; з) места хранения оружия и других предмет и веществ изъятых (ограниченного) из оборота [7].

В отношении совершенных преступных действий (экстремистской направленности и террористического характера) в условиях социальной напряженности, сопровождающихся массовыми беспорядками дополнительно выясняются: а) что послужило началом массовых беспорядков, как они происходили, как закончились; б) кто выступал организатором, его описание, видел ли ранее; в) кто выступал провокатором, какие призывы произносил, его описание, видел ли ранее; г) кто совершал преступные действия и какие, его описание, видел ли ранее; д) маршрут передвижений лиц; е) общее количество лиц и характеристика действий каждого; ё) характеристика орудий преступления, кому принадлежали; ж) кому причиняли телесные повреждения и имущественный вред; з) действия сотрудников правоохранных органов и иных представителей власти [8, с. 31-35].

Проведение очной ставки по рассматриваемой категории дел обладает повышенными тактическими рисками и в большинстве случаев способно ухудшить текущую следственную ситуацию. Это вызвано возможностью допрашиваемых

согласовать свои показания в ходе проводимого следственного действия или психологически воздействовать одному допрашиваемому на другого с целью изменения показаний.

Следует отметить, что факторы социальной напряженности порождают ряд неблагоприятных обстоятельств для проведения допроса, ввиду особенностей проводимого следственного действия, которое заключается в непосредственном контакте и «установлением доверительной атмосферы» с допрашиваемым в целях получения информационных данных. Соответственно допрашивающему лицу для установления доверительных отношений и получения объективных данных необходимо учитывать негативные факторы «социальной напряженности», как дополнительные элементы, которые требуют применения механизмов преодоления.

Таким образом, положительный результат от проведенного допроса будет зависеть от ряда обстоятельств: а) выбора правильного тактического приема при проведении следственного действия в определенные моменты времени; б) объективной оценки тактических рисков применяемых приемов; в) качественного подхода к подготовительным мероприятиям; г) индивидуальных особенностей допрашивающего (психологических, интеллектуальных); д) умения установления психологического контакта в «сжатые сроки» и пр. Вышеуказанная совокупность и приведенные алгоритмы требуют корректировки со стороны допрашивающего лица в зависимости от условий следственной ситуации, складывающихся на текущий момент времени.

Немаловажное значение для осуществления расследования по делу имеет применение специальных знаний в целях повышения объективности хода расследования, выяснения противоречий и получения новых доказательственных информационных данных. Применение специальных знаний может быть представлено в форме проводимых консультаций специалистами с сотрудниками правоохранительных органов, либо в форме проведения экспертных исследований по вопросам, необходимым для разрешения.

Факты совершенных преступлений экстремистской направленности и террористического характера являются достаточно «сложными» для расследования сотрудниками правоохранительных органов, это вызвано большим количеством субъектов, с которыми приходится контактировать в рамках проводимых следственных действий, преступления зачастую являются многоэпизодными, совершенными в разные временные отрезки, сопровождаются большим количеством изъятой следовой информации. Определенную сложность для работы представляют и проводимые экспертные исследования по рассматриваемой категории дел в силу свойств и характеристик исследуемых объектов. Часть исследований не удастся провести в сжатые сроки в силу применения утвержденных и апробированных методик исследования, которые предусматривают определенный алгоритм совершаемых действий эксперта в определенные отрезки времени, причем несоблюдение рассматриваемых условий может поставить под сомнение достоверность и объективность выводов. В свою очередь, социальная напряженность выступает фактором, в ряде случаев существенно усложняющим возможность проведения соответствующих экспертных исследований и их результативность. Также условия социальной напряженности влияют на выбор экспертного учреждения и обеспечения противодействия оказываемого на экспертов давления (в том числе

информационного) со стороны агрессивно настроенного населения или иных заинтересованных лиц.

Таким образом, на основании изложенного, можем сделать следующие выводы. Организацию расследования преступлений экстремистской направленности и террористического характера и реализацию тактических приемов его осуществления следует осуществлять исходя из специфики конкретного типа ситуации социальной напряженности и ее взаимосвязи с совершаемым преступлением: а) расследование преступлений, совершаемых в целях возникновения (провокации) или стимулирования социальной напряженности; б) расследование преступлений, совершаемых в очагах социальной напряженности; в) расследование преступлений, совершаемых в условиях локальных боевых действий (локальных конфликтов), проведения контртеррористических операций и т.п.

К организационно-тактическим рекомендациям по проведению отдельных следственных действий по делам рассматриваемой категории следует отнести следующие: 1) условия социальной напряженности, могут привести не только к дезорганизации осмотра места происшествия, но и к риску жизни и здоровья его участников; среди объективных факторов осмотра места происшествия, обусловленных социальной напряженностью, временной и ситуативный факторы являются определяющими, поскольку связаны организацией и планированием всех этапов проведения следственного осмотра; 2) при проведении обыска целесообразно использовать фактор внезапности, разделение участников на группы с выделением резерва для усиления в случаях сопротивления обыскиваемых лиц либо местного населения, вызванного факторами социальной напряженности; 3) допрос в условиях социальной напряженности характеризуется повышенными тактическими рисками в случаях ошибочной оценки личностных характеристик участников, а также неверного применения приемов и рекомендаций преодоления конфликтных ситуаций; 4) условия социальной напряженности диктуют необходимость подбора понятых на стадии подготовки к выезду на место осмотра и прочим следственным действиям; 5) в условиях социальной напряженности вопросам выбора экспертного учреждения необходимо уделять повышенное внимание для обеспечения противодействия оказываемого на экспертов давления, а также обеспечения объективности получаемых результатов с сохранением сроков производства по делу; 6) сотрудники правоохранительных органов при организации, планировании и осуществлении следственных действий должны учитывать специфику характеристик (качественных и количественных) состава и локации местного населения, данные о преступлении и его последствия, возможность привлечения дополнительных средств и сил, использование помощи авторитетных представителей местного населения, государственных и общественных деятелей.

Учет предложенных тактических рекомендаций позволит повысить эффективность мер, направленных на предупреждение преступлений экстремистской направленности и террористического характера, оперативно, с учетом конкретной ситуации и обстановки, организовать расследование и внести корректировки в алгоритм проводимых следственных действий, а также минимизировать негативное воздействие фактора социальной напряженности, как на процесс расследования данных преступлений, так и на состояние общественного порядка и общественной безопасности в целом.

Список литературы

1. Ларин В.А. Состояние и структура преступлений, совершаемых в ситуациях острой социальной напряженности // Право и практика. – 2014. – № 2. – С.81-87.
2. Торопов С.А. Практические аспекты организации и проведения осмотра места происшествия в условиях социальной напряженности // Общество и право. – 2019. – № 2 (68). – С. 84-88.
3. Торопов С.А., Сафонов Д.А. Особенности организации проведения осмотра места происшествия в условиях локального военного конфликта // Таврический научный обозреватель. – 2016. – № 12-1 (17). – С. 128-130.
4. Обыск, выемка: процессуальные и криминалистические особенности: учебно-методическое пособие / О.Л. Журба, С.А. Торопов. – Симферополь, ДАЙПИ, 2019. – С. 35-40.
5. Попов Ю.И., Тягоненко Ю.И. Использование специальных подразделений по борьбе с терроризмом в городских условиях // Вопросы оборонной техники. Серия 16: Технические средства противодействия терроризму. – 2011. – № 5-6. – С. 39-44.
6. Торопов С.А., Игнатов А.Н. Тактические особенности проведения обыска в условиях фактора социальной напряженности // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2020. – № 6. – С. 170-175.
7. Хаитжанов А. Проблемные аспекты в расследовании преступлений экстремистской направленности // Наука. Общество. Государство. – 2013. – №3 (3). Электронный ресурс. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemnye-aspekty-v-rassledovanii-prestupleniy-ekstremistskoy-napravlenosti> (дата обращения: 12.06.2020). – Текст электронный.
8. Багмет А.М. Допрос фигурантов массовых беспорядков как способ фиксации идеальных следов данного преступления // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. – 2019. – № 1 (19). – С. 31-35.

Ignatov A.N., Toropov S.A. Specific features of producing separate investigative actions in investigating crimes of an extreme oriental and terrorist in conditions of social tension // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2020. – Т. 7 (73). № 3. – P. 381-390.

Terrorism and extremism are closely related to social tension, on the one hand, significantly increasing its level, on the other hand, using this factor to achieve their criminal goals. The conditions of social tension are a factor that determines the need to make adjustments to typical algorithms for investigating crimes of an extremist and terrorist nature in order to build versions in a timely manner at the initial and subsequent stages of the investigation, optimize the planning process on the case, and implement investigative actions, including in conditions of opposition from stakeholders. persons. The features of the production of such investigative actions in the investigation of crimes of an extremist and terrorist nature in conditions of social tension, such as an inspection of the scene, search, interrogation, as well as some features of the appointment and production of expert examinations.

Key words: social tension, extremist crimes, terrorist crimes, investigation, investigative actions, inspection of the scene, search, interrogation, forensic examination.

Spisok literaturey

1. Larin V.A. Sostoyanie i struktura prestupleniy, sovershaemykh v situatsiyah ostroj social'noj napryazhennosti // Pravo i praktika. – 2014. – № 2. – С.81-87.
2. Toropov S.A. Prakticheskie aspekty organizatsii i provedeniya osmotra mesta proisshestviya v usloviyah social'noj napryazhennosti // Obshchestvo i pravo. – 2019. – № 2 (68). – С. 84-88.
3. Toropov S.A., Safonov D.A. Osobennosti organizatsii provedeniya osmotra mesta proisshestviya v usloviyah lokal'nogo voennogo konflikta // Tavricheskij nauchnyj obozrevatel'. – 2016. – № 12-1 (17). – С. 128-130.
4. Обыск, выемка: процессуальные и криминалистические особенности: учебно-методическое пособие / О.Л. Журба, С.А. Торопов. – Симферополь, ДАЙПИ, 2019. – С. 35-40.
5. Попов Ю.И., Тягоненко Ю.И. Использование специальных подразделений по борьбе с терроризмом в городских условиях // Вопросы оборонной техники. Серия 16: Технические средства противодействия терроризму. – 2011. – № 5-6. – С. 39-44.
6. Торопов С.А., Игнатов А.Н. Тактические особенности проведения обыска в условиях фактора социальной напряженности // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2020. – № 6. – С. 170-175.
7. Хаитжанов А. Проблемные аспекты в расследовании преступлений экстремистской направленности // Наука. Общество. Государство. – 2013. – №3 (3). Электронный ресурс. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemnye-aspekty-v-rassledovanii-prestupleniy-ekstremistskoy-napravlenosti> (дата обращения: 12.06.2020). – Текст электронный.
8. Багмет А.М. Допрос фигурантов массовых беспорядков как способ фиксации идеальных следов данного преступления // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. – 2019. – № 1 (19). – С. 31-35.

УДК 343.97

DOI: 10.37279/2413-1733-2020-6-3-391-401

**О СМЫСЛЕ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ.
ОТВЕТ ПРОФЕССОРА С. Г. ОЛЬКОВА ГРАФУ Л. Н. ТОЛСТОМУ
(120 ЛЕТ СПУСТЯ)**

Олькова О.А.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского

Цель научной статьи - показать постановку фундаментальной мировой проблемы о смысле уголовного наказания выдающимся русским писателем Л. Н. Толстым в 1899 году в произведении «Воскресенье», и её точное практическое решение профессором С.Г. Ольковым в 2019 году в статье «О разъяснении природы уголовно-правовых отношений».

Ключевые слова: математика, точная наука, научная методология, право, уголовное право, криминология, криминометрика, уголовно-исполнительное право, преступление, наказание, справедливость, закон спроса, закон предложения, научные результаты, законы, закономерности, тенденции.

Научные методы: наблюдение, сравнение, методы математического анализа, теории вероятностей и математической статистики.

Научные результаты: 1) доказано, что ценность уголовного наказания не является аксиоматично достаточной; 2) доказано, что великий русский мыслитель Л.Н. Толстой, а вовсе не ученые юристы сумел в конце XIX века точно сформулировать основную проблему мировой уголовной политики, но не сумел её решить в связи с отсутствием в его время точной юридической науки, создание которой было положено в начале XXI века; 3) доказано, что фундаментальная историческая проблема о смысле и ценности уголовного наказания была точно решена математическими средствами профессором С.Г. Ольковым в начале XXI столетия; 4) представлена авторская блок-схема раскрывающая последствия ошибочного и точного создания и применения норм уголовного закона.

Практическое значение: полученные научные результаты, изложенные в доступной форме, позволяют широкой научной общественности, политическим деятелям, студентам и другим заинтересованным лицам понять сложную природу и смысл уголовно-правовых отношений; избежать многочисленных теоретических и практических ошибок в объяснении, прогнозировании и управлении преступным поведением; понять значение точной юридической науки в решении фундаментальных проблем человечества, создании более совершенного и здорового общества.

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

«С ним случилось то, что всегда случается с людьми, обращающимися к науке не для того, чтобы играть роль в науке: писать, спорить, учить, а обращающимися к науке с прямыми, простыми, жизненными вопросами; наука отвечала ему на тысячи разных очень хитрых и мудреных вопросов, имеющих связь с уголовным законом, но только не на тот, на который он искал ответа. Он спрашивал очень простую вещь; он спрашивал: зачем и по какому праву одни люди заперли, мучают, ссылают, секут и убивают других людей...? [13]».

Вот такой прямой, простой, жизненный вопрос о смысле уголовного наказания поставил Лев Николаевич Толстой еще 1899 году.

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ЧАСТЬ

Говорят, чтобы правильно задать вопрос, нужно знать большую часть ответа [14] или что правильно заданный вопрос – это половина ответа¹. Безусловно, чтобы задавать правильные вопросы необходимо обладать определенным уровнем осведомленности в исследуемом вопросе и конечно интеллектом (без него никакая осведомленность не поможет).

Несомненно, что правильный вопрос – начало пути в поисках истины. И не обязательно, что этот путь пройдет тот, кто первый правильно сформулировал вопрос. Ответ на него может быть дан спустя много лет.

В нашем случае начало пути было положено в 1899 году Л.Н.Толстым, который верно сформулировал фундаментальный вопрос всей мировой уголовной политики. Поставлен этот вопрос был не на пустом месте – Лев Николаевич был человеком не чуждым юриспруденции (он отучился не полных два года на юридическом факультете Императорского Казанского университета, позднее в Петербургском университете П.А. Плетнева, успешно сдал два экзамена по уголовному праву и по процессу «на ученое звание кандидата»). Ответ на выше поставленный вопрос он пытался найти в трудах Чезаре Ломброзо, Рафаэле Гарофало, Энрико Ферри, Франца фон Листа, Генри Модсли, Габриэля Тарда и других, но тщетно.

«Не только не было этого ответа, но все рассуждения велись к тому, чтобы объяснить и оправдать наказание, необходимость которого признавалась аксиомой» [13].

Как пишет сам Л.Н. Толстой об этих криминологических рассуждениях, что они схожи с ответом одного маленького мальчика, у которого спросили, выучился ли он складывать. «Выучился», – отвечал мальчик. «Ну, сложи: лапа». – «Какая лапа – собачья?» – с хитрым лицом ответил мальчик [13]. Подобным образом отвечают ученые юристы вопросом на вопрос или ответом на другой второстепенный вопрос.

Удивительно, но юридическая наука за все время своего существования не то, что не искала ответа на этот главный вопрос, с которого она должна начинаться, но даже не ставила его перед собой. Вопрос уголовного наказания очень широко освещен в криминологии и отраслевых юридических науках – уголовном и уголовно-исполнительном праве с различных точек зрения. Высказано не малое количество мнений о понятии, видах, способах, эффективности, целесообразности, соразмерности, неотвратимости, тяжести, справедливости, качестве, порядке применения наказания. Все эти дискуссии неизменно ведутся на прочном фундаменте аксиоматичности необходимости существования наказания. Мы настолько привыкли к этой аксиоме, сжились и свыклись с нею, что она прочно вошла в нашу жизнь, и ни у кого не возникало мысли задаться вопросом: о смысле уголовного наказания?

А ведь без уяснения природы явления (в нашем случае - наказания), его основных свойств и законов, которым оно подчиняется, как можно с ним работать? Оказывается очень просто – как мартышка с очками. «То к темю их прижмет, то их на хвост нанижет, то их понюхает, то их полижет; Очки не действуют никак» [4] . Подобно мартышке юриспруденция не знает, что и как делать с наказанием. Вроде

¹ Хань Сян-цзы (китайский философ)

понимает, что вещь необходимая, что должно помочь, но как оно работает – вот вопрос! «А ларчик просто открывался» – но об этом чуть позже.

Итак, у нас есть правильный вопрос. Теперь нам нужен правильный ответ на наш правильный вопрос. И получить этот правильный ответ мы можем только у науки на её научном языке, и язык этот – математика. Еще великий Галилей говорил: «Математика – это язык, на котором написана книга природы. Нужно измерять все измеримое и делать измеримым то, что не поддается измерению» [2].

Получить правильный ответ на правильный вопрос в науке можно только в виде **научного результата**, а не в виде точки зрения. Непонимание того, что является научным результатом, приводит к тому, что совещание ученых-юристов больше напоминает битву экстрасенсов: – «Я «вижу» здесь состав преступления!», – «А я «не вижу» состава преступления!», – «Коллега, просто Ваш хрустальный шар запылится...». Так и живем: два юриста – три мнения (точки зрения).

Но эта система гадания или как ее называют в юриспруденции – система решения научных вопросов – тут же дает сбой, как только перед ней поставить точный, конкретный вопрос. Например: сколько будет 2 умножить на 2? Сколько точек зрения будет по этому вопросу? А не будет никаких точек зрения, мы либо правильно решаем задачу, либо неправильно, вот и все.

Эlegantный выход из этого тупика нашли в ряде штатов США, приняв юридический закон, который отменяет закон математический. Они приняли, что число π равно 4, а не 3,14 (причем округлили не по правилам математики до 3, а до четного числа 4, чтобы было удобнее считать – главное удобно, а правильно или нет – это не столь важно!).

Вот так просто: пишешь юридический закон и тебе нипочем сила земного притяжения, серная кислота уже не такая и едкая, да и кирпичная стена не такая уж и плотная – можно попробовать пройти....

Но законы природы – это вам не юридические законы, безнаказанно их еще никто не нарушал. Можно, конечно, не принимать законы природы в расчет, но они то нас никогда не забудут. И тот факт, что мы не уловили причинно-следственной связи между нашим невежественным поведением, противоречащим закону природы, и наступившими негативными последствиями, не отменяет действия последнего. Здесь неотвратимость действия закона работает на все 100%, в отличие от юриспруденции. Засунул пальцы в розетку, пренебрегая силой тока – получи результат. Написал юридические законы, противоречащие законам природы – получи революцию, например. А то, что не понял, почему пальцы обгорели или почему революция – так это твои проблемы, будет время подумать об этом на эшафоте.

Как сказал Оноре де Бальзак еще в июне 1840 года: «Законы природы и законы общества – враги, а мы – арена, на которой они сражаются» [1]. К слову будет сказано, Бальзак тоже человек не чуждый юриспруденции. В 1807 – 1813 годах Бальзак – пансионер коллежа города Вандом, в 1816 – 1819 годах учится в школе права и служит клерком в конторе парижского стряпчего (отсюда – блестящее знание юридических тонкостей, которое он выказывает во многих своих романах). Впрочем, уже в 1820 году Бальзак отказывается от юридической карьеры, и решает посвятить себя литературе [1].

Сражение, упомянутое Бальзаком, будет продолжаться до тех пор, пока юридические законы не будут составляться на основе и в точном соответствии с

законами природы, а не законы природы будут «подгоняться» под наши «шедевральные» юридические произведения. Мы словно пытаемся сшить костюм, не снимая мерки с заказчика. Костюм готов, он не подходит по размеру, он просто не лезет на нашего заказчика. Но работа сделана и признать свою неправоту мы не желаем, а потому упорно пытаемся втиснуть заказчика в маленький костюм. А костюм тем временем трещит по швам...

Конечно, на все мои рассуждения у юристов уже давно готов «контраргумент», который выручает юриста из любой сложной и непонятной ситуации: «Ну... это... мы же гуманны!» Есть точные науки, а есть...тоже, конечно, науки, но гуманитарные! Они даже еще более важные, чем точные. Вот философия, так вообще основа для всех наук (как три слона и черепаха для плоской Земли)!». Вот именно благодаря этому супераргументу мы юристы и оказались в положении девушки, которая хотела выйти замуж по расчету, но не смогла, потому что она была гуманитарий.

Вообще выражение «точная наука» больше напоминает тавтологию - «масло масляное», «наука научная». Как наука может быть не точной, если она не точная, то это уже не наука. А вот выражение «гуманитарная наука» очень похоже на оксюморон - «живой труп», «ненаучная наука». Не может наука быть гуманитарной. Наука – она либо есть, либо ее нет. А есть наука только там, где присутствует точный расчет – математика нам в помощь!

Реальная наука – это всегда поиск истины, открытия, изобретения, конкретные **научные результаты**, появившиеся вновь и обеспечивающие научно-технический прогресс рода Homo Sapiens [9].

Вот тут встает вопрос о научных результатах: что это такое и где их взять?

Исчерпывающий перечень научных результатов приводит в своей работе профессор С.Г. Ольков, их всего одиннадцать:

1). Разработка нового математического метода исследования, например, дифференциального исчисления И.Ньютоном и Г.Лейбницем;

2). Открытие физических, химических, биологических, социальных, юридических² и любых других научных законов, объясняющих существование и развитие различных процессов, например, законы Бойля-Мариота, Авогадро, Менделеева-Клайперона и т.д. Любой научный закон должен быть выражен в математической форме – в виде формулы, связывающей переменные, то есть являться математической моделью. Например, закон Менделеева-Клайперона, впервые

записанный Д.И.Менделеевым выглядит так: $pV = \frac{m}{M} RT$, где p – давление, V – объем, m – масса газа, M – его молярная масса.

3). Составление периодических систем (например, периодическая система химических элементов Д.И.Менделеева).

4). Установление статистических закономерностей - математических моделей вида: $y=f(x_1, x_2, \dots, x_n)$, где y – результативная переменная (объясняемая, управляемая переменная), а x с соответствующим индексом – факторная (объясняющая, управляющая) переменная, f - правило, по которому связываются левая и правая части уравнения.

² Не в смысле тех «законов», которые относятся к нормативно-правовым актам.

5). Установление тенденций, статистических зависимостей - математических моделей вида: $y=f(t)$, где t – время (в годах, месяцах, минутах и т.п.).

6). Установление смешанных зависимостей вида: $y=f(x_1, x_2 \dots x_n, t)$ и тому подобных, например, с включением в модель вероятности, искусственных переменных.

7). Установление законов распределения конкретных величин, например, установление, что рост людей в популяции подчиняется закону нормального распределения. В данном случае открытие самого закона распределения относится к позиции №1, а его приложение применительно к конкретному изучаемому явлению – к позиции №6; кластеризация и научная классификация; изучение концентрации и дифференциации явлений в виде соответствующих математических моделей.

8). Составление количественного прогноза, на основе различных математических методов (по модели Бокса-Дженкинса, с использованием рядов Фурье, Вейвлет анализа и т.д.).

9). Составление иной математической модели явления.

10). Открытие нового явления или факта, например, Колумбом Америки (самое элементарное научное достижение).

11). Выдвижение и первичная проверка рабочих гипотез на описательном уровне (условный научный результат). [8]

Как вы, наверное, сами уже успели заметить, в этом списке нет ни точек зрения, ни авторитетных мнений, только конкретные научные результаты. Есть о чем подумать...

Таким образом, получить правильный ответ на наш правильный вопрос «о смысле уголовного наказания» можно только в виде одного из этих одиннадцати пунктов, то есть в виде **научного результата**.

Лев Николаевич, талантливейший русский писатель, умнейший человек, но, к сожалению, не владевший искусством применения научных методов исследования, что и помешало ему дать правильный ответ на его правильный вопрос. Не обладая необходимым научным инструментарием, Лев Николаевич пошел по пути классической юриспруденции, и попытался найти ответ интуитивно, обратившись за помощью к религиозным догмам. «Ответ, которого он не мог найти, был тот самый, который дал Христос Петру: он состоял в том, чтобы прощать всегда всех, бесконечное число раз прощать, потому что нет таких людей, которые бы сами не были виновны и потому могли бы наказывать или исправлять» [13].

В результате нравственных и душевных исканий, он пришел к выводу о полной бесполезности, беспомощности и преступности уголовного наказания. Единственно верной реакцией на преступление он счел прощение.

Естественно Толстой, как очень умный человек, возражал сам себе: «Что делать с злодеями, – неужели так и оставить их безнаказанными?» [13], и продолжая свою мысль отвечал сам себе: «...возражение это имело бы значение, если бы было доказано, что наказание уменьшает преступления...». И этим возражением он, опять-таки, ставит вопрос о **смысле уголовного наказания**, оправдано ли оно?

Вот он наш главный вопрос: есть ли смысл в применении уголовного наказания? Приносит ли это пользу в виде уменьшения преступности?

Ответ был дан, и наш «ларчик был открыт» в 2019 году профессором С.Г. Ольковым – ровно 120 лет спустя, в его работе «О разъяснении природы

уголовно-правовых отношений» [7]. В своей фундаментальной научной статье он доказал по эмпирическим данным закон спроса на товары преступления, который однозначно показывает ценность уголовных наказаний, как цен товаров преступлений.

Профессор С.Г. подошел к решению вопроса нетрадиционным путем юриста исследователя, променяв проверенный веками диалектический подход [10] на столь чуждые и непривычные математические и экономические средства - «рискованный» шаг. А пошел он путем единственно верным: сквозь тернии математических методов к научным результатам. И не прогадал.

Впервые в истории юриспруденции была, наконец то, не голословно и интуитивно, а строго математически выверено описана природа уголовно-правовых отношений. Ведь уголовно-правовые отношения, как любое другое явление окружающего нас мира, неизбежно подчиняется определенным законам (имеется в виду физическим, а не юридическим). И задача ученого выяснить каким именно.

Давайте разберем все по порядку.

Во-первых, преступление – это специфический товар или услуга в чисто экономическом смысле [7]. И это не фигура речи, не литературный прием или красное словцо, призванное привлечь внимание читателей к работе. Вовсе нет. Как слышится, так и пишется: преступление – это товар! Вот так просто! Впрочем, как все гениальное.

А коль скоро преступление – это товар, то мы с вами потенциальные покупатели, Особенная часть Уголовного кодекса РФ – это каталог товаров и услуг - преступлений, а государство – продавец, устанавливающий цены на весь ассортимент. И вот тут нам, а вернее профессору С.Г. Олькову, на помощь пришла экономика, уже довольно развитая наука.

Конечно, преступление – товар особый. И потому работа С.Г. Олькова – это не просто применение по готовому шаблону экономических законов в сфере уголовных правоотношений (что было бы неверно), это, если можно так выразиться, «адаптация» экономических законов и выведение на их основе новых законов и закономерностей, которым починяются уголовно-правовые отношения.

Во-вторых, коль скоро, уголовно-правовые отношения являются отношениями рыночными, то и подчинятся они будут законам товарного рынка. Основные из них – закон спроса и закон предложения.

Предложение – желание и возможность продать товар по определенной цене.

Спрос – это желание и возможность приобрести товар или услуги по определенной цене.

Закон предложения – существует прямая зависимость между ценой товара и величиной предложения этого товара. Чем дороже товар, тем больше желающих его продавать, ведь это выгодно.

Закон спроса – существует обратная зависимость между ценой товара и величиной спроса на этот товар. Чем дешевле товар, тем больше желающих его купить, ведь это выгодно.

Что мы с вами наблюдаем в магазинах в период распродаж – покупателей становится больше, все хотят купить товары дешевле. Представьте, чтобы происходило в магазинах, если бы цены на товары не снизили, а опустили до нуля? Я думаю, что бесплатные товары (не важно какие – главное бесплатно!) недолго бы

лежали на полках магазина. Все мы с вами помним печальные события нашей отечественной истории, происшедшие в мае 1896 года на Ходынском поле – тоже ситуация с бесплатными товарами.

Подобным образом формируется спрос и на «товар преступление». Число совершаемых преступлений находится в обратной зависимости от максимальных номинальных цен этих преступлений, определенных уголовным законодательством [7]. Чем «товар преступление» дороже (чем тяжелее наказание), тем меньше желающих купить его (совершить преступление), и, чем «товар преступление» дешевле (чем легче наказание), тем больше желающих купить его (совершить преступление).

Но тут главное не переборщить или говоря научным языком – нужно учитывать не только законы спроса и предложения, но и закон возрастающей предельной полезности уголовных наказаний (ЗВПУН) [8]. Иначе говоря, нельзя увеличивать строгость наказания бесконечно, вернее, можно, но польза от этого в виде снижения преступности будет только до определенного момента. Главное – не упустить этот самый момент.

Чтобы стало понятнее, приведу пример с конфетами и законом убывающей предельной полезности. Съедаем первую конфету – получаем наивысшее удовольствие, съедаем вторую – тоже хорошо, третью – нормально, четвертую – мы сыты, пятую – мы сыты по горло....десятую – мы объелись и нам плохо. В чем проблема? Почему нам плохо? Конфеты были замечательные, но мы не сумели вовремя остановиться.

Также и с наказанием – увеличение его строгости будет иметь положительный эффект до определенного момента, после которого мы можем получить результат, обратный желаемому. А полное отсутствие наказания приведет к зашкаливающему спросу на преступность – платить то не надо, бери что хочешь – ни в чем себе не отказывай. В противном случае можно повторить ошибку, сделанную в VII веке до нашей эры афинским законодателем Драконом (Драконтом), который издал свод законов, согласно которому практически все умышленные преступления карались смертной казнью. Когда его спросили, почему он назначил одинаковое наказание за убийство и за кражу виноградной грозди, он ответил, что даже мелкий воришка заслуживает казни, а за убийство он просто не мог придумать что-либо более суровое [5].

И что важно – все вышеуказанное – это не праздные рассуждения из разряда: «Я ТАК думаю!», – «А почему именно ТАК?», – «А почему бы и нет?....».

Эти законы безотказно и точно работающие в экономике, точно также безотказно и точно работают в юриспруденции, что подтверждается эмпирическими данными. Какой бы временной период мы не взяли, в какой бы стране и с каким бы законодательством не проводили исследование – результат будет тот же – спрос и предложение на «товар преступление» будет определяться ценой этих товаров (строгостью наказания) [11].

Продemonстрируем теорию в действии на примере России.

Для России 2018 года, если цена товара преступление возростала на один процентный пункт, то число зарегистрированных преступлений снижалось более чем на два процентных пункта. В общем виде уравнение спроса на товар преступление по цене описывается уравнением: $\hat{Q} = \alpha P^{-\beta}$, где $\hat{Q}$ – количество зарегистрированных преступлений в штуках (крышка на буквой показывает оценку по регрессионному

уравнению), P – цена товаров преступлений в годах лишения свободы, α и β – параметры. Интерпретация уравнения проста – если строгость уголовного наказания возрастает на один процентный пункт, то число зарегистрированных преступлений снижается на β процентных пунктов. Поскольку имеем дело со степенной функцией, постольку должны заметить, что бета здесь постоянный коэффициент эластичности, и он отвечает на вопрос, насколько процентов изменяется зависимая переменная при изменении независимой на один процент.

Нетрудно показать, что при нулевой цене на товары преступления их количество, согласно полученного уравнения: $\hat{Q} = \alpha P^{-\beta}$, устремится в бесконечность [7].

В подтверждение универсальности действия закона спроса и предложения на «товары преступления» приведем пример с Украиной.

В частности, мной проводилось исследование закона спроса на товары преступления на Украине по эмпирическим данным с 2007 по 2011 годы [11], которые в полной мере подтверждают верность ответа, данного профессором С.Г. Ольковым о смысле уголовного наказания, являющегося ценой товаров преступлений, сдерживающей спрос данной группы товаров на товарных рынках преступности.

В статье «О разъяснении природы уголовно-правовых отношений» профессором С.Г. Ольковым также строго доказано, что количество зарегистрированных преступлений является положительной линейной функцией от численности народонаселения вне зависимости от категоризации различных групп народонаселения. Правило здесь простое – чем выше численность народонаселения, тем больше число зарегистрированных преступлений.

После этого скучнейшего примера действия закона спроса на товары преступления у большинства юристов наверняка возникло желание спрятать голову в песок, сделать вид, что ничего не было, что старая добрая «юриспруденция без цифр» сможет прорваться через все эти формулы и выйти победительницей. Но, к сожалению, безжалостный прогресс, оставивший в свое время собирателей хлопка без работы, наступает на горло нашей старушке «классической юриспруденции». И сделать вид, что ничего не происходит, у нас у юристов не получится, потому что мы не одни в этом научном мире – кроме гуманитариев есть еще и технари и политика невмешательства сменяется активным внедрением.

Так, в частности, д.т.н. А.В. Данеев и к.т.н. Р.А. Данеев в своей научной статье «Аналитическая юриспруденция в исследовании юридических процессов» отмечают, что аналитическая юриспруденция со всем ее математическим арсеналом должна войти в спектр необходимого инструментария и тех, кто занимается нормотворчеством для измерения его эффективности, и тех, кто занимается профилактикой преступности, административных правонарушений, прогнозированием и т.д. [3].

Так что либо мы изменимся в соответствии с современным уровнем развития юридической науки, либо придут другие и займут наше место – решать нам.

ПОДВЕДЕМ ИТОГИ

Вот ответ профессора С.Г. Олькова на правильный вопрос графа Л.Н. Толстого:

Во-первых, уголовное наказание нужно, полезно и смысл его в снижении преступности. Наказание чрезвычайно важно, как решающий фактор сдерживания особо негативных форм социального поведения, которые признаны государством в

качестве товаров преступлений. На эти товары в зависимости от величины, содержащейся в них общественной опасности, установлены пропорциональные цены, которые, как и всякие иные цены на различные товары и услуги, оказывают сдерживающее воздействие на товарный спрос. При этом, как верно отмечает профессор С.Г. Ольков, цена не является единственным управляющим преступностью фактором, и общее уравнение спроса на товары преступления формулирует в статье «Установление фундаментальных физических законов спроса и предложения товара «преступление», цены преступлений, напряжения и мощности в социальных системах» [6].

Нижеприведенная схема наглядно демонстрирует возможные варианты развития события в зависимости от выбранного способа реагирования на преступность.

Во-вторых, спрос на товары преступления предъявляют различные группы населения в зависимости от их биологических и социальных характеристик,

но в зависимости от их уровня благосостояния, степени удовлетворения основных биологических потребностей, в особенности, потребности в пище, на что обращал внимание великий русский социолог Питирим Александрович Сорокин в своей знаменитой монографии «Голод как фактор. Влияние голода на поведение людей, социальную организацию и общественную жизнь» [12]. В частности он писал: «Голод как фактор» он писал: «При равенстве прочих условий рост преступности будет тем больше, чем: 1) больше число голодающих и чем сильнее степень их голодания, иными словами, чем меньше продовольственный дефицит покрывается иными способами; 2) чем резче в данном обществе имущественная дифференциация на голодных и богатых; 3) чем меньше богатые добровольно уступают голодным; 4) чем слабее и хуже налажен в стране общественный аппарат охраны достояния богатых (полиция, агентура, сыск, суд, система наказаний и т.п.); 5) чем меньше для снабжения голодных продовольствием делает власть агрегата и т.д.» [12].

Теперь, зная истинную природу уголовно-правовых отношений вообще и уголовного наказания в частности, зная каким законам они подчиняются, как правильно применять уголовные наказания, чтобы добиться максимально положительного эффекта, было бы просто не простительно не воспользоваться этим для улучшения нашей с вами жизни, для выстраивания правильной, научно-обоснованной уголовной политики государства, для оздоровления общества.

Список литературы

1. Бальзак О. Воспоминания двух юных жен. / Пер. с фр. О. Гринберг, В. Мильчиной. Вступит. ст., примеч. В Мильчиной. – М.: Эксмо, 2008. – 640 с.
2. Галилей Г. Избранные труды в двух томах. Том 1. Составитель У.И. Франкфурт. - Москва: Издательство «Наука», 1964.
3. Данеев А.В., Данеев Р.А. Аналитическая юриспруденция в исследовании юридических процессов // Глагол Правосудия. – 1(23). – 2020. – С. 13.
4. Крылов И.А. Басни. – Издательское предприятие «МИША». – 1991.
5. Миценко Ф. Г. Дракон, греческий законодатель // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона : в 86 т. (82 т. и 4 доп.). — СПб., 1890—1907.
6. Ольков С.Г. Установление фундаментальных физических законов спроса и предложения товара «преступление», цены преступлений, напряжения и мощности в социальных системах // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2019 Т. 10, № 3 С. 264-276. DOI: 10.24420/KUI.2019.19.50.002
7. Ольков С.Г. О разьяснении природы уголовно-правовых отношений // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2019. Т. 10, № 2. С. 128-142. DOI: 10.24420/KUI.2019.11.33.002
8. Ольков С.Г. Доказательство закона возрастающей предельной полезности уголовных наказаний и инверсии субъекта в функциях совокупной и предельной полезности этих наказаний. Законы спроса и предложения преступности // Известия высших учебных заведений. Уральский регион. – 2017. - № 3. – С. 14-31.
9. Ольков С.Г. Откровенный разговор о юридической науке: значение и недостатки отрасли. – 2007. - №2. - С. 117-127.
10. Ольков С.Г. Критика диалектического подхода и новая методологическая система юриспруденции. – 2010. - № 1. – С.
11. Олькова О.А. Исследование закона спроса на товары преступления по цене по данным МВД Украины // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки, - 2019, №4. Т.5(71). С. 188-196.
12. Сорокин П.А. Голод как фактор. Влияние голода на поведение людей, социальную организацию и общественную жизнь. – М.: Academia & LVS, 2003. С. 322.
13. Толстой Л.Н. Воскресение / Л.Н. Толстой. – М., «Худож. лит.», 1975. С. 488.
14. Шекли Р. Верный вопрос / Р. Шекли

Olkova O. A. About the meaning of criminal punishment. Answer of professor s. G. Olkov to count I. N. Tolstoy. (120 years later). / O. A. Olkova // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean federal university. Juridical science. – 2020. – T. 6 (72). № 3. – P. 391-401.

The purpose of the scientific article is to show the statement of the fundamental world problem about the meaning of criminal punishment by the outstanding Russian writer L. N. Tolstoy in 1899 in the work "Sunday", and its exact practical solution by Professor S. G. Olkov in 2019 in the article "on explaining the nature of criminal law relations".

Keywords: mathematics, exact science, scientific methodology, law, criminal law, criminology, criminometry, criminal Executive law, crime, punishment, justice, law of demand, law of supply, scientific results, laws, regularities, trends.

Scientific methods: observation, comparison, methods of mathematical analysis, probability theory and mathematical statistics.

Scientific result: 1) it is proved that the value of criminal penalties is not axiomatic; 2) it is proved that the great Russian thinker L. N. Tolstoy managed in the late nineteenth century to formulate precisely the main problem of the world of criminal policy, but failed to solve it in the absence in his time the precise legal science, which emerged in the beginning of the twenty-first century; 3) it is proved that the fundamental historical problem of the meaning and value of criminal penalties was exactly solved by mathematical means, by Professor S. G. Olkov, in the beginning of the XXI century; 4) the author's flowchart discloses the consequences of erroneous and accurate creation and application of criminal law norms.

Practical significance: the obtained scientific results, presented in an accessible form, allow the General scientific community, politicians, students and other interested persons to understand the complex nature and meaning of criminal law relations; avoid numerous theoretical and practical errors in explaining, predicting and managing criminal behavior; understand the importance of accurate legal science in solving fundamental problems of humanity, creating a more perfect and healthy society.

Spisok Literaturey

1. Bal'zak O. Vospominaniya dvuh yunyh zhen. / Per. s fr. O. Grinberg, V. Mil'chinox. Vstupit. st., primech. V Mil'chinox. – M.: Eksmo, 2008. – 640 s.
2. Galilej G. Izbrannye trudy v dvuh tomah. Tom 1. Sostavitel' U.I. Frankfurt. - Moskva: Izdatel'stvo «Nauka», 1964.
3. Daneev A.V., Daneev R.A. Analiticheskaya yurisprudenciya v issledovanii yuridicheskikh processov // Glagol Pravosudiya. – 1(23). – 2020. – S. 13.
4. Krylov I.A. Basni. – Izdatel'skoe predpriyatie «MISHA». – 1991.
5. Mishchenko F. G. Drakon, grecheskij zakonodatel' // Enciklopedicheskij slovar' Brokgauza i Efrona : v 86 t. (82 t. i 4 dop.). — SPb., 1890—1907.
6. Ol'kov S.G. Ustanovlenie fundamental'nyh fizicheskikh zakonov sprosa i predlozheniya tovara «prestuplenie», ceny prestuplenij, napryazheniya i moshchnosti v social'nyh sistemah // Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2019 T. 10, № 3 S. 264-276. DOI: 10.24420/KUI.2019.19.50.002
7. Ol'kov S.G. O raz'yasnenii prirody ugovorno-pravovykh otnoshenij // Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2019. T. 10 , № 2. S. 128-142. DOI: 10.24420/KUI.2019.11.33.002
8. Ol'kov S.G. Dokazatel'stvo zakona vozrastayushchej predel'noj poleznosti ugovolovnykh nakazaniy i inversii sub"ekta v funkciyah sovokupnoj i predel'noj poleznosti etih nakazaniy. Zakony sprosa i predlozheniya prestupnosti // Izvestiya vysshih uchebnykh zavedenij. Ural'skij region. – 2017. - № 3. – S. 14-31.
9. Ol'kov S.G. Otkrovennyj razgovor o yuridicheskoy nauke: znachenie i nedostatki otrasli. – 2007. - №2. - S. 117-127.
10. Ol'kov S.G. Kritika dialekticheskogo podhoda i novaya metodologicheskaya sistema yurisprudencii. – 2010. - № 1. – S.
11. Ol'kova O.A. Issledovanie zakona sprosa na tovary prestupleniya po cene po dannym MVD Ukrainy // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. YUridicheskie nauki, - 2019, №4. T.5(71). S. 188-196.
12. Sorokin P.A. Golod kak faktor. Vliyanie goloda na povedenie lyudej, social'nyu organizaciyu i obshchestvennyu zhizn'. – M.: Academia & LVS, 2003. S. 322.
13. Tolstoj L.N. Voskresenie / L.N. Tolstoj. – M., «Hudozh. lit.», 1975. S. 488.
14. SHekli R. Vernyj vopros / R. SHekli

УДК 347.214.2

DOI: 10.37279/2413-1733-2020-6-3-402-408

ПРИМЕНЕНИЕ ЮРИДИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЙ ВЗАИМОСВЯЗИ ОБЪЕКТОВ В РАМКАХ КОНЦЕПЦИИ ЕДИНОГО ОБЪЕКТА НЕДВИЖИМОСТИ

Семенова Е.Г.

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

В статье в рамках концепции единого объекта недвижимости рассматриваются закрепленные в отечественном законодательстве юридические конструкции взаимосвязи земельного участка и объектов, размещенных на нем, как сложной вещи, неделимой вещи, главной вещи и принадлежности. Обосновано, что конструкция единого объекта исключает возможность признания в качестве его составных частей самостоятельных вещей. Установлено, что специфика физических, экономических и социальных характеристик недвижимости определяет связь земельного участка и размещенных на нем объектов (зданий, сооружений, объектов незавершенного строительства) как составных частей неделимой вещи. Соответственно правовым режимом недвижимости могут наделяться две категории вещей: 1) земельный участок; 2) земельный участок с размещенными на нем объектами (зданиями, сооружениями, объектами незавершенного строительства) как неделимая вещь.

Ключевые слова: недвижимость, единый объект недвижимости, единый недвижимый комплекс, главная вещь и принадлежность, сложная вещь, составная часть вещи, неделимая вещь.

Эффективное правовое регулирование отношений в сфере недвижимости требует совершенствования положений гражданского законодательства, в том числе об объектах гражданских прав. Так, одной из наиболее острых проблем гражданского права является вопрос взаимосвязи прав на земельный участок, как объект недвижимости, с правами на размещенные на нем иные объекты, которые законом также отнесены к категории недвижимости (здания, сооружения, объекты незавершенного строительства и иные объекты, прочно связанные с землей) (ст. 130 Гражданского кодекса РФ).

Следует отметить, что отечественный законодатель в Главе 6 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ) в качестве объектов гражданских прав закрепляет как единичные вещи, так и различные виды их совокупностей, где каждый объект может быть: 1) самостоятельным объектом гражданских прав (ст. 134 ГК РФ), 2) принадлежностью вещи (ст. 135 ГК РФ), 3) составной частью вещи (ст. 133, 133.1 ГК РФ). Наделение объекта правовым режимом конкретной вещи имеет определяющее значение в отношениях, поскольку обуславливает их содержание, которое может формироваться на основании принципа единой судьбы объектов или принципа единого объекта.

В настоящее время в России сложился режим оборота недвижимости, в котором одновременно и земельный участок и объекты, размещенные на нем, в том числе здания, сооружения, объекты незавершенного строительства, объявляются самостоятельными недвижимыми вещами. Существование права собственности на

различные соединенные между собой вещи, которые фактически составляют функциональное единство, дает основание утверждать, что отечественное законодательство развивается в направлении принципа единой судьбы объектов. При этом соотношение прав на земельный участок с правами на размещенные на нем объекты определяется различным образом: как путем установления приоритета прав на земельный участок (подп. 5 п. 1 ст. 1 Земельного кодекса РФ), так и приоритета прав на размещенные на нем объекты (ст. 35 Земельного кодекса РФ). Последняя модель юридического соотношения прав получила закрепление и в гражданском законодательстве (ст. 273, 552 ГК РФ).

Реализация в законе подобной конструкции соединения вещей, при которой объекты, сохраняя определенную юридическую самостоятельность, имеют подчиненное положение, предопределяет доктринальное понимание такого соединения как принадлежности основной вещи [1, с. 70; 2, с. 17; 3, с. 42].

Деление вещей на главную и принадлежность закреплено в ст. 135 ГК РФ. При толковании положений данной статьи распространенным является мнение, что главная вещь и принадлежность – это самостоятельные вещи, которые связаны общим назначением, что не исключает их раздельного отчуждения, если сторонами в договоре будет это предусмотрено. Говоря непосредственно о недвижимости, обосновывается, что совокупность исключительно недвижимых вещей не может строиться по принципу – «главная вещь-принадлежность» [4, с. 41; 5, с. 316], они могут образовывать только сложные недвижимые вещи [6; 7; 8]. Так, В.А. Лапач отмечает, что в «качестве исходного закон использует понятие недвижимой вещи как единичный недвижимый объект либо совокупность разнородных недвижимых вещей, образующих единое целое, предполагающее использование по общему назначению – «сложная вещь» [9]. По мнению С.В. Нарушкевич «любой объект недвижимости является по своей правовой природе сложной вещью» [7, с. 43].

С целью разрешения сложившегося противоречия исследователи зачастую обращаются к опыту регулирования соответствующих отношений в немецком праве, которое устанавливает, что принадлежностью являются только движимые вещи, которые объединены с главной вещью не конструктивно, а общим пространством (§ 97 Германского гражданского уложения). Перечисляя в § 98 принадлежности, которые могут служить хозяйственному назначению главной вещи (оборудование, скот, средства производства, инвентарь и удобрения), Германское гражданское уложение отдельно закрепляет порядок приобретения и отчуждения принадлежностей земельного участка (§ 926) [10].

Учитывая изложенное, в отечественной доктрине предлагается объекты недвижимости рассматривать в качестве сложных вещей, в том случае, если элементы сложной вещи физически связаны между собой. По мнению С.А. Степанова, сложная недвижимая вещь, отличная от конструкции традиционной сложной вещи, представляет собой комплекс двух и более объектов недвижимого имущества, объединенных общим назначением, организационно и технологически взаимосвязанных, выполняющих единую хозяйственную функцию и расположенных на едином обособленном земельном участке [11].

Вместе с тем, согласно определению сложной вещи, приведенному в ст. 134 ГК РФ, физическая связь вещей, которые используются по общему назначению, не является квалифицирующим признаком. Говоря о самостоятельности вещи,

входящей в состав сложной вещи, в силу диспозитивности правила ст. 134 ГК РФ, ее использование может осуществляться, как и в случае с главной вещью, отдельно.

В рамках концепции самостоятельных объектов гражданских прав в сфере недвижимости обосновывается возможность существования конструкции составной недвижимой вещи – объекта недвижимого имущества, содержащего в своих пространственных границах иные недвижимости [4, с. 40; 11; 12, с. 34]. Исследуя данную конструкцию, необходимо отметить, что в действующем гражданском законодательстве правовой режим непосредственно составной вещи не определяется. В качестве составных частей упоминаются компоненты неделимой вещи как единого объекта права (ст. 133 ГК РФ). Основным признаком составной части вещи является невозможность отделения от единого объекта без повреждения или изменения назначения. При переходе права на объект по ст. 133 ГК РФ, которая имеет императивный характер, ее составные части не подлежат какому-либо выделению.

Исходя из указанного, в контексте исследуемой проблематики, определяющее значение в механизме возникновения, перехода и прекращения права собственности на недвижимую вещь, определения юридической судьбы ее компонентов имеет правильное применение юридических конструкций взаимосвязи объектов, предусмотренных Главой 6 ГК РФ.

Специфика физических, экономических и социальных характеристик недвижимости обуславливает необходимость рассматривать находящиеся на земельном участке объекты (здания, сооружения, объекты незавершенного строительства) как составные части единого объекта, которые не признаются отдельными вещами, не могут быть самостоятельными объектами вещных прав [13].

Необходимость совершенствования подхода к определению правового режима недвижимости подчеркивается в Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации 2009 г. Так, конструкцию единого объекта недвижимости предлагается использовать в тех случаях, когда земельный участок и находящееся на нем недвижимое имущество принадлежат одному собственнику [14]. Кроме того, в рамках реализации положений Концепции в ГК РФ было осуществлено введение нового объекта – единого недвижимого комплекса (ст. 133.1 ГК РФ), что, в свою очередь, получило неоднозначную оценку со стороны правоведов [4, с. 42; 15]. Причиной научной полемики послужило содержательное совпадение конструкции единого недвижимого комплекса с конструкцией сложной вещи, различие которых, по мнению В.А. Алексеева, проявляется лишь в том, что ст. 134 ГК РФ содержит признак соединения в общем виде, а в ст. 133.1 ГК РФ характер соединения конкретизируется - речь идет о физической или технологической связи [15].

В ГК РФ единый недвижимый комплекс представлен как объект, включающий в себя: а) совокупность зданий, сооружений и иных вещей, связанных физически или технологически, либо б) совокупность земельного участка и расположенных на нем вещей. При этом практика исходит из того, что здания и сооружения, образующие единый недвижимый комплекс, могут быть расположены на разных земельных участках [16].

Толкование положений ст. 133.1 ГК РФ дает основание предполагать, что единый недвижимый комплекс подразумевает объединение различных как движимых, так и недвижимых вещей, права на которые в силу законодательства должны быть зарегистрированы. Считаем, что для формирования единого объекта (в

качестве которого в настоящее время позиционируется единый недвижимый комплекс) необходимо объединять не юридические судьбы различных вещей, не унифицировать вещные права на них, а объединить сами объекты - земельный участок и расположенные на нем здания или сооружения.

Комментируя закрепление в законодательстве единого недвижимого комплекса, как самостоятельного объекта недвижимости, В.В. Витрянский объясняет это тем, что предполагаемый в Концепции подход подразумевал исключение из перечня объектов недвижимого имущества предприятий и установления специального законодательного регулирования в отношении такого объекта гражданских прав, как «технологический имущественный комплекс», а не введение единого объекта недвижимости [17]. Данную позицию следует признать абсолютно верной, поскольку выделение земельного участка как одного из возможных (но не обязательных) составных элементов недвижимого комплекса, наравне со зданиями и сооружениями и иными (в том числе движимыми) вещами, не укладывается в концепцию единого объекта недвижимости.

В действующем законодательстве заложены предпосылки для того, чтобы рассматривать земельный участок как единый объект. Это вытекает из положений п. 2 и 3 ст. 261 ГК РФ, определяющей содержание права собственности на земельный участок. В то же время реализация конструкции единого объекта требует осуществления комплекса законодательных мер, которые будут направлены на закрепление структуры такого объекта.

Актуальность данной проблемы подтверждается принятием определенных мер, направленных на совершенствование действующего законодательства в данной сфере. Так, в проекте федерального закона «О внесении изменений в Гражданский кодекс Российской Федерации» [18] (далее – законопроект), подготовленного в рамках Концепции изменений федерального законодательства, направленных на создание правового режима единого объекта недвижимости от 4 марта 2016 г., уточняется правовое регулирование в отношении единого недвижимого комплекса, сложной и неделимой вещи.

В частности, в законопроекте единый недвижимый комплекс рассматривается как сложная вещь – совокупность земельного участка и иных расположенных на нем недвижимых вещей (зданий, объектов незавершенного строительства, сооружений), которые находятся в собственности одного лица, в том числе после прекращения существования комплекса. Относительно зданий, объектов незавершенного строительства подчеркивается, что они считаются неотделимыми улучшениями земельного участка, при условии, что права на них не будут отдельно зарегистрированы. При этом в законопроекте допускается выделение зданий, сооружений, объектов незавершенного строительства, если они отвечают установленным признакам, в качестве самостоятельных недвижимых вещей.

Указанные объекты недвижимости по замыслу авторов законопроекта могут иметь улучшения, являющиеся составными частями недвижимой вещи, которые, в свою очередь, подразделяются на неотделимые («прочно прикрепленные к недвижимости вещи, выдел которых невозможен без разрушения, повреждения данной вещи и (или) недвижимости») и отделимые.

Как можем видеть, используя категорию составной части неделимой вещи, авторы законопроекта в качестве такой определяют непосредственно вещь, и, более

того, указывают на возможность самостоятельного участия «составной части вещи – отделимого улучшения» в гражданском обороте.

Указанное свидетельствует, что подобным образом сконструированные нормы не могут способствовать решению проблемы определения структуры единого объекта и обеспечивать эффективное регулирование отношений в сфере недвижимости.

Подобный подход к определению структуры единого объекта наблюдается в законодательстве некоторых европейских стран, в том числе, Германии, где, закрепляя деление на существенные и несущественные составные части вещи, устанавливается возможность последних (несущественных составных частей) выступать в качестве объектов самостоятельных прав. Необходимость закрепления понятия «существенная составная часть» земельного участка отмечается отечественными исследователями, которые поддерживают переход на немецкую модель гражданско-правового регулирования оборота недвижимости [19, с. 10].

Считаем, что если связь объектов не образует единую неделимую вещь, то квалифицировать такие объекты в качестве составных частей не является обоснованным. В правовом значении земельный участок и находящиеся на нем объекты, прочно прикрепленные к участку, представляют собой не совокупность вещей, а формируют одну неделимую вещь, как объект недвижимости.

Исследование сущности недвижимости и получение взаимодополняющих и непротиворечивых знаний о ее характеристиках в различных интервалах абстракции – физическом (как земельного участка, в том числе с имеющимися составными частями), экономическом (как блага, стоимость которого определяется ценностью земли и обусловленными связью с ней характеристиками (стационарность, уникальность, долговечность, сложность, ограниченность, капиталоемкость) объектов, расположенных на ней), социальном (как определяемого ее ценностью объективно и субъективно пригодного средства удовлетворения потребностей социальных субъектов), а также правовом (как объекта, относительно которого установлен соответствующий правовой режим) – позволило выработать понятие недвижимости как гражданско-правовой категории – это объекты, в отношении которых, исходя из их физической (материальной) природы, экономической ценности и социальной значимости установлен соответствующий правовой режим [20]. Правовым режимом недвижимости могут наделяться две категории вещей: 1) земельный участок; 2) земельный участок с размещенными на нем объектами (зданиями, сооружениями, объектами незавершенного строительства) как неделимая вещь.

Таким образом, в рамках концепции единого объекта недвижимости такие объекты, размещенные на земельном участке, как здания, сооружения, объекты незавершенного строительства невозможно признавать в качестве самостоятельных объектов права. Конструкция единого объекта исключает возможность признания в качестве его составных частей самостоятельных вещей. Осуществленный анализ различных закрепленных в отечественном законодательстве конструкций взаимосвязи объектов позволяет сделать вывод о наличии связи земельного участка и размещенными на нем объектами (зданиями, сооружениями, объектами незавершенного строительства) как составных частей неделимой вещи.

Список литературы

1. Аверченко Н.Н. Сложная вещь как объект вещного права // Вещные права: постановка проблемы и ее решение: сб. ст. / рук. авт. кол. и отв. ред. М.А. Рожкова. М.: Статут, 2011.
2. Крамкова Т.В. Гражданско-правовой режим земельного участка: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006.
3. Корнеев А.Л. Сделки с земельными участками: Учебное пособие. М., 2006.
4. Калининченко К.С. Правовой режим земельного участка и расположенных на нем зданий, сооружений в России и Германии: дис. ... канд. юрид. наук. СПб, 2016.
5. Российское гражданское право: Учебник: В 2 т. Т. 1: Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права / Отв. ред. Е.А. Суханов. 2-е изд., стереотип. М.: Статут, 2011.
6. Степанов С.А. Система объектов недвижимого имущества в гражданском праве: теоретические проблемы: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2004.
7. Нарушкевич С.В. Имущественный комплекс в гражданском праве России: вопросы теории и практики. М.: Директ-Медиа, 2014.
8. Кузьмина И.Д. Правовой режим зданий и сооружений как объектов недвижимости: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005.
9. Лапач В.А. Система объектов гражданских прав: Теория и судебная практика. СПб, 2002.
10. Германское право. Справ. изд. М., 1996. Часть 1. Гражданское уложение. 1996.
11. Степанов С.А. Составная недвижимая вещь // Журнал российского права. 2004. № 8.
12. Бевзенко Р.С. Земельный участок с постройками на нем: введение в российское право недвижимости. М., 2017.
13. Семенова Е.Г. Интегрирующее основание системы объектов гражданско-правовых отношений в сфере недвижимости // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. № 10.
14. Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации (одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 7 октября 2009 г.) // Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс»
15. Алексеев В.А. Единый недвижимый комплекс и сложная недвижимая вещь: вопросы соотношения // Закон. 2018. № 3.
16. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2015. № 8.
17. Витрянский В.В. Реформа российского гражданского законодательства: промежуточные итоги. М.: Статут, 2016.
18. Проект Федерального закона «О внесении изменений в Гражданский кодекс Российской Федерации в части совершенствования гражданского оборота недвижимости и создания режима единого объекта недвижимости» (подготовлен Минэкономразвития России 27.02.2017). URL: <https://regulation.gov.ru/p/62515>
19. Чубаров В.В. Проблемы правового регулирования недвижимого имущества: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2006.
20. Семенова Е.Г. Недвижимость как правовая категория: опыт интервального анализа // Общество и право. 2016. №4 (58). С. 215-221.

Semenova E. G. Application of legal constructions of interconnection of objects within the concept of a single property object // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2020. – Т. 6 (72). № 3. – P. 402-408.

In the article, within the framework of the concept of a single real estate object, the legal structures of the relationship between the land plot and the objects located on it, enshrined in domestic legislation, are considered as a complex thing, an indivisible thing, the main thing and belonging. It has been substantiated that the design of a single object excludes the possibility of recognizing independent things as its constituent parts. It has been established that the specificity of the physical, economic and social characteristics of real estate determines the connection between the land plot and the objects located on it (buildings, structures, objects of unfinished construction) as components of an indivisible thing. Accordingly, the legal regime of real estate can be endowed with two categories of things: 1) land plot; 2) a land plot with objects located on it (buildings, structures, objects of unfinished construction) as an indivisible thing.

Key words: real estate, a single real estate object, a single real estate complex, the main thing and accessory, a complex thing, an integral part of a thing, an indivisible thing.

Spisok literature:

1. Averchenko N.N. Slozhnaya veshh` kak ob`ekt veshhnogo prava // Veshhny`e prava: postanovka problemy` i ee reshenie: sb. st. / ruk. avt. kol. i otv. red. M.A. Rozhkova. M.: Statut, 2011.
2. Kramkova T.V. Grazhdansko-pravovoy rezhim zemel`nogo uchastka: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2006.
3. Korneev A.L. Sdelki s zemel`ny`mi uchastkami: Uchebnoe posobie. M., 2006.
4. Kalinichenko K.S. Pravovoy rezhim zemel`nogo uchastka i raspolozhenny`x na nem zdaniy, sooruzheniy v Rossii i Germanii: dis. ... kand. yurid. nauk. SPb, 2016.
5. Rossijskoe grazhdanskoe pravo: Uchebnik: V 2 t. T. I. Obshhaya chast`. Veshhnoe pravo. Nasledstvennoe pravo. Intellektual`ny`e prava. Lichny`e neimushchestvenny`e prava / Otv. red. E.A. Suxanov. 2-e izd., stereotip. M.: Statut, 2011.
6. Stepanov S.A. Sistema ob`ektov nedvizhimogo imushhestva v grazhdanskom prave: teoreticheskie problemy`: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk. Ekaterinburg, 2004.
7. Narushkevich S.V. Imushchestvenny`j kompleks v grazhdanskom prave Rossii: voprosy` teorii i praktiki. M.: Direkt-Media, 2014.
8. Kuz`mina I.D. Pravovoy rezhim zdaniy i sooruzheniy kak ob`ektov nedvizhimosti: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk. M., 2005.
9. Lapach V.A. Sistema ob`ektov grazhdanskix prav: Teoriya i sudebnaya praktika. SPb, 2002.
10. Germanskoe pravo. Sprav. izd. M., 1996. Chast` 1. Grazhdanskoe ulozhenie. 1996.
11. Stepanov S.A. Sostavnaya nedvizhimaya veshh` // Zhurnal rossijskogo prava. 2004. № 8.
12. Bevzenko R.S. Zemel`ny`j uchastok s postrojkami na nem: vvedenie v rossijskoe pravo nedvizhimosti. M., 2017.
13. Semenova E.G. Integriruyushhee osnovanie sistemy` ob`ektov grazhdansko-pravovy`x otnoshenij v sfere nedvizhimosti // Gumanitarny`e, social`no-e`konomicheskie i obshhestvenny`e nauki. 2017. № 10.
14. Konceptiya razvitiya grazhdanskogo zakonodatel`stva Rossijskoj Federacii (odobrena resheniem Soveta pri Prezidente RF po kodifikacii i sovershenstvovaniyu grazhdanskogo zakonodatel`stva ot 7 oktyabrya 2009 g.) // Dostup iz spravocnoy pravovoj sistemy` «Konsul`tantPlyus»
15. Alekseev V.A. Ediny`j nedvizhimy`j kompleks i slozhnaya nedvizhimaya veshh`: voprosy` sootnosheniya // Zakon. 2018. № 3.
16. Postanovlenie Plenuma Verxovnogo Suda RF ot 23 iyun. 2015 g. № 25 «O primenenii sudami nekotory`x polozhenij razdela I chasti pervoj Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii» // Byulleten` Verxovnogo Suda Rossijskoj Federacii. 2015. № 8.
17. Vitryanskij V.V. Reforma rossijskogo grazhdanskogo zakonodatel`stva: promezhutochny`e itogi. M.: Statut, 2016.
18. Proekt Federal`nogo zakona «O vnesenii izmenenij v Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii v chasti sovershenstvovaniya grazhdanskogo oborota nedvizhimosti i sozdaniya rezhima edinogo ob`ekta nedvizhimosti» (podgotovlen Mine`konomrazvitiya Rossii 27.02.2017). URL: <https://regulation.gov.ru/p/62515>
19. Chubarov V.V. Problemy` pravovogo regulirovaniya nedvizhimogo imushhestva: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk. M., 2006.
20. Semenova E.G. Nedvizhimost` kak pravovaya kategoriya: opy`t interval`nogo analiza // Obshhestvo i pravo. 2016. №4 (58). S. 215-221.

НАШИ АВТОРЫ

- Аблятипова Н. А.** кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Крымского филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия», заслуженный юрист Республики Крым
- Авдеев И.М.** обучающийся 4 курса юридического факультета Таврической академии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского
- Авдеева Н.И.** соискатель кафедры гражданского права ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет»
- Аведян А. А.** преподаватель кафедры уголовного права и криминологии Краснодарского университета МВД России
- Баграмян С.Л.** преподаватель кафедры специальных дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета МВД России
- Басов А.В.** доктор юридических наук, доц., заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин Крымского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации
- Басова Ю.Ю.** кандидат юридических наук, доцент кафедры прокурорского надзора и участия прокурора в гражданском, арбитражном и административном процессе Крымского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации
- Васильев С.А.** кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и административного права Севастопольского государственного университета
- Волков В.Ю.** кандидат юридических наук, доцент кафедры административного и финансового права Крымского филиала ФГБОУВО "Российский государственный университет правосудия"
- Гаук А.М.** аспирант кафедры истории и теории государства и права юридического факультета Таврической академии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского
- Горбенко Т.В.** адъюнкт кафедры уголовного процесса Краснодарского университета МВД России
- Елькина А.С.** обучающаяся юридического факультета Таврической академии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского

Елькина Т.В.	старший преподаватель кафедры предпринимательского и экологического права юридического факультета Таврической академии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского
Журба О.Л.	кандидат юридических наук, заместитель начальника кафедры уголовного процесса и криминалистики Крымского филиала Краснодарского университета МВД России
Заброда Д.Г.	кандидат юридических наук, доц., профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Крымского филиала Краснодарского университета МВД России
Зырянов И.В.	кандидат юридических наук, доц., профессор кафедры административного права и административной деятельности ОВД Крымского филиала Краснодарского университета МВД России
Игнатов А. Н.	доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии Крымского филиала Краснодарского университета МВД России
Капранов А.В.	кандидат юридических наук, доц., доцент кафедры судебной экспертизы и криминалистики Ростовского государственного экономического университета (РИНХ)
Капанова Ю.В.	кандидат юридических наук, доц., доцент кафедры административного права Ростовского юридического института МВД России
Кашкаров А.А.	доктор юридических наук, доц., начальник кафедры уголовного права и криминологии Крымского филиала Краснодарского университета МВД России
Коноплев В.В.	доктор юридических наук, профессор кафедры предпринимательского и экологического права юридического факультета Таврической академии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, заслуженный юрист Автономной Республики Крым
Коренюгин В.В.	кандидат юридических наук, преподаватель кафедры административного права Ростовского юридического института МВД России
Кошман В.А.	кандидат юридических наук, преподаватель кафедры теории и истории государства и права ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»
Лакиза А.А.	кандидат философских наук, юрисконсульт, ИП
Лукашева Н.Н.	кандидат юридических наук, доц., доцент кафедры гражданского и трудового права юридического факультета Таврической академии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского

- Макайда П.А.** обучающийся I курса магистратуры Крымского филиала ФГБОУВО "Российский государственный университет правосудия"
- Максимов А.Е.** эксперт ГУ МВД России по г. Москве
- Максимов П.В.** кандидат юридических наук Краснодарского университета МВД России
- Мерказова В.А.** преподаватель кафедры специальных дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета МВД России
- Миронова О.А.** кандидат юридических наук, доц., начальник кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета МВД России
- Мухамедова Э.Э.** кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского и трудового права юридического факультета Таврической академии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского
- Никулин М.И.** доктор юридических наук, профессор кафедры административного и финансового права Крымского филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия», заслуженный юрист Российской Федерации
- Новикова Т.В.** кандидат юридических наук, доц., декан факультета подготовки специалистов для судебной системы (юридический факультет) СКФ ФГБОУВО «РГУП», г. Краснодар
- Овсепян Г.М.** кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры административного права и административной деятельности ОВД Крымского филиала Краснодарского университета МВД России
- Ольков С.Г.** доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета Таврической академии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского
- Олькова О. А.** кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета Таврической академии Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
- Осяк А.Н.** кандидат юридических наук, начальник кафедры административного права Ростовского юридического института МВД России

- Пашнева В.А.** кандидат юридических наук, доцент кафедры истории и теории государства и права юридического факультета Таврической академии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского
- Поддубняк А.А.** кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики юридического факультета Таврической академии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского
- Поштарук Д.А.** кандидат юридических наук, заместитель начальника Крымского филиала Краснодарского университета МВД России
- Раднева Е.Г.** старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики Крымского филиала Краснодарского университета МВД России
- Рерих Л.А.** главный специалист правового отдела Департамента городского хозяйства администрации города Симферополя Республики Крым
- Рогожин Н.В.** обучающийся 3 курса Крымского филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»
- Руденко А.В.** старший преподаватель кафедры гражданского и трудового права юридического факультета Таврической академии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского
- Сапунова Т.Г.** преподаватель кафедры административного права Ростовского юридического института МВД России
- Сафонов Д.А.** кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики Крымского филиала Краснодарского университета МВД России
- Семенова Е. Г.** кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета МВД России
- Сибилева А. Ю.** доцент кафедры истории и теории государства и права юридического факультета Таврической академии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, заведующий кафедрой, заместитель декана по воспитательной работе юридического факультета
- Скреля К. Ю.** ассистент кафедры предпринимательского и экологического права юридического факультета Таврической академии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского

Сонин О.Е.	кандидат юридических наук, доц., заведующий кафедрой гражданского и трудового права юридического факультета Таврической академии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского
Титова К.А.	кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса Краснодарского университета МВД России
Тихий И.В.	слушатель Крымского филиала Краснодарского университета МВД России
Торопов С. А.	кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Крымского филиала Краснодарского университета МВД России
Трифонов С.Г.	кандидат юридических наук доц. кафедры государственно-правовых дисциплин Крымского филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»
Трифорова К.В.	кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права, доцент кафедры административного и финансового права Крымского филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»
Ульянова И.Р.	заместитель начальника кафедры уголовного процесса Краснодарского университета МВД России
Ходусов А.А.	кандидат юридических наук, доц., заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин Международного юридического института
Цуканова Е. Ю.	кандидат юридических наук, доц. ФГАОУ ВО «Белгородский национальный исследовательский университет»
Цындра В.Н.	кандидат юридических наук, заместитель начальника кафедры специальных дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета МВД Росси
Чайка А.В.	обучающаяся юридического факультета Таврической академии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского
Шармоянц А.Н.	кандидат юридических наук, доцент кафедры истории и теории государства и права юридического факультета Таврической академии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского
Шишина Е.А.	старший преподаватель кафедры оперативно-розыскной деятельности и специальной техники Крымского филиала Краснодарского университета МВД России
Юдин И.В.	соискатель кафедры гражданского процесса ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА; ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ

Васильев С. А.

Размышления об источнике власти в российской федерации 3

Пашнева В. А., Паршичева И. Е.

Социально-экономическое положение и правовой статус еврейского населения в Крыму в XIX в. 9

Трифонов С. Г.

Конституция как объект правовой защиты: историко-теоретический аспект 30

Шармоянц А. Н.

Особенности обеспечения безопасности торгового мореплавания в первой половине XX века в СССР 42

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО; КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС; МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

Сибилева А. Ю.

К вопросу о правовом статусе федеральных территорий 49

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО; ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО; СЕМЕЙНОЕ ПРАВО; МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС; АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС; ТРУДОВОЕ ПРАВО; ПРАВО СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

Аблятипова Н. А., Рогожин Н. В.

Проблема толкования критерия добросовестности, ограничивающего сферу действия механизма приобретательной давности 57

Авдеева Н. И.

Взыскание алиментов в соответствии с законодательством об исполнительном производстве в Российской Федерации 67

Зырянов И. В.

Причины и условия возникновения асоциального поведения в семейно-бытовой сфере 78

Лукашева Н. Н.

Тенденция к утверждению идеи судебного правотворчества в процессуальном законодательстве и судебной практике	84
Мухамедова Э. Э.	
Личное неимущественное право на благоприятную окружающую среду	90
Руденко А. В., Чайка А. В.	
Коллизионно-правовые вопросы регулирования лишения дееспособности физических лиц и значение данного статуса для иных отраслей права	98
Сонин О. Е., Елькина А. С.	
Влияние системы гражданско-правовых договоров на признание трудовыми отношений, основанных на гражданско-правовых договорах	105
Цуканова Е. Ю.	
Пределы формирования фактического состава как основания возникновения правовых последствий	112
Юдин И. В.	
Предмет судебной экспертизы в гражданском судопроизводстве	121

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ; УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

Кашкаров А. А., Поштарук Д. А.	
Уголовно-правовая характеристика укрывательства преступления	126
Лакиза А. А.	
Философско-правовой подход к установлению родового признака собирательного понятия коррупции	132
Максимов П. В.	
«Шайка» как форма преступного соучастия в дореволюционном уголовном законодательстве (в контексте последующей трансформации в «банду»)	142
Мерказова В. А.	
Проблемы квалификации преступления, связанного с вовлечением несовершеннолетнего в преступную деятельность	150
Ольков С. Г.	
Энергия и сила в системе правовых отношений	158
Ходусов А. А.	
Пробелы уголовного законодательства России, связанные с защитой авторских и смежных прав	166

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС; КРИМИНАЛИСТИКА; СУДЕБНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, ПРОКУРОРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Баграмян С. Л. 173

Некоторые особенности тактики осмотра места происшествия по преступлениям, связанным с незаконным поиском и(или) изъятием археологических предметов из мест залегания (ст.243.2 УК РФ)..... 173

Басова Ю. Ю.

Функциональная структура системы обеспечения законности в чрезвычайных ситуациях..... 181

Горбенко Т. В.

Ускоренное досудебное производство по уголовным делам: историко-правовой анализ становления и развития 190

Журба О. Л., Раднева Е. Г.

Институт «неотложных следственных действий» в отечественном и зарубежном уголовном процессе 197

Заброда Д. Г., Тихий И. В., Сапунова Т. Г.

Понятие и содержание категории «правопорядок» как сферы деятельности полиции 205

Капранова Ю. В., Овсепян Г. М.

Деятельность государственной инспекции безопасности дорожного движения МВД России как субъекта обеспечения национальной безопасности..... 213

Овсепян Г. М., Коренюгин В. В.

Методика расследования пожаров 221

Поддубняк А. А., Авдеев И. М.

Возрождение института следственных судей в РФ 227

Сафонов Д. А.

Криминалистическое мышление следователя как интеллектуальный фактор эффективности при производстве осмотра места происшествия 234

Титова К. А.

О понятии и системе принципов уголовного судопроизводства 240

Ульянова И. Р., Горбенко Т. В.

Ускоренное досудебное производство по уголовным делам: проблемы теории и практики..... 246

Шишина Е. А.

К вопросу противодействия деятельности экстремистской организации «Свидетели Иеговы» 252

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО. ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРАВО

Гаук А. М.

Правовое регулирование деятельности каналов и шлюзов реки Пиелист (Финляндия) во второй половине XIX в. 261

Кошман В. А.

Раннеформативный период Мезоамерики: формирование первичных институтов государственности и региональные особенности.....267

Миронова О. А., Максимова А. Е.

Фальсификация истории и итогов Великой Отечественной войны в законодательстве отдельных стран.....283

Новикова Т. В.

Принцип автономии воли во внедоговорных правоотношениях международного характера.....289

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО; АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС; ЗЕМЕЛЬНОЕ ПРАВО; ПРИРОДОРЕСУРСНОЕ ПРАВО; ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО; АГРАРНОЕ ПРАВО

Волков В. Ю., Макайда П. А.

Профилактика и предупреждение административных правонарушений и преступлений.....297

Волков В. Ю.

Особенности административно-правового статуса коммерческих и некоммерческих организаций.....304

Елькина Т. В., Скреля К. Ю.

Законодательное обеспечение экологического планирования в Российской Федерации.....312

Капранов А. В., Капанова Ю. В.

Сущностные и содержательные характеристики исполнительного производства как составной части административного процесса 323

Коноплев В. В., Басов А. В.

Некоторые вопросы привлечения к административной ответственности за нарушение установленных временных ограничительных мер в условиях пандемии новой коронавирусной инфекции COVID-19 331

Осяк А. Н.

Совершенствование законодательства, устанавливающего о
тветственность за нарушение порядка предоставления государственных
услуг в сфере обеспечения безопасности дорожного движения 338

Никулин М. И., Рерих Л. А.

К вопросу о реализации процессуальных гарантий прав субъектов
административных правонарушений в условиях предупреждения новой
коронавирусной инфекции (COVID-19) 345

Трифорова К. В.

Юридическая ответственность в системе механизма воздействия на
миграционные отношения 357

Цындра В. Н.

Исследование проблем формирования административно-наказательной
политики Российской Федерации в области административных наказаний:
вопросы актуализации 366

СРОЧНО В НОМЕР

Аведян А. А.

Понятие насильственных преступлений, совершаемых в отношении
сотрудников органов внутренних дел 372

Игнатов А. Н., Торопов С. А.

Особенности производства отдельных следственных действий при
расследовании преступлений экстремистской направленности и
террористического характера в условиях социальной напряженности 381

Олькова О. А.

О смысле уголовного наказания. Ответ профессора С. Г. Олькова
графу Л. Н. Толстому (120 лет спустя) 391

Семенова Е. Г.

Применение юридических конструкций взаимосвязи объектов в
рамках концепции единого объекта недвижимости 402

Наши авторы 409